UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00309450 5

Purchased for the

LIBRARY *of the*

UNIVERSITY OF TORONTO

from the

KATHLEEN MADILL BEQUEST

В. И. Масловъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

К. Ѳ. РЫЛѢЕВА.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра
Акц. О-ва печати. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго. Меринговская, 6.
1912.

В. И. Масловъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ К. Ѳ. РЫЛѢЕВА.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра
Акц. О-ва печатн. и изд. дѣла И. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, 6.
1912.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Университета Св. Владиміра.

Оттискъ изъ „Университетскихъ Извѣстій“ за 1911 и 1912 гг.

PG
3360
K8L17

LIBRARY
NOV 8 - 1968
UNIVERSITY OF TORONTO

К. Ѳ. Рылѣевъ.

(18 сент. 1795 г.—13 іюля 1826 г.).

Парилъ онъ мыслію въ высотахъ,
Судьбу вызывая грозовистъ
И воспалялъ въ молодыхъ сердцахъ
Къ общественному благу ревность."

Рылѣевъ.

Рукопись Имп. Академіи наукъ. *Арх. Рыл. I А. № 7* (автографъ).
Изъ думы „Державинъ".

Предисловіе.

Настоящая работа составилась изъ награжденнаго золотой медалью конкурснаго сочиненія на тему, предложенную въ 1907 г. Историко-Филологическимъ факультетомъ Университета Св. Владиміра, и изъ послѣдующихъ разысканій, сдѣланныхъ мною въ различныхъ книгохранилищахъ и архивахъ.

Я имѣлъ въ виду дать изслѣдованіе историко-литературнаго характера, и потому общественно-политическія отношенія Рылѣева затрагивались мною лишь настолько, насколько они отражались въ его литературной дѣятельности.

Новый матеріалъ, извлеченный изъ рукописей Имп. Публичной Библіотеки, Академіи наукъ и Спб. Университета, пролилъ свѣтъ на широкія литературныя связи и знакомства Рылѣева, установившіяся въ петербургскій періодъ его жизни (1820—26 гг.). Неизданная коллекція автографовъ поэта, переданная В. Е. Якушкинымъ въ концѣ 1909 г. въ Академію наукъ, дала обильный матеріалъ для изученія его первыхъ литературныхъ опытовъ; имъ посвящена III-я глава моей работы. Произведенія послѣдующихъ лѣтъ разсмотрѣны въ гл. IV, V и VI. Въ концѣ я говорю объ издательской дѣятельности Рылѣева, которая, хотя и не стоитъ въ непосредственной связи съ развитіемъ его творчества, однако представляетъ значительный интересъ для выясненія литературной среды, въ которой приходилось вращаться Рылѣеву.

Во вторую часть работы („Приложенія") вошли неизвѣстныя еще въ печати подлинныя и приписываемыя Рылѣеву произведенія, его переписка и нѣкоторые документы; всѣ эти матеріалы изданы

съ сохраненіемъ орѳографіи подлинниковъ, при чемъ курсивомъ обозначены слова, подчеркнутыя въ рукописяхъ, въ прямыя скобки [ ] заключены мои дополненія и поправки.

Помѣщенный въ началѣ книги портретъ Рылѣева представляетъ собою точное воспроизведеніе фотографическаго снимка, хранящагося въ Пушкинскомъ Домѣ при Академіи наукъ: несомнѣнно, этотъ снимокъ сдѣланъ былъ съ фамильнаго портрета, такъ какъ первоначально онъ хранился у родной внучки поэта Натальи Ивановны Денисьевой, урожденной Пущиной, и въ 1907 году переданъ былъ ею Б. Л. Модзалевскому, который въ свою очередь подарилъ снимокъ Пушкинскому Дому.

Виньетка на заглавномъ листѣ заимствована изъ сборника „Думъ" Рылѣева, изданнаго въ Москвѣ въ 1825 г.; на другихъ снимкахъ воспроизведены въ натуральную величину нѣкоторые его автографы и первая заглавная страница альманаха „Полярная Звѣзда на 1823 г.".

Во избѣжаніе частыхъ повтореній въ работу введены нѣкоторыя сокращенія: главнѣйшія изъ нихъ слл.:—1) *Балицкій*, т....= Собраніе сочиненій К. Ѳ. Рылѣева, изданіе «Библіотеки Декабристовъ», подъ ред. Г. Балицкаго. Тт. I—II. Москва 1906—1907.—2) Ефр.[1]=Сочиненія и переписка К. Ѳ. Рылѣева. Изданіе его дочери, подъ ред. П. А. Ефремова. Спб. 1872.—3) Ефр.[2]=то же, изд. 2-е. Спб. 1874.

При собираніи матеріаловъ и обработкѣ ихъ мнѣ приходилось обращаться ко многимъ лицамъ и пользоваться ихъ любезнымъ содѣйствіемъ.

В. И. Семевскій предоставилъ въ мое распоряженіе списанную имъ въ Государственномъ Архивѣ копію „Дѣла Рылѣева"; Б. Л. Модзалевскій облегчилъ мнѣ доступъ къ коллекціи автографовъ Рылѣева, хранившихся первоначально въ частныхъ рукахъ и переданныхъ затѣмъ въ Академію наукъ: обоимъ имъ приношу свою искреннюю благодарность, равно какъ и Академіи наукъ за разрѣшеніе пользоваться рукописями ея библіотеки.

Много обязанъ я также ближайшему руководителю моихъ занятій А. М. Лободѣ, который съ сердечнымъ участіемъ слѣдилъ за моею работою и всячески содѣйствовалъ ея выполненію.

Затѣмъ съ живѣйшей признательностью вспоминаю я поддержку, оказанную мнѣ В. Я. Адарюковымъ, П. А. Бычковымъ, С. А. Вен-

геровымъ, А. С. Крыловскимъ, В. В. Литвиновымъ, С. И. Масловымъ, В. П. Перетцомъ, В. П. Саитовымъ, В. В. Сиповскимъ, П. П. Смирновымъ, В. П. Срезневскимъ, С. П. Тройницкимъ, А. А. Шахматовымъ и П. А. Шляпкинымъ.

Наконецъ считаю своимъ долгомъ выразить глубокую благодарность Историко-Филологическому факультету Университета Св. Владиміра и главному редактору „Университетскихъ Извѣстій“ В. С. Иконникову за напечатаніе моей работы.

Кіевъ.
1912 г. 16 января.

Глава первая.

Обзоръ источниковъ и литературы.

Произведенія, изданныя при жизни Рылѣева. Судьба сочиненій Рылѣева послѣ его смерти. Интересъ къ Рылѣеву въ 1850—60-хъ гг.; заграничныя изданія его сочиненій. Статьи и замѣтки о Рылѣевѣ, появлявшіяся съ конца 1860-хъ гг. до настоящаго времени.

Имя К. Ѳ. Рылѣева становится извѣстнымъ въ печати съ 1820 г. Оставивъ военную службу и поселившись въ Петербургѣ, Рылѣевъ принялъ дѣятельное участіе въ современной литературной жизни: произведенія его стали часто появляться на страницахъ журналовъ, а нѣсколько позже вышли отдѣльными изданіями. При жизни поэта напечатаны были слѣдующія произведенія.

1820 г. *1.* Къ Временщику (Подражаніе Персіевой сатирѣ: „Къ Рубеллію"). — *2.* Къ другу. — *3.* Къ Деліи, нач.: „Опять, о Делія, завистливой судьбою..." — *4.* Тріолетъ Наташѣ. — *5.* Завѣтъ боговъ. — *6.* Эпиграмма, нач.: „Не диво, что Вралевъ такъ много пишетъ вздору..." — *7.* Надпись къ портрету одного стараго воина, умершаго отъ кровопусканія. — *8.* Эпиграмма, нач.: „Ты знаешь Ѳирса чудака..." — *9.* Эпиграмма, нач.: „Бездѣлокъ нѣсколько нашъ Бавій накропавъ .." — *10.* Романсъ. — *11.* Къ Деліи, нач.: „Почто, о Делія, съ колѣнопреклоненьемъ..." — *12.* Шарада — *13.* Еще о храбромъ М. Г. Бедрагѣ (Письмо къ редактору „Отечественныхъ Записокъ" П.П. Свиньину). Нѣкоторыя изъ этихъ произведеній подписаны: „К. Рылѣевъ", „Рылѣевъ": подъ другими стоятъ сокращенныя обозначенія: „К. Р—въ", „—ѣ—". Иногда имя автора отсутствуетъ.

№№ 1—6 въ „Невскомъ Зрителѣ", ч. IV. Послѣ сатиры „Къ Временщику" въ журналѣ напечатано за подписью *Петра Раки-*

тина стихотворение „Польской“ (Нач.: „Сыны Россіи! Чада славы!...“); въ примѣчаніи отмѣчено, что оно „написано еще въ началѣ 1814 года и доставлено издателямъ отъ друга автора. К. Ѳ. Р—ва“.—№№ *7—12* въ „Благонамѣренномъ“, №№ 5, 13, 23—24.—№ *13* въ „Отечествен. Запискахъ“, ч. IV.

1821 г. *1*. Заблужденіе.—*2*. Жестокой —*3*. Переводчику Андромахи—*4,5* Прозаическія статьи: „Провинціалъ въ Петербургѣ“ (два отрывка: „Первый выѣздъ. Магазины“ и „Древніе и новые“) и „Чудакъ“.—*6*. Переводчику Андромахи (2-ой разъ).—*7,8*. Думы: Курбскій. Святополкъ.—*9*. Посланіе къ Н. И. Гнѣдичу (Подражаніе VII посланію Депрео). *10*. Надгробная надпись (Пр. Тих. Чир-ной).—*11*. Пустыня (Къ М. Г. Бедрагѣ).

№№ *1—5* въ „Невскомъ Зрителѣ“, ч. V.—№№ *6—9* въ „Сынѣ Отечества“, чч. LXXI и LXXIV.—№№ *10—11* въ „Соревнователѣ Просвѣщенія“, чч. XII и XVI.

1822 г. Думы: *1*. Смерть Ермака.—*2*. Артемонъ Матвѣевъ. *3*. Богданъ Хмѣльницкій (текстъ напечатанъ съ невѣрнаго списка, изобилуетъ неточностями и искаженіями).—*4*. Боянъ.—*5*. Смерть Ермака (2-ой разъ).—*6*. Богданъ Хмѣльницкій (2-ой разъ, въ исправленномъ видѣ)—*7*. Святославъ.—*8*. Глинскій.—*9*. Богданъ Хмѣльницкій (3-ій разъ)—*10*. Димитрій Донской.—*11*. Державинъ.—*12*. Димитрій Самозванецъ.—*13*. Святославъ (2-ой разъ).—*14*. Олегъ Вѣщій.—*15*. Ольга при могилѣ Игоря.—*16*. Глинскій (2-ой разъ).—*17*. Волынскій.—*18*. Михаилъ Тверской.—*19*. Наталія Долгорукова.

№№ *1—3* въ „Русскомъ Инвалидѣ“, №№ 14, 35, 54.—Къ думѣ „Смерть Ермака“ сдѣлано слѣдующее примѣчаніе редактора, *А. Ѳ. Воейкова*: „Сочиненіе молодого поэта, еще мало извѣстнаго, но который станетъ рядомъ со старыми и славными“.—№№ *4—8* въ „Соревн. Просвѣщенія“, чч. XVII—XIX. №№ *9—11* въ „Сынѣ Отеч.“, чч. LXXVIII, LXXX и LXXXII.—№№ *12—19* въ „Новостяхъ Литературы“, чч. I, II и V.

Напечатанная дважды дума „Глинскій“ въ томъ же 1822 г. вышла отдѣльной брошюрой подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

Глинскій. Дума. Переводъ съ польскаго *К. Рылѣева*. Спб. Въ типографіи Имп. Воспитательнаго Дома 1822 года. Въ 8-ю д. л., 8 стр.; на оборотѣ заглавн. листа: „Изъ XIX части Трудовъ Высочайше Утвержденнаго Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности“; на сл. ненум. стр.: „Почтенному сочинителю въ знакъ душевнаго уваженія Переводчикъ“. На стр. 1—2 примѣчаніе Ры-

лѣева: „Болѣе неудачное подражаніе, нежели переводъ прекрасной думы Юліана Нѣмцевича. Глинскій, по своему вліянію на дѣла Россіи и Польши, равно принадлежитъ исторіи обоихъ сихъ Государствъ. Измѣна его Отечеству и гибельный конецъ весьма поучительны: это побудило меня сію пьесу Нѣмцевича присовокупить къ тому собранію Думъ, которое дѣлаю я, избирая предметы изъ Отечественной Исторіи. *Р*".

1823 г. *1*. Рогнѣда.—*2*. Мстиславъ Удалой.—*3*. Борисъ Годуновъ.—*4*. Иванъ Сусанинъ.—*5*. Петръ Великій въ Острогожскѣ.—*6*. Иванъ Сусанинъ (2-ой разъ)—*7*. Видѣніе (Ода на день Тезоименитства Его Имп. Высочества Вел. Кн. Александра Николаевича, 30 августа 1823 года).

№№ *1—4* въ „Полярной Звѣздѣ" на 1823 г.—№ *5* въ „Соревн. Просвѣщенія", ч. XXI.—№ *6* въ „Новостяхъ Литературы", ч. V.—№ *7* въ „Литературныхъ Листкахъ", изд. Ѳ. Булгаринымъ, № 3.

1824 г. *1—4* Отрывки изъ поэмы „Войнаровскій": „Якутскъ", „Юность Войнаровскаго", „Бѣгство Мазепы" и „Смерть Войнаровскаго".—*5*, *6*. Думы: Михаилъ Тверской (2-ой разъ). Петръ Великій въ Острогожскѣ (2-ой разъ).

№ *1* въ „Сынѣ Отечества", ч. XCI.—№№ *2—3* въ „Полярной Звѣздѣ" на 1824 г.—№ *4* въ „Соревн. Просвѣщенія", ч. XXV.—№ *5* въ „Сынѣ Отечества", ч. XCVI.—№ *6* въ „Нов. Литературы", ч. VIII.

1825 г. *1*. Смерть Ермака (3-й разъ).—*2—4*. Отрывки изъ поэмы „Наливайко": „Смерть Чигиринскаго старосты", „Кіевъ" и „Исповѣдь Наливайки".—*5*. Стансы (къ А. Б—ву).—*6*. Отрывокъ изъ поэмы „Палѣй"—*7*. В. Н. Столыпиной—*8*. Гайдамакъ.—9. Прозаическая статья: „Нѣсколько мыслей о поэзіи".

№ *1* въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" на 1825 г., изд. бар. А. Дельвигомъ. №№ *2—5* въ „Полярной Звѣздѣ" на 1825 г.—№№ *6—7* въ „Сѣверной Пчелѣ", №№ 2 и 57.—№ *8* въ „Соревн. Просвѣщенія" ч. XXX.—№ *9* въ „Сынѣ Отечества", ч. CIV.

Отдѣльными изданіями въ этомъ году вышли:

1) **Думы**. Сочиненіе К. Рылѣева. Москва. Въ типографіи С. Селивановскаго. 1825. Въ мал. 8-ю д. л.; 4 ненум.+VIII+172+1 ненум. стр. Цензурное разрѣшеніе подписано Иваномъ Давыдовымъ 22 дек. 1824 г. Въ началѣ приложена виньетка, гравированная Ал. Фроловымъ; на ней изображенъ сидящій въ глубокой задумчивости

старикъ; возлѣ него—копье и гусли; вдали возвышается городская стѣна, а за ней—заходящее за тучи солнце. Въ это изданіе вошли всѣ печатавшіяся раньше думы. Изданіе посвящено П. С. Мордвинову, отдѣльныя думы—близкимъ знакомымъ Рылѣева: А. А. В[ойк-ово]й (дума Рогнѣда), О. В. Булгарину (Мстиславъ Удалой, Михаилъ Тверской), П. А. Муханову (Смерть Ермака), Н. И. Гнѣдичу (Державинъ).

2) **Войнаровскій**. Сочиненіе К. Рылѣева. Москва. Въ Типографіи С. Селивановскаго. 1825. Въ 8-ю д. л.: XXIV+64 стр. Цензурное разрѣшеніе подписано 8 января 1825 года Николаемъ Бекетовымъ. На заглавномъ листѣ эпиграфъ:

. . . Nessum (sic!) maggior dolore
che ricordarsi del tempo felice
Nella miseria . . . . .
Dante.

На III стр.—посвященіе: „А. А. Бестужеву“, затѣмъ предисловіе (V стр.), „Жизнеописаніе Мазепы“ съ подписью А. К[орниловичъ] (стр. VII—XVII), „Жизнеописаніе Войнаровскаго“ съ подписью А. Б[естужевъ] (стр. XVIII—XXIV), текстъ поэмы (стр. 1—50) и примѣчанія къ первой ея части (стр. 51—64); ко второй части примѣчанія не приведены, хотя указанія на нихъ даны въ текстѣ поэмы. Все изданіе исполнено довольно небрежно: многіе стихи пропущены и искажены [1]).

Указанныя произведенія представляютъ собою все, что было напечатано при жизни Рылѣева; однако этимъ не ограничивалась его литературная дѣятельность: многія написанныя имъ стихотворенія по цензурнымъ условіямъ не могли появиться въ печати и расходились въ рукописяхъ (Гражданинъ, На смерть Чернова, Гражданское мужество, Пѣсни); другія самъ Рылѣевъ считалъ недостаточно обработанными и не спѣшилъ печатать ихъ; эти произ-

[1]) Подробное описаніе этого изданія сдѣлано *П. А. Ефремовымъ* въ „Сочиненіяхъ и перепискѣ К. Ѳ. Рылѣева“ (Спб. 1872, стр. 364—366) и въ „Замѣткѣ объ изданіяхъ Войнаровскаго“ („Рус. Старина“ 1871 г., т. III, стр. 519—524). См. еще по поводу этой поэмы „Рус. Стар.“ 1871 г., т. III, стр. 617—618; т. IV, стр. 568; 1872 г., т. VI, стр. 138.

веденія остались среди бумагъ поэта и были частью опубликованы уже послѣ его смерти.

Появившіяся въ печати произведенія Рылѣева не прошли безслѣдно и вызвали живые толки современныхъ критиковъ; говорили главнымъ образомъ о думахъ и поэмахъ: думы являлись новой, неизвѣстной еще у насъ формой поэтическаго творчества; „Войнаровскій“ и отрывки другихъ поэмъ Рылѣева также интересовали, какъ новый родъ лироэпической поэмы, заимствованный отъ Байрона и только начинавшій прививаться въ нашей литературѣ. Отзывы о думахъ и поэмахъ появлялись на страницахъ различныхъ періодическихъ изданій [1]).

Литературная дѣятельность Рылѣева, какъ извѣстно, прервана была декабрьскими событіями 1825 г. и послѣдовавшей вскорѣ затѣмъ смертью поэта. Съ этого времени произведенія съ его именемъ перестали появляться въ современныхъ журналахъ; однако интересъ къ нимъ не исчезъ. Такъ, *безъ имени Рылѣева* въ теченіе 1827—30 гг. напечатаны были слѣдующія его стихотворенія: 1. „Партизаны“ („Сѣверные цвѣты на 1828 г.“ Спб. 1827, стр. 55—57).—2. „На смерть Байрона“ съ датой 1825 („Альбомъ Сѣверныхъ Музъ“, изд. А. И. Спб. 1828, стр. 244—247).—3. „Палѣй“. Отрывокъ изъ неоконченной поэмы („Сѣверная Звѣзда“, Спб. 1829, стр. 25—27).—4. „Къ XX“ („Сѣверный Меркурій“ 1830 г., № 8).—5. „Въ альбомъ Т. С. К.“ (ibid., № 11).

---

[1]) О думахъ см.: 1) „Полярная Звѣзда“ на 1823 г. Въ статьѣ *А. Бестужева*: „Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи“.—2) „Сѣверный Архивъ“ 1823 г., ч. V. *Ѳ. Булгаринъ* „Краткое обозрѣніе русской литературы 1822 г.“—3) „Сынъ Отечества“ 1823 г., ч. LXXXIII, № 4. *А. Бестужевъ*. „Отвѣтъ на критику „Полярной Звѣзды“.—4) „Новости Литературы“ 1823 г., кн. IV. Замѣчаніе *кн. П. Вяземскаго* на „Обозрѣніе русской литературы 1822 г.“—5) „Сѣверная Пчела“ 1825 г., № 37. Статья *Ѳ. Булгарина*.—6) „Библіографическіе Листы“ П. Кеппена 1825 г., № 13. стр. 184—186.—7) „Соревн. Просвѣщенія“ 1825 г., ч. XXX, стр. 108—109.

Отзывы о поэмахъ: 1) „Сѣверный Архивъ“ 1823 г., № 11—2) „Литерат. Листки“, изд. Ѳ. Булгаринымъ 1824 г., ч. I, стр. 25—26.—3) „Соревн. Просвѣщенія“ 1825 г., ч. XXX, стр. 102.—4) „Полярная Звѣзда“ на 1825 г.—5) „Сѣверная Пчела“ 1825 г., № 32 Подробная рецензія *Ѳ. Булгарина*.—6) „Сынъ Отечества“ 1825 г., ч. CI, стр. 197.—7) „Московскій Телеграфъ“ 1825 г. ч. II, стр. 328.—8) „Библіограф. Листы“ П. Кеппена 1825 г., № 13.—9) „Украинскій Журналъ“ 1825 г., № 19—20.

Послѣ 1825 г. имя поэта не встрѣчается и въ нашей критической литературѣ. Политическая роль Рылѣева, какъ главнаго заговорщика и вдохновителя декабрьскаго движенія, сдѣлала имя его настолько опаснымъ, что оно надолго исчезаетъ изъ литературнаго обращенія; во всю послѣдующую эпоху царствованія Николая I никто свободно не могъ заговорить о немъ. Подпоручикъ одного эскадрона Молчановъ и капитанъ Алексѣевъ, вздумавшіе было написать стихи на смерть Рылѣева и его товарищей, были тотчасъ заключены въ тюремный замокъ въ Москвѣ (6 сент. 1826 г.) [1]).

Въ 1830 г. Максимовичъ, издавая альманахъ „Денница", напечаталъ въ немъ, между прочимъ, слѣдующее стихотвореніе Серафимы Тепловой:

Слезами горькими, тоскою
Твоя погибель почтена.
О вѣрь, о вѣрь, что надъ тобою
Стонъ скорби слышала волна!
О вѣрь, что надъ тобой почило
Прощенье, миръ, а не укоръ,
Что не страшна твоя могила
И не постыденъ твой позоръ.

Нѣкоторыя читатели увидѣли въ этихъ словахъ прямое обращеніе къ Рылѣеву. Цензура встревожилась. Много усилій стоило Максимовичу спасти свой альманахъ отъ ареста, а цензору С. Н. Глинкѣ, разрѣшившему къ печати это стихотвореніе, пришлось отсидѣть сутки на гауптвахтѣ [2]).

Наряду съ этими преслѣдованіями почитателей памяти поэта, цензура, повидимому, не обратила никакого вниманія на три думы Рылѣева,—„Наталія Долгорукова", „Димитрій Самозванецъ" и „Смерть Ермака", напечатанныя съ полнымъ именемъ автора въ альманахѣ „Венера", вышедшемъ въ 1831 г. съ разрѣшенія цензора С. Т. Аксакова. Появленіе этихъ произведеній безъ сокрытія имени Рылѣева можетъ быть объяснено только случайнымъ недосмотромъ, такъ какъ въ это время не былъ еще снятъ запретъ съ его имени

[1]) Записки неизвѣстнаго. „Рус. Арх." 1882 г., кн. I, стр. 541.
[2]) „Рус. Стар." 1871 г., т. III, стр. 73, 246.

Если кому нибудь и приходилось упоминать о Рылѣевѣ, о немъ старались говорить иносказательно, какъ объ „авторѣ Думъ“ и „авторѣ Войнаровскаго“ [1]). Общественное настроеніе было до того подавлено, что всякое напоминаніе о Рылѣевѣ вызывало страхъ и опасенія: многія думы его, совершенно невинныя въ политическомъ отношеніи, какъ напр. „Иванъ Сусанинъ“, „Петръ Великій въ Острогожскѣ“, вырѣзывались изъ старыхъ журналовъ двадцатыхъ годовъ [2]): можно было опасаться, что при такихъ обстоятельствахъ исчезнетъ скоро и память о Рылѣевѣ. Однако этого не случилось. Личность Рылѣева не прошла безслѣдно въ сознаніи современниковъ; его гражданская поэзія, какъ отзвукъ общественнаго настроенія александровской эпохи, дорога была для людей послѣдующаго времени: она живо напоминала имъ тѣ годы, когда въ обществѣ смѣло раздавался голосъ Рылѣева и взывалъ къ борьбѣ „свободы съ самовластьемъ“. Несмотря на то, что имя Рылѣева изъято было изъ литературы, память о немъ жила въ кругу лицъ, близко знавшихъ его и пострадавшихъ за общее съ нимъ дѣло. Они и сохранили для потомства образъ Рылѣева. Н. А. Бестужевъ въ первые же годы ссылки написалъ въ Петровскомъ казематѣ воспоминанія о Рылѣевѣ, которыя въ концѣ 1832 года переданы были И. А. Муханову, уѣзжавшему тогда изъ Сибири [3]); впослѣдствіи они не разъ печатались за границей, а затѣмъ въ Россіи.

Воспоминанія эти дышатъ горячей дружбой и искреннимъ участіемъ къ трагической судьбѣ поэта. Характеризуя политическое міросозерцаніе Рылѣева, Н. Бестужевъ намѣчаетъ такую схему его развитія: „Всѣ дѣйствія [Рылѣева] ознаменованы были печатью любви къ отечеству: она проявлялась въ разныхъ видахъ: сперва сыновнею привязанностію къ родинѣ, потомъ негодованіемъ къ злоупотребленіямъ и, наконецъ, развернулась совершенно въ желаніи ему свободы“. При оцѣнкѣ литературной дѣятельности Рылѣева Бе-

---

[1]) *Н. Маркевичъ.* Украинскія мелодіи. Москва. 1831, стр. 119—120. См. статью *Чупрыны (А. Котляревскаго)* въ № 41 „Моск Вѣдомостей“ за 1856 г.; *Данилевскій.* Украинская старина. Харьковъ. 1866, стр. 200.

[2]) Въ Кіевской Городской Библіотекѣ въ „Новостяхъ Литературы“ за 1822—24 гг. вырѣзаны изъ оглавленій и текста слл. думы Рылѣева: Димитрій Самозванецъ. Святославъ. Олегъ Вѣщій, Ольга при могилѣ Игоря, Наталія Долгорукова и Петръ Великій въ Острогожскѣ.

[3]) Записки *М. А. Бестужева.* „Рус. Стар.“ 1881 г., т. XXXII, стр. 631.

стужевъ ставилъ его поэзію въ нѣкоторомъ отношеніи даже выше поэзіи Пушкина. „Достоинство Рылѣева, говоритъ онъ, состоитъ въ силѣ чувствованій, въ жарѣ душевномъ. Переведите сочиненія обоихъ поэтовъ на иностранный языкъ и увидите, что Пушкинъ стоитъ ниже Рылѣева. Мыслей послѣдняго нельзя утратить въ переводѣ; прелесть слога и очаровательная гармонія стиховъ перваго потеряется“ [1]).

Другой декабристъ, кн. Е. П. Оболенскій, также написалъ воспоминанія о Рылѣевѣ и въ нихъ, подобно Н. Бестужеву, съ глубокимъ уваженіемъ отзывается о своемъ близкомъ другѣ. „Начало моего знакомства съ К. Ѳ. Рылѣевымъ, говоритъ Оболенскій, было началомъ искренней, горячей къ нему дружбы... Сблизившись съ Кондратіемъ Ѳедоровичемъ съ первыхъ дней знакомства, не могу не сказать, что ввѣрился я ему всѣмъ сердцемъ и нашелъ въ немъ ту взаимную довѣренность, которая такъ драгоцѣнна во всякомъ возрастѣ человѣческомъ, но наиболѣе цѣнится въ дни молодости, гдѣ силы души ищутъ простора, ищутъ обширнѣйшаго круга дѣятельности“ [2]).

Оба воспоминанія Н. А. Бестужева и Е. П. Оболенскаго являются весьма цѣннымъ источникомъ при изученіи жизни и дѣятельности Рылѣева; въ нихъ не только сообщаются интересныя біографическія свѣдѣнія, но и живо передается то впечатлѣніе, какое производила личность Рылѣева на современниковъ. Въ этомъ отношеніи интересны также отзывы товарища Рылѣева по корпусу декабриста барона Розена и посвященное Рылѣеву стихотвореніе Кюхельбекера: первый не разъ вспоминаетъ о немъ въ своихъ „Запискахъ“. „Вся жизнь [Рылѣева], говоритъ онъ, отъ самаго выпуска изъ 1-го Кадетскаго Корпуса въ конную артиллерію дышала любовью къ отечеству. Прочтите его сочиненія: вы повсюду найдете эту любовь, готовую принять всѣ муки адскія лишь бы быть полезнымъ своей странѣ родной! Читайте думу „Волынскій“, „Исповѣдь Наливайки“, поэму „Войнаровскій“, вы въ нихъ услышите и увидите самаго Рылѣева“ [3]).

[1]) *Н. Бестужевъ.* Воспоминанія о К. Ѳ. Рылѣевѣ. См. *Балицкій*, т. I, стр. 21, 34.

[2]) Воспоминанія кн. *Е. П. Оболенскаго.* Ibid., т. II, стр. 20.

[3]) Записки Декабриста. Лейпцигъ 1870. стр. 119.

В. К. Кюхельбекеръ въ стихотвореніи „Тѣнь Рылѣева“ описалъ явленіе образа поэта узнику, томившемуся въ „ужасныхъ стѣнахъ“ Шлиссельбургской крѣпости. Явившаяся тѣнь Рылѣева обращается къ узнику съ такими словами:

Несу товарищу привѣтъ
Изъ той страны, гдѣ нѣтъ тирановъ,
Гдѣ вѣченъ миръ, гдѣ вѣчный свѣтъ,
Гдѣ нѣтъ ни бури, ни тумановъ.
Блаженъ и славенъ мой удѣлъ:
Свободу русскому народу
Могучимъ гласомъ я воспѣлъ,
Воспѣлъ и умеръ за свободу:
Счастливецъ, я запечатлѣлъ
Любовь къ землѣ родимой кровью!
И ты, я знаю, пламенѣлъ
Къ отчизнѣ чистою любовью:
Грядущее твоимъ очамъ
Разоблачу я въ утѣшенье...
Повѣрь, не жертвовалъ ты снамъ:
Надеждамъ будетъ исполненье [1]).

Замолкнувшія послѣ 1825 г. сужденія о Рылѣевѣ возобновились въ нашей литературѣ съ середины 1850-хъ годовъ. Реакція послѣднихъ лѣтъ царствованія имп. Николая прекратилась со вступленіемъ на престолъ Александра II. Неудачи, понесенныя въ крымской кампаніи, вызвали рѣзкое осужденіе прежней политики и заставили правительство вступить на путь реформъ. Начавшееся освободительное движеніе измѣнило подавленное до тѣхъ поръ настроеніе русскаго общества: оно оживилось. Вмѣстѣ съ общественнымъ подъемомъ обнаруживается въ это время интересъ къ эпохѣ декабристовъ, въ частности и къ Рылѣеву: къ нему обращаются главнымъ образомъ, какъ къ политическому дѣятелю, и въ поэзіи его ищутъ преимущественно гражданскихъ мотивовъ.

[1]) Собраніе стихотвореній декабристовъ. Изд. П. П. Фомина. Томъ II. Москва 1906. стр. 23—24.

Rileieff, писалъ въ 1858 г. А. И. Герценъ, est peut-être le plus remarquable des membres de la Société du Nord. C'est le Schiller de la conspiration, l'élément exalté, adolescent, poétique, l'élément Girondin dans la meilleure acception du mot. Son poëme de Voinarowski (du temps de Mazeppa), ses légendes populaires, ont de grandes beautés. Sa poésie est pleine d'une résignation mélancolique. Pas de grandes espérances, mais un grand dévouement. Il va aux travaux forcés ou à la mort: il le sait, mais il demande: „Où donc avez-vous vu qu'on ait conquis la liberté sans victimes?"—„Je sais", dit le cosaque Naliwaiko au prêtre qui le confesse, „je sais ce qui m'attend, mais je bénis mon sort avec joie!"—Voila Rileieff tout entier. Quoique le dictateur élu fût le prince Troubetzkoi, c'était Rileieff qui, vers la fin de 1825, était le véritable chef de la societé [1]).

Становясь подъ одно знамя борьбы, Герценъ заимствуетъ отъ Рылѣева названіе для своего журнала („Полярная Звѣзда") и издаетъ въ немъ много матеріаловъ и статей, относящихся къ декабристамъ. „Русское періодическое изданіе, писалъ онъ въ предисловіи къ первой книжкѣ журнала, исключительно посвященное вопросу русскаго освобожденія и распространенію въ Россіи свободнаго образа мыслей, принимаетъ это названіе, чтобы показать непрерывность преданія, преемственность труда, внутреннюю связь и кровное родство" [2]).

Память о Рылѣевѣ дорога была для либерально настроенной части русскаго общества: на немъ воспитывалось слѣдовавшее за декабристами поколѣніе, которое въ дѣятельности Рылѣева видѣло образецъ высокаго гражданскаго подвига. Объ этомъ можно судить по слѣдующимъ словамъ Н. Огарева:

Рылѣевъ былъ мнѣ первымъ свѣтомъ...
Отецъ! По духу мнѣ родной—
Твое названье въ мірѣ этомъ
Мнѣ стало доблестнымъ завѣтомъ
И путеводною звѣздой!

---

[1]) La conspiration russe de 1825 par *Iscander* (*A. Herzen*). Londres 1858 p. 19.

[2]) „Полярная Звѣзда на 1855 г.", изд. 2, кн. 1, Лондонъ. 1858, стр. III

Мы стихъ твой вырвемъ изъ забвенья,
И въ первый вольный русскій день
Въ виду младого поколѣнья
Возстановимъ для поклоненья
Твою страдальческую тѣнь [1]).

Въ 1856 году написано было стихотвореніе, направленное противъ Якова Ростовцева: авторъ его жестоко нападаетъ на отшатнувшагося отъ своихъ друзей декабриста и вспоминаетъ при этомъ трагическую смерть Рылѣева, съ которымъ Ростовцевъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ [2]). Теплыя строки, посвященныя здѣсь Рылѣеву, цитата изъ его поэмы „Наливайко" очень характерны для общественнаго настроенія 1850—60-хъ гг., когда въ Рылѣевѣ видѣли „честь и красу народа", цѣнили въ немъ борца за политическую свободу своей родины и въ его поэзіи искали главнымъ образомъ гражданскихъ мотивовъ.

Возникшій въ обществѣ интересъ къ Рылѣеву вызвалъ цѣлый рядъ заграничныхъ изданій его сочиненій: послѣднія появлялись въ журналахъ и сборникахъ, посвященныхъ русскому освободительному движенію, и выходили также отдѣльными изданіями. Вмѣстѣ съ произведеніями Рылѣева за границей печатались различные матеріалы для его біографіи. Приводимъ краткій перечень всей этой литературы.

— „Гражданинъ", ода „Гражданское мужество", ода „Видѣніе" (отрывки).—„Полярная Звѣзда на 1856 г.", кн. II, изд. 2, Лондонъ 1858, стр. 27—32; здѣсь же (на стр. 9—11) помѣщены подъ общимъ заглавіемъ „Стихотворенія Рылѣева и Бестужева" слл. пѣсни: „Ахъ, гдѣ тѣ острова...", „Ай, и скучно мнѣ..." (неполный текстъ), „Царь нашъ..."; (кромѣ того, съ именемъ Кюхельбекера здѣсь напечатано принадлежащее Рылѣеву стихотвореніе „На смерть Чернова" [3]).

---

[1]) „Памяти Рылѣева" *Н. Огарева.* Думы. Стихотворенія К. Рылѣева. Съ предисловіемъ Н. Огарева. Изданіе Искандера. Лондонъ 1860. Перепеч. *Балицкій.* т. II. стр. 2.

[2]) „Якову Ростовцеву". Лютня II. Потаенная литература XIX столѣтія. Лейпцигъ 1874. стр. 94—95.

[3]) Черновой набросокъ этого стихотворенія, писанный рукой Рылѣева, сохранился среди бумагъ Ѳ. В. Булгарина. Поправки и перемарки указываютъ.

— Войнаровскій, поэма К. Рылѣева. Берлинъ 1857. Ferdinand Schneider. Въ 8-ю д. л.; 55+1 ненум. стр. На послѣдней страницѣ: въ тип. Шультца въ Берлинѣ.

— тоже, изд. 2, Берлинъ 1857; на посл. стр.: печатано въ тип. Тровича и сына. Отъ предыдущаго это изданіе отличается только шрифтомъ; во всемъ остальномъ (текстъ, размѣръ и число страницъ) оно вполнѣ совпадаетъ съ нимъ.

— Стихотворенія К. Рылѣева. Берлинъ 1857. Ferdinand Schneider. Въ 8-ю д. л.: 44 стр. На посл. стр.: печ. въ тип. Шультца въ Берлинѣ. Кромѣ думъ — „Волынскій", „Борисъ Годуновъ", „Димитрій Самозванецъ", „Глинскій",—здѣсь изданы: 3 отрывка изъ поэмы „Наливайко"(„Кіевъ", „Смерть чигиринскаго старосты", „Исповѣдь Наливайки"), ода „Гражданское мужество" и „Стансы" (къ А. Б--ву).

— Стихотворенія К. Рылѣева. Второе изданіе, пополненное. Берлинъ 1858. Ferdinand Schneider. Въ 8-ю д. л.; 42+2 ненум стр.; на посл. стр.: печ. въ тип. Шультца въ Берлинѣ. Сравнительно съ изданіемъ 1857 г. здѣсь добавлены стихотвореніе „Гражданинъ" и ода „Видѣніе" (отрывки).

— Поэма „Войнаровскій"; отрывки изъ поэмы „Наливайко": „Кіевъ", „Смерть Чигиринскаго старосты"; „Исповѣдь Наливайки". думы: „Волынскій", „Борисъ Годуновъ", „Димитрій Самозванецъ", „Глинскій"; оды: „Гражданское мужество", „Видѣніе" (отрывки); „Стансы" (къ А. Б—ву), „Гражданинъ."—Русская Библіотека. Томъ I. Собраніе стихотвореній Пушкина, Рылѣева, Лермонтова и другихъ лучшихъ авторовъ. Лейпцигъ. Вольфгангъ Гергардъ. Gesammte Gedichte von Pouschkin, Rilejeff, Lermontoff etc. Leipzig. Wolfgang Gergard. 1858. Въ 8-ю д. л.: VII+272 стр.: на посл. стр.: Наумбургъ, въ тип. Г. Пецъ. Произведенія Рылѣева на стр. 37—116.

— Думы К. Рылѣева. Берлинъ 1859. Ferdinand Schneider. Въ 8-ю д. л: 82 стр.: на посл. стр.: печ. въ тип. Г. Пеца въ Наумбургѣ. Въ изданіе вошли слл. думы: „Державинъ", „Святославъ",

по мнѣнію П. А. Ефремова, что самъ Рылѣевъ былъ авторомъ, а не переписчикомъ этого произведенія. Ефр.[1], стр. 548.

„Димитрій Самозванецъ“, „Петръ Великій въ Острогожскѣ“, „Димитрій Донской“, „Рогнѣда“, „Мстиславъ Удалой“, „Олегъ Вѣщій“, „Ольга при могилѣ Игоря“, „Михаилъ Тверской“, „Волынскій“, „Наталья Долгорукова“, „Боянъ“, „Глинскій“, „Курбскій“, „Борисъ Годуновъ“ и „Артемонъ Матвѣевъ“.

— Думы. Стихотворенія К. Рылѣева. Съ предисловіемъ Н. Огарева. Изданіе Искандера. Лондонъ 1860. Въ типографіи Свентославскаго. Въ 32-ю д. л. Дословная перепечатка изданія 1825 г.; добавлена только дума „Видѣніе Анны Іоанновны“, не пропущенная цензурой при первомъ изданіи. Къ изданію дано „Предисловіе“ Н. Огарева; здѣсь же помѣщены стихотворенія: „Памяти Рылѣева“ Н. Огарева и „Къ друзьямъ русскимъ“ А. Мицкевича (польскій текстъ и русскій прозаическій переводъ)[1]).

— Сочиненія К. Рылѣева I. Думы. II. Войнаровскій. III. Разныя стихотворенія. Берлинъ 1860. Ferdinand Schneider. Въ 8-ю д. л.: VI+179+1 ненум. стр.; на посл. стр.: печ. въ тип. Г. Пеца въ Наумбургѣ. Въ отдѣлъ разныхъ стихотвореній здѣсь отнесена дума „Видѣніе Анны Іоанновны“; изъ другихъ произведеній въ этомъ отдѣлѣ помѣщены: „Гражданинъ“, оды—„Гражданское мужество“ и „Видѣніе“, сатира „Къ Временщику“, отрывки изъ поэмы „Наливайко“, „Стансы“ (къ А. Б—ву) и пѣсни: „Ахъ, гдѣ тѣ острова...“, „Ай, и скучно мнѣ...“, „Царь нашъ...“

— Войнаровскій, поэма К. Ѳ. Рылѣева. Изданіе третье. Берлинъ 1861. Ferdinand Schneider. Въ 8-ю д. л.; 67+1 ненум. стр.; на посл. стр: печ. въ тип. Г. Петца въ Наумбургѣ Текстъ поэмы здѣсь полнѣе, чѣмъ въ предыдущихъ изданіяхъ 1857 года.

— Переписка Рылѣева съ А. Пушкинымъ (8 писемъ Рылѣева и два—Пушкина) „Полярная Звѣзда на 1861 г.“, кн. VI, Лондонъ 1861, стр. 33—40, 76 и сл. При письмахъ Рылѣева находится слѣдующее примѣчаніе: „Списаны съ копіи, находящейся у С. Д. П. и сдѣланной симъ послѣднимъ съ самаго оригинала. С. Д. П. нѣсколько разъ просилъ у Пушкина этихъ писемъ для того, чтобы списать ихъ. Пушкинъ все отказывался, обѣщаясь подарить ему

---

[1]) Этого изданія мы не имѣли подъ руками; свѣдѣнія о немъ заимствуемъ изъ Собр. соч. Рылѣева, изд. въ 1861 г. въ Лейпцигѣ.

самыя письма. Разъ за игрою П. ставилъ 1.000 р. асс. и предлагалъ Пушкину противъ этой суммы поставить письма Рылѣева. Въ первую минуту Пушкинъ было согласился, но тотчасъ же опомнился, воскликнувъ: „Какая гадость! Проиграть письма Рылѣева въ банкъ! Я подарю вамъ ихъ!“ Но Пушкинъ все откладывалъ исполненіе своего обѣщанія, такъ что П. рѣшился перехватить ихъ у него и списалъ. Послѣ этого Пушкинъ все еще не отступался отъ намѣренія подарить ихъ ему, но, какъ говоритъ П., вѣроятно все забывалъ“.

Изъ другихъ матеріаловъ, касающихся Рылѣева, въ „Пол. Звѣздѣ на 1861 г.“ помѣщены: 1) Воспоминанія о Рылѣевѣ П. А. Бестужева. 2) Анна Федоровна Рылѣева, изъ записокъ Декабриста. 3) Казнь 14 іюля 1825 г. (sic!), со словъ присутствовавшаго по службѣ при казни.

— Стихотворенія, писанныя Рылѣевымъ въ крѣпости: 1) „Мнѣ тошно здѣсь, какъ на чужбинѣ...“ и 2) „О милый другъ, какъ внятенъ голосъ твой...“ Оба стихотворенія напечатаны въ Воспоминаніяхъ кн. Е. П. Оболенскаго. См. „Будущность“ (L'Avenir). Парижъ 1861. №№ 9—12.

— Библіотека русскихъ авторовъ. Томъ I. Полное собраніе сочиненій К. Ѳ. Рылѣева. Лейпцигъ. F. A. Brockhaus. 1861. Въ 8-ю д. л.; XX+393 стр. Съ портретомъ и автографомъ Рылѣева. На стр. III—XII предисловіе издателя Л. Л. Л.; здѣсь, между прочимъ, отмѣчено, что въ изданіи собраны „всѣ сочиненія Рылѣева, какъ печатныя, такъ и рукописныя, *отъ*ыстьи*тельно* ему принадлежащія.“ Изъ бумагъ дочери Рылѣева взято только нѣсколько стихотвореній, наиболѣе цѣнныхъ въ художественномъ отношеніи („Къ NN“, „Повѣрь, я знаю ужъ, Дорида“, отрывки стихотвореній „Пустыня“, „Путешествіе на Парнасъ“ и „Посланіе къ К—му“); все остальное, не представлявшее по мнѣнію издателя поэтическихъ достоинствъ, не вошло въ изданіе. Изъ другихъ произведеній Рылѣева здѣсь находятся: 22 думы, съ посвященіемъ Н. С. Мордвинову и съ историческими примѣчаніями, поэмы, мелкія стихотворенія политическаго и любовнаго характера, эпиграммы, посланія, пѣсни, составленныя Рылѣевымъ и А. Бестужевымъ, прозаическія статьи и письма къ Пушкину. Въ числѣ произведеній Рылѣева здѣсь изданы слд. стихотворенія: 1) „Свободы гордой вдохно-

вепье...“ 2) „Тюрьма мнѣ въ честь, не въ укоризну ..“ 3) „Посланіе къ друзямъ.“ Первое изъ нихъ обыкновенно приписывается Языкову; послѣднее принадлежитъ В. Ѳ. Раевскому и написано имъ въ Тираспольской крѣпости въ 1822 г. Кромѣ того, въ изданіи находятся два посвященныя Рылѣеву стихотворенія („Памяти Рылѣева“ Н. Огарева и отрывокъ стих-ія А. Мицкевича „Къ друзьямъ русскимъ“, на польск. и рус. языкахъ) и слл. матеріалы для его біографіи: 1) „Воспоминанія Н. Бестужева“ (начало перепечатано изъ „Пол. Звѣзды на 1861 г.“; конецъ, по заявленію издателя, изданъ здѣсь въ первый разъ), 2) „Воспоминанія кн. Е. П Оболенскаго“, 3) Выдержки изъ Записокъ Н. И. Г[ре]ча (съ пропускомъ рѣзкихъ отзывовъ о Рылѣевѣ), 4) Выдержки изъ Записокъ М. А. Б[естуже]ва; 5) „Казнь 14 іюля 1825 года, со словъ присутствовавшаго по службѣ при казни“. Въ концѣ отмѣчены произведенія, напечатанныя впервые въ изданіи, и приведенъ библіографическій списокъ произведеній Рылѣева, появлявшихся въ печати съ 1820 по 1861 гг.

— Стихотворенія К. Ѳ. Рылѣева съ его жизнеописаніемъ. Лейпцигъ. Вольфгангъ Гергардъ. Центральный книжный магазинъ для славянскихъ странъ. 1862. Въ 8-ю д. л.; XXIII+227+3 ненум. стр. На обложкѣ годъ и мѣсто изданія отличаются отъ указанныхъ на загл. л.: 1888. Наумбургъ, въ типографіи Г. Петца. Біографическій очеркъ составленъ П. Фуксомъ: на стр. XIX—XXIII, находится разсказъ очевидца о казни (безъ имени автора). Кромѣ думъ, Войнаровскаго и мелкихъ произведеній Рылѣева, съ его именемъ напечатаны здѣсь слл. стихотворенія: „Свободы гордой вдохновеніе...“, „Тюрьма мнѣ въ честь—не въ укоризну...“, „Посланіе къ друзьямъ“ (нач.: „Завѣса упала... въ узахъ я!...“), „Краса природы! Совершенство!“

— Собраніе стихотвореній декабристовъ. Лейпцигъ, F. A. Brockhaus 1862. Съ именемъ Рылѣева напечатаны слл. произведенія: „Александру I“, „Узникъ“, „Посланіе къ женѣ“ (1826), Пѣсня (Нач.: „Ужъ какъ шелъ кузнецъ...“); здѣсь же издано стихотвореніе Н. Коншина „Рылѣеву“.

— Думы. Историческія стихотворенія К. Ѳ. Рылѣева. (Полное изданіе). Лейпцигъ. Э. Л. Каспровичъ. Въ 32-ю д. л.: 176 стр. На посл. стр : Наумбургъ, въ типографіи Г. Петца. Въ изданіе вошли 22 думы съ историческими примѣчаніями.

То же. Изд. 2-е, 1874.

То же. Изд. 3-ье.

То же. Изд. 4-е, 1879[1]).

— Въ сборникѣ Лютня I съ именемъ Рылѣева напечатаны слл. стихотворенія и пѣсни: „Александру I", „Видѣніе", „Глинскій", „Гражданинъ", „Курбскій", „Гражданское мужество", „Смерть Ермака", „Узникъ", „Ахъ, гдѣ тѣ острова...", „Ахъ ты, с.с., проклятый становой...", „А и скучно мнѣ...", „Ужъ какъ шелъ кузнецъ..", „Царь нашъ..." [2]).

— ,,Видѣніе'', ,,Гражданинъ'', ,,Гражданское мужество'', ,,Къ Временщику''.— Лютня II. Потаенная литература XIX столѣтія. Лейпцигъ. 1874. Изданіе Э. Л. Каспровичъ.

Международная библіотека, т. XXXIII. Отголоски 14 декабря 1825 г. Лейпцигъ, Э. Л. Каспровичъ. Sine anno. Съ именемъ Рылѣева здѣсь изданы: ,,Александру I'' (1821), ,,Узникъ'' (нач: ,,Не слышно шуму городского"), ,,Посланіе къ женѣ'' (нач.: ,,Ударитъ часъ, часъ смерти роковой''. 1826). Пѣсня (нач.: ,,Ужъ какъ шелъ кузнецъ...'').

— Матеріалы для біографіи К. Ѳ. Рылѣева. Лейпцигъ, Э. Л. Каспровичъ Materialen zur Biographie K. F. Ryleew. Leipzig E. L. Kasprowicz. 1875. Въ 8-ю д. л.; 130 стр., на посл. стр.: въ тип. Г. Петца въ Наумбургѣ. Въ изданіе вошли сл. матеріалы:—1) ,,Памяти Рылѣева'' Н. Огарева, 2) Воспоминанія о К. Ѳ. Рылѣевѣ Н. Бестужева, 3) Воспоминанія о Рылѣевѣ [кн. Е. П. Оболенскаго],—4) Выдержки изъ записокъ М. А. Б[естуже]ва.—5) Казнь 14 іюля 1825 г.—6) Анна Федоровна Рылѣева, изъ записокъ Декабриста.—7) Письма Рылѣева къ А. Пушкину (8 писемъ).

Международная библіотека, т. VII. Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина въ письмахъ къ Рылѣеву, Бестужеву и др. Лейпцигъ. Э. Л. Каспровичъ. Materialen zur Bio-

[1]) Изданія 1874 и 1879 гг. ничѣмъ не отличаются отъ перваго изданія 1872 г.; съ 3-мъ изданіемъ намъ не удалось ознакомиться.

[2]) Мы имѣли возможность ознакомиться только съ 6 изданіемъ сборника, имѣющимъ сл. заглавіе: Лютня I Собраніе свободныхъ русскихъ пѣсенъ и стихотвореній. Лейпцигъ. Изданіе 6 (sine anno).

graphie von A. S. Puschkin. Leipzig. E. L. Kasprowicz. 1875. Печатано въ тип. Пеца въ Наумбургѣ. Здѣсь изданы два письма Пушкина къ Рылѣеву—отъ 25 янв. (1825 г.) и другое—безъ даты, начинающееся словами: ,,Думаю, что ты уже получилъ замѣчанія мои на Войнаровскаго...''

— Войнаровскій и запрещенныя стихотворенія К. Ѳ. Рылѣева. Шо-де-фонъ, Ф. И. Бутурлинъ 1880. Rylejew, Wojnarowski und verbotene Gedichte. Въ 32-ю д. л.; 146 стр.: на посл. стр.: Веймаръ, въ тип. Г. Ушмана. Думы не вошли въ это изданіе; кромѣ Войнаровскаго, здѣсь напечатаны слл. стихотворенія: „Для меня" (Нач.: „Тюрьма мнѣ въ честь—не въ укоризну..." 1826), ,,Она'' (Нач.: ,,Краса природа! Совершенство!...''), ,,Посланіе къ друзьямъ" (Нач.: ,,Завѣса пала!—Въ узахъ я!..." 1826), „Россія" (Нач.: ,,Свободы гордой вдохновенье...'' 1824).

— То же. Изд. 2. Лейпцигъ. Э. Л. Каспровичъ. (На обложкѣ: Шо-де-фонъ. 1880). Въ 32-ю д. л.; 146 стр.; на посл. стр.: Веймаръ, въ тип. Г. Ушмана. Изданіе ничѣмъ, кромѣ загл. листа, не отличается отъ предыдущаго.

Заграничныя изданія сочиненій Рылѣева имѣли въ виду ознакомить русское общество главнымъ образомъ съ гражданскими мотивами его поэзіи; этимъ объясняется неполнота ихъ и односторонность въ подборѣ матеріала. Необходимо также отмѣтить, что многія изъ этихъ изданій составлялись, повидимому, спѣшно, безъ достаточной критики вошедшихъ туда произведеній; вслѣдствіе этого въ нихъ печатались часто стихотворенія, вовсе не принадлежащія Рылѣеву. Къ послѣднимъ относятся:

1) Посланіе къ друзьямъ, нач.: „Завѣса пала!... въ узахъ я!...'' Стихотвореніе В. Ѳ. Раевскаго.

2) Узникъ, нач.: ,,Не слышно шуму городского...''—А. Полежаева [1]).

---

[1]) Подъ загл. „Пѣснь узника" это стихотвореніе было напечатано въ альманахѣ „Венера". Москва 1831, ч. I, стр. 36—38. См. „Рус. Стар." 1871 г., т. III, стр. 72, 246; Ефр. [2], стр. 339.

3) Она, нач.: „Краса природы, совершенство!...“

4) Посланіе къ женѣ, нач.: „Ударитъ часъ, часъ смерти роковой!...“

5) Россія, нач.: „Свободы гордой вдохновенье...“ Н. М. Языкова.

6) Для меня, нач.:„ Тюрьма мнѣ въ честь—не въ укоризну...“

Въ нѣкоторыхъ заграничныхъ изданіяхъ напечатана была съ именемъ Рылѣева ода Александру I; русскій издатель его сочиненій, П. А. Ефремовъ, относитъ эту оду къ числу только приписываемыхъ Рылѣеву произведеній [1]); въ дѣйствительности же, она несомнѣнно принадлежитъ ему: въ этомъ убѣждаетъ насъ стилистическая критика этого произведенія. Общій тонъ стихотворенія вполнѣ гармонируетъ съ гражданской поэзіей Рылѣева; нѣкоторыя мысли и выраженія, встрѣчающіяся здѣсь, разсѣяны и въ другихъ, подлинныхъ его произведеніяхъ; при этомъ сходство бываетъ столь близкимъ, что многія фразы совпадаютъ почти дословно. Для примѣра приведемъ нѣсколько отрывковъ этой оды и параллельно къ нимъ отмѣтимъ сходныя мѣста изъ другихъ произведеній Рылѣева.

Дума „Державинъ“.

На перекоръ судьбѣ и року
Вездѣ онъ явный врагъ пороку.

Ода „Александру I“.

Но не прошла еще пора,
На перекоръ судьбѣ и року,
Какъ прежде быть *твориомъ добра*
И грознымъ одному пороку.

Дума „Борисъ Годуновъ“

И съ той поры державный Годуновъ,
Перенося гоненья рока,
Творилъ добро, былъ подданнымъ покровъ
И врагъ лишь одного порока.

Ода „Видѣніе“

Благотворить—героевъ цѣль...

Твой долгъ—благотворить народу...

[1]) Ефр.[1], стр. 339.

Земля потомковъ Ѳемистокла
Костьми сыновъ удобрена
И кровью греческой промокла.

А. П. Ермолову.

Уже въ отечествѣ *потомковъ Ѳемистокла*
Повсюду подняты свободы знамена;
Геройской кровію уже земля намокла
И трупами враговъ удобрена.

Въ числѣ произведеній Рылѣева за границей изданы были сл., составленныя въ народномъ духѣ пѣсни: „Ай, и скучно мнѣ"..., „Ахъ, гдѣ тѣ острова..." „Царь нашъ .." „Ахъ ты, с. с., проклятый становой...", „Ужъ какъ шелъ кузнецъ..." Изъ всѣхъ этихъ пѣсенъ Рылѣеву несомнѣнно принадлежитъ только первая „Ай, и скучно мнѣ...": подлинная рукопись ея сохранилась при дѣлѣ Рылѣева въ Государственномъ Архивѣ [1]); пѣсня-пародія „Ахъ, гдѣ тѣ острова..." долгое время приписывалась Рылѣеву и печаталась не только въ заграничныхъ, но и въ русскихъ изданіяхъ его сочиненій; въ дѣйствительности же авторомъ ея является А. С. Пушкинъ: это видно изъ письма его къ кн. Веземскому отъ 1-го сент. 1828 г.: „Я продолжалъ образъ жизни, воспѣтый мною такимъ образомъ: „А въ ненастные дни [2])". Что касается остальныхъ пѣсенъ, напечатанныхъ въ заграничныхъ изданіяхъ съ именемъ Рылѣева, вопросъ объ ихъ принадлежности ему не можетъ быть рѣшенъ въ ту или другую сторону за отсутствіемъ опредѣленныхъ указаній. Изъ свидѣтельствъ Н. А. Бестужева [3]), Н. И. Греча [4]) и изъ показаній самого Рылѣева на судѣ видно, что имъ было составлено нѣсколько пѣсенъ, но какія именно—неизвѣстно. Въ показаніи кн. Е. П. Оболенскаго есть упоминаніе, что подобныя пѣсни писались не однимъ авторомъ, а цѣлой компаніей, при чемъ каждый куплетъ сочиняло отдѣльное лицо [5]).

А. А. Бестужев Марлин

---

[1]) Пѣсня издана *А. Бороздинымъ* въ сборникѣ „Изъ писемъ и показаній декабристовъ". Спб. 1906, стр. 195—196.

[2]) Сочиненія *Пушкина*. Изд. Имп. Ак. наукъ. Переписка, т. II Спб. 1908, стр. 74. Ср. еще письмо Пушкина къ брату (1824 г., январь): „Мнѣ bene тамъ, гдѣ растетъ трынъ-трава, братцы".

[3]) *Балицкій*, т. I, стр. 25.

[4]) *Н. Гречъ*. Записки о моей жизни. Спб. 1886, стр. 433.

[5]) *В. И. Семевскій*. Полит. и общ. идеи декабристовъ. Спб. 1909. стр. 260.

Вслѣдъ за заграничными изданіями и въ Россіи сдѣланы были попытки издать сочиненія Рылѣева. Упоминаніе о первой такой попыткѣ находится въ письмѣ Дм. Кропотова къ женѣ Рылѣева, отъ 12-го іюня 1860 г. Кропотовъ сообщаетъ здѣсь, что онъ вступился за права наслѣдниковъ поэта и съ своей стороны приложилъ всѣ усилія, чтобы разстроить предполагавшееся безъ ихъ вѣдома изданіе сочиненій Рылѣева. По этому поводу онъ писалъ Натальѣ Михайловнѣ: „чтобы задержать изданіе сочиненій Кондратія Ѳедоровича человѣкомъ, неиспросившимъ Вашего разрѣшенія, я ѣздилъ къ Предсѣдателю Цензурнаго Комитета и просилъ его вступиться за Ваши и Вашего семейства права... Въ настоящее время, главное дѣло заключается, кромѣ защиты правъ Вашихъ на изданіе, въ исходатайствованіи дозволенія печатать сочиненія“. Это первое посмертное изданіе Кропотовъ просилъ поручить ему. „Я бы желалъ, писалъ онъ въ томъ же письмѣ, чтобы Вы предоставили мнѣ честь быть первымъ издателемъ сочиненій Кондратія Ѳедоровича. Я его зналъ лично, хотя и былъ еще ребенкомъ: сидя на его колѣняхъ, игралъ съ нимъ, наконецъ видѣлъ его въ послѣдній разъ вмѣстѣ съ Вами, когда мы ѣздили въ Петропавловскую крѣпость. Я живо помню его воздѣтыя къ небу руки и печальный долгій взглядъ, которымъ онъ провожалъ насъ передъ вѣчной разлукой съ нами... Давнишнія, почти родственныя отношенія моихъ родителей съ матушкой Кондратія Ѳедоровича и съ Вами даютъ мнѣ право просить Васъ предоставить мнѣ эту почетную довѣренность. Я бы полагалъ необходимымъ приложить въ началѣ книги біографическій очеркъ его жизни. Для этого уже сдѣлано мною начало и собрано много интересныхъ свѣдѣній. Имѣю даже его автографъ подъ заглавіемъ „Къ Наташѣ“. Приложеніе портрета въ настоящее время невозможно, по причинамъ, которыя мнѣ, какъ цензору, извѣстны. Итакъ, въ случаѣ Вы предоставите мнѣ одно первое изданіе, то я предлагаю Вамъ за него тысячу двѣсти рублей серебромъ...“ [1]).

Однако изданіе Кропотова, неизвѣстно въ силу какихъ причинъ, не состоялось. Можетъ быть, родные поэта не согласились на предложенныя имъ условія; возможно также, что встрѣтились и цензурныя затрудненія; послѣднія предвидѣлъ и самъ Кропотовъ, упо-

[1]) См. Приложенія, стр. 112. 113.

миная о нихъ въ томъ же письмѣ къ Н. М. Рылѣевой [1]). Въ Россіи до конца 1860-хъ годовъ имя Рылѣева все еще считалось опаснымъ и, если приходилось упоминать о немъ, прибѣгали къ обычнымъ сокращеніямъ: „К. Р“., „К. Р—въ“. Такія обозначенія находимъ подъ слл стихотвореніями Рылѣева, появившимися въ русскихъ журналахъ въ 1861 г.: 1. Элегія, нач.: „Исполнились мои желанья...“ 2. Элегія, нач.: „Покинь меня, мой юный другъ...“ („Рус. Слово“ № 4, стр. 42, 50). 3. „Прими, прими. святой Евгеній...“ 4. „Мнѣ тошно здѣсь, какъ на чужбинѣ...“ 5. „О милый другъ, какъ внятенъ голосъ твой...“ 6. „Когда душа изнемогала...“ 7. „Повѣрь, я знаю ужъ, Дорида...“ („Библіограф. Записки“ № 14, стр. 417; № 19, стр. 581—583, 585). Случайно, повидимому, ускользнула отъ вниманія цензуры замѣтка А. Грена съ письмомъ Рылѣева къ Баратынскому, гдѣ имя поэта напечатано полностью („Петерб. Вѣстникъ“ 1861 г., № 14, стр. 314).

Только въ 1868 г. въ запискахъ Н. И. Греча говорится о Рылѣевѣ открыто, безъ всякихъ сокращеній; при этомъ дана очень рѣзкая его характеристика [2]). Гречъ представилъ Рылѣева человѣкомъ необразованнымъ, слабоумнымъ фанатикомъ, который и самъ не зналъ, чего хотѣлъ.—„Какова была цѣль Рылѣева?“—задаетъ себѣ вопросъ Гречъ. „Онъ и самъ ея не зналъ. Учрежденіе ли конституціоннаго правленія, водвореніе ли республики — только бы пошумѣть, подраться, пролить кровь и заслужить статью въ газетахъ, а потомъ въ исторіи... Рылѣевъ былъ не злоумышленникъ, не формальный революціонеръ, а фанатикъ, слабоумный человѣкъ, помѣшавшійся на пунктѣ конституція... Откуда залѣзли въ него либеральныя идеи? Прочіе заговорщики воспитаны были за границей, читали иностранныя книги и газеты, а этотъ неучъ... откуда набрался вздору“? Изъ книги «Сокращенная библіотека», составленной для кадетъ учителемъ корпуса, даровитымъ, но пьянымъ Желѣзниковымъ... Заманчивыя идеи либерализма, свободы, равенства, республиканскихъ доблестей ослѣпили молодого, необразованнаго человѣка...» Свою характеристику Гречъ заканчиваетъ такимъ общимъ положеніемъ: «можно сказать, что [Рылѣевъ] погибъ отъ несваренія въ желудкѣ неразжеванной либеральной пищи». Въ этомъ цинич-

---

[1]) Ibid., стр. 112.

[2]) Изъ записокъ Н. И. Греча. „Рус. Вѣстн“. 1868 г., № 6, стр. 377—385.

номъ отзывѣ Греча попытка объяснить либеральный образъ мыслей Рылѣева чтеніемъ книги Желѣзникова является весьма наивной: какъ современникъ и лицо, близко знавшее поэта, Гречъ сознательно игнорировалъ условія, вліявшія на развитіе его политическаго міросозерцанія (заграничная жизнь въ 1814—15 гг., литературная и общественная среда, въ которой вращался Рылѣевъ) и все свелъ къ школьной хрестоматіи, либеральныя идеи которой «ослѣпили необразованнаго» Рылѣева и довели въ концѣ концовъ его до висѣлицы...

Вскорѣ послѣ появленія записокъ Греча въ томъ же журналѣ напечатаны были воспоминанія о Рылѣевѣ Дм. Кропотова; послѣдній рѣшительно возстаетъ противъ нападокъ Греча и съ помощью фактическихъ данныхъ пытается опровергнуть многія изъ его обвиненій [1]).

Такимъ образомъ, къ концу 1860-хъ гг. явилась возможность заговорить въ печати о Рылѣевѣ. Съ этого времени, особенно въ 1870—80-хъ годахъ, произведенія его стали часто появляться въ „Русской Старинѣ", „Русскомъ Архивѣ" и др. современныхъ изданіяхъ; нѣкоторыя изъ нихъ издавались по подлиннымъ рукописямъ поэта, другія представляли перепечатку прежнихъ изданій. Въ дѣлѣ публикаціи рукописей Рылѣева много сдѣлали П. А. Ефремовъ, П. Бартеневъ (издатель „Русскаго Архива") и В. Е. Якушкинъ. Первый разобралъ подлинныя бумаги Рылѣева, принадлежавшія Ѳ. В. Булгарину, послѣ смерти котораго онѣ достались его сыновьямъ (Б. Ѳ. и В. Ѳ. Булгаринымъ) и сообщены были послѣдними при посредствѣ Т. А. Сосновскаго въ редакцію „Русской Старины". Приведенныя въ порядокъ и подготовленныя къ печати П. А. Ефремовымъ рукописи эти опубликованы были въ журналѣ въ теченіе 1870—1871 гг.:

— Дума „Голова Волынскаго" („Рус. Стар.", 1870 г., т. II, стр. 524—526).

— Письма Рылѣева къ Ѳ. В. Булгарину: 1) отъ 20 іюня 1821 г., изъ г. Острогожска, съ думой „Курбскій", 2) отъ 8 августа 1821 г.,

[1]) *Дм. Кропотовъ.* Нѣсколько свѣдѣній о Рылѣевѣ. „Русскій Вѣстникъ", 1869 г., № 3, стр. 229—245. По поводу записокъ Греча и воспоминаній Кропотова см. замѣтку *Дм. Завалишина* („Древняя и Новая Россія" 1876 г., № 10, стр. 211—212). Въ запискахъ Греча Завалишинъ отмѣчаетъ „невообразимую путаницу и цѣлый рядъ невѣрныхъ данныхъ": у Кропотова также встрѣчаются неточности и анахронизмы.

изъ сл. Подгорной, 3) безъ даты; изъ текста письма видно, что оно писано въ декабрѣ 1825 г. въ Спб.—Неизданныя думы: „Вадимъ», „Владиміръ Святой“, „Мароа Посадница“ и „Яковъ Долгорукій“.—Варіанты и черновые наброски напечатанныхъ думъ: „Петръ Великій въ Острогожскѣ“ (съ исторической замѣткой Рылѣева объ этомъ городѣ), „Артемонъ Матвѣевъ“, „Наталія Долгорукова“, „Державинъ“.—Посланія, эпиграммы и др. стихотворенія: «Посланіе къ А. А. Бестужеву», Эпиграмма на австр. императора Франца I, ода „Гражданское мужество“, отрывки поэмъ подъ загл.: «Гайдамакъ» (со многими варіантами), „Палѣй“ и «Исповѣдь Наливайки» (ibid., 1871 г., т. Ш, стр. 64—113) [1]).

Кромѣ автографовъ Рылѣева изъ коллекціи Булгарина, Ефремовъ издалъ въ „Русской Старинѣ“ нѣсколько подлинныхъ его рукописей, принадлежащихъ разнымъ лицамъ:

1) Ода „Гражданское мужество“, по рукописи В. Е. Якушкина.—2) „Стихотвореніе на смерть сына“, по рукописи Н. И. Пущина.—3-4) „Державинъ“, „Предсмертное стихотвореніе Рылѣева“, по рукописямъ дочери поэта, Ан. К. Пущиной (1871 г., т. IV, стр. 562—570).—5) Дума „Волынскій“, по рукописи издателя [2]).—6-10) „Къ К-му“, „Къ NN“, „Къ Деліи“, „Счастливая перемѣна“, „Нечаянное счастье“, по рукописямъ А. К. Пущиной (1872 г., т. V, стр. 62—67, 758 и сл.)—11) „А. П. Ермолову“, по рукописи А. К. Пущиной (1877 г., т. XVIII, стр. 359—360).

На страницахъ того же журнала Ефремовъ перепечаталъ много произведеній изъ прежнихъ изданій 1820-хъ годовъ:

Войнаровскій, поэма въ двухъ частяхъ. Съ черновыми набросками и замѣткой объ изданіяхъ (1871 г. т. Ш, стр. 485—524).

---

[1]) Изъ коллекціи Булгарина воспроизведены были фотолитографіей нѣкоторые отрывки подлинныхъ рукописей Рылѣева; см. ихъ въ Сборникѣ снимковъ съ автографовъ русскихъ дѣятелей 1801—1825 гг.“ Изданіе редакціи „Русской Старины“ и Ѳ. К. Опочинина. Спб. 1873. Въ первомъ отдѣлѣ сборника на стр. 32, 38 и 52 находятся снимки со слѣдующихъ автографовъ Рылѣева: 1) Черновой набросокъ поэмы „Войнаровскій“ (начало). 2) Отрывокъ изъ думы „Минихъ“. 3) Конецъ думы „Голова Волынскаго“. Печатный текстъ этихъ произведеній данъ во второмъ отдѣлѣ сборника (стр. 56—59), дума „Голова Волынскаго“ издана здѣсь въ полномъ видѣ.

[2]) Автографъ этотъ хранится теперь въ библіотекѣ „Пушкинскаго Дома“ при Имп. Академіи наукъ.

Варіанты къ поэмѣ указаны по подлинной рукописи изъ коллекціи Булгарина.

Думы:—„Глинскій“, „Смерть Ермака“, „Богданъ Хмѣльницкій“, „Дмитрій Донской“, „Борисъ Годуновъ“, „Димитрій Самозванецъ“, „Мстиславъ Удалой“, „Михаилъ Тверской“.—2 отрывка изъ поэмы „Наливайко“: „Кіевъ“ и „Смерть Чигиринскаго старосты“.—„Къ Временщику“.—„В. Н. Столыпиной“ (1872 г., т. V, стр. 270—282, 640—646, 758—766).—„Партизаны“, „Пѣсня Партизанская“ (1877 г., т. XVIII, стр. 361—362). Кромѣ того въ „Русск. Старинѣ“ напечатаны были Ефремовымъ приписываемый Рылѣеву разсказъ «Возмущеніе стараго лейбъ-гвард. Семеновскаго полка» (по рукописи А. Н. Аѳанасьева), письма къ нему родителей и А. С. Пушкина. (1871 г., т. IV, стр. 533—548; 1875 г., т. XIV, стр. 70—74; 1882 г., т. XXXIII, стр. 449—464).

Изъ другихъ произведеній Рылѣева въ «Русской Старинѣ» были изданы:

«Посланіе къ А. А. Бестужеву» 1822 г., сообщилъ М. А. Бестужевъ.—«Шарада», перепеч. изъ «Благонамѣреннаго» 1820 г., № 23-24.—«На рожденіе Я. Н Бедраги» 1821 г., по списку М. А. Веневитинова, записанному имъ со словъ самаго Я. Н. Бедраги.—Ода «Видѣніе», перепеч. изъ № 3 «Литер. Листковъ» Ѳ. Булгарина за 1823 г.—«На смерть Байрона», перепеч. изъ „Альбома Сѣв. Музъ“ на 1828 г.—Поэма „Кулакіада“, сообщ. М. И. Кудрявцевъ (1870 г., т. II, стр. 88—90, 96; 1871 г., т. IV, стр. 80; 1872 г., т. V, стр. 419—422; т. VI, стр. 439—440; 1896 г., т. LXXXV, стр. 506—510).

Другой изслѣдователь рукописей Рылѣева, П. Бартеневъ, издалъ коллекцію его бумагъ, принесенную въ 1863 г. въ даръ предводителемъ острогожскаго дворянства Фирсовымъ Чертковской библіотекѣ (при Истор. Музеѣ въ Москвѣ)[1]. Бумаги эти опубликованы были въ 19 вып. „Русск. Архива“ и вошли затѣмъ въ историческій сборникъ „Девятнадцатый вѣкъ“ (кн. I. Москва 1872, стр. 362—375);

[1]) Въ настоящее время, по наведеннымъ нами справкамъ, въ Чертковской библіотекѣ не оказалось бумагъ Рылѣева; нѣтъ указаній на нихъ и въ инвентарной описи библіотеки. Однако, въ нач. 1870-хъ годовъ эти бумаги были тамъ, и ими пользовался П. А. Ефремовъ при изданіи сочиненій Рылѣева. См. Ефр.[1], стр. 377.

здѣсь изданы: 1) Переписка Рылѣева: письма его—къ отцу (1812 г.) и къ Булгарину: письма къ Рылѣеву—Булгарина (1823 г.) и неизвѣстнаго лица. 2) Думы—„Царевичъ Алексѣй" и „Видѣніе импер. Анны" 3) стихотворный набросокъ, нач.: „Жена отъ страху поблѣднѣла"...—Съ разрѣшенія дочери поэта Бартеневъ напечаталъ 8 писемъ Рылѣева къ Пушкину и, кромѣ того, издалъ еще: 1) „Воспоминанія о Рылѣевѣ" кн. Е П. Оболенскаго,—2) Бумаги о поединкѣ Новосильцова съ Черновымъ" (всѣхъ бумагъ три; на третьей—обозначено, что она писана рукой Рылѣева).—3) „К. Ѳ. Рылѣевъ", изъ записокъ Н. А. Бестужева.—4) „По поводу воспоминаній о Рылѣевѣ" Е. Я[кушкина] [1]).

Интересный матеріалъ, сообщенный Бартеневымъ, встрѣченъ былъ въ обществѣ очень сочувственно. По отзыву на его сборникъ можно судить, съ какимъ интересомъ относились въ это время къ Рылѣеву и его поэзіи. „Это былъ, писалъ рецензентъ о Рылѣевѣ, безспорно одинъ изъ благороднѣйшихъ людей своего времени, но страстно увлекавшійся мечтатель, несильный въ познаніи людей. Настоящее поприще его, къ которому онъ былъ призванъ отъ рожденія, была литература, и въ ней онъ могъ бы сдѣлаться не только замѣчательнымъ писателемъ самъ по себѣ, но писателемъ съ благотворнымъ вліяніемъ на своихъ собратовъ. Достаточно прочесть его письма къ Пушкину, помѣщенныя въ этомъ изданіи, чтобы судить, какъ здраво и вѣрно смотрѣлъ онъ на задачи искусства. Рылѣеву посчастливилось въ послѣднее время и относительно его поэтической дѣятельности: почти всѣ стихотворенія его напечатаны въ 1870—71 г г. въ Русской Старинѣ и теперь въ „Девятнадцатомъ вѣкѣ" и при томъ гораздо исправнѣе, чѣмъ въ заграничномъ изданіи 1861 г. (Лейпцигъ, у Брокгауза). Въ статьѣ „По поводу воспоминаній о К. Ѳ. Рылѣевѣ" Е. Я. говоритъ, что „къ изданію произведеній Рылѣева не можетъ быть никакихъ препятствій. Правда, Рылѣевъ былъ признанъ судомъ государственнымъ преступникомъ и понесъ наказаніе, но въ его напечатанныхъ сочиненіяхъ нѣтъ ничего преступнаго. Стихотворенія его проникнуты глубокимъ патріотическимъ чувствомъ, были напечатаны подъ надзоромъ строгой цензуры; въ настоящее время они не могутъ ни въ

---

[1]) Девятнадцатый вѣкъ. Истор. сборникъ, изд. П. Бартеневымъ. Кн. 1, Москва 1872, стр. 312—361.

какомъ случаѣ считаться ни опасными, ни вредными". Позволимъ себѣ сказать больше: многія стихотворенія Рылѣева могли бы имѣть благотворное воспитательное значеніе для юношества, возбуждая въ немъ патріотическія чувства, любовь къ родинѣ и къ славнымъ дѣяніямъ предковъ. Ни одинъ изъ нашихъ поэтовъ такъ удобно не ложится въ хрестоматіи, какъ Рылѣевъ, и если бы не имя его, то стихотворенія его учились бы наизусть всѣми подростающими поколѣніями" [1]).

Въ 1888 г. В. Е. Якушкинъ опубликовалъ на страницахъ „Вѣстн. Европы" и „Рус. Старины" автографы Рылѣева изъ коллекціи А. И. Ивановскаго [2]), именно: письма его къ матери (отъ 28 февр. 1814 г., изъ Дрездена), Нѣмцевичу (изъ Петербурга, январь 1823), Дельвигу (5 окт., годъ не указанъ) и къ неизвѣстному (въ Москву, по поводу дѣлъ Рос.-Амер. Компаніи); различныя замѣтки, планы и программы сочиненій Рылѣева; черновые наброски думъ о Вадимѣ, Державинѣ и Меньшиковѣ; отрывки поэмъ: „Кулакіада", „Мазепа" и „Наливайко"; черновикъ элегіи „Къ NN", стихотвореніе „На смерть Байрона"; переводъ польской сатиры Ѳ. В. Булгарина „Путь къ счастію". Изъ той же коллекціи В. Е. Якушкинъ издалъ по подлинникамъ нѣсколько писемъ къ Рылѣеву—отъ Нѣмцевича

[1]) „Вѣстникъ Европы" 1872 г., январь, стр. 407—403.

[2]) А. И. Ивановскій—литераторъ 1820-хъ гг.; въ 1828 г. онъ издалъ альманахъ „Альбомъ Сѣверныхъ Музъ", гдѣ среди произведеній другихъ декабристовъ напечаталъ и стихотвореніе Рылѣева „На смерть Байрона" (безъ имени автора). Вращаясь въ современныхъ литературныхъ кружкахъ, Ивановскій хорошо былъ знакомъ съ А. Бестужевымъ, Корниловичемъ, А. Пушкинымъ, Гречемъ, Булгаринымъ и др. Въ 1825—26 гг. онъ принималъ участіе въ слѣдственной комиссіи, учрежденной по дѣлу о декабристахъ, затѣмъ служилъ по государственной полиціи при Бенкендорфѣ. Покидая въ 1829 г. службу, Ивановскій сохранилъ у себя небольшое собраніе документовъ, интересныхъ для него, какъ автографы знакомыхъ ему писателей; здѣсь были собраны главнымъ образомъ бумаги, принадлежавшія декабристамъ. Отъ Ивановскаго эта коллекція поступила къ А. А. Шахматову и долгое время хранилась въ его библіотекѣ (въ имѣніи Губаревкѣ Саратовскаго уѣзда), пока его дочерью не была передана В. Е. Якушкину для разбора и публикаціи. Гдѣ теперь находятся бумаги Ивановскаго—неизвѣстно. По словамъ В. Е. Якушкина, владѣлица ихъ, Е. А. Шахматова, собиралась передать всю коллекцію въ Радищевскій Музей въ Саратовѣ („Рус. Стар." 1888 г. окт., стр. 157). По этому поводу мы обращались съ запросомъ къ завѣдующему Музеемъ и получили отвѣтъ, что въ настоящее время никакихъ рукописей Рылѣева въ Музеѣ не имѣется.

(изъ Варшавы, отъ 30-го окт. 1822 г.) Каховскаго, Величка, Н. А. Маркевича (изъ с. Туровки, 1825 г.) и 22 письма разныхъ лицъ къ А. Бестужеву и Рылѣеву, какъ издателямъ „Полярной звѣзды“ [1]).

Накопившійся матеріалъ далъ возможность издать сочиненія Рылѣева въ болѣе полномъ видѣ сравнительно съ изданіями 1825 года и заграничными. Первое такое изданіе предприняла дочь Рылѣева Анастасія Кондратьевна Пущина вмѣстѣ съ П. А. Ефремовымъ: оно вышло въ 1872 г. подъ заглавіемъ: Сочиненія и переписка Кондратія Ѳедоровича Рылѣева. Изданіе его дочери, подъ ред. П. А. Ефремова. Спб. 1872. Въ 8-ю д. л.; X+382 стр. Въ предисловіи редакторъ сообщилъ, между прочимъ, о причинахъ, побудившихъ дочь поэта издать сочиненія отца. „Въ послѣднее десятилѣтіе неоднократно было заявлено нашей печатью о необходимости изданія сочиненій Рылѣева, которое бы пополнило собою пробѣлъ, остающійся въ ряду изданныхъ сборниковъ произведеній русскихъ поэтовъ. При этомъ замѣчено было, что сочиненія Рылѣева, не имѣя ничего общаго съ его политической дѣятельностью, принадлежатъ къ чисто-литературнымъ и при томъ замѣчательнымъ по таланту произведеніямъ... Эти заявленія русской печати побудили дочь покойнаго поэта, Анастасію Кондратьевну Пущину приступить къ изданію сочиненій ея отца. По просьбѣ ея мы собрали почти все, напечатанное до сихъ поръ съ именемъ Рылѣева, устранивъ только часть первоначальныхъ, весьма слабыхъ его опытовъ въ стихахъ и прозѣ; провѣрили все съ сохранившимися подлинными рукописями и взяли изъ послѣднихъ нѣсколько произведеній, еще не бывшихъ въ печати. Къ этому мы присоединили переписку поэта, какъ матеріалъ для будущаго его біографа [2])“...

Изданіе 1872 г. быстро разошлось и черезъ два года было повторено: Сочиненія и переписка Кондратія Ѳедоровича Рылѣева. Изданіе второе его дочери, подъ ред. П. А. Ефремова Спб. 1874. Въ 8-ю д. л.; X+346. Это изданіе мало чѣмъ отличается отъ предыдущаго: въ немъ добавлено только письмо къ Рылѣеву отъ Н. С. Зубковскаго, исправленъ текстъ

---

[1]) „Вѣстн. Европы“ 1888 г., кн. 11 и 12; „Рус. Стар.“ 1888 г., окт.-дек.; 1889 г., февраль.

[2]) Ефр[1]., стр. VII—VIII.

„Войнаровскаго", согласно указаніямъ „Любителя Старины" [1]) и измѣнены нѣкоторыя библіографическія примѣчанія (на стр. 322, 325, 330, 334, 336 и др.). Оба изданія дочери поэта исполнены весьма тщательно и до сихъ поръ являются наиболѣе цѣнными въ научномъ отношеніи. Единственнымъ недостаткомъ этихъ изданій является излишняя щепетильность въ выборѣ матеріала. Многія произведенія Рылѣева, изданныя еще при жизни поэта, не вошли сюда; другія напечатаны съ сокращеніями. Изъ рукописей Рылѣева къ изданію привлечены весьма немногія, хотя онѣ въ значительномъ количествѣ были подъ руками издателей [2]).

Изданія 1872 и 1874 гг. встрѣчены были у насъ съ большимъ интересомъ: въ нѣсколькихъ газетахъ и журналахъ появились лестные о нихъ отзывы [3]). При этомъ нѣкоторые рецензенты отмѣчали не столько поэтическія достоинства произведеній Рылѣева, сколько доблестный и благородный характеръ ихъ автора. „Такихъ поэтовъ, какъ Рылѣевъ, было много, писалъ одинъ изъ нихъ, но такихъ людей—очень мало." [4]) Другой такъ характеризовалъ его: „Преданный, любящій сынъ, нѣжный и заботливый супругъ и отецъ, неизмѣнный другъ своимъ друзьямъ, Рылѣевъ былъ весь благородство и и увлеченіе. Любовь къ родинѣ воодушевляла все его нравственное существо. За политическія ошибки свои и заблужденія, приведшія его къ мятежу, Рылѣевъ заплатилъ трагическою смертью, которую, видно, самъ искалъ и самъ на себя накликалъ. Увлекаемый самыми чистыми, благородными порывами самоотверженія Рылѣевъ, выгораживая друзей и соучастниковъ, принималъ все на себя, выставлялъ себя главнѣйшимъ двигателемъ тайнаго общества и умышленно преувеличивалъ важность своей роли, какъ агитатора." [5])

---

[1]) См. его замѣтку въ „Рус. Стар." 1872 г., т. VI, стр. 458.

[2]) Кромѣ автографовъ Рылѣева, принадлежащихъ его дочери, въ распоряженіи издателей находились рукописи поэта изъ коллекціи Ѳ. В. Булгарина и подлинныя его бумаги, принадлежавшія Чертковской библіотекѣ при Истор. Музеѣ въ Москвѣ.

[3]) См. „Рус. Стар." 1872 г., №№ 8 и 10; 1875 г., № 5; „Голосъ" 1872 г. № 40; „Моск. Вѣдомости" 1872 г., № 191; „Иллюстр. Газета" 1872 г., № 24; „Вѣстн. Европы" 1872 г., № 8.

[4]) С. Библіографическая замѣтка. „Моск. Вѣдомости" 1872 г., № 191

[5]) „Рус. Старина" 1872 г., № 8 (на обложкѣ).

Послѣ 1874 г. изданіе сочиненій Рылѣева временно прекратилось и только въ 1893 году редакція „Сѣвера“, давая въ приложеніяхъ къ журналу собранія сочиненій русскихъ писателей к. XVIII и нач. XIX вв., помѣстила въ XI томѣ „Библіотеки Сѣвера“:

— Сочиненія К. Ѳ. Рылѣева, изданныя подъ редакціей М. Н. Мазаева. Съ біографическимъ очеркомъ и примѣчаніями. Спб. 1893. Изданіе Евг. Евдокимова. Въ 8-ю д. л.; XX+183 стр. Это изданіе, повидимому, было продано Я. Соколову, который, измѣнивши только заглавный листъ, выпустилъ его спустя два года подъ своимъ именемъ:

— Сочиненія К. Ѳ. Рылѣева, изданныя подъ редакціей М. Н. Мазаева. Съ біографическимъ очеркомъ и примѣчаніями. Изданіе книгопродавца Я. Соколова. Спб. 1895. Въ 8-ю д. л.; XX+183 стр. Редактированное М. Н. Мазаевымъ изданіе значительно полнѣе изданій дочери поэта: здѣсь помѣщенъ и тотъ матеріалъ, который въ 1888 г. опубликованъ былъ В. Е. Якушкинымъ на страницахъ „Вѣстника Европы“ (№№ 11 и 12).

Въ это же время появились еще сл. изданія:

— Сочиненія и переписка Кондратія Ѳедоровича Рылѣева. Изданіе газеты „Правда“, подъ ред. П. Н. Подлигайлова. Тт. I—II Спб. 1893. Въ 8-ю д. л.; 128+168 стр. На загл. листѣ II-го тома добавлено: „Книга Правды за февраль 1893 г. Безплатное приложеніе газеты Правда“. Цензурное разрѣшеніе подписано въ Спб. 29 янв. 1893 г. Въ I-мъ томѣ въ предисловіи редактора сообщены краткія біографическія свѣдѣнія о Рылѣевѣ и затѣмъ напечатаны: Думы, Эпиграммы, Отрывки и наброски, Изъ думы „Минихъ“, Изъ „Наливайко“. Во II-ой т. вошли: Поэмы, Оды и посланія, Мелкія стихотворенія, Отрывки и наброски, Переписка К. Ѳ. Рылѣева.

— К. Ѳ. Рылѣевъ. Думы и поэмы. Спб. (1893). Въ мал. 8-ю, д. л. [1]); 194+2 ненум. стр. Изданіе А. Суворина „Дешевая библіо-

---

[1]) Нѣкоторые экземпляры, напечатанные на веленевой бумагѣ, имѣютъ бо́льшій форматъ.

тека", № 147. Новые отрывки поэмъ, опубликованные В. Е. Якушкинымъ въ „Вѣстн. Европы", не вошли въ это изданіе.

— Сочиненія К. Ѳ. Рылѣева. Поэмы. Изданіе книгопродавца Ф. А. Іогансона въ Кіевѣ. (1893) Библіотека „Крошка" № 68. Въ 32-ю д. л.; 269 стр. Въ изданіе вошли поэмы: „Войнаровскій" (съ посвященіемъ А. Бестужеву, жизнеописаніями Войнаровскаго и Мазепы, съ историч. примѣчаніями къ поэмѣ). три отрывка изъ поэмы „Наливайко" („Кіевъ", „Смерть чигир. старосты" и „Исповѣдь Наливайки") и два—подъ загл.: „Гайдамакъ", „Палѣй)".

— Сочиненія К. Ѳ. Рылѣева. Думы. Изданіе книгопродавца Ф. А. Іогансона въ Кіевѣ (1893). Библіотека „Крошка". Въ 32-ю д. л.

Послѣ этихъ изданій снова наступилъ временный перерывъ и интересъ къ сочиненіямъ Рылѣева проявился лишь въ наши дни. Подсказанный не столько научными, сколько публицистическими стремленіями, интересъ этотъ вызванъ былъ событіями современной жизни. Начавшееся съ конца 1904 г. движеніе сблизило наше время съ эпохой декабристовъ; въ лицѣ послѣднихъ стали видѣть первыхъ представителей революціоннаго движенія въ Россіи. Портреты Рылѣева и Пестеля печатаются въ это время въ одной группѣ съ Балмашевымъ, Сазоновымъ, лейтенантомъ Шмидтомъ и украшаются надписями, въ родѣ слѣдующей:

Слава борцамъ за народное дѣло.
Слава героямъ отчизны родной,
Слава отдавшимъ и душу, и тѣло
Вѣчной свободѣ и правдѣ святой! [1])

[1]) Такую надпись вмѣстѣ съ группой портретовъ намъ приходилось встрѣчать на исполненныхъ фототипіей почтовыхъ бланкахъ для открытыхъ писемъ: здѣсь подъ стихами изображенъ еще терновый вѣнокъ и въ немъ годы: „1825/1906". Въ бо́льшихъ размѣрахъ эта же группа исполнена литографскимъ способомъ на открытомъ листѣ: „*Борцы за свободу*" (серія первая). Имя издателя не обозначено; на об. листа находится сл. помѣта: „Издательство: Спб. Верейская 8, кв. 1. Типографія Я. Балянскаго".

Наиболѣе проникнутыя гражданскимъ чувствомъ произведенія Рылѣева („Исповѣдь Наливайки", „Гражданинъ" и др.) въ цѣломъ видѣ и въ отрывкахъ издаются въ различныхъ сборникахъ стихотвореній [1]) и во многихъ брошюрахъ, посвященныхъ декабристамъ [2]).

Кромѣ того, произведенія Рылѣева появлялись въ послѣднее время въ сл. изданіяхъ:

— Собраніе сочиненій и переписка К. Ф. Рылѣева съ его портретомъ и біографіей. Спб. 1906. Изданіе И. Балашова. Въ 8-ю д. л.; 347 стр. Вошедшія сюда сочиненія первоначально напечатаны были С. Сухонинымъ во „Всемірномъ Вѣстникѣ" за 1905 г. Изданіе Балашова ниже всякой критики: оно исполнено на плохой макулатурной бумагѣ съ массой ошибокъ. Половина страницъ въ книгѣ осталась необозначенной. Распредѣленіе матеріала носитъ случайный характеръ: въ отдѣлъ одъ и посланій отнесены шарада, романсъ, эпиграммы. Небрежность изданія до того велика, что одно и то же стихотвореніе „Къ Каховскому" напечатано на стр. 168—169 и снова повторено безъ окончанія на стр. 240. Къ изданію приложены „Разсказъ очевидца о казни" и безграмотно написанная Фуксомъ біографія Рылѣева [3]).

— К. Ф. Рылѣевъ. Войнаровскій. Поэма. Изданіе И. Балашова „Новая Правда". Спб. 1906. Въ 8-ю д. л.; 39 стр.

[1]) Впередъ. Сборникъ стихотвореній. Составилъ М. Л. Изд. Н. Е. Парамонова „Донская Рѣчь" въ Р. на Дону. Пѣсни свободы, изд. „Библіотеки для всѣхъ" (О. Н. Рутенберга и А. Жуковой) Спб. 1905. Русская Муза. П. Я., изд. „Русскаго Богатства". Спб. 1904, (2-ое изд. Спб. 1907). Избранныя произведенія русской поэзіи Бончъ-Бруевича. 2 изд. Спб. 1907.

[2]) *Кирикъ Левинъ*. Декабристы. Спб. 1906. *Кайдановъ*. Декабристы. Изд. „Дон. Рѣчи". *В. Якушкинъ*. Декабристы, кто они были и чего хотѣли. Изд. „Народное Право". 1906. *А. Герценъ* Заговоръ 1825 года. Изд. „Исторія". *Пругавинъ*. Петропавловская крѣпость (Декабристы). Изд. „Дон. Рѣчи". *Звягинцевъ*. Общественное движеніе въ Россіи въ нач. XIX в. Изд. „Дон. Рѣчи". См. также: *С. Сватиковъ*. Изъ исторіи общественныхъ движеній въ Россіи. 1700—1895 г. Изд. „Дон. Рѣчи". 1906. *Тверская*. Царствованіе Александра I и возстаніе декабристовъ. Спб. 1907 (На обложкѣ портреты Рылѣева, Пестеля и А. Бестужева).

[3]) Отзывъ объ изданіи И. Балашова см.: Былое 1906 г., февр., стр. 303—304.

Поэма издана безъ эпиграфа, посвященія А. Бестужеву и жизнеописанія Мазепы.

— К. Ф. Рылѣевъ. Возмущеніе стараго лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка 1820 г. Изданіе И. Балашова „Новая Правда", книга первая. (Спб.) 1906. Въ 8-ю д. л.; 16 стр. Принадлежность этой статьи Рылѣеву до сихъ поръ еще не установлена; несомнѣнно, она писана въ той средѣ, гдѣ вращался Рылѣевъ; въ ней высказываются мысли, очень близкія ко взглядамъ нѣкоторыхъ декабристовъ и весьма сходныя съ тѣми, какія имѣли на это событіе кн. П. А. Вяземскій, А. И. Тургеневъ [1]), кн. Е. П. Оболенскій [2]).

Кромѣ И. Балашова, нѣкоторыя сочиненія Рылѣева издалъ И. Ѳоминъ въ Собраніи стихотвореній декабристовъ. Т. I, Москва 1906, стр. 43—196 (съ портретомъ и біографіей Рылѣева [3]).

Въ концѣ 1906 г. Г. Балицкій приступилъ къ изданію „Библіотеки Декабристовъ"; задачей своей онъ поставилъ собрать воедино богатое литературное наслѣдство, оставленное намъ декабристами и разсѣянное въ мало доступныхъ журналахъ и заграничныхъ изданіяхъ. Въ первый и третій выпуски „Библіотеки" вошли сочиненія Рылѣева, подъ заглавіемъ: Собраніе сочиненій К. Ѳ. Рылѣева. Изданіе „Библіотеки Декабристовъ", т. I Москва 1906 г., т. II Москва 1907. Въ 8-ю д. л.; (192+II)+(6 ненум.+201 стр.) Источниками для изданія Балицкаго послужили: заграниц. изданія сочиненій Рылѣева (Лейпцигъ. 1861 г.), русское изданіе 1874 г., изданіе подъ ред. Мазаева 1893 г., статьи Якушкина и Ефремова о Рылѣевѣ („В. Евр." 1888, №№ 11—12. „Рус. Стар." 1872 г. №№ 1—6), „Пол. Звѣзда" Герцена 1856—1862 гг. и др. Библіографическія примѣчанія заимствованы гл. образомъ у Ефремова (изъ изданія 1874 г.). Къ сочиненіямъ Рылѣева приложены два портрета его (одинъ изъ коллекціи Сомова, другой изъ „Альбома Пушкинской выставки"), и автографъ стихотворенія „Гражданинъ" (изъ собранія рукописей В. Е. Якушкина).

[1]) Остафьевскій архивъ кн. Вяземскихъ, т. II. Спб. 1899, стр. 90—91.

[2]) См. Воспоминанія кн. Е. П. Оболенскаго. *Балицкій*, т. II, стр. 32.

[3]) Рецензіи на изданіе И. Ѳомина см. въ слл. журналахъ и газетахъ 1906 г.: „Рус. Мысль" № 3; „Міръ Божій," т III; „Истор. Вѣстникъ," т. VIII; „Современность," № 2; „Былое," № 2; „Извѣстія кн. маг. Т-ва М. О. Вольфъ," № 5; „Рус. Вѣдомости," № 49 (статья Н. О. Кони).

Кромѣ того, здѣсь изданы: 1) Стихотворенія Мицкевича и Огарева, посвященныя Рылѣеву.—2) Воспоминанія о Рылѣевѣ Н. Бестужева и кн. Е. П. Оболенскаго.—3) Статья А. И. Герцена: „Заговоръ 1825 г.“.—4) Статья Г. Балицкаго: „Поэзія гражданской борьбы“.—5) Приговоръ Верховнаго Уголовнаго Суда.—6) Всеподданнѣйшее донесеніе о казни декабристовъ.—7) Увѣдомленіе коменданта объ оставшихся послѣ смерти Рылѣева 535 р. асс.—8) Воспоминанія современниковъ о казни декабристовъ.—9) Изъ показаній Рылѣева [1]).—10) Свѣдѣнія изъ формулярнаго списка.—11) Библіографическія свѣдѣнія объ изданіяхъ сочиненій Рылѣева и статьяхъ, посвященныхъ ему.

Несмотря на значительный матеріалъ, привлеченный въ изданіе Балицкаго, послѣднее не лишено нѣкоторыхъ дефектовъ: оно сдѣлано очень спѣшно, со многими ошибками; особенно часто онѣ встрѣчаются въ сноскахъ и примѣчаніяхъ къ тексту [2]); источники издаваемаго матеріала во многихъ мѣстахъ не указаны [3]). Переписка Рылѣева представлена далеко неполной: нѣтъ писемъ къ нему Н. А. Маркевича, П. А. Муханова, Каховскаго, Величка, изданныхъ въ „Рус. Стар.“ (1888 г., №№ 11 и 12; 1889 г., № 2); по небрежности, вѣроятно, не напечатаны во II томѣ бумаги о дуэли Новосильцова съ Черновымъ, хотя ссылка на нихъ дана (т. I, стр. 178) [4]), нѣтъ также статьи Рылѣева объ Острогожскѣ [5]), поэмы „Кулакіада“ [6]), жизнеописанія Мазепы, составленнаго А. Корниловичемъ для „Войнаровскаго“ [7]). Всѣ эти недочеты не позволяютъ считать изданіе Балицкаго научнымъ [8]).

---

[1]) Показанія эти представляютъ часть дѣла о Рылѣевѣ, хранящагося въ Государственномъ Архивѣ (I. В. № 334); первоначально они были напечатаны А. Бороздинымъ въ сборникѣ „Изъ писемъ и показаній декабристовъ“ Спб. 1906, стр. 171—194.

[2]) См. т. I, стр. 93, 96, 125, 128, 135, 154, 158, 169, 172, 176; т. II, стр. 3, 91 и др.

[3]) Такъ они отсутствуютъ въ I т. на стр. 5—46, во II—на стр. 1—20, 173—197.

[4]) См. эти бумаги: Ефр.[2], стр. 310—315.

[5]) См. Ефр.[2], стр. 193—194.

[6]) „Рус. Стар.“ 1896 г., т. LXXXV, стр. 506—510.

[7]) Ефр.[2], стр. 91—96.

[8]) Отзывы объ изданіи Балицкаго см.: „Рус. Вѣдомости“ 1906 г., № 307; 1907 г., № 70; „Вѣкъ“ 1907 г., № 77; „Кіевскій Голосъ“ 1907 г., № 69.

Послѣднимъ по времени изданіемъ является собраніе стихотвореній Рылѣева въ 7-ой книгѣ безплатныхъ приложеній къ журналу „Пробужденіе“ за 1909 г. подъ загл.:

К. Ф. Рылѣевъ. Избранныя стихотворенія. Спб. 1909. Съ портретомъ на обложкѣ (повтор. на об. загл. листа). Сюда вошли 22 думы, „Войнаровскій“, отрывки изъ поэмы „Наливайко“ и др. мелкія стихотворенія. Изданіе напечатано на плохой бумагѣ и при этомъ очень небрежно: матеріалъ расположенъ безъ всякой системы, примѣчанія къ произведеніямъ Рылѣева отсутствуютъ. Въ началѣ—вступительная статья Д. И. Сильчевскаго (стр. 3—6).

Вообще изъ всѣхъ изданій сочиненій Рылѣева, появлявшихся за границей и въ Россіи, собственно ни одно не является вполнѣ удовлетворительнымъ: по тщательности исполненія и критическимъ пріемамъ среди другихъ выдѣляются изданія дочери поэта, редактированныя Ефремовымъ, но и они представляютъ лишь выборки изъ сочиненій Рылѣева, сдѣланныя при томъ довольно давно, вслѣдствіе чего многія его произведенія, опубликованныя послѣ 1874 г., не вошли въ эти изданія.

На изданіи журнала „Пробужденіе“ пока прекратилось печатаніе собраній сочиненій Рылѣева; отдѣльныя его стихотворенія въ послѣднее время появлялись въ незначительномъ количествѣ. Такъ, въ карманной хрестоматіи П. Вейнберга „Русскіе поэты“ (т. I, стр. 230—233; изд. „Дешевой библіотеки“ А. Суворина № 359) напечатаны: „А. А. Бестужеву“ (Стансы) и „Е. П. Оболенскому“ (нач.: „О милый другъ, какъ внятенъ голосъ твой“). Здѣсь же ошибочно издано въ числѣ произведеній Рылѣева стихотвореніе „Море воетъ, море стонетъ“.

Въ № 47 „Всеобщей библіотеки“, изд. Акц. Общ. Тип. Дѣла въ Спб., вмѣстѣ съ „Записками“ кн. Н. Б. Долгорукой и поэмой о ней И. Козлова помѣщена дума Рылѣева „Наталія Долгорукая“ (стр. 62—64).

Обратимся теперь къ литературѣ, посвященной Рылѣеву. Какъ намъ уже приходилось отмѣчать, статьи и замѣтки о немъ стали появляться у насъ, преимущественно въ періодическихъ изданіяхъ, съ конца 1860-хъ годовъ. Съ тѣхъ поръ, какъ въ Россіи явилась возможность открыто говорить о Рылѣевѣ, литература о немъ постепенно разростается. Современники и лица, знавшіе Рылѣева непосредственно, или по разсказамъ близкихъ ему людей, спѣшили по-

дѣлиться своими воспоминаніями на страницахъ различныхъ журналовъ: вмѣстѣ съ тѣмъ явились попытки составить біографію поэта и дать очеркъ его литературной дѣятельности. Въ послѣднее время въ цѣломъ рядѣ статей о декабристахъ довольно подробно выяснена роль Рылѣева въ политическомъ движеніи двадцатыхъ годовъ.

Выше, при обзорѣ изданій, мы называли также и статьи, посвященныя Рылѣеву (Воспоминанія Н. А. Бестужева, кн. Е. П. Оболенскаго, Записки Н. И. Греча, Дм. Кропотова и мн. др.); кромѣ того, въ нашей литературѣ извѣстны о немъ еще слл. работы.

— *Ѳ. Глинка.* К. Ѳ. Рылѣевъ Рус. Стар. 1871 г., т. III, стр. 244—246. Поводомъ къ составленію этой замѣтки послужили опубликованныя незадолго передъ тѣмъ Ефремовымъ рукописи Рылѣева (ib., стр. 64—113) „Статья о Рылѣевѣ, говоритъ Глинка, такъ меня заинтересовала, что я, хоть кое-какъ и какъ попало, спѣшу набросать нѣсколько мыслей объ этомъ человѣкѣ". Далѣе Глинка вспоминаетъ о личномъ знакомствѣ съ Рылѣевымъ и характеризуетъ то время, когда въ силу естественнаго хода событій Рылѣевъ увлеченъ былъ освободительнымъ движеніемъ.

— Замѣтка (безъ имени автора) о поэмѣ Рылѣева „Войнаровскій". Ibid., стр. 647—648.

— *А. И. Фелькнеръ.* Предчувствіе Рылѣева о своей судьбѣ. Ibid., 1872 г., т. VI, стр. 440—441.

— Замѣтка объ изданіи стихотвореній К. Ѳ. Рылѣева и о годѣ его рожденія. Сообщ. *кн. Н. Н. Голицынъ* и *Дм. Кропотовъ.* Ibid., стр. 438, 602—604.

— *Н. В. Гербель.* Хрестоматія. Спб. 1873. Краткій біографическій очеркъ.

— *П. А. Ефремовъ.* Замѣтка о годѣ рожденія К. Ѳ. Рылѣева и письма къ нему родителей. Рус. Стар. 1875 г., т. XIV. стр. 70—74.

— *А. Г. Пупаревъ.* Свѣдѣнія о службѣ К. Ѳ. Рылѣева (изъ формулярнаго списка). Ibid., стр. 74.

— Замѣтка (безъ имени автора) по поводу картины В. В. Савича къ поэмѣ „Войнаровскій". Нива 1885 г., № 2, стр. 46. Картина (на стр. 37) представляетъ кончину Войнаровскаго на могилѣ его жены.

— *В. Е. Якушкинъ.* Изъ исторіи литературы двадцатыхъ годовъ. Новые матеріалы для біографіи Рылѣева. Вѣстн. Европы 1888 г., кн. 11—12. Статья по поводу отысканныхъ въ коллекціи А. А. Ивановскаго подлинныхъ бумагъ Рылѣева.

— *А. Н. Сиротининъ.* К. Ѳ. Рылѣевъ. Рус. Архивъ 1890 г., кн. II, стр. 113—208. Статья Сиротинина представляетъ собою первую по времени попытку научнаго изслѣдованія о Рылѣевѣ. Воспользовавшись накопившимся къ его времени матеріаломъ, г. Сиротининъ въ живо написанномъ очеркѣ далъ подробную характеристику жизни и дѣятельности Рылѣева; главной своей задачей онъ поставилъ показать, какъ Рылѣевъ, увлеченный теоретическими умствованіями, безъ достаточнаго опыта и знаній, изъ пылкаго къ добру и горячаго юноши дошелъ до незавидной роли агитатора, возмущающаго толпу, какъ потомъ глубоко и горько раскаялся въ своихъ заблужденіяхъ. По мнѣнію изслѣдователя, окружающія обстоятельства съ самыхъ малыхъ лѣтъ толкали Рылѣева на путь протеста и довели его въ концѣ концовъ до сенатской площади и висѣлицы. Но, какъ ни преступенъ былъ Рылѣевъ въ своихъ заблужденіяхъ, своего преступленія онъ не запятналъ низостью души и при всѣхъ ошибкахъ сумѣлъ сохранить благородство своего характера.

— *В. Савицкая.* Сонъ Рылѣевой. Истор. Вѣстникъ 1894 г., кн. II, стр. 210—214.

— Статья безъ имени автора: „К. Ѳ. Рылѣевъ—поэтъ публицистъ". Къ 100-лѣтію дня его рожденія. Приложеніе къ № 7022 „Новаго Времени" (за 16 сент. 1895 г.). Кратко, но содержательно написанный очеркъ жизни и дѣятельности Рылѣева.

— *В. Якушкинъ.* К. Ѳ. Рылѣевъ и его поэзія. Рус. Вѣдомости 1895 г., № 258 (за 18 сент.).

— *А. Н. Сиротининъ.* Рылѣевъ и Шѣмцевичъ. Рус. Архивъ 1898 г., кн. I, стр. 67—82. Въ статьѣ дана сравнительная харак-

теристика „Думъ“ Рылѣева и „Историческихъ пѣсенъ“ Нѣмцевича; Рылѣевъ, по мнѣнію г. Сиротинина, значительно превзошелъ свой польскій образецъ: „какъ бы строго ни судить думы Рылѣева, на нихъ несомнѣнно лежитъ печать дара Божія... У Нѣмцевича не было ни малѣйшей способности къ поэтическому творчеству. Онъ добросовѣстно взялся за работу; семь лѣтъ онъ изучалъ историческіе памятники, семь лѣтъ корпѣлъ въ книгахъ; но эти занятія только сбили его съ толку... Пѣсни вышли вялы, сухи и безцвѣтны“. . Рылѣевъ выше Нѣмцевича не только какъ поэтъ, но и какъ моралистъ: его идеалъ гражданина глубже и шире той рыцарской доблести, которую воспѣваетъ Нѣмцевичъ въ „Пѣсняхъ“ [1]).

— *М. Мазаевъ*. К. Ѳ. Рылѣевъ. Энцикл. словарь Брокгауза-Ефрона, т. XXVII, Спб. 1905, стр. 443—445.

— *Вл. Мч*. К. Ѳ. Рылѣевъ. Думы и пѣсни. Новости 1899 г., № 43.

— *М. Успенскій*. Еще о религіозныхъ убѣжденіяхъ декабристовъ. Вѣра и Разумъ 1900 г., т. I, ч. 1, стр. 480—490. Замѣтка вызвана статьей *о. прот. Т. Буткевича* „Религіозныя убѣжденія декабристовъ“, появившейся въ томъ же журналѣ (1899 г., т. I, ч. 2). Г. Успенскій пополняетъ свѣдѣнія прот. Буткевича о религіозныхъ воззрѣніяхъ Рылѣева; на стр. 481—489 онъ приводитъ выдержки изъ воспоминаній о Рылѣевѣ кн. Е. П. Оболенскаго, издавая ихъ по рукописи Ворон. Губерн. Музея. О статьѣ Буткевича, въ частности о ненаучныхъ пріемахъ его при изслѣдованіи религіозныхъ взглядовъ Рылѣева, см. отзывъ *С. Сухонина*: „Поэзія декабристовъ“, Всемірный Вѣстникъ 1903 г., № 8.

— К. Ѳ. Рылѣевъ. Къ 75-лѣтію дня его смерти. Безъ имени автора. Восточное Обозрѣніе 1901 г., № 174.

---

[1]) Объ отношеніяхъ Рылѣева и Нѣмцевича см. еще *A. Krauschar*. Obrazy i wiserunki historiczne. Warszawa 1906, str. 327—332. Къ статьѣ приложены портреты обоихъ поэтовъ; здѣсь же находятся fac-simile и транскрипція письма Рылѣева къ Нѣмцевичу отъ 11 сент. 1822 г., сохранившагося въ семейномъ архивѣ Урсынъ-Нѣмцевичей, въ имѣніи Скоки Гродненской губ. См. также „Kraj“ 1904 г. и „Нов. Время“ 1904 г., № 10069 (за 16 марта).

— *Д. П. Сильчевскій.* К. Ѳ. Рылѣевъ. Къ 75-лѣтію дня его смерти. Новости 1901 г., № 190.

— *Библіографъ (Д. П. Сильчевскій).* К. Ѳ. Рылѣевъ (+ 13 іюля 1826). Съ эпиграфомъ: „Я не поэтъ, а гражданинъ". Биржевыя Вѣдомости, 1901 г., № 188. Замѣтку объ этой статьѣ см. въ Курьерѣ 1901 г., № 193.

— *С. Л.* Замѣтка по поводу 75-лѣтія со дня казни Рылѣева. Одесскія Новости 1901 г., № 5349. См. еще ibid. № 5354, въ отдѣлѣ „Пресса".

— *Евг. Соловьевъ (Андреевичъ).* Поэты Пушкинской эпохи. — К. Ѳ. Рылѣевъ. „Очерки по исторіи русской литературы XIX в." Спб. 1902, стр. 41—42. Въ статьѣ Рылѣевъ отнесенъ къ числу „горячихъ нашихъ поэтовъ-романтиковъ". „Свобода плѣняла его, но скорѣе не въ своихъ опредѣленныхъ общественно-политическихъ формахъ, а какъ романтическая мечта, какъ греза, навѣянная столько же воспоминаніями о новгородской вольницѣ, о вѣчѣ, сколько и знакомствомъ съ западно-европейскимъ строемъ".

— *П. Энгельгардтъ.* К. Ѳ. Рылѣевъ. Гражданская поэзія. „Исторія русской литературы XIX ст." Спб. 1902, стр. 382—386. Рылѣевъ— талантливый представитель гражданской поэзіи двадцатыхъ годовъ; по направленію ума своего онъ былъ сторонникомъ того либерализма, который въ началѣ царствованія Александра I раздѣлялся самимъ императоромъ и его любимцами. Мысли, выраженныя Рылѣевымъ въ „Видѣніи", высказывались тогда часто въ обществѣ: почти то же говорилъ Карамзинъ, привѣтствуя воцареніе Александра I, Жуковскій („На рожденіе в. кн. Александра Николаевича" 1818 г.), Пушкинъ („Увижу ли народъ освобожденный и рабство, падшее по манію царя"). Основная идея „Думъ" Рылѣева, фальшивыхъ съ художественной точки зрѣнія, писанныхъ въ стилѣ трагедій Озерова, провозглашена была еще въ „Наказѣ" Екатерины II и развита Нинымъ въ его „Опытѣ" — идея тождественности „вольности" и „закона", „самовластія" и „беззаконія". То, что Рылѣевъ былъ дѣйствительно не только гражданинъ, но и пѣвецъ, чистый и честный, младенецъ душой, фантазеръ и рыцарь отвлеченной идеи, не позволило ему разглядѣть, какое общество его окружаетъ,

что за химера всѣ его гражданственныя воззванія среди крѣпостниковъ, временщиковъ и казнокрадовъ. Въ предсмертномъ письмѣ къ Государю поэтъ выразилъ полное раскаяніе.

— *А. К. Бороздинъ.* Поэтъ „гражданской скорби" двадцатыхъ годовъ. „Литературныя характеристики". Т. I, Спб. 1903 г., стр. 187—206.

— Замѣтка о Рылѣевѣ въ Восточномъ Обозрѣніи 1904 г., № 105.

— *Н. Котляревскій.* Литературная дѣятельность декабристовъ. К. Ѳ. Рылѣевъ. Рус. Богатство 1904 г., №№ 8 и 9: 1905 г. № 7. Послѣ біографическаго очерка Сиротинина (Р. Арх. 1890 г., кн. II), работа г. Котляревскаго является въ нашей литературѣ вторымъ крупнымъ трудомъ, посвященнымъ Рылѣеву. Увлекательно написанное изслѣдованіе это разсматриваетъ жизнь Рылѣева въ связи съ литературной и политической его дѣятельностью. Въ общей оцѣнкѣ поэзіи Рылѣева г. Котляревскій приходитъ къ тому заключенію, что его поэтическій талантъ не достигъ полнаго своего развитія. „Пѣсня Рылѣева, по его словамъ,—недопѣтая пѣсня, торопливая, несвободная и, главное, пѣсня, еще недостигшая той внутренней и внѣшней гармоніи, на которую она была способна". Опредѣляя литературную стоимость его сочиненій, г. Котляревскій говоритъ: „порознь взятыя, и форма, и содержаніе стихотвореній Рылѣева не представляются чѣмъ-нибудь особенно знаменательнымъ, но именно въ сочетаніи этой формы и этого содержанія лежала вся сила его стиховъ... Онъ придалъ новую окраску нашей лирикѣ и эпосу, стараясь пропитать насквозь гражданскимъ чувствомъ и оду, и посланіе, и эпиграмму, и описательную поэму, и лирическую пѣснь, и даже пѣснь любовную". Изслѣдуя литературную дѣятельность Рылѣева, г. Котляревскій мало удѣляетъ вниманія вопросу объ источникахъ его поэзіи, вслѣдствіе чего генезисъ многихъ произведеній Рылѣева остается не достаточно выясненнымъ. Такъ, напр., въ его изслѣдованіи только вскользь отмѣчено вліяніе Байрона на Рылѣева и совершенно оставленъ въ сторонѣ вопросъ, какимъ историческимъ и литературнымъ матеріаломъ пользовался поэтъ при созданіи своихъ произведеній; не затронутъ также интересный вопросъ о вліяніи украинской среды на разработку малорусскихъ сюжетовъ въ поэзіи Рылѣева.

— *И. П. Калашниковъ.* Замѣтка въ Биржевыхъ Вѣдомостяхъ 1905 г., № 8961.

— *В. В. Сиповскій.* Пушкинъ и Рылѣевъ. Оттискъ изъ журнала „Пушкинъ и его современники". Вып. III, Спб. 1905 г. [1]). Въ небольшой статьѣ, всего 21 стр., г. Сиповскій разсматриваетъ отношенія Пушкина и Рылѣева. Перечисливъ отзывы Пушкина о произведеніяхъ Рылѣева въ письмахъ къ А. А. Бестужеву, В. Л. Пушкину, кн. П. А. Вяземскому, авторъ останавливается затѣмъ на мотивахъ, заимствованныхъ Пушкинымъ у Рылѣева, и среди нихъ отмѣчаетъ близкое сходство образа Мазепы въ „Полтавѣ" съ изображеніемъ этого же героя въ „Войнаровскомъ". По словамъ изслѣдователя, „этотъ образъ, цѣликомъ сложился подъ невольнымъ впечатлѣніемъ Мазепы Рылѣевскаго... Если бы поэтъ самъ подошелъ къ этому образу, онъ, конечно, избѣжалъ бы слишкомъ неопредѣленныхъ и въ то же время сплошь темныхъ красокъ въ описаніи Мазепы:

Онъ не вѣдаетъ святыни,
Онъ не помнитъ благостыни,
Онъ не любитъ ничего,
Кровь готовъ онъ лить, какъ воду,
Презираетъ онъ свободу,
Нѣтъ отчизны для него.

Онъ, конечно, нашелъ бы въ душѣ Мазепы больше свѣта, а на своей палитрѣ болѣе яркихъ красокъ!"—Врядъ ли можно раздѣлить мнѣніе г. Сиповскаго о сходствѣ портретовъ Мазепы у Рылѣева и Пушкина; образы этого гетмана въ „Войнаровскомъ" и „Полтавѣ" прямо противоположны: Мазепа Рылѣева—герой, весь проникнутый великой любовью къ родинѣ, готовый жертвовать для ея пользы всѣмъ дорогимъ для него въ жизни, даже своей честью. Мазепа занятъ только мыслями о благѣ своей отчизны:

И Петръ, и я—мы оба правы,
Какъ онъ, и я живу для славы,
Для пользы родины моей.

[1]) Эта же статья подъ загл.: „Полтава" и „Борисъ Годуновъ" вошла затѣмъ въ изслѣдованіе того же автора „Пушкинъ, жизнь и творчество". Спб. 1907 г., стр. 521—540.

Люди, близкіе къ Мазепѣ, понимаютъ его и глубоко цѣнятъ въ немъ горячаго патріота. Смерть Мазепы знаменуетъ для нихъ потерю родной свободы. Войнаровскій съ такимъ восторгомъ отзывается объ этомъ „вождѣ Украйны“:

Онъ приковалъ къ себѣ сердца,
Мы въ немъ главу народа чтили,
Мы обожали въ немъ отца,
Мы въ немъ отечество любили.
...О странникъ! Всѣ предузнавали,
Что мы съ Мазепой погребали
Свободу родины своей.

У Пушкина Мазепа вышелъ совершенно инымъ; при изображеніи его поэтъ сильно сгустилъ краски и перешелъ границы естественности: онъ надѣлилъ Мазепу такими чертами, къ какимъ не прибѣгалъ и Ливій при изображеніи ненавистнаго ему Ганнибала. Мазепа Пушкина—„злодѣй“ съ „коварной душой“, „злой“ „надменный старикъ“, „дерзкій хищникъ“ съ „злой волей“, умъ его смущенъ „жестокими мечтами“, преступленія сопровождаются „угрызеніями змѣиной совѣсти“. Эти качества пушкинскаго Мазепы не позволяютъ сближать его съ героемъ Рылѣева. Для подтвержденія своей мысли г. Сиповскій указываетъ общія черты, какими пользовались Пушкинъ и Рылѣевъ при изображеніи своихъ героевъ; но черты эти далеко не всѣ сходны между собой; а тѣ изъ нихъ, которыя совпадаютъ („мрачный“, „суровый“, „угрюмый“, „сверкаетъ очами“, „скрытный“) вполнѣ приложимы къ людямъ противоположныхъ нравственныхъ качествъ: ими можетъ быть надѣленъ и герой (какъ у Рылѣева) и преступный злодѣй (какъ Мазепа Пушкина).

— *Ю. Айхенвальдъ*. Рылѣевъ. „Силуэты русскихъ писателей“. Вып. I. Москва. Изданіе „Научнаго Слова“. 1906, стр. 20—26. Съ портретомъ. Въ поэзіи Рылѣева отмѣченъ высокій религіозный подъемъ. Общая оцѣнка его поэтическаго творчества дана въ началѣ очерка. „Рылѣевъ не принадлежитъ къ числу поэтовъ сколько-нибудь выдающагося дарованія; въ художественномъ отношеніи онъ свѣтится отраженнымъ свѣтомъ Пушкина, и энергія, присущая его Думамъ и поэмамъ, не искупаетъ однообразія и, часто, прозаичности его стиховъ. И, вѣроятно, исторія литературы прошла бы мимо него равнодушно, если бы недостатки его скромнаго таланта не восполнила

его личная жизнь, если бы она сама не была занесена въ лѣтопись русской общественности, какъ потрясающая трагическая поэма. Его дѣло завершило его поэзію".

— *П. Н. Головачевъ.* Статья о Рылѣевѣ въ изданіи М. М. Зензинова: „Декабристы". Москва 1906, стр. 215—219. Съ портретомъ, исполненнымъ фототипіей К. А. Фишера. Въ краткомъ біографическомъ очеркѣ отмѣчено значеніе Рылѣева въ русской литературѣ: онъ—первый поэтъ гражданинъ, защитникъ правъ народа на національную свободу и свободу вѣроисповѣданія; онъ—поэтъ гражданской мысли и гражданскихъ чувствъ.

— *С. Русова.* Рылѣевъ, пѣвецъ и мученикъ свободы. Спб 1906, 30 стр. Изданіе „Библіотеки Юнаго Читателя". Съ портретомъ на обложкѣ и въ текстѣ (на стр. 5). Небольшая брошюра, написанная простымъ, доступнымъ для дѣтей и народа языкомъ, передаетъ важнѣйшіе факты изъ жизни Рылѣева. Въ изложеніи встрѣчаются нѣкоторыя неточности: такъ, на стр. 13 говорится о какой-то „народной" корпусной библіотекѣ; на стр. 16 отмѣчено, что Рылѣевъ, женившись, вышелъ въ отставку: въ дѣйствительности, онъ оставилъ военную службу еще за годъ до женитьбы. Біографическому очерку предпослана краткая характеристика освободительнаго движенія въ Россіи.

Д. М. Городецкій. К. Ф. Рылѣевъ. Галлерея дѣятелей освободительнаго движенія въ Россіи. Вып. I. Изд. Г. К. Никитина и В. А. Педани (Спб., sine anno), стр. 5—6. Краткій біографическій очеркъ съ портретомъ Рылѣева. Наряду съ Рылѣевымъ здѣсь находятся характеристики и портреты: А. Радищева, А. И. Герцена и кн. С. Н. Трубецкого.

— *Н. Котляревскій.* К. Ѳ. Рылѣевъ. Полярная Звѣзда 1906 г., № 7, стр. 466—480.

— *Г. Карасикъ.* К. Ф. Рылѣевъ. Пѣвецъ борьбы и свободы. Спб. 1906. „Убѣжденный революціонеръ" Рылѣевъ отнесенъ къ „крайнимъ лѣвымъ"; въ произведеніяхъ его отмѣчены главнымъ образомъ революціонные мотивы; о „Войнаровскомъ" упомянуто вскользь.

— *Г. Балицкій.* К. Ѳ. Рылѣевъ. „Исторія русской литературы XIX в.". Изд. Т-ва „Міръ", подъ ред. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго,

т. I, стр. 169—174. Съ портретомъ, представляющимъ снимокъ съ акварельнаго рисунка О. А. Кипренскаго (собственность С. П. Органовой).

— *Несторъ Котляревскій.* Рылѣевъ. Съ 2-мя фототипіями и 2-мя автотипіями на мѣловой бумагѣ. Библіотека „Свѣточа", подъ ред. С. А. Венгерова. №№ 81—85. Спб. 1908, 2 неп.+213+2 неп. стр. Изданіе представляетъ перепечатку съ нѣкоторыми дополненіями статей, помѣщенныхъ въ „Рус. Богатствѣ" (1904 г. №№ 8 и 9, 1905 г., № 7). Отзывы о книгѣ см. въ слл. періодическихъ изданіяхъ 1908 г.:—1) „Минувшіе Годы", №№ 5—6, стр. 521—523. Рецензія П. Щеголева; въ ней отмѣчено, что г. Котляревскій не достаточно полно освѣтилъ личность Рылѣева: сосредочившись главнымъ образомъ на литературной дѣятельности, изслѣдователь мало говоритъ о политической роли Рылѣева. Какъ политикъ и заговорщикъ Рылѣевъ остается въ тѣни.—2) „Рус. Вѣдомости", № 186. Статья П. Сакулина.—3) „Современный Міръ", Сентябрь, Отд. II, стр. 77—78. Статья С. Ашевскаго.—4) „Извѣстія..." Вольфа, № 5. Замѣтка безъ имени автора.

— *В. Масловъ.* Неизданныя произведенія К. Ѳ. Рылѣева (рефератъ: о немъ. Кіевлянинъ 1910 г., № 60). О подлинныхъ рукописяхъ Рылѣева, поступившихъ въ концѣ 1909 г. въ Имп. Академію наукъ.

Кромѣ названныхъ здѣсь статей, имя Рылѣева часто встрѣчается въ различныхъ мемуарахъ, письмахъ и замѣткахъ его современниковъ; цѣлыя страницы отведены поэту во многихъ изслѣдованіяхъ по исторіи русской литературы, въ трудахъ обще-историческаго характера и въ отдѣльныхъ монографіяхъ, посвященныхъ современнымъ ему дѣятелямъ. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія слл. труды.

— *М. П. Семевскій.* Альманахъ „Звѣздочка". Русск. Архивъ 1869 г., № 4, стр. 053—060.

— Братья Бестужевы. Изъ записокъ *М. А. Бестужева*, Рус. Стар. 1870 г., т. II, стр. 520—522, 526. О „русскихъ завтракахъ" у Рылѣева.

— *[Бар. А. Розенъ].* Записки Декабриста. Лейпцигъ 1870. Сообщено много свѣдѣній о Рылѣевѣ (см. указатель): на стр. 134—135

напечатаны два его стихотворенія къ кн. Е. П. Оболенскому (нач.: „Мнѣ тошно здѣсь, какъ на чужбинѣ“ и „О милый другъ! Какъ внятенъ голосъ твой“). „Записки“ переизданы въ Россіи Т-вомъ „Общественная Польза“, Спб. 1907.

— *М. Богдановичъ.* Исторія царствованія имп. Александра I. Т. VI, Спб. 1871, стр. 432—433, 438 и др. Здѣсь сообщены краткія свѣдѣнія объ участіи Рылѣева въ Сѣверномъ Обществѣ, отмѣчена платоническая любовь поэта къ свободѣ. Въ приложеніи (на стр. 62) находится замѣтка о годѣ его рожденія.

— Письма *А. Е. Измайлова* къ П. П. Дмитріеву. Рус. Архивъ 1871 г., стр. 980—984. О „Полярной Звѣздѣ“ 1823 и 1824 гг.: дуэль съ кн. Шаховскимъ.

— *М. Д. Хмыровъ.* Святославъ 1-й Игоревичъ. Спб 1871, стр. 17—18. О думѣ Рылѣева „Святославъ“; напечатаны 3—9 строфы этого стихотворенія.

— *В. Андреевъ.* Очерки изъ исторіи образованія и литературы въ Россіи. Спб. 1872, стр. 71—74. Рылѣевъ—американецъ по убѣжденіямъ, натура сильная; рѣшительность была отличительною чертою его характера.

— Изъ записокъ *І. П. Ростовцова.* (1825 и 1826 годы). Русск. Арх. 1873 г., стр. 449.

— *Т. П. Пассекъ.* Изъ раннихъ лѣтъ, изъ жизни дальней. Рус. Стар. 1873 г., т. VII, стр. 314.

— *В. Д. Давыдовъ.* Генералъ П. В. Васильчиковъ во время командованія гвардейскимъ корпусомъ. Ibid., стр. 785. По поводу статьи „Возмущеніе л.-гв. Семеновскаго полка“.

— *В. С. Иконниковъ.* Гр. Н. С. Мордвиновъ. Спб. 1873. Объ отношеніяхъ къ нему Рылѣева на стр. 433—445. См. еще и въ „Воспоминаніяхъ о Н. С. Мордвиновѣ“. Записки *Н. Н. Мордвиновой* Спб. 1873 стр. 85.

— *Д. А. Кропотовъ.* Жизнь гр. М. Н. Муравьева, Спб. 1874, стр. 196—197.

— *Степановъ.* Рѣшеніе суда по поводу элегіи А. С. Пушкина „Андрей Шенье“ (Указъ сената). Рус. Стар. 1874 г., т. XI, стр. 584—586, 588.

— *О. А. Пржецлавскій.* Воспоминанія. Ibid., стр. 677, 682.

— *Н. Барсуковъ.* Жизнь и труды Н. М. Строева. Спб. 1878. Стр. 97—99. О сношеніяхъ Строева съ Рылѣевымъ по поводу изданія „Думъ“ 1825 г.

— *Виноградовъ.* Записки. Рус. Стар. 1878 г., т. XXII, стр. 575.

— *Н. И. Шенинъ.* Воспоминанія о В. Д. Новосильцовѣ. Рус. Арх. 1880 г., II, стр. 320—321.

— Матеріалы для русской исторіи за первую половину XIX в.: 1) Донесеніе слѣдственной коммиссіи; 2) 14 декабря 1825 г.; 3) Казнь декабристовъ. Разсказы современниковъ: Шницлера, Путяты, Беркопфа. Ibid. 1881 г., II, стр. 293, 299, 302, 303, 308, 309—337, 342—346.

— *А. П. Бѣляевъ.* Воспоминанія о пережитомъ и перечувствованномъ. Русск. Стар. 1881 г., т. XXX, стр. 488, 496, 499, 508, 509.

— *М. А. Бестужевъ.* Записки. Ibid., т. XXXII.

— Петербургское общество при восшествіи на престолъ имп. Николая по донесеніямъ *М. М. Фока* А. Х. Бенкендорфу. Ibid., т. XXXII, стр. 311—312.

— *Дм. Завалишинъ.* Вселенскій орденъ возстановленія и отношенія мои къ сѣверному тайному обществу. Ibid., 1882 г., т. XXXIII, стр. 45, 55—57, 62, 63.

— *А. Фроловъ.* Воспоминанія. По поводу статей Д. И. Завалишина. Ibid., май, стр. 465—482.

— Изъ общества соединенныхъ славянъ 1825 г. Записки неизвѣстнаго. Рус. Арх. 1882 г., I, стр. 541.

— *П. Каратыгинъ.* Сѣверная Пчела 1825—1859 гг. Ibid., II, стр. 254, 257.

— *П. Южаковъ* и *Митфельдъ*. Русскіе крамольники. Разсказы, очерки и картины изъ жизни государственныхъ преступниковъ. Т. II. Москва 1882. стр. 48—54. Краткая біографія Рылѣева; напечатаны два его стихотворенія: „Къ Временщику“ и „Видѣніе“; отмѣченъ пророческій характеръ послѣдняго.

— *П. К.* Могила Волынскаго. Рус. Стар. 1883 г., т XXXVIII, стр. 465—467.

— Звѣздочка на 1826 г. Изд. А. Бестужева и К. Ѳ. Рылѣева. Ibid, т. XXXIX. стр. 43—44.

— *М-скій*. Кн. А. М. Горчаковъ въ его разсказахъ изъ прошлаго. Ibid., т. XL, стр. 166—167.

— *Гр. И. И. Мордвинова*. Записки. Рус. Арх. 1883 г., I, стр. 188.

— *Ѳ. Тимирязевъ*. Страницы прошлаго. Ibid. 1884 г., I. стр. 172. Переданъ эпизодъ посѣщенія Рылѣевымъ гадальщицы Lenormand.

— *Кн. П. П. Вяземскій*. А. С. Пушкинъ 1816—1837 гг. По документамъ Остафьевскаго архива и личнымъ воспоминаніямъ. Ibid., II стр. 401.

— *А. Розенъ*. М. Н. Муравьевъ и его участіе въ тайномъ обществѣ 1816—1821 гг. Рус. Стар. 1884 г., т. XLI, стр. 63.

— *Д. Завалишинъ*. Декабристы Рус. Вѣстникъ 1884 г., II. стр. 845.

— *А. И. Кошелевъ*. Записки. Берлинъ 1884 г., стр. 13. Описанъ вечеръ въ домѣ М. М. Нарышкиной (въ Москвѣ), гдѣ Рылѣевъ читалъ свои „патріотическія думы“.

— *П. Плетневъ*. Сочиненія и переписка. Изд. Я. Гротъ. Спб. 1885, I, стр. 186.

— *М. Веневитиновъ*. Къ біографіи поэта Д. В. Веневитинова. Рус. Арх. 1885 г., I. стр. 115.

— *Кн. П. А. Вяземскій*. Кое-что о себѣ и о другихъ. Полн. собр. соч., т. X. Спб. 1886, стр. 291—292.

— Сочиненія *А. С. Пушкина*, изд. подъ ред. П. О. Морозова. Спб. 1887 г. Тт. I, II, V, VII. (См. указатель при VII т.).

— *В. И. Семевскій*. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и въ первой половинѣ XIX в. Рус. Стар 1887 г., т. LVI, стр. 405; 1888 г., т. LVIII, стр. 317. (Отд. изд., т. I, Спб. 1888).

— *Н. П. Дашкевичъ*. Отзывъ о сочиненіи г. Петрова „Очерки по исторіи украинской литературы XIX ст.". Отчетъ о 29 присужденіи наградъ гр. Уварова. Спб. 1888. На нѣсколькихъ страницахъ въ примѣчаніяхъ Дашкевичъ говоритъ объ украинскихъ мотивахъ въ поэзіи Рылѣева, объ отношеніи его къ польскимъ и малорусскимъ писателямъ (Нѣмцевичу, Падурѣ, Маркевичу).

— *Н. Стороженко*. Вліяніе Байрона на европейскія литературы. Рус. Вѣдомости 1888 г., № 34 (за 4 февр.). Въ 1820-хъ гг. Рылѣевъ былъ однимъ изъ немногихъ, вѣрно понявшихъ политико-соціальную основу поэзіи Байрона, что видно изъ его прекрасной элегіи „На смерть Байрона". Здѣсь же напечатаны двѣ строфы этого стихотворенія по подлинной рукописи, предоставленной Стороженку В. Е. Якушкинымъ.

— *А. В. Никитенко*. Повѣсть о самомъ себѣ. Посмертныя записки. Рус. Стар. 1888 г., т. LX, стр. 284, 578—579. См. отд. изд., въ 3 тт.: „Моя повѣсть о самомъ себѣ", Спб. 1893 г.; 2-ое изд., въ 2 тт., подъ ред. М. Лемке. Спб. 1905 г.

— *Д. А. Ровинскій*. Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ, т. III, Спб. 1888. Краткія свѣдѣнія о портретѣ Рылѣева: „Грав. на стали; поясн. 3/4 впр.: *К. Рылѣевъ* (грифъ). Выш. 2.7; при его сочиненіяхъ; Спб. [1]) 1861".

— *Н. Барсуковъ*. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. I, стр. 302, 323, 327; кн. II, стр. 112, Спб. 1888—1889.

— Полное собраніе сочиненій *А. С. Грибоѣдова*, изд. подъ ред. П. А. Шляпкина, Спб. 1889. т. I, стр. XXVI—XXVII, 209.

---

[1]) Ошибка, надо: Лейпцигъ.

— *П. А. Огарева-Тучкова.* Записки. Рус. Стар. 1890 г., т. LXVIII, стр. 33.

— *А. П. Михайловскій-Данилевскій.* Записки. Вступленіе на престолъ имп. Николая I. Ibid, стр. 504.

— *С. Браиловскій.* В. П. Туманскій. Пантеонъ Литературы 1890 г., т. IX, стр. 6.

— Некрологъ дочери Рылѣева—Ан К. Пущиной. Истор. Вѣстн. 1890 г, т. XLI, стр. 714—715. † 26 мая 1890 г. въ своемъ родовомъ имѣніи с. Кошелевкѣ Тульской губерніи.

— *А. Н. Пыпинъ.* Исторія русской этнографіи. Тт. I, III, IV. Спб. 1890—1892. Польско-русскія отношенія въ нач. XIX в.; Рылѣевъ и Нѣмцевичъ. Обращеніе Рылѣева къ историческому прошлому; воспѣваніе народной свободы.

— *Ѳ. И. Іорданъ* Записки. Рус. Стар. 1891, т. LXIX, стр. 632.

— *В. К. Кюхельбекеръ.* Дневникъ. Ibid., т. LXXII, стр. 73.

— Письма *В. П. Туманскаго* и неизданныя его стихотворенія. Черниговъ 1891, стр. 74—75.

— *Ф. Ф. Вигель.* Записки. Изд Рус. Архива, Спб. 1893, ч. VI, стр. 57, ч. VII, стр. 102.

— *М. Каменская.* Воспоминанія. Истор. Вѣстн. 1894 г., IV, стр. 42, 43. О могилѣ Рылѣева.

— *А. О. Смирнова.* Записки Сѣв. Вѣстникъ 1895 г., № 6, стр. 189—191. Отд. изд. Спб. 1897, ч. II, стр. 19—21. Отзывъ имп. Николая I о Рылѣевѣ.

— *А. Н. Пыпинъ.* Сверстники Пушкина. Вѣстникъ Европы 1895, № 11. Отношенія Пушкина и Рылѣева. Статья вошла въ VI т. „Исторіи русской литературы (Спб., 1-е изданіе 1897 года; 4-ое 1907 г.).

— *Н. О. Морозовъ.* Гр. Д. И. Хвостовъ. Очерки изъ исторіи литературы первой четверти XIX в. Рус. Стар. 1896 г. т. LXXXV, стр. 412, 414.

— *П. Д.* Нѣсколько словъ въ память имп. Николая I. Ibid., т. LXXXVI, стр. 458—462.

— *П. В. Дивовъ.* Дневникъ. Ibid. 1897 г., т. LXXXIX, стр. 470, 471, 482, 485.

— Гр. М. М. Сперанскій и А. А. Аракчеевъ по воспоминаніямъ *Г. С. Батенкова.* Ibid., т. XCII, стр. 90—91.

— *П. Ивановъ.* Исторія русской критики. Міръ Божій 1897 г., № 12, стр. 196—202; 1898 г., № 1, стр. 235—269. (Отд. изд. Спб. 1898, ч. II, гл. 45 и 47). О „Полярной Звѣздѣ". Рылѣевъ, какъ критикъ

— *Н. К. Шильдеръ.* Имп. Александръ I, т. IV, Спб. 1898, стр. 218, 230, 411, 428.

— *И. А. Шляпкинъ.* Грѣхопаденіе перваго человѣка. Рус. Стар. 1898 г., т. XCIII, стр. 328.

— *А. Д. Боровковъ.* Автобіографическія записки. Ibid., т. XCVI, стр. 436—438.

— *Н. Залдкинъ.* Литературно-критическія воззрѣнія Пушкина. Ibid., т. XCVIII, стр. 290—291, 547, 548.

— *П. Кубасовъ.* А. С. Пушкинъ—членъ Спб. Вольнаго Общества Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ. Ibid., стр. 473.

— Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ Музеѣ П. И. Щукина, ч. V. Москва 1899, стр. 249.

— *Н. Ш.* Туманскій и Мицкевичъ. „Кіевская Старина" 1899 г., т. LXIV, мартъ, стр. 229—302. Въ статьѣ сообщены два письма къ В. П. Туманскому—отъ А. А. Бестужева (съ датой: Спб. 1825 г., 15 генв.) и К. Ѳ. Рылѣева. Здѣсь же отмѣчено, что оба письма писаны на одномъ листѣ бумаги и сохранились въ перепискѣ брата поэта—Вл. Ив. Туманскаго; въ настоящее время они находятся въ собраніи рукописей П. Я. Дорошенка. Письма перепечатаны въ „Русск. Вѣд." 1899 г., № 77. (См.: „Наши историческіе журналы).

— *И. И. Замотинъ.* Преданіе о Вадимѣ Новгородскомъ въ русской литературѣ. Филол. Записки 1899 г., вып. VI, стр. 92—98, 106, 107, 110. О думѣ „Вадимъ". Въ обрисовкѣ Вадима и другихъ героевъ Рылѣева отмѣчены слѣды вліянія Байрона.

— *А. Н. Пыпинъ.* Историческіе очерки. Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Изд. 3-е. Спб. 1900 (1-е изд. 1871 г.). Участіе Рылѣева въ масонской ложѣ Пламенѣющей Звѣзды и въ Сѣверномъ тайномъ обществѣ. Общественная и литературная его дѣятельность въ связи съ общимъ либеральнымъ настроеніемъ Александровской эпохи. Гражданскіе мотивы въ поэзіи Рылѣева. На стр. 485 дана слѣдующая характеристика его творчества: „Поэтическій талантъ Рылѣева не былъ сильный, но не подлежитъ сомнѣнію—тамъ, гдѣ Рылѣевъ высказывалъ свои задушевныя идеи, его стихотворенія достигаютъ истинной поэтической силы... Во внѣшней формѣ стихотвореній Рылѣева были недостатки, особенно замѣтные рядомъ съ произведеніями Жуковскаго и Пушкина; но по содержанію своему они вносили въ литературу новый и оригинальный вкладъ: это была патріотическая лирика въ смыслѣ тѣхъ стремленій, какія отличали въ то время наиболѣе образованную часть общества".

— *Н. Н. Полевой.* Исторія русской словесности. Спб. 1900. т. II, стр. 568, 569, 571; т. III, стр. 170. Нѣсколько словъ о „Полярной Звѣздѣ", изд. 1823—25 гг.; портретъ Рылѣева и автографъ его стихотворенія изъ собранія П. Я. Данкова (Нач.: „Они подъ звукомъ трубъ повиты...")

— *В. И. Штейнгель.* Записки. Истор. Вѣстн. 1900 г., іюнь, стр. 833.

— И. И. Тургеневъ въ письмахъ къ своимъ братьямъ. Изъ собранія писемъ Павла Вас. Жуковскаго. Рус. Стар. 1901 г., т. CVI, стр. 258. Рылѣевъ названъ Вашингтономъ, Пестель—Бонапартомъ.

— *Н. К. Шильдеръ.* Вел. кн. Николай Павловичъ съ 1814 по 1822 гг. Ibid., т. CVII, стр. 229—230.

— *Н. Д.* „Полярная Звѣзда" и „Невскій Альманахъ" 1826—1827 гг. Ibid., т. CVIII, стр. 265—266.

— Н. И. Тургеневъ въ своемъ оправданіи. Изъ бумагъ Павла Вас. Жуковскаго. Сообщ. А. А. Ѳоминъ. Ibid., стр. 657 и 658.

— *С. Шубинскій.* Дуэль Новосильцова съ Черновымъ. Истор. Вѣстникъ 1901 г., май. стр. 596—600.

— Галлерея русскихъ писателей. Текстъ редактировалъ Н. Игнатовъ. Изданіе С. Скирмунта. Москва 1901, стр. 96, 99 и 101 Съ портретомъ.

— *Н. С. Лѣсковъ.* Полное собраніе сочиненій. Изд. Маркса. Спб. 1902, т. III, стр. 122—157: „Кадетскій монастырь". О пребываніи Рылѣева въ 1-мъ Кадетскомъ Корпусѣ.

— *В. З. Завитневичъ.* А. С. Хомяковъ, т. I, кн. 1, Кіевъ 1902, стр. 93—95. Нѣсколько словъ объ отношеніи Хомякова къ Рылѣеву и др. декабристамъ.

— *Н. К. Козьминъ.* Очерки изъ исторіи русскаго романтизма. Спб. 1903, стр. 318—321, 433.

— *Н. Н. Замотинъ.* Романтизмъ 20-хъ годовъ въ русской литературѣ. Варшава 1903. Какъ и въ предыдущемъ изслѣдованіи, здѣсь разсмотрѣны взгляды Рылѣева на романтическую поэзію.

— *А. И. Кирпичниковъ.* Очерки изъ исторіи новѣйшей литературы, т. II, изд. 2, Москва 1903, стр. 188. Отзывъ Н. И. Греча о Рылѣевѣ.

— *Н. К. Шильдеръ.* Имп. Николай I, т. I, Спб. 1903. Много свѣдѣній о Рылѣевѣ, заимствованныхъ изъ воспоминаній и записокъ его современниковъ; участіе въ заговорѣ декабристовъ. На стр. 233 портретъ Рылѣева; докладная записка о немъ, составленная слѣдственной коммиссіей для Верховнаго Уголовнаго Суда (стр. 650—658); письмо имп. Николая I къ А. Н. Голицыну по поводу жены Рылѣева, написанное вскорѣ послѣ казни декабристовъ (на фр. языкѣ, стр. 779—780).

— *И. Пущинъ.* 14 декабря. Всемірн. Вѣстникъ 1903 г., № 6—7, стр. 228, 231, 233 и др.

— *Пушкинъ и его современники.* Матеріалы и изслѣдованія. Спб. Журналъ выходитъ съ 1903 г. Упоминанія и замѣтки о Рылѣевѣ см. въ выпускахъ II—VII, XI.

— *Д. Завалишинъ.* Записки Декабриста. München 1904, т. I, стр. 227—228, 237—238, 247, 249, 285—294 и др.: т. II, стр. 39.

— *В. Я. Богучарскій* Изъ прошлаго русскаго общества. Спб. 1904. Много упоминаній о Рылѣевѣ (см. указатель).

— Изъ записокъ *Н. А. Бестужева.* Истор. Вѣстникъ, 1904 г., IV, стр. 120—121.

— Письмо *А. А. Бестужева* къ кн. П. А. Вяземскому. Старина и Новизна 1904. VIII, стр. 31.

— *Ѳ. Родичевъ.* 14 декабря 1825—14 декабря 1905. Полярная Звѣзда 1905 г., № 1, стр. 82, 84.

— Щукинскій Сборникъ, вып. IV. Спб. 1905. стр 181—183.

— Процессъ декабристовъ. Донесеніе. Слѣдствіе. Приговоръ. Изд П. А Малинина. Москва 1905. Много упоминаній о Рылѣевѣ въ „Донесеніи Слѣд. Коммиссіи" (стр. 42—58, 61). Въ приложеніи (стр. 121—122) издано письмо Рылѣева къ женѣ изъ крѣпости отъ 13 іюля 1826 г.

— Изъ записокъ *Н. Д. Якушкина.* Всемірн. Вѣстникъ. 1905 г., №№ 1—4. Ibid. (№ 7) напечатаны „Воспоминанія о К. Ѳ. Рылѣевѣ" кн. Е. П. Оболенскаго по списку Воронежскаго Губернскаго Музея; списокъ этотъ переписанъ рукой гр. Д. Н. Толстого и хранится въ рукописномъ отдѣленіи музея подъ № 31 (по инв. описи № 1537).

— Общественное движеніе въ Россіи въ первой половинѣ XIX в. Т. I. Декабристы. Составили В. И. Семевскій, В. Я. Богучарскій и П. Е. Щеголевъ. Спб. 1905. Изд. М. В. Пирожкова. См. о Рылѣевѣ въ воспоминаніяхъ князя Е. П. Оболенскаго. М. А. Фонвизина и бар. В. И. Штейнгеля

— *В. И. Семевскій.* Крестьянскій строй. Изд. князя П. Д. Долгорукова и гр. С. Л. Толстого. Спб. 1905, т. I, стр. 220, 226 227 и др.

— *А. Веселовскій.* Западное вліяніе въ новой русской литературѣ. Изд. 3-е, Москва 1906. стр. 101, 103, 147—160 (1-ое изд. 1883 г.). Намѣчены нѣкоторые байроновскіе мотивы у Рылѣева [1]).

— *П. Е. Щеголевъ.* П. Г. Каховскій. Былое 1906 г., январь-февраль.

— *П. П. Павловъ-Сильванскій.* Пестель передъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ. Ibid., №№ 2—5. Отд. оттискъ, Спб. 1906.

— *М. В. Довнаръ-Запольскій.* Мемуары декабристовъ. Кіевъ 1906. Его-же: Тайное общество декабристовъ. Москва 1906. Его-же: Идеалы декабристовъ. Москва 1907. Въ „Мемуарахъ" среди показаній и записокъ декабристовъ встрѣчается не мало интересныхъ свѣдѣній о политическихъ взглядахъ Рылѣева. Во второмъ изслѣдованіи очерчена дѣятельность его въ Сѣверномъ Обществѣ. Въ „Идеалахъ декабристовъ" разсмотрѣна его поэзія, какъ отраженіе политическаго міросозерцанія либеральнаго круга людей Александровской эпохи. „Для историковъ, говоритъ г. Довнаръ-Запольскій, поэзія Рылѣева имѣетъ особый интересъ. Она служитъ показателемъ настроеній не одного Рылѣева: въ ней, какъ въ фокусѣ, сошлось настроеніе цѣлаго круга людей, выразительнымъ пѣвцомъ котораго явился Рылѣевъ. Гражданская скорбь, проникавшая въ произведенія Рылѣева, была присуща всему кружку декабристовъ и мотивы ея иногда почти детально совпадаютъ съ тѣми показаніями, которыя давали декабристы на слѣдствіи" (стр. 288—289).

— *П. Кропоткинъ.* Идеалы и дѣйствительность въ русской литературѣ. Спб. 1907 г., стр. 42—43. Сообщены невѣрныя свѣдѣнія о произведеніяхъ Рылѣева: по словамъ Кропоткина, цензура не пропустила „Думъ" и онѣ ходили по всей Россіи въ рукописяхъ (ср. выше, стр. 3); по поводу „Войнаровскаго" отмѣчено, что эта

[1]) О байронизмѣ Рылѣева см. еще: *M. Zdziechowski.* Byron i iego wiek. t. II. Kraków. 1897, str. 149—154.

поэма неизвѣстна въ Западной Европѣ; между тѣмъ, существуетъ нѣсколько переводовъ ея на нѣмецк., французск., итальянск. и др. языки.

— *Н. А. Котляревскій.* Декабристы. Кн. А. И. Одоевскій и А. А. Бестужевъ. Спб. 1907. стр. V, 14—18, 20, 21, 31, 118, 122, 126—130 и др.

— *Н. А. Котляревскій.* Литературныя направленія Александровской эпохи. Спб. 1907. Библіотека „Свѣточа", стр. 163—167. Краткая характеристика гражданской лирики Рылѣева: приведены нѣкоторыя его стихотворенія.

— *Н. Лернеръ.* Замѣтки о Пушкинѣ. Рус. Стар. 1907 г., декабрь, стр. 721—725.

— Политическіе процессы Николаевской эпохи. Декабристы. Изданіе М. В. Саблина. Москва 1907. Много упоминаній о Рылѣевѣ.

— *А. Богумилъ.* Начальный періодъ народничества въ русской художественной литературѣ. Кіевъ 1907, стр. 426, 427, 441, 454.

— *Н. Н. Ждановъ.* Сочиненія, изд. Имп. Ак. Наукъ. Т. II. Спб. 1907, стр. 275.

— Альманахъ Шиповникъ. изд. подъ общей редакціей В. Л. Бурцева Спб. (1907). стр. 219, 221, 223 и 224. О казни Рылѣева.

— Записки *Н. И. Пущина* о Пушкинѣ. Спб. 1907. стр. 63.

— *А. Серпѣевичъ.* Исторія русской литературы. Изд. А. А. Каспари. Спб. (1907). стр. 194—195.

— *Г. Василичъ.* Междуцарствіе и возстаніе 1825 года. ч. I. 1907. ч. II, 1908. Москва. Изд. „Библіотеки декабристовъ".

— *Г. Геннади.* Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX ст. Т. III. Москва 1908. Имя Рылѣева обозначено невѣрно (Ѳедоръ Кондратьевичъ).

— Архивъ Раевскихъ. Изданіе Н. М. Раевскаго. Редакція и примѣчанія Б. Л. Модзалевскаго. Томъ I, Спб. 1908, стр. 232, 256, 257.

— *П. Е. Щеголевъ.* А. С. Грибоѣдовъ и декабристы. Съ приложеніемъ факсимиле дѣла о Грибоѣдовѣ, хранящагося въ Государственномъ Архивѣ. Спб. 1908. Изданіе А. Суворина. На л. 5 приложеній воспроизведены вопросные пункты, предложенные слѣдственнымъ комитетомъ Рылѣеву, и отвѣтъ на нихъ послѣдняго.

— *Д. К. Петровъ.* Очерки по исторіи политической поэзіи XIX в. Россія и Николай I въ стихотвореніяхъ Эспронседы и Россетти. Спб. 1909, стр. 68, 72, 73, 92—94. О симпатіяхъ Рылѣева къ Испаніи.

— *А. С. Пругавинъ.* Въ казематахъ. Спб. 1909, стр. 280, 281, 296. Съ портретомъ.

— *М. Лемке.* Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг. Изд. 2-ое С. В. Бунина. Спб. 1909, стр. 233—236, 257. Объ отношеніяхъ Ѳ. В. Булгарина къ Рылѣеву.

— *С. Н. Браиловскій.* Къ вопросу о Пушкинской плеядѣ. Историко-литературные матеріалы и изслѣдованія. Рус. Фил. Вѣстникъ 1909 г., №№ 1—4.

— *В. И. Семевскій.* Политическія и общественныя идеи декабристовъ. Спб. 1909. Въ это крупное изслѣдованіе о декабристахъ, кромѣ печатнаго, привлеченъ еще неизданный архивный матеріалъ. Выясняя политическое и общественное міросозерцаніе декабристовъ, г. Семевскій не разъ говоритъ и о Рылѣевѣ; среди другихъ источниковъ онъ пользуется при этомъ дѣломъ Рылѣева, хранящимся въ Государственномъ Архивѣ.

— Журналъ ген.-ад. *гр. К. Ф. Толь* о декабрьскихъ событіяхъ 1825 года. Изданіе и редакція гр. Е. Н. Толь. Спб. 1910, стр. 30, 31, 33. Допросъ Рылѣева во дворцѣ 14 дек. 1825 г.

Подводя итогъ разсмотрѣнной здѣсь литературѣ, мы приходимъ къ слѣдующему заключенію. Несмотря на то, что у насъ существуетъ много статей о Рылѣевѣ и имя его часто упоминается на страницахъ различныхъ изданій, научная литература объ этомъ писателѣ очень невелика. Многія работы о немъ носятъ компиля-

тивный характеръ, повторяютъ другъ друга и потому не имѣютъ научнаго значенія; въ большинствѣ это—газетныя и журнальныя замѣтки, интересныя только въ смыслѣ популярности имени поэта.

Наиболѣе разработана въ настоящее время біографія Рылѣева; политическая его дѣятельность обращала на себя вниманіе многихъ изслѣдователей эпохи декабристовъ (см. работы Семевскаго, Довнаръ-Запольскаго, Щеголева, Шильдера и др.); однако самостоятельнаго очерка по этому вопросу у насъ не имѣется. Что касается его литературной дѣятельности, она, хотя и разсмотрѣна въ трудахъ Ефремова, Якушкина, Сиротинина, Сиповскаго и Котляревскаго, но охарактеризована здѣсь не достаточно полно. Вообще изученіе ея до послѣдняго времени оставляетъ желать многаго. Нѣкоторые вопросы, какъ напр., вопросъ о байронизмѣ Рылѣева, о вліяніи украинской среды на его поэзію, только вскользь намѣчены въ нашей литературѣ; другіе—совсѣмъ не подымались (вопросъ объ историческомъ матеріалѣ, какимъ пользовался Рылѣевъ при созданіи своихъ произведеній).

Глава вторая.

Біографическій очеркъ.

Родъ Рылѣевыхъ. Дѣтскіе годы К. Ѳ. Рылѣева. Воспитаніе въ кадетскомъ корпусѣ. Первые литературные опыты. Заграничные походы. Жизнь въ Острогожскомъ уѣздѣ Воронежской губ. Женитьба. Переѣздъ въ Петербургъ Участіе въ литературныхъ обществахъ и кружкахъ. Литературныя знакомства. Политическая дѣятельность Рылѣева. Участіе въ заговорѣ 14 декабря 1825 г. Заключеніе въ Петропавловской крѣпости. Судъ. Казнь.

Родъ дворянъ Рылѣевыхъ внесенъ въ VI-ю часть родословной книги Тульской губерніи; происхожденіе свое онъ ведетъ отъ Ѳомы Рылѣева, владѣвшаго помѣстьями въ уѣздахъ той же губерніи — Соловскомъ (нынѣ Крапивенскій) и въ Дѣдиловскомъ (нынѣ Богородицкій). Какъ видно изъ поколѣнной росписи, Кондратій Ѳедоровичъ былъ пятымъ представителемъ рода и приходился правнукомъ Ѳомѣ Рылѣеву [1]). Отецъ его, подполковникъ Ѳедоръ Андреевичъ Рылѣевъ, за приведеніе въ исправность 2-го Эстляндскаго Егерскаго баталіона и за мужественную атаку подъ начальствомъ ген.-майора Денисьева шведскаго корпуса пожалованъ былъ имп. Екатериной II кавалеромъ ордена Св. Владиміра 4-ой степени [2]). Оставивъ военную службу, онъ управлялъ имѣніями княгини Варвары Васильевны Голицыной и велъ здѣсь дѣла, повидимому, не вполнѣ удачно, такъ какъ послѣ его смерти (въ 1814 г.) владѣлица заявила въ Кіевскій

---

[1]) Поколѣнная роспись и свѣдѣнія о родѣ Рылѣевыхъ любезно доставлены намъ г. Секретаремъ Тульскаго Дворянскаго Депутатскаго Собранія.

[2]) См. Приложенія, стр. 116—117.

повѣтовый судъ претензію на его имущество въ Кіевѣ, которое и было описано въ присутствіи члена суда. Долгое время длилась эта тяжба и закончилась только въ 1838 г. въ пользу наслѣдниковъ Ѳ. А. Рылѣева [1]). Кромѣ кіевской усадьбы, Ѳедоръ Андреевичъ наслѣдовалъ еще родовое помѣстье—село Батово Петербургскаго уѣзда. Здѣсь и родился будущій поэтъ Кондратій Ѳедоровичъ Рылѣевъ (18 сентября 1795 года).

Первыя впечатлѣнія дѣтства не оставили свѣтлыхъ воспоминаній въ душѣ ребенка. Отецъ его былъ человѣкъ крутой и до крайности властолюбивый: онъ жестоко обращался съ крестьянами и дворовыми, не менѣе суровъ былъ и со своей семьей: жену Анастасію Матвѣевну (урожденная Эссенъ. † 1824 г.) онъ нерѣдко запиралъ въ погребъ, сына за малѣйшія шалости наказывалъ розгами. О тяжелой семейной жизни мать Кондратія Ѳедоровича вспоминала впослѣдствіи въ письмахъ къ сыну. „Правда твоя, что я не была счастлива, писала ему она въ 1817 году, отецъ твой не умѣлъ устроить мое и твое спокойствіе. Что дѣлать! Богу такъ было угодно“ [2]). Въ письмѣ ея къ мужу также слышится упрекъ въ равнодушномъ отношеніи его къ дѣтямъ: „а ты, право, несправедливъ: ни сыну, ни дочери не оставилъ ни мальчика, ни дѣвки, а все продалъ“... [3]).

Неприглядная домашняя обстановка побудила Анастасію Матвѣевну рано разстаться съ сыномъ. Едва ему минуло шесть лѣтъ, она отвезла его въ Петербургъ и помѣстила въ Первый Кадетскій Корпусъ. Изъ случайно уцѣлѣвшаго въ архивѣ корпуса списка кадетовъ 1802 г. мы узнаемъ, что Рылѣевъ опредѣленъ былъ туда 12 января 1801 г. и числился сначала „волонтеромъ“, а съ 12 марта того же года „кадетомъ малолѣтняго отдѣленія [4]).

Первый Кадетскій Корпусъ, куда поступилъ Рылѣевъ, былъ однимъ изъ старѣйшихъ учебныхъ заведеній Петербурга. Основанный еще при Аннѣ Іоанновнѣ въ 1832 г. подъ именемъ „Шляхетнаго Корпуса“ (съ 1743г. „Сухопутный Шляхетный Корпусъ“), онъ за долгій періодъ своего

[1]) Ibid., стр. 105. См. еще письмо Ѳ. Миллера къ женѣ К. Ѳ. Рылѣева отъ 20 іюля 1839 г. (Имп. Академія наукъ. Архивъ К. Ѳ. Рылѣева. Бумаги Н. М. Рылѣевой, № 11).

[2]) *Бальмонъ*, т. II, стр. 110.

[3]) См. Приложенія, стр. 115.

[4]) Архивъ 1-го Кадетскаго Корпуса, № 5455 (по инвент. описи № 11), л. 69.

существованія переживалъ эпохи процвѣтанія и упадка. Изъ стѣнъ его вышли многіе видные дѣятели на военномъ и гражданскомъ поприщахъ (гр. П. А. Румянцевъ, Прозоровскій, Каменскій, Вяземскій, Храповицкій, Стрекаловъ); здѣсь же воспитывались и извѣстные наши писатели — Сумароковъ, Херасковъ и Озеровъ. При корпусѣ была огромная библіотека, музей и типографія [1]). До воцаренія имп. Павла корпусъ раздѣлялся на камеры по возрастамъ; въ каждой камерѣ было по двадцать человѣкъ и при нихъ „аббаты"—французы, нѣмцы, а иногда и англичане. Въ дни дежурствъ этихъ аббатовъ воспитанники должны были говорить на ихъ родномъ языкѣ, благодаря чему знаніе иностранныхъ языковъ въ корпусѣ стояло довольно высоко, и выходившіе оттуда воспитанники занимали часто мѣста на дипломатическомъ поприщѣ. Но со времени имп. Павла общій уровень образованія значительно понизился. Посѣтивъ однажды корпусъ (16 января 1797 г.), императоръ тотчасъ же велѣлъ „аббатовъ прогнать, а корпусъ раздѣлить на двѣ роты и назначить въ каждую роту офицеровъ"; благодаря такой реформѣ образованіе въ корпусѣ приняло узко военный характеръ, и знаніе языковъ почти исчезло [2]).

Во время пребыванія Рылѣева въ корпусѣ директоромъ его былъ генералъ-майоръ Ѳедоръ Ивановичъ Клингеръ (1801—1820 гг. [3]). За время своего долголѣтняго управленія этотъ директоръ не сдѣлалъ никакихъ улучшеній въ дѣлѣ воспитанія кадетовъ. Погруженный въ свои научныя занятія, онъ не желалъ вникать во внутреннюю жизнь ввѣреннаго ему заведенія и для устраненія всякихъ недоразумѣній съ кадетами прибѣгалъ къ одному излюбленному средству—розгамъ. „Время Клингеровскаго управленія, вспоминаетъ одинъ изъ воспитанниковъ, можно безъ преувеличенія назвать временемъ террора. Обиліе и жестокость введенныхъ имъ тѣлесныхъ наказаній въ настоящее время могутъ показаться невѣроятными: за самыя невин-

[1]) А. *Висковатовъ*. Краткая исторія Перваго Кадетскаго Корпуса. Спб. 1832, стр. 66—67. См. еще очеркъ исторіи корпуса въ книгѣ: „Сто-двадцатипятилѣтній юбилей Перваго Кадетскаго Корпуса 1732—1857". Спб. 1857, стр. 1—15.

[2]) *Н. Лѣсковъ*. Кадетскій монастырь. „Истор. Вѣстникъ" 1885 г., т. I, стр. 113.

[3]) А. *Висковатовъ*, ук. соч., стр. 82.

ныя дѣтскія шалости, онъ опредѣлялъ отъ 30 до 50 ударовъ, но при болѣе важныхъ это число утраивалось. Другихъ наказаній, кромѣ розогъ, повидимому, онъ и не зналъ. Утромъ почти ежедневно въ каждой ротѣ раздавались крики и вопли дѣтей.“ [1])

Такимъ образомъ, неприглядная домашняя обстановка смѣнилась для Рылѣева не менѣе тяжелой корпусной жизнью. За рѣзвыя шалости мальчика строго наказывали, но онъ стойко переносилъ всѣ взысканія. „Его сѣкли нещадно, говоритъ Н. Гречъ, но онъ старался выдержать характеръ, не произносилъ ни малѣйшей жалобы, ни малѣйшаго стона и, ставъ на ноги, опять начиналъ грубить офицеру.“ [2]) Иногда онъ принималъ на себя вину своихъ товарищей и охотно ложился за нихъ подъ розги. При такомъ суровомъ режимѣ въ корпусѣ было нѣсколько лицъ, дружески и съ любовью относившихся къ кадетамъ. Среди нихъ особенной привязанностью пользовался корпусный экономъ—Андрей Петровичъ Бобровъ, который очень любилъ дѣтей и много заботился, чтобы его „мошенники, какъ называлъ онъ ихъ, были сыты, теплы и чисты.“ Все, что имѣлъ старикъ при жизни, онъ употреблялъ на кадетовъ и относился къ нимъ съ удивительною нѣжностью. [3]) Имя этого эконома Рылѣевъ увѣковѣчилъ въ юношеской своей поэмѣ „Кулакіада“, которая написана была по случаю внезапной кончины главнаго корпуснаго повара Кулакова. Лѣсковъ передаетъ слѣдующія подробности объ этой поэмѣ. „Въ мое время (въ концѣ 1820-хъ гг.), говоритъ онъ, въ корпусѣ было такое преданіе, что Кондратій Ѳедоровичъ, написавъ эти стихи, переписалъ ихъ на такой точно бумагѣ, на какой подавался ежедневный рапортъ директору и будто бы Рылѣевъ, вытащивъ подлинный рапортъ изъ-подъ кокарды треуголки Боброва, вложилъ вмѣсто него стихи. Бобровъ, прійдя къ директору, подалъ эту бумагу. Директоръ очень смѣялся и прочиталъ эти стихи Боброву, который при этомъ расплакался. Когда Бобровъ узналъ, чья это шутка, онъ будто бы предсказалъ Рылѣеву кончину, которою тотъ умеръ. Насколько это справедливо, я не ручаюсь, но повторяю, у насъ въ корпусѣ было такое преданіе и всѣ этому вѣрили. Од-

[1]) Первый Кадетскій Корпусъ въ 1813—1825 гг. Воспоминанія бывшаго воспитанника. Сообщилъ К. Зейдеръ-отъ. „Рус. Стар.“ 1879 г., февраль.

[2]) Изъ записокъ *Н. И. Греча*. „Рус. Вѣстн.“ 1868 г., № 6, стр. 377.

[3]) *Н. Лѣсковъ*, ук. соч., стр. 117.

нажды я самъ спросилъ у покойнаго Андрея Петровича, правда ли, что онъ сказалъ такое роковое слово на Рылѣева, но Бобровъ вмѣсто отвѣта, посмотрѣлъ на меня молча, потомъ погрозилъ пальцемъ, вздохнулъ, перекрестился и прошепталъ: „Да, рѣзвунъ былъ покойникъ: упокой, Господи, его душу!“ [1])

О жизни Рылѣева въ корпусѣ сохранились лишь отрывочныя свѣдѣнія. Изъ писемъ его къ отцу видно, что ученье здѣсь шло довольно успѣшно. „Послѣ отъѣзда вашего, писалъ онъ, я былъ переведенъ въ 3-ій средній классъ изъ 5-го средняго, черезъ два класса выше“; и затѣмъ позже: „мои лѣта и нѣкоторый успѣхъ въ наукахъ даютъ мнѣ право требовать чинъ офицера артиллеріи, чинъ плѣняющій молодыхъ людей до безумія и который мнѣ также лестенъ.“ [2]) Какимъ именно наукамъ обучался Рылѣевъ въ корпусѣ, мы не знаемъ; изъ формулярныхъ списковъ его товарищей можно видѣть, что въ это время въ программу корпуснаго образованія входили слѣдующіе предметы: россійскій, нѣмецкій и французскій языки, ариѳметика, геометрія, алгебра, физика, географія, исторія, статистика, полевая фортификація, артиллерія, ситуація, техника и рисованіе [3])

[1]) Ibid., стр. 125 Воспитывавшійся въ 1-мъ Кадетскомъ Корпусѣ поэтъ М. П. Розенгеймъ (1820—1887) посвятилъ Боброву одно изъ своихъ стихотвореній подъ загл. „Надгробное слово“, гдѣ отмѣтилъ честность и безграничную доброту почтеннаго эконома, полвѣка безкорыстно служившаго корпусу:

Онъ и при жизни былъ укоромъ для другихъ
Своею честностью, обидно безграничной.
Межъ тѣмъ какъ цѣлый міръ хлопочетъ объ одномъ,
Чтобъ были свой карманъ и свой животъ набиты,—
Чудакъ диковинный! Онъ думалъ лишь о томъ,
Чтобъ всѣ вокругъ него до нельзя были сыты.
...Кадетское добро стерегъ онъ, словно песъ...

М. П. Розенгеймъ. Стихотворенія. Изд 6. Спб. 1902, ч. II. стр. 290.

Снимокъ съ портрета А. П. Боброва, исполненнаго тушью Н. С. Лѣсковымъ, находится въ Музеѣ 1-го Кадетскаго Корпуса.

[2]) *Балицкій*, т. II, стр. 91, 94.

[3]) Формул. списки кадетовъ П. Д. Мея, П. М. Орлая и П. Г. Зимина. Архивъ 1-го Кад. Корпуса, № 5836 (по инв. оп. № 12). Среди бумагъ архива сохранились еще списки „классныхъ книгъ по библіотекѣ“; этими книгами пользовались кадеты во время пребыванія въ корпусѣ. Кромѣ начальныхъ учебниковъ по математикѣ и языкамъ, въ спискахъ упоминаются слѣд. сочиненія: „Риторика Ломоносова“, „Нравоучительныя басни Ѳемина“, „Сократическіе Разговоры“, „Приключенія Телемака“ Фенелона, въ 2 чч.; „Новый Робинзонъ“, „Amusemens Philologiques“, tt. I—IV; „Suite des Amusemens Philologiques“ tt I—II; „Modele des jeunes gens“, „Journal Militaire“ и др.

По словамъ Кропотова, Рылѣевъ особенно успѣшно проходилъ словесныя науки; по математикѣ онъ принадлежалъ къ числу посредственныхъ учениковъ.[1]) На школьной скамьѣ пристрастился Рылѣевъ и къ чтенію: не удовлетворяясь корпусной библіотекой, онъ старался самостоятельно пріобрѣтать книги. „Любезный батюшка, писалъ онъ отцу, сдѣлайте милость, не позабудьте мнѣ прислать денегъ и на книги, потому что я весьма великой охотникъ до книгъ.“ [2]).

Въ корпусѣ Рылѣевъ началъ пробовать и свои литературныя силы. Кромѣ отмѣченной выше поэмы „Кулакіада“, имъ написана была здѣсь ода „Любовь къ Отчизнѣ“ (4 іюня 1813 г.); вѣроятно, къ этому же времени относятся: басня „Гусь и Змія,“ „Посланіе къ Ф...,“ „На погибель враговъ“ и прозаическія статьи: „Причина паденія власти папъ“ и „Побѣдная пѣснь героямъ.“ [3])

Передъ оставленіемъ корпуса Рылѣевъ написалъ домой „виновнику бытія своего“ пространное посланіе, въ которомъ дѣлился съ нимъ задушевными мыслями. Письмо это, написанное въ нѣсколько торжественномъ и сентиментальномъ тонѣ, представляетъ значительный интересъ для опредѣленія современныхъ взглядовъ и настроеній автора. Здѣсь предъ нами—юноша, готовый вступить „въ волнуемый страстями міръ.“ Тревоги и сомнѣнія одолѣваютъ его: съ одной стороны онъ окрыленъ радужными мечтами, вѣритъ въ людей и въ свои силы; съ другой—сомнѣнія скептическаго ума разрушаютъ эти иллюзіи и вскрываютъ предъ нимъ неприглядную сторону дѣйствительности. Пылкое чувство борется въ душѣ его съ холоднымъ разсудкомъ. „Тамъ въ свѣтѣ умъ мой, признается Рылѣевъ отцу, видитъ рядъ непрерывныхъ бѣдствій и ужасается. Несчастія занимаютъ первое мѣсто; за ними слѣдуютъ обманы, грабительства, вѣроломства, развратъ и такъ далѣе. Устрашенное мое воображеніе и разсудокъ мой съ трепетомъ гласятъ мнѣ: „Заблужденный молодой человѣкъ! Ты стремишься въ свѣтъ—но посмотри, тамъ гибель ожидаетъ тебя. Посмотри, тамъ бездны изрыты на каж-

[1]) *См. Кропотовъ.* Нѣсколько свѣдѣній о Рылѣевѣ. „Рус. Вѣстникъ“ 1869 г., № 3, стр. 237.

[2]) *Бальмонъ*, т. II, стр. 91.

[3]) Приложенія, стр. 77—85. О принадлежности этихъ произведеній Рылѣеву см. ниже, въ гл. III.

домъ шагу твоемъ, берегись низринуться въ нихъ...“ Такъ говоритъ мнѣ умъ, но сердце, вѣчно съ нимъ соперничествующее, учитъ меня противному: „Иди смѣло, презирай всѣ несчастія, всѣ бѣдствія и, если оныя постигнутъ тебя, то переноси ихъ съ истинною твердостію и ты будешь героемъ, получишь мученическій вѣнецъ и вознесешься превыше человѣковъ.“ Тутъ я восклицаю: „Быть героемъ, вознестись превыше человѣчества! Какія сладостныя мечты! О! я повинуюсь сердцу.“—Такимъ образомъ, еще на школьной скамьѣ зарождались у Рылѣева мысли о подвигахъ, о мученическомъ вѣнцѣ, о смѣломъ пути среди бѣдствій, готовыхъ обрушиться на всякаго, кто рѣшится вступить въ борьбу съ ними. Послѣдующая жизнь Рылѣева показала, въ какой мѣрѣ ему удалось осуществить эти юношескія мечтанія. Письмо проникнуто еще религіознымъ и патріотическимъ чувствомъ: „Мила для меня страна, гдѣ родились моя мать и отецъ, и въ коей я самъ родился; несказанно пріятна для меня вѣра, которую исповѣдуютъ мои родители, въ коей и я воспитывался. Обожаю я Монарха нашего, потому что печется о подданныхъ своихъ, какъ отецъ, обожающій чадъ своихъ, и какъ царя, надъ нами Богомъ поставленнаго! Хочу возблагодарить его... мужествомъ и храбростію на полѣ славы.“ [1]) Отецъ, получивъ это письмо, остался имъ очень недоволенъ: не вѣря его искренности, онъ увидѣлъ здѣсь только „чужія умозаключенія,“ „натянутыя, несвязныя выраженія“; къ тому же, всѣ эти „выдуманныя затѣи“ высказаны были, казалось ему, „безъ участія прямаго сердца.“ [2]) По этому поводу онъ писалъ къ Анастасіи Матвѣевнѣ и совѣтовалъ ей преподать сыну наставленія, „дабы онъ, выходя на поприще свѣта, главнымъ поставлялъ себѣ правиломъ, въ пылкихъ его пожеланіяхъ имѣть воздержность... сердце его будучи молодо и необразовано, чувствуетъ внушенное либо оговоренное круга его людьми, а отнюдь не свое собственное.“ [3])

Въ началѣ 1814 г. Рылѣевъ окончилъ образованіе въ корпусѣ и, зачисленный прапорщикомъ въ артиллерійскую бригаду, тотчасъ же командированъ былъ въ заграничные походы. [4]) 28 февраля мы

---

[1]) *Балицкій*, т. II, стр. 92—94.

[2]) Ibid., стр. 96.

[3]) Прилож., стр. 115.

[4]) Подполковникъ Перской рапортомъ отъ 1-го февр. 1814 г. доносилъ Клингеру, что Рылѣевъ и другіе воспитанники, выпущенные прапорщиками въ артиллерійскія бригады, „всѣ отправились изъ корпуса.“ Архивъ 1-го Кад. Корпуса, № 5836 (по инв. оп. № 12).

застаемъ его уже въ Дрезденѣ.[1]) Путешествуя за границей. Рылѣевъ не порывалъ однако своихъ связей съ корпусомъ и поддерживалъ ихъ перепиской.[2]) Въ свою очередь, въ корпусѣ долго жили воспоминанія о Рылѣевѣ, и когда впослѣдствіи онъ выступалъ на литературномъ поприщѣ, кадеты очень интересовались его произведеніями и многія изъ нихъ заучивали наизусть. По этому поводу Лѣсковъ сообщаетъ слѣдующія воспоминанія одного изъ воспитанниковъ. „Кадеты, говоритъ онъ, очень любили запрещенные стихи и, несмотря на безпощадную строгость, имѣли ихъ въ большомъ изобиліи... Преимущественно мы дорожили стихами своего однокашника. К. Ѳ. Рылѣева, съ музой котораго ничья муза въ корпусѣ состязаться не смѣла. Мы списывали всѣ рылѣевскія стихотворенія и хранили ихъ, какъ сокровище. Начальство это преслѣдовало и, если у кого находило стихи Рылѣева, то такого преступника драли съ усиленною жестокостью... Рѣдкій кадетъ нашего времени не зналъ почти всѣхъ думъ Рылѣева, которыя почитались въ высшей степени неодобрительными, особенно для юношества.“ [3]).

Въ заграничныхъ походахъ Рылѣеву пришлось участвовать два раза: въ 1814 г. онъ со своей ротой проходилъ герцогство Варшавское, Пруссію, Саксонію, Вюртембергъ, Баварію, Францію и Швейцарію; съ 12 апр. 1815 г. онъ снова былъ за границей—въ Пруссіи, Саксоніи, Баваріи и Франціи.[4]) Въ перерывѣ между походами рота его нѣкоторое время стояла въ г. Несвижѣ Минской губ.

Пребываніе за границей не прошло, конечно, безслѣдно для Рылѣева: всѣмъ извѣстно, какія впечатлѣнія вынесла русская военная молодежь послѣ непосредственнаго знакомства съ западной жизнью и цивилизаціей. Рылѣевъ въ этомъ случаѣ не былъ исключеніемъ. Онъ съ увлеченіемъ знакомился съ новой обстановкой. Западная природа производила на него сильное дѣйствіе: онъ восторгался „быстротекущимъ Рейномъ“ и, проходя 25 марта 1814 г. чрезъ Шафгаузенъ, спѣшилъ посмотрѣть „чудесное низверженіе славной

---

[1]) *Балицкій*, т. II, стр. 98.

[2]) Ibid., стр. 98.

[3]) *П. С. Лѣсковъ*. Кадетскій малолѣтокъ „Истор. Вѣстн.“ 1885 г., т. XX, стр. 118—119, 121.

[4]) Государственный Архивъ. Дѣло Рылѣева I. В. № 334, л. 85 (по копіи В. И. Семевскаго).

рѣки". — „Сердце трепещетъ, писалъ онъ по этому поводу, душа млѣетъ въ восторгахъ, слабый умъ стремится понять Творца природы и — утопаетъ въ Его величіи!" [1]). Во время посѣщенія Парижа, въ сентябрѣ 1815 г., Рылѣевъ велъ дневникъ своихъ прогулокъ по столицѣ; часть этихъ записокъ сохранилась и представляетъ собою подробное описаніе достопримѣчательностей города [2]); мѣстами встрѣчаются интересныя замѣтки для характеристики нравовъ современной парижской жизни. Заслуживаютъ вниманія симпатичные отзывы о Наполеонѣ. „Можно утвердительно сказать, замѣчаетъ Рылѣевъ подъ 22 сентября въ дневникѣ, что ни одинъ король изъ фамиліи Бурбоновъ не украсилъ столько Парижа, какъ Наполеонъ. Въ его царствованіе, несмотря на безпрестанныя войны, выстроены многія прекрасныя зданія, воздвигнуты великіе памятники и великолѣпные обелиски, долженствующіе предать въ позднее потомство славу двадцатилѣтняго правленія Наполеона" [3]).

Къ парижской жизни Рылѣева относятся воспоминанія Тимирязева о посѣщеніи знаменитой гадальщицы Le Normand. Рылѣевъ зашелъ однажды къ ней со своими товарищами и просилъ предсказать ему судьбу. Прорицательница, взглянувъ на его руку, съ ужасомъ оттолкнула ее и отказалась дѣлать предсказанія. Рылѣевъ началъ настаивать и гадальщица, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, уступила его просьбамъ. Она долго вглядывалась въ протянутую руку и пробормотала: „Vous ne mourrez pas d'une mort naturelle!" — Je serai tué à la guerre? спросилъ Рылѣевъ. — „Non". — Alors en duél? — „Non, non, bien pire que cela, ne me questionnez plus, je ne vous dirai plus rien". Сказавъ это, прорицательница закрыла лицо руками [4]).

Въ семьѣ Рылѣевыхъ сохранился разсказъ, что подобное роковое предсказаніе сдѣлалъ себѣ самъ Рылѣевъ, когда жилъ въ Дрезденѣ. Въ этомъ городѣ благодаря своему родственнику, коменданту М. Н. Рылѣеву, Кондратій Ѳедоровичъ получилъ мѣсто при артиллерійскомъ магазинѣ; однако оставался на службѣ недолго. При-

[1]) Приложенія, стр. 47.

[2]) Ib., стр. 47—59.

[3]) Ib., стр. 55.

[4]) *Ѳ. Тимирязевъ.* Страницы прошлаго. „Рус. Архивъ" 1884 г., кн. I, стр. 172.

чиной этого было слѣдующее обстоятельство. Благодаря своему живому характеру и саркастическому складу ума, Рылѣевъ никого не оставлялъ въ покоѣ: писалъ на всѣхъ сатиры и пасквили, быстро расходившіеся по рукамъ и вооружилъ тѣмъ противъ себя все русское общество Дрездена, которое, выйдя наконецъ изъ терпѣнія, жаловалось на него кн. Репнину, прося избавить отъ злого насмѣшника. Репнинъ передалъ жалобу коменданту; послѣдній, чтобы избавиться отъ безпокойнаго племянника, велѣлъ ему въ 24 часа оставить городъ и при этомъ съ сердцемъ прибавилъ: „Если же осмѣлишься ослушаться, то предамъ военному суду и разстрѣляю!“ — „Кому быть повѣшеннымъ, того не разстрѣляютъ!“ отвѣтилъ ему Рылѣевъ и тотчасъ же, ни съ кѣмъ не простясь, уѣхалъ изъ Дрездена [1]).

Походная жизнь не мѣшала Рылѣеву время отъ времени предаваться литературнымъ занятіямъ. Кромѣ замѣтки о рейнскомъ водопадѣ близъ Шафгаузена и дневника парижскихъ впечатлѣній, имъ написаны были за границей еще — „Путешествіе на Парнасъ“, „Бой“, „Луна“ (вольный переводъ съ фр.), „Сентиментальное письмо къ другу моему, Филиппу Васильевичу Голубеву“ и краткое разсужденіе на тему: „Нѣчто о среднихъ временахъ [2])“. Къ этому же времени относится, вѣроятно, и комедія, дошедшая до насъ въ рукописи безъ заглавія; одинъ изъ листовъ этой рукописи имѣетъ водяной знакъ „15“, который несомнѣнно составляетъ часть полнаго обозначенія „1815“ [3]).

Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ не видно еще зрѣлаго таланта. Самъ Рылѣевъ смотрѣлъ на нихъ какъ на „пріятную забаву“ и не придавалъ большого значенія этимъ раннимъ литературнымъ опытамъ. При жизни поэта они не появлялись въ печати.

Въ декабрѣ 1815 г. Рылѣевъ вернулся изъ за границы и вмѣстѣ со своей ротой командированъ былъ въ Острогожскій уѣздъ Воронежской губ., гдѣ оставался въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Новая мѣстность, куда назначенъ былъ Рылѣевъ, представляла безпредѣль-

[1]) *А. И. Фелькнеръ.* Предчувствіе Рылѣева о своей судьбѣ. „Рус. Стар.“ 1872 г., т. X, стр. 440—441. См. еще статью *В. Савицкой* „Сонъ Рылѣевой“, гдѣ также содержатся предсказанія о трагической судьбѣ К. Ѳ. („Истор. Вѣстникъ“ 1894 г., кн. II, стр. 210—214).

[2]) См. Приложенія, стр. 1—5, 46—60.

[3]) Ibid., стр. 60—71.

ное степное пространство, изрѣдка заселенное хуторами и слободами. Почти все населеніе этихъ необозримыхъ степей составилось изъ малороссіянъ, поселенныхъ здѣсь еще при Алексѣѣ Михайловичѣ для защиты русской окраины отъ татарскихъ набѣговъ. Въ послѣдующее время до конца XVIII в. притокъ эмигрантовъ изъ Заднѣпровья все увеличивался. Переселенцы являлись на новыя мѣста съ извѣстными культурными зачатками, совокупность которыхъ въ московскихъ актахъ носитъ характерное названіе „черкасскихъ“ или „старочеркасскихъ обыкностей“, т. е. старинныхъ малороссійскихъ обычаевъ [1]). „Умѣренный климатъ, просторъ степей, прохлада лѣсовъ, богатство рѣкъ, постоянная жизнь въ полѣ за земледѣльческими работами или въ погонѣ за краснымъ звѣремъ— всѣ эти условія наложили на мѣстныхъ жителей какой-то особый отпечатокъ энергіи, поэтичности и созерцательности“ [2]).

Острогожскъ, вблизи котораго стояла рота Рылѣева, принадлежалъ къ стариннымъ городамъ и былъ основанъ еще при Алексѣѣ Михайловичѣ, въ 1652 г. Въ 1820-хъ годахъ онъ входилъ въ составъ Воронежской губ., а незадолго передъ тѣмъ былъ главнымъ городомъ Острогожскаго слободского полка и во всѣхъ отношеніяхъ—по быту, привычкамъ населенія—тянулъ къ слободско-украинской губерніи. Населеніе города простиралось до 10000 чел.; культурный уровень его стоялъ довольно высоко. Не говоря уже о духовенствѣ, необходимо отмѣтить, что купечество и мѣщанство отличались большой начитанностью. А. Никитенко, вспоминая объ острогожской жизни этого времени (1816 и сл. гг.) называетъ Острогожскъ воронежскими Аѳинами и указываетъ, что среди многихъ купцовъ и мѣщанъ можно было встрѣтить такія книги, какъ „Конституція Англіи“ Де-Лольма, „Персидскія письма“ Монтескье, „Духъ Законовъ“ его же въ переводѣ Языкова, „Юридическія сочиненія Юсти“, „О преступленіи и наказаніи“ Беккаріи, сочиненія Вольтера на русск. языкѣ и др. [3]).

---

[1]) *Д. И. Багалѣй.* Опытъ исторіи Харьковскаго университета, т. I, Харьковъ 1893—1898 г., стр. 20.

[2]) *М. Веневитиновъ.* Изъ Воронежской старины. Москва 1887, стр. 54.

[3]) *А. В. Никитенко.* Повѣсть о самомъ себѣ. Посмертныя записки. „Русск. Стар.“ 1888 г., окт., стр. 73—83.

Своимъ образованіемъ особенно славились богатые украинскіе помѣщики, бывшая казацкая старшина, превратившаяся теперь въ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ. Обладая обширными помѣстьями, приносившими большіе доходы, они много содѣйствовали развитію просвѣщенія въ краѣ и приняли дѣятельное участіе въ основаніи Харьковскаго университета (1805 г.). „Малорусскіе помѣщики Воронежской губерніи, вспоминаетъ Де-Пуле, сравнительно со своими русскими собратами отличались бо́льшею образованностью, бо́льшимъ достаткомъ и лучшимъ домоводствомъ. Они менѣе кутили и совсѣмъ не были падки на военную службу... Они больше учились: связь ихъ съ главнымъ центромъ малороссійской украйны, Харьковомъ, была всегда сильна“ [1]). Веневитиновы, Станкевичи, Шидловскіе, Томилины, Сафоновы, Тевяшевы и др.—составляли цвѣтъ мѣстнаго интеллигентнаго общества [2]).

Рылѣевъ близко сошелся съ этимъ обществомъ и былъ очень радушно принятъ въ его средѣ. „Мы сами, говоритъ Де-Пуле, въ наши гимназическіе годы не мало встрѣчали лицъ, лично знавшихъ Рылѣева“ [3]). То обстоятельство, что нѣкоторые автографы Рылѣева сохранились у предводителя дворянства Острогожскаго уѣзда Фирсова, также до извѣстной степени можетъ служить указаніемъ на связь поэта съ мѣстнымъ обществомъ [4]). При этомъ Рылѣевъ интересовался не только интеллигенціей, но обращалъ вниманіе и на положеніе простого народа. Въ статьѣ „Объ Острогожскѣ“, разбираясь въ причинахъ обѣдненія мѣстныхъ жителей, онъ намѣчаетъ нѣсколько условій, повліявшихъ на общее ихъ благосостояніе. „Неурожай и невозможность съ прежнею дешевизною содержать рогатый скотъ нанесли первый ударъ цвѣтущему состоянію тамошнихъ жителей. Торговля годъ отъ году становится маловажнѣе. Желательно, чтобы попечительное правительство вникнуло и въ другія причины теперешнихъ несчастныхъ обстоятельствъ края. Я, съ своей стороны смѣю сказать, что свобода винокуренія, которою прежде равно пользовались и богатые и бѣдные всѣхъ сословій, хотя существуетъ и нынѣ для всѣхъ, но по нѣкоторымъ обстоя-

---

[1]) *М. Де-Пуле.* П. И. Второвъ. „Рус. Архивъ“ 1877 г., кн. III, стр. 436—438.

[2]) *М. Веневитиновъ.* ук. соч., стр. 41.

[3]) *М. Де-Пуле.* стр. 438.

[4]) См. выше, стр. 24.

тельствамъ перешла въ руки однихъ капиталистовъ, отчего для многочисленнѣйшей части дворянства и войсковыхъ жителей, или такъ называемыхъ черкесовъ, почти единственный источникъ ихъ благосостоянія изсякнулъ совершенно. Могу ошибаться, но ошибаюсь, какъ гражданинъ, радѣющій о благѣ отечества“ [1]).

О жизни своей въ Острогожскомъ уѣздѣ Рылѣевъ довольно подробно сообщалъ въ письмахъ къ матери. „Вы желаете знать, писалъ онъ ей 10 августа 1817 г., каковы наши квартиры. Такія, какихъ мы еще никогда не имѣли. Мы расположены на лѣто въ въ слободѣ Бѣлогорьѣ. Время проводимъ весьма пріятно: въ будни свободные часы посвящаемъ или чтенію, или пріятнымъ бесѣдамъ, или прогулкѣ; ѣздимъ по горамъ и любуемся восхитительными мѣстоположеніями, которыми страна сія богата; подъ вечеръ бродимъ по берегу Дона и при тихомъ шумѣ воды и пріятномъ шелестѣ лѣсочка, на противоположномъ берегу растущаго, погружаемся мы въ мечтанія, строимъ планы для будущей жизни и черезъ минуту уничтожаемъ оные; разсуждаемъ, споримъ, умствуемъ и, наконецъ, посмѣявшись всему, возвращаемся каждый къ себѣ и въ объятіяхъ сна ищемъ успокоенія. Иногда посѣщаемъ живущую въ слободѣ вдову генералъ-майоршу Анну Ив. Бедрагу... домъ весьма почтенный и гостепріимный, и мы въ ономъ приняты, какъ нельзя лучше. Въ праздничные дни ѣдемъ къ другимъ помѣщикамъ, а я чаще на зимнія свои квартиры въ с. Подгорное, гдѣ также живетъ добрый, гостепріимный и любезный помѣщикъ, г-нъ Тевяшевъ; въ семействѣ его мы также приняты, какъ свои, и проводимъ время весьма, весьма пріятно“ [2]).

Посѣщая домъ этого гостепріимнаго помѣщика, Рылѣевъ увлекся младшей его дочерью, Наталіей Михайловной Тевяшевой, и просилъ ея руки у родителей; послѣдніе, прежде чѣмъ дать согласіе, настаивали на томъ, чтобы Рылѣевъ вышелъ въ отставку. Когда онъ сообщилъ матери свое намѣреніе оставить службу, это извѣстіе очень ее огорчило. „Я удивляюсь, что тебѣ наскучила военная служба, писала она; что ты будешь дѣлать въ деревнѣ? чѣмъ займешься? Скоро все тебѣ наскучитъ и самъ будешь жалѣть, что скоро поспѣшилъ отставкой; можешь и женатый служить: ты не первой, много же-

[1]) Ефр.[2], стр. 193—194.
[2]) *Балицкій*, т. II, стр. 101—102.

натыхъ, да служатъ... Я—мать и хочу съ сыномъ говорить откровенно: женитьба твоя меня не огорчаетъ, а что ты выходишь изъ службы, то меня поразило... Третью ночь, какъ я не могу спать, а все твоя отставка, милый мой Кондраша! Подумай хорошенько, ты такъ молодъ и мало служилъ" [1]). Повидимому, и сына на первыхъ порахъ смущало раннее оставленіе службы. „Знаю, писалъ онъ по этому поводу матери, что неприлично въ такой молодости оставить службу, и что четырехлѣтнія безпокойства—недостаточная еще жертва съ моей стороны отечеству и государю за тѣ благодѣянія, коими я отъ нихъ осыпанъ... Но, пытается затѣмъ онъ оправдаться, развѣ я не могу и не въ военной службѣ доплатить имъ то, чего не додалъ въ военной; а равно и разстроенное имѣніе годъ отъ году все болѣе уменьшающееся, не есть ли самый справедливый предлогъ, на которомъ основываясь, я могу оправдаться и въ глазахъ родственниковъ и всѣхъ благоразумныхъ людей [2])".

Нѣсколько позже, въ письмѣ отъ 7-го апрѣля 1818 г., Рылѣевъ снова говоритъ объ оставленіи службы, но при этомъ указываетъ иныя соображенія. „Итакъ, пишетъ онъ матери, много прошло времени въ службѣ, которая никакой не принесла мнѣ пользы, да и впредь не предвидится, и съ моимъ характеромъ я вовсе для нея неспособенъ. Для нынѣшней службы нужны подлецы, а я къ счастію не могу имъ быть: и потому самому ничего не выиграю" [3]). Этотъ рѣзкій отзывъ достаточно ярко характеризуетъ настроеніе Рылѣева: повидимому, уже въ это время онъ начиналъ испытывать то чувство недовольства, которое, постепенно разростаясь, привело его въ концѣ концовъ къ участію въ заговорѣ декабристовъ.

Родители невѣсты продолжали настаивать на оставленіи военной службы. Рылѣевъ подалъ прошеніе объ отставкѣ и былъ уволенъ Высочайшимъ приказомъ 26 дек. 1818 г. Сообщая о состоявшемся увольненіи Тевяшевымъ, онъ писалъ: „Вотъ новость, которая вѣрно будетъ весьма пріятна Михайлу Андреевичу и Матренѣ Михайловнѣ... Михайло Андреевичъ, за это можно

[1]) *Барщевъ*, т. II, стр. 110—111.

[2]) Ibid., стр. 104.

[3]) Архивъ К. Ѳ. Рылѣева, въ библ. Имп. Ак. наукъ. II (Переписка), № 9. См. также *Барщевъ*, т. II, стр. 106.

выпить рюмку водки!“...[1]) Вслѣдствіе различныхъ служебныхъ хлопотъ женитьба Рылѣева оттянулась на нѣкоторое время и состоялась 22 января 1820 г. Передъ свадьбой Рылѣевъ со своей невѣстой ѣздилъ, кажется, къ матери въ с. Батово Петербургскаго уѣзда [2]). Весну и лѣто 1820 г. молодые провели въ имѣніи Тевяшевыхъ, а къ концу года Рылѣевъ уѣхалъ въ родовое помѣстье с. Батово, гдѣ вскорѣ былъ избранъ мѣстнымъ дворянствомъ въ засѣдатели Петербургской Палаты Уголовнаго Суда. Въ это же время Рылѣеву усиленно предлагали быть исправникомъ въ Софіевскомъ уѣздѣ, но онъ наотрѣзъ отказался отъ этой, по его словамъ, „подлой должности“ [3]).

Поселившись въ Петербургѣ, Рылѣевъ иногда пріѣзжалъ на лѣто погостить у родныхъ жены. Съ большой охотой проводилъ онъ здѣсь время, предаваясь спокойному поэтическому творчеству и радостямъ тихой семейной жизни „въ объятьяхъ дружбы нѣжной и родственной любви“. Уѣзжая осенью 1821 г. въ столицу, Рылѣевъ писалъ:

Итакъ, простите вы,
Красы благой природы—
Цвѣтущіе сады
И пышные плоды,
И Дона тихи воды.
И миръ души моей,
И кровъ уединенный,
И тишина полей
Страны благословенной,
Гдѣ горя и суетъ,
И обольщеній чуждый,

---

[1]) *Балицкій*, т. II, стр. 113.

[2]) Поѣздка эта предполагалась еще въ 1818 г. (См. *Балицкій*, т. II, стр. 107). Въ письмѣ къ матери отъ 2 іюня 1819 г. Рылѣевъ извѣщалъ, что онъ собирается выѣхать къ ней въ серединѣ іюня, тотчасъ послѣ свадьбы сестры Натальи Михайловны: „Въ дорогѣ мы надѣемся пробыть не болѣе пяти недѣль; слѣдственно къ сентябрю непремѣнно будемъ въ вашу деревню, гдѣ надѣемся застать и васъ“ (Приложенія, стр. 91).

[3]) Приложенія, стр 93.

Прожить бы могъ поэтъ
Безъ прихотливой нужды! [1].

Изъ писемъ Рылѣева видно, насколько онъ любилъ свое „счастливое и безмятежное уединеніе“ на югѣ. „Я такъ доволенъ, такъ блаженствую, писалъ онъ Булгарину въ 1821 г., что, право, и не хочется вспомнить о шумной Пальмирѣ сѣвера“ [2]). Въ 1825 г. въ письмѣ къ Пушкину Рылѣевъ говоритъ: „Петербургъ тошенъ для меня, онъ студитъ вдохновеніе; душа рвется въ степи; тамъ ей просторнѣе; тамъ только могу я сдѣлать что либо, достойное вѣка нашего“ [3]) Конечно, не однѣ степи влекли Рылѣева на Украйну; его интересовало также и интеллигентное общество гостепріимныхъ мѣстныхъ помѣщиковъ, знакомство съ которыми, какъ мы увидимъ ниже, не прошло безслѣдно для творчества Рылѣева и въ значительной мѣрѣ способствовало обращенію его къ малорусскимъ сюжетамъ въ думахъ и поэмахъ.

Литературная дѣятельность Рылѣева въ годы его жизни въ Острогожскомъ у. (1816—1820) не прерывалась. Къ этому времени относятся его стихотворныя посланія къ друзьямъ, баллада „Людмила“, переводы изъ Анакреона, Сафо, цѣлый рядъ стихотвореній, посвященныхъ Н. М. Тевяшевой, эпиграммы, пѣсни и др. Преобладала здѣсь главнымъ образомъ любовная лирика, что объясняется тѣмъ душевнымъ подъемомъ, какой пережилъ поэтъ въ періодъ увлеченія Н. М. Тевяшевой. Гражданскіе мотивы отсутствуютъ въ произведеніяхъ этой поры; ихъ мы видимъ позже, въ петербургскій періодъ жизни поэта, къ которому теперь и обращаемся.

Петербургская жизнь Рылѣева, съ внѣшней стороны, протекала весьма скромно: первые годы онъ добросовѣстно исполнялъ обязанности засѣдателя въ Уголовной Палатѣ, и имя его, какъ честнаго и неподкупнаго судьи, вошло въ пословицу среди простого народа. „Однажды, вспоминаетъ Н. Бестужевъ, по важному дѣлу схваченъ былъ какой то мѣщанинъ и представленъ бывшему тогда военному губернатору Милорадовичу. Сдѣлали ему допросъ; но, какъ степень виновности могла только объясниться собственнымъ признаніемъ, то Ми-

[1]) *Балицкій*, т. I, стр. 160.
[2]) Ibid. т. II, стр. 157, 158.
[3]) Ibid., стр. 153

лорадовичъ грозилъ ему всѣми наказаніями, ежели онъ не сознается. Мѣщанинъ былъ невиненъ и не хотѣлъ брать на себя напрасно преступленія. Тогда Милорадовичъ, соскуча запирательствами, объявилъ, что отдастъ его подъ уголовный судъ, зная, какъ неохотно русскіе простолюдины ввѣряются судамъ. Онъ думалъ, что этотъ человѣкъ отъ страха суда скажетъ ему истину; но мѣщанинъ вмѣсто того упалъ ему въ ноги и съ горячими слезами благодарилъ за милость.

„Какую же милость оказалъ я тебѣ?“ спросилъ губернаторъ.

— Вы меня отдали подъ судъ, отвѣчалъ мѣщанинъ, и теперь я знаю, что избавлюсь отъ всѣхъ мукъ и привязокъ; знаю, что буду оправданъ! Тамъ есть Рылѣевъ: онъ не даетъ погибать невиннымъ!“...

Тотъ же Бестужевъ упоминаетъ о дѣлѣ разумовскихъ крестьянъ, гдѣ Рылѣевъ проявилъ большое гражданское мужество и независимость своихъ убѣжденій. „Императоръ, вельможи, власти, судьи— все было противъ; одинъ Рылѣевъ взялъ сторону угнетенныхъ: и это его мнѣніе будетъ служить вѣчнымъ памятникомъ истины, свидѣтелемъ, съ какою смѣлостью Рылѣевъ говорилъ правду“ [1]).

Прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ уголовномъ судѣ, Рылѣевъ перешелъ затѣмъ на службу въ Россійско-Американскую Компанію, гдѣ и оставался до рокового 14 дек. 1825 года [2]).

Небогатая внѣшними событіями петербургская жизнь Рылѣева (кон. 1820—1825 гг.) имѣла, однако, огромное значеніе для внутренняго его развитія. Это была эпоха наибольшаго подъема его творческихъ силъ. За небольшой сравнительно промежутокъ времени, всего пять лѣтъ, талантъ его замѣтно выросъ и опредѣлился въ своемъ направленіи. Въ эти годы написано было имъ все, что создало ему имя въ русской литературѣ. Поэтъ-гражданинъ, ставящій общественное благо выше всѣхъ другихъ благъ, горячо любящій свою родину и выражающій свои гражданскія чувства въ ли-

[1]) *Бестужевъ*, т. I, стр. 23—24.

[2]) Изъ Уголовной Палаты Рылѣевъ вышелъ между 29 ноября 1823 г. и 1 окт. 1824 г. („В. Европы“ 1888 г., № 11, стр. 207). Рос.-Америк. Компанія имѣла своей задачей наблюденіе за русскими колоніями, основанными въ Америкѣ. Служба въ этой Компаніи дала Рылѣеву возможность войти въ непосредственныя сношенія съ популярнѣйшими въ то время государственными дѣятелями—Сперанскимъ и Мордвиновымъ; послѣдній былъ оффиціальнымъ покровителемъ Компаніи („Р. Архивъ“ 1890 г., кн. II, стр. 156—158).

рической, доходящей часто до возвышеннаго паѳоса формѣ—вотъ какимъ выступаетъ Рылѣевъ въ этотъ періодъ своей жизни, и образъ его сохраняется въ такихъ чертахъ въ сознаніи послѣдующихъ поколѣній.

Быстрому росту творческихъ силъ Рылѣева много содѣйствовала среда, въ которой онъ оказался, поселившись въ столицѣ. Здѣсь у него завязались широкія знакомства и дружескія связи съ современнымъ обществомъ. Первое печатное произведеніе Рылѣева—сатира „Къ Временщику" сразу обратила вниманіе на молодого поэта и создала ему литературное имя; стихотворенія его стали появляться на страницахъ лучшихъ періодическихъ изданій. Установленію широкихъ знакомствъ способствовали литературныя общества и кружки, въ которыхъ Рылѣевъ принималъ дѣятельное участіе. Въ этомъ отношеніи особаго вниманія заслуживаетъ С.-Петербургское Вольное Общество Любителей Россійской Словесности, членомъ котораго Рылѣевъ былъ въ теченіе пяти лѣтъ. Дѣятельность его здѣсь до сихъ поръ мало изучена; свѣдѣнія объ Обществѣ также скудны и ограничиваются замѣткой С. И. Браиловскаго въ его статьѣ „Къ вопросу о Пушкинской плеядѣ"[1]).

С.-Петербургское Вольное Общество Любителей Россійской Словесности, или, какъ оно иначе называлось, Общество Соревнователей Просвѣщенія и Благотворенія, основано было въ началѣ 1816 года. На первыхъ порахъ оно носило характеръ частныхъ собраній и состояло изъ нѣсколькихъ любителей литературы, сходившихся для взаимнаго сообщенія другъ другу своихъ произведеній. Съ теченіемъ времени и съ увеличеніемъ числа членовъ дѣятельность Общества расширилась и оно, кромѣ занятій словесными науками, стало преслѣдовать еще филантропическія цѣли—помощь

[1]) „Рус. Филол. Вѣстникъ" 1909 г., т. LXI, стр. 52—75. Архивъ Общества, заключающійся въ 103 переплетенныхъ томахъ, хранится теперь среди рукописей Имп. Академіи наукъ. Мы имѣли возможность ознакомиться съ матеріалами этого архива и просмотрѣли документы, имѣющіе историко-литературное значеніе: „Входящій журналъ", „Входящія бумаги", „Журналъ ученыхъ упражненій", „Журналъ распоряженій", „Исходящій Журналъ", „Отчеты" и „Дѣла по части Секретаря". Описаніе архива вмѣстѣ со спискомъ членовъ Общества и указателемъ лицъ и учрежденій, находившихся въ сношеніяхъ съ Обществомъ, см. у *Вс. И. Срезневскаго*: „Свѣдѣнія о рукописяхъ, печатныхъ изданіяхъ и др. предметахъ, поступившихъ въ рукописное отдѣленіе библіотеки Имп. Академіи Наукъ въ 1904 г.". Спб. 1907, стр. 225—277.

нуждающимся литераторамъ и ихъ семьямъ. Съ 19 янв. 1818 г. Общество получило Высочайшее утвержденіе и состояло подъ покровительствомъ Государя; оно имѣло свой уставъ, печать и особую форму дипломовъ. Члены общества дѣлились на четыре группы: почетные и дѣйствительные члены, члены сотрудники и корреспонденты. Должностныя лица выбирались обыкновенно изъ дѣйствительныхъ членовъ; ихъ составляли: предсѣдатель Общества и его помощникъ, секретарь, цензоры поэзіи, прозы и библіографіи, члены цензурнаго комитета, секретарь цензуры и комитета, библіотекарь, казначей и исполнитель [1]).

Почти всѣ современные литераторы и ученые входили въ составъ членовъ Общества; безсмѣннымъ предсѣдателемъ его былъ Ѳ. Н. Глинка; близкое участіе принимали Н. И. Гнѣдичъ, Н. И. Гречъ, О. М. Сомовъ, Н. А. Бестужевъ, А. А. Бестужевъ, В. Г. Анастасевичъ, бар. А. А. Дельвигъ, А. О. Корниловичъ, П. П. Кеппенъ, кн. Н. А. Цертелевъ, П. А. Плетневъ, Ѳ. В. Булгаринъ, В. П. Панаевъ, гр. Д. И. Хвостовъ и др.

Засѣданія Общества происходили еженедѣльно, обыкновенно вечеромъ по понедѣльникамъ; иногда бывали торжественныя собранія въ присутствіи публики. Кромѣ благотворительныхъ дѣлъ, на засѣданіяхъ разсматривались произведенія членовъ и стороннихъ лицъ, желавшихъ вступить въ Общество. Оцѣнка производилась путемъ баллотировки. Одобренныя на засѣданіяхъ произведенія печатались затѣмъ въ журналѣ Общества „Соревнователь Просвѣщенія“, который выходилъ съ 1818 по 1825 гг. по 4 части ежегодно [2]). Содержаніе журнала было весьма разнообразно. Кромѣ „изящной прозы“ и стихотвореній, здѣсь печатались научныя статьи по исторіи и литературѣ, выдержки изъ другихъ журналовъ, извѣстія о новыхъ книгахъ, изобрѣтеніяхъ и открытіяхъ. При нѣкоторыхъ томахъ находились карты, чертежи и ноты. Въ отдѣлѣ „записокъ“ или „лѣ-

[1]) Списокъ должностныхъ лицъ Общества за 1821—25 гг. см. въ Приложеніяхъ, стр. 102—103.

[2]) Журналъ имѣлъ три заглавныхъ листа; на первомъ находилось отмѣченное выше названіе „Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія“, на второмъ—„Труды Высочайше Утвержденнаго Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности“, съ эпиграфомъ изъ Овидія: „Miser sum miserisque succurere disco“; на третьемъ—„Труды Вольнаго Общества Соревнователей Просвѣщенія и Благотворенія“, съ тѣмъ же эпиграфомъ.

тописей Общества“ помѣщались отчеты объ его дѣятельности, о суммахъ, поступавшихъ на благотвореніе и пр. Удачный подборъ статей и матеріаловъ, появлявшихся на страницахъ „Соревнователя Просвѣщенія“ много содѣйствовалъ распространенію журнала: въ значительномъ количествѣ онъ расходился не только въ столицахъ, но и въ провинціи, гдѣ подписка на него производилась черезъ губернаторовъ и другихъ лицъ мѣстной администраціи.

Кромѣ журнала, Общество издало еще въ 1823 году сочиненія своего сочлена И. И. Дмитріева. Одно время среди членовъ возникла мысль издавать „Россійскую Энциклопедію“, по образцу французской и англійской. Дѣло это не осуществилось, несмотря на то, что секретарь Общества А. А. Никитинъ очень на немъ настаивалъ. Въ докладѣ по этому поводу онъ предлагалъ учредить особый энциклопедическій комитетъ и раздѣлить трудъ между всѣми членами Общества. „Занятіе сего рода, убѣждалъ онъ, достойно Общества и, безъ сомнѣнія, поставитъ его на ряду со славнѣйшими европейскими учеными сословіями“ [1]).

По направленію своему Общество Соревнователей Просвѣщенія имѣло прогрессивный характеръ и близко стояло къ современной жизни. Многіе члены его живо интересовались общественно-политическими вопросами и впослѣдствіи принимали участіе въ тайномъ обществѣ декабристовъ или были близки къ нему. Къ ихъ числу принадлежатъ: Н. А. и А. А. Бестужевы, В. К. Кюхельбекеръ, А. О. Корниловичъ, Н. Н. Колошинъ, гр. О. И. Толстой, К. П. Торсонъ, А. С. Грибоѣдовъ, Н. И. и А. И. Тургеневы, кн. П. А. Вяземскій, Ѳ. Н. Глинка и др. Въ библіотекѣ Общества были такія книги, какъ „Начальныя основанія народнаго богатства и государственнаго хозяйства, слѣдуя теоріи *Адама Смита*“, „*Беккарія* разсужденія о преступленіяхъ и наказаніяхъ“ въ переводѣ Дм. Языкова, „De la revolution françois, par Necker“ (4 части) и др [2]). Прогрессивное направленіе сказалось и въ польскихъ симпатіяхъ Общества, которыя проявлялись довольно замѣтно. Польскіе ученые С. Б. Линде и Іоах. Лелевель входили въ составъ почетныхъ членовъ Общества; въ библіотекѣ были книги на польскомъ языкѣ [3]), на засѣданіяхъ часто

[1]) „Рус. Филол. Вѣстникъ“ 1909 г., т. LXI, № 1, стр. 60.

[2]) „Отчеты.“ за 1822 и 1823 гг.

[3]) „Отчеты..“ за 1822—23 гг. и „Исходящія бумаги“ за 1824 г.

читались, а затѣмъ печатались въ „Соревн. Просвѣщенія“ переводы съ польскаго и статьи, касающіяся Польши[1]). Въ 1823 г. Общество переслало Ягеллонскому университету въ Краковѣ свой журналъ, всѣ части съ начала ихъ выхода (съ 1818 г.)[2]); въ томъ же году Komitet naukowy w przedmiotach Dobroczynności w Wilnie обращался къ Обществу съ просьбой напечатать въ „Соревн. Просвѣщенія“ проспектъ своего изданія „Dzieje Dobroczynności“[3]).

Въ отношеніи къ современной русской литературѣ Общество явно сочувствовало новымъ теченіямъ. Появлявшіеся на страницахъ „Соревнователя Просвѣщенія“ переводы изъ Байрона, Т. Мура, Шиллера, Парни, изъ соч. г-жи Сталь „De l'Allemagne“, оригинальныя произведенія русскихъ авторовъ, проникнутыя гражданскими идеями, теоретическія статьи о романтической и народной поэзіи— опредѣленно говорятъ о литературныхъ вкусахъ Общества.

Не останавливаясь подробно на характеристикѣ Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности, мы укажемъ, въ чемъ выразилась здѣсь дѣятельность Рылѣева.

Въ бумагахъ архива сохранились свѣдѣнія, касающіяся избранія поэта въ члены Общества. Предложеніе о немъ внесъ цензоръ поэзіи бар. А. А. Дельвигъ въ засѣданіи 18 апр. 1821 г.; это предложеніе было принято, и баллотированіе Рылѣева постановили произвесть въ слѣдующемъ, чрезвычайномъ собраніи 25 апр., „буде онъ къ тому времени представитъ какое-либо произведеніе, на основаніи

---

[1]) Усерднымъ переводчикомъ польскихъ статей былъ В. Г. Анастасевичъ; Общество часто посылало къ нему польскія пьесы для разсмотрѣнія. („Вход. Журн.“ 1823 г., № 176). Въ теч. 1822 г. Анастасевичъ представилъ въ Общество сл. переводы: „О гражданствѣ древнихъ славянъ“, „О варшавскомъ лицеѣ“. „Нѣчто о книгѣ и изъ книги Линде: „O języku dawnich prusaków“. И другія лица представляли въ Общество свои переводы и статьи, касающіяся Польши:—1) „Любопытная рѣчь Ив. Мелешки, кастеляна Смоленскаго на сеймѣ Варшавскомъ“, перевелъ съ польск. *Поповъ*.—2) „Извѣстіе о побѣгѣ короля польскаго Станислава Лещинскаго, имъ самимъ писанное“. Пер. бар. *П—ва* („Журн. уч. упр.“ за 1822 и 1824 гг.).—3) „Извѣстіе о древнѣйшихъ историкахъ польскихъ и въ особенности о Кадлубкѣ, въ опроверженіе Шлецера, соч. Лелевеля“, съ польск. *Ѳ. Булгаринъ*.—4) „Нѣсколько словъ о Тадеушѣ Костюшкѣ“. Изъ фр. журнала, пер. *Ѳ. Глинка*. („Сор. Просв.“ 1821 г., чч. XIV и XIII).—5) „Краткое обозрѣніе польской словесности“ *Ѳ. Булгарина* („Отчетъ“... за 1821 г.).

[2]) „Входящія бумаги“ за 1823 г., № 82.

[3]) Ibid., № 20.

Устава Общества". Представленный переводъ польской сатиры Ѳ. В. Булгарина „Путь къ счастію" былъ одобренъ и авторъ его избранъ членомъ-сотрудникомъ, о чемъ на слѣдующій день, 26 апр., секретарь А. А. Никитинъ увѣдомилъ Рылѣева, пригласивъ его при этомъ пожаловать въ Общество 2 мая для выслушанія и подписанія Устава. Въ назначенный день Рылѣевъ присутствовалъ въ собраніи, ознакомился съ законоположеніями Общества и далъ подписку въ знакъ готовности выполнять ихъ. Здѣсь же онъ получилъ дипломъ, уставъ и списокъ членовъ. Объ избраніи Рылѣева постановлено было напечатать въ „Соревнователѣ Просвѣщенія" [1]).

Къ концу 1821 г. Рылѣевъ переименованъ былъ въ дѣйствительные члены Общества. Въ протоколѣ засѣданія 28 ноября по этому поводу находится сл. замѣтка: „Общество, отдавъ должную справедливость трудамъ и усердію г. члена-сотрудника К. Ѳ. Рылѣева и найдя представленное имъ стихотвореніе «Смерть Ермака» достойнымъ особеннаго уваженія, опредѣлило: по существу §§ 26 и 37 первой части Высочайше утвержденнаго Устава, переименовать его въ Дѣйствительные Члены, будучи увѣрено, что онъ въ семъ новомъ и важномъ званіи потщится усугубить ревность свою въ трудахъ Общества. Г. секретарь извѣститъ его о семъ постановленіи" [2]).

Въ качествѣ члена сотрудника, а затѣмъ дѣйствительнаго члена, Рылѣевъ проявилъ энергичную дѣятельность: онъ посѣщалъ засѣданія Общества, представлялъ и читалъ тамъ свои произведенія, доставлялъ книги въ библіотеку и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ входилъ въ составъ должностныхъ лицъ Общества.

Изъ сохранившихся архивныхъ матеріаловъ можно видѣть, что Рылѣевъ былъ однимъ изъ наиболѣе ревностныхъ участниковъ собраній; особенно дѣятельно посѣщалъ онъ ихъ въ теченіе 1822—23 гг., присутствуя часто и на весьма немноголюдныхъ засѣда-

[1]) См. V кн.—„Журналъ распоряженій"... за 1821 г. Протоколы XIV—XVI засѣданій. „Изходящій Журналъ"... 1821 г., № 384. Дипломъ, выданный Рылѣеву, хранится въ Имп. Академіи наукъ среди рукописей поэта. См. Приложенія, стр. 101.

[2]) „Журналъ распоряженій"... 1821 г., Протоколъ XXXVII засѣданія. Извѣщеніе объ избраніи въ дѣйствительные члены послано было Рылѣеву 29 ноября за № 905. См. „Изходящій журналъ" 1821 г.

ніяхъ [1]). Правда, въ 1821 и 1824 гг. имя Рылѣева сравнительно рѣдко встрѣчается въ протоколахъ засѣданій Общества, но это объясняется продолжительными отлучками его въ Малороссію къ роднымъ жены. Насколько дѣятельно посѣщалъ онъ собранія въ 1825 г., мы не можемъ судить, въ виду отсутствія въ архивѣ Общества свѣдѣній, касающихся этого времени.

Рылѣевъ не былъ пассивнымъ участникомъ собраній и посѣщалъ ихъ съ живымъ интересомъ. Литературныя бесѣды, происходившія здѣсь, встрѣчи съ знакомыми писателями, чтеніе своихъ произведеній—все это доставляло большое внутреннее удовлетвореніе Рылѣеву. По воспоминаніямъ современниковъ, поэтъ очень любилъ присутствовать на собраніяхъ, часто возвращался съ нихъ въ приподнятомъ настроеніи духа, унося оттуда новую вѣру въ свои силы. „Отправляясь на засѣданія Общества, онъ заходилъ обыкновенно по дорогѣ къ Устинову и прочитывалъ ему [свои произведенія]. Иногда приходилъ и по возвращеніи съ засѣданій сообщить о сорванныхъ, какъ онъ говорилъ, рукоплесканіяхъ, къ которымъ былъ неравнодушенъ, о чемъ можно было догадаться по его веселому расположенію духа“ [2]).

Въ теченіе 1821—25 гг. Рылѣевымъ были представлены въ Общество слл. произведенія [3]):

1) 1821 г. 25 апр. Переводъ польской сатиры Ѳ. В. Булгарина „Путь къ счастію“.

*2) „ 12 сент. Къ Цинтіи (Подражаніе Проперцію).

[1]) Такъ, напр., изъ „Отчета...“ за 1823 г. можно извлечь сл. статистическія данныя: всѣхъ собраній въ этомъ году было 44; изъ нихъ Рылѣевъ посѣтилъ 36; чаще его бывалъ только О. М. Сомовъ (посѣтилъ 40 засѣданій). Предсѣдатель Общества Ѳ. Н. Глинка присутствовалъ въ Обществѣ всего лишь 18 разъ, его помощникъ Н. И. Гречъ—28, секретарь А. А. Никитинъ—33. На немноголюдность нѣкоторыхъ собраній указываютъ „Журналы ученыхъ упражненій“ за 1822 и 1824 гг.: иногда тамъ собиралось не болѣе четырехъ членовъ: см. протоколъ засѣданія 23 окт. 1822 г., на которомъ присутствовали только А. А. Никитинъ, А. А. Бестужевъ, В. Г. Анастасевичъ и К. Ѳ. Рылѣевъ.

[2]) *Д. Кропотовъ*. Нѣсколько свѣдѣній о Рылѣевѣ. „Рус. Вѣст.“ 1869 г., № 3, стр. 238.

[3]) Звѣздочкой обозначены стихотворенія, недошедшія до нашего времени.

3) 1821 г. 12 сент. Надгробная надпись (Пр. Тих. Чир—ной).
*4) „ „ Младенцу.
5) „ 17 окт. Пустыня (къ М. Г. Бедрагѣ).
6) „ 28 нояб. Дума Смерть Ермака.
7) „ 5 дек. „ Богданъ Хмѣльницкій.
8) „ „ „ Боянъ.
9) 1822 г. 17 апр. „ Артемонъ Матвѣевъ.
10) „ 15 мая „ Святославъ.
11) „ „ „ Мстиславъ.
12) „ 7 авг. „ Глинскій.
13) „ 4 сент. „ Волынскій.
14) „ 2 окт. „ Дмитрій Донской.
15) „ 16 окт. „ Видѣніе имп. Анны.
16) „ 6 нояб. „ Державинъ.
17) 1823 г. 16 мая Отрывокъ изъ поэмы „Ссыльный" [„Войнаровскій"].
18) „ Первое свиданіе Петра Великаго съ Мазепой [1]).
19) „ Дума Наталія Долгорукая.
20) „ „ Воспоминанія [2]).
21) 1824 г. 1 янв. Смерть Войнаровскаго.
22) 1825 г. Гайдамакъ.

Всѣ эти стихотворенія разсматривались на засѣданіяхъ Общества: большинство ихъ было одобрено и „избрано единогласно" для помѣщенія въ журналѣ „Сорев. Просвѣщенія" [3]). Отрывокъ изъ поэмы „Войнаровскій" обратилъ на себя особое вниманіе и на одномъ изъ собраній постановили читать его въ „публичномъ" засѣданіи 22 мая, что́ и было исполнено В. И. Туманскимъ [4]). Только двѣ думы „Артемонъ Матвѣевъ" и „Дмитрій Донской" встрѣтили нѣсколько суровую оцѣнку въ собраніи Общества: безъ баллотированія онѣ были возвращены и „предоставлены въ распоряженіе г. Сочинителя" [5]).

[1]) Эта дума напечатана была затѣмъ въ „Соревнователѣ" подъ загл.: „Петръ Великій въ Острогожскѣ" (1823 г., ч. XXI, стр. 287—290).

[2]) См. Приложенія стр. 9—10.

[3]) См. выше, стр. 2 и 3.

[4]) „Журн. распор." за 1823 г. Протоколы XX и XXI засѣданій (19 и 22 мая).

[5]) „Журн. уч. упражненій" за 1822 г. Протоколы XII и XXIII засѣданій.

Изъ книгъ, поступившихъ отъ Рылѣева въ библіотеку Общества, среди архивныхъ матеріаловъ названы слл.: 1) „Архітектура воінская. Гипотетическая і склектическая, то есть вѣрное наставленіе, какъ разными немецкімі, французскімі, галанскімі і італіанскімі манірамі“... 2) „Краткихъ рѣчей и отвѣтовъ. книга первая“. 3) „Историческое, географическое и экономическое описаніе Воронежской губерніи, собранное изъ исторій, архивскихъ записокъ и сказаній В. С. П. П. П. Е. Болховитиновымъ“. 4) „Полярная Звѣзда“ на 1823 г. 5) „Полярная Звѣзда“ на 1824 г. Послѣднія двѣ книги поступили отъ Рылѣева и А. Бестужева, какъ издателей этого альманаха [1]).

На полугодичномъ засѣданіи 30 дек. 1822 г. Рылѣевъ вмѣстѣ съ В. М. Княжевичемъ и А. О. Корниловичемъ избранъ былъ членомъ Цензурнаго Комитета и занималъ эту должность въ теченіе 1823 г.; въ 1824—25 гг. онъ былъ цензоромъ поэзіи [2]); кромѣ того, въ 1823 г. входилъ въ составъ частнаго комитета по изданію „Соревнователя Просвѣщенія“. Въ это время дѣла Общества пришли въ значительное разстройство, вслѣдствіе чего оно переживало острую финансовую нужду и испытывало большія затрудненія съ изданіемъ журнала: послѣдній началъ выходить съ сильнымъ запозданіемъ. Къ тому же и члены, относясь равнодушно къ изданію, помѣщали свои статьи въ другихъ журналахъ. Создалось настолько серьезное положеніе, что возникли опасенія на счетъ самаго существованія Общества. Однако благодаря дѣятельной поддержкѣ нѣкоторыхъ членовъ (въ числѣ ихъ и Рылѣева), Общество къ концу года вышло изъ затруднительнаго положенія, расплатилось съ долгами и продолжало изданіе „Соревнователя“. Среди документовъ архива сохранилась докладная записка секретаря А. А. Никитина, который такъ изображаетъ это тяжелое для Общества время. „Больно было видѣть, что лучшія статьи, украшавшія въ теченіе сего года другіе журналы составляли произведенія членовъ, между тѣмъ какъ Общество, отказавшись отъ славы помѣщать въ Соревнователѣ отборныя произведенія, должно было довольствоваться весьма посредственными и тѣ собирать по столицѣ отъ людей со-

---

[1]) „Отчеты...“ за 1821—1823 гг. „Журн. распор.“ за 1824 г.

[2]) „Журн. распор...“ за 1822—1824 гг. См. протоколы засѣданій отъ 30 дек. 1822 г., 29 дек. 1823 г., 29 дек. 1824 г.

вершенно постороннихъ. И въ это, можно сказать, критическое время Общество большинствомъ голосовъ опредѣлило продолжать изданіе Соревнователя на 1824 г., хотя не имѣло статей даже на пять остальныхъ книжекъ 1823 г. Но вскорѣ пробудилось соревнованіе. Почтенный нашъ предсѣдатель вмѣстѣ съ гг. дѣйствительными членами Н. И. Кутузовымъ, О. М. Сомовымъ, К. Ф. Рылѣевымъ, И. К. Аничковымъ, А. О. Корниловичемъ и Н. А. Бестужевымъ (который примѣрнымъ усердіемъ доказалъ постоянную любовь свою къ Обществу) учредили домашній комитетъ, составили послѣднія четыре книжки за первую половину 1824 года. Другіе изъ членовъ приняли на себя трудъ обезпечить Общество на счетъ уплаты долговъ, доставивши заимообразно знатную сумму денегъ и тѣмъ поддержали бытіе его. Такимъ образомъ, сословіе сіе, бывшее уже на послѣдней степени своего разрушенія, возстановлено для новаго существованія"[1]).

Въ качествѣ дѣйствительнаго члена и цензора поэзіи Рылѣевъ рекомендовалъ въ члены Общества коллежскаго ассесора камеръ-юнкера Мих. Александр. Дмитріева и „извѣстнаго своими стихотвореніями" студента Дерптскаго университета Ник. Мих. Языкова[2]): вмѣстѣ съ О. М. Сомовымъ онъ предлагалъ также избрать членомъ служащаго въ Департаментѣ Государственнаго Казначейства губернскаго секретаря Василія Никифоровича Григорьева, стихотворенія котораго печатались въ Соревнователѣ за 1822 г.[3]). Всѣ эти лица избраны были членами Общества[4]).

Таковы главнѣйшія свѣдѣнія о Рылѣевѣ, сохранившіяся въ архивѣ Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности. Несмотря на случайный и отрывочный характеръ ихъ, мы все таки

---

[1]) „Отчетъ..." за 1823 г.

[2]) „Журн. распор." за 1824 г. См. протоколы V и XXIII засѣданій (4 февр. и 27 окт.).

[3]) „Входящія бумаги" 1823 г., № 216. См. Приложенія, стр. 95. В. Н. Григорьевъ—малоизвѣстный теперь поэтъ 20-хъ годовъ; въ произведеніяхъ своихъ онъ часто затрагивалъ гражданскіе мотивы: это, повидимому, и сблизило его съ Рылѣевымъ. Въ „Сор. Просв." были напечатаны слѣд. стихотворенія Григорьева: „Паденіе Вавилона", „Къ С—ву, отъѣзжающему на родину", „Тоска Оссіана" (1822 г., ч. XIX, стр. 76—78, ч. XX, стр. 80—81, 320—323), „Чувства плѣннаго пѣвца", „Близость милой", „Жалобы изранльтянъ" изъ Байрона (1824 г., ч. XXV, стр. 52—53, 54—55, 253—254).

[4]) „Журн. распор." за 1824 г. Протоколъ XXXIX засѣданія (15 дек.).

можемъ судить, насколько энергично проявлялась здѣсь его дѣятельность. Значительно меньшимъ матеріаломъ мы располагаемъ при выясненіи участія Рылѣева въ другомъ литературномъ обществѣ того времени—Обществѣ Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ, архивъ котораго хранится въ библіотекѣ С.-Петербургскаго университета [1]). Изъ бумагъ этого архива узнаемъ, что Рылѣевъ принятъ былъ въ Общество въ 1823 году дѣйствительнымъ членомъ по части наукъ и словесности (въ отличіе отъ членовъ художниковъ) и при вступленіи представилъ туда, какъ и въ общество Соревнователей Просвѣщенія, переводъ польской сатиры Булгарина „Путь къ счастію"; въ теченіе 1823 года онъ присутствовалъ на четырехъ засѣданіяхъ и на одномъ изъ нихъ (1-го ноября) читалъ отрывокъ изъ новой поэмы Пушкина „Бахчисарайскій Фонтанъ" [2]). Въ томъ же году онъ рекомендовалъ въ члены Общества штабсъ-капитана А. О. Корниловича, „извѣстнаго своими познаніями въ отечественной исторіи и древностяхъ" [3]).

Вотъ все, что извѣстно объ участіи Рылѣева въ Вольномъ Обществѣ Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ. Можно однако думать, что и здѣсь Рылѣевъ проявлялъ живой интересъ къ дѣламъ Общества. Условія для этого были весьма подходящія: въ составъ членовъ Общества входили лица, хорошо знакомыя Рылѣеву по дѣятельности ихъ въ Обществѣ Соревнователей Просвѣщенія—братья Н. А. и А. А. Бестужевы, О. М. Сомовъ, Ѳ. В. Булгаринъ, Ѳ. Н. Глинка, В. К. Кюхельбекеръ, В. П. Туманскій, Е. А. Баратынскій, Н. И. Гречъ, А. Х. Востоковъ, П. Ѳ. Остолоповъ и др.

---

[1]) Объ Обществѣ Люб. Слов., Наукъ и Художествъ см.: замѣтка въ „Сѣверной пчелѣ" 1857 г. № 125.—*Н. И. Гречъ* „Вѣсть" 1864 г., № 15.—*Т. Н. Майковъ* въ статьѣ при 1 т. сочиненій Батюшкова. Спб. 1887. стр. 149—150.—*Е. Пѣтуховъ.* Нѣсколько новыхъ данныхъ изъ научной и литературной дѣятельности А. Х. Востокова, въ Ж. М. Н. Пр. 1890 г., № 3. стр. 58—62.—*Вс. И. Срезневскій.* Замѣтки А. Х. Востокова о его жизни. Спб. 1901, стр. 40-41, 48, 86—88.—*П. А. Кубасовъ.* А. Е. Измайловъ. Спб. 1901.

[2]) См. „Отчетъ Общества Люб. Слов. Наукъ и Худ." за 1823 г. См. также статью *П. А. Кубасова* „А. С. Пушкинъ—членъ Спб. Вольн. Общ. Люб. Слов., Наукъ и Художествъ" въ „Рус. Стар." 1899 г., т. XCVIII, стр. 473.

[3]) Приложенія, стр. 95.—Дипломъ Общества, выданный Рылѣеву на званіе дѣйствительнаго члена (съ датой: 5 апр. 1823 г.) хранится въ библіотекѣ Имп. Академіи наукъ въ собраніи рукописей Рылѣева (См. Приложенія, стр. 104).

Предсѣдатель Общества, А. Е. Измайловъ, пользовался всеобщей симпатіей въ кругу современныхъ литераторовъ. По характеру своей дѣятельности Общество явно сочувствовало новымъ стремленіямъ въ словесности: на засѣданіяхъ его читались такія литературныя новинки, какъ „Морской Разбойникъ“ Байрона въ переводѣ О. М. Сомова, „Кавказскій Плѣнникъ“ Пушкина, „Ночь, русская баллада“ кн. Цертелева, переводы и подражанія Парни, Оссіану и пр.[1]). Всѣ эти произведенія, выходившія изъ-подъ пера близкихъ Рылѣеву лицъ, не могли не интересовать его.

Не ограничиваясь посѣщеніемъ засѣданій Общества Соревнователей Просвѣщенія и Общества Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ, Рылѣевъ принималъ участіе и въ болѣе интимныхъ кружкахъ, гдѣ также велись оживленныя бесѣды и споры на литературныя темы. „Вся литературная семья того времени, по словамъ кн. Е. П. Оболенскаго, еженедѣльно собиралась въ домѣ Н. И. Греча; Рылѣевъ былъ однимъ изъ постоянныхъ его собесѣдниковъ“[2]). Баронъ Розенъ въ своихъ „Запискахъ“ также вспоминаетъ о собраніяхъ у Н. И Греча, на которыхъ онъ перезнакомился со многими выдающимися людьми своего времени: „Въ Николинъ и въ Варваринъ день встрѣчалъ тамъ на пирахъ много литераторовъ разнородныхъ и разностепенныхъ. Карамзинъ, Гнѣдичъ, Жуковскій пріѣзжали съ поздравленіемъ. Бесѣда за столомъ и послѣ стола была веселая, непринужденная; всѣхъ болѣе острилъ хозяинъ, отъ него не отставали Бестужевъ, Рылѣевъ, Булгаринъ, Дельвигъ и другіе“[3]). Подобныя литературныя собранія происходили и на квартирѣ Рылѣева. „По временамъ, вспоминаетъ М. Бестужевъ, я встрѣчалъ брата Николая у Рылѣева, на обычныхъ „русскихъ завтракахъ“, которые были постоянно около второго или третьяго часа пополудни и на которые обыкновенно собирались многіе литераторы и члены нашего общества. Завтракъ состоялъ неизмѣнно изъ графина очищеннаго русскаго вина, нѣсколькихъ кочней кислой капусты и ржаного хлѣба. Да не покажется странной такая спартанская обста-

---

[1]) См. „Отчеты Общества..“ 1820—22 гг., „Журналъ Общества..“ 1820—22 г. Въ 1820 г. на засѣданіи 11 ноября О. М. Сомовъ прочелъ сатиру Рылѣева „Къ Временщику“ („Журналъ Общества..“ 1820 г.).

[2]) *Балицкій*, т. II, стр. 22.

[3]) Записки Декабриста. Лейпцигъ 1870, стр. 14—15.

новка завтрака, ежели взять въ соображеніе, во первыхъ, потребность натуры моего брата Александра, требовавшей кислой пищи,... а во вторыхъ, что эта потребность гармонировала со всегдашней наклонностью Рылѣева налагать печать руссицизма на свою жизнь... Я также любилъ эти завтраки и, какъ только была возможность спѣшилъ отдохнуть тамъ душою и сердцемъ въ дружной семьѣ литераторовъ и поэтовъ.“ [1]) На этихъ собраніяхъ, какъ видно изъ „Записокъ“ того же М. Бестужева, „читались разныя литературныя произведенія, были споры, сужденія, особенно въ эпоху перваго изданія „Полярной Звѣзды“ [2]). Въ числѣ лицъ, собиравшихся у Рылѣева, кн. Е. П. Оболенскій, кромѣ братьевъ Бестужевыхъ, называетъ еще А. О. Корниловича, В. К. Кюхельбекера, Ѳ. В. Булгарина, Ѳ. Н. Глинку. О. М. Сомова, Н. М. Муравьева, кн. С. П. Трубецкаго и кн. А. И. Одоевскаго. „Бесѣда, по его словамъ была оживлена не всегда предметами чисто-литературными; нерѣдко она переходила на живые общественные вопросы того времени, по общему направленію лицъ дружескаго собранія“ [3]). Здѣсь же зародилась у Рылѣева мысль издавать новый литературный ежегодникъ – альманахъ „Полярную Звѣзду“, который выходилъ въ теченіе 1823 – 25 гг.

Благодаря участію въ литературныхъ обществахъ и кружкахъ у Рылѣева завязались широкія знакомства, изъ которыхъ многія со временемъ перешли въ тѣсныя дружескія связи. Особенно близко сошелся онъ съ талантливой семьей братьевъ Бестужевыхъ; изъ нихъ задушевнымъ его другомъ былъ А. А. Бестужевъ, извѣстный романистъ, писавшій впослѣдствіи подъ именемъ Марлинскаго. Къ нему обращался Рылѣевъ въ стихотвореніяхъ „Къ А. А. Бестужеву“ (Нач. „Хоть Пушкинъ судъ мнѣ строгій произнесъ...“ и „Ты разлѣнился ужъ некстати...“); въ „Стансахъ“ онъ сознавался своему „единственному другу“ въ полномъ одиночествѣ среди окружающаго общества:

Всюду встрѣчи безотрадныя!
Ищешь, суетный, людей,

---

[1]) *М. Бестужевъ.* Братья Бестужевы „Рус. Стар.“ 1870 г., т. II, стр. 520 – 521.

[2]) *М. Бестужевъ.* Записки. „Рус. Стар.“ 1881 г., т. XXXII, стр. 610.

[2]) *Балицкій*, т. II, стр. 23.

А встрѣчаешь трупы хладные
Иль безсмысленныхъ людей.

А. А. Бестужеву посвятилъ Рылѣевъ лучшее свое произведеніе—поэму „Войнаровскій“ и въ посвященіи отмѣчалъ, что сближеніе съ Бестужевымъ было для него большой нравственной поддержкой:

Какъ странникъ грустный, одинокой,
Въ степяхъ Аравіи пустой,
Изъ края въ край съ тоской глубокой
Бродилъ я въ мірѣ сиротой.
Ужъ къ людямъ холодъ ненавистной
Примѣтно въ душу проникалъ,
И я въ безуміи дерзалъ
Не вѣрить дружбѣ безкорыстной.
Внезапно ты явился мнѣ —
Повязка съ глазъ моихъ упала;
Я разувѣрился вполнѣ,
И вновь въ небесной вышинѣ
Звѣзда надежды засіяла.

Вмѣстѣ съ Бестужевымъ Рылѣевъ издавалъ „Полярную Звѣзду“, участвовалъ въ однихъ и тѣхъ же обществахъ и кружкахъ, раздѣлялъ съ нимъ и опасности политической пропаганды. Оба писателя горячо привязались другъ къ другу и жили, какъ говорится, душа въ душу. „До послѣдней искры памяти не забуду дружбы Рылѣева“, писалъ А. А. Бестужевъ изъ Якутска въ концѣ 1820-хъ годовъ. „И дѣйствительно, замѣчаетъ по этому поводу его біографъ, съ именемъ Рылѣева было для Александра Александровича связано воспоминаніе о всѣхъ счастливыхъ годахъ его жизни, о той порѣ, когда, выражаясь его словами, „юность растетъ и живетъ не на счетъ земли, а на счетъ воздуха, подобно цвѣтку въ первую пору его бѣга“ [1]).

Другіе братья Бестужевы—Николай и Михаилъ были очень расположены къ Рылѣеву и впослѣдствіи съ большой любовью и уваженіемъ вспоминали о немъ въ своихъ мемуарахъ [2]).

---

[1]) *П. Котляревскій.* Декабристы. Спб. 1907. стр. 122.

[2]) См.:—*П. А. Бестужевъ.* „Воспоминанія о К. Ѳ. Рылѣевѣ“ (*Балицкій* т. I, стр. 18—46).—*М. А. Бестужевъ.* Братья Бестужевы („Рус. Стар.“ 1870 г., т. II).—*Его же.* Записки (Ibid., 1881, т. XXXII).

Къ числу петербургскихъ друзей Рылѣева принадлежалъ также извѣстный Ѳ. В. Булгаринъ; Рылѣевъ хорошо зналъ его еще въ 1821 г. и въ письмахъ изъ Воронежской губ. обращался къ нему на „ты", какъ къ близкому человѣку [1]). Булгарину Рылѣевъ посвятилъ двѣ думы „Мстиславъ Удалой" и „Михаилъ Тверской" [2]). Произведенія Булгарина печатались во всѣхъ книжкахъ „Полярной Звѣзды". Въ 1823 г. эти дружескія отношенія на нѣкоторое время нарушились, поводъ къ чему подалъ самъ Булгаринъ. Вмѣшавшись въ недоразумѣнія, возникшія между Гречемъ и Воейковымъ, онъ вздумалъ было перехватить у послѣдняго „доходное" редакторство „Русскаго Инвалида" и съ этой цѣлью подалъ въ „комитетъ о раненыхъ" прошеніе объ отдачѣ журнала ему въ аренду, обязуясь платить вдвое болѣе Воейкова. Друзья послѣдняго пришли въ сильное негодованіе; Рылѣевъ также былъ возмущенъ поступкомъ Булгарина и написалъ ему рѣзкое письмо, гдѣ просилъ забыть о ихъ прежней дружбѣ „По разному образу чувствованія и мыслей, писалъ онъ, намъ скорѣе можно быть врагами, нежели пріятелями" [3]). Размолвка между ними прекратилась только въ 1825 году, когда въ „Сѣверной Пчелѣ" появился отзывъ Булгарина о „Войнаровскомъ", сильно растрогавшій Рылѣева. „Читалъ твое сужденіе о Войнаровскомъ съ чувствомъ", писалъ онъ по этому поводу Булгарину, „вижу, что ты попрежнему любишь меня; ничто другое не могло заставить тебя такъ лестно отозваться о поэмѣ, и это обязываетъ меня благодарить тебя и сказать, что и я не переставалъ и, вѣрно, не перестану любить тебя. Прошу вѣрить этому" [4]). Вскорѣ затѣмъ напечатана была въ „Сѣверной Пчелѣ" столь же лестная рецензія Булгарина на „Думы" Рылѣева. Какъ видно изъ этихъ отзывовъ, Булгаринъ высоко и при томъ вполнѣ искренне цѣнилъ произведенія своего пріятеля. Свои симпатіи къ Рылѣеву онъ доказалъ еще и тѣмъ, что въ теченіе долгихъ лѣтъ послѣ смерти поэта хранилъ его автографы въ то время, когда имя Рылѣева, какъ главнаго участника

---

[1]) Возможно, что Рылѣевъ познакомился съ Булгаринымъ еще на школьной скамьѣ, въ 1-мъ Кадетскомъ Корпусѣ, гдѣ послѣдній обучался въ теченіе 1798—1806 гг.

[2]) См. „Полярную Звѣзду" на 1823 г. и „Думы", изд. 1825 г.

[3]) *Балицкій*, т. II, стр. 161.

[4]) Ibid., стр. 162.

въ заговорѣ декабристовъ, считалось весьма опаснымъ и всякая связь съ нимъ грозила непріятными послѣдствіями.

Въ Обществѣ Соревнователей Просвѣщенія Рылѣевъ, вѣроятно, сблизился и съ поэтами пушкинской плеяды— В. К. Кюхельбекеромъ, А. А. Дельвигомъ и Е. А. Баратынскимъ[1]). О нихъ онъ постоянно упоминаетъ въ своихъ письмахъ. „Что за прелестный человѣкъ этотъ Кюхельбекеръ, какъ онъ молодъ и свѣжъ!" писалъ однажды Рылѣевъ Пушкину[2]). Въ другихъ письмахъ онъ освѣдомляется о Дельвигѣ: „Что Дельвигъ? не у тебя ли онъ? здѣсь говорятъ, что онъ опасно заболѣлъ"; и затѣмъ: „Радуюсь его выздоровленію и свиданію вашему. Съ нетерпѣніемъ жду его, чтобы выслушать его мнѣніе объ остальныхъ пѣсняхъ твоего Онѣгина"[3]). Къ Дельвигу относится записка Рылѣева отъ 5 окт. 1825 г., составленная въ шутливомъ тонѣ и начинающаяся словами: „Потомку тевтоновъ, сладостно поющему на русскій ладъ и мило на ладъ древнихъ грековъ, не поэтъ, а гражданинъ желаетъ здоровья, благоденствія и силы духа, лѣнь поборающей!..."[4]).

Такой же дружескій характеръ носитъ и письмо Рылѣева къ Баратынскому, отъ 6 сент. 1822 г.: „Милый Парни! Сатиры твоей не пропускаетъ Бируковъ[5]). На дняхъ я пришлю ее къ тебѣ съ замѣчаніями, которыя, впрочемъ, легко выправить. Жаль только, что мы не успѣемъ помѣстить ее въ „Звѣздѣ", въ которую взяли мы „Римъ", „Къ Хлоѣ" и „Призваніе"... Нѣтъ ли чего новенькаго? Ради Бога, присылай!... Усердный твой читатель и почитатель К. Рылѣевъ"[6]). Къ этому времени относится, вѣроятно, и письмо Баратынскаго къ Рылѣеву и Бестужеву, какъ издателямъ

[1]) Всѣ три поэта избраны были членами Общества еще до вступленія въ него Рылѣева: Кюхельбекеръ—въ 1819 г. членомъ-сотрудникомъ, Дельвигъ—въ томъ же году дѣйствительнымъ членомъ, Баратынскій—въ 1820 г. членомъ-корреспондентомъ (Свѣдѣнія о рукописяхъ..., поступившихъ въ рук. отдѣленіе библіотеки Имп. Ак. наукъ въ 1901 г. Спб. 1907, стр. 270, 272, 274).

[2]) Ibid., стр. 152.

[3]) Ibid., стр. 149, 150.

[4]) Ibid., стр. 165. Дельвигу посвящена дума „Петръ Великій въ Острогожскѣ" (См. „Соревн. Просвѣщенія" 1823 г., ч. XXI, стр. 287). Выше было отмѣчено, что Дельвигъ рекомендовалъ Рылѣева въ члены Вольн. Общ. Люб. Рос. Словесности.

[5]) Цензоръ.

[6]) *Балицкій*, т. II, стр. 165—166.

,,Полярной Звѣзды''. ,,Милые собратья Бестужевъ и Рылѣевъ! писалъ онъ, извините, что не писалъ вамъ вмѣстѣ съ присылкой остальной моей дряни, какъ бы слѣдовало честному человѣку. . Дельвигъ пишетъ, что Маккавеи будутъ переданы черезъ тебя, любезный Рылѣевъ, пришли ихъ скорѣе: переводить, такъ переводить!''... [1]). Въ 1824 г. Рылѣевъ собирался издавать сочиненія Баратынскаго, о чемъ Булгаринъ извѣщалъ въ своемъ журналѣ указывая здѣсь, что задуманное Рылѣевымъ изданіе будетъ ,,истиннымъ подаркомъ для просвѣщенной публики'' [2]). По этому поводу Петръ Ал. Мухановъ писалъ Рылѣеву: ,,Изъ литературныхъ прибавленій Булгарина я вижу, что ты Баратынскаго печатаешь, поздравляю тебя съ сей покупкой. Постарайся сдѣлать хорошее изданіе, ибо я надѣюсь пріобрѣсти элегіи и мелкія стихотворенія А. Пушкина и буду просить тебя наблюдать за печатаніемъ оныхъ— подъ одну форму съ Баратынскимъ. Не выдавай секрета; жду изъ Одессы рѣшительнаго отвѣта по сей почтѣ'' [3]). Задуманное изданіе однако не состоялось, и стихотворенія Баратынскаго вышли послѣ смерти Рылѣева въ 1827 г.

Отношенія Рылѣева къ Пушкину также, повидимому, были проникнуты дружескими чувствами. Нѣкоторые, впрочемъ, сомнѣваются въ этомъ: П. Бартеневъ, на основаніи отзыва П. А. Плетнева, склоненъ думать, что ,,дружбы между Рылѣевымъ и Пушкинымъ не было. Пушкинъ подсмѣивался надъ неумѣренностью сужденій Рылѣева, надъ его отзывами о европейской политикѣ, которую будто изучалъ онъ по тогдашнимъ русскимъ газетамъ въ книжной лавкѣ Слёнина. Пушкина съ Рылѣевымъ связывали только общія занятія словесностью'' [4]). Врядъ ли, однако, можно вполнѣ довѣриться словамъ П. А. Плетнева: непосредственный источникъ— переписка поэтовъ не оставляетъ сомнѣній на счетъ ихъ взаимной близости. Рылѣевъ высоко цѣнилъ талантъ Пушкина и въ письмахъ не скрывалъ своего увлеченія: „чародѣй", „чудотворецъ", „геній", „милая сирена"—вотъ эпитеты, съ какими онъ обращался къ Пушкину. Вмѣстѣ съ тѣмъ, увлеченіе не мѣшало Рылѣеву отмѣчать

[1]) „Рус. Стар." 1888 г., ноябрь.

[2]) „Литер. Листки" 1824 г., ч. I, № 5, стр. 194—195.

[3]) *Балицкій*, т. II, стр. 170.

[4]) „Девятнадцатый вѣкъ", изд. П. Бартеневымъ. Москва 1872, стр. 376

иногда и слабыя стороны. Такъ, напр., понимая оригинальность поэзіи Пушкина, самостоятельность его творчества, Рылѣевъ очень предостерегалъ его отъ излишняго увлеченія Байрономъ. „Пушкинъ! писалъ онъ, ты пріобрѣлъ уже въ Россіи пальму первенства: одинъ Державинъ только еще борется съ тобою, но еще два, много три года усилій и ты опередишь его Тебя ждетъ завидное поприще: ты можешь быть нашимъ Байрономъ, но ради Бога, ради Христа, ради твоего любезнаго Магомета, не подражай ему. Твое огромное дарованіе, твоя пылкая душа могутъ вознести тебя до Байрона, оставивъ Пушкинымъ. Если бы ты зналъ, какъ я люблю, какъ я цѣню твое дарованіе!“ [1]). Честолюбивыя мысли Пушкина о своей родовитости встрѣтили довольно рѣзкій отзывъ со стороны Рылѣева: „Ты мастерски оправдываешь свое чванство шестисотлѣтнимъ дворянствомъ, но несправедливо. Справедливость должна быть основаніемъ и дѣйствій и самыхъ желаній нашихъ... Чванство дворянствомъ непростительно, особенно тебѣ. На тебя устремлены глаза Россіи: тебя любятъ, тебѣ вѣрятъ, тебѣ подражаютъ. Будь поэтъ и гражданинъ“ [2])

Въ оцѣнкѣ произведеній Пушкина Рылѣевъ былъ не одинаковаго мнѣнія объ ихъ достоинствахъ: первыя пѣсни „Евгенія Онѣгина“ онъ считалъ ниже „Бахчисарайскаго Фонтана“ и „Кавказскаго Плѣнника“. „Не знаю, писалъ онъ, что будетъ «Онѣгинъ» далѣе; быть можетъ, въ слѣдующихъ пѣсняхъ онъ будетъ одного достоинства съ «Донъ-Жуаномъ»: чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ; но теперь онъ ниже «Бахчисарайскаго Фонтана» и «Кавказскаго Плѣнника». Я готовъ спорить объ этомъ до второго пришествія“ [3]).

Болѣе другихъ Рылѣеву нравились „Цыгане“; о нихъ онъ нѣсколько разъ упоминаетъ въ письмахъ. Поздравляя Пушкина съ „Цыганами“, онъ замѣчаетъ: „Они совершенно оправдали наше мнѣніе о твоемъ талантѣ. Ты идешь шагами великана и радуешь истинно русскія сердца“. „Отъ Цыганъ всѣ безъ ума“. „Въ субботу былъ я у Плетнева съ Кюхельбекеромъ и братомъ твоимъ. Левъ прочиталъ намъ нѣсколько новыхъ твоихъ стихотво-

[1]) *Бальмин*, т. II, стр 154.
[2]) Ibid, стр. 155.
[3]) Ibid, стр. 148.

реній. Они прелестны... Послѣ прочитаны были твои «Цыгане». Можешь себѣ представить, что сдѣлалось съ Кюхельбекеромъ.... «Цыганъ» слышалъ я четвертый разъ, и всегда съ новымъ, съ живѣйшимъ наслажденіемъ" [1]).

Съ такой любовью и вниманіемъ относился Рылѣевъ къ корифею современной литературы: въ свою очередь и Пушкинъ интересовался произведеніями Рылѣева, слѣдилъ за ростомъ его поэтическаго таланта и, высказывая свои сужденія по поводу его думъ и поэмъ, самъ прислушивался къ тѣмъ указаніямъ, какія дѣлалъ ему Рылѣевъ [2]).

Не останавливаясь подробно на другихъ знакомствахъ Рылѣева, отмѣтимъ, что его переписка, письма и мемуары современниковъ вскрываютъ передъ нами цѣлый рядъ дружескихъ отношеній поэта ко многимъ писателямъ и лицамъ, близко стоявшимъ къ литературѣ. Въ числѣ такихъ знакомыхъ встрѣчаются имена К. Н. Батюшкова, Ѳ. Н. Глинки, Н. И. Гнѣдича, Н. И. Греча [3]), кн. П. А. Вяземскаго [4]), И. И. Дмитріева [5]), А. Ѳ. Воейкова [6]), Н. А. Маркевича,

---

[1]) Ibid., стр. 147, 149 и 152.

[2]) Объ отношеніяхъ Пушкина къ Рылѣеву см. статью *В. В. Сиповскаго*: Пушкинъ и Рылѣевъ, Спб. 1905. См. выше, стр. 40—41.

[3]) См. упоминанія о нихъ въ письмахъ къ Пушкину и Булгарину (*Балицкій*, т. II, стр 147, 157—159). См. также стихотворенія: „Къ Ѳ. Н. Глинкѣ" и „Посланіе къ Н. И. Гнѣдичу" (ibid., т. I, стр. 175, 172—174). Гнѣдичу посвящена дума „Державинъ" (см. изд. 1825 г.).

[4]) Рылѣевъ бывалъ въ его домѣ, что видно изъ воспоминаній П. П. Вяземскаго: „Литературныя знаменитости были намъ не въ диковинку: Дмитріевъ, Жуковскій, Баратынскій вращались въ нашей дѣтской средѣ; даже Рылѣевъ, котораго я прозвалъ «voila la chose», по его обычному присловью, подмѣченному мною. Всѣ они, повторяю, были и намъ, дѣтямъ, люди довольно близкіе. Одинъ лишь Карамзинъ являлся дѣтскому воображенію, какъ непостижимая и недостижимая сила" („Рус. Архивъ" 1884 г., кн. II, стр. 401).

[5]) Въ письмѣ къ А. А. Бестужеву (изъ Москвы) Дмитріевъ сообщаетъ о посылкѣ Рылѣеву экземпляра своихъ стихотвореній. „Рус. Стар." 1888 г., т. LX, декабрь.

[6]) О немъ Рылѣевъ дружески упоминаетъ въ письмахъ 1821 г. къ Булгарину (*Балицкій*, т. II, стр. 158, 159). 1-го іюля 1823 г. онъ непосредственно обращался къ Воейкову со сл. замѣткой, интересной также для исторіи литературныхъ знакомствъ Рылѣева: „Милостивый Государь, Александръ Ѳедоровичъ! Душевно благодарю Васъ, почтеннѣйшій поэтъ, что вспомнили обо мнѣ. Желаніе Жуковскаго, Вяземскаго и Ваше для меня законъ, а въ этомъ случаѣ законъ лестный и самый пріятный—и я во вторникъ въ 8 часовъ вашъ. Думу постараюсь обдѣлать къ тому же времени. Искренно преданный

А. О. Корниловича, Петра Ал. Муханова, О. М. Сомова [1]). В. И. Туманскаго [2]), А. С. Грибоѣдова [3]), А. С. Хомякова [4]), Н. М. Строева [5]), Н. Н. Свиньина [6]), А. И. Тургенева [7]), Н. Н. Пущина [8]) и др.

и уважающій Васъ покорнѣйшій слуга К. Рылѣевъ". (Труды Черниг. Архивной Коммиссіи. Выпускъ второй. Черниговъ. 1899—1900. Отд. I, стр. 25). Автографъ этого письма принесенъ въ даръ арх. коммиссіи 13 авг. 1898 г. супругой Ник. Мих. Бѣлозерскаго (бывшій городской голова г. Борзны, Черн. губ); первоначально письмо принадлежало Ник. Конст. Мавроди, который получилъ его отъ Воейкова въ 1823 г., интересуясь автографами „знаменитыхъ и замѣчательныхъ людей Россіи" (ibid., стр. 8). — Можно думать, что Рылѣевъ хорошо былъ знакомъ съ семьей Воейковыхъ и принималъ участіе въ литературномъ кружкѣ, группировавшемся вокругъ племянницы Жуковскаго—А. А. Воейковой; ей посвящена дума Рылѣева „Рогнѣда" (см. Думы. изд. 1825 г., стр. 27).

[1]) Объ отношеніяхъ Рылѣева къ Маркевичу, Корниловичу, Муханову и Сомову намъ придется говорить ниже—при выясненіи вопроса о малорусскихъ сюжетахъ въ произведеніяхъ Рылѣева.

[2]) Близкія отношенія между Рылѣевымъ и Туманскимъ видны изъ сл. письма Рылѣева отъ 15 янв. 1825 г.: „Милый Туманскій, полюби Мицкевича и друзей его Малевскаго и Ежовскаго: добрые и славные ребята. Впрочемъ и писать лишнее: по чувствамъ и образу мыслей они ужъ друзья, а Мицкевичъ къ тому же и поэтъ—любимецъ націи своей. Ты лѣнишься, мы также; вотъ времячко: не сберегаетъ ли самъ Богъ дѣятельность нашу на что-либо лучшее? Но какъ бы то ни было, а стыдно. Посмотри, какъ шагаетъ Пушкинъ! мы пигмеи передъ нимъ. Будь здоровъ, отжени лѣнь, пиши, но пиши дѣло—у тебя прекрасный талантъ: ты самъ не дорожишь имъ. Твой Рылѣевъ". („Кіевск. Старина" 1899 г., т. LXIV, мартъ, стр. 299—302; см. выше, стр. 49).

[3]) Изъ письма Грибоѣдова къ А. Бестужеву отъ 29 ноября 1825 г.: „Оржицкій передалъ ли тебѣ о нашей встрѣчѣ въ Крыму? Вспоминали о тебѣ и Рылѣевѣ, котораго обними за меня искренно по республикански". (Соч. Грибоѣдова, изд. подъ ред. Н. А. Шляпкина. Спб. 1889, стр. 209). О Грибоѣдовѣ Рылѣевъ далъ сл. показанія слѣдственному комитету по дѣлу декабристовъ: „Грибоѣдова я не принималъ въ Общество; я испытывалъ его, но нашедъ, что онъ не вѣритъ возможности преобразовать правительство, оставилъ его въ покоѣ. Если же онъ принадлежитъ Обществу, то могъ его принять князь Одоевскій, съ которымъ онъ жилъ, или кто-либо на югѣ, когда онъ тамъ былъ" (Дѣло Рылѣева. Госуд. Архивъ. I. В № 334, л. 15. По копіи В. И. Семевскаго).

[4]) *В. З. Завитневичъ.* А. С. Хомяковъ, т. I, кн. I. Кіевъ 1902, стр. 93.

[5]) *П. Барсуковъ.* Жизнь и труды Н. М. Строева. Спб. 1878, стр. 97—98.

[6]) См. Приложенія, стр. 94—95. Къ Свиньину обращался Рылѣевъ съ письмомъ по поводу М. Г. Бедраги, которое появилось затѣмъ въ IV ч. „Отеч. Записокъ" за 1820 г. (*Балицкій*, т. II, стр. 71—73)

[7]) „Я уважаю Рылѣева, какъ автора и какъ человѣка", писалъ А. И. Тургеневъ кн. П. А. Вяземскому 28 мая 1824 г. (Остафьевскій архивъ кн. Вяземскихъ, т. III, Спб. 1899, стр. 190).

[8]) Въ началѣ 1823 г. Н. Н. Пущинъ былъ уволенъ изъ военной службы и по Высочайшему приказу опредѣленъ сверхштатнымъ членомъ въ С.-Пе-

Всѣ эти знакомства и дружескія связи были весьма дороги для Рылѣева: насколько высоко цѣнилъ онъ окружавшую его среду, видно изъ письма къ женѣ, гдѣ онъ, приглашая своего родственника переселиться въ Петербургъ, пишетъ: „Знакомство мое будетъ и для него знакомствомъ; а тебѣ извѣстно, *что я онымъ счастливъ*“ [1]). Дѣйствительно, общество писателей, среди которыхъ вращался Рылѣевъ, давало ему много, поддерживая литературные интересы и вообще оказывая благотворное вліяніе на его развитіе. Въ общеніи съ одними слагались теоретическіе взгляды Рылѣева на искусство; другіе вліяли на выборъ сюжетовъ въ его поэзіи; третьи, наконецъ, были образцами и Рылѣевъ подражалъ имъ въ языкѣ и литературныхъ пріемахъ. А вся эта среда, въ большинствѣ либерально настроенная, питала гражданскую музу Рылѣева и создавала подходящую обстановку для развитія его творческихъ силъ.

Когда декабрьская катастрофа разрушила дружную семью молодыхъ литераторовъ, Пушкинъ такъ съ горечью выразилъ эту утрату въ стихотвореніи „Аріонъ“:

Насъ было много на челнѣ:
Иные парусъ напрягали,
Другіе дружно упирали
Въ глубь мощны веслы. Въ тишинѣ,
На руль склонясь, нашъ кормщикъ умный
Въ молчаньи правилъ грузный челнъ;
А я, безпечной вѣры полнъ,
Пловцамъ я пѣлъ... Вдругъ лоно волнъ
Измялъ съ налету вихорь шумный:
Погибъ и кормщикъ, и пловецъ!
Лишь я, таинственный пѣвецъ,
На берегъ выброшенъ грозою,
Я гимны прежніе пою

тербургскую Палату уголовнаго суда, гдѣ познакомился съ Рылѣевымъ. (Дѣло И. И. Пущина. Госуд. Арх. I, д. № 14. Показанія Пущина 28 дек. 1825 г. По копіи Дубровина). Рылѣевъ очень привязался къ нему и въ нач. 1825 г. писалъ какому-то неизвѣстному другу въ Москву: „Спасибо, что полюбилъ Пущина; я еще отъ этого ближе къ тебѣ. Кто любитъ Пущина, тотъ уже непремѣнно самый рѣдкій человѣкъ.“ (*Балицкій*, т. II, стр. 163).

[1]) *Балицкій*, т. II, стр. 118.

И ризу влажную мою
Сушу на солнцѣ подъ скалою [1]).

Намъ остается разсмотрѣть еще политическую дѣятельность Рылѣева, которая также стоитъ въ близкой связи съ гражданскими мотивами его поэзіи.

Исторія развитія политическихъ убѣжденій Рылѣева захватываетъ довольно значительный періодъ времени, восходя къ юношескимъ годамъ жизни поэта. Еще на школьной скамьѣ Рылѣевъ интересовался общественными вопросами и въ 1813 г. написалъ полную патріотическаго воодушевленія оду „Любовь къ отчизнѣ", гдѣ прославялъ геройство Кутузова. Въ письмѣ къ отцу незадолго до выхода изъ корпуса онъ высказывалъ чувство преданности монарху, „надъ нами Богомъ поставленному", и выражалъ готовность послужить ему „мужествомъ и храбростію на полѣ славы" [2]). Въ заграничныхъ походахъ патріотическій восторгъ Рылѣева смѣнился другимъ настроеніемъ, и онъ подъ вліяніемъ либеральныхъ идей сталъ критически относиться къ русской дѣйствительности. Въ Острогожскомъ уѣздѣ поэта окружала среда интеллигентныхъ помѣщиковъ, которая, какъ видно изъ отзыва А. В. Никитенка, отличалась либеральнымъ образомъ мыслей и могла поддерживать оппозиціонное настроеніе Рылѣева [3]). Къ этому же времени относится чтеніе книги Монтескье „О духѣ законовъ" [4]); рѣзкій отзывъ о военной службѣ („для нынѣшней службы нужны подлецы, а я, къ счастью, не могу имъ быть..." [5]) также является характернымъ показателемъ тогдашняго настроенія Рылѣева. Дальнѣйшее развитіе „вольномысліе" его получило въ Петербургѣ въ кругу либеральныхъ писателей и лицъ, живо интересовавшихся общественной жизнью. Въ квартирѣ поэта устраивались иногда бесѣды по политической экономіи съ профессоромъ университета Плисовымъ, въ присутствіи

---

[1]) *Пушкинъ*, т. II. Изд. Брокгаузъ-Ефрона. Спб. 1908, стр. 155.

[2]) *Балицкій*, т. II, стр. 91.

[3]) *А. В. Никитенко.* Повѣсть о самомъ себѣ. Гл. XIII: Острогожскъ. „Рус. Стар." 1888 г., т. LX, стр. 73—83.

[4]) Ibid., стр. 284.

[5]) См. выше, стр. 70.

нѣсколькихъ слушателей [1]). Усердное чтеніе такихъ писателей, какъ Бентамъ [2]), Биньонъ, Бенжаменъ-Констанъ и др., сыграло огромную роль въ развитіи политическаго міросозерцанія Рылѣева. Въ показаніяхъ, представленныхъ слѣдственной комиссіи по дѣлу декабристовъ, Рылѣевъ такъ объяснялъ исторію своего вольнодумства. „Свободомысліемъ первоначально заразился я во время походовъ во Францію въ 1814 и 1815 годахъ; потомъ оное постепенно возрастало во мнѣ отъ *чтенія разныхъ современныхъ публицистовъ*, каковы Биньонъ, Бенжаменъ Констанъ и другіе, и наконецъ, со дня вступленія моего въ члены общества, въ продолженіе трехъ лѣтъ почти *каждодневныя бесѣды съ людьми одинаковаго образа мыслей* и продолженіе чтенія упомянутыхъ авторовъ довершили преступный образъ мыслей моихъ. Особенно же никто во мнѣ оныхъ не укоренялъ, и я по-истинѣ себя одного долженъ обвинять во всемъ“ [3]). Въ другомъ мѣстѣ Рылѣевъ показывалъ: „Вообще прилежалъ я ко всѣмъ словеснымъ наукамъ; въ послѣдніе же годы *занимался изученіемъ правъ и исторіи разныхъ народовъ*“ [4]).

Активное участіе въ политической жизни Рылѣевъ проявилъ лишь съ начала 1823 года, вступивъ въ члены Сѣвернаго Общества. Этому предшествовала непродолжительная дѣятельность его въ масонской ложѣ Пламенѣющей Звѣзды (№ 9), которая въ то время состояла въ союзѣ Астреи и вела свои занятія на нѣмецкомъ языкѣ; въ спискахъ 1820—21 гг. Рылѣевъ числился мастеромъ этой ложи [5]). Насколько энергично работалъ онъ здѣсь, мы затрудняемся судить въ виду отсутствія опредѣленныхъ свѣдѣній. Кропотовъ полагаетъ, что Рылѣевъ былъ однимъ изъ выдающихся масоновъ: послѣ закрытія ложи у него хранилось много масонскихъ бумагъ и при томъ

---

[1]) *Д. Кропотовъ.* Нѣсколько свѣдѣній о Рылѣевѣ. „Русскій Вѣстникъ“ 1869 г., № 3, стр. 235.

[2]) По словамъ Кропотова, Рылѣевъ внимательно изучалъ Бентама, такъ что принадлежащій ему экземпляръ сочиненій этого англійскаго философа-юриста былъ весь испещренъ помѣтами и примѣчаніями Рылѣева („Рус. Вѣстн.“ 1869 г., № 3, стр. 237).

[3]) Государств. Архивъ. Дѣло Рылѣева I, В. № 334, л. 8. (по копіи В. И. Семевскаго).

[4]) Ibid., л. 8.

[5]) *В. И. Семевскій.* Политич. и обществ. идеи декабристовъ. Спб. 1909, стр. 296.

весьма важныхъ, которыя онъ въ ожиданіи обыска вечеромъ 14 дек. 1825 г. поспѣшилъ сжечь [1]). Возможно, что на первыхъ порахъ Рылѣевъ увлекся масонскимъ ученіемъ и былъ ревностнымъ членомъ, но скоро увлеченіе прошло, и онъ вышелъ изъ ложи еще до ея закрытія (1822 г.). Причиной ухода послужили, вѣроятно, тѣ же обстоятельства, которыя побуждали и другихъ декабристовъ оставлять масонство. Ученіе это съ его слишкомъ туманными и расплывчатыми идеалами всеобщаго счастья и братства народовъ, имѣвшее почти исключительно нравственный и благотворительный характеръ, не удовлетворяло будущихъ декабристовъ, жаждавшихъ активной дѣятельности на пользу ближнихъ. Не находили они здѣсь удовлетворенія и своимъ стремленіямъ къ политической свободѣ. Болѣе подходящей формой для политической дѣятельности явились тайныя общества — „Союзъ Спасенія", „Союзъ Благоденствія", а затѣмъ „Сѣверное" и „Южное общество", куда и стали переходить тѣ изъ масоновъ, которые стремились къ реальной общественной дѣятельности [2]).

Рылѣевъ вступилъ въ Сѣверное Общество черезъ И. И. Пущина; послѣдній принялъ его въ началѣ 1823 года прямо въ кругъ „убѣжденныхъ" и въ этомъ случаѣ не ошибся въ выборѣ: Рылѣевъ проявилъ себя энергичнымъ членомъ, предавшись здѣсь кипучей дѣятельности. По словамъ кн. Оболенскаго, „онъ съ перваго шага ринулся на открытое ему поприще и всего себя отдалъ той высокой идеѣ, которую себѣ усвоилъ" [3]). Съ чрезвычайнымъ рвеніемъ старался онъ объ увеличеніи числа членовъ общества; такъ, имъ приняты были въ члены Николай и Александръ Бестужевы, Каховскій, В. Кюхельбекеръ и полковникъ Булатовъ. Рылѣевъ склоненъ былъ принимать купцовъ и мѣщанъ, но другіе члены не соглашались на это, находя, что „купцы — невѣжды". Для популяризаціи идей общества Рылѣевъ вызывался составить „Катихизисъ свободнаго человѣка", писалъ пѣсни въ народномъ духѣ, которыя, по отзывамъ современниковъ, пользовались большой популярностью. Въ 1825 г. онъ ѣздилъ въ Кронштадтъ съ цѣлью устроить тамъ филі-

[1]) „Рус. Вѣстн." 1869 г., № 3, стр. 236.

[2]) См. у *В. И. Семевскаго*, ук. соч., гл. III: „Декабристы-масоны".

[3]) *Бальцкій*, т. II, стр. 21.

альное отдѣленіе Общества [1]). Въ томъ же году онъ былъ въ Москвѣ и, по словамъ А. И. Кошелева, на вечерѣ у М. М. Нарышкина читалъ свои „Думы“ и „рѣзко выражался“. Его чтеніе и рѣчи произвели сильное впечатлѣніе на Кошелева; послѣдній подѣлился своими мыслями съ Кирѣевскимъ, Веневитиновымъ и Рожалинымъ, и молодые московскіе философы стали интересоваться русской политикой [2]). На собраніяхъ заговорщиковъ, которыя особенно участились и сдѣлались многолюдными къ концу 1825 года, Рылѣевъ всѣхъ воодушевлялъ своимъ увлеченіемъ и являлся въ этомъ отношеніи „душой“ всего заговора. По свидѣтельству Н. Бестужева „Рылѣевъ былъ не краснорѣчивъ и овладѣвалъ другими не тонкостями реторики или силою силлогизмовъ, но жаромъ простого и иногда несвязнаго разговора, который въ отрывочныхъ выраженіяхъ изображалъ всю силу мысли, всегда прекрасной, всегда правдивой, всегда привлекательной. Всего краснорѣчивѣе было его лицо, на которомъ являлось прежде словъ все то, что онъ хотѣлъ выразить, точно какъ говорилъ Муръ о Байронѣ, что онъ похожъ на гипсовую вазу, снаружи которой нѣтъ никакихъ украшеній, но какъ скоро въ ней загорится огонь, то изображенія, изваянныя внутри хитрою рукою художника, обнаруживаются сами собою“ [3]). Самъ Рылѣевъ въ показаніяхъ Верховному уголовному суду не скрывалъ своего вліянія на многихъ членовъ Общества. „Признаюсь чистосердечно, писалъ онъ, что я самъ себя почитаю главнѣйшимъ виновникомъ происшествія 14 декабря, ибо... я могъ остановить оное и не только того не подумалъ сдѣлать, а напротивъ еще преступною ревностію своею служилъ для другихъ, особенно для своей отрасли, самымъ гибельнымъ примѣромъ“ [4]). Тѣ же мысли высказывалъ онъ и въ черновомъ письмѣ къ Государю, защищая своихъ товарищей: „Я виновнѣе ихъ всѣхъ; я съ самаго вступленія моего въ Думу Сѣвернаго Общества упрекалъ ихъ въ недѣятельности; я преступною

---

[1]) „Изъ записокъ декабриста Н. А. Бестужева“ („Историческій Вѣстникъ“ 1901 г., IV, стр. 120—121). См. *Н. Котляревскій.* Рылѣевъ. Спб. 1908, стр. 141.

[2]) „Русскій Архивъ“ 1885 г., I, стр. 115. *А. И. Кошелевъ.* Записки. Берлинъ 1884, стр. 13.

[3]) *Балицкій,* т. I, стр. 32.

[4]) „Дѣло“ Рылѣева, л. 54

ревностію своею былъ для нихъ самымъ гибельнымъ примѣромъ; словомъ, я погубилъ ихъ" [1]).

Вліяніе Рылѣева въ Сѣверномъ Обществѣ все болѣе и болѣе возрастало. Послѣ отъѣзда князя С. П. Трубецкого въ Кіевъ, онъ былъ избранъ въ „верхній кругъ"—въ члены Думы, и здѣсь вмѣстѣ съ А. Бестужевымъ и кн. Е. П. Оболенскимъ сталъ во главѣ Общества. Нѣкоторыхъ раздражало первенствующее положеніе Рылѣева. Каховскій показывалъ на слѣдствіи, что „Рылѣевъ все ото всѣхъ скрывалъ, всѣмъ распоряжался, все бралъ на себя и по его отрасли совѣщаній никакихъ не было... Члены собирались лишь спорить, но онъ дѣлалъ все по своему; имъ выбранъ въ диктаторы кн. Трубецкой; насъ всѣхъ и въ частныхъ разговорахъ заставлялъ молчать, объявлялъ свои мнѣнія волею диктатора" [2]). Недоволенъ былъ Рылѣевымъ и Завалишинъ, подозрѣвавшій въ немъ хитраго честолюбца. „Рылѣевъ всячески искалъ подавить возрастающее мое вліяніе... Онъ хотѣлъ скрыть свое честолюбіе за другими лицами и, оставаясь, какъ говорится, душой дѣла, облечь наружными знаками власти послушныя себѣ орудія" [3]). Я. Ростовцевъ упрекаетъ его въ упрямствѣ. „Рылѣевъ былъ до невѣроятности упрямъ въ своихъ сужденіяхъ и никогда не отступалъ отъ мысли, единажды имъ принятой, хоть иногда ясно видѣлъ свое заблужденіе" [4]). Подобные отзывы могли быть подсказаны слишкомъ энергичной дѣятельностью Рылѣева, которая, видимо, возбуждала у нѣкоторыхъ чувства соревнованія и личнаго раздраженія.

Однако не на всѣхъ Рылѣевъ производилъ такое впечатлѣніе. М. Бестужевъ съ восторгомъ отзывается о немъ, описывая послѣднее совѣщаніе заговорщиковъ, происходившее наканунѣ 14-го декабря въ квартирѣ Рылѣева. „Многолюдное собраніе было въ какомъ то лихорадочно-высоконастроенномъ состояніи. Тутъ слы-

---

[1]) *Базилевскій*, т. II, стр. 146. Письмо не было послано Государю; оригиналъ его хранится среди автографовъ Рылѣева въ рукописномъ отдѣленіи библіотеки Имп. Академіи наукъ. См. Архивъ К. Ѳ. Рылѣева, II (Переписка), № 53.

[2]) *П. Щеголевъ*. Каховскій. „Былое" 1906 г., январь, стр. 157.

[3]) *Д. И. Завалишинъ*. Записки Декабриста. Т. I, München 1904, стр. 288, 333.

[4]) *Я. Ростовцевъ*. Записки о событіяхъ 1825 г. Рукопись Кіевскаго Выдубецкаго Монастыря. Коллекція Соломки, № 20, л. 3.

шались отчаянныя фразы, неудобоисполнимыя предложенія и распоряженія, слова безъ дѣлъ, за которыя многіе поплатились, не будучи виноваты ни въ чемъ, ни передъ кѣмъ. Чаще другихъ слышались хвастливые возгласы Якубовича и Щепкина-Ростовскаго... Зато, какъ прекрасенъ былъ въ этотъ вечеръ Рылѣевъ! Онъ былъ нехорошъ собой, говорилъ просто, но не гладко, но когда онъ попадалъ на свою любимую тему—на любовь къ родинѣ, физіономія его оживлялась, черные, какъ смоль, глаза озарялись неземнымъ свѣтомъ, рѣчь его текла плавно, какъ огненная лава, и тогда бывало не устанешь любоваться имъ. Такъ и въ этотъ роковой вечеръ, рѣшившій туманный вопросъ: „To be or not to be". Его ликъ, какъ луна, блѣдный, но озаренный какимъ то сверхъестественнымъ свѣтомъ, то появлялся, то исчезалъ въ бурныхъ волнахъ этого моря, кипящаго различными страстями и побужденіями. Я любовался имъ, сидя въ сторонѣ подлѣ Сутгофа, съ которымъ мы бесѣдовали, повѣряя другъ другу свои завѣтныя мысли" [1]).

Какими же идеалами воодушевленъ былъ Рылѣевъ, предаваясь кипучей дѣятельности въ Сѣверномъ Обществѣ? „Рылѣевъ, замѣчаетъ по этому поводу позднѣйшій его біографъ, не оставилъ намъ письменнаго изложенія своей политической доктрины; онъ высказывался лишь при случаѣ, несистематично, иногда сбивчиво, и потому исчерпывающая оцѣнка его политическаго ученія при наличномъ матеріалѣ невозможна. Съ увѣренностью можно намѣтить лишь самыя общія положенія" [2]).

Наиболѣе совершенной формой правленія Рылѣевъ признавалъ республиканскую; въ этомъ смыслѣ высказывался онъ и Батенькову, отмѣчая, что „въ монархіи не можетъ быть ни великихъ характеровъ, ни истинныхъ добродѣтелей, что одни американцы поняли всю важность сей истины, что въ Европѣ даже и Англія пребываетъ въ тяжкомъ рабствѣ отъ аристократіи, что она освободится послѣ всѣхъ, а прочіе должны ждать всего отъ Россіи" [3]). Ростовцевъ также ука-

---

[1]) Изъ записокъ М. А. Бестужева. См. *Н. Котляревскій*. Рылѣевъ. Спб. 1908. стр. 160—161.

[2]) *Н. Котляревскій*, ук. соч., стр. 145.

[3]) Показанія Батенькова слѣдственному комитету. (*М. В. Довнаръ-Запольскій*. Мемуары декабристовъ. Кіевъ 1906. стр. 166). Лейтенантъ Романовъ, привлеченный къ слѣдствію по дѣлу декабристовъ, показалъ, что Рылѣевъ и Н. Бестужевъ „кажется, отдавали бразильской конституціи преимущество

зываетъ, что „Рылѣевъ всегда расхваливалъ правленіе народное, Оболенскій же былъ то за правленіе республиканское, то за конституціонное“ [1]). Будучи лично сторонниковъ республики, Рылѣевъ находилъ однако, что эта форма государственнаго устройства совершенно не подходитъ для современнаго положенія Россіи, что для нея необходима конституціонная монархія. Такія мысли высказывалъ онъ и въ своихъ показаніяхъ слѣдственному комитету: „Въ частныхъ же разговорахъ моихъ съ упомянутыми лицами (Матвѣемъ Муравьевымъ-Апостоломъ, Трубецкимъ, Ник. Муравьевымъ и Оболенскимъ), а также и съ другими, принадлежащими обществу, я всегда былъ того мнѣнія, что Россія еще не созрѣла для республиканскаго правленія, а потому въ то время всегда защищалъ ограниченную монархію, хотя душевно и предпочиталъ ей образъ правленія Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, предполагая, что образъ правленія сей республики есть самый удобный для Россіи по обширности ея и разноплеменности населяющихъ ее народовъ, о чемъ говорилъ я многимъ членамъ и между прочимъ Никитѣ Муравьеву, склоняя его сдѣлать въ написанной имъ конституціи нѣкоторыя измѣненія, придерживаясь устава Соединенныхъ Штатовъ, оставивъ однако формы Монархіи. Вообще о преобразованіи правленія въ Россіи, какъ на совѣщаніяхъ, такъ и въ частныхъ бесѣдахъ съ разными членами съ самаго вступленія моего въ Общество по 14 декабря, я говорилъ одно: что никакое общество не имѣетъ права вводить насильно въ своемъ отечествѣ новаго образа правленія, сколько бы оный ни казался превосходнымъ: что это должно предоставить выбраннымъ отъ народа представителямъ, рѣшенію коихъ повиноваться безпрекословно есть обязанность каждаго.... Симъ правиломъ я постоянно руководствовался“ [2]).

Въ вопросѣ о возстановленіи Польши Рылѣевъ не вполнѣ сочувствовалъ польскимъ симпатіямъ Южнаго Общества и рѣшительно не соглашался возвратить Польшѣ отъ Россіи завоеванныя провин-

---

передъ англійскою“. Текстъ бразильской конституціи 25 марта 1824 г. см. у *Lafferrière*. Les constitutions d'Europe et d'Amérique. P. 1869, p. 589—616 (*В. И. Семевскій*. Пол. и общ. идеи декабристовъ. Спб. 1909, стр. 250).

[1]) *Я. Ростовцевъ*. Записки о событіяхъ 1825 г. Рукопись Кіевскаго Выдубецкаго Монастыря. Коллекція Соломки, № 20, л. 3.

[2]) „Дѣло“ Рылѣева, л. 43.

ціи—Литву, Подолію и Волынь. По этому поводу онъ говорилъ, „что и настоящее правительство наше дѣлаетъ великую погрѣшность, называя упомянутыя провинціи въ актахъ своихъ польскими, или вновь присоединенными отъ Польши, и въ продолженіе тридцати лѣтъ ничего не сдѣлавъ, дабы нравственно присоединить оныя къ Россіи; что границы Польши собственно начинаются тамъ, гдѣ кончаются нарѣчія малороссійское и русское, или по польски хлопское; гдѣ же большая часть народа говоритъ упомянутыми нарѣчіями и исповѣдуетъ греко-россійскую или уніатскую религію, тамъ—Русь, древнее достояніе наше“ [1]).

Стремясь установить въ Россіи представительный образъ правленія, Рылѣевъ въ числѣ другихъ преобразованій намѣчалъ уравненіе воинской повинности между всѣми сословіями, мѣстное самоуправленіе, гласность суда, введеніе присяжныхъ, свободу печати, уничтоженіе монополій, отмѣну крѣпостного права, свободу въ выборѣ занятій, равенство всѣхъ гражданъ предъ судомъ [2]).

Таковы были дальнѣйшіе планы Рылѣева; ближайшею же задачей его и вообще Сѣвернаго Общества было воспользоваться перемѣной въ царствующей династіи и созвать Великій Соборъ, который долженъ былъ рѣшить какъ участь царствующаго Дома такъ и то, какой образъ правленія ввести въ Россіи [3]).

Со смертію имп. Александра I случай скоро представился: замѣшательство въ престолонаслѣдіи подало къ тому поводъ. 14-го декабря 1825 года заговорщики сдѣлали попытку осуществить свои замыслы, но потерпѣли неудачу. Въ этотъ день Рылѣевъ наглядно убѣдился, насколько неподготовлена была окружающая среда для воспріятія тѣхъ идей, которыя съ такимъ энтузіазмомъ стремились провести въ жизнь декабристы. Грустный и раз-

[1]) Ibid., л. 48.

[2]) „Рус. Архивъ“ 1890 г., кн. II, стр. 165.

[3]) „Дѣло“ Рылѣева, л. 59. Великій Соборъ рѣшено было созвать посредствомъ Сената; на него „должны были съѣхаться выборные изъ каждой губерніи, съ каждаго сословія по два. Они должны были рѣшить, кому царствовать и на какихъ условіяхъ. Приговору Великаго Собора положено было безпрекословно повиноваться, стараясь только, чтобы народнымъ Уставомъ былъ введенъ представительный образъ правленія, свобода книгопечатанія, открытое судопроизводство и личная безопасность. Проэктъ конституціи, составленный Муравьевымъ, должно было представить Народному Собору, какъ проэктъ“. (Ibid., л. 5).

строенный возвратился онъ къ вечеру домой съ Сенатской площади: къ нему зашли И. И. Пущинъ, Штейнгель и еще нѣсколько членовъ Сѣвернаго Общества; зашелъ было и О. Булгаринъ; но Рылѣевъ отвелъ его въ переднюю и сказалъ: „Тебѣ здѣсь не мѣсто. Ты будешь живъ, ступай домой! Я погибъ! Прости! Не оставляй жены моей и ребенка". Поцѣловалъ его и выпроводилъ изъ дому [1]). На разспросы жены Рылѣевъ отвѣчалъ: „Худо, мой другъ, всѣхъ моихъ друзей берутъ подъ стражу; вѣроятно, не избѣгнуть и мнѣ общей участи". Отправившись въ кабинетъ, онъ улегся на диванѣ... Послѣ полуночи пріѣхалъ полицмейстеръ и объявилъ приказъ арестовать его. Рылѣевъ одѣлся наскоро, благословилъ дочь свою Настеньку, крѣпко обнялъ жену, изнемогавшую подъ бременемъ горести, и, поцѣловавъ ее въ послѣдній разъ, быстро направился къ двери [2])...

Его отвезли сначала во дворецъ, гдѣ имп. Николай лично допрашивалъ всѣхъ участниковъ заговора, затѣмъ посадили въ Петропавловскую крѣпость. „Присылаемаго Рылѣева, писалъ Государь

---

[1]) Изъ записокъ Н. И. Греча. „Рус. Вѣстникъ" 1868 г., № 6, стр. 384.

[2]) *Д. Кропотовъ.* Нѣсколько свѣдѣній о Рылѣевѣ. „Рус. Вѣстникъ" 1869 г., № 3, стр. 244. Жена Рылѣева, кажется не раздѣляла политическихъ стремленій К. Ѳ.: по крайней мѣрѣ, она чувствовала себя одинокой на собраніяхъ, которыя происходили у нихъ на квартирѣ. Это видно изъ письма ея къ сестрѣ, гдѣ она, между прочимъ, пишетъ: „офицери суда почти каждои денъ ходятъ а мнѣ такая таска когда тамъ сижу очинь грусно зделаетца я уиду въ свою половину и лижу или што нибудь делаю..." (Архивъ К. Ѳ. Рылѣева, въ библ. Имп. Ак. наукъ. Бумаги Н. М. Рылѣевой, № 1. Письмо безъ даты, изъ текста видно, что оно писано не позже 1824 г., еще при жизни матери поэта). Въ день 14-го дек. Наталія Михайловна всячески убѣждала К. Ѳ. не выходить на Сенатскую площадь. И. Бестужевъ очень живо передаетъ тяжелую сцену разставанія Рылѣева со своей семьей. „Жена его выбѣжала къ намъ навстрѣчу, и когда я хотѣлъ съ нею поздороваться, она схватила мою руку и, заливаясь слезами, едва могла выговорить: «Оставьте мнѣ моего мужа, не уводите его— я знаю, что онъ идетъ на погибель!»... Рылѣевъ подобно мнѣ старался успокоить ее: что онъ возвратится скоро, что въ намѣреніяхъ его нѣтъ ничего опаснаго. Она не слушала насъ; но въ это время дикій, горестный и испытующій взглядъ большихъ черныхъ ея глазъ попеременно устремлялся на обоихъ. Я не могъ выносить этого взгляда и смутился. Рылѣевъ примѣтно былъ въ замѣшательствѣ. Вдругъ она отчаяннымъ голосомъ вскрикнула:— «Настенька! проси отца за себя и за меня!»... Маленькая дѣвочка выбѣжала рыдая, обняла колѣни отца, а мать почти безъ чувствъ упала къ нему на грудь. Рылѣевъ положилъ ее на диванъ, вырвался изъ ея и дочериныхъ объятій и убѣжалъ". (*Бестужевъ*, т. I, стр. 43—44).

коменданту крѣпости, посадить въ Алексѣевскій равелинъ, но не связывать рукъ; дать ему бумагу для письма и что будетъ писать ко мнѣ собственноручно, мнѣ приносить ежедневно“ [1]).

Съ Высочайшаго разрѣшенія Рылѣеву дозволено было переписываться изъ крѣпости съ женой; переписка являлась для него единственнымъ утѣшеніемъ Въ письмахъ прекрасно отразилось то тяжелое душевное состояніе, въ какомъ находился Рылѣевъ во время слѣдствія и суда. Религіозность, никогда не покидавшая его въ теченіе всей жизни, теперь всецѣло овладѣла его душой и часто облегчала его страданія. „Со дня на день, писалъ онъ женѣ, болѣе и болѣе успокаиваюсь, возлагая всю мою надежду на Создателя“ [2]). Но временами Рылѣевъ испытывалъ тяжелыя минуты отчаянія и, считая свое земное поприще законченнымъ, тосковалъ по иномъ мірѣ:

Мнѣ тошно здѣсь, какъ на чужбинѣ!
Когда я сброшу жизнь мою?
Кто дастъ крылѣ мнѣ голубинѣ,
Да полечу и почію.
Весь міръ—какъ смрадная могила!
Душа изъ тѣла рвется вонъ.
Творецъ! Ты мнѣ прибѣжище и сила,
Вонми мой вопль, услышь мой стонъ:
Приникни на мое моленье,
Вонми смиренію души,
Пошли друзьямъ моимъ спасенье,
А мнѣ даруй грѣховъ прощенье
И духъ отъ тѣла разрѣши [3]).

Предвидя по ходу судебнаго слѣдствія свою судьбу, Рылѣевъ старался подготовить жену къ неизбѣжной участи. „У Бога все возможно, писалъ онъ ей, и все, что ни творитъ Онъ, все творитъ къ лучшему. Молись Ему вмѣстѣ съ малюткою нашей и что бы ни

---

[1]) *Н. Д.* „Нѣсколько словъ въ память имп. Николая I“. „Рус. Стар“. 1896 г. т. LXXXVI, стр. 459.

[2]) *Бѣлицкій*, т. II, стр. 129.

[3]) *Бѣлицкій*. т. I, стр. 165. Это стихотвореніе вмѣстѣ со стих. „О, милый другъ...“ было наколото Рылѣевымъ на кленовыхъ листьяхъ и переслано черезъ крѣпостного сторожа кн. Е. П. Оболенскому въ сосѣднюю камеру.

постигло меня, прими все съ твердостію и покорностію Его святой волѣ“ [1]). Мысль, что жена и дочь оставлены на произволъ судьбы, не давала Рылѣеву покоя; нѣсколько разъ съ горечью винитъ онъ себя въ этомъ. „Могу ли быть покоенъ, писалъ онъ женѣ, когда ты и несчастная наша малютка безпрестанно передъ моими глазами. Мой милый другъ, я жестоко виноватъ передъ тобою и ею: прости меня, ради Спасителя, которому я каждый день васъ поручаю; признаюсь тебѣ, только во время молитвы и бываю я покоенъ за васъ... Прости меня, я много виноватъ передъ семействомъ своимъ“ [2]).

Въ каждомъ письмѣ онъ старался утѣшить и обнадежить убитую горемъ жену: „Ради Бога, не унывай, мой другъ“... „Надѣйся на благость Божію и милосердіе Государя“... „Положись на Всевышняго и милосердіе Государя“. Но надеждамъ этимъ не суждено было исполниться: Верховный уголовный судъ приговорилъ Рылѣева къ четвертованію, которое Государь замѣнилъ смертной казнью черезъ повѣшеніе.

Когда Рылѣеву объявили приговоръ, онъ выслушалъ его спокойно, безъ малѣйшаго признака смущенія на лицѣ [3]); непосредственно передъ казнью онъ написалъ извѣстное письмо къ женѣ, которое произвело потрясающее впечатлѣніе на современниковъ. „Богъ и Государь рѣшили участь мою, писалъ онъ: я долженъ умереть и умереть смертію позорною. Да будетъ Его святая воля! Мой милый другъ, предайся и ты волѣ Всемогущаго, и Онъ утѣшитъ тебя. За душу мою молись Богу. Онъ услышитъ твои молитвы. Не ропщи ни на Него, ни на Государя: это будетъ и безразсудно и грѣшно. Намъ ли постигнуть неисповѣдимые суды Непостижимаго? ...Молю за тебя и Настиньку, и за бѣдную сестру Бога, и буду всю ночь молиться. Съ разсвѣтомъ будетъ у меня священникъ, мой другъ и благодѣтель, и опять причаститъ. Настиньку благословляю мысленно нерукотвореннымъ образомъ Спасителя и поручаю всѣхъ васъ святому покровительству Живаго Бога. Прошу тебя болѣе всего заботиться о ея воспитаніи. Я желалъ бы, чтобы она была воспитана при тебѣ. Старайся перелить въ нее свои христіанскія чувства—и она будетъ счастлива, не смотря ни на какія превратности въ жизни

[1]) Ibid., т. II, стр. 138.
[2]) Ibid., стр. 130.
[3]) *П. Г. Дивовъ.* Дневникъ. „Рус. Стар.“, 1897 г., мартъ, стр. 485.

13 Іюля 1826

Твоя и Государь рішили участь мою: я долженъ умереть и умереть смертію позорною. Да будетъ Его святая воля! Мой милый другъ, предайся и ты волѣ Всемогущаго, и Онъ утѣшитъ тебя. За душу мою молись Богу: Онъ услышитъ твои молитвы. Не ропщи ни на Него, ни на Государя: это будетъ и безразсудно и грѣшно. Какъ мы постигнемъ непостижимыя судьбы Непостижимаго? Я на роду не возроптавъ во все время моего заключенія и за то Духъ Святый дивно утѣшалъ меня. Подумай, мой другъ; и въ ту самую минуту, когда я занятъ тобою и нашею участью, я нахожусь въ такомъ утѣшительномъ спокойствіи, что не могу выразить тебѣ. О милый другъ, какъ отрадно быть Христіаниномъ. Благодарю моего Создателя, что онъ меня просвѣтилъ и что я умираю во Христѣ. Его дивное спокойствіе порукою, что Творецъ не оставитъ ни тебя, ни нашей малютки. Ради Бога не предавайся отчаянію: ищи утѣшенія въ Религіи. Я просилъ нашего Священника посѣщать тебя. Слушай совѣтовъ его и поручи ему молиться о душѣ моей. Отдай ему одну изъ золотыхъ табакерокъ въ знакъ признательности моей или лучше оставь ее у себя, потому что вознаградитъ его подвигъ только одинъ Богъ за то благодѣяніе, которое онъ оказалъ мнѣ своими бесѣдами.

Рукопись Имп. Академіи наукъ. *Арх. Рыл. II. № 19* (автографъ).
Письмо Рылѣева къ женѣ въ день казни.

и когда будетъ имѣть мужа, то осчастливитъ и его, какъ ты, мой милый, мой добрый и неоцѣненный другъ, счастливила меня въ продолженіе восьми лѣтъ. Могу ли, мой другъ, благодарить тебя словами; они не могутъ выразить чувствъ моихъ. Богъ тебя наградитъ за все. Почтеннѣйшей Прасковьѣ Васильевнѣ моя душевная, искренняя, предсмертная благодарность. Прощай! Велятъ одѣваться. Да будетъ Его Святая воля. Твой истинный другъ К. Рылѣевъ" [1]).

Это письмо въ огромномъ количествѣ списковъ разошлось по рукамъ; многіе безъ слезъ не могли читать его. Пересылая изъ Москвы копію этого письма, В. И. Туманскій писалъ 10 авг. 1826 г. своей родственницѣ: „оно здѣсь ходитъ по рукамъ и читается съ жадностію. Я видѣлъ множество дамъ, обливавшихся слезами при чтеніи сего трогательнаго посланія" [2]).

[1]) *Балицкій*, т. II, стр. 144—146. Подлинникъ письма хранится въ библіотекѣ Ак. наукъ вмѣстѣ съ другими автографами поэта. (См. Архивъ К. Ѳ. Рылѣева II. Переписка, № 49).

[2]) Письма В. И. Туманскаго. Черниговъ 1891, стр. 74—75.—М. М. Фокъ въ донесеніяхъ своихъ А. Х. Бенкендорфу отъ 14 авг. 1826 г. отмѣчалъ, что предсмертное письмо Рылѣева со „стараніемъ" распространяется на станціяхъ по пути слѣдованія декабристовъ въ Сибирь („Рус. Стар." 1881 г., т. XXXII, стр. 311—312). Еще и теперь, нерѣдко, можно встрѣтить списки этого письма: два такихъ списка находится въ собраніи рукописей И. А. Вахрамѣева (*А. А. Титовъ*. Рукописи славянскія и русскія. Вып. II, № 664, л. 59. Вып. V, № 1054, л. 85); см. также въ Моск. Рум. Музеѣ (Комната людей 40-хъ годовъ. Витрина V, № 6), въ Публ. Библіотекѣ, въ Академіи Наукъ (Рук. № 45. 12. 8: въ 4-ку, на 2-хъ лл.; куплена въ Устюгѣ. Другой списокъ, принадлежащій Академіи, находится въ рукописномъ сборникѣ № 15. 1. 9 вмѣстѣ съ двумя думами Рылѣева: „Смерть Ермака" и „Богданъ Хмѣльницкій").

Впослѣдствіи сдѣлана была попытка переложить письмо Рылѣева въ стихи подъ загл.: „Посланіе къ женѣ". Стихотвореніе вышло мало удачнымъ, хотя авторъ его, видно, старался подражать Рылѣеву и заимствовалъ отъ него отдѣльныя фразы и выраженія. Вотъ нѣсколько стиховъ этого „Посланія":

Ударитъ часъ, часъ смерти роковой
И погрузитъ меня въ сонъ тяжкій, гробовой.
...Съ зарею утренней моя свершится доля,
Да будетъ надо мной небесъ *святая воля.*
А ты, кто восемь лѣтъ счастливила меня,
Кѣмъ въ жизни я позналъ всю сладость бытія,
О, другъ мой, за любовь, за ласки попеченья,
Предсмертныя мои прими благодаренья.
Пекись о дочери и передай ты ей
Всѣ сладости любви и красоты твоей!

Казнь назначена была на утро 13-го іюля 1826 г.

„Настала полночь, вспоминаетъ о канунѣ этого дня кн. Е. Оболенскій; священникъ со святыми дарами вышелъ отъ Кондратія Ѳедоровича; вышелъ и отъ С. И. Муравьева-Апостола, вышелъ и отъ Петра Каховскаго, и отъ Михаила Бестужевъ-Рюмина. Пасторъ напутствовалъ Павла Ивановича Пестеля. Я не спалъ; намъ велѣно было одѣваться: я слышалъ шаги, слышалъ шопотъ, но не понималъ ихъ значенія. Прошло нѣсколько времени,—слышу звукъ цѣпей. Дверь отворилась на противоположной сторонѣ коридора; цѣпи тяжело зазвенѣли. Слышу протяжный голосъ друга неизмѣннаго Кондратія Ѳедоровича Рылѣева: «Простите, простите, братья!» и мѣрные шаги удалились къ концу коридора; я бросился къ окошку: начало свѣтать... Вижу всѣхъ пятерыхъ, окруженныхъ гренадерами съ примкнутыми штыками. Знакъ поданъ, и они удалились. И намъ сказано было выходить. И насъ повели тѣ же гренадеры, и мы пришли на эспланаду передъ крѣпостью. Всѣ гвардейскіе полки были въ строю. Вдали я видѣлъ пять висѣлицъ; видѣлъ пятерыхъ избранниковъ, медленно приближающихся къ роковому мѣсту... Избранныя жертвы были готовы. Священникъ Петръ Николаевичъ былъ съ ними. Онъ подходитъ къ Кондратію Ѳедоровичу и говоритъ слово увѣщательное. Рылѣевъ взялъ его руку, поднесъ къ сердцу и говоритъ: «слышишь, отецъ, оно не бьется сильнѣе прежняго». Всѣ пятеро взошли на мѣсто казни, и казнь совершилась“ [1])...

Такъ кончилъ дни свои Рылѣевъ, запечатлѣвъ свою горячую любовь къ отчизнѣ трагическою смертью.

Императоръ Николай впослѣдствіи не разъ вспоминалъ о немъ. Однажды В. А. Жуковскій показалъ ему нѣкоторыя стихотворенія Рылѣева: государь прочелъ ихъ и сказалъ: „Я жалѣю, что не зналъ о

Въ печальномъ мірѣ семъ, гдѣ радостей немного,
Я оставляю васъ подъ кровъ живого Бога...
Мнѣ ваше счастіе—послѣднее желанье...
Но время! Слышу зовъ... О, другъ мой! До свиданія.
(„Вѣра и Разумъ“ 1899 г., т. I, ч. 2, стр. 724—725).

[1]) Воспоминанія кн. Е. П. Оболенскаго. *Бальцкій*, т. II, стр. 40—41. Подробное описаніе казни см. въ разсказахъ лицъ, присутствовавшихъ при исполненіи смертнаго приговора (Ibid., стр. 5—19); здѣсь же переданъ потрясающій эпизодъ, какъ Рылѣевъ съ нѣкоторыми другими декабристами сорвался съ висѣлицы и былъ вторично повѣшенъ.

томъ, что Рылѣевъ талантливый поэтъ; мы еще недостаточно богаты талантами, чтобы терять ихъ"[1]). Въ 1853 г., заболѣвъ отъ огорченія по поводу извѣстной кражи Политковскаго, Николай Павловичъ воскликнулъ: „Конечно, Рылѣевъ и друзья его со мною бы такъ не поступили!"[2])

---

[1]) *А. Смирнова.* Записки. Ч. II Спб. 1897, стр. 20.

[2]) *П. Бартеневъ.* Девятнадцатый вѣкъ. Кн. I, Москва 1872, стр. 350.

Глава третья.

Ранніе литературные опыты.

Неизданныя юношескія произведенія Рылѣева. Стихотворенія и статьи, приписываемыя ему. Корпусныя произведенія Рылѣева. Любовная лирика. Сатирическій элементъ въ его произведеніяхъ. Обращеніе къ гражданскимъ мотивамъ подъ вліяніемъ приподнятаго настроенія въ обществѣ и оживленія въ литературѣ. Сатира „Къ Временщику“ и другія произведенія, проникнутыя гражданскими идеями.

Начальный періодъ литературной дѣятельности Рылѣева до сихъ поръ мало изученъ. Объясняется это тѣмъ, что далеко не всѣ юношескія его произведенія до послѣдняго времени были извѣстны; большинство ихъ оставалось въ рукописяхъ, доступъ къ которымъ былъ очень затрудненъ для изслѣдователей. Первоначально эти рукописи вмѣстѣ съ другими автографами Рылѣева хранились въ его семьѣ; затѣмъ отъ дочери поэта—Анастасіи Кондратьевны Пущиной онѣ перешли, кажется, чрезъ посредство П. А. Ефремова, къ В. Е. Якушкину, который въ концѣ 1909 г. передалъ всю коллекцію въ Академію наукъ, сдѣлавъ ее такимъ образомъ доступной для изученія.

Принесенная въ даръ Академіи коллекція заключаетъ въ себѣ разнообразный матеріалъ: кромѣ автографовъ Рылѣева въ видѣ его стихотвореній, прозаическихъ статей и писемъ, здѣсь собраны еще бумаги родныхъ поэта, письма его знакомыхъ, нѣкоторые офиціальные документы, какъ дипломы, выданные Рылѣеву изъ литературныхъ обществъ, Высочайшій указъ имп. Екатерины II отцу поэта, копіи бумагъ имущественнаго характера и пр.

Опыты въ стихахъ

Кондратія Рылѣева.

Пріятна мнѣ съ трудомъ забава пополамъ;
Пріятенъ слабый трудъ, когда онъ мнѣ друзьямъ.

Книжка первая.

Рукопись Имп. Академіи наукъ *Арх. Рыл. I. А. № 3* (автографъ).

Этотъ фамильный архивъ Рылѣевыхъ отчасти былъ использованъ А. К. Пущиной при изданіи сочиненій отца въ 1872 и 1874 гг.: она издала главнымъ образомъ переписку Рылѣева и нѣкоторыя наиболѣе художественныя его произведенія: остальной матеріалъ, значительную часть котораго составляютъ начальные литературные опыты, до послѣдняго времени не былъ опубликованъ и появляется впервые въ приложеніяхъ къ настоящей работѣ [1]).

Вмѣстѣ съ автографами Рылѣева въ Академію наукъ поступила еще тетрадь, писанная почеркомъ нѣсколько отличнымъ отъ обычнаго почерка Рылѣева. Тетрадь эта имѣетъ очень ветхій видъ: верхніе углы листовъ ея истлѣли; синяя бумага отъ времени и сырости выцвѣла и покрылась пятнами. Въ тетради собраны произведенія различныхъ авторовъ:—Н. Козлова (басня „Истуканъ“ и прозаическая статья съ утраченнымъ заглавіемъ), Н. Фролова (басня „Мужикъ“ и статья „Пришествіе зимы“), Н. Боборыкина („Какимъ образомъ Россіяне поступали во всѣхъ вѣкахъ при нашествіи враговъ“) и П. Егорова („Пѣснь побѣдителю враговъ“, въ прозѣ); здѣсь же находится пять произведеній безъ обозначенія имени автора: басня „Гусь и Змія“, „Посланіе къ Ф....“, „На погибель враговъ“, „Причины паденія власти Папъ“ и „Побѣдная пѣснь Героямъ“ (въ прозѣ); подъ ними другой рукой сдѣланы въ формѣ двустишій приписки, указывающія на принадлежность всѣхъ этихъ произведеній Рылѣеву [2]).

Можно ли полагаться на эти указанія? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, необходимо опредѣлить характеръ самихъ приписокъ. Послѣднія составлялись, несомнѣнно, человѣкомъ близкимъ Рылѣеву: въ двустишіяхъ онъ обращается къ поэту, какъ своему „любезному другу“ и „пріятелю“, заочно „лобызаетъ“ его и весьма лестно отзывается объ его поэтическихъ дарованіяхъ:

Хвала тебѣ, о мой любезный другъ Рылѣевъ,
Поэтъ и сынъ ты истинно Ареевъ!

—

[1]) Описаніе всей коллекціи, переданной В. Е. Якушкинымъ въ Академію, см. въ нашей статьѣ: „Архивъ К. Ѳ. Рылѣева. Принесенъ въ даръ библіотекѣ Академіи наукъ В. Е. Якушкинымъ“. („Извѣстія Имп. Академіи Наукъ“ 1910 г.).

[2]) Приложенія, стр. 78—85.

Когда стихи сіи Рылѣева читаю,
То точно какъ его я будто лобызаю и даже внемлю.

—

То обстоятельство, что приписки составлялись лицомъ, близкимъ Рылѣеву, которое, несомнѣнно, освѣдомлено было въ литературныхъ занятіяхъ своего друга, заставляетъ насъ положиться на его указанія и считать Рылѣева авторомъ всѣхъ анонимныхъ произведеній. Семья поэта, повидимому, держалась такого же мнѣнія, сохраняя эти произведенія на ряду съ другими, подлинными сочиненіями Рылѣева. Добавимъ къ тому же, что въ анонимныхъ произведеніяхъ нѣтъ ничего противорѣчащаго ни обстоятельствамъ жизни Рылѣева, ни общему характеру его поэзіи; наоборотъ, въ нихъ затронуты тѣ же сюжеты, какими вообще интересовался Рылѣевъ: война 1812 года, умственное состояніе Европы въ средніе вѣка, сюжеты литературнаго характера [1]).

Время, къ которому относятся помѣщенныя въ тетради произведенія Рылѣева, за отсутствіемъ опредѣленныхъ указаній не можетъ быть установлено съ точностью. Несомнѣнно, они написаны были еще до выступленія въ заграничные походы (1 февр. 1814 г.), вѣроятно, въ послѣдніе годы пребыванія Рылѣева въ корпусѣ. Это видно изъ тѣхъ же двустишій:

Кто это старался сочинять,
Пошелъ враговъ ужъ тотъ карать.

—

Сіи стихи писалъ Рылѣевъ, мой пріятель,
Теперь да защититъ его *въ войнѣ* Создатель!

Болѣе точно можно датировать только стихотвореніе „На погибель враговъ“ и „Побѣдную пѣснь Героямъ“; здѣсь, кромѣ terminus ad quem, можно установить еще terminus a quo, такъ какъ въ обоихъ произведеніяхъ находятся упоминанія о бѣгствѣ французовъ изъ Москвы, которое произошло въ концѣ 1812 года. Отсюда ясно, что и „Побѣдная пѣснь....“ и „На погибель враговъ“ не

[1]) Ср. приписываемыя Рылѣеву стихотворенія и статьи со сл. подлинными его сочиненіями: ода „Любовь къ отчизнѣ“, историческая замѣтка „Нѣчто о среднихъ временахъ“, стих-іе „Путешествіе на Парнасъ“ и эпиграммы, затрагивающія различныя явленія литературной жизни.

могли быть написаны раньше этого времени и относятся къ послѣднему году пребыванія Рылѣева въ корпусѣ (конецъ 1812—1 февр. 1814 гг.).

Въ стѣнахъ этого заведенія, какъ намъ уже приходилось отмѣчать, Рылѣевъ началъ вообще пробовать свои литературныя силы: здѣсь была имъ сочинена шутливая поэма „Кулакіада"; здѣсь же онъ написалъ и оду „Любовь къ отчизнѣ". Повидимому, въ корпусѣ была подходящая обстановка для литературныхъ занятій. У насъ нѣтъ достаточныхъ свѣдѣній, на основаніи которыхъ мы могли бы судить, насколько распространены были въ корпусѣ литературныя занятія въ періодъ обученія тамъ Рылѣева (1801—1814 гг.); но передъ поступленіемъ его въ корпусъ литературная жизнь среди кадетовъ была очень развита: на это указываетъ богатый рукописный матеріалъ, сохранившійся въ музеѣ корпуса. Въ библіотекѣ музея въ изящныхъ кожаныхъ переплетахъ, тисненыхъ золотомъ, собраны въ значительномъ количествѣ рукописи бывшихъ воспитанниковъ, содержащія кромѣ выписокъ изъ прочитанныхъ книгъ еще оригинальныя произведенія кадетовъ. 247 такихъ рукописныхъ томовъ носятъ названіе „Mille et une semaine": страницы ихъ заполнены цитатами изъ Вольтера, Буало, Цицерона, выписками изъ сочиненій Ломоносова, Сумарокова; собственныя произведенія кадетовъ представлены здѣсь въ видѣ одъ, надгробныхъ надписей и прозаическихъ статей разнообразнаго содержанія; весь этотъ матеріалъ вписывался сюда въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, съ окт. 1789 г. до 8 іюля 1794 г. Другія оригинальныя произведенія кадетовъ также собраны въ рукописныхъ сборникахъ, имѣющихъ слл. заглавія:— 1) L'Aurore des Mille et une semaines.—2) Les Compliments et les Lettres de nouvel an.—3) La pratique journalière de la salle de récréation.—4) Les Matinées des jours de Fêtes.—5) Fragments du journal de quelques Cadets.—6) Lettres de Champs-Élysées.—7) L'Histoire de la vie de trois Cadets.—8) Le sommaire des sermons prononcés au Corps des Cadets, et récités en classe le lendemain du discours, par m.m. les cadets и др.

Самостоятельныя произведенія и выписки изъ прочитанныхъ книгъ указываютъ, насколько кадеты интересовались литературой. Корпусное начальство, въ лицѣ просвѣщеннаго директора графа Ангальта, всячески поддерживало этотъ интересъ. Позже, въ началѣ XIX ст., условія жизни въ корпусѣ значительно ухуд-

шились. и время Клингеровскаго управленія не благопріятствовало занятіямъ литературой; однако, можно думать, литературныя традиціи продолжали держаться здѣсь, и кадеты безъ одобренія начальства въ часы досуга упражнялись въ стихотворствѣ. Вѣроятно. эта среда юныхъ литераторовъ и была первымъ вдохновителемъ Рылѣева.

Въ относящихся къ корпусной жизни произведеніяхъ онъ затрагивалъ разнообразные сюжеты: въ „Кулакіадѣ“ въ шутливомъ духѣ описалъ смерть и погребеніе корпуснаго повара Кулакова, въ „Посланіи къ Ф...“ осмѣивалъ бездарныхъ стихотворцевъ, въ баснѣ „Гусь и Змія“ иронизировалъ по поводу хвастливыхъ всезнаекъ. Въ это же время онъ интересовался историческими вопросами, не будучи равнодушнымъ и къ грознымъ событіямъ современной жизни. Въ статьѣ „Причина паденія власти Папъ“ Рылѣевъ пытается нарисовать мрачную картину угнетенія и невѣжества, царившаго въ Западной Европѣ наканунѣ реформаціи. По его мнѣнію, наглое и постыдное поведеніе римскаго двора послужило главнымъ источникомъ многихъ несчастій. Власть намѣстниковъ ап. Петра была удивительна: „отъ императора до крестьянина всѣ принадлежали имъ. Нерѣдко владѣтельныя особы были лишаемы земель своихъ, а иногда и жизни“. Духовенство въ союзѣ съ папой, стремясь упрочить его власть, заводило народъ въ глубочайшія суевѣрія и невѣжества, видя въ этомъ твердый оплотъ своего могущества. Особенно угнетены были Италія и Испанія: монашество производило здѣсь невѣроятныя изувѣрства, всячески угнетало, лишь бы удержать населеніе въ почтеніи и страхѣ къ себѣ. Тщетны были на первыхъ порахъ попытки протестовать противъ скипетра папъ: Виклефъ. Гусъ и его послѣдователи не могли потрясти твердаго основанія ихъ престола. Только пробудившійся разумъ, а вмѣстѣ съ нимъ и просвѣщеніе положили предѣлъ владычеству папы и его вассаловъ. Ученіе Лютера сильно подѣйствовало на умы тогдашняго общества и открыло глаза заблужденнымъ. Продажа индульгенцій послужила ближайшимъ поводомъ для протеста Лютера[1]). Нѣсколько позже. въ 1815 г., Рылѣевъ снова коснулся вопроса о состояніи образованности въ средніе вѣка и также указывалъ, что духовенство препятствовало культурному развитію Европы. „Монашество, писалъ

---

[1]) Приложенія, стр. 79—81.

онъ въ замѣткѣ „Нѣчто о среднихъ временахъ“, изъ собственныхъ выгодъ старалось не токмо не выводить народъ изъ того невѣжества, которое въ тогдашнія времена между онымъ царствовало, но погружало оный еще въ глубочайшее.... Но явился Лютеръ— предпріимчивый, благоразумный Лютеръ—и гдѣ ярмо несчастныхъ?... Великій, чудесный духъ! удивляюсь тебѣ и благоговѣю!...“ [1]).

Отечественная война дала сюжеты для нѣсколькихъ произведеній Рылѣева. Въ одѣ „Любовь къ отчизнѣ“ онъ воспѣлъ Кутузова, который разрушилъ „злодѣйскіе замыслы“ Наполеона и тѣмъ пріобрѣлъ себѣ вѣнецъ безсмертія.

Хвала, отечества спаситель!
Хвала, хвала, отчизны сынъ!
Злодѣйскихъ замысловъ рушитель,
Россіи вѣрный гражданинъ,
И бичъ и ужасъ всѣхъ французовъ!
Скончался тѣломъ ты, Кутузовъ,
Но будешь вѣчно живъ, герой! [2])

Въ „Побѣдной пѣснѣ Героямъ“ Рылѣевъ опять говоритъ объ этомъ полководцѣ и явленіе его во главѣ русскихъ войскъ уподобляетъ восходу солнца послѣ страшной непогоды. „Кутузовъ, ты спаситель нашъ! ты истребитель враговъ Вселенныя! Какая хвала можетъ быть тебя достойна?“ [3]). Въ стихотвореніи „На погибель враговъ“ Кутузову посвящены слл. стихи:

Ужъ слава Росская мрачится,
Ужъ гибель кажется близка!
Но се перунъ, Кутузовъ, мчится!
Блеститъ герой издалека
И мечъ булатной изощряетъ!
...Еще перунъ Героя грянулъ—
И врагъ бѣжитъ со срамомъ вспять:
За нимъ—и мразъ, и гладъ воспрянулъ
И уменьшаютъ его рать!

---

[1]) Ефр.[2], стр. 190—191.
[2]) Ibid., стр. 341.
[3]) Приложенія, стр. 81.

...Хвала тебѣ, Монархъ Россійскій!
Хвала, мужъ дивный, Михаилъ!
Днесь вамъ не нужны обелиски!
Васъ Богъ безсмертьемъ наградилъ [1]).

Патріотическое воодушевленіе заставило Рылѣева очень рѣзко отозваться о Наполеонѣ. Вознесенный рукой Всевышняго до царскаго сана, этотъ императоръ забылъ Его, возгордился и за то жестоко былъ наказанъ.

Желая овладѣть Вселенной,
Онъ шелъ Россію покорить.—
О врагъ кичливой, дерзновенной!—
Булатной мечъ тебя смиритъ.
Пришелъ, и всюду разоряя,
Опустошенія творя.
И грады, веси попаляя,
Ты мнилъ тѣмъ устрашить Царя:
Но, *о изчадье злобно Ада*,
Россійской Царь великъ душой:
А всѣ его полнощны чада
Какъ бы взлелѣяны войной [2]).

Богъ вступилъ въ союзъ съ правыми и помогъ имъ сокрушить полчища вождя Галловъ. „Сломленъ родъ гордаго; силы его ослаблены; могущество зыблется и слава исчезла, яко дымъ, яко мгла утренняя“... [3]).

Побѣда русскаго оружія настраиваетъ поэта возвышенно, и онъ такъ съ паѳосомъ заканчиваетъ торжественно свою „Побѣдную пѣснь Героямъ“: „Возвысьте гласы свои барды! Воспойте неимовѣрную храбрость воевъ русскихъ! Дѣвы красныя, стройте сладкозвучныя арфы свои; да живутъ герои въ пѣсняхъ вашихъ. Ликуйте въ виталищахъ своихъ, герои временъ протекшихъ. Переходи изъ рукъ въ руки чаша съ виномъ пѣнистымъ въ день освобожденія Москвы изъ когтей хищнаго. Да, вспоминая о доблестяхъ

[1]) Ibid., стр. 84.
[2]) Ibid., стр. 83.
[3]) Ibid., стр. 81.

предковъ своихъ, потомки наши возгорятъ жаромъ велінмъ любви къ Отечеству; и да всегда разятъ враговъ имени Россійскаго“ [1]).

По манерѣ изложенія „Побѣдная пѣснь Героямъ“ близко напоминаетъ популярныя въ то время поэмы Оссіана-Макферсона. Рылѣевъ пользовался ими въ переводѣ Е. Кострова, заимствуя оттуда многіе образы и выраженія. Ср.:

Поэма „Фингалъ“ [2]).	„Побѣдная пѣснь Героямъ“ [3]).
...*тѣни героевъ слетались* на облакахъ своихъ... (стр 184).	...*низлетите тѣни Героевъ!... низлетите* къ намъ *на крыліяхъ*...
...*летаютъ на крылѣхъ* вѣтренныхъ... (стр. 107).	
...*слава исчезла, яко дымъ* легкій... (стр. 193).	...*слава исчезла, яко дымъ*...
...*течетъ* вспять *подобенъ робкому еленю*... (стр. 115).	...*подобно робкимъ еленямъ утекали* враги наши...
...*возвысьте ваши гласы*, о чада музыкійскихъ пѣсней...(стр. 144).	...*возвысьте гласы свои*, Барды...
...ударялъ во *звучныя* струны *арфы моей*... (стр. 180).	...стройте *сладкозвучныя арфы свои*...
...прославьте подвиги *временъ протекшихъ*... (стр. 192).	...пкуйте, Герои *временъ протекшихъ*...
...*чаши* радости *переходили* кругомъ *изъ рукъ въ руки*... (стр. 184)	...*переходи изъ рукъ въ руки, чаша* съ виномъ пѣнистымъ ..
...*да* слава его будетъ знаменита *въ пѣсняхъ нашихъ*... (стр. 154).	...*да* живутъ Герои *въ пѣсняхъ вашихъ*...
...*да* почіютъ (стр. 89)... *да* грядетъ... (стр. 127).	...*да* возгорятъ... *да* разятъ...

[1]) Ibid., стр. 82.

[2]) Оссіанъ, сынъ Фингаловъ, бардъ третьяго вѣка. Гальскія стихотворенія, перев. съ фр. *Е. Костровымъ*, Ч. I, Москва 1792.

[3]) Приложенія, стр. 81—82.

Произведенія, касавшіяся событій Отечественной войны, были весьма распространены въ тогдашней нашей литературѣ [1]). Въ нихъ, какъ и въ произведеніяхъ Рылѣева, мы видимъ то же восторженное преклоненіе передъ доблестью русскихъ героевъ и такое же раздраженіе противъ Наполеона и его арміи. Вождь Галловъ здѣсь рисуется въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Это—„сынъ адской тьмы“ [2]), „вспоенный кровью тигръ“ [3]). Поэты съ восторгомъ говорятъ о пораженіи „коварнаго и надменнаго врага“ [4]):

Драконъ всемірный низложенъ
И многихъ главъ своихъ лишенъ.

Палъ гордый Фараонъ!—Великъ и дивенъ Богъ!
Всемірнаго врага сотретъ кичливый рогъ [5]).

Бѣжитъ Европы всей гонитель,
Не смѣетъ вспять взглянуть;—спаситель
За нимъ вождь славы—Михаилъ.
Враговъ кичливыхъ гонятъ Россы,
Какъ робкихъ стадо птицъ орелъ [6]).

Побѣда надъ французами объясняется въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ, также какъ и у Рылѣева, волей всемогущаго Промысла.

---

[1]) Ср. стихотворенія: *Жуковскій*. Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ (1812 г.).—„Возваніе къ соотчичамъ“. Спб. 1812.—„Знай русскихъ!“ Москва 1813.—„Твердость духа русскихъ“. Спб. 1813.—„Наполеонъ съ причетомъ“. Москва 1813.—*Юшковъ*. „Пѣснь на освобожденіе Москвы“. Харьковъ 1813.—„Военная пѣснь на баталію при Кульмѣ у Теплица“, слова *Н. Д. Горчакова*, музыка Т. Кашина. Москва 1814.—*Державинъ*. Гимнъ лиро-эпическій на прогнаніе французовъ...“ („Чтенія въ Бесѣдѣ люб. рус. слова“, 1813 г., Чтеніе X, стр. 3—29) и мн. др.

[2]) *Павелъ Г. Кутузовъ*. „Ода на истребленіе враговъ“ (См.: Собраніе стихотвореній, относящихся къ незабвенному 1812 году. Ч. I. Москва 1814, стр. 29).

[3]) *Ивановъ*. „На разрушеніе Москвы“ („Спб. Вѣстникъ“ 1812 г., № 10, стр. 22).

[4]) *Г. Городчановъ*. Гласъ вѣрноподданнаго. Казань 1812. (Стихотвореніе вошло затѣмъ въ его „Сочиненія и переводы...“ Казань 1831, стр. 483).

[5]) *Его-же*. „На знаменитую побѣду надъ французами 6-го окт. 1813 г. при г. Лейпцигѣ“ и „На паденіе Наполеона“ (Сочиненія и переводы.. стр. 488, 490).

[6]) *Александръ Арамаковъ*. „Ода на изгнаніе врага“ (Собраніе стихотвореній, относящихся къ незабвенному 1812 году. Ч. I, Москва 1814, стр. 76, 77).

Богъ защитилъ невинныхъ и наказалъ „кичливаго Галла“, разорившаго наши „грады и веси“ и дерзнувшаго „осквернить храмы Божьи“ [1]).

Есть Богъ, народы, Богъ отмститель.
Каратель гордыхъ, злыхъ сердецъ,
Смиренныхъ, правыхъ защититель
И всей Вселенныя Отецъ.
Сотретъ врага кичливый рогъ:
Народы, знайте, съ нами Богъ! [2])

Ср. подобный мотивъ у Рылѣева:

Да вѣдаетъ о томъ вселенна,
Какъ Богъ преступниковъ казнитъ
И какъ онъ Росса, сына вѣрна,
Отъ бѣдъ ужаснѣйшихъ хранитъ.
...Да знаютъ люди, что коварства
Всевышній зритъ издалека,
И гибель злобнымъ устрояетъ
Его Десная завсегда.
Невинныхъ въ бѣдствѣ Богъ спасаетъ;
Злодѣевъ лютыхъ—никогда [3]).

Равнымъ образомъ, ода Рылѣева „Любовь къ отчизнѣ“ посвященная памяти Кутузова, не была единственнымъ произведеніемъ, прославлявшимъ этого полководца. Стихи въ честь Кутузова въ то время писали многіе поэты: кн. П. Шаликовъ, Воейковъ, В. Жуковскій, С. Глинка, М. Милоновъ, Ѳ. Ивановъ, А. Пушкинъ и др. [4]),

Итакъ Рылѣевъ въ патріотическихъ произведеніяхъ, относящихся къ корпусному періоду его жизни, въ значительной мѣрѣ слѣдо-

---

[1]) *Павелъ Г. Кутузовъ*, ук. стих-іе, стр. 29.

[2]) *Г. Городчаниновъ*. „На побѣду надъ французами...“ (Соч. и пер., стр. 487).

[3]) „На погибель враговъ“. Приложенія, стр. 82—83.

[4]) См. ихъ произведенія въ „Собраніи стихотвореній, относящихся къ незабвенному 1812 г.“, ч. I. Москва 1814. Стихи Державина „На смерть фельдмаршала кн. Смоленскаго“ изданы были въ „Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любит. рус. слова“ 1813 г., ч. XIII.

валъ общему теченію и въ раннихъ своихъ литературныхъ опытахъ повторялъ лишь тѣ мотивы, какіе привлекали къ себѣ вниманіе многихъ нашихъ писателей.

Послѣдующая жизнь Рылѣева—за границей, въ Острогожскомъ уѣздѣ и въ Петербургѣ полна была разнообразныхъ впечатлѣній; это разнообразіе замѣтно сказалось и въ его творчествѣ, въ цѣломъ рядѣ произведеній, писанныхъ по различнымъ поводамъ.

Здѣсь мы встрѣчаемъ замѣтки о Парижской жизни, составленныя въ формѣ писемъ изъ Парижа, описаніе Рейнскаго водопада[1]), статьи историческаго характера, нѣсколько беллетристическихъ разсказовъ, любовныя стихотворенія, посланія къ друзьямъ, эпиграммы и пр. Пробовалъ свои силы Рылѣевъ и въ драматическихъ произведеніяхъ: около 1815 г. онъ написалъ комедію въ 1 дѣйствіи; она дошла до насъ въ рукописи безъ заглавія и хранится теперь въ Академіи наукъ вмѣстѣ съ другими его автографами[2]). Содержаніе комедіи несложно: вся интрига основывается на разсѣянности главныхъ дѣйствующихъ лицъ—майора и капитана. Майоръ возвращается къ себѣ на квартиру и застаетъ дочь Шарлотту вмѣстѣ съ сыномъ капитана Карломъ. Желая разлучить влюбленныхъ, онъ по разсѣянности запираетъ ихъ въ одну комнату. Капитанъ, придя къ майору, принимаетъ его квартиру за свою; ему попадаются газеты 1812 года и онъ, а потомъ оба дивятся вторичному нашествію Наполеона, недоумѣвая, какъ этотъ императоръ могъ уйти съ о. Св. Елены. Дѣйствіе заканчивается къ общему благополучію: майоръ прощаетъ нескромность Карла и вмѣстѣ съ капитаномъ благословляетъ его на бракъ съ Шарлоттой.

Рылѣевъ собирался писать и другую пьесу, предполагая затронуть въ ней провинціальную жизнь; дѣйствіе должно было про-

[1]) Въ подобномъ родѣ описаніе Парижа и Рейнскаго водопада мы находимъ въ „Письмахъ русскаго путешественника“ Карамзина („Аглая“, изд 2-ое, кн. 2, М. 1796; „Московскій Журналъ“, ч. IV, кн. III. Москва 1791). См. также статью неизвѣстнаго автора „Рейнскій водопадъ“ въ „Дѣтскомъ Чтеніи“ (ч. XX, изд. 1-ое, Москва 1789 г., стр. 17—22; изд. 2-ое, Москва 1803, стр. 11—18). Изъ сравненія этихъ произведеній съ замѣтками Рылѣева можно видѣть, что послѣдній не пользовался ими для своихъ описаній; сходство, какое отчасти можно установить здѣсь, объясняется не столько вліяніемъ отмѣченныхъ статей, сколько тожествомъ описываемыхъ предметовъ.

[2]) Ibid., стр. 60—71.

исходить въ помѣстьи 40-лѣтней вдовы Пенской; среди участвующихъ лицъ, кромѣ помѣщицы, намѣчались еще ея 18-лѣтняя племянница Наташа, отставной секундъ-майоръ Хвастонъ, его племянникъ гусарскій ротмистръ Шумскій, богатый купецъ Старовѣровъ, уѣздный судья Угрюмовъ съ женою, городничій отставной майоръ Храбровъ, горничная и люди изъ помѣстья Пенской. Пьеса эта не была написана, и только планъ ея съ означеніемъ именъ и характеристикой дѣйствующихъ лицъ сохранился среди черновыхъ бумагъ поэта въ коллекціи Ѳ. В. Булгарина[1]).

Этимъ, собственно, и ограничиваются попытки Рылѣева въ области драматическаго творчества; произведенія подобнаго рода, повидимому, мало интересовали поэта; вниманіе его направлено было преимущественно въ область лирики.

Преобладаютъ въ этихъ произведеніяхъ главнымъ образомъ любовные мотивы и вообще тотъ родъ поэзіи, который французская критика конца XVIII в. называла „poésie legère“ или „poésies fugitives“ и который извѣстенъ былъ у насъ подъ именемъ „легкой поэзіи“. Писатели въ духѣ Анакреона и Парни увлекаютъ въ это время Рылѣева: подражая имъ, онъ пытается настроить въ одинъ тонъ съ ними и своей еще „нестройной лиры гласъ“. Вслѣдъ за своими образцами и онъ воспѣваетъ молодость, дружбу, любовь и веселье, проповѣдуя вмѣстѣ съ тѣмъ беззаботный, эпикурейскій образъ жизни.

Пока мы молоды, надо пользоваться жизнью: только въ это время ярко горитъ для насъ „свѣтильникъ дружбы“; только въ юности человѣкъ и бываетъ пламеннымъ жрецомъ у „алтаря милой Киприды“.

Да и когда же предаваться
Мечтамъ, мой другъ, какъ не теперь;
Лишь только въ юности, повѣрь,
Мы ими можемъ наслаждаться.
А юность, другъ, стрѣлы быстрѣй
За каждымъ вслѣдъ летитъ мгновеньемъ!
Летитъ, и мчатся вслѣдъ за ней
Мечты, утѣхи съ наслажденьемъ.

---

[1]) Ефр.[2], стр. 340.

За ними старость прибредетъ,
А вмѣстѣ съ нею и кручины,
Чело покроютъ все морщины;
Уныньe дряхлость наведетъ,
Настанутъ, другъ мой, дни угрюмы,
Встревожатъ сердце мрачны думы,
Любовь и мѣста не найдетъ.
Итакъ доколь еще есть время,
Живи въ весельи и любви;
Не почитай любовь за бремя
И даромъ время не губи! [1])

Необходимо дорожить чувствомъ любви и помнить, что „любовью все животворится“ [2]), что она является „цѣлью всего созданія“ [3]). Всякій, рано или поздно, долженъ испытать это чувство. Таковъ законъ природы. Одно время поэтъ не хотѣлъ было признавать его, называлъ любовь химерой и во всякомъ влюбленномъ видѣлъ слабаго человѣка; впослѣдствіи, однако, пришлось въ этомъ раскаяться.

Увы! за то жестоко
Мнѣ Купидонъ отмстилъ:
Онъ сердце мнѣ глубоко
Стрѣлой любви пронзилъ!
Съ тѣхъ поръ, съ тѣхъ поръ страдаю,
День цѣлый слезы лью,
Крушуся и вздыхаю,
Мученія терплю.
А та, кѣмъ сердце бьется,
Жестокая! съ другимъ
И шутитъ и смѣется
Страданіямъ моимъ [4]).

Поэтъ живетъ въ мірѣ грезъ, окружая себя обществомъ избранныхъ друзей, игривыми и граціозными образами Дориды. Де-

[1]) „К. Н. А—ву“. Приложенія, стр. 30.
[2]) Ibid., стр. 29.
[3]) Ibid., стр. 30.
[4]) „Пѣсня“, на голосъ: „Винитъ меня въ народѣ..“ Приложенія, стр. 19.

ліи, Аглаи, Лилы; встрѣчаются здѣсь и русскія имена Лиды, Машеньки, Наташи. Увлеченіе анакреонтическими сюжетами выводило часто Рылѣева за предѣлы скромности: онъ „заставлялъ Делію бросаться полунагой съ постели навстрѣчу супругу и страстно трепетать въ объятіяхъ счастливца, заставлялъ Лилу распускать небрежно волнистые волосы по алебастровымъ плечамъ, обнажать и перси дѣвственны, и ноги, и наконецъ сбрасывать покровъ со всѣхъ тайныхъ прелестей“ [1]).

Подъ вліяніемъ такихъ эротическихъ настроеній поэтъ, естественно, пренебрегаетъ обыденными житейскими заботами и вслѣдъ за Анакреономъ подсмѣивается надъ страстью людей копить богатство; оно, вѣдь, не спасетъ насъ отъ смерти—этого неподкупнаго судьи.

Къ чему злато за замками
Накопивши сохранять!
Не пріятнѣе ль съ друзьями,
Въ пирахъ время провождать?
Или съ Нимфою прекрасной,
Прильнувъ къ розовымъ устамъ,
Тая въ нѣгѣ сладострастной.
Въ счастьи равнымъ быть богамъ [2]).

Не всегда, однако, въ любовной лирикѣ Рылѣева слышится веселье и замѣтно жизнерадостное настроеніе. Любовь, источникъ утѣхъ и наслажденій, временами доставляетъ жестокія страданія. Измѣна милой, ея равнодушіе, безвременная потеря любимаго существа настраиваютъ лиру поэта на иной ладъ: онъ негодуетъ на коварную измѣнницу Дориду [3]), упрекаетъ жестокую Делію за холодное отношеніе къ его чувствамъ [4]), проливаетъ „токи слезъ“ по Клариссѣ, которая кончила дни свои „въ лѣтахъ красы цвѣтущей“ [5]).

Особенно меланхолическимъ настроеніемъ вѣетъ отъ стихотворенія „Тоска“. Поэтъ не радуется наступившей веснѣ и оживаю-

[1]) *Н. Котляревскій.* Рылѣевъ Спб. 1908, стр. 31.
[2]) „Богатство“, изъ Анакреона. Приложенія, стр. 36—37.
[3]) „Заблужденіе“, *Балицкій*, т. I, стр 189.
[4]) „Жестокой“, Ibid. стр. 179.
[5]) „Луна“, вольн. переводъ съ фр. Приложенія. стр. 4—5.

щей природѣ; онъ груститъ, вспоминая свою привязанность къ безвременно покинувшей этотъ міръ Делія. Любопытно отмѣтить въ этомъ стихотвореніи одинъ мотивъ—мысли о загробной жизни, который не гармонируетъ съ общимъ настроеніемъ „легкой поэзіи“ Рылѣева. Делія, умирая, пытается утѣшить убитаго горемъ друга:

...Часъ насталъ...
„Прости!“ сказала мнѣ она:
„Прости, но вѣрь, что не навѣчно:
Другая есть еще страна,
Гдѣ ни страданья нѣтъ, ни муки,
Гдѣ мы соединимся вновь,
И гдѣ не будетъ ужъ разлуки,
Гдѣ вѣчно царствуетъ любовь“ [1]).

Подобныя же мысли повторилъ Рылѣевъ позже въ „Войнаровскомъ“. Тамъ юная козачка, нашедшая въ дебряхъ Сибири своего супруга, также умираетъ „во цвѣтѣ юныхъ дней“ и въ послѣдней бесѣдѣ высказываетъ тѣ же мысли, что и Делія:

Насталъ для сердца часъ ужасный!...
„Мой другъ!“ сказала мнѣ она:
„Я умираю, будь покоенъ;
Намъ здѣсь печаль была дана;
Но, другъ, есть лучшая страна!
Ты по душѣ ея достоинъ.
О, такъ! мы свидимся опять!
Тамъ ждетъ награда за страданья,
Тамъ нѣтъ ни казней, ни изгнанья,
Тамъ насъ не будутъ разлучать“... [2])

Источникомъ для „Тоски“ Рылѣева могло послужить стихотвореніе М[илонова] „Весна Тибулла“, которое въ 1812 году появилось въ „С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ“. Сравнивая между собой оба эти произведенія, мы видимъ, что общей мыслью и нѣкоторыми подробностями они близко напоминаютъ другъ друга. „Весна Тибулла“

[1]) Приложенія, стр. 27.
[2]) *Бальмонтъ*, т. I, стр. 139

также изображаетъ душевное состояніе поэта, утратившаго любимаго человѣка: и здѣсь оживающая весной природа не облегчаетъ его страданій, но еще болѣе увеличиваетъ горестное чувство одиночества. При этомъ описаніе наступившей весны въ нѣкоторыхъ чертахъ приближается къ подобному же описанію въ стихотвореніи Рылѣева.

М[илоновъ]. „Весна Тибулла“[1]).

...Одѣлись *холмы* красотой,
Бѣжитъ *ручей*, сверкая *въ полѣ*,
Все расцвѣтаетъ вновь съ *весной*.
Тибулъ не расцвѣтетъ ужъ болѣ.
...*Зазеленѣлъ* высокій лѣсъ,
И пробужденна *Филомела*
Въ весенней ясности небесъ
Порхая пѣснь любви запѣла.
...Поютъ любовь пернатыхъ лики,
Краса сокрылась древъ подъ тѣнью,
Восторгъ и *нѣга дышутъ* съ ней.
Но въ горестной душѣ твоей,
Тибуллъ, нѣтъ мѣста *восхищенью!*

Рылѣевъ. „Тоска“[2]).

Природа оживилась вновь:
Зазеленѣли холмы, долы
И распестрились отъ цвѣтовъ.
Все сладкой всюду *нѣгой дышетъ;*
Ручей съ пріятностью журчитъ;
Едва листы Зефиръ колышетъ,
И *Филомелы* гласъ звучитъ.
Въ поляхъ и рощахъ слышно пѣнье—
Всѣ радостью оживлены;
И *все* какъ будто въ *восхищеньи*
Отъ возвращенія *Весны*.
Одинъ лишь я брожу унылый;
...О Делія! тебя ужъ нѣтъ!

Новымъ въ стихотвореніи Рылѣева сравнительно съ „Весной Тибулла“ является введеніе отмѣченныхъ выше мыслей о загробной жизни.

Среди любовной лирики Рылѣева нѣкоторыя произведенія имѣютъ автобіографическое значеніе; къ нимъ относятся тѣ стихотворенія, въ которыхъ встрѣчается имя Наташи; это—будущая супруга поэта, Наталія Михайловна Тевяшева, съ которой онъ познакомился въ 1817 г., за три года до женитьбы. Наружность и „душевныя качества“ Наталіи Михайловны произвели сильное впечатлѣніе на Рылѣева; по этому поводу онъ писалъ матери: „Ея невинность, доброта сердца, плѣнительная застѣнчивость и умъ, обработанный

---

[1]) „С.-Петербургскій Вѣстникъ“ 1812 г. № 6, стр. 264—265.

[2]) Приложенія, стр. 26—28. Стихотвореніе сохранилось въ тетради, имѣющей водяной знакъ „1817“. (Библ. Имп. Ак. наукъ. Архивъ К. Ѳ. Рылѣева. I. Стихотворенія. Рукоп. № 3).

самою природою и чтеніемъ нѣсколькихъ отборныхъ книгъ, въ состояніи содѣлать счастіе каждаго, въ комъ только искра хоть добродѣтели осталась. Я люблю ее, любезнѣйшая матушка, и надѣюсь, что любовь моя продолжится вѣчно" [1]). Въ этотъ періодъ увлеченія (1817—1820 гг.) было написано много стихотвореній въ честь Наталіи Михайловны: мотивъ этой поэзіи одинъ и тотъ же—воспѣваніе красоты и душевныхъ качествъ возлюбленной поэта:

Нѣтъ тебя милѣй на свѣтѣ,
Ангелъ несравненной мой!
Ты милѣе въ юномъ цвѣтѣ
Алой розы весняной.
Легче съ жизнью разлучиться
И все въ свѣтѣ позабыть,
Я клянусь въ томъ, чѣмъ рѣшиться
Тебя, другъ мой, не любить [2]).

---

[1]) *Балицкій*, т. II, стр. 104.

[2]) „Акростихъ" (Приложенія, стр. 6—7).—Съ именемъ Нат. Мих. связаны еще слл. стихотворенія Рылѣева: „Тріолетъ Наташѣ", „Наташа, Амуръ и Я", „Мечта" „Рѣзвой Наташѣ", „Къ Надеждѣ", „Нат. Мих. Тевашевой" (въ день Ангела ея), „Извиненіе передъ Н. М. Т—вой", на предложеніе ея, дабы я написалъ стихи на *Надежду*, „Экспромтъ" (Н. М. Р—ой), „Воспоминанія" (элегія, посв. Н. М. Р—ой), отрывокъ подъ загл.: „Н. М. Т." (См.: *Балицкій*, т. I, стр. 188; Приложенія, стр. 9—11, 23, 25, 37—40; Ефр.[1], стр. 185).

Въ собраніи автографовъ Рылѣева, въ библіотекѣ Имп. Академіи наукъ, сохранилось нѣсколько стихотвореній, писанныхъ рукой Наталіи Михайловны; нѣкоторыя изъ нихъ относятся къ любовной лирикѣ. Можетъ быть, это были отвѣтные стихи ея на пылкія признанія увлеченнаго поэта. Приведемъ нѣсколько строфъ одного изъ этихъ произведеній, сохраняя его орѳографію:

Дружечикъ мой милой
Повѣрь что я люблю
въ зглянии на видъ унылой
узнай что я терплю.
*
Хоть весела кажуся
Ни вѣрь моимъ глазамъ
Съ слѣзами спать лажуся
Опять въ стаю келѣзамъ.
*
...Я днѣмъ неназываю
Когда незрю тѣбя
Лишъ въ томъ щастье щитаю
Чтобъ быть стабой всѣгда.

(Архивъ К. Ѳ. Рылѣева. Бумаги Н. М. Рылѣевой. № 18).

Нѣкоторый біографическій интересъ представляютъ посланія Рылѣева къ друзьямъ, въ которыхъ часто реалистическими чертами описывается обстановка, въ какой иногда приходилось жить поэту. Въ посланіи „Къ Лачинову“ (въ Москву), Рылѣевъ отмѣчаетъ, что влачитъ скучную и одинокую жизнь въ Жмуди, живетъ здѣсь въ дымной и чадной хатѣ, въ то время какъ другъ его предается утѣхамъ и забавамъ столичной жизни [1]) Въ стихотвореніи „Друзьямъ“ (въ Ротово) подробно описана обстановка, въ которой очутился поэтъ, поселившись въ Вежайцахъ Приглашая своихъ пріятелей къ себѣ на новоселье, Рылѣевъ живо передаетъ убранство своей хаты и описываетъ ту скромную трапезу, какой онъ готовъ подѣлиться со своими гостями.

Въ сей хатѣ вы при входѣ
Узрите столъ стоитъ,
За коимъ на свободѣ
Вашъ бѣдный другъ сидитъ
Въ своемъ свѣтло кофейномъ,
Для смѣха сотворенномъ
И странномъ сюртукѣ,
Въ мечтахъ, съ перомъ въ рукѣ!
Тамъ кипа книжекъ рядомъ
Любимѣйшихъ лежитъ;
Ихъ переплетъ не златомъ,
А внутрь добромъ блеститъ.
Заступа отъ неволи
Любезные пистоли;
Шинелишка, сюртукъ,
Уздечка и мундштукъ;
Ружье—подарокъ друга,
Двѣ сабли—какъ стекло,
Надежная подруга
И Косовско сѣдло:
Вотъ все, что прикрываетъ
Стѣнную черноту,
Вотъ все, что украшаетъ
Сей хаты простоту.
Друзья! Коль посѣтите
Меня вы подъ часокъ,
Яствъ пышныхъ не просите!
Подъ вечеръ—пуншъ, чаіокъ;
На полдень—щи съ сметанкой,
Хлѣбъ черный, да баранки
И мяса фунта съ два,
А на дессертъ отъ брата,
Хозяина-солдата—
Привѣтныя слова [2]).

Въ посланіи къ М. Г. Бедрагѣ („Пустыня“ 1821 г.) дано подробное описаніе жизни поэта на Украйнѣ. Удалившись отъ шумныхъ пиршествъ и вѣтренныхъ цирцей, поэтъ вдругъ сдѣлался анахоретомъ, поселился въ глухой степи, предаваясь здѣсь любимымъ своимъ занятіямъ. Живо и съ пользой текутъ дни его на

---

[1]) Приложенія, стр. 20—21.
[2]) Ibid., стр. 16—17.

Украйнѣ: встаетъ онъ до зари съ одинокаго ложа и тотчасъ отправляется съ заступомъ въ садъ рыться въ грядахъ; затѣмъ съ книгой въ рукахъ отдыхаетъ подъ тѣнью деревъ, и здѣсь любимые писатели замѣняютъ ему общество живыхъ друзей.

То Пушкинъ своенравный,
Парнасскій нашъ шалунъ,
Съ Русланомъ и Людмилой,
То Батюшковъ-рѣзвунъ,
Мечтатель легкокрылый;
То Баратынскій милый,
Иль съ громомъ звучныхъ струнъ,
И честь и слава россовъ,
Какъ диво исполинъ,
Парящій Ломоносовъ;
Иль Озеровъ, Княжнинъ,
Иль Тацитъ-Карамзинъ
Съ своимъ „девятымъ томомъ",
Иль баловень Крыловъ
Съ гремушкою и Момомъ,
Иль Гнѣдичъ и Костровъ
Со старикомъ Гомеромъ,
Или Жанъ-Жакъ Руссо
Съ проказникомъ-Вольтеромъ:
Воейковъ-Буало,
Жуковскій несравненный,
Иль Дмитріевъ почтенный,
Иль фаворитъ его,
Милоновъ—бичъ пороковъ,
Иль ветхій Сумароковъ,
Иль Душеньки творецъ,
Любимецъ музъ и грацій;
Иль важный нашъ Горацій,
Поэтовъ образецъ,
Иль сладостный пѣвецъ—
Нелединскій унылый,
Или Панаевъ милый
Съ идилліей своей—
Въ тиши уединенной
Дарятъ попеременно
Мечты душѣ моей...

Въ полдень въ укромномъ домикѣ ждетъ поэта незатѣйливый обѣдъ: пріятный оміамъ отъ сочныхъ яствъ курится. Послѣ обѣда труженикъ піитъ ложится на одръ простой и Морфей въ легкомъ снѣ напоминаетъ ему объ оставшихся въ Петрополѣ друзьяхъ. Затѣмъ снова за работу—въ садъ или кабинетъ. Иногда, впрочемъ, онъ идетъ охотиться на зайцевъ и дичь, иногда коротаетъ вечеръ съ гостями въ разсказахъ о прошлой старинѣ. Проводивъ ихъ поздно ночью на покой, поэтъ опять идетъ освѣжиться въ садъ и здѣсь въ ночной тиши любуется бѣлоснѣжной, какъ лебедь, луной, слушаетъ шумъ ручья, и филомелы гласъ, а затѣмъ возвращается въ свою хижинку и забывается въ объятіяхъ сна.

Несомнѣнно, въ „дружескихъ" посланіяхъ отразился до извѣстной степени тотъ образъ жизни, какой велъ Рылѣевъ еще до оставленія военной службы и затѣмъ позже, когда онъ пріѣзжалъ иногда изъ Петербурга гостить на лѣто въ Малороссію. Однако всецѣло пола-

гаться на эти посланія нельзя, въ виду того, что подобный родъ произведеній былъ очень распространенъ въ современной литературѣ: часто поэты, описывая свое времяпровожденіе, пользовались не столько фактами дѣйствительной жизни, сколько литературными образцами. Выработались общіе пріемы, которые въ этихъ случаяхъ замѣняли собой біографическія данныя. Одинокая жизнь въ убогой хижинѣ (хатѣ), ветхій столъ, за которымъ трудится поэтъ, простое ложе, сочиненія любимыхъ авторовъ взамѣнъ живого общества— всѣ эти подробности жизни анахорета часто встрѣчались и въ посланіяхъ другихъ писателей. Любимымъ размѣромъ былъ при этомъ трехстопный ямбъ, къ которому обращался и Рылѣевъ. К. Н. Батюшковъ въ посланіи къ Жуковскому и кн. Вяземскому („Мои пенаты“ 1811 г.) въ легкомъ, игривомъ тонѣ такъ описывалъ обстановку своей жизни:

Въ сей хижинѣ убогой
Стоитъ передъ окномъ
Столъ ветхой и треногой
Съ изорваннымъ сукномъ;
...Здѣсь книги выписныя,
Тамъ жесткая постель.—
Все утвари простыя,
Все рухлая скудель.
...А вы смиренной *хаты*,
О лары и пенаты,
Отъ зависти людской
Мое сокройте счастье [1]).

Подобное описаніе находится и въ посланіи В. Л. Пушкина къ Д. В. Дашкову (напеч. въ 1813 г. [2]):

Теперь передъ цѣлымъ свѣтомъ
Могу и я сказать,
Что я живу поэтомъ:

---

[1]) *К. Н. Батюшковъ*, Сочиненія, т. I, Спб. 1887, стр. 131—141.

[2]) „Вѣстникъ Европы“, ч. LXXIV.—См.: Сочиненія В. Л. Пушкина, изд. подъ ред. В. И. Саитова. Спб. 1895, стр. 78.

Рублевая кровать,
Два стула, столъ дубовый
Чернильница, перо,—
Вотъ все мое добро.

Перечисленіе любимыхъ писателей также обычный пріемъ въ посланіяхъ; его мы встрѣчаемъ въ „Пенатахъ“ Батюшкова, гдѣ въ числѣ избранныхъ поэтовъ упоминаются имена Ломоносова, Карамзина, Державина, Богдановича, Дмитріева, Хемницера и Крылова; подобный перечень находится и въ отвѣтномъ посланіи кн. П. А. Вяземскаго къ Батюшкову. Часто пользовался этимъ пріемомъ и А. С. Пушкинъ: въ стихотвореніи „Къ сестрѣ“ (1814 г.) онъ гадаетъ, за какимъ занятіемъ застанетъ сестру; одно изъ самыхъ возможныхъ, чтеніе, даетъ ему поводъ перечислить любимыхъ ея писателей. Такое же перечисленіе мы видимъ и въ „Городкѣ“ Пушкина (1814 г.), при чемъ здѣсь среди литературныхъ любимцевъ называются часто тѣ авторы, которыми окружалъ себя въ деревенской тиши и Рылѣевъ.

Укрывшись въ кабинетъ,
Одинъ я не скучаю
И часто цѣлый свѣтъ
Съ восторгомъ забываю.
Друзья мнѣ—мертвецы,
Парнасскіе жрецы;
...Сынъ Мома и Минервы,
Фернейскій злой крикунъ,
Поэтъ въ поэтахъ первый,
Ты здѣсь, сѣдой шалунъ!
...Съ Державинымъ потомъ
Чувствительный Горацій...
.. Ты здѣсь! И Дмитревъ нѣжный,
Съ Крыловымъ близь тебя.
...Здѣсь Озеровъ съ Расиномъ,
Руссо и Карамзинъ,
Съ Мольеромъ исполиномъ
Фонвизинъ и Княжнинъ [1]).

Въ посланіи къ Юдину (1815 г.) нѣкоторые мотивы совпадаютъ съ тѣми, какіе мы видимъ въ „Пустынѣ“ Рылѣева. Подобно послѣднему и Пушкинъ отмѣчаетъ, что живетъ на лонѣ природы, въ мирномъ уголкѣ и „счастливъ въ хижинѣ своей“. Здѣсь же упоминается и шумящій вблизи ручей, серебристая луна, заливающая своимъ свѣтомъ сосѣднюю рощицу, простой, но вкусный обѣдъ въ

[1]) *Пушкинъ.* Сочиненія. Изд. Имп. Академіи наукъ. Т. I, стр. 62—64. Стихотвореніе „Городокъ“ впервые появилось въ печати въ 1815 г. (См. „Рус. Музеумъ“ 1815 г., ч. III, № 7, стр. 3—15).

полдень. Возлѣ домика тѣнистый садъ, куда поэтъ рано утромъ спѣшитъ на работу, прежде чѣмъ засѣсть за чтеніе Горація и Лафонтена:

Туда зарею поспѣшаю
Съ смиреннымъ *заступомъ* въ рукахъ,
...И счастливъ въ утреннихъ трудахъ! [1])

Такимъ образомъ, біографическій элементъ въ „дружескихъ" посланіяхъ Рылѣева долженъ быть принятъ съ извѣстнымъ ограниченіемъ, такъ какъ не все въ этихъ произведеніяхъ подсказано было личной жизнью поэта; многое здѣсь могло быть навѣяно литературными образцами.

Еще въ большей степени литературное вліяніе сказалось въ мотивахъ легкой поэзіи, которые часто встрѣчаются въ посланіяхъ Рылѣева и въ другихъ его стихотвореніяхъ, относящихся къ этому времени. Воспѣваніе любви, дружбы, вина и веселья, легкомысленный взглядъ на жизнь, какъ на неизсякаемый источникъ наслажденій, эротизмъ, а иногда легкій скептицизмъ нѣкоторыхъ произведеній — все это объясняется не столько дѣйствительными переживаніями Рылѣева, сколько вліяніемъ современной литературной моды. Это была эпоха, когда всѣ наши лучшіе поэты увлекались этимъ родомъ творчества и, какъ бы соревнуя между собой, курили ѳиміамъ у алтаря Киприды и пѣли восторженный гимнъ безмятежному эпикуреизму. К. Н. Батюшковъ во многихъ своихъ произведеніяхъ высказывалъ взгляды, въ родѣ слѣдующихъ:

О, пока безцѣнна младость
Не умчалася стрѣлой,
Пей изъ чаши полной радость,
Славь безпечность и любовь! [2]).

Въ подобномъ родѣ расточали наставленія и другіе поэты того времени, напр., В. Л. Пушкинъ, И. И. Дмитріевъ, Е. А. Баратынскій, А. А. Дельвигъ, призывавшіе часто къ эпикурейскому наслажденію радостями жизни — особенно утѣхами любви:

---

[1]) Ibid., стр. 125.

[2]) *К. Н. Батюшковъ.* Сочиненія, т. I, Спб. 1887, стр. 43: „Отрывокъ изъ элегіи" (1808 г.).

Въ природѣ все любовью таетъ!
Она — блаженство нашихъ дней [1])

За чашей круговою
Печаль забудемъ, скуку
И будемъ ликовать [2]).

Прочь же скука! прочь забота!
Воспламеняй, любовь, ты насъ!
Дни текутъ безъ поворота:
Дорогъ, дорогъ каждый часъ.
...Насладимся мы, доколѣ
Бьются въ насъ еще сердца! [3])

Такое свѣтлое и жизнерадостное творчество замѣтно выступаетъ и въ раннихъ произведеніяхъ А. С. Пушкина. Подъ вліяніемъ „легкой поэзіи" французскихъ лириковъ слагались его первые поэтическіе опыты. Парни, Грекуръ, Шолье и другіе подобные писатели были его любимцами съ отроческихъ лѣтъ, давая игривые и граціозные образы его юношеской поэзіи. „Она дышала сладострастіемъ и нѣгою, прекрасное было въ ней прикрыто легкимъ покровомъ цинизма и манило къ себѣ воображеніе преднамѣренно-наивной прелестью безстыдства. Подъ живымъ впечатлѣніемъ такихъ настроеній созданы Пушкинымъ многія произведенія, въ которыхъ устанавливается и соотвѣтствующій взглядъ на поэзію и смыслъ жизни. Въ роскошныхъ утѣхахъ наслажденія юноша готовъ былъ увидѣть единственную цѣль и смыслъ жизни. Она казалась ему роскошнымъ садомъ, гдѣ не переводятся цвѣты, увядаетъ одинъ, расцвѣтаетъ другой... Хлои смѣняются Доридами, любовь—виномъ... Юноша-поэтъ, окрыляемый фантазіей, очутился въ роскошномъ хороводѣ красавицъ, въ кругу друзей, гдѣ царятъ тонкія анакреонтическія настроенія" [4]). Конечно, вся эта поэзія стояла внѣ жизни, выросла въ оранжерейной атмосферѣ, почерпая источники для себя въ современной литературной модѣ. Особенно популяризовалъ этотъ родъ произведеній Батюш-

---

[1]) *В. Л. Пушкинъ.* Сочиненія, изд. подъ ред. Б. И. Сантова. Спб. 1897, стр. 46: „Тоска по милой".

[2]) Ibid., стр. 78: „Къ Д. В. Дашкову".

[3]) *И. И. Дмитріевъ.* Сочиненія, изд. подъ ред. А. А. Флоридова, т. I. Спб 1893, стр. 130—131: „Наслажденіе".

[4]) *В. В. Сиповскій.* Пушкинъ, жизнь и творчество. Спб. 1907, стр. 81—82.

ковъ. Его статья о вліяніи легкой поэзіи на выработку изящнаго языка [1]), переводы и подражанія римскимъ лирикамъ, Парни, Мильвуа, и другимъ представителямъ эротической поэзіи французовъ увлекли многихъ нашихъ писателей, заставляя ихъ на всѣ лады воспѣвать различныя перипетіи нѣжной страсти. Любимѣйшимъ поэтомъ въ это время былъ Парни. Кромѣ Пушкина и Батюшкова, его переводили еще: О. М. Сомовъ [2]), И. И. Дмитріевъ [3]), В. Л. Пушкинъ [4]), М[илоновъ] [5]), В. И Туманскій [6]), А. С. Норовъ [7]), А. А. Крыловъ [8]), Н. М. Коншинъ [9]), Дм. Оди-нъ [10]), В. А. Жуковскій [11]), Н. И. И. [12]) Ал. Бе[стуже]въ [13]) и др.

---

[1]) См. „Труды Общества Люб. Рос. Словесности", ч. VI, Москва 1816, стр. 45—62: „Рѣчь о вліяніи легкой поэзіи на образованность языка".

[2]) См. его стих-ія: „Къ клену" („Благонамѣренный" 1821 г., ч. IV, стр. 205), „Пѣснь скандинавскаго воина", изъ поэмы „Иснель и Аслега" („Соревн. Просвѣщенія" 1821 г., ч. XV, стр. 240—241).

[3]) „Мадекасская плѣнница" (См. Сочиненія И. И. Дмитріева. Спб. 1893, стр. 245).

[4]) „Скромность", подражаніе Парни (См. Сочиненія В. Л. Пушкина. Спб. 1895).

[5]) „Блаженство", подражаніе Парни („Спб. Вѣстникъ" 1812 г. № 2, стр. 159—160).

[6]) „Мадагаскарскія пѣсни", „Романсъ изъ поэмы: Иснель и Аслега", „Источникъ, персидская идиллія". Эти произведенія представлены были въ 1819 г. въ Спб. Общество Любителей Слов., Наукъ и Художествъ. (См. „Журналъ" Общества за 1819 г. (рукопись), въ библ. Спб. Университета. См. еще его переводы: „Двѣ мадагаскарскія пѣсни" (въ прозѣ), „Романсъ", два отрывка изъ поэмы „Иснель и Аслега" („Благонамѣренный" 1818 г., ч. II, 44—46 стр.; 1819 г., ч. VI, 212 стр., ч. VII, 141—142 стр.).

[7]) „Пятнадцать лѣтъ и Роза", „Островъ" (Представлены въ то же Общество въ 1820 г.; см. „Отчетъ" за 1820 г., въ библ. Спб. Университета).

[8]) „Романсъ изъ поэмы: „Иснель и Аслега" (Представленъ въ Общество Соревнователей Просвѣщенія; см. „Отчетъ" 1821 г., въ библ. Имп. Академіи наукъ).

[9]) „Путешествіе, отрывокъ изъ Парни" (Стих-іе представлено въ Общ. Сор. Просв; см. „Отчетъ..." за 1821 г.).

[10]) „Мадагаскарская пѣсня" (См. „Журналъ ученыхъ упражненій" Общества Сор. Просв. за 1822 г.).

[11]) Отрывокъ изъ элегіи. Нач.: „Въ разлукѣ я искалъ смягченья тяжкихъ бѣдъ..." (Отрывокъ относится къ 1802—1814 гг.; см. Бумаги В А. Жуковскаго, раз. и опис. П. Бычковымъ. Спб. 1887, стр. 32).

[12]) „Подражаніе Парни" („Аглая", изд. кн. П. Шаликовымъ, ч. VII, Москва 1819, стр. 36—38).

[13]) „Завтра—къ Лилѣ", изъ Парни. „Благонамѣренный" 1818 г., ч. II, стр. 12.

Въ одномъ изъ журналовъ появилась переведенная изъ Revue Encyclopédique біографія Парни, гдѣ дана была очень лестная его характеристика: „Сладкозвученъ подобно Расину, соперникъ Вольтера въ эпопеѣ комической, Парни не имѣетъ равнаго себѣ между новѣйшими элегическими писателями; и, можетъ быть, никто изъ древнихъ его не превосходитъ. Парни останется образцомъ элегіи нѣжной и страстной: въ немъ огня—не менѣе Проперція; чувства и вкуса—не менѣе любовника Делія“ [1]). О. М. Сомовъ высоко цѣнилъ произведенія Парни и считалъ его первымъ русскимъ романтикомъ, „сбросившимъ съ себя иго условій неотступныхъ“ [2]).

Рылѣевъ раздѣлялъ общее увлеченіе Парни и въ подражаніе ему написалъ въ 1821 г. стихотвореніе „Повѣрь, я знаю ужъ, Дорида“ [3]); этимъ поэтомъ онъ интересовался и позже—въ 1824 г., о чемъ можно судить по слѣдующимъ словамъ въ письмѣ А. Бестужева въ Парижъ [къ Я. Н Толстому]: „Много одолжите, если пришлете изданіе Парни; это желаніе Рылѣева, который здѣсь не могъ достать его ни за какія деньги“ [4]).

Изъ древнихъ лириковъ вниманіе Рылѣева привлекли Анакреонъ, Сафо, Тибуллъ и Проперцій. Анакреону Рылѣевъ подражалъ въ стихотвореніяхъ „Сонъ“ и „Богатство“. Первое изъ нихъ представляетъ вольную передѣлку оды—Εἰς τὸ ἑαυτοῦ ὄνειρον [5]), которая

---

[1]) *П. Ф.* Біографія Парни. „Соврем. Просвѣщенія“ 1821 г., ч. XIV, стр. 208—209.

[2]) *О. Сомовъ.* О романтической поэзіи. Ibid. 1823 г., ч. XXIII, стр. 53.

[3]) Этому произведенію Парни („Coup d'oeil sur Cythère“) подражалъ и Пушкинъ въ стих-іи „Платоническая любовь“ 1819 г. (См. соч., изд. Бр.-Ефр., т. I. Спб. 1907 г. стр. 535 и 560). Оба подражанія лишь въ основной мысли сходны между собой: отдѣльныя частности—образы и выраженія не имѣютъ ничего общаго.

[4]) „Рус. Старина“ 1889 г., т. LXIV, стр. 377: Письмо А. А. Бестужева отъ 3 марта 1824 г. Сообщ. Н. К. Богушевскій.

[5]) Греческій текстъ въ изданіи m-me Dacier („Les poesies d'Anacréon et de Sapho...“ A Amsterdam MDCCXV, pp. 26, 28) имѣетъ сл. видъ:

Ὠδὴ Η'. Εἰς τὸ ἑαυτοῦ ὄνειρον.

Διὰ νυκτὸς ἐγκαθεύδων
Ἀλιπορφύροις τάπησι,
Γεγανυμένος Λυαίῳ,
Εὐδόκιν ἄκροισι ταρσοῖς

подъ заглавіемъ „Sur un Songe“ извѣстна была въ нѣсколькихъ французскихъ переводахъ [1]); на русскій языкъ ее перевелъ въ 1736 году кн. А. Д. Кантемиръ [2]); второй переводъ за подписью „А. Хр.“ появился въ 1810 г. въ журналѣ „Цвѣтникъ“ [3]).

Русскіе переводы не оказали, однако, сколько нибудь замѣтнаго вліянія на Рылѣева; изъ французскихъ—стихотворный переводъ Poinsinet de Sivry, значительно измѣняющій подлинный смыслъ оды Анакреона, также не былъ для него источникомъ. Для своего подражанія Рылѣевъ могъ воспользоваться переводами или M.*** C**, или J. B. Gail: текстъ ихъ наиболѣе близокъ къ первой части стихотворенія „Сонъ“; кромѣ того, въ началѣ обоихъ переводовъ встрѣчается имя Вакха, упоминаніе о которомъ мы видимъ и у Рылѣева (въ первомъ стихѣ): между тѣмъ De la Fosse употребляетъ въ этомъ случаѣ слово вино (par le vin assupis), Dacier пользуется выраженіемъ: „après avoir fait la débauche“.

Δρόμον ὠκὺν ἐκτανύειν,
Μετὰ παρθένων ἀθύρων.
Επεκερτόμεν δὲ παῖδες
Απαλώτεροι Λυαίῳ,
Δακέθυμά μοι λέγοντες,
Διὰ τὰς καλὰς ἐκείνας.
Εθέλοντα δὲ φιλῆσαι
Φύγον ἐξ ὕπνῳ μὲ πάντες.
Μεμονωμένος δ' ὁ τλήμων
Πάλιν ἤθελον καθεύδειν.

[1]) Въ изданіи m-me Dacier находится два французскихъ перевода, изъ которыхъ одинъ—въ прозѣ (принадлежитъ *m-me Dacier*, pp. 27, 29), другой—въ стихахъ (переводъ *De la Fosse*; см. приложенія, pp. 18—19). Кромѣ того, мы имѣли подъ руками еще сл. переводы: 1) *Poinsinet de Sivry*, въ его изданіи: Anacréon, Sapho, Moschus, Bion, Tyrthée etc. Nancy [1758].—2) *M.*** C.*** [*Moutonnet-Crairfons*] въ изданіи: Anacréon, Sapho, Bion et Moschus. Traduction nouvelle. A Paphos et Paris MDCCLXXIII, p. 28.—3) *J. B. Gail*. См. его: Odes d'Anacréon, traduites en françois. T. I, A Paris. An VIII, pp. 21, 23.

[2]) „О своемъ снѣ“. См. Сочиненія, письма и избранные переводы кн. А. Д. Кантемира, изд. подъ ред. П. А. Ефремова. Т. I, Спб. 1867, стр. 349. Переводъ сдѣланъ съ греч. текста, помѣщеннаго въ изданіи m-me Dacier.

[3]) Ч. VI, № 6, стр. 323—324. Стихотвореніе озаглавлено: „Анакреонъ“.

M.*** C.** „Sur un Songe“ [1]).

Échauffé par la liqueur de *Bacchus*, une nuit que je sommeillois sur des tapis de pourpre, je m'imaginois courir légèrement après de jeunes filles.

J. B. Gail. „Sur un Songe“ [2]).

Une nuit qu'égayé par la liqueur de *Bacchus* je dormois sur des tapis de pourpre, il me sembla que d'un pied folâtre et léger je poursuivois de jeunes vierges.

Рылѣевъ. „Сонъ“ [3]).

Недавно *Вакхомъ* упоенный
Заснулъ на тирскихъ я коврахъ
И зрѣлъ, что къ дѣвушкамъ плѣненный
Я тихо крался на перстахъ.

Остальная часть стихотворенія „Сонъ“ (стихи 5—8) отступаетъ отъ французскаго текста: Рылѣевъ измѣнилъ здѣсь подлинный смыслъ оды Анакреона, опустивъ ея конецъ и заставивъ вмѣсто юношей смѣяться надъ собой „соборъ юныхъ красавицъ“.

Стихотвореніе „Богатство“, болѣе близко передающее подлинный смыслъ оды Анакреона „Εἰς χρύσον“ [4]), носитъ на себѣ слѣды вліянія перевода Державина. Въ подражаніи Рылѣева встрѣчаются

---

[1]) Anacréon, Sapho... traduction nouvelle en prose par m. M.*** C.** À Paphos et Paris MDCCLXXIII, p. 28.

[2]) Odes d'Anacréon, traduites en françois... par J. B. Gail. Nouvelle édition T. I, À Paris. An VIII. p. 21.

[3]) Приложенія, стр. 17—18.

[4]) Ср. греческій текстъ въ изданіи m-me Dacier (pp. 68, 70):

Ὠδὴ ΚΓ'. Εἰς χρύσον.

Ὁ Πλοῦτος εἴγε χρυσοῦ
Τὸ ζῆν παρῆγε θνητοῖς,
Εκαρτέρων φυλάττων,
Ἵν' ἂν θανεῖν ἐπέλθῃ,
Λάβῃ τι, καὶ παρέλθῃ.
Εἰ δ' οὐδὲ τὸ πρίασθαι
Τὸ ζῆν ἔνεστι θνητοῖς,
Τί καὶ μάτην στενάζω,
Τί καὶ γόοις προπέμπω;
Θανεῖν γὰρ εἰ πέπρωται,
Τί χρυσὸς ὠφελεῖ με;
Ἐμοὶ γένοιτο πίνειν,
Πιόντι δ' οἶνον ἡδὺν,
Ἐμοῖς φίλοις συνεῖναι,
Ἐν δ' ἁπαλαῖσι κοίταις
Τελεῖν τὰν Ἀφροδίταν.

тѣ же выраженія, иногда даже цѣлые стихи, какіе мы видимъ и у Державина. Несмотря однако на эту близость, стихотвореніе „Богатство“ въ художественномъ отношеніи значительно превосходитъ свой источникъ: стихъ здѣсь болѣе легкій, образы граціознѣе; въ концѣ Рылѣевъ нѣсколько отступилъ отъ своего образца, нарисовавъ болѣе яркими штрихами картину сладострастнаго увлеченія „прекрасной прелестницей“.

Державинъ. „*Богатство*“ [1]).

Когда бы было намъ богатствомъ
Возможно кратку *жизнь продлить*,
Не ставя ничего препятствомъ,
Я сталъ бы золото копить.
...Не лучшель въ пиршествахъ пріятныхъ
Съ друзьями время проводить,
На ложахъ мягкихъ, ароматныхъ
Младымъ красавицамъ служить.

Рылѣевъ. „*Богатство*“ [2]).

Ахъ! *Когдабъ возможно было*
Намъ богатствомъ жизнь продлить,
Я бы сталъ тогда всей силой
Злато и сребро *копить.*
...Не пріятнѣелъ съ друзьями
Въ пирахъ время провождать?
Иль прелестницы прекрасной,
Прильнувъ къ розовымъ устамъ,
Тая въ нѣгѣ сладострастной,
Въ счастьи равнымъ быть богамъ?

Изъ Сафо Рылѣевъ перевелъ извѣстную элегію къ подругѣ „Εἰς τὴν ἐρωμένην“, нѣкогда вдохновившую Катулла въ его стихотвореніи „Ille mi par esse deo videtur“ [3]). Въ русской литературѣ

[1]) *Державинъ*. Анакреонтическія пѣсни. Въ Петроградѣ 1804 года, стр. 83.—Кромѣ Державина, эту оду Анакреона у насъ переводили еще:—1) *Кн. А. Д. Кантемиръ*; см. его сочиненія, изд. въ 1867 г., т. I. стр. 360: „О богатствѣ“.—2) Неизвѣстный авторъ; его переводъ подъ загл.: „Ода Анакреонтова“ былъ напечатанъ въ „Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ къ пользѣ и увеселенію служащихъ“ 1755 г., ч. II, стр. 165—166.—3) *М. В. Ломоносовъ*; см. его „Разговоръ съ Анакреономъ“ (1764 г.), напечатанный впервые въ „Рос. Парнассѣ“, ч. I. Спб. 1771 г., стр. 26—34. Переводы Кантемира и Ломоносова болѣе близки къ подражанію Рылѣева, чѣмъ „Ода Анакреонтова“ неизвѣстнаго автора.

[2]) Приложенія, стр. 36—37.

[3]) Подражаніе Рылѣева озаглавлено: „Вольный переводъ изъ Сафо“ (См. Приложенія, стр. 28); греческій текстъ, къ которому восходитъ это произведеніе, въ изданіи m-me Dacier (pp. 248, 250) читается такъ:

Ὠδὴ Β'. Εἰς τὴν ἐρωμένην.

Φαίνεταί μοι κεῖνος ἴσος θεοῖσιν
Εμμεν' ἀνὴρ, ὅστις ἐναντίον τοι

эта элегія извѣстна была во многихъ переводахъ[1]). Рылѣевъ могъ познакомиться съ ней, пользуясь еще французскими изданіями m-me Dacier, mr. Poinsinet de Sivry и mr. M.*** C.**[2]). При сличеніи его подражанія съ русскими и французскими переводами можно видѣть, что въ стилистическомъ отношеніи Рылѣевъ былъ независимъ отъ послѣднихъ: въ его стихотвореніи нѣтъ соотвѣтствующей риѳмы, образовъ или выраженій, на основаніи которыхъ можно было бы установить непосредственный источникъ „Вольнаго перевода изъ

Ἴσον νέει, καὶ πλασίον ἀδὺ φωνύσας ὑπακούει
Καὶ γελώσας ἱμερόεν· τό μοι τὰν
Καρδίαν ἐν στήθεσιν ἐπτόασεν,
Ὡς ἴδον σε, βρόγχον ἐμοὶ γὰρ αὐδᾶς
Οὐδὲν ἔθ' ἥκει.
Ἀλλὰ καμμὲν γλῶσσ' ἔαγ', ἂν δὲ λεπτὸν
Αὐτίκα χρῶ πῦρ ὑποδεδρόμακεν,
Ὀμμάτεσσιν δ' ὐδὲν ὄρημι, βομβεῦσιν δ' ἀκοαί μοι·
Καδ' δ' ἰδρὼς ψυχρὸς χέεται τρόμος δὲ
Πᾶσαν αἱρεῖ· χλωροτέρη δὲ ποίας
Ἐμμί· τεθνᾶναι δ' ὀλίγω δέοισα
Φαίνομαι ἄπνυς.

[1]) См.:—1) „Переводъ второй Сафиной оды“, безъ имени переводчика. „Ежемѣсячныя сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія“ 1755 г., ч II, стр. 148—149.—2) *А. С[умараковъ]*. „Вторая ода Сафы къ подругѣ, сочиненная по русскому переводу г. Козицкаго“. „Сочиненія и переводы, къ пользѣ и увеселенію служащія“ 1758 г., т. VIII, стр. 395.—3) „Три первыя строфы сохраненной Лонгиномъ Сафовой оды, слѣдуя г. Буало“ (безъ имени переводчика). „Спб. Вѣстникъ“ 1778 г., ч. II, стр. 402.—4) „Сафо“, за подписью: *Неизвѣстный*. „Зритель“ 1792 г., ч. I, стр. 182.—5) *Н. Эмшъ*, „Сафо. Ода I“; см. въ его „Подражаніяхъ древнимъ“ Спб. 1795.—6) *Ельцоконъ* [*Е. Люценко*]. „Переводъ оды изъ Сафо“ „Пріятн. и полезн. препр. времени“ 1796 г., ч. XI, стр. 320.—7) *Гр. Д. Хвостовъ*. „Ода Сафо“. „Другъ Просвѣщенія“ 1804 г., ч. I, стр. 28.—8) *Державинъ*. „Сафо“, см. его „Анакреонтическія пѣсни“. Въ Петроградѣ 1804 г., стр. 103.—9) *П. Голенищевъ-Кутуловъ*, см. переводъ въ его книгѣ: „Стихотворенія Сафы“. Москва 1805.—10) *Б.* „Отрывки изъ Сафы“, „Лицей“ 1806 г., ч. II, кн. I, стр. 12.—11) *Ан. Тейльсъ*. „Сафо“, переводъ изъ Делиля. „Лицей“ 1806 г., ч. II, кн. I, стр. 14.—12) *В. Ж[уковск]ій*. „Сафина ода“. „Вѣстникъ Европы“ 1807 г., ч. XXXII, стр. 44.—13-14) Два перевода (одинъ изъ Буало, другой изъ Катулла) въ книгѣ: „Стихотворенія Сафы“. Перевелъ *В. Ан[астасевичъ]*. Спб. 1808 г., стр. 17—18.

[2]) См. выше, стр. 133.

Сафо". Въ художественномъ отношеніи переводъ этотъ вышелъ мало удачнымъ: видно, что стихъ давался поэту съ большимъ трудомъ, вслѣдствіе чего онъ производитъ впечатлѣніе дѣланнаго; къ тому же, въ немъ часто встрѣчаются и славянизмы, въ родѣ „сіе", „мразъ", „хладъ" и пр.

Переходимъ къ римскимъ лирикамъ—Тибуллу и Проперцію. Подъ вліяніемъ перваго Рылѣевъ написалъ нѣсколько стихотвореній, посвященныхъ Деліи[1]; одно изъ нихъ („Къ Деліи", нач.: „Почто, о Делія, съ колѣнопреклоненьемъ...") представляетъ подражаніе приписываемой Тибуллу 3-ей элегіи III книги. До Рылѣева эта элегія извѣстна была въ переводахъ К. Н. Батюшкова и М. В. Милонова. Сравнивая ихъ переводы со стихотвореніемъ Рылѣева, мы видимъ, что послѣдній въ своемъ подражаніи стоитъ гораздо ближе къ Батюшкову, хотя въ нѣкоторыхъ его стихахъ встрѣчаются выраженія, дословно совпадающія съ переводомъ Милонова. Приведемъ наиболѣе близкія мѣста въ произведеніяхъ всѣхъ поэтовъ, указавъ при этомъ и латинскій текстъ, соотвѣтствующій даннымъ стихамъ:

Рылѣевъ. „Къ Деліи"[2]).

..*Почто* на алтаряхъ имъ *ѳиміамъ курилъ*,
Коль рокъ тебя ко мнѣ еще не возвратилъ?
...*Объ* скромной *бѣдности* лишь имъ скучалъ мольбами...
Молилъ, чтобъ при тебѣ застала смерть меня...
...*О, дщерь Сатурнова! И ты, любови мать!*
Дерзаю къ вамъ мольбы усердны возсылать...

Батюшковъ. „Тибуллова элегія"[3]).

...Напрасно *ѳиміамъ курилъ* предъ алтарямя...
О бѣдности молилъ съ тобою раздѣленной!
Молилъ, чтобъ смерть меня застала при тебѣ...

---

[1]) „Къ Деліи", нач.: „Опять, о Делія, завистливой судьбою..."; „Къ Деліи", нач.: „Почто, о Делія, съ колѣнопреклоненьемъ..."; „Жестокой" (*Балицкій*, т. I, стр. 176, 177, 179). См. также разсмотрѣнное выше стих-іе „Тоска" (Приложенія, стр. 25—28).

[2]) „Благонамѣренный" 1820 г., ч. XI, № 13 (іюль), стр. 50—52. Подъ стихотвореніемъ, кромѣ имени автора, находится еще приписка: „Острогожскъ". Элегія перепечатана въ изданіи Балицкаго, см. т. I, стр. 176—177.

[3]) „Вѣстникъ Европы" 1809 г., № 6.

...О, дочь Сатурнова! услышь мое моленье!
И ты любови мать!...

Милоновъ. „Къ Неерѣ“ [1]).

...Предъ украшенными *почто я* олтарями,
Неера, возжигалъ куренія богамъ...
...И жизни долгія дерзалъ молить при ней!
...Съ тобой, Неера мнѣ убожество любезно...
...*О дщерь Сатурнова!* внемли мои моленья,
И ты, любезная Киприда, къ нимъ склонись!..

Латинскій текстъ [2]).

Quid prodest coelum votis implesse, Neaera,
Blandaque cum multa tura dedisse prece,...
...Sed, tecum ut longae sociarem gaudia vitae,
Inque tuo caderet nostra senecta sinu,...
...Sit mihi paupertas tecum jucunda, Neaera;...
...Adsis et timidis faveas, Saturnia, votis,
Et faveas, concha, Cupria, vecta tua.

Вѣроятно, отъ Батюшкова заимствовалъ Рылѣевъ и имя Деліи, такъ какъ Милоновъ, который вообще ближе держался латинскаго текста, оставилъ въ своемъ переводѣ имя Неры. Въ послѣднихъ стихахъ подражанія Рылѣева находится упоминаніе о „лютыхъ сестрахъ безжалостной Мегеры“, которыя привѣтствуютъ адской улыбкой всякую тѣнь, спускающуюся въ подземныя пещеры. Этотъ новый варіантъ, отсутствующій у Батюшкова и Милонова, былъ или самостоятельно введенъ Рылѣевымъ, или заимствованъ имъ изъ какого нибудь неизвѣстнаго намъ источника.

Что касается Проперція, Рылѣевъ подражалъ ему въ стихотвореніи „Къ Цинтіи“, которое не дошло до насъ. Объ этомъ произведеніи извѣстно только, что оно было представлено въ 1821 году въ Общество Соревнователей Просвѣщенія; 12 сентября этого

---

[1]) „Спб. Вѣстникъ“ 1812 г., № 2, стр. 164—165.

[2]) A. Tibulli carmina. Edidit Car. Fr. Wunderlich. Gottingae MDCCCVIII, p. 63, 64.

года оно было прочитано на засѣданіи и при баллотировкѣ получило 10 избирательныхъ и 9 неизбирательныхъ голосовъ[1]).

Среди любовной лирики Рылѣева одиноко стоитъ баллада „Людмила“ [2]): другихъ его произведеній въ этомъ родѣ неизвѣстно. Баллада, какъ особая форма поэтическаго творчества, извѣстна была въ нашей литературѣ съ конца XVIII в.: Карамзинъ, И. И. Дмитріевъ, Мерзляковъ пробовали свои силы въ этой области; особенно же популяризовалъ этотъ родъ произведеній „поэтическій дядька чертей и вѣдьмъ“—В. А. Жуковскій [3]); изъ его „Людмилы“ (подражаніе Бюргеровой Ленорѣ, 1808 г.) Рылѣевъ могъ заимствовать названіе для своей баллады; однако въ разработкѣ этого сюжета онъ былъ совершенно независимъ отъ Жуковскаго: фантастическій элементъ, какой мы видимъ въ подражаніи послѣдняго, совершенно отсутствуетъ у Рылѣева; въ этомъ отношеніи его „Людмила“ скорѣе напоминаетъ любовную элегію, чѣмъ балладу. Содержанія ея сводится къ признанію „несчастнаго Миловида“ въ своихъ чувствахъ Людмилѣ, которая робко выслушиваетъ юношу и, потупивъ въ землю „свой взоръ унылый“, отвѣчаетъ ему со слезами:

„Не могу тебя любить.
Чтобъ имѣть супругомъ;
Но клянуся вѣчно быть
Тебѣ вѣрнымъ другомъ“.

Дружба не удовлетворяетъ Миловида:

—„Ахъ! что въ дружбѣ—коль любовь
Въ сердцѣ ужъ пылаетъ,
И волнуя пылку кровь,
Страсти возмущаетъ?“
...И еще унылый взглядъ
Бросивъ на Людмилу,

---

[1]) Архивъ Общества, въ библіотекѣ Академіи наукъ. „Дѣла по части Секретаря“ за 1821 г.

[2]) Приложенія, стр. 7—9.

[3]) Исторію баллады въ рус. литературѣ к. XVIII и нач. XIX в. см. у *В. П. Рѣзанова*. Изъ разысканій о сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго. Спб. 1906, стр. 196—209.

Онъ покинулъ отчій градъ,
Чтобъ обрѣсть могилу.

Сюжетъ о Людмилѣ въ XVIII в. разрабатывалъ кн. И. Шаликовъ въ стихотвореніи того же имени (балладные мотивы здѣсь отсутствуютъ[1]). Въ 1809 г. появилось стихотвореніе Жуковскаго „Плачъ Людмилы“[2]); въ 1819 г. В. Л. Пушкинъ напечаталъ свою сказку „Усладъ и Людмила“[3]); извѣстна была еще идиллія И. И. Дмитріева „Людмила“[4]); однако всѣ эти произведенія не имѣютъ ничего общаго съ балладой Рылѣева.

Увлеченія Рылѣева мотивами любовной лирики относится преимущественно къ годамъ его жизни въ Острогожскомъ уѣздѣ (1816—1820); съ переѣздомъ въ Петербургъ онъ, хотя и продолжалъ писать произведенія въ этомъ родѣ и нѣкоторыя изъ нихъ даже печаталъ въ журналахъ 1820—21 гг.[5]), но удѣлялъ имъ меньше вниманія; въ это время другіе интересы заслоняютъ собою любовные мотивы и лирика личнаго чувства стала у него постепенно вытѣсняться лирикой гражданскаго характера. Къ этому же времени относится нѣсколько сатирическихъ произведеній въ стихахъ и прозѣ, гдѣ Рылѣевъ затрагивалъ различные литературные сюжеты и касался часто явленій обыденной жизни, высмѣивая женскую страсть къ модѣ и нарядамъ, чудачества старыхъ холостяковъ и пр.[6]).

Наклонность къ сатирѣ обнаружилась у Рылѣева довольно рано: еще на школьной скамьѣ онъ, по словамъ одного корпуснаго товарища, „бывало кого захочетъ, такъ и распишетъ, разрисуетъ, что

[1]) См. „Пріятное и полезное препровожденіе времени“ 1796 г., ч. X, стр. 407—409.

[2]) „Вѣстникъ Европы“ 1809 г., ч. XLVII, стр. 263—264.

[3]) „Труды Общества любителей Россійской словесности“, ч. XIII, Москва 1819, стр. 67—70.

[4]) Собраніе образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ. Изд. 2-ое, ч. IV, Спб. 1822.

[5]) См. выше, стр. 1—2.

[6]) Къ произведеніямъ, посвященнымъ явленіямъ обыденной жизни, относятся беллетристическіе разсказы Рылѣева: „Провинціалъ въ Петербургѣ“ и „Чудакъ“. Первый изъ нихъ составляютъ три самостоятельныхъ разсказа: 1) „Первый выѣздъ. Магазины“.—2) „Древніе и новые“.—3) „Женская Игрушка“ (См. *Балицкій*, т. II, стр. 73—80; Приложенія, стр. 72—74).

на свѣтъ не родись"[1]). Въ поэмѣ „Кулакіада" Рылѣевъ подсмѣивался надъ корпусными правами, въ „Посланіи къ Ф..." пронизировалъ надъ бездарными сочинителями, которые въ потѣ чела корпятъ недѣлями надъ своими стихами. Во время заграничныхъ походовъ, будучи въ Дрезденѣ, Рылѣевъ своими сатирами и колкими эпиграммами настолько раздражилъ мѣстныхъ жителей, что они жаловались на неспокойнаго поэта кн. Рѣпнину и добились удаленія его изъ города[2]). Здѣсь же, въ Дрезденѣ, онъ написалъ, подражая Крылову, „Путешествіе на Парнасъ" (15 окт. 1814 г.), въ которомъ иронически отзывался о современныхъ литературныхъ бездарностяхъ и топилъ въ рѣкѣ забвенія такихъ писателей, какъ графъ Хвостовъ, кн. Шихматовъ, Львовъ, Гераковъ. Подобнымъ образомъ. Батюшковъ въ „Видѣніи на берегахъ Леты" (1809 г.) погружалъ въ воды этой рѣки нѣкоторыхъ авторовъ и ихъ творенія. Первымъ идетъ у него въ Лету Мерзляковъ; погрузился—„и нѣтъ педанта": басни и комедіи Крылова послѣ омовенія всѣ всплыли на верхъ къ великой радости ихъ автора[3]). Среди произведеній Рылѣева, относящихся ко времени его жизни въ Острогожскомъ уѣздѣ, сатирическій элементъ играетъ незначительную роль: отъ этой поры до насъ дошло всего лишь четыре эпиграммы, изъ которыхъ одна направлена противъ нѣкоего Слабоума, „сына сельскаго попа", другая осмѣиваетъ комедію, усыпившую всѣхъ зрителей; въ остальныхъ выводится Надутовъ, который помимо того, что не умѣетъ писать стиховъ, не знаетъ также, какъ укротить своенравнаго Пегаса[4]). Въ Петербургѣ Рылѣевъ продолжалъ сочинять эпиграммы, высмѣивая въ нихъ стиходѣя Ариста, чудака Фирса, Бавія и Вралева[5]). Повидимому, имена эти обозначали псевдонимы и прозвища литературныхъ бездарностей, которыя вызывали насмѣшки со стороны не одного только Рылѣева: эти же имена встрѣчаются въ сатирахъ М. В. Милонова[6]), у кн. П. А. Вяземскаго[7]), В. Л. Пушкина[8]) и П. И

[1]) *Н. С. Лѣсковъ.* Кадетскій малолѣтокъ. „Истор. Вѣстн." 1885 г.

[2]) „Рус. Стар". 1872 г., т. VI, стр. 440—441. См. выше, стр. 66.

[3]) *К. Н. Батюшковъ.* Сочиненія, т. I, Спб. 1887.

[4]) Приложенія, стр. 19, 22, 37.

[5]) „Невскій Зритель" 1820 г., ч. IV.—„Благонамѣренный" 1820 г., ч. IX, стр. 334; ч. XI, стр. 54. См. *Балицкій*, т. I, стр. 191.

[6]) Сатиры... *Михайла Милонова.* Спб. 1819, стр. 22—29.

[7]) Сочиненія, т. III, Спб. 1880, стр. 343, 378 (Эпиграммы 1823 г. и стих-іе „Того-сего").

[8]) Сочиненія, изд. подъ ред. В. П. Саитова. Спб. 1895, стр. 97.

Дмитріева[1]) Въ Петербургѣ, кажется, были написаны Рылѣевымъ еще двѣ эпиграммы—на австрійскаго имп. Франца и на болѣзнь Крылова[2]). Въ 1821 г. имъ была переведена польская сатира Булгарина „Путь къ счастью“ (разговоры поэта съ богачемъ, старинным его знакомымъ); здѣсь устами „младого питомца Музы“ высказывается рѣзкое осужденіе тому способу достигать земного благополучія, къ какому обычно прибѣгаютъ люди и какой рекомендовалъ поэту его собесѣдникъ. Поэтъ ни за что не соглашается поступаться своей совѣстью и на лирѣ своей не хочетъ прославлять грабежъ, развратъ и невѣжество. Пылкая душа его не можетъ приносить „истину священну“ въ жертву гнусной лести.

Нѣтъ, нѣтъ! Не уступлю за блага жизни сей
Ни добродѣтели, ни совѣсти моей!
...Когда путь къ счастію столь низокъ въ жизни сей.
Такъ пусть останусь я при бѣдности моей,
Пусть буду цѣлый вѣкъ скитаться безъ шинели;
Мнѣ лютость непогодъ поможетъ перенесть
Мое сокровище единственное—честь![3])

Сатира эта, представленная Рылѣевымъ въ нач. 1821 г. при вступленіи въ Общество Соревнователей Просвѣщенія, не была въ свое время издана; впервые ее опубликовалъ В. Я. Якушкинъ много лѣтъ спустя послѣ смерти Рылѣева[4]).

Изъ другихъ его стихотвореній, посвященныхъ литературнымъ сюжетамъ, въ первые годы жизни въ Петербургѣ были написаны слл.: „Переводчику Андромахи“ (1821 г.), два посланія подъ загл. „Къ А. А. Бестужеву“ (1821 и 1822 гг.), посланіе къ Н. И. Гнѣдичу, (1821 г.) и отрывокъ посланія „Къ О. Н. Глинкѣ“ (1822 г.). Первое стихотвореніе очень тонко иронизировало надъ гр. Д. И. Хвостовымъ, который въ 1821 г. выпустилъ пятое изданіе „Андромахи“ (перев. изъ Расина). Увѣряя переводчика въ достоинствахъ его трагедіи, Рылѣевъ совѣтовалъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ не обращать

[1]) Сочиненія, изд. журналомъ „Сѣверъ“. Ред. и прим. А. А. Флоридова т. I, Спб. 1893, стр. 236, 247.

[2]) *Баллада*, т. I, стр. 191. Ефр.[2], стр. 180, 335.

[3]) *Баллада*, т. I, стр. 183. Ср. въ подобномъ родѣ стих-іе М[иловова] „Къ Лукаціи“. Спб. Вѣстникъ“ 1812 г., ч. I, стр. 51—57.

[4]) „Вѣстн. Европы“ 1888 г., № 11.

вниманія на завистливые толки современниковъ, не постигшихъ красотъ его произведенія и считавшихъ дѣйствующія тамъ лица смѣшными.

Не вѣрь зоиламъ симъ: они шипятъ изъ страха.
Ни дарованія, ни вкусъ имъ не даны,
Коль Герміона, Пиррь, Орестъ твой, Андромаха
Имъ кажутся смѣшны.
Хвостовъ! будь твердъ!..
...Твои стихотворенья
Въ потомствѣ будутъ всѣ читать
И слезы сожалѣнья
За претерпѣнныя гоненья
На мавзолей твой проливать [1]).

Добродушный метроманъ гр. Хвостовъ, который, по словамъ А. С. Пушкина, весь „прожился на стихахъ“ [2]), не замѣтилъ тонкой ироніи Рылѣева и писалъ по поводу его стихотворенія: „Нескромные хвалители найдутъ вездѣ мѣсто къ привѣтствію; иные даже превозносили автора за то, что лица въ Андромахѣ его перевода казалися смѣшны и что многіе его не читаютъ“. Относительно стиха „за претерпѣнныя гоненья“ Хвостовъ замѣчалъ:—„Прекрасно; но ополченіе зоиловъ и даже невниманіе современниковъ не есть гоненіе, Гонимы были Тассъ, Галилей и др.“ [3]). Рылѣевъ воспользовался замѣчаніемъ Хвостова и, переиздавая вторично свое произведеніе, выпустилъ этотъ стихъ [4]). Вообще имя гр. Хвостова хорошо было извѣстно въ 1820-хъ гг. и служило, такъ сказать, „притчей во языцѣхъ“ для многихъ современниковъ. Кромѣ Рылѣева, надъ нимъ подсмѣивались Жуковскій, Батюшковъ, Воейковъ, Н. Гречъ, Языковъ. Кн. П. А. Вяземскій въ одной изъ эпиграммъ, написанныхъ на Хвостова (1822 г.), упоминаетъ о томъ же переводѣ Андромахи, за который Рылѣевъ вѣнчалъ „чело“ Хвостова „вѣнцомъ безсмертія“:

---

[1]) *Балицкій*, т. I, стр. 184.

[2]) *Пушкинъ*. Соч., изд. 1887 г., т. VII, стр. 171.

[3]) Сочиненія гр. Хвостова, изд. 1821 г. т. II, стр. LIII. Цит. по статьѣ П. О. Морозова: „Гр. Д. И. Хвостовъ“. „Рус. Стар.“ 1896 г., т. LXXXV, стр. 412.

[4]) „Невскій Зритель“ 1821 г. ч. V, кн. III; первоначально стихотвореніе было напечатано въ „С. Отеч.“. 1821, г., ч. LXIX.

Какъ Андромахи переводъ
Извѣстенъ сталъ у Стикскихъ водъ,
Такъ нашихъ дней Пардонъ прославился и въ адѣ;
Зачѣмъ писать ему? сказалъ Расинъ въ досадѣ:
Пускай бы онъ меня въ покоѣ оставлялъ,
Творенія съ женой другія бъ издавалъ.
Жена же, та всегда, когда онъ къ ней приходитъ,
Жалѣетъ каждый разъ, что онъ не переводитъ [1]).

А. С. Пушкинъ въ раннихъ своихъ произведеніяхъ пропизировалъ надъ Хвостовымъ, давая ему такія прозвища, какъ Свистовъ, Хлыстовъ или Графо́въ; позже въ 1825 г. онъ написалъ оду „Его Сіятельству гр. Д. И. Хвостову", въ которой сравнивалъ графа съ Байрономъ, указывая здѣсь черты сходства и различія между обоими поэтами.

Вамъ съ Бейрономъ шипѣла злоба,
Гремѣла и правдива лесть.
Онъ—лордъ, графъ—ты, поэты оба!
Се—мнится—явно сходство есть.
Никакъ! Ты съ вѣрною супругой,
Подъ бременемъ Судьбы упругой
Живешь въ любви—и наконецъ
Глубокъ онъ, но единообразенъ.
А ты глубокъ, игривъ и разенъ,
И въ шалостяхъ ты впрямъ пѣвецъ [2]).

---

[1]) Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго. Спб. 1880. т. III, стр. 269. Вотъ еще двѣ другія его эпиграммы на гр. Хвостова:

1. Зоилы береговъ Невы!
Достоинства отъ васъ Хвостову не убудетъ:
Онъ вамъ на зло и былъ, и есть, и будетъ
Эзопомъ съ ногъ до головы.

2 Ага! Плутовка мышь, попалась, нѣтъ спасенья!
Умри!—ты грызь пришла здѣсь Дмитріева томъ
Тогда, какъ у меня валялись подъ столомъ—
Хвостова сочиненія!

[2]) *Пушкинъ*. Изд. Бр.-Ефр., т. II, Спб. 1908. стр. 293—294.

Кромѣ различныхъ литературныхъ сюжетовъ, сатира Рылѣева затрагивала явленія общественно-политической жизни, и здѣсь голосъ его звучалъ рѣзко и опредѣленно. Среди произведеній этого рода по силѣ гражданскаго негодованія выдѣляется сатира „Къ Временщику“, направленная противъ Аракчеева. Прежде чѣмъ перейти къ разбору этого произведенія, мы остановимся нѣкоторое время на выясненіи вопроса, подъ вліяніемъ какихъ причинъ обратился Рылѣевъ къ гражданскимъ мотивамъ. Трудно учесть всѣ условія, вліявшія на развитіе гражданской музы Рылѣева; несомнѣнно, одна изъ главныхъ причинъ кроется здѣсь въ настроеніи общественной и литературной среды, которая окружала въ это время Рылѣева. Его гражданская лирика не являлась чѣмъ-то обособленнымъ и была тѣсно связана съ общимъ настроеніемъ эпохи; она только болѣе ярко отражала въ себѣ тѣ чувства, которыя волновали современное общество.

Событія отечественной войны, освободительные походы за границу высоко поднимали патріотическое чувство у всѣхъ, кто болѣе или менѣе сознательно относился къ явленіямъ русской жизни. „Нападеніе Наполеона на Россію въ 1812 году, вспоминаетъ объ этомъ времени кн. С. П. Трубецкой, возбудило въ русскихъ любовь къ отечеству въ самой высокой степени; счастливое окончаніе сей войны, безпримѣрная слава, блескъ, коимъ покрылось оружіе россійское, заставило всѣхъ русскихъ гордиться своимъ именемъ и во всѣхъ, имѣвшихъ счастіе участвовать въ военныхъ подвигахъ, поселило удостовѣреніе, что каждый изъ нихъ былъ полезенъ своему отечеству“ [1]).

Вскорѣ однако этотъ восторженный патріотизмъ смѣнился другимъ настроеніемъ. Внѣшняя слава и могущество, достигнутыя въ это время Россіей, далеко не соотвѣтствовали дѣйствительному положенію дѣлъ, и этого не могли не замѣтить тѣ, кто побывалъ въ западной Европѣ, увидѣлъ новую жизнь и другіе порядки. Неприглядная обстановка ждала ихъ на родинѣ. „Рабство огромнаго, безправнаго большинства русскихъ, жестокое обращеніе съ подчиненными, всякаго рода злоупотребленія власти, повсюду царствующій произволъ —

---

[1]) Записки кн. *С. П. Трубецкого*. См. *Довнаръ-Запольскій*. Мемуары декабристовъ. Кіевъ 1906, стр. 73.

все это приводило въ негодованіе образованныхъ русскихъ и ихъ патріотическое чувство" [1]).

Послѣ знакомства съ западной жизнью въ обществѣ началась суровая критика русской дѣйствительности. Ропотъ и недовольство раздавались повсюду — въ образованныхъ кругахъ и среди простого народа; особенно усилились они съ той поры, когда правительство вмѣсто того, чтобы обратиться къ внутреннимъ реформамъ, вступило на крайній путь реакціи и съ массой своего войска стало на стражѣ тьмы и деспотизма въ Западной Европѣ. Напрасно ждали „мира, отдохновенія, уменьшенія налоговъ и улучшенія всѣхъ гражданскихъ отраслей управленія" [2]). Правительство вовсе и не думало объ этомъ.

„Во всѣхъ углахъ видѣлись недовольныя лица, на улицахъ пожимали плечами, вездѣ шептались, вездѣ говорили: „къ чему это приведетъ?" [3])

„Еще длилась война, вспоминалъ объ этомъ времени А. Бестужевъ въ письмѣ къ ими. Николаю Павловичу, когда ратники, возвратясь домой, первые разнесли ропотъ въ классѣ народа". „Мы проливали кровь, говорили они, а насъ опять заставляютъ потѣть на барщинѣ. Мы избавили нашу родину отъ тирана, а насъ вновь тиранятъ господа. Войска, отъ генераловъ до солдатъ, пришедши назадъ, только и толковали: «какъ хорошо въ чужихъ земляхъ»... Притѣсненіе начальствомъ заслуженныхъ офицеровъ разгорячало умы. Предпочтеніе нѣмецкихъ фамилій передъ русскими обижало народную гордость. Тогда-то стали говорить военные: „для того ль освободили мы Европу, чтобы наложить цѣпи на себя? для того ль дали конституцію Франціи, чтобы не смѣть говорить о ней, и купили первенство между народами, чтобы насъ угнетали дома?" [4]).

Общественное броженіе сказывалось замѣтно и въ литературѣ: либеральныя стихотворенія въ огромномъ количествѣ распространя-

---

[1]) *М. А. Фонвизинъ.* Обозрѣніе проявленій политической жизни въ Россіи. См. „Общественное движеніе въ Россіи въ пер. пол. XIX в.". Т. I, Спб. 1905, стр. 183. Изд. М. В. Пирожкова.

[2]) Изъ дѣла подполковника Поджіо. См. *М. В. Довнаръ-Запольскій.* „Мемуары декабристовъ". Кіевъ 1906, стр. 191.

[3]) Письмо А. Бестужева. См. *М. В. Довнаръ-Запольскій.* Идеалы декабристовъ. Москва 1907, стр. 97.

[4]) *М. В. Довнаръ-Запольскій.* Мемуары декабристовъ. Кіевъ 1906, стр. 128—129.

лись въ рукописяхъ. Н. Огаревъ такъ характеризуетъ это время:

Вездѣ шептались. Тетради
Ходили въ спискахъ по рукамъ;
Мы, дѣти, съ робостью во взглядѣ,
Звучащій стихъ свободы ради,
Таясь, твердили по ночамъ[1]).

На развитіе въ Россіи потайной литературы указываетъ и Н. И. Тургеневъ, говоря, что „появилось довольно много произведеній этого рода, замѣчательныхъ то силою эпиграммы, то возвышенностью поэтическаго вдохновенія[2]).

Особенной популярностью пользовались свободолюбивыя стихотворенія Пушкина, которыми зачитывалась вся Россія „Тогда, вспоминаетъ Пущинъ, вездѣ ходили по рукамъ, переписывались и читались его „Деревня", „Ода на свободу", „Ура! въ Россію скачетъ..." и др. мелочи въ томъ же духѣ. Не было живого человѣка, который не зналъ бы его стиховъ... „Пушкина надо сослать въ Сибирь, говорилъ Государь директору царскосельскаго лицея Энгельгардту, онъ наводнилъ Россію возмутительными стихами; вся молодежь наизусть ихъ читаетъ"[3]). Но свободу пѣлъ не одинъ только Пушкинъ; страстнымъ поклонникомъ ея былъ и кн. П. А. Вяземскій, который въ 1818 г. писалъ—

О ты, которая изъ дѣтства
Зажгла во мнѣ священный даръ,
Свобода! Пылкимъ вдохновеньемъ
Я первый русскимъ пѣснопѣньемъ
Тебя привѣтствовать дерзалъ...
Познаютъ пѣснь мою потомки![4])

Этой свободы не видѣлъ въ Россіи поэтъ Н. М. Языковъ, который вообще безотрадно смотрѣлъ на будущее своей родины:

---

[1]) *Балицкій*, т. II, стр. 1.

[2]) *В. И. Семевскій*. Пол. и обш. идеи декабристовъ. Спб. 1909, стр. 231—232.

[3]) Записки И. И. Пущина о Пушкинѣ. Спб. 1907, стр. 46, 53.

[4]) *Кн. П. А. Вяземскій*. Сочиненія, т. III, Спб. 1880, стр. 164.

Свободы гордой вдохновенье,
Тебя не чувствуетъ народъ!
Оно молчитъ, святое мщенье,
И на .... не возстаетъ [1]).

О! долго цѣпи вѣковыя
Съ раменъ отчизны не падутъ,
Столѣтья грозно протекутъ,
И не пробудится Россія [2]).

Тосковалъ по свободѣ и Ѳ. Н. Глинка Въ стихотвореніи „Земная грусть“, посвященномъ В. К. К[юхельбекеру], онъ пишетъ:

Что въ мірѣ мнѣ, гдѣ все на мигъ? Что въ мірѣ,
Гдѣ смерть и... ....?
Душа горитъ желаніемъ свободы—
Дай крылья улетѣть [3]).

Болѣе художественно грусть по свободѣ выражена Глинкой въ „Плачѣ плѣнныхъ іудеевъ“, гдѣ простота и сила языка достигаютъ величія библейской рѣчи—

Сіона пѣсни—гласъ свободы!
Тѣ пѣсни слава намъ дала!
Въ нихъ тайны мы поемъ природы
И Бога дивнаго дѣла!
Нѣмѣй органъ нашъ голосистый,
Какъ занѣмѣлъ нашъ въ рабствѣ духъ!
Не опозоримъ пѣсней чистой:
Не ей ласкать злодѣевъ слухъ!
Увы, неволи дни суровы
Орга́намъ жизни не даютъ:
Рабы, влачащіе оковы,
Высокихъ пѣсенъ не поютъ! [4])

---

[1]) *Лютня I.* Собраніе свободныхъ пѣсенъ. Изд 6-ое. Лейпцигъ, s. a., стр. 238.

[2]) „Элегія“. *Лютня II.* Потаенная литература XIX ст. Лейпцигъ 1874

[3]) „Соревнователь Просвѣщенія“ 1821 г., ч. XVI, стр. 351—352.

[4]) *Ѳ. Глинка.* „Плачъ плѣнныхъ іудеевъ“. См.: „Собраніе новыхъ русскихъ стихотвореній, вышедшихъ въ свѣтъ съ 1821 по 1823 годы“. Ч. I. Спб. 1824, стр 75—76.

Мотивъ объ угнетенномъ состояніи іудейскаго племени, потерявшаго свободу и родину послѣ вавилонскаго плѣненія, привлекъ къ себѣ вниманіе еще другого поэта двадцатыхъ годовъ—В. Н. Григорьева, для котораго это трагическое событіе изъ жизни избраннаго народа также явилось весьма подходящимъ сюжетомъ для выраженія гражданскихъ чувствъ. Григорьевъ перевелъ еврейскую мелодію Байрона „Жалобы израильтянъ“ [1]) и написалъ два оригинальныхъ стихотворенія—„Чувства плѣннаго пѣвца“ и „Паденіе Вавилона“. Первое изъ нихъ полно гнѣва и раздраженія противъ сатрапа, лишившаго свободы „царицу Востока“—страну іудейскую. Гордый пѣвецъ презираетъ жестокую судьбу и робкой пѣснью не хочетъ славить врага.

Нѣтъ! лучше изсохни подъ цѣпью десная,
И пылкое сердце въ неволѣ истлѣй,
Чѣмъ арфу порочить, душѣ измѣняя,
И пѣснію слухъ твой лелѣять, злодѣй! [2])

Во второмъ стихотвореніи описана радость порабощеннаго народа при вѣсти о смерти тирана:

Погибъ тиранъ! Воздѣнемъ къ небу длани!
Давно ли мы, съ поникшею главой,
Несли ему уничиженья дани,
Омытыя кровавою слезой?
Давно ли мечъ, въ крови ненасытимый,
Въ рукѣ убійцъ властительныхъ сверкалъ?
Виновникъ бѣдъ и язвъ неисцѣлимыхъ,
Давно ли онъ народы пожиралъ?
...Конецъ бѣдамъ, конецъ уничиженью,
И иго въ прахъ съ страдальческихъ раменъ!
Свободный днесь ужъ не падетъ твой сынъ
И, опершись на рамена утеса,
Возвысится, какъ мощный исполинъ! [3])

---

[1]) „Соревнователь Просвѣщенія“ 1824 г., ч. XXV. стр. 253—254.
[2]) Ibid., стр. 52—53.
[3]) Ibid., 1822 г., ч. XIX, стр. 76—77.

Начавшаяся на Балканскомъ полуостровѣ борьба грековъ за свою независимость возбудила живое участіе въ русскомъ обществѣ и вызвала цѣлый рядъ стихотвореній, проникнутыхъ гражданскими мотивами. Сюда относятся стихи А. С. Пушкина „Война“ (1821 г.) и „Возстань, о Греція, возстань!“ (1823 г.), подражаніе О. М. Сомова Ардану въ стихотвореніи „Греція“ [1]), два сонета Т. подъ общимъ заглавіемъ „Греція“ [2]), стихотвореніе С. П. „Застольная пѣснь грековъ“ [3]), „Военный гимнъ грековъ“ Риги въ переводахъ Г[нѣдича] и Δ. Σ [4]), „Тиртей въ станѣ грековъ“ Зр. Зотова [5]), „Пѣснь греческихъ воиновъ“ Л. Е. [6]). Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ видно явное сочувствіе греческому возстанію, а въ нѣкоторыхъ высказывается смѣлый призывъ расторгнуть

рабскія вериги
При пѣньи пламенныхъ стиховъ
Тиртея, Байрона и Риги [7]).

Гражданскіе мотивы не ограничивались стихотвореніями и проникали въ прозаическую литературу, находя себѣ мѣсто въ оригинальныхъ и переводныхъ статьяхъ. Ѳ. Н. Глинка въ исторической повѣсти „Зиновій Богданъ Хмѣльницкій, или освобожденная Малороссія“, довольно опредѣленно высказывалъ устами героя повѣсти свои симпатіи къ представительному образу правленія. „Тутъ раскрылъ Зиновій Аглаиму всѣ тайны счастія народнаго. Онъ совѣтовалъ собрать «старѣйшинъ» изъ всѣхъ племенъ для составленія законовъ, свойственныхъ духу народа и времени, а посему твердыхъ, не нарушимыхъ... Свобода, разумѣется, законная, благоразумная, есть одно изъ главнѣйшихъ составныхъ частей счастія народ-

---

[1]) „Сорвн. Просв.“. 1822 г., ч. XVII, стр. 195—198.

[2]) Ibid., 1825 г., ч. XXXI.

[3]) „Мнемозина“ 1824 г., ч. III.

[4]) „Вѣстн. Европы“ 1821 г., ч. CXX. При стихотвореніяхъ находится сл. примѣчаніе редактора: „Здѣсь два перевода: оба съ греческаго языка и предлагаются единственно, какъ произведеніе соплеменника народу, котораго именемъ, страданіями и усиліями наполнены теперь всѣ политическіе журналы и газеты“. См. еще Сочиненія Гнѣдича, т. I, 1884, стр. 188.

[5]) Собраніе новыхъ русскихъ стихотвореній, вышедшихъ съ 1821 по 1823 гг., ч. I, Спб. 1824, стр. 256—262.

[6]) Ibid., стр. 351—352.

[7]) *Пушкинъ*. Изданіе Брокгауза и Ефрона, т. II, Спб. 1908, стр. 179.

наго. Она столь же необходима для государства, какъ свѣтъ для цѣлаго мірозданія и воздухъ для земли нашей. Коснется ли мыслей и чувствъ—они пробуждаются съ невѣроятной быстротой, изливаются съ удивительною истиною. Вотъ слабое изображеніе блаженства народнаго при полномъ развитіи свободы, спасительной для цѣлаго государства, благодѣтельной для каждаго гражданина, законнаго участника въ общемъ благѣ своего отечества" [1]). Въ 1821 г. появилась переведенная Н. А. Бестужевымъ повѣсть Т. Мура „Обожатели огня", гдѣ изображена была борьба угнетенныхъ иранцевъ съ аравійскимъ эмиромъ Али-Гассаномъ. „Тиранъ аравійскій, читаемъ мы въ переводѣ Н. Бестужева, покоится сномъ глубокимъ въ то время, какъ цѣлый народъ вокругъ него проливаетъ слезы и осыпаетъ его проклятіями, тогда, когда тысячи мечей извлечены для отмщенія его воинамъ за оскорбленія, нанесенныя имени Ирана. Сей жестокосердый властитель такъ же спокоенъ посреди плачущихъ несчастливцевъ, какъ и посреди кровавой сѣчи... Но Иранъ, измученный несчастьями, не совсѣмъ еще лишился душъ великихъ, пылающихъ надеждою и мщеніемъ. Много еще въ Иранѣ мечей, готовыхъ для помощи великимъ предпріятіямъ сихъ душъ отважныхъ, и скоро то узнаетъ жестокій эмиръ [2]). Въ подобномъ родѣ были публицистическія статьи А. Бестужева: „Письмо Попа къ епископу Рочестерскому передъ его изгнаніемъ", „Ораторъ" и „Рѣчь лорда Чатама объ американскихъ дѣлахъ 1777 г." [3]).

Приподнятое настроеніе общества и оживленіе въ литературѣ оказывали сильное вліяніе на Рылѣева; степень этого вліянія еще болѣе увеличивалась отъ того, что кругъ его близкихъ знакомыхъ составляли лица, увлеченныя освободительнымъ движеніемъ [4]). Общее возбужденіе захватило Рылѣева и не замедлило сказаться на характерѣ его творчества. Мотивы „легкой" поэзіи отступаютъ въ это время на второй планъ и перестаютъ привлекать вниманіе поэта; мысль его сосредотачивается на болѣе сложныхъ вопросахъ.

---

[1]) „Соревн. Просвѣщенія" 1819 г., ч. VI, стр. 239, 241—243.

[2]) Ibid. 1821 г., ч. XVI, стр. 116—117.

[3]) ibid. 1824 г., № 3, стр. 298—308; № 8, стр. 113—118.

[4]) О либеральной средѣ литераторовъ и общественныхъ дѣятелей, окружавшей Рылѣева въ петербургскій періодъ его жизни, см. выше (Біографическій очеркъ, стр. 85—93).

Любовь никакъ не идетъ на умъ:
Увы! моя отчизна страждетъ;
Душа въ волненьи тяжкихъ думъ
Теперь одной свободы жаждетъ [1]).

Съ негодованіемъ отвергаетъ теперь Рылѣевъ предложеніе одного своего знакомаго поселиться навсегда въ деревнѣ и предаться спокойной жизни среди украинскихъ степей:

Чтобъ я младые годы
Лѣнивымъ сномъ убилъ!
Чтобъ я не поспѣшилъ
Подъ знамена свободы!
Нѣтъ! нѣтъ! тому во вѣкъ
Со мною не случиться .. [2])

Гражданскія идеи все чаще и чаще проникаютъ въ произведенія Рылѣева и съ теченіемъ времени становятся господствующимъ мотивомъ его поэзіи. Всѣ болѣе или менѣе значительныя стихотворенія, относящіяся къ этой порѣ его дѣятельности, носятъ на себѣ яркую печать гражданственности и свидѣтельствуютъ о высокомъ патріотическомъ воодушевленіи поэта.

Первое гражданское произведеніе, съ которымъ выступилъ Рылѣевъ въ печати, была сатира „Къ Временщику“, появившаяся въ октябрьской книжкѣ „Невскаго Зрителя“ 1820 г. Смѣлая и рѣзкая, эта сатира обратила всеобщее вниманіе на молодого поэта, будучи направлена противъ могущественнаго въ то время Аракчеева.

Имя послѣдняго хорошо извѣстно было всѣмъ во вторую половину царствованія Александра I. Грозный временщикъ жестокой своей политикой возбудилъ негодованіе въ широкихъ слояхъ русскаго общества. Простонародье—солдаты слагали объ Аракчеевѣ пѣсни, изображая его въ нихъ грабителемъ солдатскаго достоянія:

Какъ по рѣчкѣ, по рѣчкѣ,
По матушкѣ, по Невѣ,
Лехка лодочка плыветъ.

[1]) *Балицкій*, т. I, стр. 163.
[2]) Ibid., стр. 160.

...Хорошо гребцы гребутъ,
Весёлы пѣсни поютъ,
Разговоры говорятъ,
Все Рахчеева бранятъ:
„Ты, Рахчеевъ, осподинъ,
За столомъ сидишь единъ,
Передъ нимъ водки графинъ,
Пропиваешь, проѣдаешь
Наше жалованьё,
Что другоё, трудовоё,
Третьё—денежноё [1])

Въ интеллигентныхъ кругахъ личность Аракчеева возбуждала къ себѣ чувство глубокаго презрѣнія: о немъ говорили, какъ о грубомъ гатчинскомъ капралѣ, „необузданномъ деспотѣ, который самовластно управлялъ государствомъ".—„Всѣ, даже самые преданные государю люди, вспоминаетъ Завалишинъ, возмущались и не таили своего негодованія, видя униженіе и раболѣпство передъ временщикомъ, доходившее до крайности, и слыша, какъ важныя даже лица не только пресмыкались передъ самимъ Аракчеевымъ, но и льстили грубой его наложницѣ" [2]). Отраженіемъ этого общественнаго возмущенія и недовольства была сатира Рылѣева „Къ Временщику". Появленіе ея произвело сильное впечатлѣніе на современниковъ.

Н. Бестужевъ въ своихъ воспоминаніяхъ очень живо обрисовалъ ту обстановку, среди которой появилась сатира Рылѣева.—„Все государство трепетало подъ желѣзною рукой любимца-правителя. Никто не смѣлъ жаловаться. Едва возникалъ малѣйшій ропотъ—и на вѣчно исчезалъ въ пустыняхъ Сибири или въ смрадныхъ склепахъ крѣпостей. Въ такомъ положеніи была Россія, когда Рылѣевъ громко и всенародно вызвалъ временщика на судъ истины; когда назвалъ его дѣянія, опредѣлилъ имъ цѣну и смѣло предалъ проклятію потомства слѣпую или умышленную покорность вельможи для правленія отечества. Нельзя представить изумленія, ужаса, даже, можно сказать, оцѣпенѣнія, какимъ поражены были жители столицы при сихъ неслыханныхъ звукахъ правды и укоризны, при сей борьбѣ младенца

[1]) Аракчеевщина: разсказы, стихи и пѣсни его времени. „Рус. Стар." 1872 г., т. VI, стр. 594—595.

[2]) Записки Д. И. Завалишина, т. I, München 1904, стр. 194.

съ великаномъ. Всѣ думали, что громы каръ грянутъ, истребятъ дерзновеннаго поэта и тѣхъ, которые внимали ему; но изображеніе было слишкомъ вѣрно, очень близко, чтобы обиженному вельможѣ осмѣлиться узнать себя въ сатирѣ. Онъ постыдился признаться явно. Туча пронеслась мимо; оковы оцѣпенѣнія расторглись и глухой шопотъ одобренія былъ наградою юнаго, правдиваго поэта. Это былъ первый ударъ, нанесенный Рылѣевымъ самовластію. Многіе не видятъ нравственнаго послѣдствія его сатиры; но она научила и показала, что можно говорить истину, не опасаясь: можно судить о дѣйствіяхъ власти и вызывать сильныхъ на судъ народный" [1])

Литературнымъ образцомъ для Рылѣева, послужила сатира Милонова „Къ Рубеллію" (переводъ изъ Персія): первоначально она появилась въ „Цвѣтникѣ" 1810 г. [2]); въ 1814 г. П. Никольскій издалъ ее въ „Пантеонѣ русской поэзіи" [3]); въ 1819 г. сатира вошла въ собраніе сочиненій Милонова [4]).

Вліяніе этой сатиры на Рылѣева было весьма значительно: при сравненіи ея съ произведеніемъ Рылѣева можно видѣть много об-

---

[1]) *Балицкій*, т. I, стр. 22—23.

[2]) Журналъ, изд. А. Е. Измайловымъ, см. № 10, стр. 63—67.

[3]) Ч. III, кн. V, стр. 51—54.

[4]) Сатиры, посланія и другія мелкія стихотворенія М. Милонова. Спб. 1819, стр. 10—13. Мих. Вас. Милоновъ (1792—1821 г.), которому подражалъ Рылѣевъ въ своей сатирѣ, былъ довольно извѣстнымъ писателемъ въ началѣ прошлаго вѣка; сатирами его зачитывались современники. „Если [Милонова] нельзя назвать геніемъ (извѣстно, что геній есть на землѣ вѣковое явленіе), писалъ Плетневъ, разбирая произведенія Милонова, то, по крайней мѣрѣ, онъ долго будетъ занимать у насъ блистательное мѣсто въ кругу отличныхъ поэтовъ. Не извѣстно, чѣмъ бы онъ окончилъ, если бы у насъ судьба не похитила его въ раннихъ лѣтахъ. Онъ умеръ только около тридцати лѣтъ отъ роду". По поводу сатиры „Къ Рубеллію" Плетневъ замѣчалъ: „Вотъ стихи, достойные разгнѣваннаго Римлянина! Эта сатира отличается отъ прочихъ какимъ то лирическимъ духомъ. Въ каждомъ стихѣ необыкновенная сила, а въ періодахъ сжатость мысли" („Сорев. Просвѣщенія", ч. XVII, Спб. 1822, стр. 31—32). Сочиненія Милонова печатались во многихъ журналахъ и сборникахъ стихотвореній нач. XIX в. („Спб. Вѣстникъ", „Цвѣтникъ", „Чтенія въ Бесѣдѣ любит. рус. слова", „Собраніе образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ", изд. 2-ое, чч. I—VI. Спб. 1820—22; „Собраніе новыхъ рус. стихотвореній." ч. I—II. Спб. 1824—26 и др.) Автографы нѣкоторыхъ произведеній Милонова („Къ Патріотамъ", „Мысли при погребеніи Б.", „Ночь, подражаніе Йонгу" и др.) хранятся въ библіотекѣ Спб. университета, среди бумагъ архива Общества Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ; нѣкоторые изъ нихъ, насколько намъ извѣстно, до сихъ поръ неизданы.

щаго: размѣръ стиха, отдѣльныя выраженія, наконецъ общее негодующее настроеніе обоихъ авторовъ—одни и тѣ же. Во многихъ стихахъ Рылѣевъ повторяетъ мысли, высказанныя въ переводѣ Милонова. Ср.:

„Къ Рубеллію", сатира Персія.

Пер. М. Милонова.

Царя коварный льстецъ, вельможа напыщенный,
Въ сердечной глубинѣ таящій злобы ядъ,
Не доблестьми души, *пронырствомъ вознесенный*,
Ты мещешь на меня съ презрѣніемъ твой взглядъ!
Почту ль вниманіе твое ко мнѣ хвалою?
Унижуся ли тѣмъ, что униженъ тобою?
Одно достоинство и счастье для меня,
Что чувствами души съ тобой не равенъ я!
Что твой минутный блескъ, что *санъ твой горделивой?*
Стыдъ смертнымъ—и укоръ судьбѣ несправедливой!
Стать лучше на ряду послѣднихъ Плебеянъ,
Чѣмъ выситься на смѣхъ, позоръ своихъ гражданъ;
...Когда величіемъ прямымъ не одаренъ,
Что пользы, что судьбой я буду вознесенъ?
...Рубеллій! Титла лишь съ *достоинствомъ почтенны*,
...Ты думаешь сокрыть дѣла свои отъ міра:
Въ мракъ гроба? Но и тамъ потомство ихъ найдетъ,
Пусть цѣлый міръ къ стопамъ твоимъ падетъ,
Рубеллій! *Трепещи*: есть Персій и сатира! [1])

„Къ Временщику", сатира Рылѣева

(Подражаніе Персіевой сатирѣ „Къ Рубеллію").

Надменный временщикъ, и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстецъ и другъ неблагодарный,
Неистовый тиранъ родной страны своей,
Взнесенный въ важный санъ *пронырствами*, злодѣй!
Ты на меня взирать съ презрѣніемъ дерзаешь,
И въ грозномъ взорѣ мнѣ свой ярый гнѣвъ являешь.
Твоимъ вниманіемъ не дорожу, подлецъ!
Изъ устъ твоихъ хула—достойныхъ хвалъ вѣнецъ!

[1]) Сатиры. М. Милонова. Спб. 1819, стр. 10—13.

Смѣюсь мнѣ сдѣланнымъ тобою униженьямъ!
Могу ль унизиться твоимъ пренебреженьемъ,
Коль самъ съ презрѣніемъ я на тебя гляжу,
И гордъ, что чувствъ твоихъ въ себѣ не нахожу.
Что сей кимвальный звукъ твоей мгновенной славы?
Что власть ужасная и *санъ твой величавый?*
Ахъ! лучше скрыть себя въ безвѣстности простой,
Чѣмъ съ низкими страстьми и подлою душой
Себя, для строгаго своихъ согражданъ взора,
На судъ ихъ выставлять, какъ будто для позора!
Что пользы въ санѣ мнѣ и въ почестяхъ моихъ?
Не санъ, не родъ—одни *достоинства почтенны.*
Подъ лицемѣріемъ ты мыслишь, можетъ быть,
Отъ взора общаго причины зла укрыть...
...Но свойства злобныя души не утаишь.
...Все *трепещи* тиранъ! За зло и вѣроломство
Тебѣ свой приговоръ произнесетъ потомство [1]).

Слѣдующіе стихи въ сатирѣ Рылѣева опредѣленно указывали на Аракчеева:

Твои дѣла тебя изобличатъ народу:
Познаетъ онъ, что ты стѣснялъ его свободу,
Налогомъ тягостнымъ довелъ до нищеты,
Селенія лишилъ ихъ прежней красоты.

Современники видѣли здѣсь прямое указаніе на „военныя поселенія" и на ту жестокость, которую проявилъ Аракчеевъ при усмиреніи бунтующихъ новопоселенцевъ [2]).

[1]) *Балицкій*, т. I, стр. 153—154.

[2]) Ср. подобный мотивъ въ пѣснѣ „Гласъ вопіющаго въ военныхъ поселеніяхъ":

Жизнь въ военномъ поселеньи
Настоящее мученіе—
Только не для всѣхъ.
Поселяне голодаютъ,
За то власти поживаютъ
Очень хорошо
...На бумагѣ—все прекрасно,
А на дѣлѣ—такъ ужасно,
Хоть не говори!

„Рус. Стар." 1872 г., т. VI, стр. 592—593)

Кромѣ сатиры „Къ Временщику“, личности Аракчеева Рылѣевъ коснулся позже въ пѣснѣ „Ахъ, тошно мнѣ...“; обрисовавъ здѣсь тяжелое положеніе крестьянъ въ Россіи, Рылѣевъ называетъ Аракчеева главнымъ виновникомъ всѣхъ бѣдъ:

Всѣхъ затѣевъ
Аракчеевъ,
И всему тому виной.
Онъ царя подстрекнетъ,
Царь указъ подмахнетъ;
Ему шутка,
А намъ жутко,
Томно такъ, что ой, ой, ой! [1])

Стихотворенія Рылѣева не были въ литературѣ одинокимъ вызовомъ временщику: одновременно съ нимъ и Пушкинъ писалъ эпиграммы на Аракчеева (1820):

Всей Россіи притѣснитель,
Губернаторовъ мучитель,
И Совѣта онъ учитель,
А царю онъ—другъ и братъ.
Полонъ злобы, полонъ мести,
Безъ ума, безъ чувствъ, безъ чести—
Кто жъ онъ „преданный безъ лести“?
Просто фрунтовой солдатъ.

Холопъ ...солдата!
Благодари свою судьбу:
Ты стоишь лавровъ Герострата,
Иль смерти нѣмца Коцебу,
А впрочемъ . . . . . [2]).

Въ стихотвореніи Н. И. Греча „Временщикъ временъ Рима“ (пер. съ латинскаго) современники видѣли ясные намеки на Аракчеева.

Для болѣе полной характеристики общественнаго настроенія по отношенію къ Аракчееву, мы приведемъ еще два стихотворенія отъ той поры, исполненныхъ желчной злобы и негодованія противъ ненавистнаго временщика. Одно изъ нихъ писано анонимнымъ авторомъ по образцу виршей XVIII вѣка; сохранилось оно въ руко-

---

[1]) *Балицкій*, т. I, стр. 169.

[2]) Сочиненія Пушкина, изд. Бр.-Ефр.; т. II, Спб. 1908, стр. 7.

писномъ сборникѣ временъ Аракчеевщины и впослѣдствіи поступило въ редакцію „Русской Старины“ среди бумагъ П. П. К.:

„Безъ лести преданный!“ Врагу преданный льстецъ.
Добыча адская и черныхъ книгъ писецъ!
Во адѣ по дѣламъ своимъ ты стоишь обелиска;
Объ этомъ уже есть у сатаны записка.
Ты—пища вѣчная предвѣчнаго огня.
Ты—адскихъ фурій братъ, ты—чортова родня;
Тебя самъ чортъ кроилъ, ты цѣлымъ адомъ шитый,
Куда тебѣ готовъ давно и листъ открытый.
О хитрый временщикъ! Царь, лестью упоенный.
Не зритъ въ тебѣ того, что видитъ царь вселенной:
Что цѣлая тобой разорена страна,
Что въ пышныхъ житницахъ въ запасѣ нѣтъ зерна,
Что жизнію людей ты осушаешь блата,
Что пухнутъ безъ соли, тиранятъ что солдата,
Что хлѣба даннаго на мѣсяцъ не стаетъ,
Что высохшую грудь младенецъ не сосетъ.
Что въ тридцати селахъ телицы нѣту млечной,
Что равнодушно зритъ мать сонъ дитяти вѣчный! [1])

Другое стихотвореніе, посвященное Аракчееву, носитъ названіе „Дни моего отчаянія“; авторъ его, подпоручикъ Путята, привлекался къ отвѣтственности за участіе въ заговорѣ декабристовъ: среди другихъ документовъ въ дѣлѣ Путяты сохранилось и названное стихотвореніе; по силѣ своего негодованія оно не уступаетъ вышеприведеннымъ стихамъ; употребленіе же такихъ словъ и выраженій, какъ „коварный льстецъ“, „злодѣй“, „подлецъ“, „чьи разорилъ селенья ты“, допускаетъ возможность непосредственнаго вліянія сатиры Рылѣева на произведеніе Путяты.

...Тебя въ примѣръ я поставляю,
Уполномоченный злодѣй!
Твои дѣла изображаю:
Ты врагъ отчизны, льстецъ царей.

---

[1]) „Рус. Старина“ 1872 г., т. VI, стр. 596.

Ты бичъ столь славнаго народа
Ты самый ядовитый змѣй,
Не человѣкъ, а чародѣй.
Тобой гнушается природа:
Она извѣстна, что коварный
Сего ты времени подлецъ.
Самолюбивый и тщеславный
Рушитель благъ ты общихъ, льстецъ!
Ты адъ въ самомъ себѣ вмѣщаешь,
Твоя душа, какъ ты, черна,
Однимъ невѣжествомъ полна,
Кое ты пользой называешь.
Взгляни на пользу твоихъ дѣлъ:
Чьи разорилъ селенья ты,
Лишилъ того, что кто имѣлъ,
И сдѣлалъ жертвой нищеты?
Привелъ народъ въ подобостастья,
Открылъ жестокости слѣды;
Какіе же съ того плоды?
Лишь только всѣмъ одни несчастья[1]).

Вчитываясь во всѣ эти произведенія и переносясь мысленно къ тому времени, когда они появлялись, мы вполнѣ пойметъ тѣ чувства глубокаго возмущенія, какія возбуждалъ къ себѣ Аракчеевъ у современниковъ, и то настроеніе, какое испытывалъ Рылѣевъ, создавая свою сатиру „Къ Временщику“.

Бросая вызовъ Аракчееву, Рылѣевъ не оставилъ безъ вниманія и злоупотребленій другихъ, болѣе мелкихъ представителей русской администраціи. Особенно возмущался онъ чрезмѣрнымъ взяточничествомъ, которое въ провинціяхъ превратилось въ сплошной грабежъ. Жалобы на лихоимство мы встрѣчаемъ въ письмѣ его къ Булгарину отъ 8 авг. 1821 г. изъ слободы Подгорной, Ворон. губ.: „Холодъ обдаетъ меня, пишетъ Рылѣевъ, когда я вспомню, что, кромѣ множества разныхъ заботъ, меня ожидаютъ въ [Петербургѣ] мучительныя крючкотворства неугомоннаго и ненасытнаго рода приказныхъ...

---

[1]) „Дѣло“ подпоручика Путяты. См. *Довнаръ-Запольскій*. Идеалы декабристовъ. Москва 1907, стр. 112.

Когда отъ русскаго меча
Легли монголы въ прахъ, стеная,
Россію Богъ карать не преставая,
Столь многочисленный, какъ саранча,
Приказныхъ родъ въ странахъ ея обширныхъ
Повсюду разселилъ,
Чтобы сердца согражданъ мирныхъ
Онъ завсегда, какъ червь, точилъ...

Ты, любезный другъ, на себѣ испыталъ безсовѣстную алчность ихъ въ Петербургѣ; но въ столицахъ приказные нѣкоторымъ образомъ еще сносны... Если бы ты видѣлъ ихъ въ русскихъ провинціяхъ—это настоящіе кровопійцы, и я увѣренъ, что ни хищныя татарскія орды во время своихъ нашествій, ни твои давно просвѣщенные соотечественники въ страшную годину междуцарствія не принесли Россіи столько зла, какъ сіе лютое отродіе. . Въ столицахъ берутъ только съ того, кто имѣетъ дѣло, здѣсь—со всѣхъ... Предводители, судьи, засѣдатели, секретари и даже копіисты имѣютъ постоянные доходы отъ своего грабежа; а исправники... свирѣпствуютъ въ уѣздахъ" [1]).

Гражданскій элементъ выступаетъ не только въ тѣхъ произведеніяхъ Рылѣева, гдѣ онъ критически относится къ ненормальнымъ явленіямъ русской жизни. Болѣе замѣтно и болѣе художественно сказывается онъ въ тѣхъ случаяхъ, когда поэтъ затрагиваетъ вопросы гражданской свободы. Этихъ вопросовъ Рылѣеву пришлось коснуться подъ вліяніемъ событій на балканскомъ полуостровѣ. Греческое возстаніе, вызвавъ горячее сочувствіе русскаго общества, заставило и Рылѣева съ живымъ участіемъ отнестись къ борьбѣ грековъ за независимость; въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ онъ говоритъ о вспыхнувшей на югѣ борьбѣ за свободу. Въ „Пустынѣ" устами отставного майора Рылѣевъ выражаетъ сожалѣніе, что не можетъ летѣть туда—въ Морею, гдѣ,

Поднявъ свободы знамя,
Грекъ оттоману мститъ!

---

[1]) *Балицкій*, т II, стр. 158—159.

Въ одѣ „Александру I“ поэтъ приглашаетъ императора прійти на помощь храброму народу, истощившему свои силы въ борьбѣ за родину—

Смотри – священная война!
Земля потомковъ Ѳемистокла
Костьми сыновъ удобрена
И кровью греческой промокла.
Быть можетъ, яростью дыша,
Эллады женъ не внемля стону,
Аѳины взявъ, Кудришъ-паша
Крушитъ послѣднюю колонну[1]).

Когда въ 1821 г. распространился въ обществѣ слухъ, будто отозванный изъ Кавказа генералъ А. П. Ермоловъ назначается главнокомандующимъ русской арміи въ войнѣ за освобожденіе Греціи, Рылѣевъ съ энтузіазмомъ привѣтствовалъ этого полководца, и обращаясь къ нему, какъ вѣрному сыну Россіи и надеждѣ согражданъ, торопилъ его спасать сыновъ Эллады:

Узрѣвъ тебя, любимецъ славы,
По манію твоей руки,
Съ врагами лютыми, какъ вихрь, на бой кровавый
Помчатся грозные полки.
И цѣпи сбросивши невольничьяго страха,
Какъ фениксъ молодой,
Воскреснетъ Греція изъ праха
И съ древней доблестью ударитъ за тобой![2])

---

[1]) *Лютня I.* Собраніе свободныхъ русскихъ пѣсенъ и стихотвореній. Изд. 6 ое. Лейпцигъ, s. a., стр. 31—32. См. также эту оду въ „Библіотекѣ русскихъ авторовъ. Т. II. Собраніе стихотвореній декабристовъ“. Лейпцигъ. F. A. Brockhaus. 1863, стр. 199—201.

[2]) *Балицкій*, т. I, стр. 180: „А. П. Ермолову“. Этотъ храбрый генералъ, отличавшійся либеральнымъ образомъ мыслей, пользовался большими симпатіями въ кругу молодыхъ писателей 20-хъ годовъ; онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ Грибоѣдовымъ; Рылѣевъ и А. Бестужевъ въ знакъ уваженія переслали ему въ 1823 г. „Полярную Звѣзду“, и онъ въ письмѣ отъ 7 іюня 1823 г. изъ Тифлиса благодарилъ Бестужева и его „достойнаго сотрудника Рылѣева“ за оказанное вниманіе („Рус. Стар.“ 1888 г., т. LX). Либерализмъ Ермолова въ правительственныхъ кругахъ вызывалъ немалыя подозрѣнія. Впослѣдствіи имп. Николай Павловичъ относился къ Ермолову недо-

Такимъ образомъ, съ переѣздомъ въ Петербургъ новая струя влилась въ лирику Рылѣева. Освободительное движеніе, увлекшее поэта, заставило его взамѣнъ личныхъ чувствъ обратиться къ болѣе широкимъ идеаламъ гражданскаго характера. „Общественное благо“ сдѣлалось основнымъ мотивомъ его творчества, который съ конца 1821 года сталъ замѣтно выступать въ его произведеніяхъ. Самъ поэтъ послѣ долгихъ исканій, выразившихся въ цѣломъ рядѣ произведеній съ пестрымъ и разнообразнымъ содержаніемъ, нашелъ наконецъ настоящую дорогу для своего таланта и въ формѣ гражданской лирики началъ выражать волновавшія его чувства; въ 1821 году Рылѣевъ ясно сознавалъ себя поэтомъ-гражданиномъ и въ посланіи „Къ А. А. Бестужеву“ опредѣленно указывалъ, что гражданское воодушевленіе является залогомъ его поэтическаго успѣха:

—Моя душа до гроба сохранитъ
Высокихъ думъ кипящую отвагу!
Мой другъ, не даромъ въ юношѣ горитъ
Любовь къ общественному благу!
Въ чью грудь порой тѣснится цѣлый свѣтъ,
Кого съ земли восторгъ души уноситъ,
На зло врагамъ тотъ завсегда поэтъ,
Тотъ славы *требуетъ*, не проситъ! [1])

Отъ современныхъ явленій Рылѣевъ не замедлилъ перейти къ прошлой жизни русскаго народа и здѣсь въ рамкахъ историческихъ событій началъ высказывать воодушевлявшія его идеи. Впервые этотъ историческій элементъ мы замѣчаемъ въ его думахъ, къ разсмотрѣнію которыхъ теперь и обратимся.

вѣрчиво, подъ вліяніемъ, вѣроятно, донесеній тайной полиціи: въ январѣ 1826 г. одинъ агентъ доносилъ: „всѣ питаются надеждой, что Ермоловъ съ корпусомъ не приметъ присяги“. (*П. Е. Щеголевъ.* Грибоѣдовъ и декабристы. Спб. 1905, стр. 37). Ермолову посвящена трагедія Я. Княжнина „Владисанъ“; въ посвященіи авторъ писалъ:

Твоей чувствительной душѣ и благородной
Я отдаю сіе твореніе на судъ.
(Собраніе сочиненій Я. Княжнина, т. III. Москва 1802).

[1]) *Балицкій*, т. I, стр. 164.

Глава четвертая.

„Думы“ Рылѣева.

Историческіе сюжеты въ литературѣ до Рылѣева—въ произведеніяхъ ложноклассиковъ, сентименталистовъ и романтиковъ. Пріемы Рылѣева въ обращеніи съ историческимъ прошлымъ. Польская дума, какъ образецъ для думъ Рылѣева. Польско-русскія отношенія въ нач. XIX в. Польскія симпатіи Рылѣева; отношеніе его къ Нѣмцевичу; переписка ихъ. „Spiewy Historyczne“ Нѣмцевича и „Думы“ Рылѣева. Историческіе и литературные источники думъ. Отношеніе современниковъ къ думамъ. Подражанія. Переводы на иностранные языки. Н. П. Огаревъ о думахъ Рылѣева.

Въ обращеніи къ историческимъ сюжетамъ Рылѣевъ не былъ оригиналенъ: историческій элементъ задолго до него началъ проникать въ нашу литературу; его мы видимъ еще въ періодъ кіевской учености—въ школьной драмѣ нач. XVIII в. [1]); во второй половинѣ этого столѣтія интересъ къ прошлому проявляется еще болѣе замѣтно.

Пробудившееся со времени Петра I національное самосознаніе заставляло нерѣдко нашихъ писателей обращаться къ историческимъ сюжетамъ и описывать въ своихъ произведеніяхъ различныя событія

---

[1]) См. трагедо-комедію Ѳ. Прокоповича „Владиміръ“ и драму Ѳ. Трофимовича „Милость Божія“. Что же касается виршевой литературы XVII—XVIII вв. (вирши о Б. Хмѣльницкомъ, о пораженіи козаковъ подъ Берестечкомъ, Острожскій ляментъ, вирши о Сагайдачномъ), въ ней отразились преимущественно интересы только текущаго момента; вслѣдствіе этого подобныя произведенія съ нашей точки зрѣнія являются не историческими, а скорѣе публицистическими.

изъ жизни русскаго народа. Господствовавшій тогда у насъ ложноклассицизмъ не препятствовалъ этому вторженію исторіи въ область литературы: историческій элементъ не противорѣчилъ основнымъ требованіямъ ложноклассической теоріи и въ нѣкоторыхъ случаяхъ являлся даже необходимымъ. Торжественная поэма въ основѣ своей требовала историческаго событія, и Херасковъ въ своихъ поэмахъ „Владиміръ" и „Россіада" отправлялся отъ дѣйствительныхъ историческихъ фактовъ—обращенія св. Владиміра въ христіанство и покоренія казанскаго царства. Но объ исторической правдѣ при этомъ не заботились. „Въ эпической поэмѣ", писалъ Херасковъ [1]) „вѣрности исторической искать не возможно. Многое отметалъ я, переносилъ изъ одного времени въ другое, изобрѣталъ, украшалъ, творилъ и созидалъ!" Равнымъ образомъ драматурги ложноклассики не стремились къ воспроизведенію исторической обстановки и пользовались фактами прошлой жизни въ цѣляхъ нравственнаго воздѣйствія на читателей. Смѣшивая поэзію съ „наукою", они вводили въ свои произведенія назидательный, дидактическій элементъ [2]); въ силу этого они сосредоточивали свое вниманіе на психологіи героевъ, на ихъ страстяхъ и почти все содержаніе пьесы строили на описаніи общечеловѣческихъ чувствъ—любви, ненависти, ревности, самоотверженія, долга, неубузданной страсти, властолюбія и т. п. Выдвигая на первое мѣсто психологическій анализъ, ложноклассики въ самыхъ общихъ чертахъ касались историческихъ сюжетовъ, до такой степени общихъ, что эти сюжеты почти утрачивали значеніе „историческихъ". Въ подобномъ родѣ были трагедіи Ломоносова („Тамира и Селимъ"), Хераскова („Освобожденная Москва"), Сумарокова („Димитрій Самозванецъ", „Мстиславъ"), Озерова („Димитрій Донской", „Ярополкъ и Олегъ"), С. Глинки („Наталья, боярская дочь", „Михаилъ, князь Черниговскій") и др.

На ряду съ этимъ ложноклассическая драма пользовалась исторіей и для проведенія тѣхъ или иныхъ политическихъ идей. Такъ, напримѣръ, Княжнинъ въ „Вадимѣ Новгородскомъ" опредѣленно

[1]) *Россіяда*. Ироническая поема. Москва 1779. Предисловіе.

[2]) *А. Кругляго*. „О теоріи поэзіи въ русской литературѣ XVIII ст." Спб 1893, стр 16—20, 74.

высказывалъ свои республиканскія симпатіи, тогда какъ въ произведеніяхъ Екатерины II свободная форма шекспировскихъ хроникъ нерѣдко соединялась съ политической тенденціей въ духѣ просвѣщеннаго абсолютизма (ср. ея „Историческое представленіе изъ жизни Рюрика“, „Начальное управленіе Олега“).

У сентименталистовъ историческій элементъ мы видимъ въ романѣ; первую попытку создать русскій историческій романъ сдѣлалъ Карамзинъ („Наталья, боярская дочь“, „Марѳа Посадница“) и Жуковскій („Вадимъ Новгородскій“, „Марьина роща“, „Три пояса“). По ихъ слѣдамъ пошли Ѳ. Н. Глинка („Зиновій Богданъ Хмѣльницкій“), Гераковъ („Князь Меншиковъ“), неизвѣстный авторъ повѣсти „Ксенія, княгиня Галицкая“, П. Казотти („Б-въ и М-въ“...), В. З. („Наталія Т-тч-ва и Н-ы-нъ“) и мн. др. [1]).

Всѣ эти писатели видѣли въ историческихъ сюжетахъ лишь извѣстный фонъ для выраженія обычныхъ настроеній сентиментализма и дальше соблюденія нѣкоторой внѣшней декоративной историчности не шли [2]).

Въ дальнѣйшемъ развитіи историческаго жанра—въ романахъ и повѣстяхъ А. Бестужева, Пушкина, Лажечникова, Сомова, Булгарина, Загоскина, Погодина, Полевого и др. историческій элементъ выступаетъ болѣе явственно. Въ своихъ произведеніяхъ эти писатели иначе относятся къ историческимъ сюжетамъ. Главной задачей ихъ является возсозданіе картинъ прошлой жизни, и потому они стремятся къ исторической правдѣ. Причину такого измѣненія въ обращеніи съ историческими сюжетами надо искать въ современныхъ литературныхъ теченіяхъ—въ томъ сложномъ литературно-философскомъ движеніи, которое въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ стало проникать къ намъ съ Запада. Теоретики романтизма среди другихъ вопросовъ (свобода и независимость генія, идеалистическая основа искусства, индивидуальное начало въ поэзіи) выдвигали и вопросъ о народности въ литературѣ; указывалось при этомъ, что литература должна быть національнымъ самовыраженіемъ,

[1]) См. объ историч. романѣ у *В. В. Сиповскаго*. Очерки изъ исторіи рус. романа (Т. I, вып. 1, Спб. 1909, стр. 464—475; вып. 2, Спб. 1910, стр. 721—734) и у *Н. Бѣлозерской*. В. Т. Нарѣжный. Спб. 1896, стр. 58—68.

[2]) *А. Веселовскій*. В. А. Жуковскій. Спб. 1904, гл. XV.

что въ ней должны отражаться народная психологія и вообще духъ той или другой націи въ ея прошломъ и настоящемъ. Романтическій культъ старины особенно расцвѣлъ послѣ знакомства съ романами Вальтеръ-Скотта, которые въ русской литературѣ становятся извѣстны съ 1820-хъ годовъ[1]).

Въ этотъ періодъ, когда старая ложно-классическая точка зрѣнія начала постепенно смѣняться новой—романтической, при которой историческая правда находила все больше реальныхъ чертъ для своего изображенія, въ это время стали появляться историческія думы Рылѣева (1821—1823 гг.)[2]).

Причины, вліявшія на обращеніе Рылѣева къ историческимъ сюжетамъ, лежатъ въ томъ приподнятомъ интересѣ къ прошлому русской земли, который такъ характеренъ былъ для нашего общества начала прошлаго вѣка. Стоитъ вспомнить, какое впечатлѣніе произвела въ это время „Исторія Государства Россійскаго" Карамзина, появленіе которой было предметомъ національной гордости современниковъ. Декабристъ Н. И. Лореръ въ своихъ запискахъ отмѣчаетъ, какъ живо интересовались тогда девятымъ томомъ „Исторіи": „его жадно читали, такъ что, по выраженію одного изъ товарищей, въ Петербургѣ оттого только такая пустота на улицахъ, что всѣ углублены въ царствованіе Іоанна Грознаго" [3]). И этотъ трудъ Карамзина не былъ единственнымъ произведеніемъ, посвященнымъ исторіи русской земли: историческія статьи, изслѣдованія и матеріалы часто печатались въ современныхъ журналахъ, выходили отдѣльными изданіями[4]): Общество Соревнователей Просвѣщенія, въ

[1]) О нихъ см. у г. *Замотина*. „Романтическій идеализмъ". Спб. 1907, стр. 324 и у *В. В. Сиповскаго*. Изъ исторіи рус. романа и повѣсти. Спб. 1903, стр. 284 и сл.

[2]) См. выше, стр. 2, 3, 80.

[3]) Изъ записокъ Н. И. Лорера. „Русское Богатство" 1904 г., № 3, стр. 68.

[4]) Изъ журналовъ, въ которыхъ издавались различныя изслѣдованія и матеріалы по древнему и новому періоду русской исторіи, назовемъ: „Труды и записки Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ", „Отеч. записки" П. П. Свиньина, „Вѣст. Европы" М. Т. Каченовскаго, „Русскій Вѣстникъ" С. Н. Глинки, „Историческій, статист. и географич. журналъ", „Сибирскій Вѣстникъ" Гр. Спасскаго, „Сѣверный Архивъ" Ѳ. Булгарина; кромѣ того, историческіе матеріалы выходили и отдѣльными изданіями, напр.: Записки Ман-

которомъ Рылѣевъ принималъ дѣятельное участіе, также удѣляло много вниманія историческимъ вопросамъ [1]).

Въ кругу литераторовъ прошлое возбуждало къ себѣ живое вниманіе. Когда Грибоѣдовъ посѣтилъ въ 1825 году Кіевъ, онъ весь погруженъ былъ въ историческія воспоминанія: передъ нимъ рисовалась родная старина, въ которую онъ вкладывалъ идеалистическія представленія о народной славѣ: „Я въ древнемъ Кіевѣ, писалъ онъ Одоевскому; здѣсь я прожилъ съ умершими: Владиміры и Изяславы совершенно овладѣли моимъ воображеніемъ за; ними едва всколзь замѣтилъ я настоящее поколѣніе“ [2]).

Въ это же время и Пушкинъ побуждалъ Гнѣдича обратиться къ разработкѣ историческихъ сюжетовъ и создать эпическую поэму изъ русской жизни: „Тѣнь Святослава, писалъ онъ въ 1825 г., скитается невоспѣтая... А Владиміръ? А Мстиславъ? А Донской? А Ермакъ? А Пожарской? Исторія народа принадлежитъ поэту“ [3]).

Общій интересъ къ историческому прошлому оказывалъ, несомнѣнно, вліяніе на Рылѣева, который самъ живо интересовался историческими вопросами и еще въ 1814 году читалъ „историческія описанія славныхъ вѣковъ Рима и древней Греціи“ [4]); статьи его о просвѣщеніи въ Западной Европѣ въ средніе вѣка, статья объ Остро-

---

штейна (1810 г.), Лаврентьевская лѣтопись (изд. проф. Тимковскимъ въ 1811 и 1812 г.; 2-е изд. 1824 г. съ доп. и пред. Калайдовича), „Собраніе госуд. грамотъ и договоровъ“ (съ 1813 г.), „Софійскій Временникъ“ И. Строева (1821 г.), Записки кн. Я. И. Шаховскаго (2 чч. М. 1810, 2-ое изд. Спб. 1821 г.) и др.

[1]) На засѣданіяхъ его нерѣдко читались историч. статьи и замѣтки, напр., А. О. Корниловича („О жизни царевича Алексѣя Петровича“ 1821 г., „Путешествіе Брюсса по Россіи“ 1822 г.), В. Г. Анастасевича („О Воронежскомъ цейхаузѣ имп. Петра Великаго“ 1822 г.), Г. И. Спасскаго („Заключеніе лѣтописи о Сибирской странѣ“ 1822 г.) П. А. Муханова („Описаніе древностей, найденныхъ въ Кіевѣ“ 1824 г.), В. Д. Сухорукова („Внутреннее состояніе донскихъ козаковъ въ концѣ XVI ст.“) и др. членовъ. Въ библіотеку Общества члены доставляли книги, манускрипты, портреты, медали и другія рѣдкости историческаго характера; въ 1821 году составленъ былъ даже особый комитетъ для изданія на счетъ Общества рукописей о Мамаевомъ побоищѣ. См. „Отчеты Общества“ за 1821—23 гг., „Журналъ ученыхъ упражненій“ за 1820, 1822 и 1824 гг. въ архивѣ Общества (Библіотека Имп. Ак. наукъ).

[2]) Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова, изд. подъ ред. П. А. Шляпкина. Т. I. Спб. 1889, стр. 202.

[3]) Сочиненія Пушкина. Переписка, т. I, Спб. 1906, стр. 182.

[4]) См. Приложенія, стр. 49.

гожскѣ, нѣкоторые черновые наброски, сохранившіеся среди его бумагъ [1]), указываютъ на историческіе интересы поэта; о нихъ мы можемъ судить и по книгамъ его библіотеки, гдѣ были такія сочиненія, какъ „Исторія Государства Россійскаго“ Карамзина и „Исторія Малой Россіи“ Д. Н. Бантышъ-Каменскаго [2]). Рылѣевъ раздѣлялъ общее увлеченіе трудомъ Карамзина и, когда вышелъ девятый томъ „Исторіи“, писалъ Ѳ. Булгарину изъ Острогожска въ 1821 году: „Въ своемъ уединеніи прочелъ я девятый томъ русской Исторіи... Ну, Грозный! Ну, Карамзинъ! Не знаю, чему больше удивляться тиранству ли Іоанна, или дарованію нашего Тацита“ [3]). Впослѣдствіи Рылѣевъ не переставалъ интересоваться этимъ трудомъ: находясь въ Петропавловской крѣпости, онъ нѣсколько разъ просилъ жену переслать въ его камеру всѣ 11 томовъ „Исторіи“ [4]).

Такимъ образомъ, личные интересы Рылѣева, поддерживаемые общимъ увлеченіемъ русской стариной, вполнѣ объясняютъ намъ причины обращенія его къ разработкѣ историческихъ сюжетовъ въ думахъ. Но какъ при этомъ разрабатывалъ Рылѣевъ эти сюжеты— прибѣгалъ ли онъ къ старымъ ложно-классическимъ пріемамъ, или подчинялся новымъ литературнымъ теченіямъ? Хотя по теоретическимъ своимъ воззрѣніямъ на поэзію и задачи поэта Рылѣевъ долженъ быть причисленъ къ сторонникамъ новой, нарождавшейся у насъ романтической поэзіи, представителями которой были въ это время такіе писатели, какъ А. А. Бестужевъ, О. М. Сомовъ, кн. П. А. Вяземскій, В. К. Кюхельбекеръ, однако его историческія думы

[1]) Замѣтки о переселеніи козаковъ, о Мазепѣ, „Судьба Россіи“, „Дворъ Екатерины“ (См. *Балицкій*, т. II, стр. 85—87). Въ бумагахъ Рылѣева, принадлежавшихъ Чертковской библіотекѣ, была цѣлая тетрадь in-f°, на 10 лл., въ которую занесены были жизнеописанія нѣкоторыхъ писателей съ фамиліей на „*К.*“ (Ефр.², стр. 340—341); біографія Каріонъ-Истомина издана С. Н. Браиловскимъ въ изслѣдованіи „Одинъ изъ пѣстрыхъ XVII-го столѣтія“. Спб. 1902, стр. XXIII. Повидимому, эта рукопись предназначалась для к.-н. словаря, можетъ быть, для той энциклопедіи, которую собирались издавать нѣкоторые члены Общества Соревнователей Просвѣщенія (см. объ этомъ выше, стр. 76).

[2]) *Балицкій*, т. II, стр. 126 и 171. Въ библіотекѣ Рылѣева были всѣ 11 томовъ „Исторіи Госуд. Росс.“; когда наводненіе 1824 года испортило эти книги, Рылѣевъ вторично пріобрѣлъ полный экземпляръ этого сочиненія.

[3]) *Балицкій*, т. II, стр. 158.

[4]) Ibid. стр. 126—127.

врядъ ли можно вполнѣ относить къ романтическимъ произведеніямъ: при созданіи ихъ Рылѣевъ не могъ еще отрѣшиться отъ пріемовъ старой литературной школы и пользовался прошлымъ, какъ средствомъ для выраженія волновавшихъ его гражданскихъ чувствъ; какъ любой писатель XVIII в., онъ стремился прежде всего къ моральной цѣли и картинами прошлаго хотѣлъ воздѣйствовать на патріотическія чувства современниковъ. Благодаря такой тенденціи многіе герои, воспѣтые Рылѣевымъ въ думахъ, говорятъ не то, что въ дѣйствительности они могли говорить по условіямъ времени, когда жили, но то, что думало современное Рылѣеву общество. Такъ, напр., Ольга высказываетъ Святославу такія мысли, которыя странно звучатъ въ X вѣкѣ:

Отецъ будь подданнымъ своимъ
И болѣ князь, чѣмъ воинъ [1]).

Этотъ призывъ къ мирной дѣятельности въ то время, какъ высшей добродѣтелью князя считалась воинская доблесть, кажется неестественнымъ въ устахъ Ольги; онъ болѣе умѣстенъ въ кругу современниковъ Рылѣева, когда въ русскомъ обществѣ стала ясно сознаваться мысль о необходимости мирнаго процвѣтанія государства, когда и самъ Рылѣевъ, обращаясь къ будущему императору Александру II, убѣждалъ его „быть Антониномъ на престолѣ“ и указывалъ, что

„...для полуночной державы
Довольно лавровъ и побѣдъ;
Довольно громкозвучной славы
Протекшихъ, незабвенныхъ лѣтъ.
Военныхъ подвиговъ година
Грозою шумной протекла:
Твой вѣкъ иная ждетъ судьбина,
Иныя ждутъ тебя дѣла [2]).

Вводя современные мотивы въ рамки прошлаго, Рылѣевъ лишалъ вмѣстѣ съ тѣмъ свои думы мѣстнаго колорита и сближалъ ихъ съ однообразными произведеніями ложно-классиковъ; одно указаніе историческихъ фактовъ и именъ не могло создавать еще народнаго

---

[1]) Дума „Ольга при могилѣ Игоря“. *Балицкій*, т. I, стр. 60.
[2]) Ода „Видѣніе“, ibid., стр. 157.

элемента въ думахъ; Пушкинъ вѣрно отмѣтилъ отсутствіе его въ произведеніяхъ Рылѣева. „Что сказать тебѣ о думахъ? писалъ онъ Рылѣеву въ 1825 г., во всѣхъ встрѣчаются стихи живые... но вообще всѣ онѣ слабы изобрѣтеніемъ и изложеніемъ. Всѣ онѣ на одинъ покрой. Составлены изъ общихъ мѣстъ (loci topici): описаніе мѣста дѣйствія, рѣчь героя и нравоученіе. Національнаго, русскаго нѣтъ въ нихъ ничего, кромѣ именъ“ [1]).

Итакъ пріемы старой школы сказались главнымъ образомъ въ содержаніи—въ разработкѣ историческихъ сюжетовъ; что же касается литературной формы, къ которой обратился Рылѣевъ, она была совершенно новой и неизвѣстной въ нашей литературѣ. Какъ особый видъ поэтическаго творчества, дума существовала издавна въ народной поэзіи южныхъ славянъ и на Украйнѣ, но, какъ литературная форма, она впервые становится извѣстной въ Польшѣ.

Въ началѣ XIX в. этотъ родъ произведеній былъ достаточно распространенъ въ польской литературѣ; попытки опредѣленія его мы находимъ у Линде и Бродзинскаго [2]). Первый въ извѣстномъ своемъ словарѣ [3]) такъ опредѣляетъ думу: „duma—elegia rycerska niby zamyślona pieśń... Insze jest śpiewanie pieszczone, jako są lamenty, dumy; insze spiewanie męzkie, jak na wojne. Fig. smutne spiewanie“. К. Бродзинскій относилъ думу къ элегіи, при чемъ послѣднюю подраздѣлялъ на слѣдующіе роды: любовную, героическую или историческую и философскую. Имѣя въ виду украинскія народныя думы, Бродзинскій опредѣлялъ ихъ, какъ лирико-историческія пѣсни: „Dumy, писалъ онъ въ статьѣ объ элегіи въ 1822 г., są jedynie pieśni liryczno-historyczne, właściwe ludowi ukraińskiemu, który tyle ma wrodzonego daru do poezyi, a którego nieszczęścia i samotna natura do melancholicznej poezyi skłoniły. Ich dumy są opowiadaniem lub wylaniem czucia śpiewaniem; od ballad tém się różnią, że zawsze są smutne [4]).

[1]) Сочиненія Пушкина. Переписка, т. I, Спб. 1906, стр. 220.

[2]) Терминъ „дума“ извѣстенъ былъ въ польск. литературѣ давно:—еще въ XVI в. Сарницкій въ „Annales Regni Pol.“ (t. II, к 1198) упоминаетъ о думахъ, которыя пѣлись на Руси въ память двухъ братьевъ Струсовъ, погибшихъ въ битвѣ съ Валахами въ 1506 г.

[3]) „Słownik języka polskiego“ (1 изд. въ VI тт. вышло въ Варшавѣ въ 1807—14 г.г.). Цит. по 2-му изд. Lwów 1854 г., t. I, str. 556.

[4]) Pisma Kaz. Brodzińskiego, t. V, Poznan 1873, str. 449.

Такимъ образомъ, Линде и Бродзинскій отмѣчали грустный, лирическій характеръ думы, опредѣляя ее какъ *sumtne* śpiewanie. Этотъ оттѣнокъ думы ясно можно видѣть и въ тѣхъ произведеніяхъ, которыя въ это время извѣстны были въ польской литературѣ подъ именемъ думъ. По содержанію своему такія думы очень разнообразны: въ однѣхъ поэты касаются религіозныхъ вопросовъ и въ картинахъ природы ищутъ величія Творца [1]); другія весьма напоминаютъ нѣмецкія романтическія баллады, и любовь въ нихъ обставлена часто чудесной таинственной обстановкой [2]). Встрѣчаются думы патріотическаго содержанія, воспѣвающія въ картинахъ прошлаго любовь поляковъ къ своей родинѣ [3]).

Къ этому послѣднему роду патріотической польской думы и примкнулъ Рылѣевъ въ своихъ произведеніяхъ. Чтобы выяснить условія, благодаря которымъ онъ обратился къ польской литературѣ и заимствовалъ изъ нея форму для своихъ думъ, необходимо принять во вниманіе тѣ дружескія отношенія, которыя начали устанавливаться въ началѣ XIX в. между двумя родственными литературами. Съ упадкомъ политическаго могущества въ Польшѣ поэты ея все чаще переносятъ взоры свои на „сѣвернаго колосса“ и высказываютъ мысли о братскомъ единеніи русскихъ и поляковъ. Еще въ концѣ XVIII в. придворный поэтъ польскаго короля Станислава-Августа С. Трембецкій былъ убѣжденнымъ сторонникомъ Россіи и не разъ призывалъ своихъ соотечественниковъ забыть старыя распри и помнить,

---

[1]) Burza, duma A. Goreckiego, „Pam. Warszawski“ 1816 r., t. V, str. 175—179; Duma o śmerci przez A. Goreckiego. Ibid. 1818 r., t. X, str. 23.

[2]) Mykolay i Małgorzata, duma K. Sienkiewicza. „Tygodn. Wil.“ 1817 r., № 99, str. 305—306. Elfryd i Malwina, duma H. D....cka. „Pczoła Polska“ 1820 r., t. I, Lwów. Meliton i Ewelina, duma A. Januszkiewicz. „Dzien. Wil.“ 1821 r., t. III. Zbichon, duma przełożona ze staro Czeskiego języku prz. K. Br. „Pam. War.“ 1820 r., t. XVII. Ludmila, duma B. Załeskiego. „Pam. Warsz.“ 1822 r. Kruk, duma (съ перс. переведена на франц., а затѣмъ на польскій) „Pam. Lwow.“ 1816 r., t. III.

[3]) Duma Stan. Trembeckiego, „Dz. Wil.“ 1817 r., t. VI, str. 233—234. Duma o Wacławie ze śpiewu ludu wieyskiego. Joz. Zaleskiego. Ibid. 1819 r., t. II, str. 525—528. Duma o Hetm. Żolkiewskim и Duma o Michale Glińskim, I. U. Niemcewicza. см. его „Śpiewy Historyczne“ (Edycya trzecia, Warszawa 1819).

„Iż Rusin z jednych z nami początków pochodzi:
Jedna krew, jeden język, taż natura twarda,
Taż śmiałość niewzruszona i śmierci pogarda“ [1]).

Какъ искренній руссофилъ, Трембецкій создавалъ цѣлую панславистическую систему съ Россіей во главѣ славянства. На ряду съ нимъ и другіе польскіе писатели увлекались идеей славянскаго единства (Стан. Сташицъ, Вороничъ, С. Линде, Бандке, И. Раковецкій, Ходаковскій). Особенно ярко обнаруживается это стремленіе къ сближенію на научной и литературной почвѣ: въ польской печати появляются многіе переводы изъ русской литературы, что́ служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ того, насколько польское общество интересовалось культурной жизнью русскихъ [2]). Въ это же время и съ русской стороны мы видимъ рядъ попытокъ къ сближенію. Въ Орлѣ, напр., возникаетъ журналъ, поставившій своей спеціальной цѣлью примиреніе русскихъ съ поляками: „Другъ Россіянъ и

---

[1]) *St. Trembecki.* „Gość w Hejlsbergu“ (1784). См. *В. А. Францевъ.* Польское славяновѣдѣніе конца XVIII и первой четверти XIX ст. Прага Чешская 1906, стр. 11.

[2]) Въ „Tygodn. Wil.“ появляются разнообразные переводы съ русскаго: —1816 г., t. I. Bayki z Dymitriewa: „Rys i Kret“ (str. 41), „Orzeł i wąż“ (str. 91—92); t. II, str. 227: Bayka, z Rossyyskiego; str. 133—149: Chatka, ułomek z pism Rossyanki N. A. G., z Rossyyskiego; str. 429: Opisanie Kiachty z Podróży P. Klaprota, wyjątek Dzien. Peter. „Syn Oyczyzny“.—1817 r., t. III: O pierwiastkowem założeniu Czernichowa, z Ross. 1818 r., t. VI: O Literaturze Polskiey (Wyjątek z „Syn Oyczyzny“). O nieumiarkowanych pożądaniach (Wyjątek z „Syn Oycz.“, przez A... K..);—1820 r., t. X Niektóre wyjątki z historyi Rossyjskiej p. Karamsina.—„Pam. Warsz.“ переводитъ „Опытъ“ Сопикова, „Dz. Wil.“—статью А. Бестужева о рус. литературѣ, отчеты о дѣятельности „Общества Люб. Рос. Слов.“ (см. 1825 г., т. I, стр. 105 и сл.). Въ 1823 г. С. Линде переводитъ статью Н. Греча „Rys historyczny Lit. Ros. z dodatkiem z Bestużewa, Kornilowicza, Bułgarina. Warsz. 1823“. Лестный отзывъ объ этомъ переводѣ напечатанъ Булгаринымъ въ „Сѣв. Архивѣ“ (1823 г., ч. VII, стр. 401—416); въ 1822 г. Игнатій Раковецкій перевелъ на польскій языкъ „Русскую Правду“. Отзывъ объ его переводѣ, принадлежащій Анастасевичу, появился въ „Сор. Просвѣщенія“ 1822 г., ч. XX, стр. 226—231. Имя Пушкина неоднократно встрѣчается въ „Dz. Wil.“ (1824, III, 286, 290, 415—417 str.; 1825, I, 217 str.), „Rozm. Lwowsk.“ (1824 г.), и др. польскихъ журналахъ. Нѣкоторыя оды Державина извѣстны были полякамъ въ переводѣ Hr. W. C. K. Z. (см. его „Lira Dzierżawina“: oda „Bóg“ и „Nieśmiertelność duszy“).

ихъ единомышленниковъ обоего пола" [1]). Рядомъ съ возвеличеніемъ Александра I въ этомъ журналѣ помѣщалась похвала Яну Собѣскому, рядомъ съ характеристиками знаменитыхъ русскихъ писателей—печатались характеристики польскихъ писателей [2]).

Польскій языкъ возбуждаетъ къ себѣ широкій интересъ и одно время считается въ Москвѣ особенно моднымъ [3]). Польскіе ученые и поэты, какъ Снядецкій, Почобутъ, Линде, Лелевель, Раковецкій, Мацѣевскій, Мицкевичъ, были съ любовью и уваженіемъ приняты въ лучшемъ русскомъ обществѣ [4]). Особенно Мицкевичъ пользовался большимъ расположеніемъ нашихъ молодыхъ писателей; тѣсный кругъ, къ которому принадлежалъ онъ, составляли въ Москвѣ: Е. А. Баратынскій, Кирѣевскій, Елагинъ, А. С. Хомяковъ, Полевой, Шевыревъ, Соболевскій, Погодинъ; въ Петербургѣ—кн. Вяземскій, Жуковскій, Козловъ, Пушкинъ [5]).

Интересъ русскихъ къ полякамъ виденъ и во многихъ переводахъ съ польскаго, которые появлялись въ это время въ нашей печати. Среди другихъ журналовъ „Вѣстникъ Европы" очень интересовался и слѣдилъ за польской литературой: это отмѣчали даже въ Варшавѣ, указывая съ признательностью заслуги его редактора—Каченовскаго: „Pan Kaczenowski, писала въ 1822 году „Gazeta literacka", wiele przysługuje się literaturze polskiej i rossyjskiej, że w dzienniku swoim umieszcza tłómaczenia z polskiego" [6]). Общество Со-

---

[1]) Журналъ выходилъ въ Москвѣ; издателемъ его былъ преподаватель орловской гимназіи Ф. Орля-Ошменецъ.

[2]) *А. П. Пятковскій.* Изъ исторіи нашего лит. и общ. развитія, т. II, Спб. 1876. стр 255.

[3]) *В. И. Веселовскій.* Очерки соврем. польской литературы („Рус. Бесѣда" 1859, III). См. *Францевъ*, ук. соч., стр. 40.

[4]) *А. Пыпинъ.* Исторія русской этнографіи. Спб. 1891, т. III, стр. 114.

[5]) *Ф. Неслуховскій.* Мицкевичъ въ Россіи. „Истор. Вѣстникъ", 1880 г., кн. II. Объ отношеніяхъ Пушкина и Мицкевича см въ изслѣдованіи *J. Tretiak'a.* Mickiewicz i Puszkin. Studia i Szkice. Warszawa 1906.

[6]) „Gaz liter." 1822 г., № 30, str. 107. См. *В. Францевъ.* Польское славяновѣдѣніе. Прага Чешская 1906, стр. 41. Кромѣ „Вѣстника Европы", переводы съ польскаго и статьи, посвященныя польской литературѣ, появлялись въ „Сынѣ Отечества" (1820 г., ч. LXIII: *Булгаринъ.* Краткое обозрѣніе польской словесности), „Благонамѣренномъ" (1818 г., ч. II: *Ѳ. Рындовскій.* Пріятелю въ столицу, съ польскаго; *Ѳ. Р.* Мое счастіе, подраж. польскому;—1821 г.: *Пивницкій.* „Обозрѣніе произведеній..., выходившихъ въ Варшавѣ, Краковѣ, Львовѣ

ревнователей Просвѣщенія также интересовалось Польшей и слѣдило за литературными и научными новостями у поляковъ [1]).

Что касается Рылѣева, его польскія симпатіи обнаруживаются весьма замѣтно. Еще въ кадетскомъ корпусѣ, онъ, по словамъ Д. Кропотова, изучилъ польскій языкъ [2]) и впослѣдствіи владѣлъ имъ настолько свободно, что могъ переводить стихотворенія Нѣмцевича, Ѳ. Булгарина [3]), Мицкевича. Въ Петербургѣ Рылѣеву приходилось иногда вести тяжбы по польскимъ дѣламъ и разбираться во многихъ запутанныхъ документахъ, писанныхъ на польскомъ языкѣ [4]).

Вѣроятно, въ петербургскій періодъ жизни сблизился Рылѣевъ и съ Мицкевичемъ. Оба поэта полюбили другъ друга. Въ письмѣ къ В. П. Туманскому (отъ 15 янв. 1825 г.) Рылѣевъ дружески отзывается о Мицкевичѣ: „Милый Туманскій, пишетъ онъ, полюби Мицкевича и друзей его Малевскаго и Ежовскаго. Впрочемъ и писать лишнее: по чувствамъ и образу мыслей они ужъ друзья, а Мицкевичъ къ тому же и поэтъ—любимецъ націи своей“ [5]). Изъ произведеній Мицкевича Рылѣевъ перевелъ отрывокъ баллады „Lilie“ [6]).

Насколько Мицкевичъ былъ близокъ къ Рылѣеву, можно видѣть изъ слѣдующихъ его строкъ, посвященныхъ памяти послѣдняго:

Gdzież wy teraz?.. Szlachetna szyja Rylejewa,
Którąm jak bratnią ściskał,... wyroki
Wisi, do chańbiącego przywiązana drzewa...
Klątwa ludom, co swoje mordują proroki! [7]).

При выясненіи вопроса о польскихъ симпатіяхъ Рылѣева необходимо также имѣть въ виду, что поэтъ въ 1815 г. нѣкоторое

и Познани“, изъ статьи о состояніи наукъ и литературы въ Польшѣ въ 1818 г.), „Новостяхъ Литературы“ (1825 г., сентябрь), „Украинскомъ Журналѣ“ (1824 г., № 4, стр. 151—168).

[1]) См. выше, стр. 76—77.

[2]) *Дм. Кропотовъ*. Нѣсколько свѣдѣній о Рылѣевѣ. „Рус. Вѣстникъ“ 1869, № 3, стр. 235—236.

[3]) См. выше, стр. 79.

[4]) *Н. Бестужевъ*. Воспоминанія о К. Ѳ. Рылѣевѣ (*Балицкій*, т. I, стр. 26).

[5]) См. выше, стр. 92.

[6]) *Балицкій*, т. I, стр. 192.

[7]) Полное собраніе сочиненій К. Ѳ. Рылѣева. Лейпцигъ F. A. Brockhaus, 1861, стр. XIV. Объ отношеніяхъ Мицкевича и Рылѣева краткія упоминанія см. въ книгѣ A. Sliwińskiego. Mickiewicz jako polityk. Kraków 1903, str. 88—91.

время жилъ въ г. Несвижѣ (Минск. губ.), гдѣ въ то время царила во всемъ польская культура. Пребываніе въ этомъ городѣ могло имѣть весьма благотворное вліяніе на укрѣпленіе польскихъ интересовъ Рылѣева.

Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ вполнѣ возможно предполагать, что Рылѣевъ интересовался въ значительной мѣрѣ и польской литературой, читалъ современные польскіе журналы и, встрѣчая тамъ образцы думъ, пришелъ къ мысли ввести этотъ родъ произведеній въ русскую литературу. При этомъ на Рылѣева могли даже вліять патріотическіе мотивы: самъ онъ считалъ думу достояніемъ южно-русскаго народнаго творчества и не хотѣлъ, чтобы она осталась чуждой русской литературѣ. „Дума. писалъ онъ въ предисловіи къ своимъ произведеніямъ,—старинное наслѣдіе отъ южныхъ братьевъ нашихъ, наше русское, родное изобрѣтеніе. Поляки заняли ее отъ насъ. Еще до сихъ поръ украинцы поютъ думы о герояхъ своихъ: Дорошенкѣ, Нечаѣ, Сагайдачномъ, Палѣѣ, и самому Мазепѣ приписывается сочиненіе одной изъ нихъ. Сарницкій свидѣтельствуетъ, что на Руси пѣлись элегіи въ память двухъ храбрыхъ братьевъ Струсовъ, павшихъ въ 1506 г. въ битвѣ съ Валахами. „Элегіи сіи, говоритъ онъ, у русскихъ думами называются“. Соглашая заунывный голосъ и тѣлодвиженія со словами, народъ русскій иногда сопровождаетъ пѣніе оныхъ печальными звуками свирѣли“ [1]).

Ближайшимъ толчкомъ. побудившимъ Рылѣева обратиться къ думамъ и славить въ нихъ „подвиги добродѣтельныхъ или славныхъ предковъ“, послужили „Śpiewy Historyczne“ Нѣмцевича [2]).

[1]) Думы, изд. 1825 г., стр. VI—VII. См. также *Балицкій*, т. I, стр. 56.

[2]) Г. Сиротининъ предполагаетъ, что Рылѣевъ прочелъ впервые „Śp Hist.“ въ 1816 г., во время пребыванія въ Несвижѣ, гдѣ онъ имѣлъ случай не разъ бывать въ польскомъ обществѣ и познакомиться въ его средѣ съ популярнымъ въ то время сборникомъ Нѣмцевича („Рус. Архивъ“ 1898, кн. I, стр. 68).—Если бы даже тогда Рылѣевъ и не зналъ Нѣмцевича, то знакомство со „Śp. Hist.“ могло произойти позже, когда Рылѣевъ переселился въ Петербургъ (1820 г.). Этому могли содѣйствовать статьи о Нѣмцевичѣ, появлявшіяся тогда въ рус. печати (см. „Сынъ Отеч.“ 1820, ч. LXIII, стр. 254 и сл.; „Вѣстн. Евр.“ 1821, ч. CXX, стр. 225 и сл.), и вообще тотъ кругъ знакомыхъ Рылѣеву писателей, который очень интересовался Польшей и ея литературой (Н. Гречъ. Ѳ. Булгаринъ, кн. П. Вяземскій, А. Бестужевъ); среди нихъ А. Бестужевъ переводилъ сказки Сенковскаго („Сор. Просв.“ 1822, №№ 7—8)

Юліанъ Урсинъ Нѣмцевичъ (1758—1841) былъ извѣстнымъ польскимъ писателемъ к. XVIII и нач. XIX вв.; горячій патріотъ, поэтъ, историкъ и публицистъ—онъ принималъ дѣятельное участіе въ спасеніи погибающаго отечества, былъ адъютантомъ Костюшки, вмѣстѣ съ нимъ былъ раненъ, взятъ въ плѣнъ и раздѣлялъ заключеніе въ Петербургѣ. Послѣ паденія Польши Нѣмцевичъ странствовалъ въ отдаленной Америкѣ и оплакивалъ тамъ въ печальныхъ пѣсняхъ несчастную судьбу своей родины. Современники высоко цѣнили гражданскія заслуги Нѣмцевича и зачитывались его патріотическими произведеніями [1]); среди нихъ особой популярностью пользовались „Śpiewy Historyczne“: они извѣстны были и за предѣлами Польши: русскій обозрѣватель польской словесности видѣлъ въ нихъ „единственное въ своемъ родѣ твореніе, коимъ доселѣ ни одинъ народъ еще похвалиться не можетъ“ [2]). „Śpiewy“ появились въ печати въ 1816 г.; въ 1819 они вышли уже третьимъ изданіемъ. Главная задача Нѣмцевича при созданіи „Śp. H.“ сводилась къ тому, чтобы небольшими лиро-эпическими стихотвореніями историческаго содержанія воздѣйствовать на патріотическія чувства современниковъ и возбудить въ молодомъ поколѣніи любовь къ своей родинѣ: „Wspominać młodzieży o dziełach iéy przodków, dać iéy poznać nayświetnieysze Narodu epoki, stowarzyszyć miłość Oyczyzny z naypiérwszemi pamięci wrażeniami, iest niemylny sposób zaszczepenia w Narodzie silnego przywiązania do kraiu: nic iuż w ten czas tych piérwszych wrażeń, tych rannych poięć zatrzeć nie zdoła, wzmagaią się one z latami, usposobiaiąc dzielnych do boiu obrońców, do rady mężów cnotliwych“ [3]). Эта основная мысль „Śpiewów“ пришлась очень по

и въ 1821 г. писалъ Булгарину о своихъ успѣхахъ въ изученіи польскаго языка, о томъ, какъ онъ читаетъ Нарушевича, *Нѣмцевича*, Красицкаго (см. объ этомъ у *Н. Котляревскаго*. Декабристы. Спб. 1907, стр. 120).

[1]) См. его „Władysław pod Warną“, „Powrót posła“, „Kazemierz Wielki“. О популярности Нѣмцевича можно судить по стих. Кохановскаго (Do I. Niemcewicza. „Pam. Warsz.“, 1818 г., t. XII). О Нѣмцевичѣ см.:—S. Orgelbranda „Encykl. Powszechna“. Warsz. 1901, t. X, str. 491—492; автобіографическія записки Нѣмцевича „Pamiętniki czasów moich“ Wydanie nowe, Lipsk. 1868; замѣтку В. Якушкина въ „В. Евр.“ 1888 г., №№ 11—12.

[2]) „С. Отеч.“ 1820 г., ч. LXIII: Краткое обозрѣніе польской словесности, стр. 255.

[3]) I. Ur. Niemcewicz. Śpiewy Historyczne, edycya trzecia, Warsz. 1819. „Przedmowa do Śp. Hist.“ str. 5.

сердцу патріотически настроенному Рылѣеву, и онъ вполнѣ проникся священной цѣлью Нѣмцевича: „эту самую цѣль имѣлъ и я, сочиняя Думы“ писалъ Рылѣевъ въ предисловіи къ изд. 1825 [1]).

Въ 1822 году Рылѣевъ перевелъ думу Нѣмцевича „Глинскій“ и, посылая свой переводъ автору, писалъ ему:

„Jaśnie Wielmożny Panie!

Zamiłowanie prawdy i wszystkiego, co jest ojczystem, natchnęło mi zamiar podania uwadze ziomków moich wielkie bohaterów rosyjskich czyny i przyjaciół całego rodu człowieka. „Śpiewy historyczne“ J. W. Pana były dla mnie wybornym wzorem, dla któregom się nauczył języka, ozdobionego imionami Kochanowskich, Krasickich, Trembeckich i Niemcewiczów. Pozwól mi zatem J. W. Pan poświęcić sobie jednę z dum moich, przełożoną z wytwornego Jego zbioru. Płody genjuszów są spólną wszystkich własnością: ja zaś śmiem ręczać szanownego Nestora polskiej literatury, że i na brzegach Newy, młodociane w królestwie nauk pokolenie z rozkoszą się napawa słodkim sarmackiej lutni dźwiękiem i umie cenić przyjaciół wielkiego Washingtona. Sam czuję, ile mój przekład dalekim jest od przedmiotu i wdzięków oryginału, lecz śmiem podchlebiać sobie, iż dobra chęć wynagrodzi w oczach szlachetnego patrjoty nieudolność rymotwórczą. Przyłączając tu pozdrowienie od wszystkich rosyjskich miłośników polskiej literatury, mam zaszczyt z wysokiem upoważaniem i szacunkiem zostawać Jaśnie Wielmożnego Pana

Najniższym sługą

Konrad Rylejew.

Peterburg, 11 września 1822.

Deputat od stanu rycerskiego, zasiadający w sądzie głównym kryminalnym. Czł. Tow. Miłośników Ros. lit. [2]).

---

[1]) Думы, стихотворенія К. Рылѣева. Москва 1825 г., стр. VI. См. также: *Балицкій*, т. I, стр. 56.

[2]) *A. Kraushar*. Obrazy i wizerunki historyczne z illustracyami. Warszawa 1906 r. Rylejew i Niemcewicz, str. 330. Письмо это найдено Краусгаромъ въ въ родовомъ архивѣ Нѣмцевичей въ Скокахъ, подъ Брестъ-Литовскомъ; facsimile письма напечатано здѣсь же на стр. 331.

Нѣмцевичъ отвѣчалъ на это письмо:

Милостивый Государь!

Я имѣлъ честь получить письмо ваше съ приложеннымъ отличнымъ переводомъ Думы Глинскаго. Честь, оказанная моимъ слабымъ риѳмамъ переводомъ оныхъ, и похвальныя выраженія ваши возбуждаютъ во мнѣ наживѣйшую благопризнательность. Лестно для меня находить въ единоплеменномъ народѣ сердца и намѣренія, которыя побѣждаютъ всѣ предубѣжденія и предразсудки, посвящаясь наукамъ и славѣ отечества. Достойные товарищи ваши и вы, милостивый государь, сами имѣете открытое поле для прославленія въ радостныхъ и поэтическихъ пѣсняхъ. Вы суть сыны обширнѣйшаго на земномъ шарѣ государства; первые въ могуществѣ и силѣ, вы можете свѣту повелѣвать, а я, житель совершенно исчезнувшаго королевства, по теченію жизни моей, встрѣтившей только огорченія и обманчивыя упованія, нахожу единственно въ протекшихъ вѣкахъ похвальныя, но нынѣ печальныя напоминанія. Послѣдуйте по мнѣ, мужи съ вознесеннымъ челомъ, на славномъ поприщѣ вашемъ, а мнѣ, сѣдому и слабому старцу, возвѣсившему на плачевной вербѣ свою лютню, остается токмо подъ сѣнью древесъ искать защиты и ожидать послѣдняго часа: счастливъ, если передъ кончиною моею узрю озареніе спокойнаго неба на человѣческое поколѣніе.

Прошу васъ, милостиваго государя, принять паки увѣренія благодарности и высокаго уваженія, съ коими имѣю честь быть, милостивый государь, вашъ покорнѣйшій слуга Юліанъ-Урсинъ Нѣмцевичъ. Данъ въ Варшавѣ 30-го октября 1822 г.»[1].

Письмо Нѣмцевича произвело сильное впечатлѣніе на Рылѣева. Судьба этого человѣка, принимавшаго живое участіе въ дѣлахъ своей родины и потерявшаго съ нею все дорогое ему въ жизни, заставила Рылѣева съ чувствомъ отозваться на его письмо.

[1]) Это письмо и латинскій отвѣтъ на него Рылѣева находятся въ собраніи бумагъ А. И. Ивановскаго, которыя были разобраны и опубликованы В. Е. Якушкинымъ („Вѣстн. Евр.“ 1888 г., № 11 и 12). Въ коллекціи Ивановскаго сохранился и польскій оригиналъ письма Нѣмцевича, а также польскій переводъ отвѣта Рылѣева, но они остались ненапечатанными. Приведенное здѣсь письмо Нѣмцевича представляетъ собою официальный переводъ, сдѣланный въ 1826 г. въ слѣдственномъ комитетѣ по дѣлу декабристовъ (см. „Вѣст.“ № 11, стр. 201—202).

„Прекрасныя чувства, которыми исполнено письмо ваше, писалъ онъ Нѣмцевичу, живо тронули меня... Такъ, отечество ваше несчастно, оно въ наши времена имѣло и недостойныхъ сыновъ,— но безславіе ихъ не могло помрачить чести великодушнаго народа, и изъ среды онаго явились мужи, которые славою дѣлъ своихъ несравненно болѣе возвысили славу Польши, нежели первые предательствомъ своимъ оную омрачили. Такъ, и вы не одними воспоминаніями славныхъ дѣяній, совершенныхъ въ вѣкахъ минувшихъ, можете утѣшать себя. Къ счастію всего человѣчества, добрая слава дѣлъ нашихъ зависитъ не отъ одного успѣшнаго окончанія, но также отъ источника ихъ и побужденій; и славныя имена Костюшки, Колонтая (Малаховскаго), Понятовскаго, Потоцкаго, Нѣмцевича и другихъ знаменитыхъ патріотовъ, несмотря на то, что успѣхъ не увѣнчалъ ихъ благородныя усилія, никогда не перестанутъ повторяться съ благоговѣніемъ, а дѣянія мужей сихъ будутъ всегда служить для юношества достойными образцами. Сѣмена добра и свѣта уже посѣяны въ отечествѣ вашемъ. Скоро созрѣютъ прекрасные плоды ихъ. Вы были однимъ изъ ревностнѣйшихъ сѣятелей; вы во все продолженіе жизни своей, какъ Тиртей, высокими пѣснями возбуждали въ сердцахъ согражданъ любовь къ отечеству, усердіе къ общественному благу, ревность къ чести народной и другія благородныя чувства. Итакъ, мужъ почтенный, утѣшьтесь и, снявъ лиру свою съ печальной вербы, подобно лебеди на водахъ Леандра, воспойте на закатѣ дней своихъ высокіе гимны, удвойте, если возможно, завидную славу вашу и порадуйте достойное ваше отечество. Прошу милостиво принять увѣреніе въ высокомъ уваженіи и почитаніи, съ которымъ имѣю честь оставаться вашъ, милостивый государь, нижайшій слуга... С.-Петербургъ, января... 1823. P. S. Отсутствіе мое изъ Петербурга причиной тому, что я такъ долго былъ лишенъ счастья получить ваше письмо (отъ 30-го октября) и отвѣчать на него“ [1]).

Переписка эта достаточно ярко характеризуетъ польскія отношенія Рылѣева: кромѣ того, она имѣетъ и болѣе общее значеніе, указывая на близкія, дружественныя связи, которыя начали въ это время устанавливаться между русскими и поляками и которыя были такъ внезапно прерваны событіями 1830 года.

---

[1]) „В. Евр.“ 1888 г., № 11, стр. 202—203.

Изъ переписки видно, какъ глубоко уважалъ Рылѣевъ общественную дѣятельность Нѣмцевича, съ какимъ увлеченіемъ относился къ его „Śp. Hist.“, которыми послѣдній, подобно Тиртею, возбуждалъ любовь къ отечеству, ревность къ чести народной и другія благородныя чувства. Но при всемъ такомъ увлеченіи вліяніе „Śp. Hist.“ на „Думы“ было весьма незначительно: отъ Нѣмцевича Рылѣевъ заимствовалъ только общую тенденцію и форму думъ; что же касается выбора сюжетовъ и ихъ разработки—здѣсь Рылѣевъ былъ самостоятеленъ и не зависѣлъ отъ своего образца.

Въ то время, какъ Нѣмцевичъ въ историческомъ прошломъ искалъ примѣровъ воинской доблести и воспѣвалъ грозный видъ войскъ „blask xiężyca i męże i konie, i wrzask przeraźliwéy surmy“ [1]), Рылѣевъ плѣнялся другими, болѣе широкими идеалами; ему дороже всего былъ не храбрый рыцарь, но „прямой гражданинъ“, „вѣрный сынъ своей отчизны“; и въ этомъ отношеніи, какъ моралистъ, Рылѣевъ превосходитъ Нѣмцевича; онъ выше его, какъ и поэтъ. Хотя думы и не отличаются крупными поэтическими достоинствами, однако въ нихъ сравнительно со „Śp. Hist.“ больше картинъ, образовъ, сравненій; впрочемъ и самъ Нѣмцевичъ не стремился къ художественности своихъ произведеній; отличая „Śpiewy Hist.“ отъ обычныхъ пѣсенъ, онъ искалъ въ нихъ прежде всего исторической правды, хотя бы и въ ущербъ творческому воображенію. „Sam tytuł śpiewów historycznych, писалъ онъ въ предисловіи, oznacza rodzay wierszopistw wyższy nad pieśni potoczne, a wkładaiąc na piszącego obowiązek trzymania się prawdy, odeymuie mu naycelneyszą w poezyi sprężynę, odeymuie mu imaginacyę“ [2]). Это отсутствіе воображенія и строгая фактичность сдѣлали „Śp. Hist.“ сухими историческими разсказами, подчасъ очень скучными и однообразными. Рылѣевъ, наоборотъ, не стѣснялъ своего творческаго воображенія: онъ часто обращался къ природѣ и въ ея картинахъ искалъ настроеній, соотвѣтствующихъ описываемому событію. Такъ, напр., передавая тревожное состояніе царевича Алексѣя, когда тотъ рѣшается возстать противъ Петра I, Рылѣевъ и въ природѣ отмѣчаетъ нѣкоторое безпокойство:

[1]) *J. U. Niemcewicz*: „Śpiewy Hist.“ Edycya trzecia. Warsz. 1819. str. 127.
[2]) Ibid., str. 16.

Страшно воетъ лѣсъ дремучій,
Вѣтръ въ ущеліяхъ свиститъ,
И украдкой изъ-за тучи
Мѣсяцъ въ Орединжъ глядитъ.

Монахъ убѣждаетъ нерѣшительнаго царевича совершить преступленіе; послѣдній колеблется, затѣмъ поддается доводамъ и рѣшается поднять руку „на царя и на отца". И природа не безучастна къ этому:

Взвылъ страшнѣе лѣсъ дремучій,
Мѣсяцъ спрятался за тучи,
Вѣтръ сильнѣй забушевалъ:
И за ближнею могилой
И ужасно, и уныло
Вранъ зловѣщій прокричалъ [1]).

Этотъ пріемъ обращенія къ природѣ, какъ живой участницѣ описываемыхъ событій, постоянно встрѣчается у Рылѣева (см. думы „Смерть Ермака", „Курбскій", „Наталія Долгорукова" и др.); между тѣмъ Нѣмцевичъ почти никогда не прибѣгаетъ къ подобнымъ описаніямъ [2]).

Мы не будемъ болѣе останавливаться на сравнительной характеристикѣ „Думъ" и „Śpiewów Historycznych": вопросъ этотъ достаточно подробно выясненъ г. Сиротининымъ въ статьѣ „Рылѣевъ и Нѣмцевичъ" [3]).

Указавъ литературные образцы думъ и общую ихъ идею, навѣянную Рылѣеву Нѣмцевичемъ, мы обратимся теперь къ другимъ источникамъ и попытаемся выяснить, откуда Рылѣевъ заимствовалъ свои сюжеты и какимъ вліяніямъ подчинялся при ихъ разработкѣ.

---

[1]) Дума „Царевичъ Алексѣй въ Рожественѣ". *Балицкій*, т. I, стр. 105—106.

[2]) Въ польскихъ думахъ подобныя описанія встрѣчаются довольно часто. Ср., напр., начало думы „Mikołay i Małgorzata":

Noc właśnie czarne sunęła zasłony,
Rosbiegli się gęste cienie,
Wschodzący xiężyc na świat zasępiony,
Wylewał blade promienie. („Tyg. Wil." 1817 г., № 9 str. 305).

[3]) „Рус. Архивъ" 1898 г., кн. I, стр. 67—82.

Для этого необходимо возстановить готъ историческій и литературный матеріалъ, который въ однихъ случаяхъ непосредственно вліялъ на Рылѣева, въ другихъ—являлся общей почвой, на которой создавались его произведенія.

Здѣсь прежде всего приходится отмѣтить „Исторію Государства Россійскаго“ Карамзина, какъ одинъ изъ главныхъ источниковъ для нѣкоторыхъ думъ Рылѣева. Выше мы указывали, что сочиненіемъ этимъ Рылѣевъ очень интересовался и имѣлъ всѣ 11 томовъ „Исторіи“ въ своей библіотекѣ (см. стр. 168). Неудивительно поэтому, что трудъ Карамзина оказалъ значительное вліяніе на Рылѣева; послѣдній черпалъ изъ „Исторіи“ многія фактическія свѣдѣнія; въ нѣкоторыхъ думахъ онъ прямо перелагалъ въ стихи прозаическій разсказъ Карамзина, заимствуя отъ него отдѣльные образы, выраженія, иногда цѣлыя картины. Приводимыя цитаты наглядно показываютъ, насколько велика была зависимость Рылѣева отъ Карамзина.

Карамзинъ. „Ист. Гос. Росс.“ [1]	Дума. „Олегъ Вѣщій“ [2]
Олегъ, наскучивъ тишиною, или завидуя богатству Цареграда, рѣшился воевать съ Имперіею.	*Наскучивъ* мирной *тишиною*, Собралъ полки *Олегъ* И съ ними полетѣлъ грозою На цареградскій брегъ.

[1]) Т. I, изд. 2-ое. 1818, стр. 130—132, 134—135.

[2]) *Вилинскій*, т. I, стр. 56—58. Впервые дума напечатана была въ „Новостяхъ Литературы“ 1822 г. (ч. I, № 11, стр. 171—173). Кромѣ Рылѣева, сюжетомъ объ Олегѣ въ это время интересовался и другой поэтъ 20-хъ годовъ— А. Н. Степановъ: свое стихотвореніе „Смерть Олега“ онъ представилъ въ Спб. Общество Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ, гдѣ оно было прочитано въ засѣданіи 8 іюня 1822 года (см. архивъ Общества, въ библіотекѣ Спб. Университета, „Журналъ Общества..“ за 1822 г.). Къ этому же году относится и баллада Пушкина „Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ“; г. Лернеръ высказываетъ вполнѣ вѣроятное предположеніе, что мысль написать эту балладу могла быть навѣяна думой Рылѣева: Пушкинъ зналъ послѣднюю, о чемъ можно судить по его выноскѣ къ слову „щитъ“: „но не съ гербомъ Россіи, какъ нѣкто сказалъ (для риѳмы къ Византіи), во-первыхъ, потому, что во времена Олега Россія не имѣла еще герба. Нашъ двуглавый орелъ есть гербъ Римской имперіи и знаменуетъ раздѣленіе ея на Западную и Восточную; у насъ же онъ ничего не значитъ“. (См. Пушкинъ, т. II, изд. Бр.-Ефр., Спб. 1908, стр. 592—593). Нѣсколько позже, въ 1825 г., Пушкинъ писалъ Рылѣеву по поводу того же „герба Россіи“: „ты напрасно не вопрягалъ въ Олега

Днѣпръ покрылся двумя тысячами легкихъ судовъ....

Олегъ приблизился, наконецъ, къ греческой *столицѣ*, гдѣ суевѣрный императоръ Леонъ думалъ о вычетахъ *Астрологіи* болѣе, нежели о безопасности Государства. Онъ... далъ волю Олегу разорять Византійскія окрестности, жечь селенія, церкви... Сіи греки, которые все еще именовались согражданами Сципіоновъ и *Брутовъ*, *сидѣли въ стѣнахъ* Константинополя и смотрѣли на ужасы опустошенія вокругъ столицы. Несторъ изображаетъ жестокость и безчеловѣчіе Россіянъ. Они плавали въ крови несчастныхъ, терзали плѣнниковъ...

Покрылся быстрый *Днѣпръ* ладьями.
Сѣдой Олегъ...
Передъ Леоновой *столицей*
Раскинулъ грозный станъ.
Мгновенно войсками покрылась
Окрестная страна,
И кровь повсюду заструилась;
Вездѣ кипитъ война.
Горятъ деревни, селы пышутъ...
...Потомки *Брутта* и Камилла
Сокрылися въ стѣнахъ;
Уже ихъ нѣга развратила,
Нѣтъ мужества въ сердцахъ.
Ихъ императоръ самовластный
Въ чертогахъ трепеталъ
И въ *астрологіи*, несчастный,
Спасенія искалъ.

Олегъ поставилъ суда свои на колеса и силою одного вѣтра, на распущенныхъ *парусахъ*, сухимъ путемъ шелъ со флотомъ къ Константинополю.

Межъ тѣмъ замысливъ приступъ смѣлый,
Ладьи свои Олегъ,
Развивъ на каждой *парусъ* бѣлый,
Вдругъ выставилъ на брегъ.
...И шелъ по сушѣ къ Византіи,
Какъ въ морѣ по волнамъ.

...Въ знакъ побѣды Герой повѣсилъ *щитъ свой на вратахъ* Константинополя и возвратился въ

.. Но въ трепетъ гордой Византіи
И въ память всѣмъ вѣкамъ
Прибилъ *свой щитъ* съ гербомъ Россіи
Къ царьградскимъ *воротамъ*...

Герба Россіи. Древній гербъ, св. Георгій, не могъ находиться на щитѣ язычника Олега; новѣйшій, двуглавый орелъ, вотъ Гербъ Византійскій и принятъ у насъ во времена Іоанна III, не прежде. Лѣтописецъ просто говоритъ: Тоже повѣси щитъ свой на вратѣхъ на показаніе побѣды" (*Балицкій*, т. II. стр. 156).

Кіевъ, гдѣ народъ, удивленный его славою и богатствами, имъ привезенными..., *единогласно назвалъ Олега „вѣщимъ“*.

...Олегъ помчался въ градъ престольный
...Весь Кіевъ въ пышномъ пированьи
Восторгъ свой изъявлялъ
И князю *„Вѣщаго“ прозванье*
Единогласно далъ.

Въ думѣ „Святославъ“ характеристика князя сдѣлана въ образахъ и выраженіяхъ Карамзина. Ср.:

Карамзинъ. „Ист. Гос. Рос.“ [1])	Рылѣевъ. „Святославъ“ [2])
...*суровою жизнію* онъ укрѣпилъ себя для трудовъ воинскихъ, не имѣя ни становъ, ни обоза: *питался кониною*... презиралъ хладъ и ненастье сѣвернаго климата, не зналъ *шатра* и спалъ подъ *сводомъ неба*: *войлокъ* подсѣдельный служилъ ему вмѣсто мягкаго ложа, сѣдло—изголовьемъ.	Онъ на равнинахъ дальнихъ сихъ ...Дивилъ и чуждыхъ, и своихъ Своею *жизнію суровой.* Ему *сводъ неба* былъ *шатромъ* И въ лѣтній зной и въ зимній холодъ. Земля подъ *войлокомъ* одромъ, *А пищею конина* въ голодъ.
„Бѣгство насъ не спасетъ (говорилъ великодушный Святославъ своей дружинѣ), *волею или неволею должны мы сразиться. Не посрамимъ отечества*, но ляжемъ здѣсь костями: мертвымъ не стыдно!“	„Друзья, *насъ бѣгство не спасетъ!*“ Гремѣлъ герой на бранномъ полѣ: „Позоръ на мертвыхъ не падетъ: *Намъ биться волей, иль неволей.* *Сразимся* жъ, храбрые, смѣлѣй *Не посрамимъ отчизны* милой И груды вражескихъ костей Набросимъ надъ своей могилой!“
До самаго *вечера* счастье ласкало ту и другую сторону; *двѣнадцать разъ* то и другое войско думало торжествовать *побѣди*.	Съ утра *до вечера* кипѣлъ На ближнемъ полѣ бой кровавый: *Двѣнадцать разъ* герой хотѣлъ Вѣнчать *побѣду* звучной славой.

Въ думѣ „Ольга при могилѣ Игоря“, подъ вліяніемъ Карамзина, сложилось у Рылѣева представленіе о корыстолюбіи Игоря;

[1]) Т. I, Спб. 1818, стр. 171, 181—182, 185—186.
[2]) *Баллады*, т. I, стр. 61—62.

любимый мотивъ поэта—возстаніе угнетеннаго племени, а также описаніе гибели русскаго князя въ землѣ древлянъ, навѣяны были ему Карамзинымъ. Эпизодъ, разработанный въ думѣ Рылѣева, переданъ въ „Исторіи Государства Россійскаго“ въ слѣдующихъ словахъ:

„Князь... отправился въ землю Древлянъ и забывъ, что умѣренность есть добродѣтель власти, обременилъ ихъ тягостнымъ налогомъ... Дружина его... грабила несчастныхъ данниковъ... Еще недовольный взятою имъ данію, онъ съ частію своей дружины (вздумалъ) возвратиться къ Древлянамъ, чтобы требовать новой дани. Послы ихъ встрѣтили его на пути и сказали ему: „Князь, мы все заплатили тебѣ: для чего же опять идешь къ намъ?“ Ослѣпленный корыстолюбіемъ Игорь шелъ далѣе. Тогда отчаянные Древляне видя, что «надобно умертвити волка, *или все* стадо *будетъ его жертвой*», вооружились подъ начальствомъ князя своего..., вышли изъ Коростеня, убили Игоря и погребли недалеко оттуда“ [1]).

Эта историческая канва послужила матеріаломъ для слѣдующихъ строкъ думы Рылѣева:

Вдругъ князя гордая душа
  Покой пренебрегаетъ
И, къ золоту алчбой дыша,
  Тревоги замышляетъ.
Дружины собралися въ станъ
  Въ доспѣхахъ ярой брани—
И полетѣли въ край древлянъ
  Сбирать покорства дани.

Древляне дань сполна внесли;
  Но Игорь недовольной
Сталъ вновь налоги брать съ земли
  Съ дружиной своевольной.
„О князь!“ народъ ему вѣщалъ,
  „Чего еще желаешь?...
„Отъ насъ послѣднее ты взялъ
  „И насъ же угнетаешь!“

Но князь не внялъ моленьямъ симъ—
  И угнетенныхъ племя

[1]) „Исторія...“, т. I, изд. 2-ое, 1818 г., стр. 156—157.

Рѣшилося сразиться съ нимъ
И сбросить ига бремя.
„Погибель хищнику, друзья!
„Пускай падетъ онъ мертвой!
„Его сразитъ стрѣла моя,
„*Иль всѣ* мы *будемъ жертвой!*“

Древлянскій князь твердилъ въ лѣсахъ....
Отважные возстали,
И съ дикой яростью въ сердцахъ
На Игоря напали.
Дружина хищниковъ легла
Безъ славы и безъ чести,
А твой отецъ, виновникъ зла,
Палъ жертвой лютой мести [1]).

Кромѣ того, Рылѣевъ ввелъ въ свою думу нѣсколько новыхъ мотивовъ, отсутствующихъ у Карамзина: его произведеніе начинается описаніемъ мрачной осенней ночи съ бушующимъ среди лѣса вѣтромъ. Въ глухую полночь Ольга со своимъ сыномъ посѣщаетъ Игоревъ курганъ и здѣсь разсказываетъ юному Святославу печальную повѣсть о кончинѣ Игоря.

Въ думѣ „Святополкъ“ вліяніе „Исторіи“ Карамзина было сравнительно незначительно. Отмѣтимъ нѣкоторыя общія черты. Святополкъ Карамзина—гонимъ „*небеснымъ гнѣвомъ*“; онъ „видѣлъ непрестанно грозныхъ непріятелей за собою и трепеталъ отъ ужаса... *кончилъ жизнь свою* въ пустыняхъ *Богемскихъ*... Имя „*Окаяннаго*“ осталось въ лѣтописи неразлучно съ именемъ сего несчастнаго князя“ [2]). Эти мысли повторяются и въ нѣкоторыхъ стихахъ Рылѣева:

„Въ глуши *Богемскихъ* дикихъ горъ
...Братоубійца Святополкъ,
Отъ всѣхъ оставленный, скитался...
...Ему былъ страшенъ взоръ людей...
...Встрѣчалъ онъ всюду *гнѣвъ небесъ*...“

[1]) *Баллады*, т. I, стр. 90.
[2]) „Исторія...“, т. II, изд. 2-ое, 1818 г., стр. 17—18.

..*И кончилъ дни свои*, страдая...
...И сочеталъ народа гласъ
Съ нимъ „*Окаяннаго*“ прозванье[1]).

Такая же малая зависимость отъ Карамзина видна и въ думѣ „Мстиславъ Удалый“: позаимствовавъ изъ „Исторіи“ фактическія свѣдѣнія, Рылѣевъ внесъ въ разработку своего сюжета значительно больше живости и разнообразія; описаніе единоборства передано у него быстрой, отрывистой рѣчью. Слова Карамзина—„силы князя россійскаго начали изнемогать, онъ призвалъ въ помощь Богородицу—низвергнулъ врага и зарѣзалъ его ножемъ“—превратились у Рылѣева въ цѣлую картину:

Но вотъ—Мстиславъ изнемогаетъ...
Онъ падаетъ... Конецъ борьбѣ...
„Святая Дѣва!—восклицаетъ:
„Я храмъ сооружу тебѣ!“
И сила дивная мгновенно
Влилася въ князя... Онъ возсталъ.
Рванулся бурей разъяренной—
И новый Голіаѳъ упалъ;
Упалъ, и сталъ курганъ горою...
Мстиславъ широкій мечъ извлекъ
И, придавивъ врага пятою,
Главу огромную отсѣкъ[2]).

[1]) *Балицкій*. т. I, стр. 63—64. Кромѣ Рылѣева, личностью Святополка интересовался Нарѣжный (см. его трагедію „Святополкъ“); этотъ же сюжетъ разрабатывали В. К. Кюхельбекеръ (стих-іе „Святополкъ Окаянный“ въ альманахѣ „Мнемозина“ 1824 г., ч. I) и П. Шкляревскій (см. его думу „Святополкъ“ въ „Благонамѣренномъ“ 1823 г., ч. XXIII).

[2]) *Балицкій*, т. I, стр. 78. Какъ намъ уже приходилось отмѣчать (см. выше, стр. 80), дума „Мстиславъ Удалый“ представлена была Рылѣевымъ въ 1822 году въ Спб. Общество Любит. Росс. Словесности; на собраніи 15 мая дума была разсмотрѣна: ее „одобрили“ и избрали единогласно для напечатанія въ „Соревн. Просвѣщенія“; дума, однако, появилась впервые въ печати не въ этомъ журналѣ, а въ альманахѣ „Полярная Звѣзда на 1823 г.“—Сюжетъ о Мстиславѣ, кромѣ Рылѣева, интересовалъ еще и Пушкина (см. его сочиненія, изд. Акад. наукъ, т. II, Спб. 1905; стр. 256;—Переписка, т. I, Спб. 1906, стр. 182); кн. Вяземскій записывалъ въ 1822 году въ „книгу литературныхъ упованій“ обѣщаніе Пушкина разсказать „Мстислава древній поединокъ“ (*А. Н. Веселовскій*. В. А. Жуковскій. Спб. 1904, стр. 535).

Въ думѣ „Михаилъ Тверской“ Рылѣевъ близко держался Карамзина; прозаическій разсказъ послѣдняго о смерти русскаго князя въ ордѣ онъ передалъ стихами и только въ одномъ мѣстѣ дополнилъ свой источникъ, введя въ думу гражданскіе мотивы.

Карамзинъ. „Ист. Гос. Россійскаго“.

Вся орда тронулась: *вслѣдъ* за нею *повлекли* и *Михаила*, ибо *Узбекъ* еще не рѣшилъ судьбы его...

Желая мучить свою жертву, Кавгадый въ одинъ день вывелъ его на площадь, усыпанную людьми... Князь изнуренный, слабый *сѣлъ на площади*, и *любопытные* окружили его, разсказывая другъ другу, что сей узникъ былъ великимъ государемъ въ землѣ своей. *Глаза* Михаиловы наполнились *слезами*.

Рылѣевъ. „Михаилъ Тверской“.

За *Узбекомъ вслѣдъ влекомый*
Кавгадыемъ, Михаилъ
Въ край чужой и незнакомый
Съ сыномъ юношей вступилъ.
...Ветхимъ рубищемъ покрытый,
Съ мрачной грустію въ груди,
Князь страдалецъ-знаменитый
Сѣлъ въ цѣпяхъ *на площади*.
Несчастливца обступили
Любопытные толпой.
„Это князь былъ!“ говорили
И качали головой.
„Онъ обширными странами,
„Какъ Узбекъ нашъ, обладалъ;
„Онъ съ отважными полками
„Кавгадыя поражалъ!“
Въ рѣчи вслушавшись чужія,
Загрустилъ сильнѣе князь:
Вспомнилъ славу—и впервые
Слезы брызнули *изъ глазъ*.

Здѣсь на нѣкоторое время Рылѣевъ оставляетъ свой источникъ и въ слѣдующихъ словахъ выражаетъ охватившія Михаила гражданскія чувства:

„До какого униженья“
Онъ мечталъ, потупя взоръ
„Довели насъ заблужденія
„И погибельный раздоръ
„Тѣ, которыхъ трепетали
„Хитрый грекъ и храбрый лахъ,
„Нынѣ вдругъ рабами стали

„И предъ ханомъ пали въ прахъ!...
„Я любилъ страну родную
„И пылалъ разрушить въ ней
„Нашихъ бѣдъ вину прямую—
„Распри злобныя князей".

Затѣмъ Рылѣевъ снова обращается къ своему источнику.

Нѣсколько разъ вѣрные слуги предлагали ему тайно уйти, сказывая, что кони и проводники готовы. „Я никогда не зналъ постыднаго бѣгства", отвѣчалъ Михаилъ, „оно можетъ спасти только меня, а не отечество".

Смерть свою давно предвижу:
Для побѣга други есть—
Но побѣгомъ не унижу
Незапятнанную честь.
...Не хочу своимъ спасеньемъ
На родимый край навлечь
Кавгадыя съ лютымъ мщеньемъ
И Узбека грозный мечъ!

Узбекъ юный, неопытный опасался быть несправедливымъ: наконецъ, обманутый согласіемъ безсовѣстныхъ судей, единомышленниковъ Георгіевыхъ и Кавгадыевыхъ, утвердилъ ихъ приговоръ. Часъ рѣшительный наступалъ.... Михаилъ, взявъ у священника *Псалтырь*... читалъ... закрылъ книгу, а въ то самое время *вбѣжалъ* въ ставку одинъ изъ его *отроковъ* съ лицемъ блѣднымъ, сказывая дрожащимъ голосомъ, что князь Георгій Даниловичъ, Кавгадый и множество народа приближаются къ шатру.

...Кавгадыемъ обольщенный,
Между тѣмъ младой Узбекъ,
Въ сердцѣ трепетный, смятенный
Смерть невинному изрекъ...

Ужъ Георгій съ палачами
И коварный другъ царя
Шли поспѣшными шагами
Къ жертвѣ, злобою горя...
Предъ иконою святою
Михаилъ *псаломъ* читалъ;
Вдругъ съ той вѣстью роковою
Отрокъ княжескій *вбѣжалъ*.

Михаилъ стоялъ одинъ и молился. Злодѣи повергли его на землю, мучили, били пятами.

Одинъ изъ нихъ *Романецъ* вонзилъ ему ножъ въ ребра и вырѣзалъ *сердце*.

Вслѣдъ за нимъ убійцы съ крикомъ
Ворвались въ густыхъ толпахъ;
Ворвалися и напали...
Какъ гроза въ глухой ночи,
Надъ упавшимъ засверкали

Георгій и Кавгадый, узнавъ о смерти *святого мученика*,—ибо таковымъ справедливо признаетъ его наша *церковь*,—сѣли на коней и подъѣхали къ шатру[1]).

Ятаганы и мечи...
Кровь изъ язвъ лилась струею...
И пробилъ его конецъ:
Сердце хладною рукою
Вырвалъ дикій *Романецъ*.
Князь скончался жертвой мщенья!
Съ той поры онъ всюду чтимъ:
Михаила *за мученья*
Церковь празднуетъ *святымъ*[2]).

Въ думѣ „Димитрій Донской" вліяніе Карамзина сказалось не такъ сильно, какъ въ предыдущей думѣ: Рылѣевъ заимствовалъ изъ „Исторіи" лишь нѣкоторыя историческія подробности и наиболѣе характерныя выраженія.

У Карамзина:

„Братья! *умремъ* за отечество"... и громогласно читая псаломъ: „*Богъ намъ прибѣжище и сила*", *первый* ударилъ *на враговъ*.

На пространствѣ десяти верстъ лилась *кровь* христіанъ и невѣрныхъ. Ряды смѣшались: индѣ Россіяне тѣснили *Моголовъ*, индѣ Моголы Россіянъ.

Владиміръ спрашивалъ: „гдѣ братъ мой и *первоначальникъ* нашей *славы*"?

Владиміръ, князья, чиновники, *преклонивъ* колѣна, воскликнули

Въ думѣ Рылѣева:

„*Богъ намъ прибѣжище и сила*!"
Рекъ Дмитрій на челѣ полковъ:
„*Умремъ*, когда судьба судила!"
И первый грянулъ *на враговъ*.
Повсюду хлещетъ *кровь* ручьями:
Зеленый побагровѣлъ долъ:
Тамъ *русскій* пораженъ врагами,
Здѣсь палъ растоптанный *монголъ*.
Что зрю?... «*Первоначальник славы*»!
Димитрій раненъ... страшный видъ!...
...Но вотъ къ стенящему герою
Притекъ сонмъ воевъ и князей.

[1]) „Исторія Гос. Рос.", т. IV, Спб. 1819, стр. 184—187.

[2]) *Бѣлицкій*, т. I, стр. 78—81. Дума „Михаилъ Тверской" впервые появилась въ печати въ „Новостяхъ Литературы" 1822 г. (ч. II, стр. 92—96). Спустя два года напечатано было въ „Сынѣ Отеч." (1824 г., ч. XCVI) стихотворенія *Б...ва* подъ тѣмъ же заглавіемъ; размѣръ послѣдняго такой же, какъ и у Рылѣева (строфы по 8 стиховъ); однако, въ разработкѣ сюжета о Михаилѣ Б...вѣ не зависѣлъ ни отъ Рылѣева, ни отъ Карамзина.

единогласно: „Государь! *Ты побѣдилъ* враговъ!“ Димитрій *всталъ* [1]).

Вотъ, *преклонивъ* трофеи брани,
Гласятъ: „*Ты побѣдилъ! возстань*“! [2]).

Въ уста Димитрія Рылѣевъ вложилъ горячій призывъ къ свободѣ: источникъ этой рѣчи надо искать не въ историческихъ памятникахъ, а въ настроеніи самого поэта и современнаго ему общества.

Доколь намъ, други, предъ тираномъ
Склонять покорную главу,
И за одно съ презрѣннымъ ханомъ
Позорить сильную Москву?
. . . Летимъ и возвратимъ народу
Залогъ блаженства чуждыхъ странъ:
Святую праотцевъ свободу
И древнія права гражданъ [3]).

Источникъ для думы „Курбскій“ указанъ самимъ Рылѣевымъ въ письмѣ къ Ѳ. В. Булгарину отъ 20-го іюня 1821 года. Пересылая изъ Острогожска въ Петербургъ думу, Рылѣевъ писалъ Булгарину: „Въ своемъ уединеніи прочелъ я девятый томъ Русской исторіи... Ну, Грозный! Ну, Карамзинъ!... Вотъ бездѣлка моя— плодъ чтенія девятаго тома. Если бездѣлка сія будетъ одобрена почтеннымъ Н. И. Гнѣдичемъ, то прошу тебя отдать ее Александру Федоровичу [Воейкову] въ „Сынъ Отечества“ [4]).

---

[1]) „Исторія“..., т. V, 1819, стр. 70—73.

[2]) Балицкій, т. I, стр. 82—83.

[3]) Ibid., стр. 81. Дума „Димитрій Донской“ представлена была Рылѣевымъ въ Спб. Общество Любителей Россійской Словесности; 2-го окт. 1822 года ее читали въ собраніи и не одобрили: безъ баллотировки стихотвореніе „предоставлено было въ распоряженіе г. сочинителя“ (см. архивъ Общества, въ библіотекѣ Импер. Акад. наукъ. „Журналъ ученыхъ упражненій“ за 1822 г., протоколъ XXIII засѣданія).—Помимо „Исторіи“ Карамзина на разработку сюжета о Куликовской битвѣ могла натолкнуть Рылѣева еще и рукопись „Сказаніе о побоищѣ великаго князя Димитрія Ивановича Донского“, которая въ первой половинѣ 1821 года поступила въ Общество Любит. Рос. Слов. отъ П. М. Снегирева; о ней Рылѣевъ, несомнѣнно, зналъ, такъ какъ для изданія ея Обществомъ организованъ былъ особый комитетъ, въ составъ котораго вошли близко знакомыя Рылѣеву лица—Ѳ. Н. Глинка, Н. И. Гречъ, Н. И. Гнѣдичъ, Ѳ. В. Булгаринъ, бар. А. А. Дельвигъ и др. (см. „Отчетъ...“ за 1821 г.).

[4]) *Балицкій*, т. II, стр. 158. Дума, дѣйствительно, появилась въ томъ же году въ „Сынѣ Отечества“ (ч. LXXI, стр. 129—131): названа она здѣсь „эле-

Личность Курбскаго Рылѣевъ идеализировалъ сравнительно со своимъ источникомъ. Хотя Карамзинъ и сочувственно относился къ бѣгству Курбскаго, указывая, что „бѣгство не всегда—измѣна; гражданскіе законы не могутъ быть сильнѣе естественнаго: спасаться отъ мучителя“, однако онъ не могъ простить Курбскому его измѣны отечеству: „горе гражданину, который за тирана мститъ отечеству! Юный, бодрый воевода, въ нѣжномъ цвѣтѣ лѣтъ ознаменованный славными ранами, мужъ битвы и совѣта..., нѣкогда любимецъ и другъ царя, возложилъ на себя печать и долгъ на историка вписать гражданина столь знаменитаго въ число государственныхъ преступниковъ“ [1]).

Рылѣевъ ничего не говоритъ въ думѣ о преступленіи Курбскаго; его герой возбуждаетъ къ себѣ чувство живой симпатіи: это—человѣкъ, который изъ-за прихотей „неистоваго тирана“ долженъ былъ бѣжать изъ своего отечества, покинуть семью и искать пріюта въ чужой землѣ. Чужимъ и одинокимъ чувствуетъ себя Курбскій въ Литвѣ; тоска по „милой родинѣ“ и сознаніе невозможности помочь ей лишаютъ его душевнаго спокойствія:

Ужъ болѣ пылкихъ я дружинъ
Не поведу къ кровавой брани,
И врагъ не побѣжитъ съ равнинъ
Отъ покорителя Казани.
До дряхлой старости влача
Унылу жизнь въ тиши безславной,
Не обнажу за Русь меча,
Гонимъ судьбою своенравной.
За то, что изнемогъ отъ ранъ,
Что въ битвахъ край родной прославилъ,
Меня неистовый тиранъ
Бѣжать отечества заставилъ,
Покинуть сына и жену,
Покинуть все, что мнѣ священно,

гей“ и помѣчена: „Острогожскъ, іюня 20, 1821“. Съ этимъ же названіемъ стихотвореніе было перепечатано въ „Собраніи образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ“ (ч. IV, изд. 2-ое, Спб. 1822, стр. 312—313). Дума „Курбскій“—первая дума Рылѣева, появившаяся въ печати.

[1]) „Исторія Гос. Рос.“, т. IX, изд. 2-ое, Спб. 1821, стр. 58—59.

И въ чуждую уйти страну
Съ душою, грустью отягченной.
Увы! всего меня лишилъ
Тиранъ отечества драгова!
Сколь жалокъ, рокъ кому судилъ
Искать въ странѣ чужой покрова! [1]).

Въ обрисовкѣ личности Курбскаго видны байроновскіе мотивы, правда, не лишенные и нѣкоторыхъ отзвуковъ оссіанизма; герой Рылѣева, подобно героямъ Байрона, является мощной фигурой: онъ гордъ въ своемъ несчастьи, не ищетъ сочувствія среди окружающихъ и одиноко переноситъ гоненья рока. Въ ночную пору сидитъ Курбскій на мшистомъ камнѣ и лишь природѣ повѣряетъ мрачныя свои думы. Грозныя стихіи природы вполнѣ соотвѣтствуютъ душевному состоянію Курбскаго.

Сидѣлъ,—и въ перекатахъ громъ
На небѣ мрачномъ раздавался,
И темный лѣсъ, шумя, кругомъ
Отъ блеска молній освѣщался [2]). .

Девятый томъ „Исторіи Государства Россійскаго" далъ Рылѣеву матеріалъ и для думы «Смерть Ермака»: живой разсказъ Карамзина о гибели этого героя имѣетъ много общаго съ думой Рылѣева [3]): однако въ разработкѣ своего сюжета поэтъ остался вѣренъ обычнымъ своимъ пріемамъ: съ одной стороны, онъ ввелъ въ думу оссіановскіе мотивы (описаніе бурной осенней ночи), съ другой—представилъ своего героя не только отважнымъ покорителемъ Сибири, но и горячимъ патріотомъ, который готовъ не щадить жизни своей, „за Русь святую погибая". Оссіановскіе мотивы повторяются нѣсколько разъ въ думѣ и при этомъ почти въ однихъ и тѣхъ же словахъ:

Ревѣла буря, дождь шумѣлъ,
Во мракѣ молніи летали;

[1]) *Балицкій*, т. I, стр. 88.
[2]) Ibidem, стр. 87.
[3]) См. „Исторія", т. IX, Спб. 1821, стр. 407 и *Балицкій*, т. I, стр. 88—90.

Безперерывно громъ гремѣлъ,
И вѣтры въ дебряхъ бушевали [1])...

„Исторія“ Карамзина, вѣроятно, не была единственнымъ источникомъ для думы „Смерть Ермака“: необходимый историческій матеріалъ Рылѣевъ могъ найти въ Спб. Обществѣ Люб. Рос. Словесности [2]). Что же касается литературныхъ обработокъ сюжета о Ермакѣ, извѣстныхъ у насъ до Рылѣева, то ни стихотвореніе И. И. Дмитріева „Ермакъ“ (1794 г.), ни трагедія И. Плавильщикова „Ер-

[1]) *Балицкій*, т. I, стр. 88—90. Въ такомъ родѣ описанія, какъ намъ уже приходилось отмѣчать, часто встрѣчаются въ думахъ Рылѣева; въ современной ему литературѣ также можно видѣть подобные мотивы. Ср., напр., у Карамзина, въ балладѣ „Раиса“:

Во тьмѣ ночной ярилась буря,
Сверкалъ на небѣ грозный лучъ:
Гремѣли громы въ черныхъ тучахъ,
И сильный дождь въ лѣсу шумѣлъ (Сочиненія, т. I, изд. 2-ое, Москва, 1814, стр. 27); или у Сибирякова, въ отрывкѣ изъ баллады „Всемилла и Милонъ“:

Ужасно сильный вѣтръ ревѣлъ
Въ поляхъ, лѣсахъ, вершинахъ
Громъ страшной вдалекѣ гремѣлъ
И вторился въ долинахъ;
Стекались черны облака,
И буря поднималась,
И молнія издалека
Змѣями извивалась („Труды Общества Люб. Рос. Словесности“, ч. XII, Москва, 1818, стр. 34).

[2]) Въ библіотекѣ Общества свѣдѣнія объ участи Ермака и его сподвижниковъ поэтъ могъ встрѣтить въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ“ (ч. I, Спб. 1818) и въ „Лѣтописи Сибирской, изданной по рукописи XVII ст.“ (Спб. 1821): эти книги поступили въ библіотеку отъ ихъ издателя Гр. Спасскаго. Въ 1821 г. туда же переданъ былъ А. Н. Олениныиъ портретъ Ермака (См. „Отчетъ“... за 1821 г.) Въ слѣдующемъ году въ журналѣ общества издана была прочитанная предварительно Г. Н. Спасскимъ въ собраніи „Лѣтопись о Сибирской странѣ и о взятіи Сибири“ (см. „Отчетъ“... за 1822 г. и „Сорев. Просв.“ 1822 г., ч. XVII).— Изъ другихъ матеріаловъ, которые могли быть подъ руками у Рылѣева, отмѣтимъ важнѣйшіе: 1) *I. Фишеръ*. Сибирская исторія. Спб. 1774.—2) *Г. Ф. Миллеръ*. Описаніе Сибирскаго царства. Спб. 1750.—3) Жизнь и дѣянія Ермака, завоевателя Сибири, выбранныя изъ разныхъ писателей россійскихъ и иностранныхъ. Москва 1807.—4) *А. Н. Оленинъ*. Письмо къ издателю „Спб. Вѣдомостей“ о Ермакѣ, завоевателѣ Сибири, 1821 г.—5) „Ермакъ Тимофеевъ“— біографія, изданная И. Бекетовымъ въ „Собраніи портретовъ Россіянъ знаменитыхъ“ (ч. I, Москва 1821, стр. 27—40).

макъ, покоритель Сибири“ (Москва, 1806), ни отрывокъ изъ поэмы о Ермакѣ А. Радищева, подъ заглавіемъ «Ангелъ смерти» [1]), не оказали сколько-нибудь замѣтнаго вліянія на думу Рылѣева.

При появленіи своемъ дума «Смерть Ермака» не прошла безслѣдно и въ литературныхъ кругахъ обратила на себя вниманіе: Спб. Общество Любителей Россійской Словесности, куда Рылѣевъ первоначально представилъ это стихотвореніе, въ засѣданіи 28 ноября 1821 года нашло думу достойной «особеннаго уваженія», вслѣдствіе чего и автора ея рѣшило переименовать изъ членовъ-сотрудниковъ въ дѣйствительные члены Общества [2]). При жизни Рылѣева дума нѣсколько разъ появлялась въ печати [3]); въ 1831 году она издана была въ альманахѣ «Венера» [4]) и затѣмъ заносилась въ рукописные сборники на ряду съ другими художественными произведеніями русскихъ поэтовъ [5]).

[1]) См. его Собраніе сочиненій. Москва. 1807—1811, ч. IV. „Ермакъ“ Дмитріева и трагедія И. Плавильщика вызвали рѣзкіе о себѣ отзывы. По поводу перваго А. Пушкинъ писалъ кн. П. А. Вяземскому 4-го ноября 1823 г.: „Ермакъ такая дрянь, что мочи нѣтъ“. (Соч. Пушкина. Переписка, т. I, Спб. 1906, стр. 83); А. С. Шишковъ составилъ слѣдующую эпиграмму на трагедію Плавильщикова:

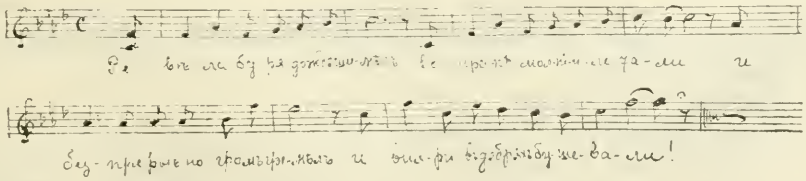
„Рублевикъ заплатилъ, чтобъ видѣть Ермака:
Увидѣлъ и впередъ не дамъ ни пятака“ (Отчетъ Имп. Публичной Библіотеки за 1890 г. Спб. 1893, стр. 120).

[2]) См. выше, стр. 78.

[3]) „Соревн. Просв.“ 1822 г., ч. XVIII, № 4, стр. 100—103; „Рус. Инвалидъ“ 1822 г., № 14, стр 55—56; „Сѣверные цвѣты“ 1825 г., стр. 56—59; Думы, стихотворенія К. Рылѣева. Москва 1825. стр. 91—99.

[4]) Ч. II, стр. 117—122.

[5]) См. рукописный сборникъ со стихотвореніями А. Пушкина, Н. И. Гнѣдича, Аксакова, Мерзлякова и др. въ Импер. Академіи наукъ: № 15, 1, 9. Съ теченіемъ времени дума „Смерть Ермака“ распространилась въ широкихъ слояхъ русскаго населенія: по свѣдѣніямъ, любезно сообщеннымъ намъ В. Н. Марченко-Запорожченко, эта дума теперь входитъ въ репертуаръ пѣсенъ козацкихъ войскъ на Дону и поется на слѣдующій мотивъ:



Послѣ Рылѣева къ литературной разработкѣ сюжета о Ермакѣ обращались многіе наши писатели: *Е. А. Баратынскій* (стихотвореніе „Ермакъ“),

Кромѣ „Исторіи Государства Россійскаго“, Рылѣевъ пользовался для своихъ думъ еще другими источниками; между ними встрѣчаются не только историческіе матеріалы, но и произведенія литературнаго характера. Разсмотримъ остальныя его думы и попытаемся, насколько возможно, установить ихъ источники и вообще освѣтить ту обстановку, среди которой появлялись эти произведенія.

„Вадимъ“.

Дума сохранилась безъ конца среди автографовъ Рылѣева въ коллекціи бумагъ Ѳ. В. Булгарина [1]); при жизни поэта она не появлялась въ печати и издана была впервые въ 1871 г. [2]).

Герой, воспѣтый въ думѣ, давно уже привлекалъ къ себѣ вниманіе нашихъ писателей; литературная обработка преданія о Вадимѣ Новгородскомъ началась у насъ съ конца XVIII в. Первая обратилась къ этому сюжету имп. Екатерина II. Въ „Историческомъ представленіи изъ жизни Рюрика“ (1786 г.) она представила Вадима честолюбивымъ и самонадѣяннымъ юношей, который дерзко возстаетъ противъ законной власти Рюрика и вопреки правамъ старшинства хочетъ захватить въ свои руки новгородскій престолъ. Замыслы мятежнаго князя терпятъ пораженіе; великодушный Рюрикъ, въ лицѣ котораго Екатерина II стремилась воплотить идеалъ просвѣщеннаго монарха конца XVIII в., прощаетъ своего двоюроднаго брата и этимъ поступкомъ приводитъ его къ искреннему раскаянію. „О государь, восклицаетъ Вадимъ, становясь на колѣни передъ Рюрикомъ, ты къ побѣдамъ рожденъ, ты милосердіемъ враговъ всѣхъ побѣдишь, ты дерзость тѣмъ обуздаешь... Я вѣрный твой подданный вѣчно“ [3]). Совершенно иное изображеніе Вадима мы находимъ въ

А. С. *Хомяковъ* (его трагедія „Ермакъ“ была закончена въ 1826 г.; см. о ней въ изслѣдованіи г. Завитневича „А. С. Хомяковъ“ т. I кн. 1, Кіевъ, 1902, стр. 144—165). А. *Муравьевъ* (стихотвореніе „Ермакъ“ въ его сборникѣ „Таврида“, Москва 1827). *П. Свиньинъ* („Ермакъ, или покореніе Сибири“, Истор. романъ XVI ст. 4 чч. Спб. 1834). *Н. Полевой* („Ермакъ Тимофеевичъ, или Волга и Сибирь“, драма Спб. 1845).

[1]) См. Ефр.², стр. 316—317.

[2]) „Рус. Старина“, № 1, стр. 73—74.

[3]) Сочиненія имп. Екатерины II, съ объясн. примѣчаніями А. Н. Пыпина, т. II, Спб. 1901. „Подражаніе Шекспиру, историческое представленіе безъ сохраненія всѣхъ обыкновенныхъ правилъ изъ жизни Рюрика“, стр. 251.

трагедіи Я. Княжнина „Вадимъ Новгородскій“ [1]: его герой не честолюбивый мятежникъ, но убѣжденный республиканецъ, безкорыстный поборникъ гражданской свободы, который съ помощью сильной партіи мужественно защищаетъ свободу „любезнаго отечества“. Когда новгородцы, выведенные изъ терпѣнія междоусобіями вельможъ, передаютъ верховную власть Рюрику и ставятъ его „владыкой надъ собой“, Вадимъ не можетъ примириться съ этимъ и рѣшается спасти свободу Новгорода—„разрушить гордый тронъ, отечество возставить“. Въ рѣшительномъ сраженіи дружина его разбита воинами Рюрика. Обезоруженный Вадимъ со своими единомышленниками приведенъ къ побѣдителю; послѣдній предлагаетъ ему дружбу и царскій вѣнецъ, но твердый въ своихъ убѣжденіяхъ Вадимъ отвергаетъ оба предложенія и умираетъ съ безкорыстнымъ презрѣніемъ къ власти. Видя, какъ новгородцы стоятъ на колѣняхъ передъ Рюрикомъ, онъ закалываетъ себя мечемъ съ горестнымъ восклицаніемъ:

„О гнусные рабы, своихъ оковъ просящи!
О стыдъ! весь духъ гражданъ отселѣ истребленъ [2])“.

Въ послѣдующихъ литературныхъ обработкахъ поэтическій образъ Вадима получаетъ различное изображеніе, въ зависимости отъ отношеній къ нему того или другого писателя.

М. М. Херасковъ въ повѣсти „Царь, или спасенный Новгородъ“ видѣлъ въ Ратмирѣ (такъ предпочелъ Херасковъ назвать лѣтописнаго Вадима) террориста и мятежника: это—„юноша продерзкій, злобный, свирѣпствомъ льву подобный“; онъ предается развратной, буйной жизни и тлетворно вліяетъ на умы своихъ сотоварищей:

Законы, правду, честь священну
Ратмиръ во смѣхъ преобращалъ
И чернь, еще не развращенну,

---

[1]) Трагедія написана около 1789 г.; издана впервые въ 1793 г. въ XXXIX-ой ч. „Россійскаго Ѳеатра“ и отдѣльнымъ оттискомъ (Спб. 1793); впослѣдствіи трагедія переиздана была въ „Рус. Старинѣ“ 1871 г., т. III, стр. 723—781 и въ „Описаніи рѣдкихъ россійскихъ книгъ“ *А. Бурцева*, ч. I, Спб. 1897, стр. 111—177. Историческій очеркъ литературной обработки преданія о Вадимѣ см. въ статьѣ г. *Замотина*. Преданіе о Вадимѣ Новгородскомъ въ русской литературѣ (Оттискъ изъ „Филологич. Записокъ“). Воронежъ 1901.

[2]) *Я. Княжнинъ*. Вадимъ Новгородскій. „Рус. Старина“ 1871 г., т. III.

Своимъ примѣромъ развращалъ.
Злодѣйствовать расположенный,
Имѣя адъ въ душѣ возженный.
Къ чему ни прикасался онъ,
Вездѣ горѣлъ мятежный пламень,
Преображалось сердце въ камень,
И вѣрность погружалась въ сонъ" [1]).

Въ неконченной повѣсти М. Н. Муравьева „Оскольдъ" Вадиму посвящено всего лишь нѣсколько строкъ, изъ которыхъ, впрочемъ, видно, что поступками его руководитъ не столько гражданская доблесть, сколько личные мотивы — честолюбіе. „Повелитель мужей", „крѣпость воинства" Вадимъ снѣдаемъ здѣсь оскорбленной гордостью; онъ „не можетъ забыть отчужденія своего отъ престола новгородскаго... Онъ надѣется безсмертными дѣяніями замѣнить вѣнецъ княжескій, или, съ оружіемъ въ рукахъ, найти конецъ своихъ печалей въ гробѣ" [2]). Въ обрисовкѣ Вадима замѣтно пробиваются черты сентиментализма съ привнесеніемъ нѣкоторыхъ классическихъ элементовъ.

Въ сентиментальномъ освѣщеніи является Вадимъ и у Жуковскаго [3]), а также въ балладѣ неизвѣстнаго автора, сохранившейся среди бумагъ Г. Р. Державина [4]); во всѣхъ этихъ произведеніяхъ политическая физіономія Вадима заслоняется сентиментальнымъ обликомъ героя, который то погружается въ меланхолическую грусть о прошломъ счастьи, то тоскуетъ по утраченномъ другѣ сердца. Впрочемъ, сентиментальное изображеніе Вадима не долго держалось въ нашей литературѣ: въ 1820-хъ годахъ снова возрождается княжнинскій взглядъ на Вадима, какъ на носителя опредѣленной гражданской идеи: въ немъ видятъ республиканца и отважнаго защитника древней славянской свободы. Такимъ былъ Вадимъ для В. К. Кюхельбекера, когда тотъ читалъ въ Парижѣ лекціи объ освободительномъ

[1]) *М. М. Хераскова*. Царь, или спасенный Новгородъ, стихотворная повѣсть. Москва 1800. Пѣснь I. См. *Н. Н. Замотинъ*, ук. соч., стр. 52, 54—55.

[2]) Сочиненія Муравьева, т. I. Спб. 1856, стр. 214.

[3]) См. его неконченную повѣсть „Вадимъ" (1803 г.) и балладу того же имени (1817 г.).

[4]) См. эту балладу въ нашей замѣткѣ „Къ литературнымъ обработкамъ преданія о Вадимѣ Новгородскомъ" („Чтенія въ Истор. Обществѣ Нестора-лѣтописца", кн. XXII, вып. 1—2, Кіевъ 1911).

движеніи въ Россіи [1]); такимъ представлялся онъ В. Ѳ. Раевскому [2]), А. С. Хомякову [3]) и А. С. Пушкину [4]).

Вообще мотивы новгородской вольности въ 1820-хъ годахъ широко интересовали либеральные круги русскаго общества: на ряду съ Вадимомъ вспоминаютъ въ это время Мароу Посадницу, новгородское вѣче, осаду Пскова. Когда Пушкинъ въ 1824 году сосланъ былъ въ Псковскую губернію, ему не преминули напомнить, въ какой исторической мѣстности приходилось жить поэту: кн. С. Волконскій, досадуя на непрекращающіяся преслѣдованія Пушкина, писалъ ему 18 окт. 1824 года: „Сосѣдство и воспоминанія о Великомъ Новгородѣ, о вѣчевомъ колоколѣ и объ осадѣ Пскова будутъ для васъ предметомъ піитическихъ занятій—а соотечественникамъ вашимъ трудъ вашъ—памятникомъ славы предковъ и современника“ [5]). Рылѣевъ болѣе рѣшительно убѣждалъ Пушкина воспѣть край былой свободы. „Ты около Пскова, писалъ онъ ему въ январѣ 1825 г., тамъ задушены послѣднія вспышки русской свободы; настоящій край вдохновенія—и неужели Пушкинъ оставитъ эту землю безъ поэмы“ [6]).

Пушкинъ, дѣйствительно, не оставилъ безъ вниманія мѣсто ссылки и въ стихотвореніи „Псковъ“ вспомнилъ о былой славянской свободѣ, отмѣтивъ при этомъ печальное современное положеніе древняго города:

[1]) Рус. біографич. словарь, изд. Имп. Рус. Истор. Обществомъ. Спб. 1903 (см. „Кюхельбекеръ“, стр. 705—706); см. также у *А. Н. Веселовскаго*. В. А. Жуковскій. Спб. 1904, стр. 516.

[2]) См. его отрывки изъ „Пѣвца въ темницѣ“ въ „Собраніи стихотвореній декабристовъ“, т. II, изд. П. И. Ѳомина. Москва, 1907, стр. 117—118.

[3]) О его поэмѣ „Вадимъ“ см. упоминаніе въ письмѣ С. И. Тургенева къ В. А. Жуковскому (отъ 23 ноября 1825 г.). „Рус. Архивъ“ 1902 г., іюль, стр. 457.

[4]) Въ 1822 г. Пушкинъ начиналъ писать драму и поэму изъ жизни Вадима; отъ нихъ сохранилось нѣсколько отрывковъ. (Сочиненія Пушкина, изд. Брокг.-Ефр., т. II, Спб. 1908 г., стр. 136—138). Начало поэмы о Вадимѣ, кажется, извѣстно было Рылѣеву; по крайней мѣрѣ, Н. А. Мухановъ одно время собирался переслать его поэту и писалъ ему изъ Одессы по этому поводу: „У меня есть начало „Разбойниковъ“ и первая пѣснь „Вадима“; прислалъ бы тебѣ; но авторъ ихъ назначилъ къ истребленію и поэтому не хочетъ, чтобы ходили по рукамъ и даже говорили объ оныхъ. Но я, зная твою аккуратность, можетъ быть, сдамся, получа убѣжденіе въ сохраненіи ихъ въ тайнѣ“ (*Балицкій*, т. II, стр. 170).

[5]) Сочиненія Пушкина. Переписка, т. I. Спб. 1906, стр. 138.

[6]) *Балицкій*, т. II, стр. 117.

Лишенный честныхъ благъ народнаго правленья
Сей градъ являетъ намъ видъ страшный разрушенья...
Унылые рабы трепещущей пятой
Героевъ вольности тамъ топчутъ прахъ святой...
Все грустно, все молчитъ... Разбился жезлъ народа;
Бѣжитъ искусство прочь и сѣтуетъ природа [1]).

Въ 1825 году Н. Языковъ издалъ въ „Сѣверной Пчелѣ“ „Военную новгородскую пѣсню 1170 г.“, гдѣ также замѣтно отразились симпатіи либеральнаго поэта къ старинной новгородской вольности. Пѣсня призываетъ къ битвѣ съ „темными ратями Андрея“, посягавшими на честь народную — „свободу наслѣднаго права“ [2]). Повидиму, это стихотвореніе имѣлъ въ виду декабристъ Батеньковъ, упоминая въ своемъ показаніи на судѣ о гоненіи на стихи Языкова о новгородцахъ [3]).

Новгородъ и его вѣчевое устройство въ 1820-хъ годахъ вызывали въ сознаніи либерально настроеннаго русскаго общества представленіе о существованіи на Руси республиканскаго образа правленія; многіе поэтому мечтали о возстановленіи древней политической свободы. Декабристъ Батеньковъ, желая, видимо, связать съ историческими традиціями современное освободительное движеніе, полагалъ, что протестъ противъ существующаго государственнаго устройства долженъ начаться въ Новгородской области. Когда И. Бестужевъ сказалъ однажды Рылѣеву, что „Кронштадтъ есть нашъ Леонъ (островъ, съ котораго въ январѣ 1820 года испанскій революціонеръ Квирога съ двумя батальонами началъ возстаніе), то Батеньковъ отвѣчалъ, что „напротивъ того, нашъ островъ Леонъ долженъ быть на Волховѣ, либо на Ильменѣ“ [4]).

Рылѣевъ, стоявшій въ центрѣ освободительнаго движенія, естественно раздѣлялъ господствовавшія представленія о древней славянской свободѣ. Образъ Вадима Новгородскаго былъ особенно для

[1]) „Рус. Архивъ“ 1869 г., стр. 1725—1726. П. Бартеневъ, опубликовавшій въ своемъ журналѣ это стихотвореніе Пушкина, высказываетъ предположеніе, что оно написано было около 1825 года подъ вліяніемъ письма Рылѣева.

[2]) „Сѣверная Пчела“ 1825 г., № 60 (19 мая).

[3]) *В. И. Семевскій*. Полит. и обществ. идеи декабристовъ. Спб. 1909, стр. 182—183.

[4]) Ibid., стр. 176.

него дорогъ, такъ въ этомъ героѣ поэтъ видѣлъ не властолюбиваго соперника Рюрика (ср. Вадима имп. Екатерины II) и не мятежнаго террориста развратника (Вадимъ Хараскова), но самоотверженнаго патріота и защитника новгородцевъ, угнетенныхъ княжеской властью. Какъ и для Княжнина, Вадимъ былъ для Рылѣева носителемъ республиканскихъ идей. Въ своей думѣ поэтъ держался именно княжнинскаго взгляда, не пользуясь при этомъ лѣтописными преданіями [1]).

Въ лѣтописи, изданной Шлецеромъ, эпизодъ съ Вадимомъ переданъ нѣсколько иначе, чѣмъ въ трагедіи Княжнина; здѣсь иниціаторами возстанія были сами новгородцы, Вадимъ же явился лишь выразителемъ общаго негодованія: „Того же лѣта, читаемъ мы въ лѣтописи подъ 6372 (863—864) г., оскорбишася Новгородцы, глаголюще: яко быти намъ рабомъ, и много зла всячески пострадати отъ Рюрика и отъ рода его. Того же лѣта уби Рюрикъ Вадима Храбраго и иныхъ многихъ изби Новгородцевъ, совѣтниковъ его“ [2]).

---

[1]) Строки, посвященныя Вадиму въ „Исторіи Государства Россійскаго“, не оказали вліянія на думу Рылѣева. Карамзинъ вскользь упоминаетъ объ этомъ преданіи и спѣшитъ отмѣтить его недостовѣрность: „сіе извѣстіе, пишетъ онъ въ I т. „Исторіи“, не будучи основано на древнихъ сказаніяхъ Нестора, кажется одною догадкою и вымысломъ. „Впрочемъ, замѣчаетъ по этому поводу г. Замотинъ, Карамзинъ въ свое время не далекъ былъ отъ увлеченія этимъ вымысломъ.. Въ повѣсти «Марѳа Посадница» (1803 г.), рисуя эту женщину въ величавомъ образѣ, напоминающемъ древнихъ римлянокъ временъ Катона и Брута, онъ влагаетъ ей въ уста пламенныя рѣчи о вольности новгородской и въ нихъ съ особой охотою вставляетъ имя Вадима Храбраго, который даже Рюрика смѣло звалъ предъ судъ народа“ (*И. И. Замотинъ*. Преданіе о Вадимѣ Новгородскомъ въ рус. литературѣ. Воронежъ 1901. стр. 76).

[2]) *Несторъ*. Русскія лѣтописи, объясненныя А. Л. Шлецеромъ, перев. съ нѣмецкаго Д. Языковъ. Ч. I. Спб. 1809. стр. 355—356. Къ лѣтописному преданію о Вадимѣ въ изданіи Шлецера сдѣлано сл. любопытное примѣчаніе Миллера: „Дикіе Норманы очень скоро начали брать на себя видъ повелителей; это удивило Новгородцевъ и они начали роптать... Одинъ Новгородецъ по имени „Вадимъ Храбрый“ сдѣлался начальникомъ угнетенныхъ: однако же былъ побѣжденъ... Три брата привели съ собой столько людей, что могли все преодолѣть. Въ слѣдующій годъ оба меньшіе брата померли, Рурикъ остался единодержавнымъ... Такимъ образомъ началось Руское царство, Руская „монархія“, какъ и многія другія, насиліемъ и кровопролитіемъ. Такимъ образомъ Рурикъ наложилъ узы на свободную державу. Онъ призванъ былъ для защищенія свободы и онъ же истребилъ ее“ (Миллеръ въ Бюшинг. Magasin. стр. 337).

У Княжнина, наоборотъ. Вадимъ подымаетъ возстаніе, новгородцы же равнодушны къ политическимъ правамъ: они сочувственно относятся къ Рюрику и признаютъ его „владыкой надъ собой". То же мы видимъ и въ думѣ Рылѣева: его „пламенный витязь" Вадимъ борется за гражданскую свободу при полномъ равнодушіи къ къ ней своихъ соотечественниковъ.

Не смотря на хладъ убійственной
Согражданъ къ правамъ своимъ,
Ихъ отъ бѣдъ спасти насильственно
Хочетъ пламенный Вадимъ.
„До какого насъ безславія
„Довели вражды гражданъ!
„Насылаетъ Скандинавія
„Властелиновъ на славянъ!
„Грозенъ князь самовластительный!
„Но наступитъ мракъ ночной,
„И настанетъ часъ рѣшительный,
„Часъ для гражданъ роковой!" [1])

Новгородской жизни посвящена и неконченная дума „Марѳа Посадница", въ которой Рылѣевъ собирался, повидимому, изобразить послѣдній моментъ борьбы свободнаго Новгорода съ Москвой [2]). Въ черновыхъ бумагахъ поэта сохранился также небольшой отрывокъ стихотворенія, посвященнаго Новгороду. Привѣтствуя отечество Вадима, Рылѣевъ отмѣчаетъ, что страна эта, какъ колыбель свободы, была пріятна ему съ младенческихъ лѣтъ [3]).

„Боянъ", „Владиміръ Святой" и „Рогнѣда".

Всѣ три думы посвящены эпохѣ Владимира Св.; первая изъ нихъ 5 декабря 1821 года была разсмотрѣна въ засѣданіи Спб. Об-

[1]) *Балицкій*, т. I, стр. 117.

[2]) Ibid., стр. 118.—Къ 1803 г. относится историческая повѣсть Карамзина „Марѳа Посадница"; въ 1824 г. издана была трагедія Ѳ. Ѳ. Иванова „Марѳа Посадница" (См. его Сочиненія, ч. II, Москва 1824). См. трагедію Погодина „Марѳа Посадница" (Москва, 1830) и драму Жандра „Марѳа Посадница" („Рус. Стар." 1874 г., №№ 6—7).

[3]) Приложенія, стр. 45

щества Любителей Россійской Словесности и въ слѣдующемъ году появилась въ журналѣ Общества ,,Соревнователь Просвѣщенія'' [1]); ,,Рогнѣда'' издана впервые въ альманахѣ А. Бестужева и Рылѣева ,,Полярная Звѣзда на 1823 г.''; дума ,,Владиміръ Святой'' при жизни поэта не была напечатана и долгое время хранилась среди его автографовъ въ коллекціи бумагъ Ѳ. В. Булгарина, пока въ 1871 году П. А. Ефремовъ не опубликовалъ ее въ „Русской Старинѣ" [2]).

Дума ,,Боянъ'' проникнута грустнымъ, элегическимъ настроеніемъ. Древній славянскій бардъ на пиру у кн. Владиміра среди веселящихся князей и бояръ предается мрачнымъ размышленіямъ. Славные подвиги Владиміра и его дружины не веселятъ унылаго пѣвца. Мысли его обращены къ будущему: онъ предчувствуетъ, что тамъ въ необъятной пучинѣ вѣковъ все настоящее можетъ быть предано забвенію: ужасный полетъ времени погубитъ въ безднѣ лѣтъ славныя дѣянія витязей, которыхъ онъ славилъ, и превратитъ Русь въ пространную могилу; изгладится и самая память о былой славѣ.

И пѣсни звучныя Бояна-соловья
На пиршествахъ не станутъ раздаваться:
Забудутъ витязей, которыхъ славилъ я,
И память ихъ хвалой не будетъ оживляться.
... По чувствамъ пламеннымъ не оцѣнитъ
Пѣвца потомокъ юный:
Въ мракъ неизвѣстности всѣ пѣсни рокъ умчитъ,
И звучныя порвутся струны! [3])

Грустно меланхолическое настроеніе, проникающее эту думу, роднитъ ее съ произведеніями Оссіана-Макферсона, столь популярными въ началѣ прошлаго вѣка; въ одномъ изъ нихъ, въ поэмѣ ,,Бэрратонъ'' мы находимъ подобный образъ тоскующаго пѣвца: отрывокъ этой поэмы подъ заглавіемъ ,,Послѣдняя пѣснь Оссіана'' извѣстенъ былъ въ переводахъ Н. И. Гнѣдича [4]) и В. Вердерев-

---

[1]) См. выше, стр. 80 и 2

[2]) № 1, стр. 75—77.

[3]) *Балицкій*, т. I, стр. 73.

[4]) „Сѣверный Вѣстникъ" 1804 г., ч. I, № 1.

скаго; послѣдній въ слѣдующихъ стихахъ передалъ сѣтованія старца Оссіана:

Такъ придутъ странники въ часъ утра золотой.
Когда свѣтило дня разсѣетъ мракъ тумана.
Придутъ услышать голосъ мой —
И не услышатъ Оссіана!
,,Гдѣ ты, пѣвецъ минувшихъ дней?
О сынъ Фингала вдохновенный,—
Пѣвецъ народовъ и вождей!"
Такъ спроситъ юноша, ловитвой утомленный;
И арфы, брошенной во прахъ,
Онъ узритъ струны позабыты:
Слеза сверкнетъ въ его очахъ—
И оросить пылающи ланиты [1]).

Сюжетъ, затронутый въ думѣ ,,Рогнѣда", подвергался и до Рылѣева литературнымъ обработкамъ. Въ стихотвореніи неизвѣстнаго автора ,,Рогнѣда ко Владиміру" [2]), въ трагедіи О. Ключарева „Владиміръ Великій" [3]), въ анонимной повѣсти ,,Рогнѣда" [4]) мы находимъ обработку того же лѣтописнаго преданія, которое легло и въ

[1]) Собраніе образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ, изд. 2-ое, ч. VI, Спб. 1822, стр. 263; см. это стихотвореніе въ „Благонамѣренномъ" 1821 г., ч. XVII, стр. 220—227.

[2]) См. „Опытъ Трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія при Имп. Московскомъ Университетѣ", ч. III, 1776 г., стр. 63—71.

[3]) „Россійскій Ѳеатръ", ч. VI, Спб. 1787, стр. 81—144.

[4]) „Вѣстникъ Европы" 1820 г., № 6 (мартъ).—Вообще личность Рогнѣды интересовала многихъ нашихъ писателей, вслѣдствіе чего они часто затрагивали въ своихъ произведеніяхъ различные эпизоды изъ ея жизни. Въ трагедіи Княжнина „Владиміръ и Ярополкъ" („Россійскій Ѳеатръ", ч. XXXIV, Спб. 1790) Рогнѣда—одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Она же является героиней и повѣсти „Рогнѣда, или разореніе Полоцка"; повѣсть эта безъ имени автора первоначально напечатана была въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ" 1804 г., кн. I—III, затѣмъ вышла отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ: „Рогнѣда, или разореніе Полоцка, сочиненіе Н. Арнѣбашева". Спб. 1818. См. еще написанное въ народномъ духѣ стихотвореніе Иванова „Рогнѣда на могилѣ Ярополковой" (Собраніе образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ Изд. 2-е, ч. VI, Спб. 1822, стр. 28—33). Мы не разсматриваемъ болѣе подробно этихъ произведеній въ виду того, что затронутые въ нихъ сюжеты не стоятъ въ связи съ думой Рылѣева.

основу думы Рылѣева. Въ нѣкоторыхъ подробностяхъ всѣ эти произведенія имѣютъ общія между собой черты. Такъ, напримѣръ, въ рѣчахъ, съ которыми Рогнѣда обращается къ Владиміру послѣ неудавшагося покушенія, встрѣчаются тѣ же мысли, что и въ думѣ Рылѣева; кромѣ того, въ драмѣ Ключарева и въ стихотвореніи „Рогнѣда ко Владиміру“ повторяется затронутый и Рылѣевымъ эпизодъ съ Изяславомъ, когда тотъ своимъ заступничествомъ спасаетъ Рогнѣду отъ казни. Однако при всѣхъ этихъ чертахъ сходства нельзя не замѣтить и существенныхъ отличій думы Рылѣева. Разница сказывается здѣсь главнымъ образомъ въ своеобразномъ пониманіи поэтомъ личности Рогнѣды. Въ предшествующихъ литературныхъ обработкахъ эта героиня покушается на жизнь Владиміра подъ вліяніемъ чувствъ ревности и оскорбленной любви: Владиміръ измѣнилъ ей и вотъ она, движимая чувствомъ обиды, вспоминаетъ всѣ оскорбленія, нанесенныя ей Владиміромъ, и рѣшается жестоко отомстить за себя.

Сносила все легко... измѣны не снесла [1]).

Между тѣмъ въ думѣ Рылѣева Рогнѣда дѣйствуетъ подъ вліяніемъ другихъ мотивовъ; здѣсь она прежде всего гражданка и въ поступкахъ своихъ руководится главнымъ образомъ гражданскими чувствами. Разказывая Изяславу о прежнемъ могуществѣ и независимости Полоцкаго княжества и славныхъ дѣяніяхъ Рогволода, Рогнѣда своимъ повѣствованіемъ хочетъ пробудить въ сынѣ стремленіе къ великимъ подвигамъ:

Пускай оно въ груди твоей
Зажжетъ къ дѣламъ великимъ рвенье —
Любовь къ странѣ своей родной
И къ притѣснителямъ презрѣнье.

На пиру въ присутствіи Владиміра и бояръ, Рогнѣда не можетъ равнодушно внимать бояну, когда тотъ вспомнилъ о Рогволодѣ и паденіи Полоцка: тяжкій стонъ и вопль отчаянія, вырвавшійся изъ груди Рогнѣды, прерываютъ звонъ гуслей и „шумную радость бесѣды“. Когда Владиміръ, выхвативъ изъ рукъ Рогнѣды мечъ,

[1]) „Рогнѣда ко Владиміру“. („Опытъ Трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія“, ч. III, 1776 г., стр. 68).

разрушаетъ ея дерзкіе замыслы, она горько сѣтуетъ о неудавшемся мщеніи; при этомъ въ ея словахъ, обращенныхъ къ Владиміру, слышится не столько личная обида, сколько гражданскій гнѣвъ и негодованіе.

Испепеливъ мой край родной,
Рѣкой ты кровь въ немъ пролилъ всюду,
И Полоцкъ, дивный красотой,
Преобратилъ развалинъ въ груду.
Но недовольный—местью злой
Къ безсильной плѣнницѣ пылая,
Ты бракъ свой совершилъ со мной
При заревѣ родного края!
Повлекъ меня въ престольный градъ;
Тебѣ я сына даровала...
И что жъ?... еще презрѣнія хладъ
Въ очахъ тирана прочитала!..
...Впервые здѣсь ропщу... увы!
Почто губителя отчизны
Сразить не допустили вы [т. е. боги],
И совершить достойной тризны!
Съ какою бъ жадностію я
На брызжущую кровь глядѣла,
Съ какимъ восторгомъ бы тебя,
Тиранъ, угасшаго узрѣла! [1]).

Въ этомъ привнесеніи гражданскаго элемента въ обрисовку личности Рогнѣды сказалась индивидуальная черта поэтическаго таланта Рылѣева

„Борисъ Годуновъ".

Дума написана была не позже 1822 г., т. к. въ концѣ этого года она была уже напечатана въ альманахѣ „Полярная Звѣзда на 1823 годъ". Рылѣевъ рисуетъ намъ Годунова въ симпатичныхъ чертахъ; подобный образъ мы видимъ и въ XI мъ томѣ „Исторіи Государства Россійскаго", но въ этомъ случаѣ Карамзинъ не могъ быть

[1]) *Балацкій*, т. I, стр. 70

источникомъ для думы, такъ какъ названный томъ его „Исторіи“ появился въ печати уже послѣ того, какъ Рылѣевъ написалъ свое произведеніе [1]).

Въ обрисовкѣ Бориса Годунова поэтъ съ одной стороны могъ раздѣлять взглядъ своего близкаго друга А. А. Бестужева, который видѣлъ въ этомъ государѣ „мудраго и несчастнаго“ правителя, ревностно покровительствовавшаго наукамъ и искусствамъ, сѣявшаго много полезнаго на Руси, что, впрочемъ, уничтожено было „ужасами междуцарствія и злодѣяніями самозванцевъ“ [2]); съ другой—онъ могъ находиться подъ вліяніемъ той характеристики Годунова, которая напечатана была П. Желѣзниковымъ въ его „Сокращенной Библіотекѣ, въ пользу господамъ воспитанникамъ перваго кадетскаго корпуса“. Эта хрестоматія знакома была Рылѣеву; Н. И. Гречъ отмѣчаетъ, что она оказала даже гибельное вліяніе на поэта, содѣйствуя развитію его либеральнаго образа мыслей [3]).

„Борисъ Годуновъ, читаемъ мы въ изданіи П. Желѣзникова, былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые сами творятъ блестящую судьбу свою и доказываютъ чудесную силу натуры... Принимая вѣнецъ, Годуновъ со слезами клялся быть правосуднымъ, человѣколюбивымъ, отцемъ народа. Онъ старался исполнить обѣтъ свой. Лѣтописцы наши, столь неохотно отдающіе ему справедливость, признаются, что Борисъ „любилъ въ судахъ правду“ и что въ его время не лилась кровь на эшафотахъ; но все, что можно было не сказать въ похвалу Годунова, ими умолчано: напримѣръ, какъ онъ облегчалъ бремя налоговъ, какъ хотѣлъ прекратить разныя злоупотребленія власти, какъ во время общихъ бѣдствій, которыми Богъ посѣтилъ Россію въ его правленіе, истощилъ онъ всю казну царскую на благодѣянія... Царь Борисъ, по увѣренію иностранныхъ писателей (Мильтона, Петрея и проч.) хотѣлъ ввести въ Россію науки съ художествами; любилъ великихъ людей... хотѣлъ употребить всѣ способы для просвѣщенія Россіи, которые сто лѣтъ послѣ увѣнчаны совершеннымъ успѣхомъ Петра Великаго... И сего монарха, о которомъ Петръ Великій отзывался съ уваженіемъ, лѣтописцы

---

[1]) XI-й т. „Исторіи“ изданъ былъ въ 1824 г.

[2]) *А. Бестужевъ.* „Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи“, „Полярная Звѣзда на 1823 г.“, стр. 4.

[3]) См. выше, стр. 21—22.

наши не стыдятся описывать безумнымъ злодѣемъ, увѣряя, что онъ для пріобрѣтенія любви народной жегъ Москву, тайно умерщвлялъ старыхъ монахинь изъ фамиліи Романовыхъ, научалъ слугъ доносить на господъ своихъ въ нелѣпостяхъ и даже самъ грабилъ съ ними домы бояръ". Воздерживаясь говорить о приписываемомъ Борису убійствѣ Димитрія, авторъ статьи заканчиваетъ свою характеристику слѣдующими словами: ,,Богъ судитъ тайныя злодѣянія; а мы должны хвалить царей за все, что они дѣлаютъ для славы и блага отечества" [1]).

Въ такихъ же симпатичныхъ чертахъ изображено правленіе Годунова и у Рылѣева. Его Борисъ проливаетъ рѣки благъ для своихъ подданныхъ: ,,мудростію и правотою" онъ хочетъ прославить свое правленіе и до конца своихъ дней готовъ царствовать ,,для одного благодѣянія". Однако полезную дѣятельность Годунова Рылѣевъ ставитъ въ связь съ Угличскимъ злодѣяніемъ. Борисъ творитъ у него добро, желая заглушить угрызеніе совѣсти; дума Рылѣева и имѣетъ главнымъ образомъ въ виду изобразить это тяжелое душевное состояніе Бориса. Голосъ встревоженной совѣсти постоянно напоминаетъ ему объ ужасномъ преступленіи: тщетно пытается онъ забыться сномъ; сонъ бѣжитъ отъ его глазъ, и царь съ трепетомъ внимаетъ, какъ изъ глубины души совѣсть нашептываетъ ему о совершенномъ цареубійствѣ. Чтобы заглушить свои страданія, Борисъ всецѣло отдается служенію на пользу родины и такимъ путемъ пытается возстановить душевный покой.

Я мнилъ: взойду на тронъ — и рѣки благъ
Пролью съ высотъ его къ народу;
Лишь одному злодѣйству буду врагъ:
Всѣмъ дамъ законную свободу.
...Я мнилъ: народъ меня благословитъ,
Зря благоденствіе отчизны,
И общая любовь мнѣ будетъ щитъ
Отъ тайной сердца укоризны.
Добро творю, — но рана души
Оно остановить не можетъ:
Гласъ совѣсти въ чертогахъ и въ глуши

[1]) „Сокращенная Библіотека..." ч. III. Спб. 1801, стр. 296, 301—303, 305 и 314.

Вездѣ равно меня тревожитъ.
...—,,Ахъ, удались! дай сердцу отдохнуть
Отъ нестерпимаго страданья!
Не раздирай страдальческую грудь:
Полна ужъ чаша наказанья!—
Взываю я—но тщетны всѣ мольбы!
Не отгоню ужасной думы:
Повсюду зрю грозящій перстъ судьбы,
И слышу сердца гласъ угрюмый [1]).

Образъ страдающаго Бориса очень напоминаетъ изображеніе этого же героя въ драмѣ Пушкина „Борисъ Годуновъ". Особенно интересенъ тотъ монологъ, гдѣ Борисъ раскрываетъ предъ нами свое тоскующее сердце. Несомнѣнно, онъ былъ навѣянъ думой Рылѣева: и настроеніе, и мысли, высказываемыя здѣсь Борисомъ,—тѣ же, что у Рылѣева:

...Я думалъ свой народъ
Въ довольствіи, во славѣ успокоить,
Щедротами любовь его снискать.—
...Я отворилъ имъ житницы; я злато
Разсыпалъ имъ; я имъ сыскалъ работы ..
Я выстроилъ имъ новыя жилища...

Несмотря на всѣ эти заслуги передъ отечествомъ, пушкинскій Борисъ также не находитъ счастья—

Но счастья нѣтъ моей душѣ...
Ни власть, ни жизнь меня не веселятъ;
Предчувствую небесный громъ и горе.
Мнѣ счастья нѣтъ" [2]).

„Димитрій Самозванецъ".

Эта загадочная личность въ русской исторіи давно приковывала къ себѣ вниманіе не только нашихъ, но и западныхъ историковъ. На Западѣ раньше, чѣмъ у насъ, поставленъ былъ вопросъ

[1]) *Балицкій*, т. I, стр. 91—92.
[2]) *Пушкинъ*. Изд. Брокг.-Ефр., т. II, Спб. 1908, стр. 329.

объ истинности перваго самозванца; при этомъ мнѣнія западныхъ ученыхъ раздѣлились: одни видѣли въ немъ сознательнаго самозванца [1]), другіе считали его истиннымъ сыномъ Ивана Грознаго [2]). Также давно началась на Западѣ и литературная разработка сюжета о Димитріи. Еще въ началѣ XVII-го вѣка въ Испаніи появилась драма Лопе-де-Вега, затрагивавшая начальный періодъ смутной эпохи на Руси—„El gran duque de Moskovia y emperador persequido"; драма издана была въ 1617 году, событія доведены въ ней только до смерти Бориса Годунова. Въ 1689 г. въ Парижѣ шелъ на сценѣ „Démétrius" J. B Aubry des Carrières, а въ нач. XVIII-го в. вышло новое произведеніе на ту же тему, но уже итальянскаго автора Беккабадати: съ нѣкоторыми измѣненіями эта пьеса поставлена была на сценѣ въ Парижѣ въ 1717 г., подъ названіемъ „Arlequin Démétrius, canevas italien en cinq actes, tiré d'une comédie du docteur Boccabadati" (Димитрій здѣсь—истинный царевичъ, сынъ Ивана Грознаго). Незадолго передъ тѣмъ появился и романъ Де-ля-Рошеля, посвященный личности самозванца: „Le zar Démétrius, histoire Moscovite", Paris 1714. Въ 1804 г. Шиллеръ обратился къ Димитрію въ трагедіи „Demetrius"; поэтъ много работалъ для этой пьесы, изучалъ историческій матеріалъ, бытовую обстановку но болѣзнь и смерть помѣшали ему закончить трагедію. Главнаго героя трагедіи Шиллеръ изобразилъ не обманщикомъ, но убѣжденнымъ противникомъ Годунова. Димитрій долго не подозрѣваетъ о своемъ царственномъ происхожденіи, и только наперстный крестъ и греческая надпись въ молитвенникѣ раскрываютъ Димитрію истину, что онъ царевичъ, сынъ царя Ивана.

...Теперь единымъ словомъ
Разрѣшена судьбы моей загадка:
Не по примѣтамъ, можетъ быть, обманнымъ,
А по біенью собственнаго сердца,
Я узнаю наслѣдственную кровь—

[1]) Петрей-де-Ерлезунда („Regni Muschowitici sciographia", Tryckt i Stockholm, 1615), Олеарій

[2]) Маржеретъ, Гревенбрухъ, Левекъ, Трейеръ.—Свѣдѣнія объ отношеніи иностранныхъ историковъ къ Димитрію и вообще о литературной разработкѣ этого сюжета на Западѣ почерпнуты нами изъ статьи Е. Шмурло въ сочиненіяхъ Шиллера (Изд. Брокг.-Ефр., т. III, Спб. 1902, стр. 202—278).

И ужъ скорѣй пролью ее по каплѣ,
Чѣмъ уступлю права на мой вѣнецъ [1]).

Димитрій обращается къ польскому сейму и при содѣйствіи польскихъ войскъ достигаетъ Московскаго престола. Конецъ пьесы Шиллеръ не успѣлъ разработать и составилъ только планъ къ нему, изъ котораго видна дальнѣйшая судьба Димитрія: онъ погибаетъ, заколотый разъяренной толпой, которая во главѣ съ Шуйскимъ ворвалась въ его покои и умертвила его въ присутствіи царицы Марѳы.

Вскорѣ послѣ Шиллера за литературную разработку темы о Димитріи принялся Fr. v. Maltitz.—(См. его „Demetrius. Ein Trauerspiel von Schiller. Nach dem Hinterlassenen Entwurf des Dichters bearbeitet". Kalsruhe 1817).

Въ Россіи сюжетъ о Димитріи становится извѣстнымъ въ литературѣ со второй половины XVIII в.: въ 1771 г., 1-го февраля, поставлена была на сценѣ трагедія Сумарокова „Димитрій Самозванецъ"; благодаря своему патріотическому содержанію пьеса имѣла огромный успѣхъ. Личность Димитрія въ пьесѣ очерчена яркими красками, лишенными при томъ всякой исторической правды. Подчиняясь ложноклассическимъ традиціямъ, Сумароковъ сосредоточился на анализѣ душевныхъ качествъ своего героя и при изображеніи его не постѣснялся прибѣгнуть къ самымъ мрачнымъ краскамъ: въ его трагедіи Димитрій является жестокимъ тираномъ, который достигаетъ престола обманомъ и преступленіями; въ душѣ Димитрія борятся разнообразныя чувства—ненависть и злоба съ одной стороны, страхъ и раскаяніе—съ другой. „Привыкшій къ ужасу, злодѣйствомъ разъяренъ, напоенъ варварствомъ и кровью обагренъ" Димитрій думаетъ лишь о своемъ благополучіи.

Блаженство завсегда весьма народу вредно:
Богатъ быть долженъ царь, а государство бѣдно.
Ликуй монархъ и все подъ нимъ подданство стонь!
Всегда способнѣе къ труду не жирный конь,
Смиряемый бичемъ и частою ѣздою
И управляемый крѣпчайшею уздою [1]).

---

[1]) *Шиллеръ.* Изд. Брокг.-Ефрона, т III, Спб. 1902. стр. 283.

[2]) *Сумароковъ.* „Димитрій Самозванецъ". „Россійскій Ѳеатръ", ч. III, Спб. 1786, стр. 96.

Проснувшаяся совѣсть иногда доставляетъ Димитрію горькія мученія:

О устрашающи меня Кремлевы стѣны!
Мнѣ мнится, что всякъ часъ вѣщаете вы мнѣ:
Злодѣй, ты врагъ, ты врагъ и намъ, и всей странѣ;
Гласятъ граждане: мы тобою разоренны;
А храмы вопіютъ: мы кровью обагренны.
. . . Не вѣнценосецъ я въ великолѣпномъ градѣ,
Но беззаконникъ злой, терзаемый во адѣ.
Я гибну, множество народа погубя.
Бѣги тиранъ, бѣги... ково бѣжать?—себя.
Не вижу ни ково другова предъ собою,
Бѣги!... Куда бѣжать? твой адъ вездѣ съ тобою [1]).

Въ концѣ IV-го и въ V дѣйствіи изображенъ тотъ же моментъ, что и въ думѣ Рылѣева—душевное состояніе Димитрія наканунѣ гибели.

Сія послѣдня ночь, ночь вѣчна будетъ мнѣ.
Увижу на яву, что страшно и во снѣ;
Скончаетъ неба мракъ народныя напасти:
Отниметъ у меня и жизнь, и силу власти...
. . . И солнце, утомясь, нисходитъ за лѣса...
Помедли въ небеси горящее свѣтило!
Во учрежденный часъ ты спустишься всегда,
А мнѣ уже тебя не зрѣти никогда [2]).

Въ V дѣйствіи Димитрій спитъ въ креслахъ; проснувшись, онъ слышитъ звонъ:

Въ набатъ біютъ! сему біенью что причина! (востаетъ)
Въ сей часъ, въ сей страшный часъ пришла моя кончина.

Появляется Шуйскій со стражей; Димитрій видитъ измѣну, ударяетъ себя въ грудь кинжаломъ и умираетъ, проклиная всю вселенную:

---

[1]) Ibid., стр. 86—87.
[2]) Ibid., стр. 108—109

Ступай душа во адъ и буди тамо плѣнна!
Ахъ, если бы со мной погибла вся вселенна! [1]).

Вскорѣ послѣ Сумарокова къ Димитрію Самозванцу обратился въ Россіи Коцебу; въ 1782 г. онъ написалъ трагедію подъ именемъ „Demetrii Iwanowitsch, Zar von Mosksau, ein russisches Original-Trauerspiel in fünf Akten, von einem Leibhaber des Theaters. Произведеніе это по цензурнымъ условіямъ не появилось своевременно въ печати.

Въ 1804 г. В. Т. Нарѣжный издалъ свою трагедію „Димитрій Самозванецъ" [2]); въ 1816 г. декабристъ М. С. Лунинъ, будучи въ Парижѣ, началъ писать на французскомъ языкѣ романъ „Лжедмитрій", первыя главы котораго привели въ восторгъ одного изъ тамошнихъ писателей [3]).

Такимъ образомъ, сюжетъ о Димитріи ко времени появленія думы Рылѣева (1822 г.) былъ достаточно извѣстенъ и на Западѣ, и у насъ. За отсутствіемъ какихъ либо данныхъ трудно судить о томъ, зналъ ли Рылѣевъ западныя литературныя обработки сюжета о Димитріи; съ мнѣніями западныхъ историковъ онъ былъ знакомъ и къ тѣмъ изъ нихъ, которые выдѣли въ Димитріи сына Ивана Грознаго, онъ относился очень недружелюбно. „Многіе *неблагонамѣренные* иностранные писатели, говоритъ онъ въ примѣчаніи къ думѣ, усиливались доказать, что Самозванецъ былъ истинный Димитрій, сынъ царя Іоанна Васильевича Грознаго; но знаменитый исторіографъ нашъ блистательно опровергнулъ ихъ *умышленное* сомнѣніе. Г. Карамзинъ ясно доказываетъ изъ лѣтописей, современныхъ дѣловыхъ бумагъ и переписокъ, что Самозванецъ—былъ Самозванецъ, и что истинный Димитрій-царевичъ убіенъ въ Угличѣ" [4]). Исходя изъ такой точки зрѣнія, Рылѣевъ представилъ Димитрія сознательнымъ самозванцемъ, незаконно захватившимъ власть въ свои руки; его Димитрій очень напоминаетъ при этомъ главнаго героя трагедіи Сумарокова: онъ—такой же тиранъ, мучимый раскаяніемъ за свои преступленія

---

[1]) Ibid., стр. 122.
[2]) 2-ое изд. 1830 г.; см. о немъ „Галатея" 1830 г., ч. XVII.
[3]) *В. И. Семевскій*. Пол. и общ. идеи декабристовъ. Спб. 1909, стр. 209.
[4]) *Балицкій*, т. I. стр. 94.

и погибающій въ концѣ концовъ нераскаявшимся злодѣемъ. Чтобы сообщить больше живости разсказу, Рылѣевъ при описаніи смятенной души Димитрія обратился къ мрачной природѣ, привлекъ для этого грозныя тучи, ночь и заставилъ призраки приводить въ трепетъ преступный духъ Димитрія.

„Тамъ въ чертогахъ кто то бродитъ—
Шорохъ—заскрипѣла дверь!...
И вотъ призракъ чей то входитъ...
Это ты—Бориса дщерь!...
О, молю! избавь отъ взгляда!
Укоризною горя,
Онъ вселяетъ муки ада
Въ грудь преступнаго царя!
Но—исчезла у порога...
Это кто жъ мелкнулъ и сталъ,
Притаясь въ углу чертога?
Это Шуйскій... Я пропалъ".
Такъ страдалъ злодѣй коварной
Въ часъ спокойствія въ Кремлѣ.

Въ дальнѣйшемъ описаніи душевнаго безпокойства Димитрія можно замѣтить нѣкоторые мотивы, навѣянные трагедіей Сумарокова (являющееся минутами сознаніе своихъ преступленій, безграничная злоба, тревожный сонъ, бой набата и пр.).

„Не укроюсь я отъ мщенья!"
Онъ невнятно прошепталъ:
„Для тирана нѣтъ спасенья;
„Другъ ему—одинъ кинжалъ".

Димитрій заноситъ надъ собой кинжалъ, но, ужаснувшись, оставляетъ свое намѣреніе. Опять злобныя чувства овладѣваютъ его душой, и онъ восклицаетъ:

„Нѣтъ! не погублю себя.
Завтра жъ, завтра все разрушу,
Завтра хлынетъ кровь рѣкой—
И встревоженную душу
Вновь порадуетъ покой.

...И твоя падетъ на плахѣ,
Буйный Шуйскій, голова!
И, дымясь въ крови и прахѣ,
Затрепещешь ты, Москва!"
Смолкъ...

Прилегъ на пышный одръ; тревожный сонъ оковалъ его вѣжды.

Вдругъ среди безмолвья грянулъ
Бой набата близъ дворца,
И тиранъ съ одра вспрянулъ
Съ смертной блѣдностью лица.

Отъ Кремля народъ шумный волнами направляется ко дворцу: впереди Шуйскій. Въ смятеніи Димитрій лишаетъ себя жизни, бросаясь изъ окна:

„Все погибло! Нѣтъ спасенья!
Смерть—прибѣжище одно!"
Рекъ тиранъ... Еще мгновенье,
И бросается въ окно [1]).

---

[1]) *Балицкій*, т. I, стр. 93—94. Послѣ думы Рылѣева сюжетъ о Димитріи нѣсколько разъ разрабатывался въ нашей литературѣ. См.: *Пушкинъ*, „Борисъ Годуновъ" (Димитрій у Пушкина, хотя и самозванецъ, но далеко не такой тиранъ,какимъ представили его Сумароковъ и Рылѣевъ: „безпеченъ онъ, какъ глупое дитя"); *Погодинъ*, „Исторія въ лицахъ о Димитріи Самозванцѣ", М. 1835 г.; *Булгаринъ*, историч. романъ „Димитрій Самозванецъ", Спб. 1830; *А. Хомяковъ*, траг. „Димитрій Самозванецъ" (написана около 1832 г.). Хомяковъ сильно идеализируетъ Димитрія; послѣдній является у него мудрымъ правителемъ, заботящимся о благѣ своего народа.

Что Іоаннъ предвидѣлъ (говоритъ онъ Басманову),
Что началъ царь Борисъ—я довершу.
И вольный судъ, и строгіе законы,
И кроткая, но твердая рука
Дадутъ покой и стройное стремленье,
И жаръ, и жизнь проснувшейся землѣ.
Небесный свѣтъ, познанья и науки
Намъ дастъ чужбина.

(*А. Хомяковъ*, „Дим. Самозв.", М. 1886, стр. 167).

Также симпатично отнесся къ Димитрію и А. Н. Островскій въ драматической хроникѣ „Димитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій"; какъ и у

„Иванъ Сусанинъ“.

Сюжетомъ о Сусанинѣ до Рылѣева интересовался кн. А. Шаховской. Въ періодъ патріотическаго подъема, вызваннаго войной съ Наполеономъ, онъ написалъ оперу „Иванъ Сусанинъ“, которую посвятилъ имп. Александру I: въ посвященіи поэтъ указывалъ государю на геройскій подвигъ Сусанина и отмѣчалъ, что имя послѣдняго не должно исчезнуть изъ памяти русскихъ людей:

Да не сокроется забвеньемъ
Сусанинъ вѣрный селянинъ!
Ты оживи его воззрѣньемъ,
И онъ твоей Россіи сынъ.
Такъ онъ побѣдоносцамъ равенъ,
Почтенъ, великъ, безсмертенъ, славенъ [1]).

Опера кн. Шаховского не оказала вліянія на думу Рылѣева. Несмотря на тожество сюжетовъ, обработка ихъ въ обоихъ произведеніяхъ совершенно различная. У кн. Шаховского Сусанинъ не умираетъ: поляки лишь грозятъ его жизни. Сусанинъ предупреждаетъ объ опасности молодого царя, „избраннаго сердцемъ русскаго народа“, и затѣмъ съ помощью русскихъ воиновъ беретъ въ плѣнъ польскій отрядъ, покушавшійся на жизнь Михаила Ѳедоровича. У Рылѣева судьба этого героя болѣе трагична: онъ погибаетъ подъ мечами раздраженныхъ поляковъ въ дебряхъ глухого лѣса. Въ этомъ случаѣ Рылѣевъ ближе держался исторической дѣйствительности: вообще въ оцѣнкѣ и пониманіи личности Сусанина Рылѣевъ значительно превзошелъ своего предшественника. Кн. Шаховской, не

Хомякова, его Димитрій—благородная и великодушная личность, но слишкомъ легкомысленная, довѣрчивая и увлекающаяся. Какъ правитель, это—мечтатель, исполненный самыхъ свѣтлыхъ и добрыхъ намѣреній; его цѣль—„щедротами и милостью царить“ (см. *А. Лукьяненко*. Шиллеръ, Пушкинъ и Островскій въ изображеніи эпохи смутнаго времени на Руси. Кіевъ 1904, стр. 43—44).—См. еще *П. Кулишъ*. Повѣсть о Борисѣ Годуновѣ и Димитріи Самозванцѣ. Спб. 1857; *П. Полозовъ*. Димитрій Самозванецъ, драма. Москва 1858; *А. Суворинъ*. Царь Димитрій Самозванецъ и царевна Ксенія. Драма въ 5 д., Спб. 1902.

[1]) Иванъ Сусанинъ. Опера въ двухъ дѣйствіяхъ. Спб. 1815. Посвященіе. Цензурное разрѣшеніе дано 21 окт. 1814 г.; подъ посвященіемъ дата: 1812, мая 20.

упомянувъ о благородной смерти Сусанина, тѣмъ самымъ обезцвѣтилъ его личность; Рылѣевъ же въ силу гражданскаго склада своего характера, не могъ пройти равнодушно мимо этого эпизода и сдѣлалъ его основнымъ элементомъ своей думы. Психологія Сусанина, жертвовавшаго жизнью для родины, была такъ близка и понятна Рылѣеву; въ обрисовкѣ этого героя—въ словахъ, съ которыми онъ обращается къ сыну, тороня послѣдняго извѣстить царя объ опасности, а затѣмъ въ отвѣтѣ Сусанина полякамъ можно видѣть субъективныя переживанія самого поэта, также готоваго на всякую жертву для блага родины.

„Мой сынъ, поспѣшай же къ царю молодому...
— Скажи, что Сусанинъ спасаетъ царя.
Любовью къ отчизнѣ и вѣрѣ горя...
Прощай же, о сынъ мой, намъ дорого время.
И помни: я гибну за русское племя!“
...„Куда ты завелъ насъ?“ Ляхъ старый вскричалъ.
„Туда, куда нужно!“ Сусанинъ сказалъ.
„Убейте! замучьте!—моя здѣсь могила!
Но знайте и рвитесь—я спасъ Михаила!
Предателя, мнили, во мнѣ вы нашли:
Ихъ нѣтъ и не будетъ на русской земли!
Въ ней каждый отчизну съ младенчества любитъ
И душу измѣной свою не погубитъ“.
„Злодѣй!“ закричали враги, закипѣвъ:
Умрешь подъ мечами!“—„Не страшенъ вашъ гнѣвъ!
Кто русскій по сердцу, тотъ бодро и смѣло
И радостно гибнетъ за правое дѣло!
Ни казни, ни смерти и я не боюсь:
Не дрогнувъ, умру за царя и за Русь!“ [1]. .

---

[1]) *Балицкій*, т. I, стр. 96—97.—Пушкинъ, не признававшій художественныхъ достоинствъ въ думахъ Рылѣева, объ „Иванѣ Сусанинѣ“ былъ иного мнѣнія. По поводу этой думы онъ писалъ Рылѣеву въ концѣ мая 1825 г. изъ с. Михайловскаго: „Исключаю Ивана Сусанина, первую думу, по коей началъ я подозрѣвать въ тебѣ истинный талантъ“ (Сочиненія Пушкина. Переписка, изд. Акад наукъ, т. I, Спб. 1906, стр. 220). При жизни Рылѣева дума получила значительное распространеніе и проникла даже въ среду учащихся: такъ, напр. въ пансіонѣ Годеніуса на экзаменахъ спрашивали у учениковъ на ряду съ произведеніями Озерова, Жуковскаго и думу „Иванъ Сусанинъ“

„Богданъ Хмѣльницкій".

Представленная въ Спб. Общество Любителей Рос. Словесности эта дума была разсмотрѣна и одобрена въ засѣданіи 5 декабря 1821 года[1]; въ слѣдующемъ году она появилась въ „Сорев. Просвѣщенія" (ч. XVIII), „Русскомъ Инвалидѣ" (№ 54) и „Сынѣ Отечества" (ч. LXXVIII), при чемъ въ послѣднемъ журналѣ текстъ думы былъ исправленъ сравнительно съ предыдущими изданіями[2]; здѣсь, между прочимъ, Рылѣевъ измѣнилъ и выраженіе „куда лишь въ полдень проникалъ, скользя по сводамъ, лучъ денницы", надъ которымъ такъ смѣялся Пушкинъ въ письмѣ къ брату отъ 4 сентября 1822 г.: „Милый мой, у васъ пишутъ, что лучъ денницы проникалъ въ полдень въ темницу Хмѣльницкаго. Это не Хвостовъ написалъ—вотъ что меня огорчило, что дѣлаетъ Дельвигъ? Чего онъ смотритъ?"[3]).

Источниками для думы Рылѣева служили главнымъ образомъ произведенія литературнаго, а не историческаго характера; поэту, несомнѣнно, извѣстна была повѣсть Ѳ. Н. Глинки „Зиновій Богданъ Хмѣльницкій, или освобожденная Малороссія", изданная въ 1819 году въ „Соревнователѣ Просвѣщенія" (чч. V и VI); въ ней, какъ и въ думѣ, встрѣчается тотъ эпизодъ изъ жизни Хмѣльницкаго, когда послѣдній, будучи схваченъ Чаплинскимъ, томился подъ темными сводами его темницы. Освобождается Хмѣльницкій изъ оковъ благодаря любви только не жены (какъ у Рылѣева), а дочери Чаплинскаго. „Любовь нашла средство разрушить затворы, расторгнуть оковы и заключенный получилъ жизнь и свободу. „*Живъ Богъ*", *восклицаетъ* онъ, схвативъ и съ восторгомъ лобзая свою саблю. „Живъ Богъ—и матерь козаковъ не умерла еще!"[4]) Ср. у Рылѣева:

„Я полюбила и пылала
Изъ сихъ оковъ тебя извлечь,

(См. „Благонамѣренный" 1825 г., № 14, стр. 26). Изъ послѣдующихъ обработокъ сюжета о Сусанинѣ см. историческій романъ *М. Дмитревскаго* „Иванъ Сусанинъ, или смерть за царя" въ 2-хъ чч. Москва 1857.

[1]) См. выше, стр. 80.

[2]) См. Ефр.[2], стр. 322—323.

[3]) Сочиненія Пушкина. Переписка, т. I, Спб. 1906, стр. 52.

[4]) „Сорев. Просвѣщенія" 1819 г., ч. V, стр. 5—6.

Я связь съ тираномъ разорвала:
Будь мой"—„Я твой!"—„Прими свой мечъ!"
„Мой мечъ!" Хмѣльницкій *восклицаетъ*,
„*Живъ Богъ*!—и ты погибъ злодѣй!" [1]).

Явленіе жены Чаплинскаго въ темницу напоминаетъ сходную картину въ поэмѣ Байрона „Корсаръ", гдѣ Гюльнара также является съ кинжаломъ къ томившемуся въ цѣпяхъ Конраду и освобождаетъ его изъ оковъ [2]).

Нѣкоторые стихи думы Рылѣева сложились подъ вліяніемъ „Posnki ukraińskiej o Bohdanie Chmelnickiem, przełożonej na wiersz polski przez Leona Rogalskiego", которую Рылѣевъ могъ знать непосредственно въ польскомъ оригиналѣ и затѣмъ въ переводѣ О. М. Сомова; поэтъ воспользовался пѣсней главнымъ образомъ для изображенія битвы на Желтыхъ Водахъ.

Piosnka ukraińska o Bohdanie Chmielnickiem, L. Rogalskiego (1820).	Пѣснь о Богданѣ Хмѣльницкомъ, съ польскаго О. Сомовъ (1821).
„Do broni, *bracia*! Chmelnicki zawoła,	„*Други*, къ оружью!" Богданъ призываетъ,
„*Msciy* się naszey zniewagi	„*Мщенье* надменнымъ врагамъ!
... „Idźmy więc walczyc po nad *Żółte Wody*"...	„Двинемся стройно *на Желтыя Воды*"...

---

[1]) Балицкій, т. I, стр. 99.

[2]) Русскій переводъ „Корсара" изданъ былъ въ „Новостяхъ Литературы" (1825 г., октябрь и 1826 г., январь). Нѣкоторыя стилистическія совпаденія въ рѣчахъ Гюльнары и жены Чаплинскаго, обращенныхъ къ узникамъ, заставляютъ предполагать, не былъ ли переводъ поэмы Байрона написанъ значительно раньше времени его изданія и не могъ ли онъ въ рукописи быть извѣстенъ Рылѣеву. Ср.:

„Корсаръ" Байрона.	Въ думѣ Рылѣева:
.. „Ты *тронулъ мое сердце*, ты *вдохнулъ* въ меня страхъ, признательность, любовь... Хочешь ли быть свободенъ? Возьми этотъ кинжалъ—и слѣдуй за мною".	...„Мученье И вмѣстѣ мужество твое *Вдохнули* въ душу мнѣ почтенье И *сердце тронули мое*. .. Прими свой мечъ!".
(„Нов. Лит." 1826 г., янв., стр. 14—15).	(*Балицкій*, т. I, стр. 99).

... *Już się zbliżaią dwa woyska potężne...*	... *И соступились два строя отважныхъ...*
.. Tu w polu *trupy* porozrzucane	... *Трупы* отважныхъ досталися пищей
Żarłoczni *wilcy* ciagaią,	Алчному *волку* въ поляхъ,
Już ich nie uyrżą przywiązane *matki*,	Ихъ не дождутся подъ отческимъ кровомъ.
Lube się żony zasmucą [1]).	*Жены ихъ будутъ стенать* [2]).

„Богданъ Хмѣльницкій", дума Рылѣева (1821 г.).

„*Друзья*! онъ къ храбрымъ восклицаетъ:
За мной, чью грудь волнуетъ *месть*...
... *На Воды Желтыя*, друзья!"
И вотъ сошлися два народа...
И *трупы* ихъ безъ погребенья
Волкамъ въ добычу разметалъ.
... *Застонутъ нѣжныя супруги*.
И *мать* дѣтей не обоймет [3]).

„Артемонъ Матвѣевъ".

Источникомъ для этой думы, вѣроятно, послужила „Исторія о невинномъ заточеніи ближняго боярина Артемона Сергіевича Матвѣева, изданная Н. Новиковымъ" (2-ое изд. М. 1785)—трудъ, легшій въ основу нѣсколькихъ историческихъ статей, посвященныхъ Матвѣеву [4]). Новиковъ, издавая „Исторію", имѣлъ въ виду прославить

[1]) „Tygodnik Wileński" 1820 г., t. IX, str. 347—350. Оригиналомъ для стихотворенія Рогальскаго послужила малороссійская пѣсня о Б. Хмѣльницкомъ, начинающаяся словами:

„Чы не той то хмель, що коло тычыны вьется?
Гей то Хмельницкій, що зъ ляхами бьется".

Ѳ. В. Булгаринъ издалъ эту пѣсню въ „Сѣв. Архивѣ" (1822 г., ч. I, стр. 274—278).

[2]) „Благонамѣренный" 1821 г., ч. XV, стр. 76—77.

[3]) *Бантцкій*, т. I, стр. 98—100.

[4]) См. статью С. Глинки въ „Рус. Вѣстникѣ" (1808 г., № 1); по поводу этой статьи одинъ изъ читателей писалъ автору изъ Казани: „Недавно съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ видѣлъ я, какъ одинъ старинный русскій маіоръ

,,дѣла и подвиги собратій своихъ, заслугами Государю и отечеству знаменитыхъ''. Къ числу послѣднихъ онъ относилъ и Матвѣева. ,,Сей мужъ, читаемъ мы въ предисловіи, неутомимый услугами, вѣрностію и преданностію къ Государю, безпредѣльною любовію къ народу и правосудію въ дѣлахъ воинскихъ и наконецъ ученостію своею, снискалъ себѣ славное названіе царскаго друга и благодѣтеля народа'' [1]).

Эпизодъ съ надгробными камнями, о которыхъ упоминаетъ и Рылѣевъ, переданъ Новиковымъ въ слѣдующихъ словахъ. Когда при постройкѣ себѣ палатъ Матвѣевъ не нашелъ камня для фундамента, то ,стрѣльцы и народъ, собравшись, между собою переговорили и нѣсколько человѣкъ на другой день пришли къ боярину, сказывая, что стрѣльцы и народъ слышали, что онъ нигдѣ не нашелъ купить камня, такъ они ему кланяются, то есть дарятъ, камнемъ подъ цѣлый домъ.—,Я богатъ и могу купить'' отвѣчалъ имъ Матвѣевъ. Присланные отвѣтствовали, что пославшіе ихъ сего камня не продадутъ ни за какія деньги, а дарятъ своего благодѣтеля, который имъ высокое добро дѣлалъ''... Матвѣевъ сначала не хотѣлъ принимать подарка, наконецъ ,,согласился и приказалъ привезть". Но въ какое пришелъ онъ удивленіе, когда на другой день увидѣлъ полонъ дворъ навезенныхъ каменьевъ съ могилъ. Выбранные говорили ему: ,,Привезенные камни взяты съ гробовъ отцевъ и дѣдовъ нашихъ, и для того то мы ихъ ни за какія деньги продать не могли, а даримъ тебѣ, нашему благодѣтелю'' [2]).

Въ думѣ Рылѣева упоминаніе объ этомъ эпизодѣ встрѣчается въ сл. строфахъ:

Для блага согражданъ моихъ
Усилія мои не тщетны,

читая о бояринѣ Матвѣевѣ, омочилъ слезами страницы „Русскаго Вѣстника"; я самъ плакалъ съ нимъ. Не повѣрите, какъ онъ благодаритъ васъ!" (*А. Н. Пятковскій*. „Изъ исторіи нашего общ. и лит. развитія", т. II, Спб. 1876, стр. 247); см. еще статьи: „Бояринъ Матвѣевъ" *Павла Львова* Спб. 1815, „Бояринъ Матвѣевъ" *Саларева* („Труды Общ. Люб. Рос. Словесности", ч. XIV, Москва 1819) и неизвѣстнаго автора „А. С. Матвѣевъ" („Сынъ Отеч." 1822 г., ч. LXXV).

[1]) „Исторія...", Изд. 2-ое. Москва 1785, стр. IX. Эпитетъ „царскаго друга" встрѣчается и въ думѣ Рылѣева; ср.: „Бывъ другомъ добраго царя" (*Балицкій*, т. I. стр. 101).

[2]) „Исторія...", стр. XI—XII

Коль всюду слышу я за нихъ
Гласъ благодарности привѣтный
Когда съ родительскихъ могилъ
Народъ мнѣ въ даръ привезъ каменья
И тѣмъ всю нѣжность изъявилъ
Ко мнѣ любви и уваженья!
... Того не потемнится честь,
Кому, почтивъ дѣла благія,
Народъ не пощадилъ принесть
Въ даръ камни предковъ гробовые [1]).

„Петръ Великій въ Острогожскѣ".

Дума эта могла сложиться подъ вліяніемъ тѣхъ разсказовъ, которые, несомнѣнно, сохранились ко времени Рылѣева среди жителей Острогожска: въ кругу острогожскихъ помѣщиковъ Рылѣевъ не разъ, вѣроятно, слыхалъ воспоминанія о посѣщеніи Петромъ I города послѣ взятія Азова, и эти разсказы могли натолкнуть поэта на мысль описать происшедшую тогда встрѣчу царя съ малороссійскимъ гетманомъ Мазепой; въ изображеніи послѣдняго Рылѣевъ прибѣгнулъ къ байроновскимъ пріемамъ, представивши гетмана доблестнымъ воиномъ „съ суровымъ лицомъ" и „съ яркимъ пламенемъ во взорѣ"; преклонный возрастъ не уменьшилъ отваги и мужества Мазепы. „Въ пылкомъ сердцѣ, говоритъ онъ Петру, жажда славы

Не остыла въ зиму дней:
Празденство мнѣ — бой кровавый;
Мнѣ музыка — стукъ мечей!" [2]).

---

[1]) *Балицкій*, т. I, стр. 101. До Рылѣева литературной обработкой сюжета о Матвѣевѣ интересовался Б. Федоровъ; онъ написалъ историческую драму „Бояринъ Матвѣевъ, или торжество добродѣтели" (1815 г.), которая, кажется, извѣстна была только въ рукописяхъ; одинъ изъ списковъ этой драмы находился въ библіотекѣ Д. Трощинскаго и впослѣдствіи пріобрѣтенъ былъ книгопродавцемъ Федоровымъ (см. Каталогъ антикварной торговли Е. Я. Федорова Кіевъ 1871); отрывки изъ этой пьесы авторъ читалъ въ засѣданіи Спб. Общества Люб. Словесности, Наукъ и Художествъ 7 окт. 1820 г. (См. „Журналъ Общества..." за 1820 г., въ библіотекѣ Спб. Университета). Послѣ Рылѣева къ этому же сюжету обращался И. Данковъ въ стихотвореніи „Могила боярина А. С. Матвѣева" Москва 1840.

[2]) *Балицкій*, т. I, стр. 103.

Фактическій матеріалъ для думы могъ дать Рылѣеву Бантышъ Каменскій, у котораго встрѣча Петра съ Мазепой передана въ сл. словахъ: „По взятіи Азова, Государь имѣлъ свиданіе съ Мазепой въ Рыбномъ или Острогожскѣ и получилъ отъ него турецкую *саблю* въ золотой оправѣ съ дорогими каменьями и *щитъ* съ такимъ же украшеніемъ на золотой цѣпи. Петръ I удостоилъ его потомъ своимъ посѣщеніемъ и, изъявя ему особенное благоволеніе, отпустилъ въ Украину“ [1]). О щитѣ и саблѣ, поднесенныхъ Мазепой „покорителю Азова“, есть упоминаніе и у Рылѣева:

... къ стопамъ Петровымъ
Щитъ и *саблю* положилъ [2]).

Конецъ думы обратилъ на себя вниманіе Пушкина, который по этому поводу писалъ Рылѣеву: „Окончательныя строфы Петра въ Острогожскѣ чрезвычайно оригинальны“ [3]).

„Яковъ Долгорукій“.

Доблестный воинъ и мужественный радѣтель о благѣ отчизны, дерзавшій нерѣдко оспаривать самого Петра и открыто, не страшась его гнѣва, высказывать истину, кн. Я. Ѳ. Долгорукій снискалъ себѣ глубокое уваженіе у современниковъ и потомками причисленъ былъ къ „великимъ мужамъ“ русской земли.

„Не лесть его дѣла, но истина у трона;
Любовь къ отечеству и знаніе закона
Безсмертью предадутъ—его прославятъ ввѣкъ.
Великій человѣкъ“ [4]).

Наши поэты не разъ обращались къ Долгорукому, видя въ немъ достойный примѣръ гражданской доблести. Державинъ въ „Вельможѣ“ вспоминаетъ, какъ „безсмертный Долгоруковъ“ давалъ „монарху грозному отвѣтъ“; Пушкинъ въ стихотвореніи, посвященномъ Мордвинову, сравниваетъ послѣдняго съ Долгорукимъ:

---

[1]) „Исторія Малой Россіи“, ч III, Москва 1822, стр. 21—22; эта книга была въ библіотекѣ Рылѣева (см. *Балицкій*, т. II, стр. 171).

[2]) *Балицкій*, т. I, стр. 103.

[3]) Сочиненія Пушкина. Переписка, т. I, Спб. 1906, стр. 220.

[4]) „Исторія о кн. Я. Ѳ. Долгоруковѣ, сочиненная Е... Т..р..мъ“. Ч. I, Москва 1807. См. надпись подъ портретомъ кн. Долгорукаго.

Сіяя доблестью, и славой, и наукой,
Въ совѣтахъ, недвижимъ у мѣста своего
Стоишь ты, новый Долгорукой! [1]).

Рылѣевъ, кромѣ думы, посвятилъ Долгорукому нѣсколько стиховъ въ одѣ „Гражданское мужество“ [2]).

И для Рылѣева кн. Долгорукій былъ дорогъ, какъ „твердый стражъ добра“, который способенъ былъ

Творить вельможамъ укоризны
И правду говорить Петру
Для благоденствія отчизны [3]).

Въ думѣ поэтъ описалъ возвращеніе этого князя изъ шведскаго плѣна, когда онъ съ горстью русскихъ воиновъ овладѣлъ непріятельскимъ судномъ и примчался затѣмъ къ берегамъ Ревеля. Подробно это событіе описано Голиковымъ въ „Дополненіяхъ къ дѣяніямъ Петра Великаго“ (т. XVII, гл. 147); отсюда этотъ разсказъ заимствованъ былъ послѣдующими біографами Долгорукаго; Е. Тыртовъ передаетъ, напр., его въ сл. словахъ: „Правительство шведское разсудило часть плѣнныхъ россіянъ, содержавшихся въ Стокгольмѣ, перевезти моремъ въ Готтенбургъ; въ числѣ сихъ былъ и князь сей (Я. Долгорукой). А какъ на фрегатѣ томъ находилось россіянъ больше, нежели шведовъ, то сего и довольно было вложить ему мысль овладѣть фрегатомъ и уѣхать на ономъ въ Россію. Онъ сообщаетъ намѣреніе сотоварищамъ своимъ и они охотно соглашаются слѣдовать во всемъ мужеству и примѣру его. Князь опредѣляетъ на исполненіе предпріятія своего вечеръ субботы, то есть: когда въ вечернюю службу запоютъ „всемірную славу“ и допоютъ до сихъ словъ: „дерзайте убо, дерзайте, людіе Божіи“, въ мигъ броситься всѣмъ на шведовъ, обезоружить ихъ и овладѣть фрегатомъ. Все сіе исполнено въ точности; они, какъ львы, при послѣднемъ словѣ бросились на невоображавшихъ того шведовъ, обезоружили ихъ и противящихся однихъ покололи, другихъ постол-

[1]) *Пушкинъ*. Изд. Бр.-Ефр., т. II, Спб. 1908, стр. 399.

[2]) *Балицкій*, т. I, стр. 155; см. упоминаніе о Долгорукомъ въ думѣ „Волынскій“ (ibid., стр. 106)

[3]) ibid., стр. 104.

кали въ море, третьихъ повязали и положили подъ палубу; оставили свободнымъ одного только шкипора, и кн. Яковъ Ѳедоровичъ, приставя къ груди его шпагу, сказалъ: „ежели хочешь ты быть живъ, то вези насъ къ Крочшлоту или къ Ревелю: но берегись измѣнить". Не оставалось иного ему, какъ или умереть, или повиноваться; онъ избираетъ послѣднее, приводитъ фрегатъ въ Ревель и входитъ въ гавань съ пушечною пальбою" [1]).

Рылѣевъ, несомнѣнно, зналъ этотъ эпизодъ; если онъ не имѣлъ подъ руками изданія Голикова или Тыртова, то во всякомъ случаѣ читалъ описаніе освобожденія Долгорукаго въ его біографіи, изданной въ 1819 г. В. Перевощиковымъ, гдѣ этотъ разсказъ переданъ почти въ тѣхъ же словахъ [2]).

„Царевичъ Алексѣй въ Рожественѣ".

При жизни поэта дума не появлялась въ печати: она сохранилась среди его автографовъ въ колекціи Ѳ. В. Булгарина и была впервые издана г. П. Бартеневымъ въ историческомъ сборникѣ „Девятнадцатый вѣкъ" (Москва 1872 г. Кн. I, стр. 370—371).

Село Рожествено, упоминаемое въ думѣ, хорошо извѣстно было Рылѣеву, такъ какъ родовая деревня его Ботова находилась по сосѣдству съ этимъ селомъ. Возможно, что какія нибудь глухія преданія о царевичѣ, сохранившіяся среди мѣстныхъ жителей ко времени Рылѣева, могли побудить поэта приняться за обработку сюжета объ Алексѣѣ на этотъ сюжетъ могъ натолкнуть Рылѣева и близко знакомый ему А. О. Корниловичъ, который также интересовался личностью царевича, разыскивалъ для этого матеріалы въ петербургскихъ архивахъ и въ концѣ 1821 года (19 дек.) представилъ въ Спб. Общество Люб. Рос. Словесности статью подъ заглавіемъ „О жизни царевича Алексѣя Петровича" [3]).

„Волынскій" и „Видѣніе имп. Анны".

Обѣ думы посвящены оберъ-егермейстеру и кабинетъ министру Анны Іоанновны—Артемію Петровичу Волынскому; свѣдѣнія о немъ.

---

[1]) „Исторія о кн. Я. Ѳ. Долгоруковѣ", ч. I, Москва 1807, стр. 9—10.

[2]) См. „Благонамѣренный" 1819 г., ч. V.

[3]) См. архивъ Общества, въ библіотекѣ Академіи наукъ. „Дѣла по части Секретаря" за 1821 г.

какъ видно изъ примѣчанія къ первой думѣ[1]), почерпнуты были Рылѣевымъ изъ записокъ Манштейна и кн. Шаховского, гдѣ Волынскій представленъ, какъ жертва мести Бирона. При этомъ Манштейнъ не былъ склоненъ идеализировать личность Волынскаго, какъ то дѣлаетъ въ своихъ мемуарахъ кн. Шаховской; въ его характерѣ Манштейнъ отмѣчаетъ не мало отрицательныхъ сторонъ. „Волынскій, читаемъ мы въ запискахъ, былъ человѣкъ съ умомъ, но тщеславной, напыщенной и неосторожной; онъ любилъ подыскиваться и вообще почитался сварливымъ. Несмотря на сіи недостатки, которые были въ немъ весьма велики, поелику онъ не умѣлъ ихъ скрывать, онъ достигнулъ высшихъ государственныхъ чиновъ... (За поданную государынѣ меморію съ обвиненіями на курляндскаго герцога, послѣдній) рѣшился погубить своего противника, и поелику Волынскій былъ чрезвычайно гордъ, часто неостороженъ въ разговорахъ и даже поступкахъ своихъ, то герцогъ всего легче пріискалъ удобные для сего случаи. Волынскій былъ уличенъ въ томъ, что часто говорилъ весьма вольно и непочтительно о государынѣ и ея любимцѣ. Вслѣдствіе сего обвиненія тотчасъ былъ наряженъ надъ нимъ судъ, въ которомъ присудили сперва лишиться ему руки, а потомъ и головы. Тайные совѣтники Хрущовъ и Еропкинъ, бывшіе друзьями его и повѣренными, также потеряли головы“[2].

Кн. Шаховской въ болѣе лестныхъ словахъ говоритъ объ А. П. Волынскомъ: „Всѣ его мнѣ являемыя дѣла, мнѣнія и разсужденія патріотическими и вѣрно радѣтельными Монархинѣ и отечеству признавалъ и, тщася въ такомъ случаѣ ему доказать мою благодарность, посѣщалъ его въ домѣ, когда уже всѣ его оставили, а только еще бывали его друзья... Учрежденный тогда судъ надъ моимъ благотворителемъ А. П. Волынскимъ по большей части подъ надсмотрѣніемъ и руководствомъ его злодѣевъ и ненавистниковъ производился“[3]).

Рылѣевъ въ думѣ не считался съ тѣми недостатками, какіе Манштейнъ приписывалъ Волынскому; наоборотъ, поэтъ заставилъ

---

[1]) См. „Новости Литературы“ 1822 г., ч. II, № 16, стр. 42—46. Примѣчаніе составлено самимъ поэтомъ; оно значительно полнѣе и точнѣе составленнаго потомъ Строевымъ при изданіи думъ въ 1825 г. (Ефр.², стр. 324—326).

[2]) Манштейновы современныя записки о Россіи. Переводъ съ французскаго подлинника, ч. II, Дерптъ 1810, стр. 75—78.

[3]) Записки кн. Я. П. Шаховского, Ч. I, Спб. 1821, стр. 21, 25.

Волынскій.

Дума.

Не тотъ Отчизны вѣрный сынъ,
Не тотъ въ странѣ Самодержавной
Царю полезный Гражданинъ,
Кто рабъ презреннаго тщеславья.
Пусть будетъ мужъ совѣта онъ
И мученикъ позорной казни,
Стоитъ за правду и законъ,
Какъ Долгорукой бѣдъ Рязани.

Пусть будетъ онъ, двигая войной,
Врагамъ, въ часы кровавой брани,
Неотразимою грозой,
Какъ покорителю Казани.
Пусть удивляетъ... но когда
Онъ не творитъ то изъ тщеславья,
Тогда несчастному, бѣда:
Онъ былъ не славы, а безславья.

Рукопись Пушкинскаго Дома при Имп. Академіи наукъ.
Изъ собранія П. А. Ефремова (автографъ Рылѣева).

даже своего героя осуждать эти пороки. „Чистый душой“ и „правый въ дѣлахъ“ Волынскій возстаетъ противъ тщеславія, отмѣчая, что лишь безкорыстное и самоотверженное служеніе родинѣ заслуживаетъ уваженія и находитъ признаніе у потомства.

Не тотъ отчизны вѣрный сынъ,
Не тотъ въ странѣ самодержавья
Царю полезный гражданинъ,
Кто рабъ презрѣннаго тщеславья;
Но тотъ, кто съ сильными въ борьбѣ.
За край родной иль за свободу.
Забывши вовсе о себѣ,
Готовъ всѣмъ жертвовать народу“ [1]).

Оставляя въ сторонѣ личные недостатки Волынскаго. Рылѣевъ указываетъ главнымъ образомъ гражданскія его заслуги и ту любовь къ родинѣ, о которой говоритъ въ своихъ мемуарахъ и кн. Я. П. Шаховской. Такая идеализація личности Волынскаго психологически вполнѣ понятна. Рылѣевъ, какъ намъ уже приходилось не разъ отмѣчать, былъ большимъ патріотомъ и въ жизни своей на все стремился налагать „печать руссицизма“ [2]); въ стихотвореніи „На смерть Чернова“. поэтъ рѣзко осуждалъ „пришлецовъ чужихъ“, которые „говорятъ не русскимъ словомъ, святую ненавидятъ Русь“. „Я ненавижу ихъ, клянусь!“ восклицаетъ поэтъ съ негодованіемъ [3]). При такомъ патріотическомъ настроеніи для Рылѣева особенно дорогъ былъ Волынскій, какъ человѣкъ. отстаивавшій русское начало при дворѣ имп. Анны; смерть Волынскаго Рылѣевъ окружилъ ореоломъ мученичества за русскую національную идею. Его герой, пренебрегая всѣми опасностями, отважно ведетъ борьбу съ грознымъ временщикомъ и гибнетъ въ концѣ концовъ на плахѣ.

Презрѣвъ и казнью, и Бирономъ.
Дерзнулъ на пришлеца одинъ
Всю правду высказать предъ трономъ:

[1]) *Балицкій*, т. I, стр. 107.
[2]) См. выше. стр. 85.
[3]) *Балицкій*. т. I, стр. 178.

Открылъ царицѣ корень зла,
Любимца гордаго пороки,
Его ужасныя дѣла,
Коварный умъ и нравъ жестокій

Партія Бирона взяла верхъ, и Волынскій за попытку „спасти страну родную“ поплатился жизнью. Бодро встрѣтилъ онъ смерть, увѣренный въ правотѣ своего дѣла.

„Пусть жертвой клеветы умру!
Что мнѣ враговъ коварныхъ злоба?
Я посвящалъ себя добру
И вѣренъ правдѣ былъ до гроба!“

Дума заканчивается призывомъ посѣтить могилу Волынскаго:

Сыны отечества!—въ слезахъ
Ко храму древнему Самсона!
Тамъ за оградой, при вратахъ,
Почіетъ прахъ врага Бирóна.
Отецъ семейства! приведи
Къ могилѣ мученика сына:
Да закипитъ въ его груди
Святая ревность гражданина!
Любовью къ родинѣ дыша,
Да все для ней онъ переноситъ—
И, благородная душа,
Пусть личность всякую отброситъ.
Пусть будетъ чести образцомъ,
За страждущихъ—желѣзной грудью,
И вѣчно заклятымъ врагомъ
Постыдному неправосудью [1]).

---

[1]) *Балицкій*, т. I. стр. 108—109. Какъ видно изъ этихъ словъ, Рылѣевъ былъ на могилѣ Волынскаго: здѣсь на памятникѣ при Екатеринѣ II высѣчена была надпись, слѣды которой сохранились, несомнѣнно, и ко времени поэта; по крайней мѣрѣ, въ 1840-хъ годахъ эта надпись имѣла еще сл. видъ:

Во имя въ трехъ лицехъ
Единаго Бога

Такимъ же ореоломъ мученичества запечатлѣнъ былъ образъ Волынскаго и для Екатерины II: ознакомившись въ 1765 году съ дѣломъ Волынскаго, императрица отозвалась о немъ въ сл. словахъ: „Сыну моему и всѣмъ моимъ потомкамъ совѣтую и поставляю читать сіе Волынскаго дѣло, отъ начала до конца, дабы они видѣли и себя остерегали отъ такого беззаконнаго примѣра въ производствѣ дѣлъ... Волынскій былъ гордъ и дерзостенъ въ своихъ поступкахъ, однако не измѣнилъ; но напротивъ того—добрый и усердный патріотъ и ревнитель къ полезнымъ поправленіямъ своего отечества, и такъ смертную казнь терпѣлъ, бывъ невиненъ“ [1]).

Послѣ Рылѣева сюжетъ о Волынскомъ разработалъ Лажечниковъ въ „Ледяномъ домѣ“. Волынскій является главнымъ героемъ этого историческаго романа. Буйный и непокорный, онъ во главѣ русской партіи ведетъ отважную борьбу съ партіей сильнаго и коварнаго временщика—Бирона. Волынскій не можетъ равнодушно смотрѣть на раны своего отечества и слышать безъ боли крикъ русскаго сердца, раздающійся изъ одного края Россіи въ другой. „Стоитъ только раскрыть Петербургъ, говоритъ онъ своему секретарю: архипастырь..., измученный пытками за вѣру въ истину, оканчиваетъ жизнь въ смрадной темницѣ; система доносовъ и шпіонства, утонченная до того, что взглядъ и движенія имѣютъ своихъ ученыхъ толмачей, сдѣлавшая изъ каждаго человѣка движущійся гробъ, гдѣ заколочены его чувства, его помыслы; расторгнутыя узы пріязни, родства... народность, каждый день поруганная; Россія Петрова, широкая, державная, могучая Россія. Боже мой! угнетенная нынѣ выходцемъ.—этого ли мало, чтобы стать ходатаемъ за нее предъ пре-

Здѣ лежитъ Артемеі
Петровичь Волынскоі
Который жизни своея
... мѣлъ ... годъ
преставися іюня
27 дня 1740 году
Ту же погребен
Андрей Ѳ...чь
Хрущовъ и...тръ
Еропкинъ

(„Рус. Стар.“ 1883 г., май, стр. 470—471).

[1]) „Рус. Стар.“ 1883 г., май, стр. 465—467.

столомъ государыни?" [1])—Волынскій на гибель себѣ ведетъ упорную борьбу съ Бирономъ и складываетъ вмѣстѣ съ Хрущовымъ и Еропкинымъ голову свою на плахѣ. Романъ Лажечникова при появленіи своемъ имѣлъ большой успѣхъ. „То, чего не сдѣлало воззваніе Рылѣева къ русскимъ патріотамъ—посѣтить могилу Волынскаго, то самое впечатлѣніе на сердца читателей и въ особенности читательницъ произвелъ романъ Лажечникова. Ограда храма Сампсонія Страннопріимца съ своимъ упраздненнымъ кладбищемъ, сдѣлалась мѣстомъ любознательнаго паломничества. Обоего пола жители столицы начали посѣщать до той поры почти никому невѣдомую могилу Волынскаго" [2]).

Вторая дума „Видѣніе имп. Анны" изображаетъ другой моментъ, связанный съ личностью Волынскаго. Дума воспроизводитъ преданіе о томъ, какъ вскорѣ послѣ казни голова Волынскаго явилась имп. Аннѣ во время одного придворнаго пиршества [3]).

При жизни Рылѣева произведеніе это не появлялось въ печати, причиной чего послужило, кажется, цензурное запрещеніе; самъ поэтъ, видимо, собирался издавать думу: по крайней мѣрѣ, 16 октября 1822 года онъ читалъ ее въ засѣданіи Спб. Общества Люб. Рос. Словесности; здѣсь стихотвореніе было „одобрено" и „избрано единогласно" для напечатанія въ „Соревнователѣ Просвѣщенія" [4]). Впервые дума опубликована была А. И. Герценомъ и Н. П. Огаревымъ въ „Полярной Звѣздѣ на 1859 г." [5]); въ Россіи ее издалъ П. А. Ефремовъ въ 1870 г. по подлинной рукописи Рылѣева, сохранившейся среди бумагъ Ѳ. В. Булгарина [6]); П. Бартеневъ въ „Девятнадцатомъ вѣкѣ" напечаталъ черновой набросокъ этого стихотворенія, представляющій первоначальную редакцію думы [7]).

[1]) Сочиненія И. Лажечникова, изд. Вольфа, т. III, Спб. 1884, стр. 73—74.

[2]) *К. П.* „Могила Волынскаго". „Рус. Старина" 1883 г., май, стр. 468—469.

[3]) Преданіе о призракѣ, являвшемся имп. Аннѣ незадолго до ея кончины, издано въ примѣчаніяхъ М. Н. Лонгинова къ запискамъ *И. И. Дмитріева*: „Взглядъ на мою жизнь". Изд. М. А. Дмитріева. Москва 1866, стр. 96—97, 285.

[4]) См. архивъ Общества, въ библ. Ак. наукъ. „Журналъ ученыхъ упражненій" 1822 г., протоколъ XXV засѣданія.

[5]) Лондонъ 1859 г., стр. 6—8

[6]) „Рус. Старина" 1870 г., т. II, стр. 524—526. Дума озаглавлена: „Голова Волынскаго". См. выше, стр. 22 и 23.

[7]) „Девятнадцатый вѣкъ". Кн. I, Москва 1872, стр. 373—375. Дума издана по подлинной рукописи поэта, принадлежавшей вмѣстѣ съ другими его авто-

„Наталія Долгорукова“.

Источникомъ для этой думы послужили „Записки“ кн. Н. Б. Долгоруковой, которыя первоначально въ отрывкахъ изданы были въ „Другѣ Юношества“ (1816 г., № 1) и затѣмъ въ болѣе полномъ видѣ появились въ „Плутархѣ прекраснаго пола“ (Москва, 1819 г., чч. VI—VII, стр. 95—128). Кромѣ того, „Записки“ извѣстны были во многихъ рукописяхъ.

Кн. Н. Б. Долгорукова (1714—1771 г.), дочь гр. Б. П. Шереметева, отдана была замужъ за любимца Петра II кн. И. А. Долгорукова; черезъ три дня послѣ свадьбы новобрачныхъ постигло несчастье: благодаря придворнымъ интригамъ они сосланы были въ Касимовскія деревни, а затѣмъ въ Березовъ; спустя нѣсколько лѣтъ князя Долгорукова увезли обратно изъ Сибири и казнили въ Новгородѣ (въ 1739 г.); женѣ его разрѣшено было вернуться въ Москву, гдѣ она и отдалась воспитанію своихъ дѣтей. Въ 1758 г. Наталья Борисовна уѣхала въ Кіевъ и постриглась тамъ подъ именемъ Нектаріи въ Фроловскомъ женскомъ монастырѣ; здѣсь, въ тиши монашеской келіи, написала она свои „Записки“, которыя, впрочемъ, не окончила, доведя ихъ только до пріѣзда семейства Долгоруковыхъ въ Березовъ [1]).

„Записки“ представляютъ задушевный разсказъ о несчастной жизни княгини, проникнутый искренностью, сердечной теплотой, глубокимъ христіанскимъ смиреніемъ и покорностью Божьему Промыслу; въ нихъ подробно разсказаны всѣ тѣ потрясающія злоключенія, которыя пришлось испытать Натальѣ Борисовнѣ во время путешествія сначала въ Касимовскія деревни, а затѣмъ въ сибирскія тундры— въ глухой и отдаленный Березовъ.

„Когда соберу въ память свою изъ младенческихъ лѣтъ жизнь, пишетъ кн. Долгорукова, удивляюсь сама себѣ, какъ я эти всѣ печали снесла, какъ я всѣ бѣды пересилила, не умерла, ни ума не лишилась: все то милосердіемъ Божіимъ и Его руководствомъ под-

графами Чертковской библіотекѣ. См. о Волынскомъ: *Н. Зезюлинскій.* Неравная борьба. Волынскій и Биронъ. По первоисточникамъ. Спб. 1908.

[1]) Въ полномъ видѣ „Записки“ изданы въ „Рус. Архивѣ“ 1867 г.; отсюда ихъ перепечаталъ А. Суворинъ въ „Дешевой Библіотекѣ“ подъ заглавіемъ: „Записки кн. Н. Б. Долгоруковой, съ портретами и рисунками“. Спб. (1889).

крѣплена была. Съ четырехъ лѣтъ стала сиротою, съ 15 лѣтъ—невольницею: заключена была въ маленькомъ пустомъ мѣстечкѣ, гдѣ съ нуждою имѣть можно пропитаніе; сколько жъ я видѣла страховъ, сколько претерпѣла нуждъ!" Полюбивъ своего супруга, когда онъ былъ еще знатенъ, когда былъ „любимъ государемъ, знатные чины имѣлъ и ввѣрены были ему всякія дѣла государственныя". Наталья Борисовна осталась вѣрна ему и въ несчастьи. „Я не имѣла такой привычки, чтобъ сегодня любить одного, а завтра—другого... Во всѣхъ злополучіяхъ я была своему мужу товарищъ; и теперь скажу самую правду, что, будучи во всѣхъ бѣдахъ никогда не раскаивалась, для чего я за него пошла, и не дала въ томъ безумія Богу... все, любя его, сносила; сколько можно было, еще и его подкрѣпляла... я готова была съ нимъ хотя всѣ земныя пропасти пройтить. Онъ всего свѣту дороже былъ. Все оставила: и честь, и богатство, и сродниковъ и стражду съ нимъ, и скитаюсь; этому причина—все непорочная любовь, которой я не постыжусь ни передъ Богомъ, ни передъ цѣлымъ свѣтомъ, потому что онъ одинъ въ сердцѣ моемъ былъ; и мнѣ казалось, что онъ для меня родился и я для него, и намъ другъ безъ друга жить нельзя. И по сей часъ въ одномъ разсужденіи, и не тужу, что мой вѣкъ пропалъ; но благодарю Бога моего, что онъ мнѣ далъ знать такого человѣка, который того стоилъ, чтобы мнѣ за любовь жизнью своею заплатить, цѣлый вѣкъ странствовать и великія бѣды сносить, могу сказать, безпримѣрныя бѣды. Счастливою себя щитаю, что его ради себя потеряла, безъ принужденія изъ своей доброй воли. Я все въ немъ имѣла: и милостиваго мужа, и отца, и учителя, и старателя о счастіи моемъ" [1]).

То же грустное настроеніе и тѣ же мысли мы видимъ и въ думѣ Рылѣева.

...Была гонима всюду я
Жезломъ судьбины самовластной;
Увы! вся молодость моя
Промчалась осенью ненастной!
Въ борьбѣ съ враждующей судьбой.
Я отцвѣтала въ заточеньи:
Мнѣ другъ прекрасный и младой
Былъ данъ, какъ призракъ, на мгновенье.
Забыла я родной свой градъ,
Богатство, почести и знатность,
Чтобъ съ нимъ дѣлить Сибири хладъ

[1]) „Рус. Архивъ" 1867 г., № 1, стр. 1—32

И испытать судьбы превратность.
Все съ твердостью перенесла.
И. бѣдствуя въ странѣ пустынной,
Для Долгорукова спасла
Любовь души своей невинной:
Онъ жертвой мести лютой палъ;
Кровь друга плаху оросила;
Но я, бродя межъ снѣжныхъ скалъ,
Ему въ душѣ не измѣнила.
Судьба отраду мнѣ дала
Въ моемъ изгнаніи уныломъ:
Я утѣшалась, я жила
Мечтой всегдашнею о миломъ!
Въ странѣ угрюмой и глухой
Она являлась мнѣ, какъ радость.
И въ душу, сжатую тоской,
Невольно проливала сладость.

Прежде чѣмъ принять схиму Н. Долгорукова разстается съ обручальнымъ кольцомъ; оно было единственнымъ утѣшеніемъ для нея, такъ какъ напоминало ей всегда о „другѣ миломъ“ [1]); посвящая себя служенію Богу, кн. Долгорукова бросаетъ кольцо въ днѣпровскія волны, чтобы оно не будило воспоминаній о земныхъ ея привязанностяхъ. Эпизодъ съ кольцомъ встрѣчается и въ „Запискахъ“, но тамъ онъ переданъ въ нѣсколько иной варіаціи. Вспоминая тяжелую разлуку со своей воспитательницей, Наталья Борисовна замѣчаетъ: „тогда я перло жемчужное, которое было у меня на рукѣ, знать я его въ воду опустила, когда я съ своими прощалась; да мнѣ уже и не жаль было, не до него: жизнь тратится“ [2]).

Эти слова дали поводъ Рылѣеву создать цѣлую картину прощанья кн. Долгоруковой съ обручальнымъ кольцомъ:

Настала осени пора:
Въ долинахъ вѣтры бушевали,
И волны мутнаго Днѣпра
Песчаный берегъ подрывали.
На брегъ сей дикій и крутой,
Невольно слезы проливая,
Бесѣдовать съ своей тоской
Пришла страдалица младая.
«Свершится завтра жребій мой:
Раздастся колоколъ церковной—
И я на вѣкъ съ своей тоской
Сокроюсь въ келіи безмолвной.
О, лейтесь, лейтесь же изъ глазъ,
Вы, слезы, въ мѣстѣ семъ уныломъ
Сегодня я въ послѣдній разъ
Могу мечтать о другѣ миломъ.
Въ послѣдній разъ въ нѣмой глуши
Брожу съ воспоминаньемъ смутнымъ.

---

[1]) Выраженіе „другъ милый“, которое часто повторяетъ Рылѣевъ въ думѣ, постоянно встрѣчается и въ „Запискахъ“.

[2]) „Записки“. „Рус. Архивъ“ 1867 г., № 1. стр. 38.

И тяжкую печаль души
Ввѣряю рощамъ безпріютнымъ.
...Забуду все: людей и свѣтъ—
И, холодна къ любви и злобѣ,
Суровый выполню обѣтъ—
Мечтать до гроба лишь о гробѣ.
Тутъ, снявъ кольцо съ своей руки,
Она его поцѣловала,
И бросивъ въ глубину рѣки,
Лицо закрыла и взрыдала.

...Рѣка клубилась въ берегахъ,
Поблеклый листъ валился съ шумомъ:
Порывный вѣтръ шумѣлъ въ поляхъ
И бушевалъ въ лѣсу угрюмомъ.
Полна унынья и тоски,
Слезами перси орошая,
Пошла обратно вдоль рѣки
Дочь Шереметева младая [1]).

Сюжетъ о несчастной судьбѣ кн. Долгоруковой послѣ Рылѣева живо заинтересовалъ И. И. Козлова; онъ посвятилъ ей поэму подъ именемъ „Наталья Долгорукова". Собираясь писать ее, Козловъ, между прочимъ, сообщалъ Пушкину о своемъ намѣреніи: „J'espére que votre triple inspiration ne m'abandonnera pas dans mon nouveau petite poème, c'est la princesse Dolgorouky Chérémétief: je trouve que ce sujet est infiniment touchant. Je n'ose pas dire que *la Duma de Reileeff*, qui potre ce nom, sois sans mérite, mais il me semble qu'elle n'empêche pas de tenter un petite poème de 7 à 800 vers" [2]).

Образъ кн. Долгоруковой въ поэмѣ Козлова очень напоминаетъ тотъ же образъ въ думѣ Рылѣева: Наталья Борисовна и здѣсь остается „вѣрной подругой" своему супругу въ теченіе всей жизни среди всѣхъ превратностей ея судьбы.

Его подругою, душою
Съ нимъ въ ссылкѣ цѣлыхъ восемь лѣтъ
Она жила....
Ни гордой мести, ни угрозъ
Ея любовь не ужаснулась:
На все съ нимъ вмѣстѣ рѣшена—
И въ даль и хладъ...

[1]) *Баратынскій*, т. I, стр. 111—112.

[2]) Письма Пушкина и къ Пушкину. Новые матеріалы, собранные книгоиздательствомъ „Скорпіонъ". Редакція и примѣчанія В. Брюсова, Москва 1903, стр. 95.

Эпизодъ съ кольцомъ, встрѣчающійся во второй части поэмы (строфы XI и XII), несомнѣнно заимствованъ былъ Козловымъ изъ думы Рылѣева. Передъ принятіемъ схимы кн. Долгорукова переживаетъ тяжелую внутреннюю борьбу: съ одной стороны, воспоминанія о своемъ миломъ другѣ связываютъ ее съ земнымъ міромъ; съ другой, она стремится отрѣшиться отъ всѣхъ мірскихъ интересовъ и отдаться служенію Богу:

Она въ борьбѣ сама съ собой,
Дрожитъ предъ клятвою святой;
Она у волнъ въ раздумьи сѣла,
Склонила на руки лицо,
На Днѣпръ, вздохнувши, посмотрѣла,
Сняла вѣнчальное кольцо.

«Свершилось все, навѣкъ свершилось!
И страшной клятвой съ новымъ днемъ
Я поклянусь предъ алтаремъ—
Забыть все то, чѣмъ сердце билось.
Кольцо мое, залогъ живой
Межъ праха милаго и мной,
Тебя ждала моя могила!»

Не страшенъ ей терновый путь,
Ей страшно небо обмануть...
Земной ли жертвы ей страшиться?
Но какъ ей друга позабыть?

Во снѣ является другъ и укрѣпляетъ ее принять монашескій обѣтъ. Въ глубокую ночь идетъ кн. Долгорукова на склонъ днѣпровскихъ береговъ:

Бушуютъ волны на рѣкѣ;
Зарница блещетъ вдалекѣ,
И тучи мѣсяцъ застилаютъ;
И на туманныхъ небесахъ,
Какъ бы забыты въ облакахъ,
Двѣ только звѣздочки мелькаютъ.
Увы! душа ея мрачнѣй
Осеннихъ бурь и мглы ночей!...

И вѣрой грудь ея дышала
И жертва тайная въ мечтахъ...
Она кольцо къ устамъ прижала...
Оно блеститъ... оно въ волнахъ,
Въ волнахъ! Но что жъ? рукой дрожащей
Въ порывахъ сердца своего
Она изъ-подъ волны шумящей
Хотѣла выхватить его;
Уже рука межъ водъ скользнула,
Но руку, тихо заструясь,
Волна холодная отбила...
...И межъ кустовъ тропинкой мшистой
Она пошла къ горѣ крутой
И скрылась вдругъ въ дали тѣнистой,
Какъ нѣкій призракъ гробовой [1]).

«Державинъ».

Дума Рылѣева не была единственнымъ произведеніемъ, посвященнымъ Державину; о послѣднемъ писали многіе наши поэты, при чемъ въ своихъ стихотвореніяхъ указывали главнымъ образомъ на панегирическій характеръ его поэзіи; въ Державинѣ видѣли прежде всего «пѣвца Фелицы», царей и героевъ-полководцевъ; гражданское же значеніе его музы не было ими отмѣчено [2]); ничего почти не говорятъ по этому поводу и статьи о Державинѣ, которыя также имѣютъ въ виду преимущественно хвалебный тонъ его лиры [3]).

---

[1]) Кн. И. Б. Долгорукая, сочиненіе И. Козлова. Спб. 1828, стр. 68, 78—82.

[2]) См.: 1) *В. Капнистъ*. Ода на смерть Державина („Труды Казанскаго Общества Любит. Отечественной Словесности", кн. I, Казань 1815, стр. 302—311)—2) *А. Нестеровъ*. При гробѣ Державина („Вѣстникъ Европы" 1816 г., ч. XC).—3) *В. Филимоновъ*. Надгробная пѣснь Державину („Труды Общ. Люб. Россійской Словесности при Импер. Московскомъ университетѣ, ч. VI, Москва 1817, стр. 44—47).—4) *И. Граматинъ*. На смерть Державина („Вѣстн. Европы" 1817 г., ч XCVI).—5) *А. Родзянка* Державинъ („Благонамѣренный" 1819 г., ч. V, стр. 201—208).—6) *М. В. Милоновъ*. Элегія на смерть Державина (см. его „Сатиры, посланія и другія мелкія стихотворенія" Спб. 1819, стр. 127—129).—7) *И.* На кончину Державина („Благонамѣренный" 1822 г., ч. XIX, стр. 416).

[3]) См. статьи *кн. П. А. Вяземскаго*. („Сынъ Отечества" 1817 г., № 37) и *В. Панаева* („Краткое похвальное слово Державину" въ „Сынѣ Отечества" 1817 г.

Рылѣевъ отрѣшился отъ обычной точки зрѣнія; Державинъ дорогъ былъ для него, какъ поэтъ-гражданинъ, который выше всего ставилъ «общественное благо» и вполнѣ оправдалъ высокое назначеніе пѣвца--быть полезнымъ для своего отечества.

Онъ пѣлъ и славилъ Русь святую!
Онъ выше всѣхъ на свѣтѣ благъ
Общественное благо ставилъ,
И въ огненныхъ своихъ стихахъ
Святую добродѣтель славилъ.
О, какъ удѣлъ пѣвца высокъ!
Кто въ мірѣ съ нимъ судьбою равенъ?
Не въ силахъ отказать и рокъ
Тебѣ въ безсмертіи, Державинъ!
...Къ неправдѣ онъ кипитъ враждой,
Ярмо гражданъ его тревожитъ,
Какъ вольный славянинъ душой
Онъ раболѣпствовать не можетъ.
...Гремѣть грозою противъ зла
Онъ чтитъ святымъ себѣ закономъ,
Съ спокойной важностью чела
На эшафотѣ и предъ тропомъ;
Ему не вѣдомъ низкій страхъ,
На смерть съ презрѣньемъ онъ взираетъ,
И доблесть въ молодыхъ сердцахъ
Стихомъ свободнымъ зажигаетъ.
...Таковъ нашъ бардъ Державинъ былъ... [1]).

Обзоръ источниковъ и знакомство съ литературной обстановкой, въ которой появились думы Рылѣева, отвлекли насъ отъ выясненія дальнѣйшей судьбы этихъ произведеній.

Думы, какъ намъ уже приходилось отмѣчать, издавались первоначально въ журналахъ и альманахахъ; затѣмъ онѣ вышли въ

№ 5). См. перечень критическихъ статей о Державинѣ въ „Русской Поэзіи", изд. подъ ред. С. А. Венгерова. Т. I, Спб. 1897, стр. 119.

[1]) *Балицкій*, т. I, стр. 114—116. Въ черновыхъ бумагахъ Рылѣева сохранился набросокъ другого стихотворенія о Державинѣ (см. его въ „Вѣстникѣ Европы" 1883 г., № 11 и у *Балицкаго* т. I, стр. 115, см. также Ефр.[2], стр. 328).

1825 г. отдѣльнымъ сборникомъ [1]). Появленіе думъ въ печати не прошло безслѣдно и вызвало замѣтное оживленіе въ литературныхъ кругахъ. „А думы Рылѣева, вспоминаетъ Ѳ. Н. Глинка, вышли съ большимъ блескомъ и надѣлали много шума! Должно замѣтить, что до того времени никто не продавалъ своихъ пьесъ: даромъ отдавали въ журналы, и первый Воейковъ заплатилъ за думу Рылѣеву 100 р. асс.“ [2]). По поводу думъ высказывались разнообразныя мнѣнія. Н. И. Гречъ видѣлъ въ нихъ „умныя, благородныя и живыя думы“ [3]); Ѳ. В. Булгаринъ отмѣчалъ, что „народность, благородныя чувствованія, заключающіяся въ думахъ Рылѣева, его простой и естественный разсказъ заслужили общее одобреніе и доставили уваженіе автору“ [4]). „Съ живымъ удовольствіемъ читаю я думы, которыя обращали на себя и прежде мое вниманіе“ писалъ князь П. А. Вяземскій въ 1823 году Рылѣеву и А. Бестужеву; „онѣ носятъ на себѣ печать отличительную, столь необыкновенную, посреди пошлыхъ и одноличныхъ или часто безличныхъ стихотвореній нашихъ. Что и въ хорошихъ стихахъ, когда нѣтъ въ нихъ особеннаго характера“. Обращаясь затѣмъ къ обоимъ писателямъ, кн. Вяземскій побуждалъ ихъ продолжать разработку историческихъ сюжетовъ: „Взимайте оба дани съ предковъ нашихъ, одинъ стихами, другой прозою... и пустите мертвые капиталы нашей исторіи“ [5]).

Подобно кн. Вяземскому и Плетневъ привѣтствовалъ попытку Рылѣева воскрешать прошлыя страницы русской исторіи. „Рылѣевъ избралъ для себя прекрасное поприще. Онъ представляетъ вамъ поэтическія явленія изъ отечественной исторіи. Его, такъ называемыя, думы содержатъ лирическій разсказъ какого нибудь событія. Не восходя до оды, которая больше требуетъ восторга чувствованій и быстроты изложенія, онѣ отличаются благородною простотою истины и поэзіею самаго происшествія. Чистый и легкій языкъ, наставительныя истины, прекрасныя чувствованія, картины природы: вотъ что удовлетворяетъ въ нихъ любопытному вкусу“ [6]).

---

[1]) См. выше, стр. 2—4.

[2]) „Рус. Старина“ 1871 г., т. III, стр. 246.

[3]) „Сынъ Отечества“ 1823 г., № 5, стр. 115.

[4]) „Сѣв. Архивъ“ 1823 г., ч. V, стр. 421—422.

[5]) „Рус. Старина“ 1888 г., ноябрь, стр. 312.

[6]) Сѣверные цвѣты на 1825 г., собранные бар. Дельвигомъ. Новое изданіе, приложеніе къ „Рус. Архиву“ Москва 1881, стр. 55—56.

А. И. Кошелевъ сообщаетъ въ своихъ запискахъ, что Рылѣевъ на вечерѣ у М. М. Нарышкина въ Москвѣ читалъ свои думы; впечатлѣніе отъ его стиховъ было очень сильное; Кошелевъ подѣлился имъ съ Кирѣевскимъ, Веневитиновымъ и Рожалинымъ, и молодые московскіе философы стали интересоваться русской политикой, къ которой раньше были равнодушны" [1]).

Судя по этимъ словамъ, цѣль, которую ставилъ себѣ Рылѣевъ, создавая думы,—воздѣйствовать на гражданскія чувства современниковъ, была имъ достигнута. Дѣйствительно, многіе цѣнили гражданское настроеніе его произведеній и придавали имъ большое воспитательное значеніе. „Въ думахъ его, говоритъ Н. Бестужевъ, мы видимъ жаркое желаніе внушить въ другихъ эту же любовь къ своей землѣ, ко всему народному; привязать вниманіе къ дѣяніямъ старины; показать, что и Россія богата примѣрами для подражанія, что сіи примѣры могутъ равнять ее съ великими образцами древности" [2]).

Ѳ. В. Булгаринъ въ рецензіи на сборникъ думъ указывалъ на гражданское значеніе этихъ произведеній: „Изданіе думъ г. Рылѣева есть драгоцѣнный подарокъ для русскихъ патріотовъ... Любовь къ отечеству и чистѣйшая нравственность суть отличительныя черты сего сочиненія" [3]).

На ряду съ такими отзывами высказывались и менѣе лестныя сужденія о думахъ, имѣвшія въ виду главнымъ образомъ литературную сторону этихъ произведеній. Пушкинъ, напримѣръ, считалъ думы въ художественномъ отношеніи слабыми и среди нихъ онъ выдѣлялъ только думу „Иванъ Сусанинъ" и послѣднія строфы „Петра Великаго въ Острогожскѣ" [4]). „Думы дрянь, писалъ Пушкинъ кн. П. А. Вяземскому, и названіе сіе происходитъ отъ нѣмецкаго dum, а не отъ польскаго, какъ казалось бы съ перваго взгляда" [5]). Но, отрицая поэтическія достоинства думъ, Пушкинъ вмѣстѣ съ тѣмъ очень цѣнилъ ихъ гражданское направленіе. Когда Пущинъ навѣстилъ своего друга въ с. Михайловскомъ, послѣдній просилъ

---

[1]) Записки А. И. Кошелева. Берлинъ 1884, стр. 13.

[2]) „Воспоминанія о К. Ѳ. Рылѣевѣ". См. *Балицкій*, т. I, стр. 21.

[3]) „Сѣверная Пчела" 1825 г., № 37.

[4]) См. выше, стр. 217 и 223.

[5]) Сочиненія Пушкина. Переписка. т. I, Спб. 1906, стр. 218.

его, любивши крѣпко Рылѣева, благодарить за его патріотическія думы" [1]).

Не вполнѣ доволенъ былъ Рылѣевымъ и А. С. Шишковъ; среди его автографовъ, хранящихся въ Имп. Публичной Библіотекѣ, намъ встрѣтилась любопытная замѣтка о думѣ „Рогнѣда"; она интересна, какъ мнѣніе человѣка, враждебно относившагося къ новымъ теченіямъ въ литературѣ Въ оцѣнкѣ стихотворенія Рылѣева Шишковъ остался вѣренъ своимъ взглядамъ. Онъ нашелъ думу прекраснымъ произведеніемъ, но не могъ простить автору его пристрастія къ новымъ, „моднымъ словечкамъ". „Повѣсть сія, такъ называетъ Шишковъ думу, написана прекрасными стихами, но по мѣстамъ платится дань нынѣшнему *новописанію*. Разсмотримъ ее и замѣтимъ сіи мѣста. Какъ жаль, что блистаніе природныхъ дарованій часто помрачается симъ худымъ навыкомъ, худою перемчивостью:

Потухъ послѣдній солнца лучъ:
Луна обычный путь свершала,
То пряталась, то изъ за тучъ,
Какъ стройный лебедь выплывала—

естественное и прекрасное изображеніе!

И ярче заблиставъ *порой*
Надъ берегомъ Лыбеди скромной,
Свѣтъ блѣдный проливала свой
На теремъ пышный и огромной:

порой—слово модное, заимствованное изъ просторѣчія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть хорошо, но частое употребленіе его не годится; прилагательное *скромной* есть также модное *словцо*, некстати прикладываемое ко всему: и къ рѣкѣ, и къ камню, и къ могилѣ, словомъ, нѣтъ вещи, которая бы *нескромными* нынѣшними писателями не называлась скромною.—Слову *теремъ* прилагательныя *пышный и огромный* не весьма свойственны. При томъ въ окончаніи надлежитъ наблюдать равенство: ежели *огромной*, то уже и *пышной*, а не *пышный*.

Все было тихо... лишь потокъ,
Журча, роптал между кустами,

[1]) Записки И. И. Пущина о Пушкинѣ. Спб. 1907. стр. 63.

ежели *роптать* сказано въ такомъ же смыслѣ, какъ *журчать*, такъ это будетъ: журча журчалъ: а ежели въ смыслѣ *негодовать*, то не видно, по какой причинѣ потокъ роптал.

и *перелетный* вѣтерокъ
въ дубравѣ шевелилъ *вѣтвями*.

прилагательное перелетный къ слову вѣтерокъ или птичка, употребляемое нынѣшними стихотворцами, есть также временное, модное словцо, какія перенимаются тѣми, кто не знаетъ хорошо языка. Почему вѣтерокъ *перелетный*? Онъ не перелетаетъ съ мѣста на мѣсто, а вѣетъ или дуетъ. Птичка, хотя и перелетаетъ съ дерева на дерево, но и ту назвать *перелетною* столь же не свойственно, какъ о зайцѣ, или о иномъ какомъ звѣрькѣ, сказать перебѣжный. Заецъ, или *переходный* волкъ, для того что онъ изъ стороны въ сторону перебѣгаетъ или переходитъ. Слово *вѣтвями* обыкновенно ударяется на первомъ слогѣ, а не на второмъ; однако жъ вольность сія въ стихахъ можетъ быть терпима... и такъ далѣе"[1]). Здѣсь прерываются разсужденія Шишкова о думѣ Рылѣева; мелочныя и нѣсколько наивныя сужденія его интересны также для выясненія критическихъ пріемовъ, къ которымъ прибѣгалъ этотъ писатель при оцѣнкѣ художественныхъ произведеній.

Много вниманія удѣлено было нашими критиками и самой формѣ думъ Рылѣева, которая для русской литературы являлась новымъ и неизвѣстнымъ еще родомъ поэтическаго творчества. Первый по этому поводу высказался А. А. Бестужевъ, отмѣтивъ, что „Рылѣевъ, сочинитель думъ или гимновъ историческихъ, пробилъ новую тропу въ русскомъ стихотворствѣ"[2]).

Критикъ К... не соглашался съ отожествленіемъ „думы" и „гимна". „Дума не есть историческій гимнъ, писалъ онъ, и не всегда служитъ къ прославленію подвиговъ и доблести предковъ. Гимны суть похвальныя, торжественныя пѣсни; а въ думахъ излагаются

---

[1]) См. автографы Шишкова въ отдѣленіи рукописей Имп. Публ. Библіотеки. Тетрадь въ 8-ю д. л., подъ загл.: „Разныя записки", на стр. 219—221: „Разсмотрѣніе повѣсти подъ названіемъ *Рогнѣда*". (Курсивомъ обозначаемъ слова, подчеркнутыя въ подлинникѣ).

[2]) „Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи". См. „Полярную Звѣзду на 1823 г.", стр. 29.

уединенныя размышленія историческихъ лицъ, тайныя ихъ намѣренія, борснія противоположныхъ страстей, угрызенія совѣсти и нерѣдко такія чувства, кои не имѣютъ въ себѣ ничего ни торжественнаго, ни похвальнаго. Дума есть особливый родъ поэзіи, взятый изъ польской литературы и который требуетъ еще своей теоріи" [1]).

Живо задѣтый замѣчаніемъ К., Бестужевъ поспѣшилъ отвѣтить ему на страницахъ „Сына Отечества". „Во всей этой теоріи, которой никто отъ г. К. не требовалъ, не нахожу и тѣни правдоподобія. Во-первыхъ, г. К. смѣшалъ сказанное мною о думѣ съ тѣмъ, что сказано о Рылѣевѣ, а Рылѣевъ, могу увѣрить, совсѣмъ не дума и не гимнъ. Во-вторыхъ, вопреки г. К., гимны въ Греціи, равно какъ и историческія думы въ Польшѣ, введены были съ одинаковою цѣлью, т. е. для пѣнія. Думы суть общее достояніе племенъ славянскихъ. Русскія пѣсни о Владимірѣ, о Добрынѣ и другихъ богатыряхъ, о взятіи Казани; у Малороссіянъ о Мазепѣ, о Хмельницкомъ, о Сагайдачномъ; у Богемцевъ вся Краледворская рукопись; да и самая пѣсня о походѣ Игоря не есть ли дума?— Въ третьихъ, дума не всегда есть размышленіе историческаго лица, но болѣе воспоминаніе автора о какомъ либо историческомъ происшествіи или лицѣ и нерѣдко олицетворенный объ оныхъ разсказъ. Лучшія думы Нѣмцевича въ томъ порукою. Далѣе, въ польской словесности дума не составляетъ особаго рода: поляки сливаютъ ее съ элегіею (см. разсужденіе Бродзинскаго объ элегіи въ „Pam. Warsz." 1822, № 5, на karcie 44, прим. сочинителя). Но какъ у насъ введена дума Рылѣевымъ, то, по его словамъ и самимъ произведеніямъ (не по одному Глинскому, изъ котораго г. К. почерпнулъ свое опредѣленіе), думу помѣстить должно въ разрядъ чистой романтической поэзіи. Впрочемъ, она составляетъ середину между героидою и гимномъ" [2]).— Эти слова А. Бестужева, какъ близкаго Рылѣеву человѣка и его

[1]) „Русскій Инвалидъ" 1823 г., № 4. Статья *К.* о „Полярной Звѣздѣ на 1823 г.". См. примѣчаніе 8-ое.

[2]) *А. Бестужевъ.* Отвѣтъ на критику „Полярной Звѣзды". „Сынъ Отеч." 1823 г., ч. LXXXIII, стр. 183—184.—Какъ видно изъ статьи, Бестужевъ читалъ польскіе журналы; ими интересовался и Сомовъ (см. выше, стр. 219—220); такимъ образомъ, въ кругу лицъ, близкихъ къ Рылѣеву, слѣдили за польской литературой, и наше предположеніе, что Рылѣевъ зналъ думы непосредственно изъ польскихъ журналовъ, становится отъ этого еще болѣе вѣроятнымъ (см. выше, стр. 175).

единомышленника, представляютъ для насъ особый интересъ, такъ какъ въ нихъ до извѣстной степени можно видѣть мысли самого Рылѣева. Опредѣленіе думы, приведенное А. Бестужевымъ, вполнѣ подходитъ къ произведеніямъ Рылѣева; его думы, во многихъ случаяхъ, дѣйствительно, представляютъ ,,воспоминанія автора о какомъ либо историческомъ происшествіи или лицѣ и нерѣдко олицетворенный объ оныхъ разсказъ". Указаніе Бестужева, что дума „по словамъ" Рылѣева должна быть отнесена въ разрядъ чистой романтической поэзіи, является очень цѣннымъ свидѣтельствомъ того, что самъ Рылѣевъ смотрѣлъ на свои произведенія, какъ на образцы новой, романтической поэзіи.

Кромѣ А. Бестужева и К.—по поводу думъ, какъ особаго рода стихотвореній, высказывались еще Ѳ. В. Булгаринъ и кн. П. А. Вяземскій. Первый отмѣчалъ, что введенная Рылѣевымъ дума составляетъ „середину между элегіею и героидою" [1]). Кн. Вяземскій, не соглашаясь съ такимъ опредѣленіемъ, оспаривалъ Булгарина: „несправедливо, кажется, полагаетъ онъ (Булгаринъ), что сей родъ стихотвореній занимаетъ середину между элегіей и героидою. По содержанію своему онѣ (думы) относятся къ роду повѣствовательному, а по формамъ своимъ къ лирическому. Что можетъ быть въ нихъ общаго съ элегіею, извѣстною намъ по образцамъ, оставленнымъ Тибулломъ и новѣйшими поэтами, или съ героидами Овидія и многихъ французскихъ поэтовъ, отличившихся по слѣдамъ его?" [2]).

Когда въ 1825 г. появился сборникъ думъ Рылѣева, Булгаринъ снова поднялъ вопросъ объ этомъ родѣ произведеній. Разбирая предисловіе къ думамъ, онъ писалъ: ,,что дума есть принадлежность русскаго или Руси, мы не споримъ, но намъ кажется, что поляки заимствовали одно только имя, ибо обычай воспѣвать подвиги героевъ принадлежитъ равномѣрно полякамъ, богемцамъ, иллирійцамъ и сербамъ, какъ древнимъ кіевлянамъ и галичанамъ. Стихотворенія сего рода называются въ Польшѣ и Богеміи спѣвами (śpiewy). Этого слова нельзя по Русски перевести пѣснями, ибо онѣ по польски называются piesń или piosnka. Вообще къ слову спѣвъ

---

[1]) *Ѳ. Булгаринъ.* Краткое обозрѣніе рус. литературы 1822 г. „Сѣв. Архивъ" 1823 г., ч. V, 421—422.

[2]) *Кн. П. А. Вяземскій.* Замѣчаніе на „Краткое обозрѣніе рус. литературы 1822 г.", „Новости Литературы" 1823 г., кн. IV, стр. 91.

прибавлялось всегда изъясненіе содержанія описываемаго подвига или имя хвалимаго героя, напримѣръ, спѣвъ о Лундгардѣ и т. п.— это родъ гимновъ, одъ или подобнаго рода возвышенныхъ лирическихъ стихотвореній; итакъ, для означенія сего рода, весьма прилично было употребить славянское названіе дума: оное въ такомъ смыслѣ есть наслѣдіе предковъ, достойное потомковъ, которые своими подвигами составили богатую руду для піитическихъ дарованій. Изъ ученаго „Введенія къ простонароднымъ пѣснямъ нынѣшнихъ грековъ", изданныхъ Н. И. Гнѣдичемъ, мы удостовѣряемся, что южные славяне съ успѣхомъ занимались музыкою и славились своими пѣснями даже въ Греціи. Должно полагать, что бранно-любивые наши предки избирали предпочтительно предметы для своихъ пѣсенъ изъ событій отечественныхъ и военныхъ подвиговъ, и я вѣрю, что наши древніе рапсоды или гуслисты преимущественно воспѣвали думы, въ чемъ свидѣтельствуетъ сохранившееся названіе оныхъ въ простомъ народѣ, въ странахъ, нѣкогда пограничныхъ съ Восточною имперіею.—Итакъ, дума есть родъ поэзіи, приличный народному духу русскихъ и принадлежащій имъ по наслѣдію Думы украинскія и древніе спѣвы польскіе, богемскіе и сербскіе, сколько намъ извѣстно, весьма просты въ своемъ составѣ. Это разсказъ происшествія, блистательнаго подвига или несчастнаго случая въ отечествѣ: весь піитическій вымыселъ заключался въ уподобленіяхъ. Новыя польскіе поэты, возобновляя сей родъ поэзіи, обременяли свои описанія картинами природы, длинными рѣчами и т. п. Оттого ихъ думы потеряли главное свое назначеніе, т. е. сдѣлались неспособными къ пѣнію. Даже прекрасные „Историческіе спѣвы" г. Нѣмцевича, не взирая на то, что къ нимъ приложены ноты, не могутъ быть пѣты, по причинѣ своей обширности: ни одна грудь не выдержитъ этого труда, и даже вниманіе слушателей утомится.—К. Ѳ. Рылѣевъ при сочиненіи своихъ думъ, какъ видно, руководствовался новымъ составомъ сего рода поэзіи, и хотя онъ избѣгнулъ главнаго изъ означенныхъ мною недостатковъ, т. е. обширности, но его думы писаны также для чтенія, а не для пѣнія, какъ показываетъ ихъ первородное назначеніе на Украинѣ. Расположеніе, содержаніе и составъ думъ К. Ѳ. Рылѣева чрезвычайно занимательны и во многомъ превосходятъ думы польскія, слишкомъ единообразныя. У г. Рылѣева во многихъ думахъ есть дѣйствіе, движеніе, и это самое придаетъ имъ занимательность и достоинство

небольшихъ поэмъ. Собственно принадлежащія ему по изобрѣтенію, какъ то Смерть Ермака, Богданъ Хмельницкій, Иванъ Сусанинъ и другія, превосходнѣе переведенной имъ для образца изъ Нѣмцевича думы Глинскій и тѣхъ, которыя онъ написалъ въ подраженіе оной. Что же касается до цѣли, то авторъ совершенно ея достигнулъ, ибо каждая дума припоминаетъ что-нибудь знаменитое и возбуждаетъ высокія чувствованія" [1]).

Приведенные здѣсь разнообразные отзывы о думахъ достаточно ярко показываютъ, насколько эти произведенія заинтересовали современное общество: въ думахъ все обращало на себя вниманіе читателей: и оригинальная, до тѣхъ поръ неизвѣстная форма ихъ, и затронутые сюжеты, и общее патріотическое одушевленіе автора, стремившагося воздѣйствовать на гражданскія чувства современниковъ. На широкую популярность думъ указываетъ и то, что многія изъ нихъ нѣсколько разъ появлялись въ печати [2]), переписывались въ рукописные сборники, часто на ряду съ другими художественными произведеніями русскихъ поэтовъ [3]). Вышедшее въ 1825 г. въ Москвѣ изданіе думъ быстро разошлось и лѣтъ черезъ пять сдѣлалось библіографической рѣдкостью, такъ что любители платили за него больше 100 р. асс.[4]).

Были даже попытки подражать Рылѣеву: нѣкоторые поэты стали обращаться къ историческому прошлому и въ формѣ думъ, иногда элегій и балладъ, воспѣвали дѣянія русскихъ героевъ [5]); не-

---

[1]) „Сѣверная Пчела" 1825 г., № 37.

[2]) См. выше, стр. 2—4, 6.

[3]) См. рукопись Имп. Акад. Наукъ № 1.1.14, представляющую копію печатнаго изданія думъ 1825 г.; см. также академическую рукопись № 15.1.9, содержащую стихотворенія разныхъ авторовъ (Пушкина, Гнѣдича, Аксакова, Мерзлякова и др.), въ томъ числѣ и двѣ думы Рылѣева „Смерть Ермака" и „Богданъ Хмѣльницкій". Въ Имп. Публ. Библіотекѣ среди бумагъ А. А. Майкова см. списокъ думы „Волынскій". См. еще думу „Боянъ" въ рукописномъ сборникѣ: „Сочиненія К. Ѳ. Рылѣева", въ библіотекѣ „Пушкинскаго Дома" при Имп. Ак. наукъ.

[4]) *Н. Б.* Книжныя рѣдкости. Москва 1902, № 515.

[5]) См.: *Плетневъ.* Миниихъ, элегія, „С. Отеч." 1821 г., ч. LXX.—*Шкляревскій.* Святополкъ, дума, „Благонамѣренный" 1823 г., ч. XXIII.—*Б...въ.* Михаилъ Тверской, „С. Отеч.", 1824 г., ч. XCVI—*В. Кюхельбекеръ.* Святополкъ Окаянный. „Мнемозина" 1824 г., ч. I.—*Шишковъ.* Ермакъ, „Новости Литературы" 1825 г., кн. II.—*А. Шидловскій.* Димитрій Тверской, баллада. „Благонамѣренный" 1826 г., ч. XXXII.—*Шидловскій.* Карлъ XII. „Календаръ Музъ" 1827 г.—*Ѳ. Ѳоминскій.* Александръ I, дума, Москва 1831.

рѣдко при этомъ въ рамки прошлаго вводились и гражданскіе мотивы. Гражданскимъ настроеніемъ проникнута, напримѣръ, дума А. Шидловскаго „Георгій", гдѣ русскій князь закалываетъ себя мечомъ, видя угнетеніе родины послѣ неудачной битвы съ Батыемъ. Лишая себя жизни, Георгій горько сѣтуетъ о несчастіяхъ, постигшихъ русскую землю:

Ужели я въ рабствѣ жить долженъ, стеня!...
Не страшны мнѣ въ битвахъ сверканья мечей,
Но рабства страшуся, поносныхъ цѣпей...
Сбылось предсказаніе мудрыхъ бояръ:
Погибла отчизна моя!
И градъ мой престольный—добыча татаръ,
И стонутъ въ оковахъ друзья[1]).

Н. М. Языковъ въ стихотвореніи „Пѣснь барда во время владычества татаръ въ Россіи" тоскуетъ по былой вольности и обращаясь къ баяновымъ струнамъ, восклицаетъ:

Гдѣ вы, краса минувшихъ лѣтъ,
Баяновъ струны золотыя,
Пѣвицы вольности и славы, и побѣдъ,
Народу русскому родныя?
... И вы сокрылися вѣка полночной славы,
Побѣдъ и вольности вѣка!
Такъ сокрывается видъ солнца величавый
За громовыя облака;
На завтра солнце вновь возстанетъ,
А мы... намъ долго цѣпи влечь;
Столѣтья протекутъ, и русскій мечъ не грянетъ
Тиранства гордаго о мечъ[2]).

Вл. Розальонъ-Сошальскій въ стихотвореніи „Баянъ на Куликовомъ полѣ" коснулся тѣхъ же мотивовъ, какіе мы видимъ и въ думѣ Рылѣева „Димитрій Донской" („священный огнь любви къ

---

[1]) „Благонамѣренный" 1826 г., ч. XXXIII, стр. 80—81.

[2]) „Сѣверные Цвѣты на 1825 г.". Новое изданіе, приложеніе къ „Рус. Архиву". Москва 1881, стр. 68—70

отчизнѣ". грозный гласъ свободы, возстаніе противъ презрѣннаго тирана):

Но вздрогнулъ грозный бичь-Мамай,
Какъ громкій гласъ трубы военной
Поля и дебри огласилъ,
Когда въ рукахъ Донского засвѣтилъ
Мечъ мщенія, свободы стражъ священной—
И громъ татаръ умолкъ, и стихнулъ звукъ оковъ!
Воскресли мы!... [1]).

Подъ вліяніемъ Рылѣева гражданскіе мотивы вводилъ въ свои произведенія и Н. А. Маркевичъ [2]); при этомъ вполнѣ вѣроятнымъ является предположеніе Н. П. Дашкевича, что и самая форма думокъ Маркевича навѣяна была Рылѣевымъ [3]).

Вскорѣ думы Рылѣева сдѣлались извѣстны и за предѣлами русской литературы. Краткія свѣдѣнія о нихъ встрѣчаемъ въ „Revue Encyclopédique" 1825 г., въ замѣткѣ „Méditations poétiques (Doumy) par C. Ryléjef": „C'est plutôt une relation d'événements remarquables tirés de l'histoire et mis en vers, que des méditations proprement dites. La plupart de pièces que renferme ce recueil on été publiées séparément dans les journaux" [4]).

Въ концѣ 1820-хъ годовъ думы изданы были въ польскомъ переводѣ подъ заглавіемъ: „Dumy Historiczne Rossyyskie K. Rylleiewa. Przekład polski". Wilno 1829. Въ это изданіе вошло только 17 думъ съ историческими примѣчаніями къ нимъ П. Строева; къ книгѣ приложенъ портретъ Ермака и ноты для „Олега Вѣщаго" и „Державина" (muzyka panny A. B.). Думамъ предшествуютъ два предисловія—Рылѣева (изъ рус. изданія 1825 г.) и польскаго переводчика: послѣдній указываетъ причины, побудившія его взяться за переводъ: „Dumy z dzieiów rossyyskiego narodu, niosę wam rodacy mili, głos onych chciałem zgodzić, chociaż ze słabym dzwiękiem mey lutni, którą chęć dobra prędzey niż talent nastroiła. Literatura rossyyska

[1]) „Украинскій Журналъ" 1825 г., № 16, стр. 221—222.

[2]) См. его „Украинскія мелодіи" 1831 г.

[3]) См. рецензію Дашкевича на книгу Н. И. Петрова въ Отчетѣ о 29 присужденіи наградъ гр. Уварова. Спб. 1888, стр. 215.

[4]) „Revue Enc." 1825, t. XXVI (avril), p. 455.

stanęła iuż na tym szczeblu świetności i chwały, który inne narody dawniey odziedziczyły, a obywatele krain oświecenia, iuż się z ochotą pobratali z uczonymi Rossyi... Dumy te jedniego z celnieyszych rossyyskich pisarzów doskonałe i piękne, godne były przyswoienia dla literatury polskiey". Въ заключеніе переводчикъ характеризуетъ свое изданіе: „w przekładzie daiąc tytuł Dum historycznych, opuściłem te, których przedmiot nie iest z dzieiów Rossyi albo mniey ważne i pospolite opiewa wydarzenia. Przebacz czytelniku! ieżeli mniey trafne wydałem myśli autora" [1]).

Второй польскій переводъ появился много лѣтъ спустя подъ заглавіемъ: „Rylejewa Dumy (Śpiewy Historyczne), przełożył, opatrzył przypisami i życiorysem autora Ludomir Siewiński. Kraków 1885". Въ изданіи помѣщены почти всѣ думы Рылѣева (22), біографія его, писанная Н. Бестужевымъ, предисловіе переводчика и составленныя имъ пространныя примѣчанія къ думамъ: примѣчанія эти вызваны были желаніемъ освѣтить въ надлежащемъ свѣтѣ описанныя въ думахъ лица и событія, при изображеніи которыхъ Рылѣевъ, по мнѣнію переводчика, допустилъ сильную идеализацію, не считаясь въ этомъ случаѣ съ фактами русской дѣйствительности; поэтъ привнесъ сюда мысли и чувства, чуждыя русской жизни, навѣянныя ему знакомствомъ съ западной цивилизаціей. „Dumy Rylejewa czytane jako przekład i to przekład z originału rossyjskiego wydać się muszą dla każdego polaka zjawiskiem nadzwyczajném, przechodzącém zwykłą miarę uczuć i pojęć, przywiązywanych do tego, co moskiewskie. Tendencya ich, uczucia i słowa, wkładane w usta bohaterów, płyną z duszy tak pięknéj, serca tak szlachetnego, pragnień tak wzniosłych, że porównana z niémi rzeczywistość w zdumienie wprowadzić musi. Dla znających naturę moskiewską pieśni te będą płodem obcym, prawie bez żadnego moralnego wpływu z nią obłędną rzucającą inne światło niżli ono jest w istocie... Mylną byłaby jednak opinija tych, któryby z „Dum" i charakteru ich autora chcieli wnosić o całym narodzie moskiewskim, lub choćby jego większości. Jak moralna wartość bohaterów niby rossyjskich, opiewanych w „Dumach", zniknie, gdy usuniemy tych, co nie na gruncie moskiewskim wyrośli,

[1]) Dumy Historyczne Rossyyskie K. Rylleiewa. Wilno 1829. Przedmowa tłumacza, str. VII—VIII. Отзывъ объ этомъ переводѣ напечатанъ былъ въ „Pamiętniku dla płci pięknej" 1830 r., t. II, str. 43.

i zdanie M. Bestużewa w tym względzie (zob. biografię Rylejewa) znacznéj ulegnie redukcyi—tak cały naród moskiewski, obserwowany nie przez okulary pojęć zachodniej cywilizacyi, któréj uległ Rylejew, i sądzony nie z form zewnętrznych tejże cywilizacyi, ale według ducha: uczuć i myśli natury moskiewskiéj, przedstawi krańcową różnicę, której wypełnienie jeśli nie jest niemożliwém, to potrzebuje wieków"[1]).

Нѣкоторыя думы Рылѣева извѣстны въ переводахъ на чешскій, французскій и англійскій языки[2]).

Въ Россіи со смертью Рылѣева изданія думъ прекратились[3]); онѣ стали появляться въ печати много лѣтъ спустя, когда снова явилась возможность болѣе или менѣе свободно говорить о Рылѣевѣ[4]). Русскимъ изданіямъ предшествовали заграничныя, среди которыхъ обращаетъ на себя вниманіе изданіе А. И. Герцена, снабженное предисловіемъ Н. П. Огарева[5]). Предисловіе это интересно, какъ историческая оцѣнка думъ, указывающая, что эти произведенія, хотя и слабыя въ художественномъ отношеніи, имѣли однако сильное вліяніе на современное общество. „Рылѣевъ, говоритъ Огаревъ, былъ поэтомъ общественной жизни своего времени... Страстно бросившись на политическое поприще, съ незапятнанной чистотою сердца, мысли и дѣятельности, онъ стремился высказать въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ, чувство правды, права, чести, свободы, любви къ родинѣ и къ народу, святой ненависти противъ всякаго насилія. Въ этомъ отличительная черта его направленія и тѣ, которые помнятъ то время, конечно скажутъ вмѣстѣ съ нами,

[1]) Rylejewa Dumy (Śpiewy Historyczne), przełożył... L. Siewiński. Kraków 1885. Przedmowa tłomacza. str. 5—6. 9—10.

[2]) См. чешскій переводъ думъ „Боянъ", „Смерть Ермака", „Борисъ Годуновъ" и „Богданъ Хмѣльницкій" въ изданіи: Konráda Feodorowiča Rylejeva Basně jež z výběru na česko převedi a zivotopisem poetovým opatřil *Hynek J. Mejsnar* v Praze. 1875.—См. французскій прозаическій переводъ думы „Иванъ Сусанинъ" въ сборникѣ *Emm. De Saint-Albin*'a: „Les poètes russe. Anthologie et notices biographiques". Paris 1893. pp. 94—97.—Англійскій переводъ думъ „Иванъ Сусанинъ" и „Димитрій Донской", принадлежащій Miss Tudor Frere, появился въ № 57 журнала „The anglo-russian literary society" (London) 1910. February—April, 83—89.

[3]) О трехъ думахъ, изданныхъ въ 1831 г. въ альманахѣ „Венера", см. выше, стр. 6.

[4]) См. выше, стр. 22—34.

[5]) См. объ этихъ изданіяхъ выше, стр. 12—16. Мы не имѣли подъ руками изданія Герцена (Лондонъ 1860) и съ предисловіемъ Огарева ознакомились въ подлинной его рукописи, хранящейся въ Румянцевскомъ Музеѣ.

что его вліяніе на тогдашнюю литературу было огромно. Юношество читало его нарасхватъ, его статьи знало наизусть. Самъ Пушкинъ говорилъ о немъ съ любовью и уваженіемъ и, несмотря на очень вѣрную, хотя и неблагосклонную оцѣнку „Думъ", онъ видѣлъ въ Рылѣевѣ залогъ огромнаго дарованія, которое съ каждымъ днемъ совершенствовалось. Петля задушила это дарованіе. Но и теперь, перечитывая Рылѣева, мы не можемъ не остановиться на сравненіи его первыхъ и послѣдующихъ стихотвореній. Въ „Думахъ" онъ поставилъ себѣ невозможную задачу сочетанія историческаго патріотизма съ гражданскими понятіями своего времени; изъ этой точки отправленія должно было выйти ложное изображеніе русскихъ историческихъ лицъ, равно постановка на первый планъ глубоко сжившійся съ поэтомъ гражданской идеи. Тѣмъ не менѣе „Думы" имѣли сильное впечатлѣніе на современное общество, и именно въ томъ смыслѣ, какого добывался поэтъ, т. е. возбудили въ читателяхъ стремленіе къ гражданской свободѣ и святой ненависти противу всякаго насилія. Въ „Думахъ" онъ достигъ своей политической цѣли въ ущербъ поэтическому достоинству: въ нихъ видна благородная личность автора но не видно художника, хота одно замѣтно, что стихъ постепенно совершенствуется. Если сравнить неуклюжій, отзывающійся державинской эпохой стихъ въ „Олегѣ Вѣщемъ" и, напримѣръ, въ „Волынскомъ", нельзя не видѣть огромной разницы въ самой звучности, въ самомъ складѣ стиха... Повторяемъ, „Думы" Рылѣева мы считаемъ только историческимъ памятникомъ того времени и благородной личности поэта. Да примутъ ихъ читатели съ тѣмъ же глубокимъ благоговѣніемъ, съ какимъ мы возобновляемъ ихъ въ печати" [1]).

Въ этой оцѣнкѣ осталась не отмѣченной одна существенная сторона въ думахъ Рылѣева: здѣсь не указано, что думы его представляли собою оригинальную форму поэтическаго творчества, до тѣхъ поръ неизвѣстную въ нашей литературѣ. Рылѣевъ первый вводилъ къ намъ подобный родъ произведеній, и въ этомъ отношеніи онъ всегда будетъ занимать особое мѣсто въ исторіи русской литературы.

---

[1]) „Записная книжка Огарева 1859 г.", стр. 42—44, 48 (автографъ, хранится въ Румянц. Музеѣ: см. „Комнату людей сороковыхъ годовъ", II отд., витрина I—II, № 31).

Глава пятая.

Поэмы.

Состояніе Малороссіи въ началѣ XIX в.: живыя историческія воспоминанія, оживленіе украинскаго общества. Интересъ къ Малороссіи въ русской литературѣ. Условія личной жизни Рылѣева, содѣйствовавшія обращенію его къ малорусскимъ сюжетамъ. Политическое настроеніе украинской интеллигенціи; отраженіе его въ произведеніяхъ Рылѣева. Образы изъ народной поэзіи въ его поэмахъ. Вліяніе Байрона на обработку малорусскихъ сюжетовъ; другіе (историческіе и литературные) источники поэмъ Рылѣева. Отзывы современниковъ о „Войнаровскомъ" и „Наливайкѣ"; переводъ этихъ поэмъ на иностранные языки. Вліяніе Рылѣева на разработку историческихъ сюжетовъ въ украинской литературѣ начала XIX в.

Въ 1823 году Рылѣевъ обратился къ другой формѣ поэтическаго творчества—къ поэмѣ. Въ полномъ и законченномъ видѣ онъ успѣлъ написать всего лишь одну поэму „Войнаровскій"; кромѣ нея, сохранилось нѣсколько отрывковъ къ поэмамъ: „Наливайко", „Богданъ Хмѣльницкій" и „Мазепа". Прежде чѣмъ перейти къ анализу этихъ произведеній, намъ приходится нѣкоторое время остановиться на выясненіи общихъ причинъ, побудившихъ Рылѣева приняться за разработку малорусскихъ сюжетовъ.

Малороссія начала XIX-го столѣтія, несмотря на то, что давно уже потеряла свою политическую независимость и со временъ Екатерины II окончательно слилась съ остальной Россіей, во многомъ сохраняла еще свой національный обликъ и полна была историческихъ воспоминаній. Ея прошлое не умерло въ думахъ и пѣсняхъ народныхъ пѣвцовъ, которые, странствуя по Малороссіи, поддерживали память о національныхъ герояхъ и прошлыхъ судьбахъ ро-

дины. Многіе вещественные памятники говорили о томъ же: курганы-могилы, разсѣянные по необозримымъ степямъ Малороссіи, знамена козацкихъ полковъ, выставленныя въ церквахъ [1]), портреты гетмановъ въ монастыряхъ [2]).—все это живо будило въ умахъ современниковъ воспоминаніе о прежней жизни, о былой славѣ Украйны, о томъ времени, когда, говоря словами одной пѣсни, „старая козацкая воля и старая козацкая слава по всему степу дымомъ стала“ [3]).

Историческія традиціи, жившія въ общей массѣ мѣстнаго населенія, еще въ большей степени привлекали вниманіе образованныхъ круговъ украинскаго общества. Въ средѣ его въ началѣ XIX-го в. замѣчается усиленная и оживленная культурная дѣятельность, направленная къ подъему національнаго украинскаго самосознанія посредствомъ изученія родного языка, исторіи и народной традиціи. Національное возрожденіе, начавшееся послѣ появленія „Енеиды“ Котляревскаго, постепенно захватывало все болѣе и болѣе широкіе слои украинской интеллигенціи. Чистый и народный языкъ „Енеиды“ возбудилъ серьезное вниманіе и далъ толчекъ къ его научной разработкѣ въ трудахъ Павловскаго и П. Войцеховича [4]).

---

[1]) А. Левшинъ, путешествовавшій по Малороссіи около 1816 г., указываетъ въ своихъ запискахъ, что въ Черниговскомъ соборѣ на стѣнахъ висѣли знамена козацкихъ полковъ (см. его „Письма изъ Малороссіи“, Харьковъ 1816, стр. 139—140).

[2]) Тотъ же А. Левшинъ упоминаетъ, что портретъ гетмана Апостола находился въ Мгарскомъ монастырѣ близъ Лубенъ (Ibid., стр. 25—26). Въ Густынскомъ монастырѣ (возлѣ г. Прилукъ, Полт. губ.) до сихъ поръ сохранился портретъ малороссійскаго гетмана Ивана Самойловича въ соборной церкви св Тройцы (*К. Олейниковъ*. Краткая историч. записка о Свято-Троицкомъ Густынскомъ монастырѣ. „Полтавскія Епархіальныя Вѣдомости“ 1900 г., №№ 7 и 8; отд. оттискъ, Полтава 1900, стр. 17).

[3]) „Вѣстникъ Европы“ 1872 г., май, стр. 88—89.

[4]) См.: *А Павловскій*. Грамматика малороссійскаго нарѣчія, или грамматическое показаніе существеннѣйшихъ отличій малороссійскаго нарѣчія отъ чистаго россійскаго языка, сопровождаемое разными по сему предмету замѣчаніями и сочиненіями. Спб. 1818.—Въ 1823 г. П. Войцеховичъ представилъ въ московское Общество Люб. Рос. Словесности составленное имъ „Собраніе словъ малороссійскаго нарѣчія“, писанное „особеннымъ правописаніемъ малороссійскимъ“; словарь изданъ былъ затѣмъ въ журналѣ Общества (см. „Сочиненія въ прозѣ и стихахъ“ Труды Общества Люб. Рос. Словесности при Имп. Московскомъ Университетѣ“, ч. III, Москва 1825, стр. 284—320). Краткій

Народная украинская поэзія также вызываетъ къ себѣ большой интересъ и въ лицѣ кн. Н. А. Цертелева находитъ перваго собирателя памятниковъ устнаго народнаго творчества. Въ 1819 году появился извѣстный его „Опытъ собранія старинныхъ малороссійскихъ пѣсней“, познакомившій русское общество съ произведеніями украинской народной поэзіи. Записанныя непосредственно изъ устъ народа пѣсни кн. Цертелева встрѣчены были очень сочувственно: современники привѣтствовали „простую народную пѣсню, первое разсужденіе о старинномъ малорусскомъ творчествѣ, грамматику и образцы народнаго языка Малороссіи. Общее участіе было такъ затронуто, что лучшіе журналы и издатели той эпохи, наперерывъ, спѣшили испрашивать у князя продолженія его замѣтокъ и извлеченій“ [1]).

Не малое оживленіе въ культурную жизнь украинцевъ внесъ Харьковскій университетъ, основаный въ 1805 г. Хотя въ дѣлѣ національнаго возрожденія роль его была невелика, однако косвенное вліяніе его было весьма значительно. Разливая широкими волнами просвѣщеніе въ странѣ и повышая общій культурный уровень Украйны, Харьковскій университетъ оказывалъ этимъ поддержку пробудившимся національнымъ стремленіямъ. „Со времени учрежденія онаго, замѣчаетъ одинъ современникъ, сколько новыхъ очищенныхъ отъ предразсудковъ понятій, сколько полезныхъ свѣдѣній и истинъ распространилось по обширности его учебнаго округа (по губерніямъ Слободско-Украинской, Черниговской, Полтавской и др.)“ [2]). Харьковъ относительно Украйны сравнивали съ Аѳинами, какъ онѣ были для другихъ городовъ Греціи [3]). Харьковскій университетъ, по словамъ Де-Пуле, „прежде всего вліялъ самымъ культурнымъ образомъ на малороссійское дворянство, распространяя въ немъ общечеловѣческое образованіе и знанія, для пріобрѣтенія которыхъ на югѣ Россіи, въ эпоху прежняго кіево-польскаго вліянія было больше подготовки и которыя становились поэтому болѣе на-

---

словарь малорусскихъ словъ извѣстенъ былъ еще въ концѣ XVIII в.: его издалъ Ѳ. Туманскій въ приложеніяхъ къ „Лѣтописцу Малыя Россіи“ (см. Россійскій Магазинъ“ 1793 г., чч. II и III).

[1]) *П. Безсоновъ.* Кн. Н. А Цертелевъ. „Вѣстн. Европы“ 1870 г., іюнь, стр. 867—868.

[2]) „О состояніи просвѣщенія въ Харьковѣ“. „Украинскій Журналъ“ 1824 г. № 14, стр. 107.

[3]) Ibid., стр. 109.

сущною потребностью, чѣмъ даже на сѣверѣ или въ центрѣ. Изъ университета выходили люди замѣчательно образованные, нерѣдко ученые, которые въ большинствѣ, прослуживъ урочное время на службѣ, спѣшили въ свои хутора, гдѣ подъ сѣнью черешенъ и бѣлыхъ акацій наслаждались малороссійскимъ far niente, т. е. созерцаніемъ и беззаботнѣйшею лѣнью" [1]).

Пробудившееся національное самосознаніе много содѣйствовало развитію историческаго интереса въ украинскомъ обществѣ. Печатные труды по исторіи Малороссіи Рубана, Туманскаго и Шафонскаго казались мало удовлетворительными въ виду краткости и сухости сообщенныхъ въ нихъ свѣдѣній; рукописный матеріалъ—различныя записки и лѣтописи, сохранившіяся въ частныхъ рукахъ, также не могли удовлетворить назрѣвшей въ обществѣ потребности имѣть болѣе полную и законченную исторію родной земли. Переписка В. Г. Полетики и А. И. Чепы (1809—10 гг.) достаточно ярко характеризуетъ живой интересъ къ прошлымъ судьбамъ Украйны. „Вездѣ стараюсь я", писалъ Полетика Чепѣ 23 апрѣля 1809 г. изъ с. Коровницъ, Роменскаго у., Полтавской губ., „сыскивать свѣдѣнія, до малороссійской исторіи относящіяся, но мало оныхъ нахожу. До сихъ поръ мы не имѣемъ полныхъ бытописаній отечества нашего".—„Ежели вы, отвѣчалъ ему Чепа 6 мая 1809 г., пріймете великій трудъ написать славную вѣтвь россійской исторіи—исторію Малороссіи, то тѣмъ совершите дѣло, достойное васъ, одолжите современниковъ, а потомство... не забудетъ васъ. Къ сему сочиненію вы имѣете много матеріаловъ". Нѣсколько позже, 2 февраля 1810 года, Полетика писалъ Чепѣ: „Хотя я имѣю у себя довольно малороссійскихъ лѣтописцевъ на природномъ нашемъ и иностранныхъ языкахъ, въ томъ числѣ и огромный рукописный—Самойла Велички, но собираю и всѣ, какіе въ руки мои ни попадутся. Жаль, что я нахожу въ нихъ одни и тѣ же повторенія и мало ясной истины. Со всѣмъ тѣмъ я почитаю ихъ, какъ отечественныя драгоцѣнности" [2]).

Историческое прошлое интересовало не только Полетику и Чепу: появленіе въ 1822 году „Исторіи Малой Россіи" Д. Н. Бантышъ-

[1]) *М. Де-Пуле.* Харьковскій университетъ и Каченовскій. „Вѣстн. Европы" 1874 г., январь, стр. 78—79.

[2]) *В. Горленко.* Изъ исторіи южно-рус. общества нач. XIX-го в. Кіевъ 1893, стр. 12, 13, 16. (Оттискъ изъ „Кіев. Старины" 1893 г. № 41).

Каменскаго, историческія статьи и матеріалы, издававшіеся въ „Украинскомъ Вѣстникѣ“ [1]), „Украинскомъ Журналѣ“ [2]) и въ другихъ, столичныхъ журналахъ [3]),—опредѣленно указываютъ на приподнятый историческій интересъ.

Настоящее состояніе Малоросіи—ея населеніе, бытъ и нравы также привлекали къ себѣ вниманіе: объ этомъ можно судить по статьямъ и матеріаламъ этнографическаго характера, появлявшимся въ современной печати [4]). Въ нашей литературѣ не разъ въ это время высказывались мысли о необходимости изученія Малороссіи и ея быта. Издатель „Украинскаго Журнала“ приглашалъ своихъ сотрудниковъ доставлять ему извѣстія объ Украйнѣ и южной Россіи. „Между толикимъ числомъ мѣстъ, харьковскому учебному округу подвѣдомыхъ, писалъ онъ, безъ сомнѣнія, во многихъ находятся люди, столько любящіе страну родную, что все къ ней относящееся,

---

[1]) См.: „О Малой Россіи“, соч. Грибовскаго („Укр. Вѣст.“, 1816 г., I), „Гетманъ Хмѣльницкій“ (ibid., 1817 г., VI). „Введеніе въ Малороссійскую исторію“ М. Маркова (ibid., 1817 г., IX—X), „Святогорскій Монастырь“ Ивана Вернета (ibid., 1817 г., V).

[2]) Здѣсь издавались копіи съ подлинныхъ бумагъ Юрія Хмѣльницкаго, Ивана Мазепы, И. Скоропадскаго и П. Апостола („Укр. Журналъ“ 1824 г., №№ 19—21).

[3]) См. отрывки изъ рукописи Берлинскаго „Историческое обозрѣніе Малороссіи“, изд. въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ (1805 г., ч. V), „Письма изъ Украйны“ („Соревн. Просвѣщенія“ 1819 г., ч. VII), „Еще нѣсколько замѣчаній о Слободско-украинской губерніи“ (ibid., ч. IX), „Отрывокъ изъ исторіи Малороссіи, сочиненной Мартосомъ, т. III, гл. 3“ („Сѣв. Архивъ“ 1822 г., ч. III), „О имени козакъ“ П. Буткова („Вѣстн. Европы“ 1822 г., ноябрь).

[4]) См.: „Письма изъ Малороссіи“ *А. Левшина*, Харьковъ 1816.—„О народныхъ малороссійскихъ стихотвореніяхъ“ *кн. Н. А. Цертелева* (Благонамѣренный“ 1825 г., ч. XXX, съ выдержками изъ слѣд. пѣсенъ: „Засвысталы козаченьки...“, „Ой, спавъ пугачъ на могилѣ...“, „Ой бачытся не журуся, въ тугу не вдаюся...“, „Есть же люде, что и моей завидують долѣ...“, „За Нимень иду!...“).—Пѣсни: „Веселився козаченько“ и „Ой, горе мнѣ, якъ я уродився“ („Духъ Журналовъ“ 1816 г., кн. 3, 6).—„Солопій та Хивря, або горохъ при дорози. Казка з...й...ь“ („Укр. Вѣстникъ“ 1819 г., X), „Пѣсня о Б. Хмѣльницкомъ“ („Сѣв. Арх.“ 1822 г., ч. I), „Малороссійскіе анекдоты“ („Вѣстн. Европы“ 1822 г., ноябрь-декабрь.—См. еще перечень пѣсенъ, издававшихся въ к. XVIII и нач. XIX вв. въ статьѣ *М. Сперанскаго* „Малорусская пѣсня въ старинныхъ русскихъ печатныхъ пѣсенникахъ“ („Этнографич. Обозрѣніе“, кн. 81—82); см. также: *В. В. Даниловъ*. Литературные очерки. Малорусскія народныя пѣсни въ старыхъ и новыхъ любочныхъ изданіяхъ (Оттискъ изъ „Рус. Фил. Вѣстника“ 1910 г.) Варшава 1910.

какъ-то: извѣстія историческія, топографическія и другого рода описанія, изображеніе характеровъ, нравовъ, даже собраніе пѣсенъ малороссійскихъ и объясненій на оныя и т. п.—все это, говорю, почитаютъ близкимъ сердцу и достойнымъ того, чтобы занятіе сими предметами предпочесть стишкамъ или прозѣ о предметахъ, въ тысячи уже книгахъ изложенныхъ и ясно и пріятно" [1]). Извѣстный критикъ 1820-хъ гг. О. М. Сомовъ очень рекомендовалъ современнымъ поэтамъ описывать въ своихъ произведеніяхъ „малороссіянъ съ сладостными пѣснями и славными воспоминаніями, воинственныхъ сыновъ тихаго Дона и отважныхъ переселенцевъ Сѣчи Запорожской". „Цвѣтущіе сады плодоносной Украйны, писалъ онъ въ 1823 г., живописные берега Днѣпра, Псла и другихъ рѣкъ Малороссіи, разливистый Донъ, въ который смотрятся, красуясь, виноградники,—всѣ сіи мѣста и множество другихъ ждутъ своихъ поэтовъ и требуютъ дани отъ талантовъ отечественныхъ" [2]).

Изящная литература, съ своей стороны, начинаетъ замѣтно тяготѣть къ малорусскимъ сюжетамъ. Одно изъ первыхъ проявленій такого тяготѣнія можно видѣть въ „Путешествіи въ полуденную Россію" В. В. Измайлова (Москва 1800—1802) и у кн. Шаликова въ его „Путешествіи въ Малороссію" (Москва 1803) [3]); къ 1805 г. относится повѣсть Ивана Свѣчинскаго „Украинская сирота" (Спб. 1805); въ 1812 г. кн. А. Шаховской написалъ „анекдотическую оперу-водевиль" „Козакъ стихотворецъ", привлекши сюда нѣсколько малороссійскихъ пѣсенъ [4]); спустя три года въ „Россійскомъ Музеумѣ" (1815 г., № 3)

[1]) „Украинскій Журналъ" 1824 г., № 9 (май), стр. 151—152.

[2]) *О. Сомовъ.* О романтической поэзіи. Спб. 1823. Статья перепечатана въ приложеніяхъ къ книгѣ г. Замотина: „Романтизмъ двадцатыхъ годовъ XIX ст. въ русской литературѣ". Варшава 1903, см. стр. VIII—IX.

[3]) По поводу этого произведенія одинъ изъ современниковъ писалъ: „Кн. Шаликовъ видѣлъ Малороссію глазами чувствительнаго путешественника. Его картины мало питаютъ душу ищущихъ познанія". („Сѣверный Вѣстникъ" 1805 г., ч. V, стр. 104). См. еще о „Путешествіи" кн. Шаликова статью *В—аго* („Вѣстн. Европы" 1803 г., ч. VIII). Малорусское теченіе стало замѣчаться на сѣверѣ Россіи, собственно, раньше, еще со второй половины XVIII-го вѣка; см. о немъ у г. *Н. И. Петрова.* „Одинъ изъ предшественниковъ И. П. Котляревскаго въ украинской литературѣ XVIII в. А. К. Лобысевичъ". Оттискъ изъ „Сборника по славяновѣдѣнію". I. Спб. 1904, стр. 6.

[4]) Пьеса издана была въ Спб. въ 1817 г.; 2-ое изд. Спб. 1822 г.— 16 дек. 1817 г. эта пьеса шла на сценѣ харьковскаго театра; мѣстное общество отнеслось къ ней очень отрицательно; нѣкоторые усмотрѣли здѣсь даже оскорбленіе національной гордости. Такъ, напр., сотрудникъ „Ук-

появилось и стихотвореніе А. С. Пушкина „Казакъ", писанное въ подражаніе малороссійскимъ пѣснямъ; подобное подражаніе видно и въ стихотвореніи А. П.. л. н.. го „Козакъ на родинѣ" [1]); Ѳ. Н. Глинка обратился къ малорусскимъ сюжетамъ въ повѣсти „Зиновій Богданъ Хмѣльницкій" [2]); О. М. Сомовъ въ повѣсти „Гайдамакъ", написанной имъ для альманаха Бестужева и Рылѣева „Звѣздочка" на 1826 г., передалъ народное преданіе о малороссійскомъ разбойникѣ Гаркушѣ [3]); В. Т. Нарѣжный въ повѣсти „Запорожецъ" вѣрными штрихами обрисовалъ картину запорожской сѣчи, а въ извѣстномъ своемъ романѣ „Бурсакъ" (1824 г.) далъ нѣсколько вполнѣ законченныхъ картинъ изъ историческаго прошлаго Малороссіи. Вообще, насколько въ нашей литературѣ нач. XIX-го вѣка великъ былъ интересъ къ Малороссіи, можно видѣть и изъ словъ Гоголя, который по пріѣздѣ въ Петербургъ (въ началѣ 1829 г.) извѣщалъ свою мать, что тамъ „такъ занимаетъ всѣхъ все малороссійское", и просилъ ее высылать ему различныя свѣдѣнія о малорусскомъ бытѣ, комедіи его отца и пр. [4]).

Всѣ эти обстоятельства—оживленіе украинскаго общества и интересъ къ Малороссіи въ русской литературѣ создавали благо-

раинскаго Вѣстника", разбирая пьесу отмѣчалъ, что характеры дѣйствующихъ лицъ не похожи на малороссіянъ. „Если сочинитель въ Прудіусѣ хотѣлъ представить вѣроломство Мазепы, то одно лицо не должно очернять цѣлой націи; да и лицо это въ такомъ здѣсь презрѣніи, что назвать Мазепою малороссіянина обиднѣе для него, нежели какъ было нѣкогда названіе Самарянина для Іудеевъ". („Украинскій Вѣстникъ" 1817 г., декабрь, стр. 367).—Нѣсколько лѣтъ спустя, кн. Шаховской снова обратился къ малорусскимъ сюжетамъ въ водевилѣ „Актеръ на родинѣ, или прерванная свадьба" Спб. 1822. Это произведеніе также недружелюбно встрѣчено было современниками: О. М. Сомовъ въ „Письмѣ къ издателю „Сына Отечества" указывалъ, что дѣйствующія лица этой пьесы говорятъ до невозможности испорченнымъ малороссійскимъ языкомъ. „Правдоподобіе въ пьесѣ, писалъ Сомовъ, нарушено съ самою романтическою смѣлостью; анахронизмы и несообразности не въ одномъ мѣстѣ встрѣчаются... Я думалъ, что послѣ косноязычнаго Козака-стихотворца г. сочинитель оставитъ въ покоѣ бѣдный малороссійскій языкъ, въ которомъ онъ, какъ видно, весьма мало свѣдущъ; но теперь, увидя другое, подобное прежнему произведеніе, рѣшился высказать о немъ мнѣніе свое." („Сынъ Отеч." 1822 г., ч. LXXX, стр. 309, 314).

[1]) „Сынъ Отечества" 1822 г., ч. LXXXII.

[2]) „Соревн. Просвѣщенія" 1819 г., чч. V, VI; см. выше, стр. 218.

[3]) См. эту повѣсть въ „Рус. Старинѣ" 1883 г., іюль.

[4]) Письма Н. В. Гоголя, ред. В. И. Шенрока, т. I, Спб., стр. 121.

пріятную почву для развитія украинскихъ симпатій Рылѣева. Условія личной жизни поэта еще болѣе содѣйствовали этому. Какъ намъ уже приходилось отмѣчать, Рылѣевъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ жилъ въ Малороссіи (1816—1820 г.г.), женился здѣсь на дочери малороссійскаго помѣщика М. А. Тевяшева и, переселившись въ Петербургъ, не порывалъ своихъ связей съ Украйной [1]; онъ любилъ тихую и безмятежную деревенскую жизнь, любилъ просторъ украинскихъ степей и искалъ здѣсь лучшихъ минутъ для своего вдохновенія: съ украинской интеллигенціей—острогожскими помѣщиками у него завязались близкія и дружественныя отношенія; поэтъ часто вращался въ ихъ обществѣ, слыхалъ тамъ разсказы

О прошлой старинѣ,
О сѣчи своевольной.
О мирѣ, о войнѣ, [2]

и эти воспоминанія о прошлой жизни Украйны, ея борьбѣ за свою независимость, несомнѣнно, вліяли на поэтическое творчество Рылѣева. Съ переѣздомъ въ Петербургъ связи съ украинскимъ обществомъ не прекратились: въ кругу близкихъ знакомыхъ поэта мы видимъ лицъ, живо интересовавшихся Малороссіей. Здѣсь былъ и О. М. Сомовъ, горячо призывавшій нашихъ писателей къ разработкѣ малорусскихъ сюжетовъ [3], и Петръ Александровичъ Мухановъ, авторъ „Статистическихъ записокъ о южно-русскихъ губерніяхъ" [4],

[1]) См. выше, стр. 66—72.

[2]) *Балицкій*, т. I, стр. 186.

[3]) Сближенію Рылѣева съ Сомовымъ много способствовала совмѣстная служба въ Россійско-Американской Компаніи; къ тому же оба писателя жили въ одномъ домѣ Компаніи (въ Спб., у Синяго моста); часто видѣлся Рылѣевъ съ Сомовымъ и на засѣданіяхъ Общества Люб. Рос. Словесности, гдѣ оба они не только были членами, но и входили въ составъ должностныхъ лицъ Общества. (См. ниже, Приложенія, стр. 102—103) Рылѣевъ былъ на „ты" съ Сомовымъ, часто отдавалъ ему для провѣрки корректурные листы „Полярной Звѣзды"; въ первой книжкѣ этого альманаха изданъ былъ и разсказъ Сомова: „Французскіе чудаки." (См. „Пол. Зв. на 1823 г."; см. еще *Балицкій*, т. II, стр. 151).

[4]) П. А. Мухановъ принадлежалъ къ извѣстной въ Малороссіи фамиліи Мухановыхъ: это былъ очень образованный человѣкъ своего времени, живо интересовавшійся литературой, исторіей, археологіей и статистикой. (См. „Рус. Стар." 1888 г., декабрь, стр. 583—584, 586, 589—591; „Сѣв. Архивъ" 1825 г., №№ 8—9). Съ Рылѣевымъ его сближали и политическіе взгляды (Мухановъ былъ членомъ сѣвернаго общества декабристовъ). Изъ писемъ къ Рылѣеву видно,

и малороссъ А. О. Корниловичъ, потѣшавшій всѣхъ въ Петербургѣ своимъ нарѣчіемъ, составившій „Жизнеописаніе Мазепы“ для поэмы „Войнаровскій“ [1].

что Мухановъ высоко цѣнилъ поэтическій талантъ послѣдняго и очень интересовался его поэмой „Войнаровскій.“ (См. ниже, Приложенія, стр. 96, *Балицкій*, т. II, стр. 169—170). Рылѣевъ посвятилъ Муханову думу „Смерть Ермака“ (см. изданіе думъ 1825 г., стр. 91); о близкой дружбѣ съ Мухановымъ поэтъ упоминаетъ и въ письмѣ къ П. М. Строеву: „Весьма сожалѣю, писалъ онъ, что П. А. Мухановъ васъ растревожилъ; поступки его, дѣйствительно, заслуживаютъ порицанія... но по праву пріязни съ Мухановымъ и по личному моему уваженію къ вамъ, долженъ вамъ съ откровенностью сказать, что оскорбительныя личности на счетъ Муханова, которыми наполнено письмо ваше, обидны и мнѣ, по той короткости, которую вы не могли не замѣтить между мною и имъ, и вамъ вовсе не слѣдовало бы такъ поспѣшно объявлять мнѣ своего мнѣнія на счетъ его поступковъ. Мухановъ—истинно добрый и благородный человѣкъ—и вѣроятно какое-нибудь обоюдное недоразумѣніе было всему причиною. Вотъ мое мнѣніе: увѣренъ, что имѣю дѣло съ благороднымъ человѣкомъ и для того пишу откровенно, чтобы ничего не осталось на сердцѣ. Я былъ бы мерзавцемъ, если бы могъ хладнокровно прочитать письмо ваше.“ (*Н. Барсуковъ*. Жизнь и труды П. М. Строева, Спб. 1878, стр. 97—98). Въ 1820-хъ гг. Мухановъ жилъ въ Кіевѣ; Рылѣевъ неоднократно обращался къ нему по имущественнымъ дѣламъ, поручалъ распространять въ Кіевѣ „Полярную Звѣзду“ и пр. (см. Приложенія, стр. 96—97, *Балицкій*, т. II, стр. 169, „Русск. Стар.“ 1888 г., т. LX, стр. 323). Братъ Петра Александровича—Павелъ Александровичъ Мухановъ былъ извѣстнымъ собирателемъ документовъ по исторіи Малороссіи (см. о немъ въ Энц. Словарѣ Бр. Ефр., пт. 39, стр. 245—246): прямыхъ указаній на знакомство его съ Рылѣевымъ мы не знаемъ, но дружба послѣдняго съ Петромъ Алекс. могла содѣйствовать сближенію и съ его братомъ, отъ котораго поэтъ могъ заимствовать много цѣнныхъ свѣдѣній по исторіи Малороссіи. Помимо брата, Рылѣевъ могъ знать П. А. Муханова по Спб. Обществу Люб. Рос. Слов., съ которымъ Мухановъ поддерживалъ общеніе: въ 1823 г. онъ доставилъ туда „Правду воли монаршей... Петра Великаго“; 1 сент. 1824 г. въ засѣданіи было разсмотрѣно его „Описаніе древностей, найденныхъ въ Кіевѣ“ (См. архивъ Общества въ библ. Акад. наукъ, „Отчетъ“ за 1823 г., „Журналъ ученыхъ упражненій“ за 1824 г.).

[1]) Усердно занимаясь въ петербургскихъ и московскихъ архивахъ, изучая по документамъ Петровскую эпоху, Корниловичъ могъ сообщать Рылѣеву много интересныхъ историческихъ данныхъ изъ жизни Мазепы и его племянника Войнаровскаго; 19 дек. 1821 г. Корниловичъ былъ избранъ въ дѣйствительные члены Спб. Общ. Люб. Рос. Словесности, и здѣсь въ 1823 г. вмѣстѣ съ Рылѣевымъ входилъ въ составъ Цензурнаго Комитета; въ 1824—1825 г. Корниловичъ исполнялъ обязанности цензора библіографіи, Рылѣевъ же былъ въ эти годы цензоромъ поэзіи. (См. архивъ Общества въ библ. Академіи наукъ, „Дѣла по части секретаря“ за 1821 г.; см. ниже, Приложенія, стр. 102—103). Взаимная близость поддерживалась и общими политическими убѣ-

Къ числу знакомыхъ Рылѣева принадлежалъ еще и пылкій украинскій патріотъ Н. А. Маркевичъ, любитель старины, собравшій впослѣдствіи огромную библіотеку съ весьма цѣнной коллекціей книгъ и рукописей по исторіи Малороссіи [1]).

Черниговскій помѣщикъ А. Ѳ. фонъ-деръ Бриггенъ, интересовавшійся на ряду съ латинскими классиками и малороссійской исторіей, мечтавшій критически издать „Исторію Руссовъ" мнимаго Конисскаго, также былъ знакомъ съ Рылѣевымъ и доставлялъ ему необходимый историческій матеріалъ: пересылая въ 1825 г. Рылѣеву выписку изъ „Исторіи Руссовъ", Бриггенъ, между прочимъ, писалъ: „я буду прилагать старанія доставить вамъ колико возможно матеріалы изъ Мал. Рос. Исторіи; я имѣю въ виду получить таковую исторію, писанную современникомъ Конисскаго Худорбою; она неизвѣстна, ибо одинъ токмо экземпляръ оной существуетъ въ домѣ, въ коемъ жилъ Худорба. Сія исторія цѣнится здѣсь наравнѣ съ Исторіею Конисскаго: ставятъ ей только въ порокъ, что она очень вольно и противъ нашего правительства писана. Получивъ оную, я велю сдѣлать съ нея два списка, одинъ—для васъ, а другой—для себя" [2]).

Въ перепискѣ Рылѣева встрѣчаются имена Величка, Ѳ. Н. Глинки, Г. Н. Глинки, Н. И. Гнѣдича, М. Г. Бедраги, Я. Н. Бе-

---

жденіями, за которыя оба писателя впослѣдствіи жестоко поплатились. (*Шенникъ*. Воспоминанія о Корниловичѣ. „Рус. Архивъ" 1880 г., кн. III, стр. 298). Біографическія свѣдѣнія о Корниловичѣ см. въ „Рус. біограф. словарѣ", изд. Имп. Рус. Истор. Общества. Спб. 1903, стр. 260 и сл.; здѣсь же названа и литература о немъ: см. еще статью о Корниловичѣ въ книгѣ *В. Богучарскаго*. Изъ прошлаго русскаго общества. Спб. 1904.

[1]) Богатая библіотека Маркевича (4439 тт. сочиненій на рус. и иностран. языкахъ) послѣ его смерти пріобрѣтена была Е. В. Галаганъ и принесена ею въ даръ кіевской коллегіи Павла Галагана; рукописи этой библіотеки (среди нихъ свыше 6000 №№ автографовъ гетмановъ, генеральныхъ старшинъ и др., до 100 рукописныхъ сборниковъ XVI—XIX вв., около 5000 писемъ къ Н. А. Маркевичу) поступили въ Моск. Румянцевскій Музей (*В. С. Иконниковъ*. Опытъ русской исторіографіи. Кіевъ 1892, т. I, кн. 2, стр. 1221—1222).— Къ Рылѣеву Маркевичъ относился съ большимъ уваженіемъ, что можно видѣть изъ его письма, въ которомъ онъ горячо благодаритъ поэта за попытку воспѣвать украинскихъ національныхъ героевъ (см. „Рус. Стар." 1888 г., декабрь, стр. 599). Стихотвореніе Маркевича—„Отрывокъ изъ поэмы „Жизнь" вошло въ четвертую книжку альманаха Рылѣева и Бестужева. (См. „Звѣздочку" на 1826 г., „Рус. Стар." 1883 г., іюль).

[2]) См. Приложенія, стр. 97—98.

драги [1]), Д. Бантышъ-Каменскаго [2]), бар. А. А. Дельвига [3]), В. И. Туманскаго; всѣ эти лица были или уроженцами Малороссіи или жили тамъ въ 1820-хъ годахъ и могли, такъ или иначе, поддерживать украинскіе интересы Рылѣева. Въ этомъ отношеніи огромную роль, несомнѣнно, сыгралъ видный представитель украинскаго теченія кн. Н. А. Цертелевъ, съ которымъ Рылѣевъ встрѣчался на засѣданіяхъ Спб. Общества Любителей Россійской Словесности [4]).

Въ средѣ украинскаго общества Рылѣевъ находилъ сочувствіе и своимъ гражданскимъ стремленіямъ. Въ украинскомъ дворянствѣ, несмотря на его обрусѣніе, не исчезъ еще извѣстный областной

---

[1]) Вѣроятно родственникъ этихъ Бедрагъ—М. А. Бедрага въ 1830-хъ гг. сообщалъ И. И. Срезневскому украинскія лѣтописи и записки. (См. „Запорожскую Старину", изд. И. И. Срезневскимъ. Харьковъ, 1834—1835).

[2]) Неизвѣстно, былъ ли лично знакомъ Рылѣевъ съ авторомъ „Исторіи Малой Россіи"; сочиненіе это онъ имѣлъ въ своей библіотекѣ. Возможно предполагать, что они знали другъ друга и могли познакомиться благодаря Е. А. Баратынскому, на сестрѣ котораго былъ женатъ Бантышъ-Каменскій (Изъ записокъ декабриста Н. И. Лорера. „Рус. Богатство" 1904 г., кн. 3, стр. 63—64).

[3]) См. его стих-іе „А. С. Пушкину" (изъ Малороссіи). „Благонамѣренный" 1818 г., ч. II, стр. 13—14.

[4]) Кн. Н. А. Цертелевъ съ 1820 г. состоялъ дѣйствительнымъ членомъ Общества и принималъ въ дѣлахъ его живое участіе. 5 іюня 1822 г. онъ читалъ тамъ въ присутствіи Рылѣева свой докладъ „О свадебномъ русскомъ обрядѣ", а въ слѣдующемъ году выступалъ въ засѣданіи со статьей „О народной поэзіи", которая затѣмъ была издана въ XXII ч. „Соревн. Просвѣщенія" 1823 г. (См. „Журн. ученыхъ упражненій" за 1822 г., протоколъ XVII засѣданія и „Отчетъ" за 1823 г., въ архивѣ Общества, библ. Ак. наукъ). Оставляя въ 1823 г. Петербургъ, кн. Цертелевъ съ большимъ сожалѣніемъ разставался съ Обществомъ, гдѣ онъ нашелъ, какъ самъ сознавался, „искреннихъ сотоварищей и людей, которыхъ привыкъ уважать". Извѣщая о своемъ отъѣздѣ, кн. Цертелевъ горячо благодарилъ членовъ за то расположеніе, какимъ онъ пользовался въ теченіе пяти лѣтъ своей дѣятельности въ Обществѣ. „Я обязанъ вамъ, писалъ онъ, добрыми, пріятными часами, многими полезными совѣтами и, наконецъ, чистою, постоянною любовью къ словесности, однимъ изъ тѣхъ удовольствій, которыхъ не могутъ отнять у насъ ни люди, ни время!... Часто буду я приводить на память бесѣды наши, но и того чаще желать участія въ оныхъ... Я смогу гордиться тѣмъ, что въ теченіе столькихъ лѣтъ былъ свидѣтелемъ успѣховъ вашихъ въ отечественной словесности, строгости къ самимъ себѣ и снисхожденія къ другимъ; я слышалъ справедливыя рукоплесканія талантамъ вашимъ и въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, можетъ быть, послѣдній разъ въ жизни бесѣдую съ вами, видѣлъ текущія слезы благодарности... Радостно вспомнить подобные предметы". („Входящія бумаги" за 1823 г., № 146).

патріотизмъ, скорбь по гетьманщинѣ и романтическія воспоминанія о былой славѣ козачества[1]. Многимъ не чужда была идея возрожденія Украйны съ прежними ея правами и вольностями; въ сознаніи патріотовъ не погасла еще надежда на лучшую долю Малороссіи—на то время, когда, какъ писалъ въ 1830-хъ годахъ Шевченко,—

„...Козак оживе.
Оживуть гетьмани в золотім жупані,
Прокинеться доля; козак заспіва:
«Ні Жида, ні Ляха!» А в степах Украйни,—
Дай-то, Боже милий—блисне булава!“[2].

Довольно замѣтно при этомъ проглядывало на Украйнѣ недружелюбное отношеніе къ Великороссіи; указаніе на это мы встрѣчаемъ въ „Письмахъ изъ Малороссіи“ А. Левшина. „Къ сожалѣнію, говоритъ авторъ «Писемъ», я долженъ заключить описаніе нравственности малороссіянъ непріятною чертою; я долженъ сказать о ненависти ихъ къ великороссіянамъ. Ты легко можешь въ томъ удостовѣриться, ибо часто услышишь ихъ говорящихъ: «Добрый чоловикъ, да москаль!» Но этого еще мало; они переливаютъ чувство сіе въ самыхъ малютокъ и пугаютъ ихъ москалями. При семъ имени устрашенное дитя перестаетъ плакать“[3]. Черта, отмѣченная Левшинымъ, сказывается и въ народной поэзіи; напр., въ одной изъ пѣсенъ старой записи читаемъ:

Славно було Запорожье всѣми сторонами,
А теперя нельзя прожити за Москалями[4].

Популярность „Исторіи Руссовъ“, приписывавшейся архіепископу бѣлорусскому Георгію Конисскому, но, повидимому, вышедшей изъ семьи Полетикъ[5], также характерна для національныхъ

[1]) *М. Грушевський.* Очеркъ исторіи украинскаго народа. Спб. 1904, стр. 345.

[2]) *Т. Шевченко.* Кобзарь. Спб. 1908, стр. 98 („Гайдамаки“).

[3]) *А. Левшинъ.* Письма изъ Малороссіи. Харьковъ 1816, стр. 72—73.

[4]) Малорусскія и Червонорусскія народныя думы и пѣсни. Спб. 1836, стр. 56.

[5]) См. ст. *А. С. Грушевскаго:* Къ „характеристикѣ взглядовъ Исторіи Руссовъ“ („Извѣстія отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. наукъ“ 1908 г., т. XIII, кн. 1, стр. 426). См. еще „Опытъ рус. исторіографіи“ *В. С. Иконникова.* т. II, кн. 2, Кіевъ 1908, стр. 1621—1650.

стремленій украинцевъ. Сочиненіе это проникнуто явной тенденціей воздѣйствовать на гражданскія чувства современниковъ. Въ рѣчахъ, которыя вложилъ авторъ „Исторіи“ въ уста Б. Хмѣльницкаго, Мазепы, Полуботка и другихъ героевъ Украйны, то слышится скорбь объ угнетенномъ состояніи родины, то высказывается смѣлый призывъ къ возстанію, къ защитѣ попранныхъ правъ и вольностей малороссійскаго народа. „Мы подняли оружіе, говоритъ въ одномъ мѣстѣ Богданъ Хмѣльницкій, не для корысти какой или пустого тщеславія, а единственно на оборону отечества нашего, жизни нашей и жизни чадъ нашихъ... Всѣ народы, живущіе во вселенной, всегда защищали, и будутъ защищать вѣчно, бытіе свое, свободу и собственность, и самыя даже пресмыкающіяся по землѣ животныя, каковы суть звѣри, скоты и птицы, защищаютъ становища свои, гнѣзда свои и дѣтища свои до изнеможенія... Почто же намъ, братіе, быть нечувствительными и влачить тяжкія оковы рабства въ дремотѣ и постыдномъ невольничествѣ, въ собственной еще земли своей?“ [1]).

Мазепа, задумавъ отложиться отъ Великороссіи и перейти на сторону Карла XII, убѣждалъ собравшихся къ нему чиновъ Малороссіи видѣть въ шведахъ не враговъ, но союзниковъ въ дѣлѣ освобожденія родины. „И мы теперь, говорилъ имъ Мазепа, почитать должны шведовъ своими пріятелями, союзниками, благодѣтелями и какъ-бы ниспосланными для освобожденія насъ отъ рабства, презрѣнія и возстановленія въ первую степень свободы и самодержавства. Ибо извѣстно, что прежде были мы то, что́ теперь московцы: правительство, первенство и самое названіе Руси отъ насъ къ нимъ перешли. Но мы теперь у нихъ, какъ притча во языцѣхъ“ [2]).

Въ рѣчи П. Полуботка, обращенной къ Петру I, когда онъ вмѣстѣ съ другими депутатами ходатайствовалъ передъ императоромъ о сохраненіи правъ и привилегій Малороссіи, звучитъ горькая обида за свою родину, угнетенную всякаго рода налогами и притѣсненіями.

---

[1]) Исторія Руссовъ, или Малой Россіи. Сочиненіе Георгія Конискаго. Москва 1846, стр. 62.

[2]) Ibid., стр. 202—204.

„Мы просили и просимъ отъ лица народа своего о пощадѣ отечества нашего, неправедно гонимаго и безъ жалости разоряемаго, просимъ о возстановленіи правъ нашихъ и преимуществъ, торжественными договорами утвержденныхъ, которыя и ты, государь, нѣсколько разъ подтверждалъ... Повергать народы въ рабство и владѣть рабами и невольниками есть дѣло азіатскаго тирана, а не христіанскаго монарха... Я знаю, что насъ ждутъ оковы и мрачныя темницы, гдѣ уморятъ насъ гладомъ и притѣсненіями по обычаю московскому; но пока еще живъ, говорю тебѣ истину, о государь! что воздаси ты непремѣнно отчетъ передъ Царемъ всѣхъ царей, всемогущимъ Богомъ, за погибель нашу и всего народа“ [1]).

Влагая такія рѣчи въ уста своихъ героевъ, авторъ „Исторіи Руссовъ“, высказывалъ въ нихъ не только свои мысли, но и отражалъ настроеніе украинскаго общества. Наравнѣ съ „Исторіей Руссовъ“ цѣнилась въ Малороссіи и исторія Худорбы, которая, какъ отмѣчалъ А. Ѳ. фонъ-деръ Бриггенъ въ письмѣ къ Рылѣеву, была писана „очень вольно и противъ нашего правительства“.

Особенно характерно для политическаго настроенія малороссовъ письмо Н. А. Маркевича къ Рылѣеву (въ сентябрѣ 1825 г., изъ села Туровки, Прилукскаго уѣзда, Полтавской губ.); оно ярко отражаетъ въ себѣ настроеніе современнаго общества, показывая, насколько чутко мѣстная интеллигенція на Украинѣ относилась къ вопросамъ національнаго своего существованія. „Позвольте мнѣ вамъ писать, какъ истинный гражданинъ своего любезнаго отечества, какъ добрый малороссіянинъ. Итакъ, могу ли я хладнокровно читать „Войнаровскаго“ и „Наливайку“? Примите мою и всѣхъ знакомыхъ мнѣ моихъ соотечественниковъ благодарность. Будьте увѣрены, что благодарность наша искренняя, что мы отъ души чувствуемъ цѣну трудовъ вашихъ, которые васъ и предковъ нашихъ прославляютъ. Мы не потеряли еще изъ виду дѣяній великихъ мужей малороссіянъ, во многихъ сердцахъ не уменьшилась еще прежняя сила чувствъ и преданность къ отчизнѣ. *Вы еще найдете живымъ у насъ духъ Полуботка.* Примите нашу общую благодарность: вы много сдѣлали, очень много. Вы возвышаете цѣлый народъ, — горе тому, кто идетъ на усмиреніе цѣлыхъ странъ, кто покушается покрыть презрѣніемъ

[1]) Ibid., стр. 229—230.

цѣлые народы, и они ему платятъ презрѣніемъ. Но слава тому, кто прославляетъ величіе души человѣческой и кому народы цѣлые должны воздавать благодарность. «Исповѣдь Наливайки» врѣзана въ сердцахъ нашихъ и моемъ также»[1]).

Мало того, въ двадцатыхъ годахъ прошлаго вѣка были даже попытки организовать среди мѣстнаго дворянства тайное общество съ цѣлью доставить независимость Малороссіи: въ Полтавѣ за это дѣло взялся правитель канцеляріи военнаго губернатора Новиковъ, въ Полтавской губ.—маршалъ Лукашевичъ. Впрочемъ, попытки ихъ не имѣли успѣха и общество не осуществилось[2]).

Такое настроеніе малороссійскаго общества не могло не вліять на Рылѣева, который чутко прислушивался ко всѣмъ проявленіямъ гражданственности и былъ близокъ ко многимъ изъ отмѣченыхъ выше малорусскихъ дѣятелей. Вслѣдъ за ними и онъ сталъ обращаться къ историческому прошлому Малороссіи, воспѣвая въ думахъ и поэмахъ ея національныхъ геровъ, боровшихся за независимость своей родины. Наливайко, Б. Хмѣльницкій, Мазепа и Войнаровскій одушевлены у Рылѣева тѣми же чувствами, какія волновали современныхъ ему украинцевъ. Эти герои не могутъ равнодушно видѣть „порабощенныхъ земляковъ", не могутъ простить „вѣковыхъ оскорбленій тиранамъ родины" и всѣми силами стремятся спасти Украйну отъ угнетенія, возстановивъ прежнюю ея свободу.

Слова Войнаровскаго:

Мнѣ надо жить: еще во мнѣ
Горитъ любовь къ родной странѣ;
Еще, быть можетъ, другъ народа
Спасетъ несчастныхъ земляковъ,
И, достояніе отцевъ,
Воскреснетъ прежняя свобода[3]);

слова Наливайки:

Возьмутъ свое права природы;
Безсмертна къ родинѣ любовь;

---

[1]) „Рус. Старина" 1888 г., декабрь, стр. 599.
[2]) *В. И. Семевскій.* Полит. и общ. идеи декабристовъ. Спб. 1909, стр. 299—301.
[3]) *Балицкій,* т. I, стр. 140.

Раздастся гласъ святой свободы—
И рабъ проснется къ жизни вновь [1]);—

всѣ эти слова подсказаны были поэту настроеніемъ современнаго общества и представляли надежды и чаянія многихъ украинскихъ патріотовъ, у которыхъ, по словамъ Маркевича, живъ былъ еще „духъ Полуботка“ и „не уменьшилась прежняя сила чувствъ и преданность отчизнѣ“.

Первыя попытки Рылѣева обратиться къ малорусскимъ сюжетамъ относятся къ концу 1821 года: въ это время (5 декабря) онъ представилъ въ Спб. Общество Люб. Рос. Словесности думу „Богданъ Хмѣльницкій“, а нѣсколько позже (16 мая 1823 г.) вторую думу съ малорусскими сюжетами „Петръ Великій въ Острогожскѣ“ [2]).

Не останавливаясь долго въ думахъ на малорусскихъ сюжетахъ, Рылѣевъ въ дальнѣйшей разработкѣ ихъ обратился къ новому роду творчества—къ поэмѣ, на которомъ и прекратилась его литературная дѣятельность.

Переходъ къ новой формѣ творчества знаменовалъ собою значительное развитіе поэтическаго таланта Рылѣева: въ поэмахъ онъ совершенно освободился отъ дидактизма, который роднилъ его думы съ ложно-классическими произведеніями. Хотя поэмы его также проникнуты гражданскимъ чувствомъ, но въ нихъ оно получаетъ совершенно другое выраженіе. При чтеніи думъ у насъ невольно возникаетъ мысль о тенденціозности автора, о желаніи его воспитывать наше гражданское чувство на патріотическихъ подвигахъ предковъ: въ поэмахъ нѣтъ этой тенденціи: настроеніе поэта выражено въ нихъ свободно, безъ принужденія и такъ же свободно передается читателю. То, чѣмъ полна была душа Рылѣева, вполнѣ отразилось и въ его поэмахъ. Слѣдующіе два отрывка подтвердятъ нашу мысль о томъ, насколько близко личность Рылѣева сливалась съ его произведеніями.

Я не люблю сердецъ холодныхъ:
Они враги родной странѣ,
Враги священной старинѣ,
Ничто имъ бремя бѣдъ народныхъ,

[1]) Ibid., стр. 147.
[2]) См. о нихъ выше, стр. 80, 218—220, 222—223

Имъ чувствъ высокихъ не дано,
Въ нихъ нѣтъ огня душевной силы;
Отъ колыбели до могилы
Имъ пресмыкаться суждено [1]).

—

Извѣстно мнѣ: погибель ждетъ
Того, кто первый возстаетъ
На утѣснителей народа;
Судьба меня ужъ обрекла.
Но гдѣ, скажи, когда была
Безъ жертвъ искуплена свобода?
Погибну я за край родной,—
Я это чувствую, я знаю
И радостно, отецъ святой,
Свой жребій я благословляю [2]).

Н. Бестужевъ передаетъ подробности, при которыхъ написанъ былъ второй отрывокъ (изъ поэмы „Наливайко“).—„Когда Рылѣевъ писалъ „Исповѣдь Наливайки“, вспоминаетъ Бестужевъ, у него жилъ больной братъ мой, Михаилъ Бестужевъ. Однажды онъ сидѣлъ въ свой комнатѣ и читалъ; Рылѣевъ работалъ въ кабинетѣ и оканчивалъ эти стихи. Дописавъ, онъ принесъ ихъ брату и прочелъ. Пророческій духъ отрывка невольно поразилъ Михаила. „Знаешь ли, сказалъ онъ, какое предсказаніе написалъ ты самому себѣ и намъ съ тобою? Ты какъ будто хочешь указать на будущій свой жребій въ этихъ стихахъ?“—Неужели ты думаешь, что я сомнѣваюсь хоть на минуту въ своемъ назначеніи, сказалъ Рылѣевъ. Вѣрь мнѣ, что каждый день убѣждаетъ меня въ необходимости моихъ дѣйствій, въ будущей погибели, которою мы должны купить нашу первую попытку для свободы Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ въ необходимости примѣра для пробужденія спящихъ Россіянъ“ [3]).

Художественная концепція поэмъ сравнительно съ думами отличается значительной сложностью. Въ думахъ Рылѣевъ беретъ одинъ какой либо моментъ изъ жизни героя и обрисовываетъ его часто даже далеко не художественными чертами; въ силу этого во многихъ думахъ не герои говорятъ сами за себя, но автору приходится от-

[1]) *Балицкій*, т. I, стр. 134.
[2]) *Балицкій*, т. I, стр. 146.
[3]) *Н. Бестужевъ*. Воспоминанія о К. Ѳ. Рылѣевѣ. *Балицкій*, т. I, стр. 18—19.

мѣчать ихъ качества—хвалить добродѣтель и осуждать порокъ. Въ поэмахъ Рылѣевъ не вмѣшивается въ оцѣнку ихъ личности; онъ сосредоточивается здѣсь на обрисовкѣ тѣхъ сложныхъ психическихъ настроеній, которыя приходится переживать его героямъ. Отсюда—въ поэмахъ больше драматизма: душевное состояніе Мазепы послѣ полтавскаго пораженія, чувства Наливайки при видѣ угнетенной Украйны, тревожный сонъ Жолкевскаго наканунѣ сраженія съ козаками обрисованы вѣрными штрихами и обнаруживаютъ въ авторѣ тонкаго психолога.

Ростъ поэтическаго таланта Рылѣева въ послѣдній періодъ его творчества, при обращеніи къ поэмамъ, не ускользнулъ отъ вниманія современниковъ. „Должно замѣтить, писалъ одинъ изъ нихъ въ 1825 г., что слогъ г. Рылѣева съ нѣкотораго времени принялъ необыкновенную гладкость, которая въ соединеніи съ отличительными качествами слога его, т. е. простотою разсказа, пламенными порывами чувства и быстротою дѣйствія, образуетъ стихосложеніе чрезвычайно пріятное, для слуха оригинальное и ему одному свойственное“ [1]).

Н. Бестужевъ въ поэмахъ Рылѣева отмѣчалъ „печать болѣе зрѣлаго таланта“ [2]). Пушкинъ, рѣзко отзывавшійся о думахъ, отнесся къ „Войнаровскому“ съ бо́льшимъ уваженіемъ. „Войнаровскій Рылѣева, писалъ онъ А. Бестужеву, несравненно выше всѣхъ его думъ: слогъ его возмужалъ и становится истинно повѣствовательнымъ, чего у насъ почти еще нѣтъ“ [3]).

Нѣсколько оживляетъ поэмы Рылѣева вліяніе украинской народой поэзіи, откуда заимствованы были нѣкоторыя картины, образы и выраженія. Отмѣтимъ наиболѣе характерныя заимствованія. Ср.:

Въ народной пѣснѣ:	У Рылѣева:
Ой у поли могила	Все было тихо... Лишь могила
Зъ витромъ говорила...	Уныло съ вѣтромъ говорила [4]).

[1]) *Д. Р. К.* Четвертое письмо на Кавказъ. „Сынъ Отечества“ 1825 г. ч. CI, № 10, стр. 198.

[2]) *Н. Бестужевъ.* Воспоминанія о К. Ѳ. Рылѣевѣ. *Балицкій*, т. I, стр. 34.

[3]) Сочиненія Пушкина. Переписка. т. I. Спб. 1906, стр. 96. Письмо изъ Одессы отъ 12 янв. 1824 г.

[4]) Изъ поэмы „Войнаровскій“. *Балицкій*, т. I, стр. 132.

И витеръ не вие,
Ковыль не колыше...

Въ той часъ сызы орлы налиталы,
Пильно въ очи козакови заглядалы.
Козакъ тее забачае,
Словами промовляе;
Орлы сызо-пиры,
Гости мои мыли,
Прошу я васъ тогди налитаты
Зъ лоба очи мини сысмыкаты.
Якъ не буду я свита божаго выдаты[2])

То не чорни хмары ясне сонце заступалы,
Не буйныи витри въ темномъ лузѣ бушовалы[3])

То не вихорь по Черкени долини гуляе,
Не сизый орелъ ястребивъ ганяе,
Вдовиченко Коновченко на ворономъ кони разъизжае[4]).

Лишь налетая вѣтръ порою
Сухой ковылью шевелитъ[1]).

И волкъ уже во мракѣ ночи
Терзаетъ трупъ среди травы,
И изъ казацкой головы
Орелъ выклевываетъ очи[5]).

Другой варіантъ:
И уже волкъ средь мрака ночи
Въ колючемъ тернѣ тѣло рветъ,
И въ головѣ казацки очи
Орелъ безжалостно клюетъ[6]).

Ср. въ „Войнаровскомъ“:
Тѣла разбросанныя гнили,
Ихъ псы и волки теребили[7]).

Не тучи солнце обступали,
Не вѣтры въ полѣ бушевали[8]).

Не вихрь шумитъ среди степей,
Не ястребовъ орелъ гоняетъ,
На ворономъ конѣ летаетъ
За крымцами сѣдой Палѣй[9]).

[1]) „Гайдамакъ“, отрывокъ изъ поэмы „Хмѣльницкій“. Ibid., стр. 148.

[2]) „О побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова“, дума (*Кн. Н. А. Цертелевъ.* „Опытъ собранія старин. малор. пѣсней“, Спб. 1819, стр. 24—25. Въ выдержкахъ сохранена орѳографія изданія).

[3]) „О смерти Богдана Хмѣльницкаго“, дума. Ibid., стр. 6 и 46.

[4]) „О смерти Ивана Коновченка“, дума. Ibid., стр. 34.

[5]) „Гайдамакъ“, отрывокъ изъ поэмы „Хмѣльницкій“. *Балицкій*, т. I, стр. 150.

[6]) См. „Рус. Стар.“ 1871 г., т. III, стр. 107.

[7]) *Балицкій*, т. I, стр. 135.

[8]) „Палѣй“, отрывокъ изъ поэмы. Ibid., стр. 150.

[9]) Первоначальный набросокъ отрывка „Гайдамакъ“. См. „Рус. Стар.“ 1871 г., т. III, стр. 107.

Гнѣвомъ Божимъ саранчою на козака налиталы [1]).	Упалъ внезапно на Очаковъ. Какъ гнѣвъ небесный — саранча [7]).
Вже почавъ винъ землю кинскими копытами ораты, Кровью молдавскою поливаты [2]). ... Острыми копытами землю копае [3]).	Нерѣдко онъ поля Волыни Копытами коней оралъ И, превращая все въ пустыни, Ихъ польской кровью поливалъ [8]).
Въ сборникѣ кн. Цертелева не разъ упоминаются выраженія: „семипядни пищели", „самопалы", „орлы сызо-пиры" [4]).	Ср. у Рылѣева: ...у молодца Булатъ съ пищалью семипядной... ...Съ копьемъ и длиннымъ самопаломъ... ...Иль сизоперому орлу. [9]).
Ср. еще: Ой ты гадаешь, Мазепо! Ты гадаешь изминяты. Ой ты хочешь, ты хочешь Царя отступаты... [5])	Что ты задумалъ, хитрый Мазепа, Что ты замыслилъ, гетманъ сѣдой? [10])
Изъ низу Днипра тихій витеръ віе, повивае.	Вѣетъ, вѣетъ, повѣваетъ Тихій вѣтръ съ днѣпровскихъ водъ...
Війско козацькее въ походъ выступае [6])	Войско храбрыхъ выступаетъ Съ шумной радостью въ походъ [11]).

[1]) „О смерти Ивана Коновченка". дума *Цертелевъ*. Ibid., стр. 31.
[2]) „О походѣ Б. Хмельницкаго въ Молдавію". дума. Ibid., стр. 42.
[3]) „О смерти Ив. Коновченка". дума. Ibid., стр. 35.
[4]) Ibid., стр. 24, 49, 35.
[5]) „О гетманѣ Мазепѣ". дума. Ibid., стр. 51.
[6]) „О походѣ Б. Хмельницкаго въ Молдавію". Ibid., стр. 41
[7]) Изъ черновыхъ набросковъ отрывка „Палѣи". *Балицкій*, т. I, стр. 11
[8]) „Гайдамакъ". „Рус. Стар." 1871 г., т. III, стр. 108.
[9]) Ibid., стр. 108, 109.
[10]) *Балицкій*. т. I, стр. 151.
[11]) „Походъ козаковъ", отрывокъ изъ поэмы „Наливайко" Ibid., стр. 146.

или: Ой по гори витеръ вые, вые
завывае,
А въ долини храбре війско въ
походъ выступае[1]).

Приведенными выдержками, собственно, и ограничивается вліяніе народной украинской поэзіи въ поэмахъ Рылѣева; проникая въ нихъ большею частью, чисто литературнымъ путемъ—черезъ сборникъ кн. Цертелева—вліяніе это, въ общемъ, не было значительнымъ, и Рылѣевъ сравнительно мало отразилъ въ поэмахъ украинскую стихію. Гораздо сильнѣе сказалось въ его произведеніяхъ другое вліяніе—байроновское: яркая печать байронизма лежитъ почти на всѣхъ украинскихъ произведеніяхъ Рылѣева; она видна какъ въ общемъ построеніи пьесъ, такъ и въ разработкѣ отдѣльныхъ частей—въ различныхъ описаніяхъ, въ обрисовкѣ характеровъ героевъ и пр.

Возникло это байроновское вліяніе благодаря той литературной и общественной средѣ, въ которой вращался Рылѣевъ. Байронъ былъ любимымъ поэтомъ, „властителемъ думъ" молодого поколѣнія Александровской эпохи; общество воспитывалось на его произведеніяхъ и видѣло въ немъ борца за свободу, которую такъ восторженно воспѣвали наши поэты двадцатыхъ годовъ[2]). Тяжелыя условія русской жизни во второй половинѣ царствованія Александра I создавали благопріятную почву для воспріятія негодующей, часто даже революціонной музы Байрона. „Русская дѣйствительность въ эпоху Аракчеева, Магницкаго, архимандрита Фотія, представляла унизительную картину круглаго обскурантизма, грубаго или лицемѣрнаго, подавленіе даже слабыхъ признаковъ просвѣщенія и свободы мысли"[3]).

Естественно возникало гнетущее чувство недовольства и раздраженія, которое и подготовило русское общество для воспріятія поэзіи Байрона. Общество находило въ ней отзвукъ своихъ душевныхъ настроеній—порываніе къ свободѣ, гордый и независимый протестъ противъ гнилыхъ условій общественной жизни, способ-

---

[1]) „Отступникъ Тетеренко". См „Запорожскую Старину", изд. И. И. Срезневскимъ. Ч. I, Харьковъ 1833, стр. 42.

[2]) См. выше, стр. 146—150.

[3]) *А. Н. Пыпинъ*. Исторія русской литературы, т. IV, Спб. 1907, стр. 391.

ныхъ создавать лишь Донъ-Жуановъ и подавлять своими мертвыми формами всякое стремленіе къ высшимъ идеаламъ.

Многочисленные переводы изъ Байрона, журнальныя статьи о немъ, переписка современниковъ—указываютъ, какъ живо интересовалось наше общество и личностью, и поэзіей Байрона [1]).—„Я

---

[1]) См.: „Осада Коринѳа", съ франц. *К.* („Вѣстн. Европы" 1820 г., ч. CXIII—CXIV).—„О сочиненіяхъ лорда Байрона", изъ „Revue Encyclopédique", перев. *К. П. Б.*; „Прощаніе" изъ сочиненій л. Байрона, съ англ. *К. П. Б.* („Сор. Просв.", 1820 г. ч. XII, стр. 101—120, 197—200). „Шиллонскій узникъ". Отрывки изъ поэмы лорда Байрона, перев. съ фр. *Н. Ф.* (Ibid., 1821 г., ч. XV).—„Мракъ", изъ соч. л. Байрона, съ фр. *О. Сомовъ* („Благонамѣренный" 1821 г., № 3, стр. 122—126).—„Къ Мирѣ", отрывокъ изъ поэмы „Ирнеръ", съ франц. *О. Сомовъ* (Ibid., № 16, стр. 211—212).—„Джяуръ", „Абидосская невѣста", „Мазепа", съ фр. *М. Каченовскій* („Вѣстн. Европы" 1821 г., ч. CXIX—CXX); всѣ три поэмы вошли затѣмъ въ сборникъ: „Выборъ изъ сочиненій лорда Байрона, переведенныхъ съ французскаго, издалъ *М. Каченовскій*". Москва 1821.—„Мнѣніе о лордѣ Байронѣ", изъ нѣмецкаго журнала: „Другое мнѣніе о лордѣ Байронѣ". („Вѣстн. Европы" 1821 г., ч. CXXI).—„Паризина, историческое происшествіе изъ л. Байрона", переводъ *Н. Бестужева*, „Тьма", перев. *Ѳ. Глинки* („Сор. Просв." 1822 г., ч. XVII).—„Джяуръ. Отрывки изъ турецкой повѣсти л. Байрона", перев. *Н. Р.* Москва 1822.—„Нѣчто о лордѣ Байронѣ", изъ Morgenblatt („Сынъ Отеч." 1822 г., ч. LXXVIII).—„Шильонскій узникъ", перев. *В. Жуковскаго*. Спб. 1822 (см. отзывъ *П. А. Плетнева* о поэмѣ и ея переводѣ въ „Сор. Просв." 1822 г., ч. XIX).—„Въ альбомъ", подражаніе Байрону *П. Козлова* („Новости Литературы" 1822 г., № 12; перепеч. въ „Невскомъ Альманахѣ" 1823 г., № 11).—„Въ альбомъ" изъ Байрона, перев. *кн. Вяземскаго* („Дамскій Журналъ" 1823 г., № 1; перепеч. въ „Новостяхъ Литературы" 1824 г., кн. 7); это же стихотвореніе было извѣстно и въ переводѣ *А. Бистромъ* („Московскій Телеграфъ" 1825 г., ч. IV).—Въ 1823 г. *Г. Загорскій* представилъ въ Спб. Общ. Люб. Рос. Словесности переводъ „Колмаръ и Орла", изъ Байрона (см. архивъ Общества, въ библіотекѣ Акад. наукъ, „Отчетъ" за 1823 г.).—„Жалобы израильтянъ", съ фр. *В. Н. Григорьевъ* („Сор. Просв." 1824 г., ч. XXV).—„Романсъ Медоры", изъ I п. „Корсара" („Литер. Листки" 1824, ч. I).—„Лордъ Байронъ", некрологъ (Ibid., ч. II).—„Вальтеръ Скоттъ. Характеристика л. Байрона, перев. съ англ. *А. К.*; см. также замѣтку издателя „Прибавленіе къ предыдущей статьѣ" („Моск. Телеграфъ" 1825 г., ч. I, стр. 31—38, 39—40).—„Абидосская невѣста", отрывокъ изъ поэмы (пѣснь I), перев. *П. Козлова* („Сор. Просв." 1825 г., ч. XXIX).—„Корсаръ", „Сѣтованіе Тасса", „Тьма", перев. *Я.*—„Мелодіи", два отрывка изъ „Паризины", перев. *Н. Маркевича*.—„Стихи, написанные л. Байрономъ въ альбомъ итальянской графини", пер. *П. Козлова*. („Пов. Литературы" 1825 г., сент.—декабрь; 1826 г., январь). „Оскаръ д'Альва. Повѣсть, изъ сочиненій л. Байрона", перев. *П. Кудряшева*. „Къ Тирзѣ" (двѣ элегіи), перев. въ прозѣ съ фр. *Хр—ъ*. „Прости", элегія л. Байрона, съ фр. *Х*; „Еще элегія л. Байрона", съ фр. *Х*. „Стансы", перев. въ прозѣ *Н.* („Благонамѣренный" 1825 г., ч. XXX),

читаю и перечитываю лорда Байрона, писалъ кн. П. А. Вяземскій въ 1819 г. Тургеневу.—Что́ за скала, изъ коей бьетъ море поэзіи... Знаешь ли ты его „Пилигрима“, четвертая пѣснь? Какъ Жуковскому, знающему языкъ англичанъ, а еще тверже языкъ Байрона, какъ ему не броситься на эту добычу. Я умеръ бы на ней... Кто въ Россіи читаетъ по англійски и пишетъ по русски? Давайте мнѣ его сюда; я за каждый стихъ Байрона заплачу ему жизнью своею...“

„Ты проповѣдуешь намъ Байрона“, отвѣчалъ Тургеневъ 22 окт. 1819 г. кн. Вяземскому, „котораго мы все лѣто читали. Жуковскій имъ бредитъ и имъ питается. Въ планахъ его есть много переводовъ изъ Байрона. Я нагрѣваюсь имъ и недавно купилъ полное изданіе въ семи томахъ. Четвертая пѣснь Пилигрима и моя любимая, но я читалъ и помню еще и портретъ Зулейки“. Нѣсколько позже, въ 1821 г., кн. Вяземскій болѣе опредѣленно указывалъ на гражданскія заслуги Байрона и противопоставлялъ его поэзію произведеніямъ Жуковскаго, у котораго „все душа и все для души“: по этому поводу онъ писалъ Тургеневу:—„Душа свидѣтельница настоящихъ событій, видя эшафоты, которые громоздятъ для убіенія народовъ, для зарѣзанія свободы, не должна и не можетъ теряться въ идеальности Аркадіи... Байронъ, который носится въ облакахъ, спускается на землю, чтобы грянуть негодованіемъ въ притѣснителей, и краски его романтизма сливаются часто съ красками политическими“ [1]).

Михаилъ Бестужевъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что „появленіе поэмъ Байрона вскружило всѣмъ головы“; самъ онъ написалъ не мало пьесъ въ подражаніе ему [2]). Нѣкоторые даже боготворили англійскаго поэта: по словамъ гр. М. Д. Бутурлина, молодыя графини Чернышевы вѣшали у себя надъ постелью вмѣсто образа портретъ лорда Байрона [3]).

Александръ Бестужевъ зачитывался англійской литературой, и Байронъ былъ, несомнѣнно, въ числѣ первыхъ поэтовъ, которыми онъ увлекался. „Я съ жадностью глотаю англійскую литературу, писалъ онъ Пушкину 9 марта 1825 г., и душою благодаренъ ан-

---

[1]) Переписка кн. П. А. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ. См. „Остаф. архивъ кн. Вяземскихъ“, т. I, Спб. 1899.

[2]) Записки М. А. Бестужева, „Рус. Стар.“ 1881 г., т. XXXII, стр. 629.

[3]) *П. П. Замотинъ.* Романтическій идеализмъ, Спб. 1907, стр. 96.

глійскому языку; онъ обратилъ меня къ природѣ: это неистощимый источникъ! Я готовъ даже сказать il n'y a point de salut hors la littérature anglaise. Если можешь, учись ему. Ты будешь заплаченъ сторицею" [1]).

Николай Бестужевъ въ 1822 г. издалъ свой переводъ „Паризины" Байрона [2]). Всѣмъ извѣстно увлеченіе Пушкина англійскимъ поэтомъ въ теченіе 1820—1824 гг.; что же касается Рылѣева, онъ въ значительной мѣрѣ подчинился вліянію поэзіи Байрона. Близкая дружба съ Бестужевыми создавала очень благопріятныя условія для возникновенія байроновскаго вліянія: въ ихъ кругу Рылѣевъ могъ знакомиться съ непосредственнымъ переводомъ англійскаго текста; оживленные толки о появлявшихся тогда поэмахъ Байрона не остались безъ вліянія на творчество Рылѣева.

Неожиданная смерть Байрона въ рядахъ защитниковъ греческой свободы была тяжелой утратой для русскаго общества. „Изъ проклятаго Conservateur узналъ я о смерти Байрона, писалъ кн. Вяземскій А. И. Тургеневу 24 мая 1824 г., какая поэтическая смерть! Онъ предчувствовалъ, что прахъ его приметъ земля, возрождающаяся къ свободѣ, и убѣжалъ изъ темницы европейской. Завидую пѣвцамъ, которые достойно воспоютъ его кончину. Вотъ случай Жуковскому. Если онъ имъ не воспользуется, то дѣло кончено: знать пламенникъ его погасъ. Греція древняя, Греція нашихъ дней и Байронъ мертвый—это океанъ поэзіи! Надѣюсь и на Пушкина" [3]).

Жуковскій не оправдалъ ожиданій кн. Вяземскаго; Пушкинъ отозвался на его призывъ, посвятивъ Байрону три строфы стихо-

---

[1]) „Рус. Архивъ" 1881 г., кн. I, стр. 427.

[2]) „Соревн. Просв.", ч. XVII.

[3]) „Остафьевскій архивъ кн. Вяземскихъ", т. III, Спб. 1899, стр. 48—49. Въ это время и самъ кн. Вяземскій написалъ стихотвореніе на смерть Байрона, которое появилось въ печати значительно позже въ „Моск. Вѣстникѣ" 1828 г.:

Эллада древняя, священный Геликонъ,
Гордитесь прахомъ симъ—у васъ сокрытъ Байронъ!
Въ побѣдномъ заревѣ погасло вдохновенье,
При звукѣ бранныхъ трубъ палъ гордый исполинъ,—
И вопли пронеслись отъ греческихъ дружинъ
Хвала герой—пѣвецъ, свободой вдохновенный!
Ты укрѣпилъ нашъ духъ, ты намъ примѣръ вождей,
Гомеромъ странствовалъ, пѣлъ битвы, какъ Тиртей;
Теперь лобзаемъ прахъ, намъ вѣчно незабвенный...

творенія „Къ морю“, гдѣ уподобилъ Байрона этой бурной стихіи за общую имъ обоимъ глубину, мрачность и неукротимость.

Другой отъ насъ умчался геній,
Другой властитель нашихъ думъ.
Исчезъ, оплаканный свободой,
Оставя міру свой вѣнецъ.
Шуми, взволнуйся непогодой:
Онъ былъ, о море, твой пѣвецъ.
Твой образъ былъ на немъ означенъ
Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ:
Какъ ты, могущъ, глубокъ и мраченъ,
Какъ ты, ничѣмъ неукротимъ.
Міръ опустѣлъ...[1])

В. К. Кюхельбекеръ и Б. Ѳедоровъ оплакали въ Байронѣ погибшаго борца за свободу: при этомъ Кюхельбекеръ отмѣтилъ тѣ же мотивы, которыхъ коснулся въ своемъ стихотвореніи и кн. Вяземскій (Байронъ—защитникъ обновленной Эллады, ея Тиртей; разрывъ поэта съ родиной).

Упала дивная комета!
Потухнулъ среди тучъ перунъ!
Еще трепещетъ голосъ струнъ,
Но нѣтъ могучаго поэта.
Руками закрываетъ очи
Эллада, матерь свѣтлыхъ чадъ!
Вражда и зависть, дѣти ночи,
Ругаться славному спѣшатъ.
Прочь чернь презрѣнная!—прочь злоба!
Бѣги, не смѣй касаться гроба
Того, чьи пѣсни и дѣла
Почтитъ дальнѣйшее потомство!
Бардъ, живописецъ смѣлыхъ душъ,
Гремящій, радостный, нетлѣнный,
Во вѣкъ пари, великій мужъ.

---

[1]) *Пушкинъ.* Изд. Бр.-Ефр., т. II, Спб. 1908. стр. 212.

Тамъ, надъ Элладой обновленной!
Тиртей, союзникъ и покровъ,
Свободой дышущихъ полковъ!
...Да мимо идетъ укоризна!
О! заглуши упреки, стонъ!
Изгнавшая его отчизна
Рыдай несчастный Альбіонъ!
Онъ палъ непримиренъ, въ чужбинѣ!
Плачь, сѣтуй по великомъ сынѣ!
Увы, ударитъ часъ судьбы!
Вѣковъ потокомъ поглощенный
Исчезнетъ твой народъ надменный,
Или пришельцовы стопы
Лобзать окованъ рабствомъ будетъ,
Но Байрона не позабудетъ [1]).

Б. Ѳедоровъ въ стихотвореніи „Байронъ" писалъ:

Прозрѣвшій въ сердце человѣка,
Волшебникъ думъ, Британіи пѣвецъ;
Байронъ—сталъ за свободу грековъ;
Но смертью похищенъ; оплаканъ, какъ отецъ,
Отчизною Ахилла и Омира;
И къ родинѣ своей притекъ чрезъ бездны волнъ.
Ей тѣломъ возвращенъ, въ Элладѣ сердцемъ онъ—
А вѣчности его осталась лира [2]).

Рылѣевъ отозвался на тяжелую для него утрату прекраснымъ стихотвореніемъ „На смерть Байрона". Подобно кн. Вяземскому, Кюхельбекеру и Ѳедорову, онъ указалъ гражданскія заслуги Байрона, выразивъ при этомъ глубокую вѣру въ непреходимость нравственнаго начала на землѣ—

Изъ океана своего
Текутъ лѣта съ чудесной силой:

---

[1]) *В. Кюхельбекеръ.* Смерть Байрона. Москва 1824, стр. 1—11.

[2]) „Новости Литературы" 1826 г., кн. XVIII, стр. 157. Кромѣ этихъ писателей, на смерть Байрона отозвались еще: П. Козловъ, Веневитиновъ и М. Бестужевъ-Рюминъ.

Нѣтъ ничего уже, что было,
Что есть, не будетъ ничего.
Грядой возлягутъ на твердыни
Почить усталые вѣка:
Ихъ безпощадная рука
Преобразитъ поля въ пустыни.
Исчезнутъ порты въ тьмѣ временъ,
Падутъ и запустѣютъ грады,
Погибнутъ страшныя армады,
Возникнетъ новый Карѳагенъ...
Но подвигъ сердца благородный
Пребудетъ для души младой
Къ могилѣ Байрона святой
Всегда звѣздою путеводной.

Обращаясь къ Англіи, Рылѣевъ говоритъ:

Царица гордая морей!
Гордись не силою гигантской,
Но прочной славою гражданской
И доблестью своихъ дѣтей.
Парящій умъ, свѣтило вѣка,
Твой сынъ, твой другъ и твой поэтъ
Увянулъ Байронъ въ цвѣтѣ лѣтъ
Въ святой борьбѣ за вольность грека.

На ряду съ гражданской доблестью Рылѣевъ отмѣтилъ и независимость поэтическаго генія Байрона—

Онъ все подъ солнцемъ разгадалъ;
Къ гоненьямъ рока равнодушенъ,
Онъ генію лишь былъ послушенъ,
Властей другихъ не признавалъ [1]).

Въ поэзіи Байрона Рылѣевъ прислушивался не только къ гражданскимъ мотивамъ; онъ высоко цѣнилъ всѣ его произведенія, особенно поэмы, гдѣ, по его словамъ, „живописуются страсти людей, ихъ

---

[1]) *Балицкій*, т. I, стр. 158—159.

сокровенныя побужденія, вѣчная борьба страстей съ тайнымъ стремленіемъ къ чему-то высокому, къ чему-то безконечному" [1]).

„Донъ Жуанъ" производилъ на него неотразимое впечатлѣніе. „Какъ великъ Байронъ въ слѣдующихъ пѣсняхъ Донъ-Жуана! писалъ Рылѣевъ Пушкину, сколько поразительныхъ идей, какія чувства, какія краски! Тутъ Байронъ вознесся до невѣроятной степени: онъ сталъ тутъ и выше пороковъ, и выше добродѣтелей" [2]).

Пессимистическое, безотрадное настроеніе многихъ произведеній Байрона не было чуждо Рылѣеву и, можетъ быть, не безъ байроновскаго вліянія написаны имъ „Стансы"—красивое элегическое стихотвореніе, въ которомъ поэтъ сознается А. А. Бестужеву въ своемъ одиночествѣ и горькомъ разочарованіи въ людяхъ:

Не сбылись, мой другъ, пророчества
Пылкой юности моей:
Горькій жребій одиночества
Мнѣ сужденъ въ кругу людей!
Слишкомъ рано мракъ таинственный
Опытъ грозный разогналъ,
Слишкомъ рано, другъ единственный,
Я сердца людей узналъ.
Страшно дней не вѣдать радостныхъ,
Быть чужимъ среди своихъ;
Но ужаснѣй—истинъ тягостныхъ
Быть сосудомъ съ дней младыхъ.
Съ тяжкой грустью, съ черной думою
Я съ тѣхъ поръ одинъ брожу,
И могилою угрюмою
Міръ печальный нахожу.
Всюду встрѣчи безотрадныя!
Ищешь, суетный, людей;
А встрѣчаешь трупы хладные
Иль безсмысленныхъ дѣтей [3]).

---

[1]) Ibid., т. II, стр. 82.
[2]) Ibid., стр. 153—154.
[3]) Ibid., т. I, стр. 162.

Отъ Байрона заимствовалъ Рылѣевъ и лирическій характеръ своихъ поэмъ. Впервые этотъ новый родъ произведеній появился въ нашей литературѣ въ переводѣ В. А. Жуковскаго „Шильонскій узникъ“ (1817 г.; 1-ое изд. Спб. 1822); оригинальные образцы его дали— Пушкинъ въ „Кавказскомъ Плѣнникѣ“ (1821 г.: 1-ое изд. Спб. 1822), „Братьяхъ разбойникахъ“ (1822 г.; 1-ое изд. Москва 1827), „Бахчисарайскомъ Фонтанѣ“ (1823 г.; 1-ое изд. Москва 1824) и „Цыганахъ“ (1824 г.: 1-ое изд. Москва 1827) и П. П. Козловъ въ „Чернецѣ“ (1825 г.).

Къ этому роду лирической поэмы обратился и Рылѣевъ. Отличительныя свойства ея современный критикъ Плетневъ усматривалъ въ томъ, что поэтъ, „не прибѣгая къ вымысламъ «чудеснаго», ограничивается повѣствованіемъ естественнаго. Часто у него въ цѣлой поэмѣ одинъ только герой. Сочинитель описываетъ его чувствованія, которыя должны рождаться въ немъ, судя по тому положенію, въ какомъ поэтъ его представляетъ“ [1]). Позже Л. Поливановъ такъ опредѣлялъ этотъ родъ произведеній: „поэма носитъ всецѣло характеръ лиро-эпическаго разсказа, т. е. такого, въ которомъ изображеніе характеровъ замѣнено выраженіемъ настроеній дѣйствующихъ лицъ; всѣ картины разсчитаны на передачу этихъ настроеній, а весь смыслъ переданнаго въ поэмѣ случая сводится къ выраженію личныхъ чувствъ автора. Отсюда и всѣ достоинства этой поэмы: единство элегическаго тона, выразительность и задушевность стиха: отсюда же и ея недостатки: неопредѣленность характеровъ, мелодраматичность въ изображеніи дѣйствій“ [2]).

Общій планъ поэмы „Войнаровскій“ навѣянъ былъ „Гяуромъ“ Байрона: какъ Гяуръ раскрываетъ предъ монахомъ картину прошлой жизни—исторію своей любви, такъ и Войнаровскій въ бесѣдѣ съ Миллеромъ разсказываетъ ему исторію своей жизни. Въ подробной обрисовкѣ героевъ Рылѣевъ также пользовался байроновскими красками, вслѣдствіе чего его Войнаровскій, Мазепа и Гайдамакъ очень напоминаютъ Конрада и Гяура въ поэмахъ Байрона. Конрадъ—„говоритъ мало“, „рѣдко улыбается“, „движеніе устъ его обнаруживало

---

[1]) *Плетневъ*. Шильонскій узникъ, поэма л. Байрона, пер. В. А. Жуковскаго. „Соревн. Просв.“ 1822 г., ч. XIX.

[2]) Сочиненія Пушкина. Изданіе (2-ое) Л. Поливанова, т. II, Москва 1892, стр. 94.

гордыню"; „дикая радость блещетъ въ очахъ Конрада, дикая улыбка освѣтила чорныя брови его"; „огненные глаза его оттѣнялись черными бровями"; взглядъ его „гнѣвный, презрительный, строгій"; „немногіе могли выдержать неподвижность сего прозорливаго взгляда [1]). Такой же и Гяуръ: у него „мрачная, „ледяная наружность, дышащая отчаяніемъ и гордынею", его „блѣдное чело показываетъ слѣды страстей пламенныхъ": оно „столь мрачно, столь угрюмо, что на немъ (видна) печать смерти"; „свирѣпый взоръ (его) устремленъ къ землѣ", „молнія бѣшенства (сверкаетъ) отъ взоровъ", „улыбка рѣдко проясняетъ чело его"; „блѣдныя губы его мгновенно становятся неподвижными"; „лицо его никогда не выражало свободной веселости сердца"; „холодныя очи никогда не могли плакать": онъ „ненавидитъ всю землю" и желаетъ „укрыться отъ всей природы" [2]).

Тѣми же чертами надѣлены и герои Рылѣева. У Войнаровскаго—

Взоръ безпокойный и угрюмый,
Въ чертахъ суровость и тоска.
...Улыбки не видать привѣтной
На незнакомцѣ никогда.
...Всегда дичится и молчитъ,
Одинъ, какъ отчужденный, бродитъ,
Ни съ кѣмъ знакомства не заводитъ,
На всѣхъ сурово онъ глядитъ [3]).

Глаза его часто „блещутъ", „сверкаютъ пламенемъ". Войнаровскій такъ характеризуетъ Миллеру свое душевное состояніе:

Ты видишь: дикъ я и угрюмъ.
Брожу, какъ остовъ, очи впали;
И на челѣ бразды печали,
Какъ отпечатокъ тяжкихъ думъ.
Страдальцу видъ суровый дали...
...Я одряхлѣлъ, я одичалъ
И, какъ климатъ сибирскій, сталъ
Въ своей душѣ жестокъ и хладенъ.

---

[1]) „Корсаръ" изъ соч. л. Байрона. „Нов. Лит." 1825 г., кн. XIV, стр. 44—52, 100—107.

[2]) „Джяуръ", соч. л. Байрона. „Вѣстн. Европы" 1821 г., ч. CXIX, стр. 173, 238, ч. CXX, стр. 3—7, 18, 19.

[3]) *Балицкій*, т. I, стр. 124, 125.

Ничто меня не веселитъ.
Любовь и дружество мнѣ чужды.
Печаль свинцомъ въ душѣ лежитъ.
Ни до чего нѣтъ сердцу нужды.
Бѣгу, какъ недругъ, отъ людей;
Я не могу снести ихъ вида:
Ихъ жалость о судьбѣ моей —
Мнѣ нестерпимая обида.
Признаться ль, странникъ: я бъ желалъ,
Чтобъ люди узника чуждались,
Чтобъ взглядъ мой душу ихъ смущалъ,
Чтобы меня средь этихъ скалъ,
Какъ привидѣнія, пугались.
Ахъ, можетъ быть, тогда покой
Сдружился бы съ моей душой! [1])

Конрадъ Байрона находитъ себѣ покой только въ бурю и непогоду: „блескъ (молніи) пріятнѣе Конраду блеска луны; гремя тяжелыми цѣпями, онъ старается привлечь громъ". И Войнаровскій въ изгнаніи ищетъ облегченія въ дикой и бурной природѣ:

Мнѣ былъ отраденъ шумъ лѣсовъ,
Отрадно было мнѣ ненастье,
И вой грозы, и плескъ валовъ.
Во время бури заглушала
Борьба стихій борьбу души;
Она мнѣ силы возвращала,
И на мгновеніе, въ глуши,
Душа страдать переставала [2]).

Также ярко байроновскія черты выступаютъ и въ обрисовкѣ Мазепы: онъ „угрюмъ", „его чело обложилось мракомъ и тоской"; изъ подъ „нависшихъ бровей" сверкаетъ „какой-то пламень дикій"; „мрачный и суровый" видъ его часто „волнуемъ тайно мрачной думой"; онъ „ото всѣхъ скрывается" и „угрюмый" молчитъ въ присутствіи молодежи.

---

[1]) Ibid., стр. 129, 130.
[2]) Ibid., стр. 138.

Роднымъ по духу Гяуру и Конраду является и Гайдамакъ Рылѣева; онъ,

...какъ юный тигръ,
На всѣхъ глядѣлъ, нахмуря брови.
Былъ дружбы чуждъ, былъ чуждъ любви,
Леталъ въ пустынѣ на конѣ
И, увядая въ тишинѣ,
Онъ рвался въ бой, онъ жаждалъ крови...
Суровъ и дикъ и одинокъ,
Чуждаясь всѣхъ, всегда угрюмый,
И нынѣ бродитъ, какъ порокъ,
Въ мѣстахъ глухихъ онъ съ тайной думой...
Ему несносна тишина;
Безъ крови вражеской, безъ боя,
Онъ будто чахнетъ средь покоя:
Его душѣ нужна война.
...Давно онъ ко всему примѣтно
Остылъ безчувственной душой;
Въ ней вѣетъ холодъ гробовой...
...Всегда опущены къ землѣ
Его сверкающія очи...
...Еще никто не зрѣлъ того,
Чтобы, хотя на мигъ единый,
Улыбкой сгладились морщины
На бронзовомъ лицѣ его [1]).

Общей чертой героевъ Байрона и Рылѣева является то, что всѣ они рѣзко выдѣляются изъ окружающей ихъ среды. Гяуръ, Конрадъ, Мазепа въ поэмахъ Байрона, Войнаровскій, Мазепа, Гайдамакъ у Рылѣева—не обычные люди средняго уровня съ обыденными ихъ интересами: они живутъ одной какой либо идеей или страстью, которая всецѣло захватываетъ ихъ, выдѣляя изъ толпы; какъ надъ всѣми выдающимися людьми и надъ ними тяготѣетъ „рокъ ужасный“, „судьбы враждующей рука“, которая разрушаетъ ихъ замыслы: но и въ несчастьи эти герои не теряются:

[1]) Ibid., стр. 149.

замкнувшись гордынею своего духа, они не ищутъ у другихъ помощи и состраданія, но сами стойко переносятъ всѣ превратности судьбы, и томясь въ бездѣйствіи, ни на минуту не разстаются съ тѣмъ дѣломъ, которому отдали свою жизнь, полную кипучей и энергичной дѣятельности.

„Я жилъ мало, говоритъ Гяуръ отшельнику, но часто пилъ изъ чаши удовольствій... Сегодня торжествуя съ друзьями, завтра сражаясь съ непріятелями, я только лишь пугался утомительнаго спокойствія. И нынѣ ли страшиться мнѣ жестокостей судьбины, столь часто презираемыхъ мною! Нѣтъ душа моя непобѣдима!“ [1]). И Войнаровскій признается Миллеру, что жизнь его была полна живыхъ впечатлѣній—

Но зналъ и я когда то радость
И отъ души людей любилъ.
И полной чашею испилъ
Любви и тихой дружбы сладость.
...Бывало кони быстроноги
Въ степяхъ и дикихъ, и глухихъ,
Гдѣ нѣтъ жилья, гдѣ нѣтъ дороги,
Мчатъ вихремъ всадниковъ лихихъ.
И мы, какъ туча громовая,
Внезапно и изъ разныхъ странъ
Пустыню воплемъ оглашая,
На вражій наѣзжали станъ.
Дружины грозныя громили,
Селенія и грады—въ прахъ,
И въ земли чуждыя вносили
Опустошеніе и страхъ [2]).

Но рокъ, „какъ духъ враждующій“, всегда преслѣдовалъ Войнаровскаго: потерявъ все дорогое въ жизни—отечество, семью, друзей, онъ очутился въ вѣчной ссылкѣ, гдѣ долженъ былъ вести жизнь изгнанника въ безвѣстности и бездѣйствіи. Однако и въ Сибири Войнаровскій не теряетъ душевной бодрости и не хочетъ искать спасенія въ „смерти самовольной“:

---

[1]) Джяуръ, соч. л. Байрона, „Вѣстн. Европы“ 1821 г., ч. CXX, стр. 10—11, 15.

[2]) *Балицкій*, т. I, стр. 130—132.

Ты видишь самъ, какъ я страдаю,
Какъ жизнь въ изгнаньи тяжела;
Мнѣ-бъ смерть отрадою была,
Но жизнь и смерть я презираю... [1])

Кромѣ общаго характера героевъ, Рылѣевъ заимствовалъ отъ Байрона нѣсколько образовъ и картинъ для своихъ поэмъ. Такъ, напр., изображеніе смертной казни въ „Паризинѣ“ дало поводъ Рылѣеву разработать дважды этотъ мотивъ—въ „Войнаровскомъ“ и въ „Наливайкѣ“. Ближе къ байроновскому изображенію подходитъ картина смертной казни въ „Войнаровскомъ“, которая послужила образцомъ и Пушкину. Ср.:

„Паризина“ Байрона.	„Войнаровскій“ Рылѣева.
„Эшафотъ предъ нимъ: стража вокругъ, и палачъ съ обнаженными руками... пробуетъ остріе топора. Толпы увеличиваются; народъ стекается въ мрачномъ унынiи... Роковой топоръ упадаетъ. Голова катится на землю; окровавленное туловище отвалилось назадъ: кровь брызжетъ изо всѣхъ жилъ; глаза и зубы еще движутся... Мгновенное содроганіе остановило внутри сердецъ восклицанія скорби... Ничто не нарушало мертвой тишины, кромѣ удара сѣкиры“ [2]).	„Вотъ, вотъ они!... При нихъ палачъ!“ Онъ говорилъ, дрожа отъ страху. „Вотъ ихъ взвели уже на плаху, Кругомъ стенанія и плачъ... Готовъ ужъ исполнитель муки; Вотъ засучилъ онъ рукава, Вотъ взялъ уже сѣкиру въ руки... Вотъ покатилась голова... И вотъ другая! Всѣ трепещутъ! Смотри, какъ страшно очи блещутъ“ [3]).

[1]) Ibid., стр. 140.

[2]) „Паризина, историческое происшествіе изъ л. Байрона“, пер. Н. Бестужева. „Сор. Просв.“ 1822 г., ч. XVII стр. 304—307. Въ 1825 г. „Паризина“ извѣстна была и въ переводѣ И. А. Маркевича (См. „Нов. Лит.“ 1825 г., сент., примѣчаніе къ отрывкамъ этой поэмы: „Молодой поэтъ перевелъ всю сію небольшую, но трогательную поэму“. Въ полномъ видѣ переводъ появился позже, въ „Стихотвореніяхъ И. А. Маркевича“. Москва 1829).

[3]) *Балицкій*, т. I, стр. 137.

„Полтава“ Пушкина

Средь поля роковой помостъ.
На немъ гуляетъ веселится
Палачъ и алчно жертвы ждетъ:
То въ руки бѣлыя беретъ,
Играючи, топоръ тяжелой,
То шутитъ съ чернію веселой...
...И вотъ
Идутъ они, взошли. На плаху,
Крестясь, ложится Кочубей.
Какъ будто въ гробѣ, тмы людей
Молчатъ. Топоръ блеснулъ съ размаху,
И отскочила голова.
Все поле охнуло. Другая
Катится вслѣдъ за ней, мигая [1]).

Образъ освѣщеннаго огнями храма, съ сіяніемъ паникадилъ и курящимся ѳиміамомъ (см. „Паризину“ Байрона, „Соревн. Просв.“ 1822 г., ч. XVII), встрѣчается дважды и у Рылѣева—въ „Войнаровскомъ“ и „Наливайкѣ“:

Смотри: блеститъ свѣчами храмъ,
Съ кадильницъ вьется ѳиміамъ [2]).

—

Вотъ въ церкви онъ. Идетъ служенье;
Съ кадильницъ вьется ѳиміамъ,
Сребромъ и златомъ блещетъ храмъ [3]).

Картина бѣшеннаго бѣга лошади среди украинскихъ степей съ уставшимъ до изнеможенія путникомъ („Мазепа“ Байрона) послужила Рылѣеву образцомъ для нѣсколькихъ варіацій на ту же тему. Своимъ описаніямъ Рылѣевъ сообщилъ то же настроеніе быстроты, изнуренности и усталости, какое видно и въ поэмѣ Байрона. Подобное описаніе мы встрѣчаемъ и въ „Полтавѣ“ Пушкина.

---

[1]) *Пушкинъ*. Изд. Бр.-Ефр. т III, Спб. 1909, стр. 44.
[2]) *Балицкій*, т. I, стр. 137.
[3]) Ibid., стр. 145.

У Байрона это настроеніе быстроты создавалось постоянымъ повтореніемъ выраженій, въ родѣ слѣдующихъ: „мы летимъ; горные потоки не столь быстры, не столь стремительны... мы летимъ; во мнѣ едва держалось дыханіе... мчался конь мой... мчался гораздо быстрѣе, нежели какъ снѣгъ падаетъ передъ дверью земледѣльца... вездѣ пустыня и безмолвіе“...[1]).

У Рылѣева:

Почти безъ отдыха пять дней
Бѣжали мы среди степей.
...Уже измученные кони
Служить отказывались намъ.
Дрожа отъ стужи по ночамъ,
Изнемогая день отъ зноя,
Едва сидѣли мы верхомъ...
...Съ разсвѣтомъ дня мы снова въ путь
Помчались по степи унылой.
...Мы мчались, поднимая пыль.
Коней мы вовсе изнурили;
Страдалъ увѣнчанный бѣглецъ[2])

Въ „Полтавѣ“ Пушкина:

Верхомъ въ глуши степей нагихъ
Король и гетманъ мчатся оба.
Бѣгутъ. Судьба связала ихъ.
Опасность близкая и злоба
Даруютъ силу королю;
Онъ рану тяжкую свою
Забылъ. Поникнувъ головою,
Онъ скачетъ. русскими гонимъ;
И слуги вѣрные толпою
Чуть могутъ слѣдовать за нимъ.
...Съ нимъ старый гетманъ скачетъ рядомъ[3]).

Въ поэмѣ „Войнаровскій“ явленіе юной казачки умирающему въ степи воину совершается при тѣхъ же условіяхъ, что и въ произведеніи Байрона Ср.:

„Мазепа“ Байрона.

Конь мой съ тяжелымъ дыханіемъ, какъ бы незадолго передъ смертью, еще нѣсколько верстъ пробѣгаетъ и... издыхаетъ... Я остался въ отчаяніи, привязанный къ трупу несчастнаго товарища... мы оба

„Войнаровскій“ Рылѣева.

Погоню слыша за собой,
И раненный, и изнуренный
Я на конѣ летѣлъ стрѣлой...
...Уже я думалъ—вотъ примчался!
Какъ вдругъ мой изнуренный конь
Остановился, зашатался

---

[1]) „Мазепа“, изъ соч. л. Байрона, съ фр. К „Вѣсти Европы“ 1821 г., № 1, стр. 16, 20, 21, 26.

[2]) *Балицкій*, т. I, стр. 135, 136, 137.

[3]) *Пушкинъ*. Изд. Бр.-Ефр., т. III, Спб. 1909, стр. 52.

лежали на землѣ неподвижные, умирающій на умершемъ. Въ послѣдній разъ обративъ тускнѣющіе взоры свои къ небу, между солнцемъ и мною замѣтилъ я ворона, съ нетерпѣніемъ ожидающаго благопріятной поры, чтобы начать плотоядную свою работу. Онъ леталъ надъ нами, садился въ ближнемъ разстояніи, снова подымался... Движеніе руки моей... и умирающіе звуки, едва похожіе на голосъ человѣческій и съ усиліемъ выходившіе изъ моей гортани, все это вмѣстѣ нѣсколько пугало ворона и претило ему до насъ дотронуться. Что случилось послѣ, мнѣ неизвѣстно. Пробуждаюсь... гдѣ я? Въ самомъ ли дѣлѣ человѣческое лицо на меня смотритъ? Неужели взоръ смертнаго устремленъ на меня съ такою благодѣтельною кротостію? Молодая дѣвушка тонкаго стана, съ распущенными волосами, разсматривала меня. Придѣдъ въ себя, я былъ пораженъ блескомъ и живостію черныхъ, нѣсколько дикихъ очей ея, на мои устремленныхъ. И я, въ свою очередь, вперилъ въ нее взоръ свой... Юная казачка улыбнулась... и приложивъ перстъ къ губамъ своимъ, дала знать, чтобы я хранилъ молчаніе, пока возстановленныя силы не дозволятъ мнѣ изъясняться; потомъ она положила руку свою на мои руки, приподняла изголовье подо мною,

И близъ границъ страны родной
На землю грянулся со мной...
Одинъ, вблизи степной могилы,
Съ конемъ издохнувшимъ своимъ,
Подъ сводомъ неба голубымъ
Лежалъ я, мрачный и унылый.
Катился градомъ потъ съ чела,
Изъ раны кровь ручьемъ текла.
...Напрасно, помощь призывая,
Я слабый голосъ подавалъ:
Въ степи пустынной исчезая,
Едва родясь, онъ умиралъ.
...Я безъ движенія лежалъ;
Ужъ я, казалось, замиралъ;
Уже, заглядывая въ очи,
Надъ мною хищный вранъ, леталъ...
Вдругъ слышу шорохъ за курганомъ
И зрю: покрытая серпяномъ,
Казачка юная стоитъ,
Склоняясь робко надо мною,
И на меня съ нѣмой тоскою
И нѣжной жалостью глядитъ.
...Я помню сладость первой встрѣчи,
Я помню ласковыя рѣчи
И полный состраданья взоръ.
Я помню радость дѣвы нѣжной,
Когда страдалецъ безнадежный
Былъ подъ хранительную сѣнь
Снесенъ къ отцу ея въ курень.
Съ какой заботою ходила
Она за страждущимъ больнымъ;
Съ какимъ участіемъ живымъ
Мои желанія ловила.
Я всѣ утѣхи находилъ
Въ моей казачкѣ черноокой.
...Въ часы безсонницы моей

отошла отъ меня на концахъ пальцевъ... вышла изъ комнаты... возвратилась назадъ съ отцемъ своимъ и съ матерью[1]).

Она, приникнувъ къ изголовью.
Сидѣла съ тихою любовью
И не сводя съ меня очей...
Какъ часто нѣжно и привѣтно
На мнѣ прекрасный взоръ бродилъ[2]).

Изъ сравненія приведенныхъ отрывковъ видно, что образъ юной казачки, ея заботы, вниманіе и любовь къ израненному казаку навѣяны были Байрономъ; но въ дальнѣйшей разработкѣ этого женскаго типа обнаружилась оригинальность таланта Рылѣева: гражданская струя влилась и сюда Юная, черноокая казачка его не только обладала прекрасной внѣшностью и пылкимъ сердцемъ; она умѣла быть еще и гражданкой:

Съ какою страстію она,
Высокихъ помысловъ полна,
Свое отечество любила!
Съ какою живостью о немъ
Въ своемъ изгнаньи роковомъ,
Она со мною говорила!
...Неутолимая печаль
Ее тягча, снѣдала тайно;
Ея тоски не зналъ москаль;
Она ни разу и случайно
Врага страны своей родной
Порадовать не захотѣла
Ни тихимъ вздохомъ, ни слезой.
Она могла, она умѣла
Гражданкой и супругой быть.
И жаръ къ добру души прекрасной,
Въ укоръ судьбинѣ самовластной,
Въ самомъ страданьи сохранить[3]).

---

[1]) „Вѣстн. Европы" 1821 г., № 1, стр. 27—31. Этотъ сюжетъ—появленіе прекрасной дѣвушки изнуренному казаку, ея заботы о немъ и затѣмъ любовь къ нему—довольно распространенъ въ нашей литературѣ: см. его въ „Кавказскомъ Плѣнникѣ" Пушкина, въ „Чорной радѣ" П. Кулиша, отчасти въ поэмѣ Лермонтова „Мцыри".

[2]) *Балицкій*, т. I, стр. 132—133.

[3]) Ibid., стр. 140.

Узнавъ объ участа мужа, она пренебрегла всѣми опасностями и пошла искать его въ далекомъ изгнаніи—

О, странникъ! Тяжко было ей
Не раздѣлять со мной страданье! [1])

Подъ вліяніемъ чего сложился у Рылѣева такой блестящій образъ супруги-гражданки? Можетъ быть здѣсь отразились черты женъ тѣхъ декабристовъ—кн. Трубецкой и Волконской, которымъ вскорѣ послѣ 14 дек. 1825 г. пришлось раздѣлить участь казачки и пойти въ изгнаніе вслѣдъ за своими мужьями. Можетъ быть, зная доблестный ихъ характеръ, Рылѣевъ предчувствовалъ ихъ судьбу и такимъ образомъ намѣчалъ сюжетъ для „Русскихъ женщинъ“ Некрасова.

Байроновское вліяніе можно отчасти видѣть и въ отрывкѣ „Кіевъ“ (изъ поэмы „Наливайко“). Однимъ настроеніемъ—гражданской грустью по утраченной свободѣ вѣетъ отъ начала „Гяура“ и „Наливайки“. Байронъ груститъ при видѣ бѣдственнаго положенія нѣкогда могучей и свободной Греціи; то же испытываетъ и Рылѣевъ, вспоминая о пережитыхъ, славныхъ временахъ Кіева.—„Плачевенъ жребій страны, которую природа сотворила достойною быть обиталищемъ боговъ и которую щедро украсила дарами! Надобно ли, чтобъ истребитель-человѣкъ, угождая своей лишь волѣ, райскія мѣста сіи превратилъ въ дикую пустыню?... Въ такомъ состояніи счастливая страна грековъ... Это Греція, но Греція уже не живая... Она тѣло безъ души... Печальная красота ея представляетъ унылымъ взорамъ однѣ лишь могильныя краски: это послѣдній лучъ умирающаго сіянія, послѣдняя мысль исчезнувшаго чувства, искра огня небеснаго, еще свѣтящаяся, но уже не согрѣвающая любимой земли своей. Отечество храбрыхъ, которыхъ память пощажена столѣтіями! ...Страна, гдѣ и равнины полей, и пещеры горъ были убѣжищемъ свободы, или могилою славы! Священный храмъ геройства! Что осталось отъ твоего величія?“ [2])

---

[1]) Ibid., стр. 139.

[2]) „Джяуръ“, соч. л. Байрона. „В. Европы“ 1821 г., ч. CXIX, стр. 167—170.

У Рылѣева:

Едва возникнувшій изъ праха,
Съ полуразвѣнчаннымъ челомъ,
Добычей дерзостнаго ляха
Дряхлѣетъ Кіевъ надъ Днѣпромъ.
Какъ все измѣнчиво, непрочно!
Когда то роскошью восточной
Въ странѣ богатой онъ сіялъ;
Смотрѣлся въ Днѣпръ съ бреговъ высокихъ
И красотой изъ странъ далекихъ
Пришельцевъ чуждыхъ привлекалъ.
...Но ужъ давно, давно не видно
Богатствъ и славы прежнихъ дней;
Все Русь утратила постыдно
Междоусобіемъ князей:
Дворцы, сребро, врата златыя,
Толпы гражданъ, толпы дѣтей—
Все стало жертвою Батыя:
Но Гедиминъ нанесъ ударъ:
Прошло владычество татаръ!
На мигъ раздался гласъ свободы,
На мигъ воскреснули народы...
Но Кіевъ на степи глухой,
Дивить ужъ болѣ неспособный,
Стоитъ, какъ памятникъ надгробный,
Надъ угнетенною страной [1]).

Слѣдя за настроеніями своихъ героевъ, за ихъ внутренними переживаніями, Байронъ часто обращается къ внѣшнимъ признакамъ и съ ихъ помощью характеризуетъ извѣстное душевное состояніе. Такъ, напр., онъ указываетъ часто на „суровый, пронзительный взглядъ“, „черныя брови надъ огненными глазами“, „движеніе устъ“, „ледяную наружность“ и т. п.; нерѣдко при этомъ поэтъ обращается къ „челу“ и по его измѣненіямъ слѣдитъ за внутренней жизнью героевъ. „Несмотря на молодость твою и блѣдность, чело твое показываетъ слѣды страстей пламенныхъ... чело его нынѣ столь

[1]) *Балицкій*, т. I. стр. 142.

мрачно, столь угрюмо... улыбка рѣдко проясняетъ чело его" („Гяуръ" [1]); „широкое и блѣдное чело его осѣнялось густыми черными кудрями" („Корсаръ" [2]). Этотъ пріемъ обращенія къ челу хорошо былъ усвоенъ Рылѣевымъ; послѣдній часто пользовался имъ въ думахъ и поэмахъ [3]). См., напр.:

Въ думахъ [4]):

Страсти пылкія рисуются
На челѣ его младомъ.
(„Вадимъ").

Не разъясняли и забавы
Его угрюмое и мрачное чело.
(„Владиміръ Святой").

Въ немъ мрачныя кипѣли думы
И выражались на челѣ.
...Чела страдальца видъ суровый
Мрачнѣе сталъ отъ думы сей.
(„Б. Хмѣльницкій").

И блѣдный лучъ, блуждая по челу,
Въ очахъ страдальца страшно блещетъ.
(„Борисъ Годуновъ").

Вдругъ луны сребристый лучъ
На чело къ нему скатился.
(„Дим. Самозванецъ").

Увы! и радость не могла
Ее порадовать улыбкой,
И мрачность блѣднаго чела
Развеселить, хотя ошибкой.
(„Видѣніе имп. Анны").

Въ поэмахъ [5]):

И на челѣ его слегка
Тревожныя рисуетъ думы
Судьбы враждующей рука.
...И на челѣ бразды печали,
Какъ отпечатокъ тяжкихъ думъ,
Страдальцу видъ суровый дали.
...Лишь только мракомъ и тоской
Чело Мазепы обложилось...
...Съ его угрюмаго чела
Сбѣжало облако печали.
...Какъ мраморъ, лоснится чело.
(„Войнаровскій").

---

[1]) „Вѣстн. Европы" 1821 г., ч. CXIX, стр. 172, 164; ч. CXX, стр. 3, 6.

[2]) „Новости Литературы" 1825 г., кн. XIV, стр. 50.

[3]) Къ этому же пріему прибѣгалъ и Пушкинъ, а затѣмъ—Лермонтовъ. Ср.:

Таилъ въ молчаньи онъ глубокомъ
Движенья сердца своего,
И на челѣ его высокомъ
Не измѣнялось ничего.
(„Кавк. Плѣнникъ").

И гордый духъ
Презрительнымъ окинулъ окомъ
Творенья Бога своего,
И на челѣ его высокомъ
Не отразилось ничего.
(„Демонъ").

[4]) *Балицкій*, т. I, стр. 117, 74, 98, 99, 91, 93, 110.

[5]) Ibid. стр. 124, 129, 133, 134, 141, 149, 147.

Темнѣетъ на его челѣ
Какой то грѣхъ, какъ сумракъ ночи.
(„Гайдамакъ").

Что въ крупныхъ капляхъ упадаетъ —
Иль кровь, иль потъ съ его чела.
(„Наливайко").

Но онъ, но онъ еще не знаетъ,

Отмѣтимъ еще одну, хотя и внѣшнюю черту байроновскаго вліянія. Поэмѣ „Войнаровскій" Рылѣевъ предпослалъ посвященіе, гдѣ признавался А. А. Бестужеву въ дружескихъ чувствахъ; подобныя посвященія близкимъ друзьямъ дѣлалъ и Байронъ въ своихъ поэмахъ: отъ него этотъ пріемъ заимствовалъ Пушкинъ [1]) и И. Козловъ [2]).

Такимъ образомъ, Байронъ оказалъ очень замѣтное вліяніе на поэмы Рылѣева: онъ сообщилъ имъ особый лирическій характеръ, далъ матеріалъ для отдѣльныхъ образовъ и картинъ, оказавъ вмѣстѣ съ тѣмъ значительное вліяніе и на обрисовку характеровъ главныхъ героевъ [3]).

Однако Байронъ не былъ единственнымъ источникомъ для поэмъ Рылѣева; послѣдній привлекалъ для своей работы еще и другіе матеріалы. Такъ, напримѣръ, при изображеніи Сибири и ея жителей онъ пользовался тѣми свѣдѣніями, какія появлялись въ современныхъ журнальныхъ статьяхъ [4]); одна изъ нихъ, изданная незадолго передъ тѣмъ въ „Благонамѣренномъ", послужила источникомъ для начала поэмы; на непосредственное вліяніе указываетъ присутствіе въ отрывкѣ Рылѣева тѣхъ же мыслей, которыя мы видимъ и въ этой статьѣ. Ср.:

---

[1]) См. его посвященіе Н. Н. Раевскому въ „Кавказскомъ Плѣнникѣ".

[2]) См. посвященіе въ поэмѣ „Чернецъ".

[3]) Что касается думъ Рылѣева, въ нихъ вліяніе Байрона сказывается менѣе замѣтно: нѣкоторыя черты байронизма отмѣчены нами выше на стр. 192, 219, 222.

[4]) Въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ" въ отдѣлѣ этнографіи сообщалось не мало свѣдѣній о Сибири: „Краткія замѣчанія о ламутахъ, тунгусахъ и юкагирахъ" (1823 г., ч. III), „Якуты", „Описаніе города Енисейска" (1824 г., чч. III—IV); въ другихъ журналахъ также нерѣдко появлялись статьи, посвященныя Сибири: „Отрывки изъ замѣчаній о Сибири", „Путешествіе Миллера изъ Иркутска въ Нерчинскъ", „Путешествіе изъ Якутска къ Ледовитому океану" („Духъ Журналовъ" 1815 г., кн. 11; 1816 г., кн. 28—30, 36), „Біографія Миллера", „Общій взглядъ на Сибирь" („Сынъ Отеч." 1821 г., ч. LXX; 1823 г., ч. LXXXIII—LXXXV), „О Якутахъ" („Сѣв. Архивъ" 1822 г., ч. III).

Письмо изъ Якутска.

(„Благонамѣренный“ 1823 г., . XXIII, стр. 67—69).

„6 марта мы отправились изъ Иркутска въ Якутскъ. Спустились на рѣку Лену и ѣхали по ней до самаго Якутска. Величественная рѣка сія протекаетъ излучинами между скалъ и высокихъ горъ, покрытыхъ лѣсомъ. Въ началѣ теченія своего она не широка, но чѣмъ далѣе, тѣмъ становится шире. А подъ самымъ городомъ Якутскомъ разливается на семь верстъ.

За берегами ея живутъ Тунгусы и Якуты. Тунгусы ведутъ жизнь кочующую, не знаютъ хлѣбопашества и занимаются только звѣриною ловлею. Якуты имѣютъ постоянныя жилища... Приближаясь къ городу, (мы замѣтили) хижинки, далѣе видишь нѣсколько изрядныхъ домовъ и пять каменныхъ церквей... Городъ построенъ на открытомъ и болотистомъ мѣстоположеніи при рѣкѣ Ленѣ... Въ іюнѣ мѣсяцѣ бываетъ здѣсь ярмонка. Тунгусы и Якуты возвращаются въ это время съ звѣриныхъ промысловъ и мѣняютъ свои лисицы, соболи, бѣлки и оленьи кожи нашимъ купцамъ на разныя вещи и товары. *М. Я.* 1823, 25 марта“.

Якутскъ, отрывокъ изъ поэмы „Войнаровскій“.

(„Сынъ Отеч.“ 1824 г. ч. XCI, стр. 130—132).

Въ странѣ мятелей и снѣговъ,
На берегу широкой Лены,
Чернѣетъ длинный рядъ домовъ
И юртъ бревенчатыя стѣны.
Кругомъ сосновый частоколъ
Поднялся изъ снѣговъ глубокихъ,
И съ гордостью на дикій долъ
Глядятъ верхи церквей высокихъ.
Вдали шумитъ дремучій боръ,
Бѣлѣютъ снѣжныя равнины,
И тянутся кремнистыхъ горъ
Разнообразныя вершины.
Однообразно дни ведетъ
Якутска житель одичалой;
Лишь разъ иль дважды въ круглый годъ,

Съ толпой преступниковъ усталой,
Дружина воиновъ придетъ.
Иль за якутскими мѣхами,
Изъ ближнихъ и далекихъ странъ,
Приходитъ съ русскими купцами
Въ забытый городъ караванъ.
На мигъ въ то время оживится
Якутскъ унылый и глухой;
Все зашумитъ, засуетится,
Народы разные толпой:
Якутъ и юкагиръ пустынной,
Неся богатый свой ясакъ,
Лѣсной тунгузъ, и съ пикой длинной
Сибирскій строевой казакъ.

Помимо появлявшихся въ печати свѣдѣній о Сибири, Рылѣевъ пользовался еще и указаніями лицъ, лично знавшихъ эту „страну мятелей и снѣговъ". За такими справками онъ обращался къ барону В. И. Штейнгелю; послѣдній въ своихъ мемуарахъ вспоминаетъ, что на этой почвѣ произошло и ихъ взаимное знакомство. „Я пишу Войнаровскаго, говорилъ Рылѣевъ Штейнгелю,—сцена близъ Якутска, а вы какъ разъ были тамъ, то мнѣ хотѣлось попросить васъ прослушать то мѣсто поэмы и сказать, нѣтъ ли погрѣшностей противъ мѣстности" [1]).

Возможно, что и Г. С. Батеньковъ, хорошо знавшій Сибирь [2]), могъ дѣлиться своими впечатлѣніями съ Рылѣевымъ.

Историческія свѣдѣнія о жизни главнаго героя поэмы—Андрея Войнаровскаго Рылѣевъ почерпнулъ изъ „Исторіи Малой Россіи" Д. Бантышъ-Каменскаго, появившейся въ 1822 году непосредственно передъ созданіемъ поэмы (1823—1824 гг.). Вѣроятно, Бантышъ-Каменскій и натолкнулъ Рылѣева на мысль дать литературную об-

---

[1]) Записки барона В. И. Штейнгеля, см. „Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX в. Статьи и матеріалы". Составили: В. И. Семевскій, В. Богучарскій и П. Е. Щеголевъ Т. I, Спб. 1905, стр. 410.

[2]) Г. С. Батеньковъ родился въ Томскѣ въ 1793 г.; по окончаніи курса въ Тобольскомъ военно-сиротскомъ отдѣленіи былъ опредѣленъ во 2-ой кадетскій корпусъ въ Спб. (*В. И. Семевскій.* Полит. и общ. идеи декабристовъ. Спб. 1909, стр. 671).

работку сюжета о Войнаровскомъ: поэтъ имѣлъ подъ руками его „Исторію“ [1]), въ которой не разъ упоминается имя Войнаровскаго и сообщаются свѣдѣнія о его отношеніяхъ къ Мазепѣ, объ арестѣ, ссылкѣ въ Сибирь и встрѣчѣ тамъ съ русскимъ исторіографомъ Миллеромъ [2]). „Во время путешествія государя, пишетъ Бантышъ-Каменскій, арестованъ былъ по его приказанію, въ Гамбургѣ племянникъ Мазепы Войнаровскій. Сей молодой человѣкъ вездѣ жилъ роскошно и имѣлъ знакомство съ знатнѣйшими особами, въ томъ числѣ и съ графинею Кенигсмаркъ, любовницею короля Августа и матерью Морица Саксонскаго. Многіе, незнавшіе его происхожденія, называли его графомъ. Оставивъ турецкія владѣнія, онъ жилъ въ Вѣнѣ и Бреславлѣ; потомъ прибылъ въ Гамбургъ, откуда намѣревался ѣхать въ Швецію, для полученія отъ короля должныхъ ему денегъ. Государь, узнавъ въ Копенгагенѣ о мѣстѣ пребыванія Войнаровскаго, велѣлъ своему резиденту въ Гамбургѣ истребовать его отъ тамошняго магистрата. Войнаровскій взятъ подъ стражу на улицѣ 12 сентября 1716 г. и послѣ краткаго допроса препровожденъ въ Москву, откуда государь сослалъ его въ Сибирь, съ дозволеніемъ жить на свободѣ вмѣстѣ съ женою и дѣтьми. Извѣстный ученому свѣту исторіографъ Миллеръ въ 1736 и 1737 годахъ видѣлъ Войнаровскаго въ Якутскѣ, но уже одичавшаго и забывшаго языки и свѣтское обращеніе. (Миллеръ. Малороссійскія дѣла Кол. Архива Иностр. Дѣлъ 1723 г. № 50)“ [3]).

---

[1]) См. Ефр.[2], стр. 309.

[2]) См. „Исторію Малой Россіи“, изд. 1822 г., ч. III, стр 65, 84, 87, 104, 135, ч. IV, стр. 49.

[3]) Ibid., ч. IV, стр. 49. На основаніи „Исторіи Малой Россіи“ составлено было А. Бестужевымъ для поэмы Рылѣева „Жизнеописаніе Войнаровскаго“ Однако въ статьѣ его встрѣчаются нѣкоторыя подробности изъ жизни Войнаровскаго, о которыхъ не упоминаетъ Бантышъ-Каменскій. Это обстоятельство заставляетъ предполагать еще другіе источники, которыми пользовался Бестужевъ. Съ одной стороны, онъ могъ имѣть свѣдѣнія о Войнаровскомъ непосредственно изъ Миллеровскихъ бумагъ, хранящихся въ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ; эти свѣдѣнія могли доставлять знакомые ему и Рылѣеву „архивные юноши“ (Кошелевъ, А. И. Тургеневъ и др.); кромѣ того, А. О. Корниловичъ, авторъ приложеннаго къ поэмѣ „Жизнеописаніе Мазепы“, владѣвшій шведскимъ языкомъ и пользовавшійся шведскими источниками при изученіи Петровской эпохи (см. „Русскій Архивъ“ 1880 г., кн. III, стр. 299), могъ сообщать Бестужеву и Рылѣеву необходимый матеріалъ.—

Интересныя свѣдѣнія о Войнаровскомъ недавно отысканы были въ Стокгольмскомъ Государственномъ Архивѣ проф. Варшавскаго университета В. Н. Александренко; преждевременная смерть (18 іюля 1909 г.) помѣшала ему опу-

Эти свѣдѣнія и составили основу поэмы; нѣкоторыя отступленія въ ней—смерть на родинѣ дѣтей Войнаровскаго, странствованіе его супруги, романтическая кончина Войнаровскаго на могилѣ жены—не были заимствованы отъ Бантышъ-Каменскаго и явились плодомъ поэтической фантазіи Рылѣева. „Конецъ сего стихотворенія, писалъ по этому поводу П. Кеппенъ, не согласенъ съ исторіею, но онъ имѣетъ піетическое достоинство и напоминаетъ о трагической судьбѣ славнаго восточнаго пѣвца Фердусія“ [1].

Обратимся къ другому герою поэмы Рылѣева—къ Мазепѣ. Устами Войнаровскаго поэтъ даетъ блестящую характеристику этого гетмана: онъ говоритъ о немъ, какъ о великомъ патріотѣ, самоотверженно отстаивавшемъ свободу и независимость своей родины. Люди, близкіе къ Мазепѣ, глубоко привязаны къ нему, чтятъ въ немъ главу народа и цѣнятъ его патріотическія стремленія. Спасая отъ оковъ Украйну, Мазепа не жалѣетъ для нея ни своей жизни, ни чести; чтобы возвратить ей прежнюю свободу, онъ измѣняетъ Петру и переходитъ на сторону шведовъ. Полтавское пораженіе, какъ самъ онъ признается Войнаровскому, разрушило всѣ его идеалы.

Одно мгновенье все рѣшило,
Одно мгновенье погубило
На вѣкъ страны моей родной
Свободу, славу и покой...

Однако Мазепа не падаетъ духомъ и не теряетъ еще надежды спасти родину.

бликовать собранный матеріалъ; послѣдній переданъ теперь въ Кіевскую Коммиссію для разбора древнихъ актовъ и скоро появится въ одномъ изъ ея изданій. На ряду съ Войнаровскимъ В. Н. Александренко интересовался и личностью Мазепы; цѣлый рядъ цѣнныхъ свѣдѣній о немъ онъ нашелъ въ Королевскомъ Архивѣ въ Берлинѣ; особенно интереснымъ оказался дневникъ Сильтмана (рукопись нач. XVIII в., на нѣмецкомъ языкѣ), дающій оригинальное, симпатичное освѣщеніе личности Мазепы; въ дневникѣ масса подробностей объ Украйнѣ; сообщается, между прочимъ, о томъ, что жители Батурина очень радушно привѣтствовали Карла XII и когда онъ проходилъ со своими войсками мимо этого села, они поднесли ему въ даръ хлѣбъ, соль и яблоки. Дневника Сильтмана В. Н. Александренко не успѣлъ использовать, т. ч. всѣ эти свѣдѣнія до сихъ поръ остаются неизвлеченными изъ рукописи.

[1]) *П. Кеппенъ.* Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи. № II. Библіографическіе листы 1825 г. Спб. 1826, стр. 186.

Такъ, Войнаровскій, испытаю,
Покуда длится жизнь моя,
Всѣ способы и средства я,
Чтобы помочь родному краю.

Смерть Мазепы была тяжелой утратой для его сторонниковъ: вмѣстѣ съ нимъ они погребали „свободу родины своей“ [1]).

Подъ вліяніемъ какихъ условій сложилось у Рылѣева такое симпатичное отношеніе къ Мазепѣ? Русскіе историки (Голиковъ, Ѳ. Прокоповичъ), малороссійскіе лѣтописцы (Величко, Грабянка), а вслѣдъ за ними и Бантышъ-Каменскій сохранили намъ самый непривлекательный образъ этого гетмана: всѣ они смотрятъ на него, какъ на измѣнника, который изъ личныхъ, честолюбивыхъ разсчетовъ отложился отъ Петра и перешелъ на сторону шведовъ.

Сурово отнеслась къ Мазепѣ и народная поэзія. Русскія пѣсни представляютъ его „предателемъ государя и вѣры“, роющимъ вмѣстѣ

---

[1]) *Балицкій*, т. I, стр. 136. 138; см. выше, стр. 40—41. Картина похоронъ Мазепы изображена въ поэмѣ яркими красками; въ этомъ случаѣ на Рылѣева могъ оказать вліяніе Бантышъ-Каменскій, который очень живо описалъ этотъ эпизодъ въ своей „Исторіи“. Стилистическихъ совпаденій и общихъ фактическихъ подробностей, указывающихъ на непосредственную зависимость, здѣсь мы не замѣчаемъ; но общій тонъ торжественной и грустной обстановки роднитъ стихи Рылѣева съ соотвѣтствующимъ описаніемъ Бантышъ-Каменскаго. Ср.: „Исторія Малой Россіи“ (ч. IV, Москва 1822, стр. 25): (Мазепа) умеръ въ Бендерахъ 22 сентября 1709 года... 24 сентября происходило погребеніе его. Впереди шли музыканты, игравшіе печальный маршъ; за ними одинъ штабъ-офицеръ несъ гетманскую булаву, украшенную драгоцѣнными камнями и жемчугомъ; нѣсколько казаковъ съ обнаженными саблями окружили дровни, запряженныя въ шесть бѣлыхъ лошадей; за гробомъ слѣдовали многія казачки, заглушавшія музыку сильными рыданіями, и старшины. Рядовые съ опущенными знаменами и опущенными внизъ ружьями оканчивали сіе шествіе“.

Въ поэмѣ Рылѣева:

... Въ Бендеры къ туркамъ мы вступили.
... День грустныхъ похоронъ насталъ!
Самъ Карлъ, и мрачный, и унылый,
Вождя Украйны до могилы
Съ дружиной шведовъ провожалъ.
Казакъ и шведъ равно рыдали,
Я шелъ, какъ тѣнь, въ кругу друзей.

(*Балицкій*, т. I, стр. 138).

съ Карломъ XII „подъ царемъ на погибель нору“ [1]); малорусское народное творчество также не оставило безъ вниманія личности Мазепы: отношенія его къ Петру I, Кочубею, Искрѣ и Палѣю, пораженіе подъ Полтавой, бѣгство въ Бендеры и смерть сдѣлались любимими темами украинской поэзіи. Народъ въ массѣ не любилъ Мазепу и, не видя въ немъ защитника своихъ интересовъ, относясь подозрительно къ его польскимъ симпатіямъ, жестоко осудилъ его дѣятельность: съ переходомъ Мазепы на сторону шведовъ малорусское населеніе ассоціировало не только измѣну Петру I, но и измѣну всей православной церкви. „Песъ проклятый Мазепа“, по словамъ народной пѣсни, собирается „царя одступаты, въ пень Москву рубаты, ще й самъ на столици царемъ царюваты“ [2]). Для достиженія своей цѣли онъ не останавливается ни предъ чѣмъ и сметаетъ все, что стоитъ ему на пути:

Искру и Кочубея
Безневинно самъ зъ сёго свита зогнавъ,
Семена Палія на Сибиръ завдавъ [3]).

Вмѣстѣ съ Карломъ послѣ полтавскаго пораженія Мазепа бѣжитъ „на той бикъ Днѣпра“, спасаясь къ туркамъ въ Бендеры

Кажуть люди, у городи, у Бендери
Чого-сь смутно стало:
Чи то того, що Йвана Мазепу
Лихо доконало?...
Ой то того, що Мазепина слава
Марно пропала.
Якъ его тило басурманьске у Бендери
Земля при(ни)мала [4]).

Такъ же, какъ и въ народной поэзіи, сюжетъ о Мазепѣ разработанъ былъ и въ нашей литературѣ. Кантыі, слагавшіяся на югѣ и сѣверо-западѣ Россіи, даютъ рѣзкую его характеристику: „ковар-

---

[1]) Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ. Выпускъ 8, Москва 1870, стр. 173—174.

[2]) Ibid., стр. 178—179.

[3]) Ibid., стр. 190.

[4]) Ibid., стр. 201—202.

наго Мазепу“ онѣ уподобляютъ Авессалому, считаютъ его „ядовитой ехидной“, лицемѣромъ, который измѣной своей, „мыслитъ Вкраину згубити“ [1]). Въ одной кантѣ встрѣчаемъ, напр., такой отзывъ:

... „Изми мя, Боже!“—вопіетъ Россія, —
„Отъ ядовита и лукава змія,
Его же издаша адскіе заклепы—
Бывшаго вождя, Ивашка Мазепы“.
... Горѣ прокляту тебѣ лицемѣру!
Како смѣлъ еси измѣнити вѣру...
... Горе ти, горе злобы исполненну!
Подобенъ еси гробу повапленну!
Иже очесамъ является красенъ,
Внутрь же ядовитымъ чревіемъ ужасенъ [2]).

Рѣзко отзывается о Мазепѣ и Ѳеофанъ Прокоповичъ въ „Епиникіонѣ на преславную побѣду Полтавскую“; Стефанъ Яворскій написалъ по поводу его измѣны цѣлое стихотвореніе подъ заглавіемъ: „In vituperium Mazepae“ [3]). Враждебное отношеніе къ гетману мы замѣчаемъ и въ произведеніяхъ нач. XIX-го в.—въ поэмахъ Р. Сладковскаго („Петръ Великій. героическая поэма въ VI пѣсняхъ“. Въ Спб. 1803 г.), кн. С. Шихматова („Петръ Великій, лирическое пѣснопѣніе въ 8 пѣсняхъ“. Спб. 1810) и А. Грузинцева („Петріяда, поэма епическая“. Спб. 1812). Одинъ изъ этихъ писателей, характеризуя Мазепу, прибѣгаетъ къ такому сравненію:

Какъ гробъ повапленный снаружи позлащенъ
Художника рукой искусно испещренъ,
Внутри же смрада полнъ, костей и жилъ гніющихъ,
И тамъ же ползаетъ червей полкъ трупъ тотъ жрущихъ,
Се образъ изверга! Онъ почернѣлъ душой,
Онъ въ сердцѣ носитъ адъ. ждетъ участи своей.
Измѣнникъ! Надъ тобой гнѣвъ Божескій зіяетъ,
Надменнымъ замысламъ конецъ опредѣляетъ [4]).

---

[1]) Ibid., стр. 246. 249, 251.
[2]) Ibid., стр. 245, 246, 248.
[3]) См. „Кіев. Стар.“ 1885 г., сентябрь, стр. 173 и сл.
[4]) *Р. Сладковскій.* Петръ Великій... Въ Спб. 1803 г., стр. 35.

Кн. Шихматовъ по силѣ своего негодованія далеко превзошелъ Сладковскаго: смерть „злодѣя“ Мазепы не успокаиваетъ его, и онъ съ паѳосомъ восклицаетъ во слѣдъ отлетающей душѣ измѣнника:

Познаетъ позднее потомство,
Какъ жизнь, отечество любя,
Твое предъ онымъ вѣроломство,
И клятвой проклянетъ тебя!
Возсѣтуетъ твоя отчизна,
Что въ ней пріялъ ты бытіе:
И имя гнусное твое
Злодѣямъ будетъ укоризна.
Измѣнникъ слову Божества,
Измѣнникъ долгу человѣка,
Отъ рода въ родъ и родъ до вѣка
Ты будешь срамомъ естества! [1]).

Такимъ образомъ, въ народной поэзіи и въ литературѣ личность Мазепы является далеко не въ такомъ освѣщеніи, въ какомъ изображена она въ поэмѣ Рылѣева; послѣдній, какъ мы видѣли, отрѣшился отъ обычной точки зрѣнія и представилъ Мазепу великимъ патріотомъ, всецѣло занятымъ судьбами своей родины. Чтобы нарисовать такой образъ гетмана, Рылѣевъ долженъ былъ имѣть какія либо основанія; иначе онъ не сталъ бы надѣлять завѣдомо извѣстнаго злодѣя и клятвопреступника столь благородными гражданскими чувствами: этотъ пріемъ противорѣчилъ бы искренности, отличавшей всю его поэзію.

Такая реальная почва для возникновенія симпатичнаго отношенія къ Мазепѣ существовала; ее поэтъ *могъ* найти въ средѣ польскаго общества и *несомнѣнно нашелъ* въ кругу украинской интеллигенціи.

Поляки очень дружелюбно настроены были къ Мазепѣ и видѣли въ немъ борца за независимость Малороссіи. Польскій историкъ Залусскій прославлялъ великость души Мазепы [2]), поэтъ польско-украинской школы Т. Падурра считалъ его, „величайшимъ,

[1]) См. „Сынъ Отечества“ 1825 г., ч. CII, стр. 381—382.

[2]) *Д. Бантышъ-Каменскій.* Исторія Малой Россіи. ч. IV. Москва 1822, стр. 25.

хотя и несчастнымъ героемъ Украйны"; свое первое стихотворенiе— „Lyrnyk" (1824 г.) онъ посвятилъ „Tiniam Iwana Mazepy, het'mana zadniprowskoho" [1]). Позже, въ 1828 г., посѣтивъ Батуринъ, Падурра написалъ думу „Mazepa", гдѣ въ такихъ прочувствованныхъ словахъ отзывался о любимомъ гетманѣ:

Dowhożto iszcze bude mołytwoju w dzwonach
Pidkuplanyj ofyrnyk czestne imja klaty?...
I na wiry znëwahu pry tajni w pokłonach
Nëwiłnikam nużdennym cara pomynaty?
Pryjde czas, koły w świti prawdy sud nastane,
Wtohdi posoch i kryłas w jiduij szczeznut pliśni;
A na hrib twij w bezludi, Mazepo het'mane,
Wznese anheł narodiw kadyła i piśni! [2]).

Падурра съ его идеалистическими представленiями о Мазепѣ могъ оказать извѣстное влiянiе и на Рылѣева; съ послѣднимъ польскiй поэтъ могъ встрѣчаться на Украйнѣ, гдѣ онъ въ одеждѣ простого лирника исходилъ много областей, стараясь вездѣ возбудить энтузiазмъ къ прошлой вольной жизни казачества и внушить ненависть къ русскому правительству. Падурра идеализировалъ прошлое и вѣрилъ, что казачество въ единенiи съ поляками наслаждалось наибольшею славою и благоденствiемъ; онъ тосковалъ о томъ времени, когда казакъ „z wieków nie znał pana". когда казаки вмѣстѣ съ поляками

Z wika wilni i swawilni
Në puskały szabel z ruki...
... Myżto carstwa, hospodarstwa
Roskydały z pid kopyt [3]).

---

[1]) Piśma Tumka Padurry, Lwiw 1874, str. XXX, 7, 9. Кромѣ Падурры, личностью Мазепы интересовался и другой поэтъ польско-украинской школы Б. Залескiй; онъ написалъ „Dumkę Mazepy", гдѣ изобразилъ бѣгство Мазепы отъ двора польскаго вельможи къ войскамъ Б. Хмельницкаго, размышленiя его о борьбѣ съ поляками и мечты о гетманскомъ урядѣ. („Poezye J'józefa Zaleskiego", t. I, Petersburg 1851, str. 119—124).

[2]) Piśma T. Padurry, str. 147.

[3]) *Н. П. Дашкевичъ.* Отзывъ о сочиненiи г. Петрова: „Очерки исторiи украинской литературы XIX ст.". Отчетъ о 29 присужденiи наградъ гр. Уварова. Спб. 1888, стр. 194. Подобные мотивы идеализацiи встрѣчаются и у

Надѣясь, что это время еще вернется. Падурра такъ заключалъ свою украинку „Чорноморець“:

Wolnych wnuki złuczim ruky,
A syła wse zmoże!
J werne włast, i sławu dast'
Wilne Zaporoże!
... Czas ożyty! Czas zbudyty
Naszych diiw twerdyj son! [1]).

Падурра входилъ также въ число польскихъ заговорщиковъ, совѣщавшихся съ декабристами; и на этой почвѣ могло произойти знакомство его съ Рылѣевымъ [2]).

Однако, если польское вліяніе на изображеніе Мазепы въ поэмѣ Рылѣева является лишь возможнымъ, то несомнѣннымъ въ этомъ случаѣ было другое вліяніе—украинской интеллигентной среды. Несмотря на то, что въ широкихъ массахъ малорусскаго населенія личность Мазепы не пользовалась популярностью и имя его употребляли часто, какъ бранное слово [3]), на Украйнѣ были лица, которыя иначе относились къ Мазепѣ и время его гетманства считали счастливымъ временемъ

Рылѣева въ поэмѣ „Наливайко“: герой этой поэмы, вспоминая „незабвенную старину“, говоритъ на исповѣди печерскому схимнику:

— Тогда объятый низкимъ страхомъ,
Никто не рабствовалъ предъ ляхомъ;
Никто дней жалкихъ не влачилъ
Подъ игомъ тяжкимъ и безславнымъ:
Казакъ въ союзѣ съ ляхомъ былъ,
Какъ вольный съ вольнымъ, равный съ равнымъ.

(*Бѣлицкій*, т. I, стр. 146).

[1]) *Н. П. Дашкевичъ*, указ. соч., стр. 191.

[2]) Ibid., стр. 193.

[3]) „Нѣтъ для нихъ (малороссіянъ) ничего ужаснѣе, какъ имя Мазепы. Они забываютъ себя отъ ярости при семъ ругательствѣ“. (*Левшинъ*. Письма изъ Малороссіи, Харьковъ 1816, стр. 65—66). У Рылѣева въ поэмѣ казаки извѣщаютъ гетмана:

Тебя жъ, Мазепа, какъ Іуду,
Клянутъ украинцы повсюду...
... И имя славное твое
Теперь и брань и поношенье.

(*Бѣлицкій*, т. I, стр. 126).

для Малороссіи. „Добре було житье за Мазепой—чтобъ кости его святились", читаемъ мы въ одномъ документѣ (1752 г.), случайно уцѣлѣвшемъ въ архивѣ Харьковской духовной консисторіи [1]).

Украинское дворянство, бывшая казацкая старшина, съ большой симпатіей относилась къ Мазепѣ, видя въ немъ защитника своихъ интересовъ. Въ то время, какъ простонародье презирало „пса проклятого Мазепу", высшіе слои украинскаго общества любили этого гетмана и связывали съ нимъ воспоминанія о лучшихъ дняхъ своего существованія. Указаніе на такое отношеніе къ Мазепѣ мы находимъ въ дневникѣ М. П. Погодина, который подъ 3 іюня 1821 года между прочимъ передаетъ свой разговоръ съ Шираемъ, представителемъ извѣстной на Украйнѣ фамиліи: „Бесѣдовали о родинѣ Ширая, Малороссіи. Теперь у нихъ не осталось и тѣни прежнихъ правъ. Малороссы называютъ себя истинными россіянами, прочихъ—москалями. *Мазепу любятъ*" [2]).

Авторъ „Исторіи Руссовъ", также расположенъ былъ къ Мазепѣ и въ своемъ трудѣ очень мягко отзывался объ этомъ гетманѣ. Отмѣчая въ немъ „храбрость и предпріимчивость", историкъ указываетъ, что король шведскій почиталъ Мазепу „за его превосходный разумъ и здравое разсужденіе о великодушіи въ несчастіяхъ" [3]); религіозность Мазепы не ускользнула отъ его вниманія. „Мазепа, говоритъ онъ, какъ всѣмъ извѣстно, бывъ христіанинъ, отмѣнно набожный, воздвигнувшій на свой коштъ многіе монастыри и церкви, почиталъ за смертный грѣхъ проливать кровь своихъ соотчичей и одновѣрцевъ, и исполнялъ то съ рѣшительною твердостію, не преклоняясь ни на какія убѣжденія. А потому никто не докажетъ, чтобъ сіи его войска причастны были хотя одному убійству надъ россіянами" [4]). Біографію Мазепы историкъ заключаетъ поэтическимъ преданіемъ, которое съ большимъ участіемъ говоритъ о гетманѣ и явно сочувствуетъ его дѣлу: „О смерти Мазепиной то замѣчанія достойно, что онъ предъ самою кончиною своею велѣлъ къ себѣ подать ларчикъ съ бумагами и оныя при себѣ сжегъ,

---

[1]) См. „Миръ" 1881 г., декабрь, стр. 409—410.

[2]) *Н. Барсуковъ.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. I, Спб. 1888, стр. 153.

[3]) Исторія Руссовъ, или Малой Россіи. Сочиненіе Георгія Конискаго Москва 1846, стр. 184, 217.

[4]) Ibid., стр. 215.

сказавъ предстоящимъ: ,,Пусть одинъ я буду несчастливъ, а не многіе, такіе патріоты, о которыхъ враги мои, можетъ быть, и не думали, или и думать не смѣли: но судьба жестокая все разрушила на неизвѣстный конецъ!'' [1]).

Симпатично былъ настроенъ къ Мазепѣ и упомянутый выше Н. А. Маркевичъ; въ письмѣ къ Рылѣеву въ 1825 году, онъ указывалъ, что въ кругу его соотечественниковъ не исчезла еще память о національныхъ ихъ герояхъ: ,,Мы не потеряли еще изъ виду, писалъ онъ, дѣяній великихъ мужей малороссіянъ, во многихъ сердцахъ не уменьшилась прежняя сила чувствъ и преданность къ отчизнѣ. Вы еще найдете живымъ у насъ *духъ Полуботка*'' [2]). Несомнѣнно, къ этимъ ,,великимъ мужамъ'' Маркевичъ относилъ и Мазепу; иначе врядъ ли бы онъ сталъ благодарить Рылѣева за прославленіе національныхъ героевъ въ поэмѣ ,,Войнаровскій'', въ которой такъ ярко изображенъ горячій украинскій патріотъ Мазепа и исполнитель его замысловъ—Андрей Войнаровскій. Позже, издавая свою ,,Исторію Малороссіи'', Маркевичъ не преминулъ отмѣтить, что К. Разумовскій только Мазепу считалъ ,,послѣднимъ'' гетманомъ [3]).

Такое сочувственное отношеніе къ Мазепѣ въ интеллигентныхъ кругахъ украинскаго общества имѣетъ свои основанія. Мазепа отстаивалъ интересы высшихъ классовъ; будучи воспитанъ въ польскихъ обычаяхъ и считая польское государственное устройство наилучшимъ [4]), онъ стремился и на Украйнѣ насаждать шляхетскіе порядки, отъ которыхъ выигрывала только казацкая старшина, превратившаяся затѣмъ въ украинское дворянство. Не удивительно, поэтому, что въ средѣ этого дворянства ко времени Рылѣева сохранилось симпатичное отношеніе къ Мазепѣ; съ нимъ ассоціировался образъ защитника казацкихъ правъ и вольностей отъ посягательствъ русскаго правительства—тотъ образъ, который мы видимъ въ поэмѣ Рылѣева.

---

[1]) Ibid., стр. 217.

[2]) См. выше стр. 264.

[3]) *Н. Маркевичъ.* Исторія Малороссіи. т. II, Москва 1842, стр. 633.

[4]) См. по этому поводу статью *А. И. Маркевича*: „Южная Россія при Петрѣ Великомъ" („Одесскій Вѣстникъ" 1891 г., № 72).

Первоначально поэтъ, повидимому, держался противоположнаго взгляда на Мазепу: въ думѣ „Петръ Великій въ Острогожскѣ" (1823 г.), онъ относится къ нему подозрительно, называетъ „свирѣпымъ вождемъ" и упрекаетъ, какъ этотъ гетманъ „смѣлъ клясться въ искренности" Петру I [1]). Недружелюбное отношеніе видно и въ нѣкоторыхъ черновыхъ набросках и планахъ Рылѣева [2]); но постепенно, подъ вліяніемъ близкаго общенія съ украинской интеллигенціей, эта точка зрѣнія на Мазепу стала смѣняться, и послѣдній изъ „хитраго и властолюбиваго лицемѣра" превратился въ глазахъ Рылѣева въ искренняго патріота и защитника свободы своей родины.

Кромѣ „Войнаровскаго", сюжетъ о Мазепѣ Рылѣевъ пытался разработать въ отдѣльной поэмѣ, отъ которой сохранилось только два отрывка: „Палѣй" и „Пѣсня сторонниковъ Мазепы": послѣдняя написана была подъ вліяніемъ стихотворенія Мазепы, изданнаго Д. Бантышъ-Каменскимъ въ приложеніяхъ къ „Исторіи Малой Россіи". Одно настроеніе—призывъ къ битвѣ — проникаетъ думу Мазепы и стихи Рылѣева; кромѣ того, и въ томъ и въ другомъ произведеніи высказывается желаніе, чтобы молва широко разнесла по свѣту вѣсть, что чрезъ „шаблю" („мечъ" у Рылѣева) казакъ пріобрѣлъ себѣ права. Ср.:

Дума гетмана Мазепы.

... Я самъ бѣдный не здолаю,
Хиба тилько заволаю:
Ей панове, енералы,
Чому жъ есте такъ оспали?
И вы панство, полковники,
Безъ жаднои полѣтики
Озмѣтеся всѣ за руки,
Не допустить горкой муки
Матцѣ своей болшъ терпѣти;
Нуте враговъ, нуте бити!
Самопалы набувайте,
Острыхъ шабель добувайте,

Пѣсня сторонниковъ Мазепы.

Съ *самопаломъ* и булатомъ,
Съ пылкой храбростью въ сердцахъ,
Смѣло, други, братъ за братомъ,
На лихихъ своихъ коняхъ!
Смѣло грянемъ за свободу,
Оградивъ себя крестомъ,—
Возвратимъ права народу
Иль со славою умремъ!
Пусть гремящей, быстрой славой
Разнесетъ вездѣ молва,

[1]) *Балицкій*, т. I, стр. 105.
[2]) Ibid., т. II, стр. 85, 87.

А за вѣру хочъ умрите.
И вольностей боронте.
Нехай вѣчна буде слава,
Же презъ шаблю маемъ права[1]).

Что мечомъ въ битвѣ кровавой
Пріобрѣлъ казакъ права!
Смѣло, други, въ бой свирѣпый!
Жаждетъ битвы вѣрный конь...
Смѣло, дружно за Мазепой—
На мечи и на огонь![2]).

На ряду съ Мазепой Рылѣевъ интересовался и другими героями, игравшими видную роль въ исторіи Малороссіи: Наливайкѣ и Б. Хмѣльницкому онъ посвятилъ отдѣльныя поэмы, которыя, впрочемъ, не успѣлъ закончить. Сюжетъ о Наливайкѣ онъ разработалъ въ 9 отрывкахъ и три изъ нихъ—„Кіевъ", „Смерть Чигиринскаго старосты" и „Исповѣдь Наливайки" помѣстилъ въ „Полярной Звѣздѣ на 1825 г.": остальные отрывки не были изданы при жизни Рылѣева; долгое время они хранились среди его автографовъ въ собраніи бумагъ А. И. Ивановскаго, пока В. Е. Якушкинъ не опубликовалъ ихъ въ „Вѣстникѣ Европы" (1888 г., № 12)[3]). Въ коллекціи Ивановскаго сохранилась также программа поэмы, изъ которой видно, что Рылѣевъ собирался описать здѣсь возстаніе и борьбу угнетенныхъ казаковъ за свою вѣру и свободу въ концѣ XVI в. Центральной фигурой является при этомъ малороссійскій гетманъ Наливайко, который, какъ говоритъ Рылѣевъ, „рѣшается освободить отечество отъ ляховъ, поправшихъ святость договоровъ презрѣніемъ къ правамъ казаковъ и чистоту вѣры мучительнымъ введеніемъ уніи"[4]). Въ написанныхъ отрывкахъ Рылѣевъ успѣлъ затронуть только начальный періодъ казацкаго возстанія; вторая часть поэмы, въ которой согласно программѣ предполагалось описать сраженіе Наливайки съ войсками Жолкевскаго, прибытіе Наливайки и Лободы для переговоровъ въ Варшаву, заключеніе ихъ въ темницу и казнь, осталась невыполненной.

Историческія свѣдѣнія для поэмы Рылѣевъ заимствовалъ, повидимому, изъ „Исторіи Руссовъ", которую какъ разъ въ это время пересылалъ ему въ отрывкахъ А. Ѳ. фонъ-деръ Бриггенъ[5]). „Исто-

---

[1]) „Исторія Малой Россіи", ч. III, Москва 1822, стр. 197—198.
[2]) *Балицкій*, т. I, стр. 151.
[3]) См. выше, стр. 26.
[4]) *Балицкій*, т. I, стр. 145.
[5]) См. ниже, Приложенія, стр. 97—98.

рія Малой Россіи“ Д. Бантышъ-Каменскаго, „Краткая Лѣтопись Малой Россіи“ Рубана (Спб. 1777) и „Лѣтописецъ Малороссійскій“ Ѳ. Туманскаго („Россійскій Магазинъ“ 1793 г.) даютъ слишкомъ скудныя свѣдѣнія о Наливайкѣ и врядъ ли они могли заинтересовать Рылѣева и натолкнуть его на мысль приняться за литературную обработку этого сюжета. Между тѣмъ „Исторія Руссовъ“ яркими штрихами обрисовываетъ личность Наливайки и очень живо передаетъ угнетенное состояніе Малороссіи въ эпоху польскаго владычества наканунѣ казацкихъ волненій; здѣсь же описано и сраженіе Наливайки съ коронным гетманомъ Жолкевскимъ при рѣчкѣ Тясминѣ подъ Чигриномъ—то сраженіе, которое предполагалъ ввести въ свою поэму и Рылѣевъ и о которомъ онъ упоминаетъ въ отрывкѣ „Лагери поляковъ и казаковъ“, описывая здѣсь настроеніе воюющихъ сторонъ наканунѣ рокового боя [1]).

Для поэмы „Хмѣльницкій“ Рылѣевъ написалъ только одинъ отрывокъ, который и издалъ въ „Соревнователѣ Просвѣщенія“ подъ заглавіемъ „Гайдамакъ“ [2]). Всю поэму поэтъ предполагалъ выпустить въ 6 пѣсняхъ и сообщалъ по этому поводу Пушкину: „Очень радъ, что Войнаровскій понравился тебѣ. Въ этомъ же родѣ я началъ Наливайку и составляю планъ для Хмѣльницкаго; послѣдняго хочу сдѣлать въ 6 пѣсняхъ: иначе не все выскажешь“ [3]).

Близкіе друзья Рылѣева возлагали на эту поэму большія надежды: Н. Бестужевъ въ своихъ мемуарахъ отмѣчаетъ, что „Хмѣльницкій“, хотя былъ еще, „такъ сказать, въ пеленкахъ, но рожденіе его обѣщало впереди возмужалость таланта“ [4]).

Съ большимъ интересомъ встрѣчены были и отрывки изъ поэмы „Наливайко“: въ литературныхъ кругахъ высказывались о нихъ очень лестные отзывы. „Отрывки изъ поэмы Наливайко, сочиненіе г. Рылѣева, писалъ Д. Р. К. въ „Сынѣ Отечества“, „опредѣляютъ мѣру его дарованія и возбуждаютъ пламенное желаніе, чтобы сія поэма скорѣе вышла въ свѣтъ. Въ описаніи „Смерти Чигиринскаго старосты“ находятся такія подробности единоборства, такая быстрота въ разсказѣ, такая пылкость въ движеніи, что это мѣсто безспорно

---

[1]) См. о Наливайкѣ въ „Исторіи Руссовъ...“ (Москва, 1846), стр. 35—40.

[2]) „Соревн. Просвѣщенія“ 1825 г., ч. XXX.

[3]) *Балицкій*, т. II, стр. 147—148.

[4]) *Н. Бестужевъ*. Воспоминанія о К. Ѳ. Рылѣевѣ. *Балицкій*, т. I, стр. 35.

могло бы украсить лучшую изъ эпическихъ поэмъ. „Описаніе Кіева“ можно назвать исторической панорамой мѣстности. Поэтъ въ тѣсныхъ рамкахъ представилъ все прежнее его величіе, всю красоту и богатство древняго русскаго града и все его униженіе подъ игомъ чуждыхъ властителей. Но самая цвѣтистая вѣтвь въ стяжанномъ авторомъ вѣнцѣ есть „Исповѣдь Наливайки“. Здѣсь видишь отпечатокъ души великой, непреклонной, воспламененной любовью къ родинѣ. Наливайко мыслитъ, какъ герой, говоритъ, какъ неукротимый сынъ природы, чувствуетъ, какъ человѣкъ, не рожденный пресмыкаться подъ игомъ иноплеменныхъ. Общій голосъ читающей публики согласно подтвердилъ мнѣніе мое на счетъ отрывковъ изъ поэмы „Наливайко“ [1]).

„Московскій Телеграфъ“ по этому же поводу писалъ: „сильныя мысли и правильные, чистые стихи составляютъ достоинство особенно одного изъ сихъ отрывковъ „Исповѣдь Наливайки“ [2]). Пушкинъ въ изданныхъ отрывкахъ поэмы выдѣлялъ „Смерть Чигиринскаго старосты“, какъ наиболѣе художественное произведеніе. Гражданскій паоосъ „Исповѣди“ его мало трогалъ, и онъ находилъ весь отрывокъ растянутымъ. „Объ исповѣди Наливайки, писалъ онъ Рылѣеву, скажу, что мудрено что-нибудь у насъ напечатать истинно хорошаго въ этомъ родѣ. Нахожу отрывокъ этотъ растянутымъ, но и тутъ, конечно, наложилъ ты свою печать“ [3]).

Рылѣевъ не могъ согласиться съ такой оцѣнкой: „Исповѣдь Наливайки“ была для него особенно дорога, такъ какъ здѣсь вылились всѣ его задушевныя стремленія—готовность жертвовать жизнью и личнымъ счастьемъ во имя блага родины. Рылѣева удивило и то, что Пушкинъ въ бесѣдѣ съ Дельвигомъ не обмолвился ни словомъ по поводу этого отрывка. „Ты ни слова не говоришь о Исповѣди Наливайки, писалъ онъ Пушкину, а я ею гораздо болѣе доволенъ, нежели Смертью Чигиринскаго старосты, которая такъ тебѣ понравилась. Въ Исповѣди—мысли, чувства, истина; словомъ, гораздо болѣе дѣльнаго, чѣмъ въ описаніи удальства Наливайки, хотя, наоборотъ, въ удальствѣ болѣе дѣла“ [4]).

---

[1]) *Д. Р. К.* Четвертое письмо на Кавказъ. „Сынъ Отеч.“ 1825 г., ч. CI. стр. 197—198.

[2]) „Московскій Телеграфъ“ 1825 г., ч. II, стр. 328.

[3]) Сочиненія Пушкина. Переписка, т. I, Спб. 1906. стр. 220.

[4]) *Балицкій*, т. II. стр. 153.

Эти разногласія въ оцѣнкѣ одного и того же произведенія, несомнѣнно подсказаны были различнымъ складомъ характеровъ обоихъ поэтовъ: одинъ обращалъ вниманіе главнымъ образомъ на художественно-эстетическую сторону отрывка, другой цѣнилъ въ немъ ярко выраженное гражданское настроеніе. Точку зрѣнія Рылѣева раздѣляли и многіе его современники, на которыхъ „Исповѣдь“ произвела сильное впечатлѣніе. Н. А. Маркевичъ отъ своего имени и отъ лица своихъ соотечественниковъ-малороссовъ писалъ Рылѣеву: „Исповѣдь Наливайки врѣзана въ сердцахъ нашихъ и моемъ также“ [1]).

Для самого Рылѣева „Исповѣдь Наливайки“ имѣла, какъ извѣстно, пророческое значеніе, предсказавъ заранѣе его трагическую кончину въ борьбѣ за свободу родины. Въ силу этого, послѣ его смерти, „Исповѣдь“ возбудила къ себѣ еще большее вниманіе: вскорѣ она переведена была на иностранные языки [2]), часто печаталась въ заграничныхъ и русскихъ изданіяхъ сочиненій Рылѣева [3]) и вхо-

[1]) См. выше, стр. 265.

[2]) См. французскій прозаическій переводъ въ мемуарахъ *Ancelot*: „Six mois en Russie. Lettres écrites a m. X.—B. Saintines en 1826“. Paris MDCCCXXVII, pp. 178—181 (2-ое изд. вышло въ Парижѣ въ томъ же 1827 г.); въ слѣдующемъ году письма Ансело вмѣстѣ съ отрывкомъ поэмы Рылѣева переведены были на голландскій языкъ (Zes maanden in Russland. Brieven, by gelegenheid der kroning van Z. M. den Keizer in 1826. Aan X. B. Saintines door M. Ancelot. Uit het fransch. Te Breda MDCCCXXVIII; см. на стр. 125—127: „De verklaring van Nalivaiko. Fragment van een onuitgegeven dichtstuk van C. Ryleeff“), а затѣмъ появились въ итальянскомъ переводѣ („Sei mesi in Russia. Lettere scritte al sig. Saverio Sainines dal sig. Ancelot nel 1826... Traduzione dall' original francese di Mes. Brunone Da Sassimagnoli“. Firenze 1829; см. т. I, стр. 136—138: „La Confessione di Nalivaiko. Fragmento d'un poema inedito di C. Ryleeff“). Нѣкоторые стихи „Исповѣди Наливайки“ вошли въ записки *Ивана Головина*: „La Russie sous Nicolas I-er“. Paris 1845 (p. 440), которыя переведены были на нѣмецкій, шведскій и англійскій языки („Russland unter Kaiser Nicolaus dem ersten. Von Iwan Golowin. Grimma 1846“, о Рылѣевѣ см. на стр. 308—309; „Russland under keisar Nicolaus den förste, af Iwan Golowin“. Stockholm 1846, см. стр. 344—345; „Russia under the autocrat Nicolas the first. By Ivan Golovine“. London, s. a., см. т. I, стр. 271—273) Въ 1875 г. „Исповѣдь Наливайки“ вмѣстѣ съ другими отрывками поэмы („Кіевъ“, „Смерть Чигиринскаго старосты“) издана была на чешскомъ языкѣ; см.: „K. F. Rylejeva Básně, jež z výběru na česko převedi a zivotopisem poetovým opatřil *Hynek J. Mejsnar* v Praze. 1875). См. также польскій переводъ 10 послѣднихъ стиховъ „Исповѣди“ въ изслѣдованіи *M. Zdziechowskiego*: „Byron i iego wiek“, t. II, Kraków 1897, str. 146—147.

[3]) См. выше, гл. I, стр. 12, 13, 14, 30 и др.

дила затѣмъ во многіе сборники стихотвореній освободительнаго характера [1]).

Что касается главной поэмы Рылѣева — „Войнаровскій", она была встрѣчена современниками съ такимъ же живымъ интересомъ, какъ и разсмотрѣнные выше отрывки другихъ его поэмъ. Прежде чѣмъ выйти въ цѣломъ видѣ, поэма печаталась частями въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ и расходилась по рукамъ въ спискахъ [2]). Интересъ, возбужденный отрывками поэмы, былъ очень великъ: оригинальный сюжетъ, художественныя достоинства въ описаніи сибирской природы и въ обрисовкѣ главныхъ героевъ — все это привлекало вниманіе читателей и заставляло ихъ съ нетерпѣніемъ ожидать выхода въ свѣтъ всей поэмы. „Кончилъ ли (Рылѣевъ) Войнаровскаго и какъ кончилъ?" спрашивалъ В. И. Туманскій А. А. Бестужева въ письмѣ изъ Одессы отъ 18 сентября 1823 г. [3]). „Жду Полярную Звѣзду съ нетерпѣніемъ, писалъ Пушкинъ Рылѣеву 25 янв. [1824 г.]. знаешь для чего? для Войнаровскаго. Эта поэма нужна была для нашей словесности" [4]).

Въ письмахъ къ брату (Льву Сергѣевичу) и А. А. Бестужеву Пушкинъ отмѣчалъ, что „Войнаровскій полонъ жизни", что онъ „несравненно лучше всѣхъ его думъ", „лучше всего, что онъ писалъ" [5]). Послѣ знакомства съ поэмой Пушкинъ значительно измѣнилъ свое мнѣніе о поэтическомъ талантѣ ея автора. „Откуда ты взялъ, что я льщу Рылѣеву, писалъ онъ однажды Бестужеву; мнѣніе свое о его думахъ я сказалъ вслухъ и ясно о поэмахъ его также. Очень знаю, что я его учитель въ стихотворномъ языкѣ, но онъ идетъ своею дорогою. Онъ въ душѣ поэтъ. Я опасаюсь его не на шутку и жалѣю очень, что его не застрѣлилъ, когда имѣлъ къ тому случай—да чортъ его зналъ. Жду съ нетерпѣніемъ Войнаровскаго и

[1]) Ibid., стр. 31.

[2]) См. выше, стр. 3; *Бѣлинскій*, т. II, стр. 169—170.

[3]) „Рус. Старина" 1888 г., т. LX, стр. 320.

[4]) Сочиненія Пушкина. Переписка, т. I, Спб. 1906, стр. 68. Письмо отнесено В. И. Саитовымъ къ 1825 г.; между тѣмъ оно писано въ 1824 г., такъ какъ упоминаемая Пушкинымъ „Полярная Звѣзда" съ отрывками изъ „Войнаровскаго" появилась въ началѣ 1824 г.; въ слѣдующемъ году въ альманахѣ изданы были уже отрывки изъ другой поэмы Рылѣева („Наливайко").

[5]) Ibid., стр. 96, 98.

перешлю ему всѣ свои замѣчанія. Ради Христа! чтобъ онъ писалъ — да болѣе, болѣе!" [1]).

Отрывки поэмы очень радушно встрѣчены были и въ Кіевѣ, о чемъ можно судить изъ слѣдующихъ словъ Петра Александровича Муханова въ письмѣ къ Рылѣеву отъ 13 апр. 1824 г.: „Войнаровскій, твой почтенный дитятко, попалъ къ намъ въ гости; мы его приняли весьма гостепріимно, любовались имъ; онъ побывалъ у всѣхъ здѣшнихъ любителей стиховъ и съѣздилъ въ Одессу. Я тебѣ говорю объ отрывкахъ, которые завезены сюда, не знаю кѣмъ... Войнаровскій твой отлично хорошъ. Я читалъ его М. Орлову, который имъ любовался; Пушкинъ тоже, и тебѣ стыдно, любезный другъ, что ты спишь, а не пишешь. Пора докончить. Вы, жители Петербурга, со всякимъ днемъ становитесь лѣнивѣе... Надѣюсь, что къ новому году, а можетъ быть и ранѣе, мы будемъ читать не краденные списки, но печатную книжку" [2]). Въ другихъ своихъ письмахъ Мухановъ продолжалъ восторгаться поэмой: „Съ нетерпѣніемъ желаю прочесть Войнаровскаго, но писаннаго; старайся сдѣлать описанія оригинальнѣе Все то, что было напечатано, хорошо—особливо бѣгство Мазепы и Якутскъ" [3]); „Съ удовольствіемъ читаю отрывки изъ твоей поэмы: безъ лести, лучшіе стихи въ „З." („Полярной Звѣздѣ на 1824 г.") и они придаютъ интересъ въ ожиданіи всей поэмы... Пиши мнѣ, какъ идетъ твой Войнаровскій. Я боюсь, чтобы ты не загулялъ, и поэма твоя не пошла бы такимъ шагомъ, какъ и твое дѣло" [4]).

На публичномъ засѣданіи Спб. Общества Любителей Россійской Словесности 22 мая 1823 г. среди другихъ произведеній прочитаны были В. И. Туманскимъ и отрывки изъ „Войнаровскаго"; они доставили огромное удовольствіе собравшейся публикѣ и вызвали слѣдующій лестный отзывъ рецензента, присутствовавшаго на засѣданіи: „Рылѣевъ въ рѣзкихъ чертахъ представилъ характеръ изгнанника, борющагося съ долговременнымъ несчастьемъ. Картины природы описаны превосходно въ сихъ отрывкахъ; глубокое познаніе сердца человѣческаго и точное направленіе страстей, сообразно обстоятель-

---

[1]) Ibid., стр. 195—19

[2]) *Балицкій*, т. II, стр. 169—170.

[3]) См. ниже, Приложенія, стр 96.

[4]) „Рус. Старина" 1888 г., т. LX, стр. 320.

ствамъ жизни, показываютъ, что авторъ наблюдалъ природу въ ея святилищѣ, т. е. въ самомъ сердцѣ. Если вся сія поэма будетъ написана съ такимъ чувствомъ и силою, какъ читанные отрывки, то имя г. Рылѣева станетъ на ряду съ именами отличныхъ россійскихъ писателей. Мы не смѣемъ опредѣлять ему мѣста на Парнассѣ, опасаясь раздражить самолюбіе другихъ поэтовъ, но должны откровенно сказать, что развивающійся талантъ г. Рылѣева обѣщаетъ отечеству писателя, который въ потомствѣ будетъ стоять гораздо выше нежели полагаютъ нѣкоторые изъ нашихъ современныхъ критиковъ. Отрывки изъ поэмы «Войнаровскій» доставили необыкновенное удовольствіе публикѣ, и всѣ знатоки полагаютъ сію пьесу первою изъ стихотворныхъ статей, читанныхъ въ семъ засѣданіи, исключая отрывковъ изъ Расина и Шиллера" [1]).

Незадолго до появленія въ свѣтъ всей поэмы, Ѳ. Булгаринъ извѣщалъ объ этомъ своихъ читателей. „К. Ѳ Рылѣевъ, писалъ онъ, намѣренъ издать въ нынѣшнемъ году поэму своего сочиненія „Войнаровскій". Отрывки изъ оной заслуживали всеобщее одобреніе и заставляютъ съ нетерпѣніемъ ожидать появленія сей поэмы въ свѣтъ" [2]).

Въ мартѣ 1825 года давно ожидаемая поэма вышла отдѣльнымъ изданіемъ; печатный текстъ ея сравнительно мало пострадалъ отъ цензурныхъ стѣсненій. Говорятъ, въ этомъ много помогъ Рылѣеву Петръ Александровичъ Мухановъ, который, плѣнившись поэтическими красотами поэмы, приложилъ всѣ усилія, чтобы провесть ее чрезъ цензорскія колодки [3]). Однако совершенно избавиться отъ цензурнаго вмѣшательства не удалось: нѣкоторые стихи были измѣнены при изданіи, другіе—совсѣмъ опущены. Чтобы сохранить симпатичный образъ Мазепы, пришлось прибѣгнуть къ нѣсколько наивнымъ замѣчаніямъ, которыя противорѣчили общему смыслу поэмы. Такъ, напримѣръ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Мазепа говоритъ о своей любви къ родинѣ и указываетъ:

[1]) „Сѣверный Архивъ" 1823 г., № 11 (іюнь); см. отдѣлъ: „Разныя извѣстія".

[2]) „Литературные Листки" 1824 г., ч. I, стр. 25—26.

[3]) *П. А. Ефремовъ.* Замѣтка объ изданіяхъ Войнаровскаго. „Рус. Старина" 1871 г., т. III, стр. 521.

И Петръ, и я мы оба правы:
Какъ онъ, и я живу для славы,
Для пользы родины моей —

сдѣлано такое примѣчаніе: „Его голосъ безразсуднаго Мазепы, разбитаго подъ Полтавою. Удивительна дерзость сравнивать себя съ Петромъ!“ [1]) Къ словамъ Мазепы:

Успѣхъ невѣренъ—и меня
Иль слава ждетъ, иль поношенье!

дано такое поясненіе: „Какая слава озарила бы Мазепу, если бы онъ содѣйствовалъ Петру въ незабвенную битву Полтавскую! Какое безславіе омрачаетъ его за вѣроломное оставленіе побѣдоносныхъ рядовъ Петра!“ [2]) Происхожденіе подобныхъ примѣчаній Рылѣевъ объяснялъ въ письмѣ къ Пушкину цензурными условіями [3]); ими, повидимому вызвано было и предисловіе къ поэмѣ, предостерегавшее читателей не поддаваться льстивымъ рѣчамъ Мазепы. „Считаемъ за нужное напомнить, что въ поэмѣ самъ Мазепа описываетъ свое состояніе и представляетъ оное, можетъ быть, въ лучшихъ краскахъ; но неумолимое потомство и справедливые историки являютъ его въ настоящемъ видѣ: и могло ли быть иначе? Для исполненія своихъ самолюбивыхъ видовъ онъ употреблялъ всѣ средства убѣжденія. Желая преклонить Войнаровскаго, своего племянника, онъ прельщалъ его краснорѣчивыми разсказами и завлекъ его по неопытности въ войну противъ Великаго Государя — но истина восторжествовала и Провидѣніе наказало измѣнника“ [4]).

Интересъ, вызванный отрывками „Войнаровскаго“, не уменьшился съ появленіемъ поэмы въ полномъ видѣ: въ частныхъ отзывахъ и въ печати высказывались о ней самыя лестныя замѣчанія. Пушкинъ продолжалъ осыпать поэму похвалами. „Войнаровскій мнѣ очень нравится, писалъ онъ брату изъ с. Михайловскаго въ апрѣлѣ 1825 г., мнѣ даже скучно, что его здѣсь нѣтъ у меня“ [5]). Сравнивая поэму Рылѣева съ „Чернецомъ“ Козлова, Пушкинъ отдавалъ преимущество „Войнаровскому“ и писалъ по этому поводу кн. П. А.

---

[1]) Войнаровскій, сочиненіе К. Рылѣева. Москва 1825, стр. 31.
[2]) Ibid., стр. 24.
[3]) *Балицкій*, т. II, стр 154.
[4]) Войнаровскій, сочиненіе К. Рылѣева. Москва 1825; см. „Предисловіе“.
[5]) Сочиненія Пушкина. Переписка. Т. I, Спб. 1906, стр. 202.

Вяземскому: „Эта поэма („Чернецъ"), конечно, полна чувства и умнѣе «Войнаровскаго», но въ Рылѣевѣ есть болѣе замашки или размашки въ слогѣ. У него есть какой-то тамъ палачъ съ засученными рукавами, за котораго я бы дорого далъ" [1]). Переславъ Рылѣеву свой отзывъ о поэмѣ, Пушкинъ писалъ ему: „Думаю, ты уже получилъ замѣчанія мои на Войнаровскаго. Прибавлю одно: вездѣ, гдѣ я ничего не сказалъ, должно подразумѣвать похвалу, знаки восклицанія, прекрасно и проч. Полагая, что хорошее писано тобою съ умыслу, не счелъ я за нужное отмѣчать его для тебя" [2]).

Н. А. Маркевичъ не могъ спокойно читать „Войнаровскаго" [3]).

Современная печать очень одобрительно отзывалась о поэмѣ. „Соревнователь Просвѣщенія" указывалъ, оригинальность Рылѣева въ описаніи сибирской природы и отмѣчалъ, что его поэма „принадлежитъ къ числу занимательнѣйшихъ памятниковъ словесности нашего времени" [4]). „Скромность, писалъ А. Бестужевъ въ „Полярной звѣздѣ", заграждаетъ мнѣ уста на похвалу въ („Войнаровскомъ") высокихъ чувствъ и разительныхъ картинъ украинской и сибирской природы" [5]).

Восторженный отзывъ далъ Булгаринъ на страницахъ „Сѣверной Пчелы". „Вотъ истинно національная поэма!" писалъ онъ. „Чувствованія, событія картины природы все въ ней русское, списанное, такъ сказать, на мѣстѣ. Публикѣ было уже извѣстно существованіе сей поэмы изъ отрывковъ, помѣщенныхъ въ Полярной Звѣздѣ на 1824 г., и всѣ любители отечественной словесности съ нетерпѣніемъ ожидали выхода ея въ свѣтъ. Она долго ходила по рукамъ въ рукописи: авторъ долго прислушивался къ разногласнымъ совѣтамъ записныхъ парнасскихъ совѣтниковъ, прислушивался и къ нѣкоторымъ справедливымъ замѣчаніямъ истинныхъ знатоковъ—и наконецъ рѣшился напечатать свою поэму безъ всякихъ перемѣнъ и поправокъ, точно такъ, какъ она вылилась у него изъ ума и сердца въ первыя минуты вдохновенія. Намъ кажется, что онъ поступилъ хорошо; по крайней мѣрѣ, теперь все принадлежитъ ему

[1]) Ibid., стр. 218.

[2]) Ibid., стр. 219—220.

[3]) См. выше письмо его къ Рылѣеву (сентябрь 1825 г.), стр. 264.

[4]) „Соревнователь Просвѣщенія" 1825 г., ч. XXX, стр. 109.

[5]) *А. Бестужевъ.* „Взглядъ на русскую словесность въ теченіе 1824 и нач. 1825 г." „Полярная Звѣзда на 1825 г.", стр. 15.

одному, а въ этой поэмѣ такъ много прекраснаго, что автору, право, не должно раскаиваться въ своемъ дѣлѣ... Предоставляемъ строгимъ судьямъ поэзіи находить недостатки въ этой поэмѣ; они, конечно, отыщутъ нѣкоторыя повторенія, нѣкоторыя неровности въ стихахъ, можетъ быть излишнее пристрастіе автора къ описанію картинъ природы, которыя, впрочемъ, живы и прелестны. Но эта поэма доставила намъ удовольствіе даже при неоднократномъ чтеніи. Это чистая струя, въ которой отсвѣчивается душа благородная, возвышенная, исполненная любви къ родинѣ и человѣчеству. Воображеніе никогда не заносило поэта за предѣлы разсудка, въ мечты, въ туманы; онъ смотрѣлъ на природу, наблюдалъ сердце человѣческое, чувствовалъ, мыслилъ и—писалъ. Твореніе достойно хвалы, поэтъ—уваженія и благодарности!" Передавая подробно содержаніе „Войнаровскаго", Булгаринъ нерѣдко дѣлаетъ отступленія и восторгается поэтическими достоинствами поэмы. Сильное впечатлѣніе, напримѣръ, произвело на него начало второй части поэмы—описаніе возстанія Украйны, Полтавскаго боя и бѣгства Мазепы въ Турцію. „Прелестнѣйшія картины, замѣчаетъ онъ, и самыя вѣрныя изображенія движеній человѣческаго сердца смѣняются въ семъ разсказѣ. Надменный и пылкій характеръ Мазепы изображается въ полной силѣ во время сего бѣгства". Картина прощанія Войнаровскаго съ родиной, именно слова его—

„Съ разсвѣтомъ дня мы снова въ путь
Помчались по́ степи унылой.
Какъ тяжко взволновалась грудь,
Какъ сердце юное заныло,
Когда рубежъ страны родной
Узрѣли мы передъ собой!
Въ волненьи чувствъ, тоской томимый,
Я, какъ ребенокъ, зарыдалъ,
И взявши горсть земли родимой,
Къ кресту съ молитвой привязалъ.
Быть можетъ—думалъ я, рыдая
Украйны мнѣ ужъ не видать!
Хоть ты, земля родного края,
Меня въ чужбинѣ утѣшая,
Отъ грусти будешь врачевать,
Отчизну мнѣ напоминая!"...—

вызвали такое замѣчаніе Булгарина: „Можно ли хладнокровно прочесть эти стихи, пылающіе возвышенными чувствованіями, плѣнительные своею простотою! Описаніе вѣрно: многіе казаки и понынѣ носятъ на груди отечественную землю въ дальнихъ походахъ, приписывая ей силу врачевать тоску по отчизнѣ“ [1]).

Рецензія Булгарина сильно тронула Рылѣева и заставила забыть возникшія было между ними обостренныя отношенія [2]). Поэтъ горячо благодарилъ его за лестный отзывъ и убѣждалъ воздерживаться на будущее время отъ чрезмѣрныхъ похвалъ. „Прошу тебя также, любезный Булгаринъ, писалъ онъ, впередъ самому не писать обо мнѣ въ похвалу ничего; ты можешь увлечься, какъ увлекся, говоря о Войнаровскомъ, а я—человѣкъ: могу на десятый разъ и повѣрить; это повредитъ мнѣ: я хочу прочной славы, не даромъ, а за дѣло“ [3]).

Издававшійся въ Харьковѣ „Украинскій Журналъ“ также далъ одобрительный отзывъ о поэмѣ Рылѣева; авторъ появившейся здѣсь статьи, прежде чѣмъ перейти къ передачѣ содержанія поэмы, останавливается на посвященіи къ ней и по поводу стиховъ—

Ты не увидишь въ нихъ искусства,
За то найдешь живыя чувства—
Я не поэтъ, а гражданинъ.—

говоритъ: „Читавшіе Войнаровскаго первый изъ приведенныхъ стиховъ отнесутъ къ одной скромности, столь привлекательной въ молодомъ поэтѣ, со вторымъ охотно согласятся: онъ наилучшимъ образомъ оправданъ въ продолженіе всей поэмы; а при третьемъ почув-

[1]) *Ѳ. Б.* „Войнаровскій Поэма. Сочиненіе К. Рылѣева“ („Сѣверная Пчела“ 1825 г., № 32; см. отдѣлъ: „Новыя книги“). — Отмѣченный Булгаринымъ малороссійскій обычай брать землю при прощаніи съ родиной, кромѣ Рылѣева, привлекъ къ себѣ вниманіе и Т. Г. Шевченка, который далъ ему литературную обработку въ поэмѣ „Катерина“: героиня этой поэмы, Катерина, отправляясь въ Московщину.

Пішла в садок у вишневий,
Богу помолилась,
Взяла землі під вишнею,
На хрест почепила,
Промовила: „Не вернуся!
В далекому краю
В чужу землю, чужі люди
Мене заховають;
А своєї ся крихотка
Надо мною ляже,
Та про долю, моє горе,
Чужим людям скаже...

Т. Шевченко. Кобзарь. Кіевъ 1908, стр. 19.

[2]) См. о нихъ выше, стр. 87.

[3]) *Бантыш*, т. II, стр. 162.

ствуютъ особенное уваженіе къ сочинителю который старается соединить въ себѣ оба сіи священныя названія—поэтъ и гражданинъ“ [1]).

Такимъ образомъ, со всѣхъ сторонъ раздавались лестные отзывы о поэмѣ Рылѣева. Общаго увлеченія не раздѣляли, впрочемъ, Н. Н. Раевскій (сынъ) и П. А. Катенинъ; первый въ письмѣ къ Пушкину довольно рѣзко отзывался объ этомъ произведеніи, предпочитая ему отрывки изъ другой поэмы Рылѣева. „Войнаровскій, писалъ онъ, est un ouvrage en mosaïque composé de fragmens Byron et de Пушкинъ, rapportés ensemble sans beaucoup de réflexion. Je lui fais grâce pour la couleur locale. C'est un garçon d'esprit, mais ce n'est point un poète. Il y a plus de mérite dans les fragmens de Наливайко“ [2]). Катенинъ, ознакомившись съ поэмой, писалъ къ Н. Н. Бахтину 26 апр. 1825 г.: „Все это копіи съ разныхъ Бейроновскихъ вещей, въ стихахъ по новому сбразцу; всего чуднѣе для меня мысль представить подлеца и плута Мазепу какимъ то Катономъ. Диво и то, что цензура пропустила, но за то какими замѣчаніями изукрасила!“ [3])

Въ стилистическомъ отношеніи „Войнаровскій“ не удовлетворялъ и Н. А. Бестужева, который находилъ, что со стороны „стихосложенія“, эта поэма не можетъ равняться съ самыми слабыми произведенія Пушкина; за то содержаніемъ своимъ, по мнѣнію Бестужева, она далеко ихъ превосходитъ. „Поэма Войнаровскій, говоритъ онъ, по соображенію и ходу, стоитъ выше всѣхъ поэмъ Пушкина... Обаяніе Пушкина заключается въ его стихахъ, которые, какъ сказалъ одинъ рецензентъ, катятся жемчугомъ по бархату. Достоинство Рылѣева состоитъ въ силѣ чувствованій, въ жарѣ душевномъ“ [4]).

Обратимся къ дальнѣйшей судьбѣ поэмы; въ печатномъ изданіи она разошлась очень быстро и уже въ 1830-хъ гг. рѣдко можно было встрѣтить экземпляръ „Войнаровскаго“: любители платили за

---

[1]) „Взглядъ на поэму подъ названіемъ Войнаровскій“. „Украинскій Журналъ“ 1825 г., № 19—20. Статья безъ имени автора, имѣетъ дату: Ноября 1-го дня 1825 г.; рецензентъ касается только 1-ой части поэмы; отзывъ о 2-ой ея части долженъ былъ появиться, согласно обѣщанію, въ слѣдующихъ №№ журнала; однако онъ не былъ здѣсь напечатанъ, причиной чего послужили, повидимому, декабрьскія событія 1825 г.

[2]) Архивъ Раевскихъ. Изданіе П. М. Раевскаго. Редакція и примѣчанія Б. Л. Модзалевскаго. Т. I. Спб. 1908, стр. 256 (письмо отъ 10 мая 1825 г.); см. также: Сочиненія Пушкина. Переписка, т. I, Спб. 1906, стр. 212—213.

[3]) „Рус. Старина“ 1911 г., т. CXLVI, стр. 594.

[4]) *Балицкій*, т. II, стр. 33—34.

него по 200 руб. ассигнаціями [1]). О новыхъ изданіяхъ поэмы въ это время не приходилось думать; однако интересъ къ ней былъ очень великъ, вслѣдствіе чего она расходилась въ огромномъ количествѣ списковъ по всей Россіи [2]). Поэму заучивали наизусть, стихи ея брали для эпиграфовъ [3]), подносили ее въ качествѣ подарковъ [4]). Художникъ В. В. Савичъ, вдохновившись поэмой, нарисовалъ картину, иллюстрирующую послѣдній эпизодъ ея—кончину Войнаровскаго на могилѣ жены [5]).

Съ середины 1850-хъ гг. стали появляться заграничныя изданія поэмы, а затѣмъ она не разъ печаталась въ Россіи вмѣстѣ съ другими сочиненіями Рылѣева [6]). Впослѣдствіи поэма Рылѣева пріобрѣла извѣстность и за предѣлами русской литературы. Въ началѣ 1830-хъ годовъ извѣстный поэтъ-романтикъ А. Шамиссо (Adelbert von Chamisso) сдѣлалъ вольный переводъ „Войнаровскаго" на нѣмецкій языкъ и, подражая Рылѣеву, написалъ поэму „Bestujeff", гдѣ описалъ встрѣчу своего знакомаго (Адольфа Эрмана) съ Александромъ Бестужевымъ въ 1829 г. въ Якутскѣ. Свое произведеніе Шамиссо соединилъ съ поэмой Рылѣева, давъ имъ общее названіе „Die

[1]) См. „Рус. Стар. 1871 г., т. III, стр. 524.

[2]) Еще и теперь нерѣдко можно встрѣтить рукописныя тетради середины прошлаго вѣка съ текстомъ „Войнаровскаго"; намъ не разъ приходилось видѣть ихъ у многихъ частныхъ лицъ, а также въ библіотекахъ: Кіевской Публичной (см. отдѣлъ „Русская словесность", № 1073), Имп. Академіи наукъ (рукопись № 1. 1. 15), Пушкинскаго Дома при Академіи наукъ (въ рукоп. сборникѣ: „Сочиненія К. Ѳ. Рылѣева"), Кіевскаго университета (рукопись № 176) и Областного музея имени Поля въ Екатеринославѣ (рукопись № 13). Большимъ количествомъ списковъ „Войнаровскаго" располагалъ въ началѣ 1870-хъ гг. редакторъ „Русской Старины" М. И. Семевскій („Рус. Стар." 1871 г., т. III, стр. 521); много ихъ имѣлъ подъ руками и извѣстный библіографъ П. А. Ефремовъ, который по этому поводу писалъ: „Такое обиліе списковъ мы встрѣчали, кромѣ «Войнаровскаго», только для первыхъ четырехъ главъ „Евгенія Онѣгина" (ibid., стр. 523)

[3]) „Рус. Старина" 1871 г., т. III, стр. 617; 1881 г., т. XXXII, стр. 767.

[4]) Это можно видѣть изъ слѣдующихъ надписей на рукописи „Войнаровскаго", нѣкогда принадлежавшей артиллеріи поручику А. Чуносову, а теперь хранящейся въ Кіевскомъ университетѣ: „Подарокъ отъ папаши. 1841, 15 генваря", „Подарена сія книга дочерью моею Софьею Акимовою въ Николаевѣ, 1843" (см. рукопись № 176, заглавн. листъ).

[5]) Снимокъ съ этой картины см. въ „Нивѣ" 1885 г., № 2, стр. 37 (по фотогр. грав. Флюгель).

[6]) См. выше, стр. 12 и слл.

Verbannten" [1]). Второй нѣмецкій переводъ, ближе передающій текстъ „Войнаровскаго", принадлежитъ Роберту Липперту [2]).

Возбужденное состояніе польскаго общества въ началѣ 1860-хъ гг. побудило Вл. Кондратовича (Syrocomlę) перевести поэму на польскій языкъ; переводъ не вошелъ въ полное собраніе его сочиненій и былъ изданъ отдѣльной брошюрой въ Познани въ 1861 г.; въ художественномъ отношеніи переводъ Кондратовича вышелъ весьма удачнымъ: польскій поэтъ вполнѣ проникся гражданскимъ настроеніемъ поэмы и сумѣлъ передать его въ звучныхъ, красивыхъ стихахъ, близко придерживаясь вмѣстѣ съ тѣмъ подлиннаго текста. Вотъ, напримѣръ, какъ переводитъ онъ слова изгнанника Войнаровскаго, обращенныя къ его роднѣ—далекой Малороссіи:

„Pola rodzinne! o kraju mój miły!
Już was nie ujrzę, nie przywitam czule,
Już was do piersi moich nie przytulę,
Święte dla serca projców mogiły!
Napróżno ogień me piersi pochłania,
Być pożytecznym nieba mi nie dały,
Wśród haniebnego na Sybir wygnania
Umrzeć z tęsknoty—oto los mój cały! [3])

---

[1]) Первоначально оба произведенія изданы были въ „Musenalmanacht'ѣ f. d. J. 1832" A. Wendts: позднѣйшее изданіе ихъ см. въ „Deutsche National-Litteratur. 148 Band. Chamissos Werke". Stuttgart, s. a., ss. 311—319; ibid., на стр. 459—464, въ качествѣ комментарія къ поэмамъ помѣщенъ разсказъ А. Эрмана о встрѣчѣ съ А. Бестужевымъ въ Якутскѣ, заимствованный изъ его сочиненія: „Reise um die Erde durch Nord-Asien und die beiden Oceane in den Jahren 1828, 1829 und 1830" (Erste Abteilung: Historischer Bericht. Berlin 1838. 2, 269 ff.).

[2]) „Woinarofski. Gedicht von K. Rylejeff".—Съ этимъ переводомъ мы ознакомились въ Имп. Публичной Библіотекѣ (м. отдѣленіе Rossica, № 24. VI. 4/235): экземпляръ, который мы имѣли подъ руками, представляетъ собою вырѣзку изъ какого то нѣмецкаго журнала безъ обозначенія времени и мѣста изданія. На передней обложкѣ этой вырѣзки рукою переводчика сдѣлана сл. надпись: „A. m. Ghennadi le traducteur du poème de Ryléef Robert Lippert. Paris le 26 avril 1857... Le seul exemplaire tiré à part". Здѣсь же рукою Геннади отмѣчено: „Въ Имп. Публичную Библіотеку отъ Г. Геннади 17 декабря 1865 г. Переводъ Роберта Липперта".

[3]) Wojnarowski. Poemat rossyjski Rylejewa, przekład polski. Poznań 1861, Część pierwsza (Имп. Публ. Библіотека. Rossica. № 13. IX. 3/374). Ср. соотвѣтствующіе стихи въ поэмѣ Рылѣева:

Въ 1875 г. изданъ былъ чешскій переводъ „Войнаровскаго“ [1]), въ 1881—итальянскій [2]), а въ 1893 г. появились отрывки поэмы въ французскомъ прозаическомъ переводѣ Emm. De Saint-Albin'a [3]).

Попытки Рылѣева воспѣвать героевъ украинской исторіи не прошли безслѣдно и побудили другихъ писателей обращаться къ малорусскимъ сюжетамъ. Эти сюжеты, какъ намъ уже приходилось отмѣчать, подвергались и до Рылѣева литературной обработкѣ, но подъ перомъ неталантливыхъ поэтовъ они выходили безцвѣтными и не возбуждали того живого интереса, какой вызванъ былъ произведеніями Рылѣева. Его украинскія думы и поэмы популяризовали имена Б. Хмѣльницкаго, Мазепы, Войнаровскаго, Палѣя, Наливайки и ввели ихъ въ литературное обращеніе. Не безъ вліянія Рылѣева заплатилъ дань увлеченію малорусской стариной и Пушкинъ: его „Полтава“ создалась подъ впечатлѣніемъ нѣкоторыхъ картинъ, изображенныхъ въ „Войнаровскомъ“ [4]). Стихотворенія А. Яковлева „Чигиринскій казакъ“ [5]) и А. Подолинскаго „Гайдамаки“ [6]) посвящены

„О, край родной! Поля родныя!
Мнѣ васъ ужъ болѣ не видать!
Васъ, гробы праотцевъ святые,
Изгнаннику не обнимать!
Горитъ напрасно пламень пылкій..
Я не могу полезнымъ быть:
Средь дальной и позорной ссылки
Мнѣ суждено въ тоскѣ изнуть“.
(*Валицкій*, т. I, стр. 124).

[1]) См. его въ изданіи: „K. F. Rylejeva Básně, jež z výběru na česko převedl a životopisem poetowým opatřil. *Hynek J. Mejsnar* v Praze, 1875.

[2]) „Voinarovski. Poema. Rileief“. См: „Melodie Russe. Leggende, liriche, poemetti. Prima versione italiana col testo russo a fronte per *E. W. Foulques e D. Ciámpoli* con prefazione del prof. Angelo de-Gubernatis“. Lipsia 1881, pp. 193—271

[3]) См. его сборникъ: „Les poètes Russe. Antologie et notices biographiques“ Paris 1893, pp. 98—101.

[4]) Самъ Пушкинъ отмѣчаетъ это въ „Критическихъ замѣткахъ“. „Прочитавъ, говоритъ онъ, въ первый разъ стихи: «Жену страдальца Кочубея и обольщенную имъ дочь», я изумился, какъ могъ поэтъ пройти мимо столь страшнаго обстоятельства.. Сильные характеры и глубокая трагическая тѣнь, набросанная на всѣ эти ужасы,—вотъ что увлекло меня. Полтаву написалъ я въ нѣсколько дней, далѣе не могъ бы ею заниматься и бросилъ бы все“. Соч. Пушкина, изд. 1887 г., т. V, стр. 134. Выше мы указывали на близость нѣкоторыхъ картинъ „Полтавы“ къ поэмѣ Рылѣева (см. стр. 285, 286).

[5]) См. „Новости Литературы“ 1825 г., кн. II.

[6]) Альбомъ Сѣверныхъ Музъ. Альманахъ на 1828 г., изд. А. И. Спб. 18 8, стр. 169—170

тѣмъ же сюжетамъ, какихъ касался и Рылѣевъ. По его слѣдамъ пошли затѣмъ и нѣкоторые малорусскіе писатели. „Счастливые опыты въ стихахъ автора „Думъ", поэзія котораго пришлась такъ по сердцу украинцамъ, пишетъ А. А. Котляревскій (Чупрына), указали другимъ тотъ путь, на которомъ встрѣчаемъ талантливаго Забѣллу, отчасти Чужбинскаго" [1]). Непосредственное вліяніе Рылѣева можно видѣть въ „Украинскихъ Мелодіяхъ" Н. А. Маркевича. Въ формѣ украинскихъ думокъ Маркевичъ воспѣвалъ тѣхъ же героевъ, что и Рылѣевъ, и вводилъ при этомъ современные гражданскіе мотивы въ рамки прошлаго. Такъ, мелодія „Украина" начинается сл. словами:

Въ Украйнѣ святой Войнаровскій рожденъ,
Украйной Палій, Наливайко вскормленъ...
Кто казаковъ не боялся,
Неужели намъ остался
Только славы гулъ? [2])

Первые стихи мелодіи „Гетманство" читаются такъ:

Булава, бунчуки—не воскреснутъ для насъ!
Лишь поютъ старики, какъ Хмельницкій погасъ!
Ужъ не будетъ, не будетъ въ Украйнѣ гетьмана,
Схоронили Украйну мы въ гробѣ Богдана! [3])

Видъ разрушеннаго Чигирина (мелодія „Чигиринъ") наводитъ Маркевича на грустныя размышленія о прошлой славѣ и о нынѣшнемъ безотрадномъ состояніи Украйны.

[1]) „Литературныя замѣтки студента Чупрыны". „Московскія Вѣдомости" 1856 г., № 41.

[2]) *Н. А. Маркевичъ* „Украинскія Мелодіи", Москва 1831, стр. 40. Съ появленіемъ поэмы Рылѣева имя Войнаровскаго начинаетъ входить въ литературное обращеніе; кромѣ отмѣченной здѣсь мелодіи Маркевича, мы встрѣчаемъ его еще въ „Полтавѣ" Пушкина (см.: „У Войнаровскаго въ рукахъ мушкетный стволъ еще дымился". *Пушкинъ.* Изд. Бр.-Ефр., т. III, Спб. 1909, стр. 50). Много лѣтъ спустя, *Стецько Карпенко*, издавая свой сборникъ „Зеленый барвинокъ Украйны" (Кіевъ 1845), помѣстилъ въ немъ малорусскую повѣсть „Дмытро Войнеровскій": герой ея—сынъ Андрея Войнаровскаго; это—сентиментальный юноша, совершенно чуждый тѣхъ гражданскихъ стремленій, которыя одушевляютъ героя Рылѣева.

[3]) Ib., стр. 41.

Коль скоро Хмельницкій махнетъ булавой,—
Полковники выбѣгутъ шумной толпой;
„Украйна! Свобода!“ онъ крикнетъ полкамъ—
И все понесется, и горе врагамъ!
А нынѣ... Кому мы готовимъ коней,
Къ чему намъ казачки вскормили дѣтей?
...Часъ отъ часу гаснетъ къ Украйнѣ любовь.
И стала, какъ ледъ, запорожская кровь.
Народъ безъ отчизны—какъ городъ забытый! [1])

Подобная гражданская скорбь видна и въ стихотвореніяхъ А. Могилы: „Бандура“, „Бабусенька“, „Гетьманъ“, „Казачья смерть“, „Смерть Бандуриста“ [2]).

---

[1]) Ib., стр. 50—51.

[2]) См. его „Думки и пѣсни“ Харьковъ 1839.

Глава шестая.

Мелкія произведенія 1823—1826 гг.

Гражданскія оды Рылѣева; другія его стихотворенія съ гражданскими мотивами. Статья „Нѣсколько мыслей о поэзіи". Отрывки, писанные въ крѣпости.

Литературная дѣятельность Рылѣева въ послѣдніе годы его жизни не ограничивалась только созданіемъ думъ и поэмъ; въ это время написано было имъ еще нѣсколько произведеній, посвященныхъ разнообразнымъ сюжетамъ. Наиболѣе видное мѣсто среди нихъ принадлежитъ гражданскимъ одамъ.

Ода, какъ особый видъ творчества, давно привлекала къ себѣ вниманіе Рылѣева: еще на школьной скамьѣ, въ періодъ патріотическаго увлеченія Отечественной войной, онъ сочинилъ оду „Любовь къ отчизнѣ" (4 іюня 1813 г.), въ которой прославилъ доблестнаго героя войны—Кутузова [1]). Стихотвореніе это по формѣ своей и содержанію вполнѣ соотвѣтствовало обычнымъ торжественнымъ одамъ XVIII в.; послѣдующія же оды Рылѣева значительно отличаются отъ первой и по характеру своему относятся къ тому типу одъ, гдѣ поэты, не довольствуясь громомъ побѣдъ и внѣшней славой Россіи, затрагиваютъ вопросы внутренняго благосостоянія государства. Такой родъ гражданской оды установился въ нашей литературѣ лишь къ концу XVIII вѣка, когда въ обществѣ ясно стала сознаваться мысль, что для истиннаго величія и счастья Рос-

---

[1]) См. выше, стр. 62, 113.

сіи не достаточно одного побѣдоноснаго оружія, что необходимы хорошіе законы, справедливость и просвѣщеніе. Съ распространеніемъ идей о внутреннихъ реформахъ ода постепенно утратила свой панегирическій тонъ и, оставивъ шаблонный государственный патріотизмъ, начала проникаться все болѣе и болѣе гражданскими мотивами. Вмѣсто безпочвеннаго восхваленія поэты стремились „истину царямъ съ улыбкой говорить", указывая при этомъ на дѣйствительныя нужды родины.

Державинъ въ одѣ „На рожденіе на сѣверѣ порфиророднаго отрока" (1776 г.) выражалъ будущему имп. Александру I пожеланіе не злоупотреблять властью и быть на тронѣ человѣкомъ [1]). Обращаясь къ властителямъ и судьямъ, тотъ же поэтъ упрекалъ ихъ въ забвеніи своего долга и указывалъ, что „очеса ихъ покрыты мздою" [2]); въ одѣ „Вельможа" (1794 г.) Державинъ воспѣваетъ гражданскую доблесть, убѣждая знатныхъ сановниковъ болѣе всего думать объ общемъ благѣ и

Змѣей предъ тропомъ не сгибаться,
Стоять—и правду говорить. [3])

Въ 1790 г. А. Радищевъ, издавая свое „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву", помѣстилъ въ немъ оду „Вольность", гдѣ рѣзко протестовалъ противъ рабства и противопоставлялъ ему царство гражданской свободы, видя въ послѣдней залогъ успѣшнаго развитія своей родины.

Карамзинъ въ смѣлой одѣ „Къ Милости" (1792 г.), написанной послѣ ареста Новикова, указывалъ на необходимость свободы и неприкосновенности личности. Только тогда, заявлялъ онъ, и возможно „спокойствіе державы", и „тронъ во вѣкъ не потрясется", когда граждане будутъ „покойно и безъ страха засыпать" подъ своимъ кровомъ, вольно располагать своей жизнью и открыто говорить императрицѣ о своихъ нуждахъ и желаніяхъ [4]).

---

[1]) Сочиненія Державина. Академич. изданіе. т. I, Спб. 1868, стр. 51.

[2]) „Властителямъ и судьямъ", ода 1780 г. Ibid., стр. 71.

[3]) Ibid., стр. 435.

[4]) Русская поэзія Изд. подъ ред. С. А. Венгерова. Вып. VII. Спб. 1901. стр. 84.

Къ мирной. культурной дѣятельности на пользу своего государства призывалъ и С. Родзянка въ одѣ „Любовь къ отечеству“ (1798 г.):

„Не въ браняхъ лишь однѣхъ возможно
Отечеству полезнымъ быть:
Кто въ немъ науки насаждаетъ,
Несчастныхъ кто благотворитъ;
Вѣсы въ рукахъ своихъ вращая,
Всю мысль свою къ тому стремитъ,
Невинность чтобъ не притѣснялась,
Чтобъ благо общее цвѣло:
И тотъ достоинъ патріотомъ
И тотъ достоинъ нарещись.
Щастливъ, кто имя толь священно
Себѣ отъ гражданъ получилъ“. [1])

Жуковскій, въ 1818 г. воспѣвая рожденіе будущаго имп. Александра II, высказывалъ гуманные идеалы правленія:

Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій: *человѣкъ*.
Жить для вѣковъ въ величіи народномъ,
Для блага *всѣхъ—свое* позабывать,
Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
Съ смиреніемъ дѣла свои читать;—
Вотъ правила царей великихъ внуку. [2])

Въ подобномъ родѣ были и гражданскія оды Рылѣева; онѣ только болѣе ярко и опредѣленно отражали въ себѣ политическое настроеніе современниковъ и тѣ идеи, которыя одушевляли декабристовъ. Въ этомъ отношеніи особенно характерны двѣ его оды: „Александру I“ (1821 г.) и „Видѣніе“ (ода на день тезоименитства Его Имп. Высочества Вел. Кн. Александра Николаевича, 30 авгу-

---

[1]) *С. Родзянка*. „Любовь къ отечеству“, ода. См. ее въ книгѣ *В. И. Рѣзанова*: „Изъ разысканій о сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго“. Спб. 1906, стр. 253—254.

[2]) Полное собраніе сочиненій В. А. Жуковскаго, изд. подъ ред. проф. А. С. Архангельскаго, т. II. Спб. 1902, стр. 126.

ста 1823 г.); первая изображаетъ тотъ моментъ въ жизни русскаго общества, когда оно, увлеченное на первыхъ порахъ дѣятельностью имп. Александра I возлагало на своего монарха большія надежды и съ нетерпѣніемъ ждало того времени, когда этотъ государь дарованіемъ конституціи не только облагодѣтельствуетъ Россію, но и внесетъ миръ въ европейскую политику, побудивъ и другія державы слѣдовать его примѣру.

О царь! весь міръ глядитъ на насъ
И ждетъ иль рабства, иль свободы!
Лишь Александровъ можетъ гласъ
Отъ буръ и бѣдъ спасать народы...
...Спѣши жъ, монархъ, на подвигъ свой,
Какъ витязь правды и свободы,
На подвигъ славный и святой—
Съ царями примирять народы! [1])

Въ одѣ „Видѣніе", поэтъ болѣе опредѣленно говоритъ о нуждахъ родины и, предрекая будущему царю-освободителю корону, указываетъ, чего ждетъ отъ него Россія.

Военныхъ подвиговъ година
Грозою шумной протекла;
Твой вѣкъ иная ждетъ судьбина,
Иныя ждутъ тебя дѣла.
...Люби народъ, чти власть закона.
Учись заранѣ быть царемъ.
...Дай просвѣщенные уставы

[1]) Лютня I. Собраніе свободныхъ русскихъ пѣсенъ и стихотвореній. Изд. 6-ое. Лейпцигъ, стр. 31—32. Александру I посвятилъ свою оду и Н. М. Карамзинъ; она написана была въ 1801 г. по случаю восшествія на престолъ этого государя. Привѣтствуя послѣдняго, Карамзинъ уподоблялъ его царствованіе веснѣ, наступившей послѣ „мрачныхъ ужасовъ зимы"; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приглашалъ государя быть „солнцемъ просвѣщенья", указывалъ на необходимость исправленія законовъ и введенія „премудрыхъ уставовъ", которые обезпечивали бы гражданамъ покой и давали возможность „мирно засыпать" (См. „Русскую поэзію", изд. С. А. Венгерова. Вып. VII, Спб. 1901, стр. 124—125). Подобныя мысли мы видимъ и у Рылѣева въ другой его одѣ— „Видѣніе", обращенной къ вел. кн. Александру Николаевичу.

Въ обширныхъ сѣверныхъ странахъ,
Науками очисти нравы
И вѣру укрѣпи въ сердцахъ.
Люби гласъ истины свободной,
Для пользы собственной люби,
И рабства духъ неблагородной—
Неправосудье истреби.
...Будь блага подданныхъ ревнитель:
Оно есть первый другъ царей;
Будь просвѣщенья покровитель:
Оно надежный другъ властей.

Старайся духъ постигнуть вѣка,
Узнать потребность русскихъ странъ:
Будь человѣкъ для человѣка,
Будь гражданинъ для согражданъ.
Будь Антониномъ на престолѣ. [1])

Вѣра въ просвѣщеніе, выраженная въ нѣкоторыхъ стихахъ оды, является очень характерной чертой міросозерцанія Рылѣева Несмотря на знакомство съ Руссо [2]), поэтъ оставался вѣрнымъ сыномъ „эпохи просвѣщенія“ и былъ убѣжденъ, что только черезъ просвѣщеніе возможно нравственное совершенствованіе людей. „Прежде нравственность была опорою свободы, говоритъ Рылѣевъ въ одной черновой замѣткѣ, теперь должно быть ею просвѣщеніе, которое вмѣстѣ съ тѣмъ родъ человѣческій должно привести къ нравственности. Прежде она была врождена, человѣкъ былъ добръ по природѣ; съ просвѣщеніемъ онъ будетъ добръ и добродѣтеленъ по знанію, по увѣренности, что быть таковымъ для его блага необходимо“ [3]).

Въ 1823 году Рылѣевъ написалъ оду „Гражданское мужество“ [4]), которую посвятилъ Н. С. Мордвинову. Это былъ выдающійся госу-

---

[1]) *Балицкій*, т. I, стр. 157.

[2]) Руссо принадлежалъ къ числу тѣхъ писателей, которыми увлекался Рылѣевъ, живя въ Малороссіи у родныхъ жены (см. стих-іе „Пустыня“, *Балицкій*, т. I, стр. 185).

[3]) *Балицкій*, т II, стр. 87—88.

[4]) При жизни Рылѣева ода не была издана: Спб. Цензурный комитетъ не допустилъ ее къ печати (см. упоминаніе объ этомъ въ „Дѣлѣ“ Рылѣева. Госуд.

дарственный дѣятель временъ Екатерины II и Александра I; его взгляды на нужды Россіи, доклады и мнѣнія по различнымъ юридическимъ и экономическимъ вопросамъ возбуждали къ нему живую симпатію современниковъ и заставляли декабристовъ возлагать на него, какъ и на Сперанскаго, большія надежды въ случаѣ удачи задуманнаго ими переворота. Гражданскія заслуги Мордвинова отмѣчены были въ литературѣ еще въ XVIII в. въ одѣ В. И. Петрова, который писалъ:

„Твоя, о другъ, еще во цвѣтѣ раннемъ младость,
Обильный обѣщая плодъ,
Лила во мысли мнѣ живу, предвѣстну радость:
Ты будешь отчества оплотъ!“ [1])

Позже на полезную дѣятельность Мордвинова указывалъ П. А. Плетневъ въ статьѣ по поводу стихотворенія Петрова и въ своей одѣ „Долгъ гражданина“ [2]). Въ 1825 году А. С. Пушкинъ писалъ о Мордвиновѣ:

Сіяя доблестью, и славой, и наукой,
Въ совѣтахъ недвижимъ у мѣста своего
Стоишь ты, новый Долгорукой!
...Одинъ, на рамена подъявши мощный трудъ,
Ты зорко бодрствуешь надъ царскою казною:
Вдовицы бѣдный лептъ и дань Сибирскихъ рудъ
Равно священны предъ тобою. [3])

Съ глубокимъ уваженіемъ относился къ Мордвинову и Рылѣевъ; въ дѣятельности этого сановника онъ видѣлъ образецъ высокаго

Архивъ I. В. № 334, л. 9); впервые ода появилась въ „Поляри. Звѣздѣ“ А. И. Герцена (1856 г., кн. 2): въ Россіи она была опубликована П. А. Ефремовымъ въ „Рус. Старинѣ“ (1871 г., № 1 —по неточному списку, № 11—по подлинной рукописи, принадлежащей Е. И. Якушкину). Кромѣ того, П. И. Бартеневъ издалъ часть оды въ сборникѣ „Девятнадцатый вѣкъ“, кн. I, Москва 1872, стр. 367 (по черновому наброску поэта, сохранившемуся въ письмѣ къ Булгарину). Затѣмъ ода не разъ издавалась въ собраніяхъ сочиненій Рылѣева.

[1]) „Его Высокопревосходительству адмиралу Н. С. Мордвинову“, ода 1796 г., см.: Сочиненія В. И. Петрова, т. II Москва 1811, стр. 182.

[2]) Сочиненія Плетнева, т. I, стр. 121, т. III, стр. 300.

[3]) *Пушкинъ*. Изд. Бр.-Ефр., т. II, Спб. 1908, стр. 399.

гражданскаго служенія родинѣ. Посвящая ему оду, Рылѣевъ хотѣлъ отмѣтить въ ней именно гражданскія заслуги Мордвинова, которыя, на его взглядъ, были гораздо цѣннѣе воинской доблести. „Цѣль сочиненія оной (оды), писалъ Рылѣевъ въ показаніяхъ слѣдственному комитету по дѣлу декабристовъ, была отдать преимущество мужеству гражданскому передъ военнымъ“ [1]). Мысли объ этомъ преимуществѣ поэтъ высказалъ въ слѣдующихъ стихахъ:

Великъ, кто честь въ бояхъ снискалъ,
И страхомъ ставъ для чуждыхъ воевъ,
Къ своимъ знаменамъ приковалъ
Побѣду, спутницу героевъ!
Отчизны щитъ, гроза враговъ,
Онъ—достояніе вѣковъ;
Пѣвцовъ возвышенные звуки
Прославятъ подвиги вождя,
И юношамъ объ нихъ твердя,
Въ восторгѣ затрепещутъ внуки.
...Но подвигъ воина гигантскій
И стыдъ сраженныхъ имъ враговъ
Въ судѣ ума, въ судѣ вѣковъ—
Ничто предъ доблестью гражданской!
Гдѣ славныхъ не было вождей
Къ вреду законовъ и свободы?
...Увы, Аттилъ, Наполеоновъ
Зрѣлъ каждый вѣкъ своей чредой:
Они являлися толпой...
Но много ль было Цицероновъ?...

---

[1]) Государственный Архивъ. I. Дѣло № 281, см.: „Приложенія къ показаніямъ Рылѣева“. (Изъ копіи Дубровина, хранящейся въ рукоп. отдѣленіи Имп. Ак. наукъ).—Личное знакомство Рылѣева съ Мордвиновымъ состоялось послѣ того, какъ написана была ода. По этому поводу поэтъ давалъ такія показанія слѣдственному комитету: „Г-на Мордвинова узналъ я по собственному его желанію и былъ у него съ Ѳ. Н. Глинкою. Поводомъ сего была ода, мною написанная, въ коей я объ немъ упоминалъ. Черезъ нѣсколько времени онъ предложилъ мнѣ мѣсто въ Американской компаніи, правителя канцеляріи, которое я получилъ въ началѣ прошлаго года. Послѣ того имѣлъ съ нимъ сношеніе по дѣламъ компаніи и видѣлся у него по утрамъ, когда было нужно“. (См. „Дѣло“ Рылѣева въ Госуд. Архивѣ. I, В. № 334, л. 6. По копіи В. И. Семевскаго).

Обращаясь къ Мордвинову, Рылѣевъ удивляется его гражданской стойкости, сравниваетъ ее съ „красой кавказскихъ горъ“—Эльбрусомъ, который непоколебимо, не взирая на бушующія вокругъ стихіи, возноситъ подъ небеса свою вершину. Дѣятельность Мордвинова поэтъ характеризуетъ въ такихъ словахъ:

Уже полвѣка онъ Россію
Гражданскимъ мужествомъ дивитъ;
Вотще коварство вкругъ шипитъ:
Онъ наступилъ ему на выю.
Вотще неправый гласъ страстей
И съ злобой зависть, козни строя,
Въ безумной дерзости своей
Чернятъ дѣянія героя.
Онъ твердъ, покоенъ, невредимъ,
Съ презрѣніемъ внимая имъ,
Души возвышенной свободу
Хранитъ въ совѣтахъ и судѣ,
И гордымъ мужествомъ вездѣ
Подпорой власти и народу. [1])

Кромѣ оды „Гражданское мужество“, Рылѣевъ упоминаетъ о Мордвиновѣ въ стихотвореніи „В. П. Столыпиной“ (1825); ему же „съ глубочайшимъ уваженіемъ“ онъ посвятилъ и изданіе „Думъ“ 1825 г.; въ „Полярной звѣздѣ“ 1823 г. Рылѣевъ напечаталъ четверостишіе гр. Д. И. Хвостова: „Къ портрету Н. С. Мордвинова“, гдѣ между прочимъ указывалось, что этотъ „другъ людей“—

Разумомъ своимъ и духомъ отличался:
Онъ правду говорить и дѣлать не боялся. [2])

На ряду съ одами, гражданскіе мотивы замѣтно выступаютъ еще и въ другихъ мелкихъ произведеніяхъ Рылѣева, относящихся къ послѣднему періоду его литературной дѣятельности; ихъ мы не

[1]) *Балицкій*, т. I, стр. 155, 156.
[2]) „Полярная звѣзда на 1823 г.“, стр. 356.

видимъ лишь въ нѣкоторыхъ любовныхъ элегіяхъ 1824 г. [1]), въ „Надгробной Рыжку“ [2]) и въ стихотвореніи „На смерть сына“ [3]). Что же касается посвященныхъ А. А. Бестужеву „Стансовъ“ (1825 г.), они также должны быть отнесены къ гражданской лирикѣ, такъ какъ основные мотивы этого стихотворенія подсказаны были Рылѣеву, помимо Байрона, еще и личными его переживаніями—тѣми тяжелыми минутами сомнѣній и разочарованій, которыя онъ испытывалъ, видя равнодушіе окружающихъ къ вопросамъ дорогой для него гражданской свободы.

О гражданской элегіи „На смерть Байрона“ намъ уже приходилось упоминать выше (см. стр. 276—277); изъ другихъ произведеній этого рода заслуживаютъ еще вниманія: „На смерть Чернова“, пѣсня „Ахъ, тошно мнѣ“ и стихотвореніе „Гражданинъ“. Первое изъ нихъ вызвано было слѣдующимъ печальнымъ обстоятельствомъ. Двоюродный братъ Рылѣева, офицеръ Семеновскаго полка К. П. Черновъ, имѣлъ красавицу сестру (Екатерину Пахомовну), за которой вздумалъ ухаживать богатый и знатный аристократъ Новосильцовъ. Увлеченный ея красотою, Новосильцовъ не задумался сдѣлать предложеніе и, получивъ согласіе со стороны ея родителей, сталъ обращаться съ дѣвицей Черновой, какъ съ нареченной невѣстой. Въ порывѣ увлеченія молодой человѣкъ совершенно забылъ, какъ

---

[1]) См. элегіи: „Исполнились мои желанья...“, „Покинь меня, мой юный другъ!..“ и „Къ N. N.“ (*Балицкій*, т. I, стр. 162, 163); повидимому, онѣ написаны были поэтомъ въ періодъ увлеченія таинственной обольстительницей, которая, какъ впослѣдствіи выяснилось, подослана была полиціей съ цѣлью вывѣдать отъ него о заговорѣ декабристовъ. Н. Бестужевъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Рылѣевѣ подробно говоритъ объ этомъ увлеченіи, хотя разсказъ его, по мнѣнію Н. А. Котляревскаго, „нельзя принимать всецѣло на вѣру: онъ сочиненъ значительно позже, и въ немъ вымысла гораздо больше, чѣмъ правды“ (*Н. Котляревскій*. Рылѣевъ. Спб. 1908, стр. 44).

[2]) Рыжко—имя лошади Ан. Матв. Рылѣевой; стихотвореніе вызвано было потерей этой лошади. Жена поэта въ письмѣ къ свекрови указываетъ обстоятельства, при которыхъ написана была „Надгробная“: „Ахъ, любезнейшая маменка, писала она, какъ жаль вашего Рижка што онъ пропалъ я плакала читая ваше писмо онъ васъ такъ утешалъ и ви его теперь лишились. Кондратей Федоровичъ сочинялъ стихи ему на смерътъ и плакалъ такъ же я вошла а въ него глаза заплаканы“ (Архивъ К. Ѳ. Рылѣева, въ библ. Академіи наукъ. II. Переписка, № 15. См. приписку Н. М. Рылѣевой въ письмѣ К. Ѳ. къ матери. Въ цитатѣ удержана орѳографія подлинника).

[3]) У Рылѣева былъ сынъ Александръ, который умеръ въ 1824 г.

отнесутся къ предстоящему браку люди его круга, особенно его мать, урожденная графиня Орлова. Она не согласилась на такую неравную партію для сына и добилась того, что онъ пересталъ бывать въ домѣ Черновыхъ. На этомъ дѣло могло бы и прекратиться, но въ эту исторію вмѣшался „заклятый врагъ аристократовъ“ [1]) Рылѣевъ, который, принявъ дѣятельное участіе въ оскорбленномъ семействѣ Черновыхъ, всячески побуждалъ брата невѣсты вызвать Новосильцова на дуэль; послѣдній сначала уклонялся, затѣмъ принялъ вызовъ; на поединкѣ (10 сент. 1825 г.) оба противника пали, смертельно раненые; черезъ нѣсколько дней оба они умерли. Смерть Чернова произвела сильное впечатлѣніе на современниковъ и понята была, какъ смѣлый вызовъ „сильнымъ міра сего“. „Пусть паду я, писалъ Черновъ передъ поединкомъ, но пусть падетъ и онъ (Новосильцовъ), въ примѣръ жалкимъ гордецамъ, и чтобы золото и знатный родъ не насмѣхались надъ невинностью и благородствомъ души“ [2]). Похороны Чернова превратились въ цѣлую манифестацію; на его памятникъ собрано было 10000 руб.

„Трудно сказать, вспоминаетъ кн. Е. П. Оболенскій, какое множество провожало гробъ до Смоленскаго кладбища. Все, что мыслило, чувствовало, соединилось тутъ въ безмолвной процессіи и безмолвно выражало сочувствіе тому, кто собою выразилъ идею общую, каждымъ сознаваемую и сознательно и безсознательно:— защиту слабаго противъ сильнаго, скромнаго противъ гордаго“ [3]).

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ и было написано стихотвореніе „На смерть Чернова“; оно полно негодованія не только противъ Новосильцова, но и вообще противъ людей его круга— надменныхъ аристократовъ, временщиковъ и тирановъ, „ненавидѣвшихъ, по мнѣнію автора, святую Русь“ и предпочитавшихъ „говорить не русскимъ словомъ“.

[1]) Такъ отзывается о немъ П. П. Шенигъ въ своихъ воспоминаніяхъ (см. „Рус. Архивъ“ 1880 г., кн. III, стр. 320—321).

[2]) „Предсмертная записка Чернова“ (писана рукою А. Бестужева). Ефр.², стр. 312; Рылѣевъ былъ въ числѣ секундантовъ К. П. Чернова; имъ составлена подробная записка о поединкѣ, которая, кажется, подана была Спб. ген.-губ. графу Милорадовичу (см. ее: Ефр.², стр. 313—315).

[3]) Воспоминанія кн. Е. П. Оболенскаго. *Балицкій*, т. II, стр. 28.

Клянемся честью и Черновымъ!
Вражда и брань временщикамъ,
Царя трепещущимъ рабамъ,
Тиранамъ, насъ угнесть готовымъ

Нѣтъ! не отечества сыны,
Питомцы пришлецовъ презрѣнныхъ!
Мы чужды ихъ семей надменныхъ.
Они отъ насъ отчуждены.

Тамъ говорятъ не русскимъ словомъ,
Святую ненавидятъ Русь.
Я ненавижу ихъ, клянусь,
Клянусь и честью, и Черновымъ!

На нашихъ дѣвъ, на нашихъ женъ
Дерзнетъ ли вновь любимецъ счастья
Взоръ бросить полный сладострастья,—
Падетъ, перуномъ пораженъ.

И прахъ твой будетъ въ посмѣянье,
И гробъ твой будетъ въ стыдъ и срамъ!
Клянемся, дщерямъ и сестрамъ —
Смерть, гибель, кровь за поруганье!

А ты — братъ нашихъ ты сердецъ,
Герой, столь рано охладѣлый,
Вносись въ небесные предѣлы!
Завиденъ, славенъ твой конецъ. [1])

Слишкомъ суровый упрекъ, обращенный въ этихъ стихахъ къ „любимцу счастья“ Новосильцову, несомнѣнно подсказанъ былъ только экзальтированнымъ состояніемъ поэта накапунѣ декабрьскихъ событій; иначе врядъ ли бы онъ сталъ такъ жестоко осуждать человѣка, который и безъ того заплатилъ дорогой цѣной за свое некорректное отношеніе къ дѣвицѣ Черновой [2]).

Пѣсня „Ахъ, тошно мнѣ..“ написана была Рылѣевымъ съ тою же цѣлью, съ какой С. Муравьевъ-Апостолъ составилъ „Православный катихизисъ“, а Н. Муравьевъ началъ сочинять, но не кончилъ „Разговоръ любопытный“ (иначе его называли: „Катехизисъ вольнаго человѣка“); этой пѣсней Рылѣевъ хотѣлъ воздѣйствовать на умы низшихъ классовъ народа и подготовить ихъ къ предполагавшемуся перевороту. Пѣсня направлена противъ тяжелыхъ условій крестьянской жизни подъ гнетомъ крѣпостного права. Барскій про-

---

[1]) *Балицкій*, т. I, стр. 178. При изданіи строфы стихотворенія перепутаны.

[2]) Новосильцовъ похороненъ былъ въ Спб. близъ Лѣсного Института; надъ тѣломъ его воздвигнута церковь.

изволъ, взяточничество въ судахъ, тяжесть налоговъ, злоупотребленія при продажѣ вина—вотъ главные мотивы этого произведенія. Для большей популярности ему придана была форма народной пѣсни. Ср.:

Народная пѣсня:	У Рылѣева:
Ахъ! грустно мнѣ	Ахъ, тошно мнѣ
На чужой сторонѣ:	И въ родимой сторонѣ;
Все не мило,	Все въ неволѣ,
Все постыло,	Въ тяжкой долѣ,
Со мной милыя здѣсь нѣтъ. [1])	Видно вѣкъ вѣковать. [2])

Рылѣеву приписывается еще нѣсколько пѣсенъ политическаго содержанія [3]); изъ нихъ, по словамъ Е. И. Якушкина, наиболѣе из-

[1]) Полный новѣйшій пѣсенникъ, ч. II, Москва 1849, № 21.

[2]) *Балицкій*, т. I, стр. 168. Автографъ этой пѣсни хранится въ Госуд. Архивѣ въ приложеніяхъ къ показаніямъ Рылѣева (д. № 281, лит. А); впервые онъ изданъ А. Бороздинымъ въ сборникѣ: „Изъ писемъ и показаній декабристовъ". Спб 1906, стр. 195—196. Среди бумагъ Шильдера, въ Имп. Публ. Библіотекѣ, сохранился списокъ той же пѣсни, писанный рукой М. А. Бестужева; здѣсь текстъ ея въ нѣкоторыхъ строфахъ не совпадаетъ съ подлинникомъ; отмѣтимъ наиболѣе характерныя отличія:

Чѣмъ мы хуже господъ?	Хоть и кажется намъ братъ,
У насъ тотъ же носъ и ротъ,	Въ усъ не дуетъ и воюетъ,
По разсудку и желудку	Какъ бы въ вражеской землѣ
Братья мы по кресту.	...Чтобы насъ наказать,
А на дѣлѣ не такъ.	Господь вздумалъ ниспослать
Насъ мѣняютъ на собакъ	Поселенье въ разоренье
И для форту, такъ на карту	Православнымъ на бѣду.
Ставятъ всю семью враздробь.	И заплакалъ народъ,
..И въ деревнѣ солдатъ,	Но ему зажали ротъ.

[3]) См. о нихъ выше, стр. 19. Здѣсь по поводу пѣсни-пародіи „Ахъ, гдѣ тѣ острова..." мы высказали мнѣніе, что она принадлежитъ не Рылѣеву, а Пушкину; основаніемъ для этого служили намъ письма послѣдняго къ брату Л. С. Пушкину и кн. П. А. Вяземскому. Этими же соображеніями руководился и Н. А. Котляревскій, приписывая данную пѣсню Пушкину (см. его монографію: „Рылѣевъ". Спб. 1909, стр. 73). Найденный недавно г. Садовскимъ списокъ этой пѣсни, сохранившейся въ рукописи съ водяными знаками 1829 г., также называетъ Пушкина ея авторомъ. Однако г. Лернеръ рѣшительно возстаетъ противъ такого мнѣнія и настаиваетъ на принадлежности пѣсни Рылѣеву. Пушкинъ, по его словамъ, сочинилъ лишь нѣсколько шутливыхъ стиховъ (нач.: „А въ ненастные дни..."), которые ошибочно, благодаря сходству

вѣстными въ свое время были: „По улицѣ мостовой“ и „Кузнецъ“ [1]). На слѣдствіи Рылѣева спрашивали, дѣйствительно ли онъ является авторомъ пѣсенъ „Вдоль Фонтанки рѣки квартируютъ полки, слава!“ и „Подгуляла я; нужды нѣтъ, друзья! Это съ радости“: поэтъ не призналъ ихъ своими [2]). Въ подобномъ родѣ писалъ пѣсни и А. Бестужевъ, касаясь въ нихъ главнымъ образомъ солдатскаго быта [3]). Н. Бестужевъ указываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что всѣ эти пѣсни составлялись обоими поэтами вмѣстѣ и широко распространены были среди населенія. „Хотя правительство, говоритъ онъ, всѣми мѣрами старалось истребить сіи пѣсни, гдѣ только могло находить ихъ, но они были сдѣланы въ простонародномъ духѣ, были слишкомъ близки къ его состоянію, чтобы можно было вытѣснить ихъ изъ памяти простолюдиновъ, которые видѣли въ нихъ вѣрное изображеніе своего настоящаго положенія и возможность улучшенія въ будущемъ... Рабство народа, тяжесть притѣсненія, несчастная солдатская жизнь изображались въ нихъ простыми словами, но вѣрными красками... Въ тотъ самый день, когда исполнена была надъ нами сентенція, и насъ, морскихъ офицеровъ, возили для того въ Кронштадтъ, бывшій съ нами унтеръ-офицеръ морской артиллеріи сказывалъ намъ наизусть всѣ запрещенные стихи и пѣсни Рылѣева,

размѣра, печатаются вмѣстѣ со стихотвореніемъ „Ахъ, гдѣ тѣ острова...“; въ дѣйствительности, оба произведенія не имѣютъ между собой никакой связи и писаны различными лицами: первое—Рылѣевымъ, второе—Пушкинымъ (см. „Кіевскую Мысль“ 1911 г., № 240). Если возможно допустить подобное раздѣленіе пѣсни „Ахъ, гдѣ тѣ острова...“ на два самостоятельныя стихотворенія, то высказанное нами утвержденіе о принадлежности всей пѣсни Пушкину теряетъ свою силу. Съ другой стороны, врядъ ли можно настаивать и на авторствѣ Рылѣева на томъ только основаніи, что разсматриваемая пѣсня постоянно печаталась въ заграничныхъ и русскихъ изданіяхъ его сочиненій: въ этихъ изданіяхъ мы встрѣчали не одно произведеніе, завѣдомо не принадлежащее перу Рылѣева (см. выше, стр. 17—18).

[1]) Девятнадцатый вѣкъ. Истор. сборникъ, изд. П. Бартеневымъ, кн. 1, Москва 1872, стр. 354

[2]) Государственный Архивъ. I. В. № 334, л. 44 (по копіи В. И. Семевскаго).

[3]) См. пѣсни, изданныя съ именемъ А. Бестужева въ заграничномъ сборникѣ „Лютня“ (изд. 6-ое Э. Л. Каспровича. Лейпцигъ. s. a.): „Пѣсня К...ой“ (нач.: „Я свободы дочь...“), „Что но вѣтеръ шумитъ во сыромъ бору...“ (на голосъ: „Ужъ какъ палъ туманъ на синё море...“), „4-ое августа“ (нач.: „Какъ четвертаго числа насъ нелегкая несла...“, на голосъ: „Бонапарту не до пляски— растерялъ свои подвязки и кричитъ пардонъ...“).

прибавя, что у нихъ нѣтъ канонира, который, умѣя грамотѣ, не имѣлъ бы переписанныхъ этого рода сочиненій и особенно пѣсенъ Рылѣева" [1]). Ими интересовались не только низшіе классы. Н. Гречъ вспоминаетъ, какъ однажды на вечеринкѣ у Ѳ. Булгарина распѣвали Рылѣевскія пѣсни, и всѣ слушали ихъ съ „удовольствіемъ и искренно смѣялись" [2]). Вѣроятно, эти же пѣсни имѣлъ въ виду и Мицкевичъ, указывая въ своемъ курсѣ славянскихъ литературъ, читанномъ въ Парижѣ, что среди русскихъ заговорщиковъ, совѣщавшихся съ польскими, пѣлись „жестокія" пѣсни „финскаго и монгольскаго характера", которыя приводили въ ужасъ поляковъ [3]).

Стихотвореніе „Гражданинъ", по словамъ П. И. Пущина, написано было въ декабрѣ 1825 г. Е. И. Якушкинъ предполагаетъ, что оно является послѣднимъ произведеніемъ, писаннымъ Рылѣевымъ на свободѣ [4]). Извѣстно два его автографа: одинъ сохранился среди бумагъ И. И. Пущина и переданъ былъ затѣмъ В. Е. Якушкину [5]), другой находится въ Государственномъ Архивѣ при дѣлѣ Рылѣева [6]). Въ спискѣ М. А. Бестужева стихотвореніе носитъ заглавіе: „Къ молодому русскому поколѣнію" [7]). Н. А. Бестужевъ отмѣчаетъ, что Рылѣевъ имѣлъ здѣсь въ виду „юношество высшаго сословія русскаго". Поэтъ упрекаетъ его въ равнодушномъ отношеніи къ своимъ гражданскимъ обязанностямъ и сознается, что самъ онъ не способенъ подражать „изнѣженному племени переродившихся славянъ" и не можетъ „изнывать кипящею душой подъ тяжкимъ игомъ самовластья".

Пусть юноши, не разгадавъ судьбы,
Постигнуть не хотятъ предназначенья вѣка
И не готовятся для будущей борьбы

---

[1]) *Балицкій*, т. I, стр. 35.

[2]) *Н. Гречъ*. Записки о моей жизни. Спб 1886, стр. 433.

[3]) *A. Mickiewicz*. Les Slaves. Paris 1849, III, p. 289.

[4]) *Е. Я.* По поводу воспоминаній о К. Ѳ. Рылѣевѣ. „Девятнадцатый вѣкъ". Истор. сборникъ, изд. П. Бартеневымъ, кн. I, Москва 1872, стр. 354.

[5]) Снимокъ съ этой рукописи воспроизведенъ при 2-мъ т. сочиненій Рылѣева, изд. Балицкимъ.

[6]) См. приложенія къ показаніямъ Рылѣева (Гос. Арх., I, д. № 281. Лит. В).

[7]) См. автографъ М. А. Бестужева въ бумагахъ Шильдера, въ Имп. Публ. Библіотекѣ.

За угнетенную свободу человѣка.
Пусть съ хладнокровіемъ бросаютъ хладный взоръ
На бѣдствія страдающей отчизны
И не читаютъ въ нихъ грядущій свой позоръ
И справедливыя потомковъ укоризны.
Они раскаются, когда народъ, возставъ,
Застанетъ ихъ въ объятьяхъ праздной нѣги
И, въ бурномъ мятежѣ ища свободныхъ правъ,
Въ нихъ не найдетъ ни Брута, ни Рієги [1]).

Несомнѣнно, въ этихъ сильныхъ, проникнутыхъ гражданскимъ паѳосомъ стихахъ, отразилось душевное настроеніе поэта наканунѣ декабрьскихъ событій 1825 г. Упоминаемый здѣсь испанскій революціонеръ Рієго хорошо извѣстенъ былъ въ кругу современниковъ Рылѣева Декабристъ А. П. Бѣляевъ вспоминаетъ, что во время плаванія въ Испанію, въ 1824 г., русскіе офицеры слушали тамъ „маршъ Рієго и съ восторгомъ поднимали бокалы въ его память“ [2]); о немъ вспоминаетъ въ своихъ письмахъ и Н. И. Тургеневъ [3]). Казнь Рієго (7 ноября 1823 г.), по словамъ Гангеблова, служила предметомъ бесѣды въ кружкѣ Лаппы, Назимова и Семенова [4]). Въ 1825 г., во время междуцарствія, портретъ Рієго выставленъ былъ въ одномъ изъ магазиновъ [5]).

Послѣднимъ прозаическимъ произведеніемъ Рылѣева, писаннымъ на свободѣ, была статья „Нѣсколько мыслей о поэзіи“; она появилась въ ноябрьской книжкѣ „Сына Отечества“ 1825 г. (ч. CIV) и касалась вопросовъ, которые въ то время не разъ уже подымались въ нашей литературѣ [6]); вопросы эти посвящены были выяс-

[1]) *Балицкій*, т. I, стр. 168.

[2]) „Рус. Старина“ 1881 г., т. XXX, стр. 23. См.: *В. И. Семевскій*. Полит и обществ. идеи декабристовъ. Спб. 1909, стр. 209.

[3]) *В. И. Семевскій*, назв. соч., стр. 246.

[4]) Ibid., стр. 256.

[5]) Ibid., стр. 181.

[6]) См.: „О твореніяхъ классическихъ и романтическихъ“, соч. *И. Снядецкаго*, съ польскаго („Вѣстн. Евр.“ 1819 г., ч. CIV); *О. Сомовъ*. „О романтической поэзіи“ („Сор. Просв.“ 1823 г., ч. XXIII); „О новыхъ одахъ В. Гюго и о поэзіи романтической“ („Вѣст. Европы“ 1824 г., № 13); *Арто*. „О духѣ новой поэзіи“, пер. съ франц. А. Б. („Сынъ Отеч.“ 1825 г., ч. CII, №№ 15—16). Кромѣ

ненію сущности романтизма и отношенію его къ античной поэзіи. Рылѣевъ не раздѣлялъ возникшаго по этому поводу спора и находилъ, что защитники той или другой поэзіи препираются больше о словахъ, упуская изъ виду существо дѣла. По его мнѣнію, истинная поэзія всегда была одна и та же; необходимыми условіями такой поэзіи являются самобытность, оригинальность и свобода поэтическаго творчества. Слѣпое подражаніе древнимъ въ духѣ и формахъ явилось несчастнымъ предубѣжденіемъ, послужившимъ причиной ничтожности многихъ новѣйшихъ произведеній. Среди поэтовъ необходимо различать поэтовъ оригинальныхъ и подражателей, и потому нельзя ставить на одну доску Гомера съ Виргиліемъ, Эсхила съ Вольтеромъ. „Опутавъ себя веригами чужихъ мнѣній и обезкрыливъ подражаніемъ генія поэзіи, мы влеклись къ той цѣли, которую указывала намъ формула Аристотеля и бездарныхъ его послѣдователей. Одна только необычайная сила генія изрѣдка прокладывала себѣ новый путь и, облетая цѣль, указанную педантами, рвалась къ собственному идеалу. Когда же явилось нѣсколько такихъ поэтовъ, которые слѣдуя внушенію своего генія, не подражая ни духу, ни формамъ древней поэзіи, подарили Европу своими оригинальными произведеніями, тогда потребовалось классическую поэзію отличить отъ новѣйшей, и нѣмцы назвали сію послѣднюю поэзію романтическою, вмѣсто того, чтобы назвать просто новою поэзіею. Дантъ, Тассъ, Шекспиръ, Аріостъ, Кальдеронъ, Шиллеръ, Гете—наименованы романтиками... Такимъ образомъ поэзіею романтическою назвали поэзію оригинальную, самобытную, а въ этомъ смыслѣ Гомеръ, Эсхилъ, Пиндаръ, словомъ всѣ лучшіе греческіе поэты—романтики, равно какъ и превосходнѣйшія произведенія новѣйшихъ поэтовъ, написан-

этихъ крупныхъ статей, посвященныхъ вопросамъ романтической поэзіи, на страницахъ современныхъ журналовъ появлялись многія мелкія замѣтки по этому поводу; см.: „Отрывки изъ моего журнала" („Благонамѣренный" 1823 г. ч. XXIII, стр. 66). *Гильевъ*. „Письмо къ сердечному другу моему въ О". (Ibid., стр. 323—329); примѣчаніе *Ѳ. Булгарина* къ статьѣ Олина: „Критическій взглядъ на Бахчисарайскій Фонтанъ" („Лит. Листки" 1824 г., ч. II, стр. 266—269); *Плетневъ*. Письмо къ графинѣ С. И. С. о русскихъ поэтахъ („Сѣв. Цвѣты" 1825 г.); „Нѣчто о спорѣ по поводу Онѣгина" („Вѣстн. Европы" 1825 г., № 5, стр. 25—30). „Замѣчанія о хорошихъ и дурныхъ нововведеніяхъ въ драматическую поэзію" („Моск. Телеграфъ" 1825 г., ч. IV, стр. 127—129, см. ibid., ч. VI, стр. 73) и мн. др.

ныя по правиламъ древнихъ, но предметы коихъ взяты не изъ древней исторіи, суть произведенія романтическія, хотя ни тѣхъ, ни другихъ не признаютъ таковыми. Изъ всего вышесказаннаго не выходитъ ли, что ни романтической, ни классической поэзіи не существуетъ. Истинная поэзія въ существѣ своемъ всегда была одна и та же, равно какъ и правила оной. Она раздѣляется только по существу и формамъ, которыя въ разныхъ вѣкахъ приданы ей духомъ времени, степенью просвѣщенія и мѣстностью той страны, гдѣ она появилась. Вообще можно раздѣлить поэзію на древнюю и новую. Это будетъ основательнѣе. Наша поэзія болѣе содержательная, нежели вещественная: вотъ почему у насъ болѣе мыслей, у древнихъ болѣе картинъ; у насъ болѣе общаго, у нихъ частностей".

Обращаясь къ драмѣ, Рылѣевъ указываетъ, что законы трехъ единствъ не являются необходимымъ условіемъ современныхъ драматическихъ произведеній; они нужны были для древней драмы, кругъ дѣйствія которой ограничивался однимъ мѣстомъ, что́ давало возможность соблюдать и быстроту, и единство дѣйствія. Наша жизнь значительно усложнилась, и прежнія формы намъ не въ пору. Въ современной драмѣ бо́льшее значеніе имѣетъ единство цѣли, къ которому и стремятся теперь романтическіе писатели. „Труднѣе соединить въ одно цѣлое разныя происшествія такъ, чтобы они гармонировали въ стремленіи къ цѣли и составляли совершенную драму, нежели написать драму съ соблюденіемъ трехъ единствъ, разумѣется съ предметами, равномѣрно благодарными."

Напрасно нѣкоторые пытаются дать опредѣленіе поэзіи; попытки ихъ безполезны, такъ какъ идеалъ поэзіи безконеченъ и недостижимъ: „еслибъ можно было опредѣлить, что такое поэзія, то можно-бъ было достигнуть и до высочайшаго идеала оной, а когда бы въ какомъ нибудь вѣкѣ достигли до него, то что́ бы тогда осталось грядущимъ поколѣніямъ? Куда бы дѣвалось perpetuum mobile?"

Отстаивая полную независимость и самобытность творчества, Рылѣевъ такъ заканчиваетъ свою статью: „Будемъ почитать высоко поэзію, а не жрецовъ ея и, оставивъ безполезный споръ о романтизмѣ и классицизмѣ, будемъ стараться уничтожить въ себѣ духъ рабскаго подражанія и, обратясь къ источнику истинной поэзіи, употребимъ всѣ усилія осуществить въ своихъ писаніяхъ идеалы

высокихъ чувствъ, мыслей и вѣчныхъ истинъ, всегда близкихъ человѣку и всегда не довольно ему извѣстныхъ“ [1]).

„Статья эта, замѣчаетъ о ней П. А. Котляревскій, конечно, не рѣшала спора между классиками и романтиками и не давала никакого опредѣленія двухъ боровшихся тогда литературныхъ тенденцій, но въ основныхъ своихъ мысляхъ она была необычайно ясна, проста и вѣрна, такъ какъ на свѣтѣ, дѣйствительно, есть только одна истинная поэзія общечеловѣческая и вѣчная. Эта простая мысль мелкала многимъ изъ современниковъ Рылѣева,—всѣмъ, кто былъ одаренъ настоящимъ художественнымъ чувствомъ, но никто не выразилъ ее такъ просто, такъ общепонятно“ [2]).

Идеалистическое направленіе статьи Рылѣева ставитъ ее въ близкую связь съ нѣмецкой философіей и эстетикой; нельзя при этомъ не замѣтить, что и многія мысли, высказанныя здѣсь, были почерпнуты изъ нѣмецкой литературы. Основная мысль Рылѣева— о свободѣ поэтическаго генія, который самъ прокладываетъ себѣ новый путь и свободно „рвется къ собственному идеалу“,—опредѣленно выдвигалась въ нѣмецкой философіи и твердо усвоена была затѣмъ теоретиками нѣмецкаго романтизма. „Еще Кантъ въ своемъ ученіи о прекрасномъ („Kritik der Urtheilskraft“ 1790 г.) далъ понятіе о геніи, какъ объ оригинальномъ, своеобразномъ и непосредственномъ природномъ дарованіи, которое, являясь для себя закономъ, не подчиняется никакимъ правиламъ искусства,—наоборотъ создаетъ ихъ; при этомъ геній творитъ инстинктивно, безсознательно, и только образцы, а не подражанія“ [3]). Дальнѣйшее развитіе этихъ идей Канта мы находимъ въ философіи Фихте; Фридрихъ Шлегель примѣнилъ философскія воззрѣнія Фихте къ искусству и поэзіи, въ результатѣ чего явилась его философія геніальности, по которой основа поэзіи—свободная, безпредѣльная субъективность, или право художника выражать въ своемъ творчествѣ свое „я“, не подчиняясь никакимъ законамъ [4]). Эти же мысли встрѣчаются въ эстетическихъ воззрѣніяхъ Шиллера и Шеллинга; такъ, первый въ

[1]) *Балицкій*, т. II, стр. 80—84.

[2]) *П. Котляревскій*. Рылѣевъ. Спб. 1908, стр. 59.

[3]) *П. Н. Замотинъ*. Романтизмъ двадцатыхъ годовъ XIX ст. въ рус. литературѣ. Изд. 2, т. I, Спб. 1911 стр. 138.

[4]) Ibid., стр. 139.

статьѣ „О наивной и сентиментальной поэзіи“ говоритъ: „Вдохновеніе должно быть всегда однимъ и тѣмъ же—должно, очищенное отъ всякаго внѣшняго *принужденія*, вытекать изъ пламеннаго стремленія къ идеалу, который есть единственный, истинный источникъ сентиментальной поэзіи (подъ сентиментальной поэзіей Шиллеръ разумѣетъ поэзію романтическую, подъ наивной—древнюю)[1]). По Шеллингу геній есть правда, дѣйствующая свободно[2]).

Мысль Рылѣева, что древняя и новая поэзія являются частями единой, вѣчной поэзіи могла быть заимствована имъ отъ Авг. Шлегеля, который въ „Курсѣ драматической поэзіи“ называлъ античную и романтическую поэзію *двумя полюсами одной* магнетической линіи[3]).

Точно также и различіе, устанавливаемое Рылѣевымъ между той и другой поэзіей, весьма подходитъ къ воззрѣніямъ нѣмецкихъ романтиковъ, которые опредѣляли разницу между классицизмомъ и романтизмомъ отношеніемъ между идеей и формой: въ первомъ преобладала вещественность, форма, во второмъ—содержаніе, идея. Поэзія древнихъ, по мнѣнію Шиллера, подражала дѣйствительности и потому отличалась „простотою формъ, тѣмъ, что можно представить чувственно и, такъ сказать, осязаемо. Главное достоинство наивной поэзіи въ умѣньи изображать то, что имѣетъ опредѣленныя границы, и потому древніе поэты мощны искусствомъ ограниченія, новѣйшіе - искусствомъ безконечнаго. Новѣйшій поэтъ далеко оставитъ за собою наивнаго въ богатствѣ содержанія, въ томъ, что нельзя представить и выразить словами, однимъ словомъ, въ томъ, что въ произведеніяхъ искусства называется духомъ“[4]).

Въ русской литературѣ, какъ мы уже отмѣчали, статья Рылѣева не была совершенно оригинальной: мысли, высказанныя имъ, нерѣдко затрагивались въ современныхъ статьяхъ о романтической поэзіи. Еще за два года до него О. М. Сомовъ такъ опредѣлялъ различіе между классической и романтической поэзіей: что первая облекаетъ въ чувственныя формы, то вторая, согласно нашимъ понятіямъ, представляетъ въ видѣ отвлеченномъ. Сомовъ отстан-

---

[1]) *Шиллеръ*. Изд. Брокгауза-Ефрона, т. IV, Спб. 1902, стр. 382.

[2]) Всеобщая исторія литературы, изд. подъ ред. Корша и Кирпичникова т. IV, Спб. 1888, стр. 273.

[3]) *Р. Гаймъ*. Романтическая школа. Москва 1891, стр. 658.

[4]) *Шиллеръ*, op. cit., стр. 380—381.

валъ также независимость творчества и считалъ предоставленіе поэту „полной свободы выбора и изложенія первѣйшей цѣлью романтической поэзіи“ [1]).

Мысли о свободѣ поэтическаго генія мы встрѣчаемъ и въ статьѣ Арто (Artaud), которая незадолго до появленія статьи Рылѣева издана была въ переводѣ А. Б[естужева?] въ „Сынѣ Отечества“. „Подражаніе, читаемъ мы тамъ, не произвело ничего великаго. Правила тащатся слѣдомъ за геніемъ; геній спрашивается только своихъ силъ. Отъ сего то нѣтъ генія безъ оригинальности, нѣтъ оригинальности безъ самобытности“ [2]).

Послѣ Рылѣева затронутые имъ вопросы еще не разъ обсуждались нашими литературными критиками. Часто при этомъ высказывались положенія, которыя намѣчалъ въ своей статьѣ и Рылѣевъ. Такъ, напр., М. Р-гъ въ 1829 г., разбирая переводъ трагедіи Шиллера, говорилъ о раздѣленіи *единой поэзіи* на древнюю (классическую) и новую (романтическую) [3]). П. А. Катенинъ отстаивалъ права на существованіе какъ древней, такъ и новой поэзіи. „Было время во Франціи, писалъ онъ, когда не почитали достойными трагедіи никого, кромѣ грековъ и римлянъ. Теперь листъ перевернулся, грековъ и римлянъ гонятъ съ бѣлаго свѣта; и то, и другое предразсудокъ, недостатокъ истиннаго вкуса и поэтическаго чувства. Для знатока, прекрасное во всѣхъ видахъ и всегда прекрасно; судить о произведеніяхъ высокихъ искусствъ по прихотямъ моды—явный признакъ слабоумія“ [4]).

Вл. Бриммеръ, устанавливая различіе между древней и новой поэзіей, намѣчалъ тѣ же признаки, о которыхъ упоминалъ и Рылѣевъ. По его словамъ, „древніе, особливо греки, строгимъ и вѣрнымъ очеркомъ лицъ своихъ налагаютъ, такъ сказать, узду на воображеніе, не дозволяя ему оставить кругъ, въ который поэтъ заключилъ читателя; тогда какъ новые, возвышая формы свои до

---

[1]) „О романтической поэзіи“, статья II („Сорев. Просвѣщенія“ 1823 г., ч. XXIII, стр. 151, 152, 156).

[2]) *Арто* (*Artaud*). О духѣ новой поэзіи. Изъ Revue Encyclopedique, пер. А. Б. „Сынъ Отечества“ 1825 г., ч. CII, стр. 398; статья Рылѣева напечатана была въ CIV-ой части того-же журнала

[3]) См.: „Атеней“ 1829 г., ч. III, стр. 170—171.

[4]) *П. А. Катенинъ*. Размышленія и разборы. Статья II: О поэзіи вообще („Литературная Газета“ 1830 г., т. I, № 4, стр. 30).

идеала, освобождаютъ фантазію отъ всякаго принужденія... Произведенія грековъ суть точное, вѣрное подражаніе природѣ во всѣхъ ея подробностяхъ... Напротивъ того, произведенія позднѣйшихъ народовъ болѣе или менѣе переносятъ насъ въ міръ идеальный и съ тѣмъ вмѣстѣ разрѣшаютъ воображеніе отъ узъ, природою на него налагаемыхъ. Древняя поэзія не касалась внутренней жизни героевъ, а тѣ „отвлеченныя понятія", то дробленіе чувствъ и мыслей, которыя происходятъ отъ глубокаго изслѣдованія самого себя, и составляютъ характеръ романтической поэзіи... Истинный романтизмъ соотвѣтствуетъ потребностямъ души болѣе классицизма..; если сей послѣдній беретъ надъ нимъ верхъ опредѣленностью формъ, за то творенія перваго сильнѣе дѣйствуютъ на сердце и воображеніе..." [1]).

А. А. Бестужевъ (Марлинскій) въ статьѣ „О романахъ и романтизмѣ" отмѣчалъ въ дохристіанской литературѣ преобладаніе чувства и вещественныхъ образовъ: со времени христіанства въ литературѣ царствуетъ душа, побѣждаютъ мысли. Въ романтизмѣ Бестужевъ видѣлъ „стремленіе безконечнаго духа человѣческаго выразиться въ конечныхъ формахъ" [2]).

Наиболѣе видный теоретикъ нашего романтизма—Надеждинъ вводилъ для современной поэзіи тотъ же терминъ, какой раньше предлагалъ и Рылѣевъ („новая поэзія"). Но при этомъ каждый изъ нихъ вкладывалъ различное пониманіе въ эти слова. „Новая поэзія" для Надеждина была синтезомъ классицизма и романтизма: лучшіе элементы того и другого, синтезируясь, должны объединиться на національныхъ началахъ въ одно цѣлое подъ именемъ „новой поэзіи". Для Рылѣева такимъ объединяющимъ понятіемъ была „романтическая поэзія", которую онъ и считалъ истинною; въ отношеніи къ ней и древняя, и новая поэзія являлись подчиненными понятіями, были, такъ сказать, звеньями одной цѣпи. „Новую" же поэзію Рылѣевъ противополагалъ древней и видѣлъ только въ ней преобладаніе духовнаго начала, а не вещественности, которая являлась отличительной чертой античной поэзіи. Врядъ ли, поэтому, можно согласиться съ г. Замотинымъ, который сближалъ оди-

[1]) *Вл. Бриммеръ.* Объ истинномъ и ложномъ романтизмѣ. „Сынъ Отечества" 1830 г., ч. CXXXII, стр. 173, 174, 176, 178.

[2]) „Московскій Телеграфъ" 1833 г., ч. LII, стр. 406.

наковые термины обоихъ писателей[1]). Если что и можно сопоставлять здѣсь, то только „новую поэзію“ Надеждина и „романтическую“—Рылѣева, такъ какъ и та, и другая являлась для нихъ синтезомъ двухъ эпохъ поэтическаго творчества—античнаго и современнаго.

Стихотворенія, писанныя въ крѣпости.

Вечеромъ 14-го декабря 1825 г. Рылѣевъ былъ арестованъ и въ теченіе шести мѣсяцевъ, пока длились слѣдствіе и судъ, содержался въ Петропавловской крѣпости. Здѣсь, подъ мрачными сводами Алексѣевскаго равелина поэтъ набросалъ нѣсколько стихотворныхъ отрывковъ, которые содержаніемъ своимъ рѣзко отличаются отъ всего, что онъ писалъ раньше. При объясненіи этихъ произведеній необходимо принять во вниманіе душевныя тревоги и страданія, пережитыя поэтомъ во время одиночнаго заключенія. Всѣмъ извѣстно то угнетенное состояніе духа, въ которомъ находились декабристы послѣ неудачнаго выступленія на Сенатской площади. Рылѣевъ страдалъ болѣе другихъ, сознавая себя главнымъ виновникомъ всего происшедшаго. Впослѣдствіи тяжелыя душевныя настроенія еще болѣе усилились: по ходу слѣдствія и по тѣмъ обвиненіямъ, какія предъявлялъ къ Рылѣеву Верховный судъ, поэтъ предвидѣлъ свою судьбу и зналъ, что жизнь его скоро прекратится. Счеты съ внѣшнимъ міромъ были покончены; земная жизнь казалась временами чужбиной, и Рылѣевъ тосковалъ по иномъ мірѣ.

Единственнымъ утѣшеніемъ для него являлась въ это время религія: она поддерживала его и успокаивала въ тяжелыя минуты. Религіозный въ теченіе всей своей жизни, Рылѣевъ испытывалъ теперь особый подъемъ религіознаго чувства: онъ перечитывалъ священное писаніе, просилъ жену переслать ему переводъ М. М. Сперанскаго „О подражаніи Христу“[2]). Религіозное настроеніе замѣтно отразилось и во всемъ, что писалъ Рылѣевъ въ крѣпости, въ письмахъ къ женѣ, въ прозаическихъ отрывкахъ[3]) и въ тѣхъ стихотвореніяхъ, которыя наколоты были имъ иглою на кленовые листья и

[1]) *И. И. Замотинъ.* Романтизмъ 20-хъ гг. въ русской литературѣ. Варшава 1903, стр. V, 317, 363.

[2]) *Балицкій.* т. II, стр. 144, 127.

[3]) См. ниже. Приложенія, стр. 74—76; *Балицкій.* т. II, стр. 139—140.

пересланы черезъ тюремнаго сторожа кн. Е. П. Оболенскому. Въ нѣкоторыхъ стихахъ Рылѣевъ почти дословно повторяетъ тексты св. писанія. Ср.:

...Кто̀ да̑стъ мѝ крилѣ̀ ꙗ̑кѡ гѡлꙋбѝнѣ; ѝ полецѫ̀, ѝ почїю.

(Псалт. LIV, 7).

Кто дастъ крылѣ мнѣ голубинѣ,
Да полечу и ночію.

(*Балицкій*, т. I, стр. 165).

Сїѧ̀ глаго̑лахъ вамъ, да не соблазнитѐсѧ. Ѿ со̑нмищъ ѝзженꙋ̑тъ вы: но прїѝдетъ ѵа̑съ, да всѧ̑къ. ꙗ̑же ᲂу̑бїѐтъ вы̀, возмнѝтсѧ слꙋ̑жбꙋ приносѝти Бꙋ̑. (Іоанн. XVI, 1. 2). И не ᲂу̑бо́йтесѧ ѿ ᲂу̑бивѧ̑ющихъ тѣ̑ло, дꙋшѝ же не могꙋ̑щихъ ᲂу̑бѝти. (Матѳ. X, 28). Блаже̑нни ѝзгнѧ̑нни пра̑вды ра̑ди: ꙗ̑кѡ тѣ̑хъ ѐсть ца̑рствїе небе̑сное. Блаже̑нни ѐстѐ, ѐгда̀ поно̑сатъ вамъ, ѝ ѝзженꙋ̑тъ, ѝ ре̑кꙋтъ всѧ̑къ зо̑лъ глаго̑лъ на вы̀, лжꙋ̑ще, Менѐ ра̑ди. Ра̑дꙋйтесѧ ѝ веселѝтесѧ, ꙗ̑кѡ ѵзда̀ ка̑ша ѝно̑га на небесѣ̑хъ.

(Матѳ. V, 10—12).

„И плоть, и кровь преграды вамъ поставитъ;
Васъ будутъ гнать и предавать,
Осмѣивать и дерзостно безславить,
Торжественно васъ будутъ убивать;
Но тщетный страхъ не долженъ васъ тревожить;
И страшны ль тѣ, кто властенъ жизнь отнять,
Но этимъ зла вамъ причинить не сможетъ?
Счастливъ, кого Отецъ мой изберетъ,
Кто истины здѣсь будетъ проповѣдникъ:
Тому вѣнецъ, того блаженство ждетъ,
Тотъ царствія небеснаго наслѣдникъ“.

(Ibid., стр. 167).

Ѿ̑ѵе, прїѝде ѵа̑съ: просла̑ви Сѝна твоегѡ̀, да̀ ѝ Сѝнъ тво̑й просла̑витъ тѧ̀, ꙗ̑ко же да̑лъ ѐси ѐмꙋ̀ вла̑сть всѧ̑кїѧ пло̑ти, да̀ всѧ̑ко, ѐже да̑лъ ѐси ѐмꙋ, да̑стъ ѝмъ живо̑тъ вѣ̑чный.

(Іоанн. XVII).

Благой отецъ! Се часъ приходитъ мой!
Прославь меня, и сынъ Тебя прославитъ;
Ему дана святая власть Тобой,
Да въ плоти онъ жизнь вѣчную возставитъ!

(Ефр.², стр. 292).

Рылѣеву приписывается еще нѣсколько стихотвореній, которыя будто бы сочинены имъ были въ періодъ заключенія въ Петропав-

ловской крѣпости. По словамъ Н. Р. Цебрикова, поэтъ выцарапалъ гвоздемъ на оловяной тарелкѣ сл. четверостишіе:

Тюрьма мнѣ въ честь—не въ укоризну;
За дѣло правое я въ ней.
И мнѣ-ль стыдиться сихъ цѣпей,
Когда ношу ихъ за отчизну[1]).

Однако эта надпись, какъ отмѣчаетъ П. А. Ефремовъ, „противорѣчитъ тогдашнему настроенію Рылѣева и всѣмъ его письмамъ и стихамъ, писаннымъ въ крѣпости“[2]).

Изъ другихъ „приписываемыхъ“ Рылѣеву произведеній „Посланіе къ друзьямъ“ (нач.: „Завѣса пала!... въ узахъ я!...“) и „Узникъ“ (нач.: „Не слышно шуму городского“...) завѣдомо не принадлежатъ ему и были написаны: первое—В. Ѳ. Раевскимъ, второе—А. Полежаевымъ[3]).

Что касается „Предсмертнаго сочиненія Рылѣева“, то нелѣпое содержаніе[4]) не позволяетъ приписывать этихъ стиховъ перу Рылѣева. Наконецъ, „Посланіе къ женѣ“ представляетъ собою переложеніе въ стихи послѣдняго, предсмертнаго письма Рылѣева къ женѣ[5]). Оно, конечно, не могло быть имъ написано „Только остроуміе нѣмецкаго издателя сочиненій Рылѣева, говоритъ по этому поводу П. А. Ефремовъ, могло повѣрить, что человѣкъ, за часъ или за два до казни написавшій прощальное письмо, будетъ еще перекладывать его въ стихи“[6]).

---

[1]) *К. Левинъ.* Декабристы. Спб. 1906 г., стр. 43.

[2]) Ефр.[2], стр. 340.

[3]) Нѣкоторые, впрочемъ, авторомъ „Узника“ считаютъ Ѳ. Н. Глинку (см.: Ефр.[2], стр. 339).

[4]) См. ниже, Приложенія, стр. 87—90.

[5]) См. выше, стр. 105—106. Первоначально „Посланіе къ женѣ“ издано было за границей въ „Собраніи стихотвореній декабристовъ“, Лейпцигъ F. A. Brockhaus, 1862 (Библіотека русскихъ авторовъ, т. II, стр. 203); въ примѣчаніи (ibid., стр. 228—229) отмѣчено, что оно написано поэтомъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ незадолго до казни. См. это же сти-хіе въ XXXIII т. „Международной библіотеки“ („Отголоски 14 дек. 1825 г.“ Лейпцигъ, Э. Л. Каспровичъ, sine anno).

[6]) Ефр.[2], стр. 340.

Глава седьмая.

Изданіе альманаха „Полярная Звѣзда".

Выходъ въ свѣтъ первыхъ книжекъ „Полярной Звѣзды": отношеніе къ нимъ современниковъ: рецензіи въ журналахъ, отзывы частныхъ лицъ. „Звѣздочка" на 1826 г. Подражанія альманаху А. Бестужева и Рылѣева. „Полярная Звѣзда" А. И. Герцена и Н. П. Огарева (1855—1861 гг.). „Полярная Звѣзда" П. Струве (1905—1906 гг.).

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ у Рылѣева явилась мысль издавать собственный литературный органъ; 2-го декабря 1820 г. онъ писалъ по этому поводу женѣ: „Съ нового года я буду издавать журналъ въ Петербургѣ подъ названіемъ: *Невскій Зритель*. Цѣна въ годъ 35 руб. Скажи объ этомъ Николаю Ѳедоровичу, также В. А. Труфанову. Если захотятъ выписать, то пусть пишутъ и присылаютъ деньги въ Спб. почтамтъ" [1]).

Намѣреніе это въ свое время не осуществилось, и Рылѣевъ не былъ издателемъ „Невскаго Зрителя", хотя и принималъ въ немъ вмѣстѣ съ В. К. Кюхельбекеромъ дѣятельное участіе въ качествѣ сотрудника журнала [2]). Мысль о своемъ изданіи удалось привести въ исполненіе спустя лишь два года выпускомъ въ свѣтъ альманаха „Полярная Звѣзда".

По словамъ кн. Е. Н. Оболенскаго, идея изданія этого альманаха возникла у Рылѣева во второй половинѣ 1822 года; ее вполнѣ

[1]) См. ниже, Приложенія, стр. 93.

[2]) „Невскій Зритель" издавался съ января 1820 г. по іюль 1821 г.; издателями были: Спиткинъ, Кругликовъ, Яковлевъ и Рожновъ (см. замѣтку *П. Е*(фремова) въ „Рус. Стар." 1872 г., т. V, стр. 281).

раздѣлялъ и близкій другъ его—А. А. Бестужевъ. „Цѣль Рылѣева и товарища его А. А. Бестужева, вспоминаетъ Оболенскій, состояла въ томъ, чтобы дать вознагражденіе труду литературному, болѣе существенное, нежели то, которое получали до того времени люди, посвятившіе себя занятіямъ умственнымъ. Часто ихъ единственная награда состояла въ томъ, что они видѣли свое имя, напечатанное въ издаваемомъ журналѣ; сами же они, пріобрѣтая славу и извѣстность, терпѣли голодъ и холодъ, и существовали или отъ получаемаго жалованья, или отъ собственныхъ доходовъ съ имѣній или капиталовъ. Предпріятіе удалось. Всѣ литераторы того времени согласились получать вознагражденіе за статьи, отданныя въ альманахъ; въ томъ числѣ находился и А. С. Пушкинъ“ [1]).

Кромѣ практической цѣли, издатели „Полярной Звѣзды“ преслѣдовали еще и другія, болѣе широкія задачи. Въ легкой и доступной формѣ они стремились популяризовать назрѣвшія въ обществѣ идеи, знакомить современниковъ съ лучшими произведеніями родной литературы, предлагая вмѣстѣ съ тѣмъ и критическую ихъ оцѣнку. „При составленіи нашего изданія, заявлялъ А. Бестужевъ, г. Рылѣевъ и я имѣли въ виду болѣе чѣмъ одну забаву публики. Мы надѣялись, что по своей новости, по разнообразію предметовъ и достоинству пьесъ, коими лучшіе писатели удостоили украсить „Полярную Звѣзду“, она понравится многимъ; что, не пугая свѣтскихъ людей сухою ученостью, она проберется на камины, на столики, а можетъ быть на дамскіе туалеты и подъ изголовья красавицъ. Подобными случаями должно пользоваться, чтобы по возможности болѣе ознакомить публику съ русскою стариною, съ родной словесностью, съ своими писателями“ [2]).

Такія попытки знакомить русское общество съ лучшими произведеніями литературы не разъ дѣлались и до появленія „Полярной Звѣзды“. Еще въ концѣ XVIII в. Карамзинъ, желая, какъ онъ самъ признавался, „всячески способствовать успѣхамъ нашей литературы“, издавалъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сборникъ произве-

[1]) Воспоминанія кн. Е. П. Оболенскаго *Балицкаго*, т. II, стр. 28—29.

[2]) А. *Бестужевъ*. Отвѣтъ на критику „Полярной Звѣзды“. „Сынъ Отечества“ 1823 г., ч. LXXXIII, стр. 174—175.

деній русскихъ поэтовъ подъ заглавіемъ „Аониды“ [1]). „Почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ, писалъ онъ въ предисловіи къ I кн. этого сборника, ежегодно издается собраніе новыхъ, мелкихъ стихотвореній подъ именемъ „Календаря Музъ“ (Almanach des Muses); мнѣ бы хотѣлось выдать и на русскомъ нѣчто подобное для любителей поэзіи: вотъ первый опытъ, подъ названіемъ „Аониды“. Надѣюсь, что публикѣ приятно будетъ найти здѣсь вмѣстѣ почти всѣхъ нашихъ извѣстныхъ стихотворцевъ; подъ ихъ щитомъ являются на сценѣ и нѣкоторые молодые авторы, которыхъ зрѣющій талантъ достоинъ ея вниманія“ [2]).

Въ подобномъ родѣ были еще сборники: „Свитокъ Музъ“ (кн. I—II, Спб. 1802—1803, изд. Спб. Общества Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ), „Талія, или собраніе разныхъ новыхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ“ (кн. I, Спб. 1807), „Весенній Цвѣтникъ“ (кн. I—II, Москва 1807, изд. Козьмы Андреева), „Каліопа“ (Москва 1817), „Карманная библіотека Аонидъ, собранная Ив. Георгіевскимъ изъ нѣкоторыхъ лучшихъ писателей нашего времени“. (Спб. 1821), „Новыя Аониды на 1823 г.“ (Москва 1823, изд. Рапча) и др.[3])

Въ 1816 г. В. А. Жуковскій собирался издавать русскій альманахъ, приглашалъ Дашкова къ себѣ въ сотрудники и посылалъ ему планъ задуманнаго изданія [4]).

Такимъ образомъ литературные альманахи извѣстны были у насъ и до появленія „Полярной Звѣзды“; не смотря на то, изданіе Рылѣева и А. Бестужева принято было современниками какъ нѣчто новое, впервые появляющееся въ русской періодической печати.

---

[1]) Аониды, или собраніе разныхъ новыхъ стихотвореній, кн. I—III, Москва 1796—1799. Другой сборникъ, издававшійся Карамзинымъ подъ именемъ „Аглаи“ (кн. I и II, Москва 1794—1795; 2-ое изд. Москва 1796), заключалъ въ себѣ произведенія главнымъ образомъ самаго издателя и не соотвѣтствовалъ обычному типу альманаховъ. По иному плану изданъ имъ былъ затѣмъ и „Пантеонъ россійскихъ авторовъ“ (Москва 1801), послужившій образцомъ для изданій *П. Никольскаго*: „Пантеонъ русской поэзіи“ (чч. I—VI Спб. 1814—1816) и *П. В. Побѣдоносцева*: „Новый пантеонъ отеч. и иностр. словесности“. (чч. I—IV, Москва 1819).

[2]) „Аониды“, кн. I, Москва 1796. Отъ издателя, стр. III—IV.

[3]) Перечень литературныхъ альманаховъ и сборниковъ к. XVIII и первой половины XIX в. см. въ брошюрѣ графа *Е. Путяты*: „Перекличка Альманахамъ“. Новая Ушица 1893.

[4]) *К. Зейдлицъ*. Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго. Спб. 1883, стр. 104.

Первый томъ „Полярной Звѣзды“ вышелъ въ декабрѣ 1822 г. въ видѣ небольшой карманной книжки, украшенной на первомъ заглавномъ листѣ изящной виньеткой [1]). Далѣе слѣдовало подробное названіе альманаха: „Полярная Звѣзда, карманная книжка для любительницъ и любителей русской словесности на 1823 г., изданная А. Бестужевымъ и К. Рылѣевымъ“. Спб. Въ типографіи Н. И. Греча. Цензурное разрѣшеніе подписано было Александромъ Бируковымъ 30 ноября 1822 г.

Своими небольшими размѣрами „Полярная Звѣзда“ напоминала тѣ „Taschenbücher“, которыя очень популярны были на Западѣ въ нач. XIX в.[2]); содержаніе ея составляли произведенія русскихъ литераторовъ, которые близки были къ кружку Рылѣева и А. Бестужева [3]).

---

[1]) См. ее на прилагаемомъ рисункѣ. Издатели собирались помѣстить въ „Пол. Зв.“ еще и другіе рисунки, но не успѣли. Пересылая для отзыва альманахъ П. П. Свиньину, Рылѣевъ писалъ: „Мы желали было украсить нашу Звѣзду виньетками, но къ сожалѣнію не успѣли“ (письмо отъ 24 дек. 1822 г.; см. ниже, Приложенія, стр. 95).

[2]) Ср., напримѣръ, такія изданія: Livonia. Ein historisch-poëtisches Taschenbuch. 1815, Riga;—Urania. Taschenbuch auf das Jahr 1819. Leipzig 1819. Въ 1823 г., какъ видно изъ „Лейпцигской литературной газеты“, вышли въ свѣтъ сл. альманахи: Urania (Leipzig); Aglaia (Wien); Cornelia. Taschenbuch für deutsche Frauen (Heidelberg); Alpenrosen (Bern), Novoročenka na rok 1823 (изд. въ Богеміи) и др. (см. „Leipziger Litteratur-Zeitung“, 1823, № 27, s. 209—214; 1824, № 33, s. 263).

[3]) Въ „Полярной Звѣздѣ на 1823 г.“ изданы были сл. произведенія:

Проза: *А. Бестужевъ.* Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи; Романъ и Ольга (древняя повѣсть); Вечеръ на бивуакѣ.—*Ѳ. Булгаринъ.* Раздѣлъ наслѣдства (восточная повѣсть), Военная шутка (невымышленный анекдотъ), Освобожденіе Трембовли (истинное происшествіе).—*Ѳ. Глинка.* Невѣдомая, Незнакомый знакомецъ.—*Н. Гречъ.* Письма о Швейцаріи.—*А. Корниловичъ.* О первыхъ балахъ въ Россіи.—*Сенковскій.* Бедуинъ (переводъ съ арабскаго).—*О. Сомовъ.* Французскіе чудаки.

Стихотворенія:—*Абадовскій.* Искупитель во гробѣ.—*Баратынскій.* Весна, Къ Дельвигу.—*Войковъ.* Прелесть ужаса (переводъ изъ Делиленой поэмы: Воображеніе).—*Кн. П. А. Вяземскій.* Посланіе къ П. И. Дмитріеву, Всякій на свой покрой, Цвѣты, Надписи къ портретамъ, Эпиграммы.—*Ѳ. Глинка.* Ворожба (народное преданіе), Къ Доридѣ, Мои вожатыя, Плачъ плѣнныхъ Іудеевъ.—*Н. И. Гнѣдичъ.* Кузнечикъ (изъ Анакреона), Перстень, Къ NN, требовавшей экземпляра сочиненій Батюшкова, Тарентинская дѣва, Къ NN.—*Д. Давыдовъ.* Элегія.—*Бар. Дельвигъ.*—Пѣсни, На смерть *** (сельская элегія), Вдохновеніе (сонетъ).—*В. Жуковскій.* Прощаніе Іоанны со своей родиной (изъ Шиллеровой Дѣвы Орлеанской), Счастіе во снѣ, Смерть Пріама (изъ Виргиліевой

Первый заглавный листъ альманаха „Полярная Звѣзда" на 1823 годъ.

Удачный подборъ матеріала обезпечилъ альманаху широкое распространеніе. „Полярная Звѣзда“, говоритъ по этому поводу кн. Е. П. Оболенскій, имѣла огромный успѣхъ и вознаградила издателей не только за первоначальныя издержки, но доставила чистой прибыли отъ 1500 до 2000 руб.“ [1]).

Современная печать съ живымъ интересомъ отнеслась къ альманаху и привѣтствовала его появленіе. Еще до выхода въ свѣтъ первой книжки „Полярной Звѣзды“ „Сынъ Отечества“ извѣщалъ публику о готовящемся изданіи и, имѣя въ виду критическую статью А. Бестужева, писалъ: „Говорятъ, что онъ (альманахъ) начнется переборомъ нашихъ писателей. Опять загорится война“ [2]).

Жандръ на страницахъ того же журнала такъ описывалъ впечатлѣніе, произведенное выходомъ альманаха. „Вотъ вамъ „Полярная Звѣзда“ сказалъ мой юный другъ С., вбѣгая ко мнѣ вчера съ веселымъ лицомъ. „Да вы уже, вѣрно, читали ее?“—Нѣтъ еще, отвѣчалъ я. Что значитъ, что ты такъ веселъ?—С. „Что значитъ? Забавно. Развѣ вы не знаете, въ какомъ я бываю восторгѣ всегда, когда услышу или узнаю что-нибудь новое хорошее, а эта книжка“, продолжалъ онъ, отдавая ее мнѣ, „эта книжка—прелесть. Въ ней все, что вамъ угодно: славные стихи, отличная проза, а притомъ какъ все ее хвалятъ, какъ ею восхищаются“. Я взялъ книжку, посмотрѣлъ: изданіе не дурно; виньетка хорошо нарисована; все это, какъ быть водится“ [3]).

Каченовскій поспѣшилъ въ первой же книжкѣ своего журнала помѣстить отзывы объ альманахѣ. „Приготовленная для сего нумера „Вѣстника Европы“ проза, писалъ онъ, должна уступить мѣсто слѣдующимъ двумъ статьямъ [„Нѣсколько замѣчаній на книгу „Поляр-

---

Энеиды), Побѣдитель, Утѣшеніе, Три путника. *Измайловъ*. Золотая струна (басня), Встрѣча двухъ подругъ (сказка).—*Крыловъ*. Крестьянинъ и Овца (басня).—*Лобановъ*. Смерть Ипполита (изъ Федры).—*Остолоповъ*. Дитя и бритва (притча), Мужикъ и манежная лошадь, Арабъ и бѣлой.—*Панаевъ*. Корзинка (идиллія).—*Плетневъ*. Элегія, Въ альбомъ С. Д. П., Клименѣ, Стансы.—*А. Пушкинъ*. Гречанкѣ, Элегія.—*Рылѣевъ*. Рогнѣда (повѣсть), Борисъ Годуновъ (дума), Иванъ Сусанинъ (дума).—*Туманскій*. Милой дѣвѣ, Видѣніе.—*Гр. Хвостовъ*. Къ портрету Н. С. Мордвинова.— *** Овидію, Мечта воина.

[1]) *Балицкій*, т. II, стр. 29.

[2]) „Письма на Кавказъ“ I. „Сынъ Отеч.“ 1823 г., ч. LXXXIII, стр. 17—18.

[3]) „Разговоръ отъ «Полярной Звѣзды». Ibid., ч. LXXXIV, стр. 64—65.

ная Звѣзда“ [1]) и „О «Взглядѣ на старую и новую словесность въ Россіи» [2])]: новость „Полярной Звѣзды“ имѣетъ на нихъ неоспоримое право. Мы получили и еще двѣ довольно колкія критики на сію карманную книжку—добрый знакъ. На „Полярную Звѣзду“ многіе смотрятъ и многіе дѣлаютъ надъ нею свои наблюденія“ [3]).

„Наступившій годъ, писалъ авторъ первой статьи, ознаменованъ явленіемъ новаго свѣтила на горизонтѣ нашей словесности. Г-нъ Бестужевъ и г. Рылѣевъ издали подъ названіемъ „Полярной Звѣзды“ карманную книжку на 1823 г.: это собраніе небольшихъ литературныхъ статей въ прозѣ и стихахъ, *доселѣ нигдѣ не напечатанныхъ*... Въ просвѣщенныхъ краяхъ Европы ежегодно появляются подобныя изданія. „Полярная Звѣзда“ должна обратить на себя вниманіе любителей изящнаго“. Разсматривая затѣмъ произведенія, вошедшія въ альманахъ, рецензентъ подробно говоритъ о критической статьѣ А. Бестужева и отмѣчаетъ въ ней „краткія и довольно справедливыя сужденія“ о русскихъ писателяхъ; съ нѣкоторыми взглядами Бестужева онъ не соглашается, видя въ нихъ зависимость отъ мнѣній Греча. Статья заканчивается лестнымъ отзывомъ: „Скажемъ въ заключеніе, что вообще книга сія, кромѣ удовольствія новизны, можетъ доставить пріятное и полезное чтеніе, и просвѣщенная публика обязана благодарностью г-мъ Бестужеву и Рылѣеву. Всякій ревностный любитель отечественнаго слога пожелаетъ, чтобы литературная „Полярная Звѣзда“ заохотила другихъ хорошихъ писателей составлять подобныя изданія“ [4]).

Рецензія, появившаяся въ „Соревнователѣ Просвѣщенія“, указывая нѣкоторые внѣшніе дефекты изданія сравнительно съ иностранными альманахами (бо́льшій форматъ, типографскія ошибки, значительные размѣры книжки и пр.), вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣчала, что по внутреннимъ достоинствамъ русскій альманахъ не только не уступаетъ лучшимъ изъ заграничныхъ, но очень многіе изъ нихъ превосходитъ. „Любительницы и любители отечественной словесности найдутъ въ сей книжкѣ прозу по большей части чистую, легкую и

[1]) Статья имѣетъ сл. подпись и дату: *П.* 1823 г. 15 янв.

[2]) Статья подписана: *и*—, —*с*.

[3]) „Вѣстн. Европы“ 1823 г., январь. Примѣчаніе редактора къ статьѣ: „Нѣск. замѣч. на кн. «Пол. Звѣзда», стр. 134.

[4]) *П.* „Нѣсколько замѣчаній на книгу: „Полярная Звѣзда“. „Вѣстн. Евр.“ 1823 г., янв., стр. 134—139.

занимательную, а поэзію —пріятную, живую, и—очень часто—вдохновенную. . Не безъ удовольствія скажемъ, что выборъ пьесъ вообще приноситъ честь вкусу издателей сей книги. Сердечно желаемъ, чтобы благосклонное вниманіе публики къ прекрасному труду заохотило ихъ доставлять намъ каждый годъ по такому милому подарку" [1]).

Столь же лестная рецензія напечатана была и въ „Русскомъ Инвалидѣ" [2]).

Ѳ. Булгаринъ, извѣщая о выходѣ въ свѣтъ альманаха, отмѣчалъ, что онъ „принятъ публикою съ особенною благосклонностью и заслуживаетъ сіе по своему содержанію и красивому изданію" [3]).

Издатель „Благонамѣреннаго". А. Е. Измайловъ, воздержался высказывать въ своемъ журналѣ мнѣніе объ альманахѣ, находя въ немъ на ряду съ хорошимъ и „много дурного". „Всего хуже тутъ, писалъ онъ И. И. Дмитріеву, Взглядъ на русскую словесность. Какое пристрастіе и неосновательность въ сужденіяхъ о новѣйшихъ нашихъ писателяхъ! И какимъ шутовскимъ языкомъ все это написано подъ руководствомъ временныхъ засѣдателей нашего Парнасса!" [4]).

Статья А. Бестужева пришлась не по душѣ не одному только Измайлову; со всѣхъ сторонъ посыпались упреки молодому критику, смѣло высказывавшему свои взгляды о достоинствахъ и недостаткахъ современныхъ литераторовъ. Полемика сосредоточилась главнымъ образомъ на страницахъ „Сына Отечества" [5]). Бестужевъ заранѣе предвидѣлъ ее и такъ объяснялъ причины, побудившія его напечатать свою статью. „Зная, писалъ онъ, что ни одинъ изъ заслуженныхъ писателей нашихъ не захочетъ предать себя на мелочную

---

[1]) „Соревнователь Просвѣщенія" 1823 г., ч. XXI. Критика: „Полярная Звѣзда...", стр. 97—116.

[2]) 1823 г., № 4 (6 января). Подъ статей подпись: *К.*

[3]) „Сѣверный Архивъ" 1823 г., ч. V, стр. 293; см. ibid., стр. 405—406.

[4]) Письма А. Е. Измайлова къ И. И. Дмитріеву. „Рус. Архивъ" 1871 г., № 7—8, стр. 975. (Письмо отъ 1 января 1823 г.).

[5]) См. „Сынъ Отеч." 1823 г.: № 3 (*К. К.* Письма на Кавказъ), № 9 (*Жандръ.* Разговоръ отъ „Полярной Звѣзды"), № 12 (*Я. Т.* Письмо къ А. Бестужеву), № 14 (*Жандръ.* Бѣда отъ правды), № 15 (*Я. Т.* Бѣда отъ неправды), № 16 (*Жандръ.* Вопросы вмѣсто отвѣта), № 17 (*Я. Т* Отвѣты на вопросы). См. еще „Рус. Инвалидъ" 1823 г., №№ 4—7.

критику, на пересуды, на жертву авторскаго самолюбія, я самъ рѣшился написать краткую характеристику молодыхъ современныхъ литераторовъ. Несвязанный никакими отношеніями, не принадлежа ни къ одной партіи, я могъ высказать все, что слышалъ, мыслилъ и чувствовалъ. Принимаясь за это, я зналъ однако-жъ, какую грозу на себя накликаю. Я предвидѣлъ, что старожилы на меня возопіютъ за неслыханную дерзость: въ моихъ лѣтахъ разсуждать вслухъ; что многіе возстанутъ, зачѣмъ я помѣстилъ молодыхъ литераторовъ, о которыхъ они въ адресъ-календарѣ не нашли ни слова, что иные будутъ шептать за себя и кричать за другихъ о несправедливости, о непризнательности къ ихъ талантамъ; что нѣкоторые умники, пожимая плечами, будутъ говорить—

Да кто же тотъ шалунъ,
Кто смѣлъ безъ нашего и плана, и совѣта
Всю важность поддержать столь труднаго сюжета?

Такъ и сбылось: толки о „Полярной Звѣздѣ“ не перестаютъ, а самолюбіе не дремлетъ“ [1]).

Если критическая часть альманаха вызвала разнообразныя сужденія, то относительно изданныхъ въ немъ стихотвореній мнѣнія въ большинствѣ случаевъ не расходились: удачный выборъ ихъ признавался всѣми, благодаря чему „Полярная Звѣзда“ быстро достигла своей цѣли и стала „пробираться на камины, туалеты и подъ изголовья“ не только столичныхъ красавицъ. А. С. Пушкинъ находилъ эту книгу „достойной всякаго вниманія“ [2]). В. И. Туманскій, собираясь переслать въ провинцію альманахъ, писалъ своей родственницѣ: „На дняхъ ты получишь небольшую, прекрасную русскую книжку, въ родѣ иностранныхъ альманаховъ, подъ названіемъ „Полярная Звѣзда“. Въ ней найдешь ты многія новыя произведенія лучшихъ нашихъ писателей и, можетъ быть, найдешь что нибудь и для прекрасной своей памяти“ [3]).

[1]) А. *Бестужевъ*. Отвѣтъ на критику „Полярной Звѣзды“. „Сынъ Отеч.“ 1823 г., ч. LXXXIII, стр. 176—177.

[2]) Сочиненія Пушкина. Переписка, т. I, Спб. 1906, стр. 65. (Письмо изъ Кишинева къ Л. С. Пушкину, отъ 30 января 1823 г.).

[3]) *В. И. Туманскій*. Стихотворенія и письма, изд. подъ ред. С. Н. Браиловскаго. Спб. 1911, стр. 236 (письмо къ С. Г. Туманской, отъ 20 дек. 1822 г. изъ Спб.). Не мало удивленъ и огорченъ былъ Туманскій, когда С. Г., однако-

Вскорѣ „Полярная Звѣзда" сдѣлалась извѣстной и за предѣлами русской литературы. По словамъ А. Бестужева, почти всѣ повѣсти изъ этого альманаха были переведены на нѣмецкій языкъ въ журналѣ Ольдекопа и повторялись въ другихъ, заграничныхъ журналахъ [1]); въ „Revue Encyclopédique" напечатана была рецензія S. P-y, гдѣ указывалось, что альманахъ содержитъ въ себѣ „deux morceaux en prose, de sept auteurs différens et cinquant-trois pièces de vers, de vingt poètes. Ces derniers se recommandent en général, par un exellent choix, un styl pur, un versification facile" [2]).

Успѣхъ „Полярной Звѣзды на 1823 г." побудилъ Рылѣева и А. Бестужева продолжать свое изданіе. Къ тому же и въ обществѣ съ интересомъ ожидали выхода въ свѣтъ слѣдующей книжки альманаха. В. П. Туманскій спрашивалъ А. Бестужева изъ Одессы 18 сент. 1823 г.: „Набрали ли Вы много пьесъ для „Полярной Звѣзды" и хороши ли стихи и проза? Печатается ли это прекрасное свѣтило. Отвѣчай мнѣ, другъ Сашенька, на эти вопросы, которые всѣ меня очень интересуютъ" [3]). „Жду Полярную Звѣзду съ нетерпѣніемъ", писалъ А. С. Пушкинъ Рылѣеву" [4]).

мившись съ „Пол. Звѣздой", предпочла критическую статью Бестужева всѣмъ стихотвореніямъ альманаха. „Ты въ двухъ словахъ, писалъ онъ ей, нанесла жестокой ударъ бѣдной нашей Звѣздѣ.. Я послалъ тебѣ Полярный Альманахъ, предвидя, что онъ тебѣ понравится, какъ любительницѣ хорошихъ стиховъ и хорошей прозы.. Ничуть не было! Признана порядочная только статья Бестужева,—которая, судя безъ всякаго пристрастія, самая неудачная въ цѣломъ изданіи. Что бы ты сказалъ, милой Пушкинъ, услышавъ, что любимые стихи твои Къ Овидію не возбудили и вниманія въ пламенныхъ сердцахъ дѣвицъ Я опасаюсь, не участвовалъ ли кто нибудь въ твоемъ мнѣніи: твой вѣрный вкусъ и тонкое чувство отличило бы, конечно, хорошее отъ дурного и поэзію отъ прозы" (ibid., стр. 244. Письмо отъ 12 марта 1823 г.).

[1]) *А. Бестужевъ.* Взглядъ на русскую словесность въ теченіе 1823 г. „Полярная Звѣзда" 1824 г., стр. 13. Критическая же статья А. Бестужева („Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи") переведена была на польскій языкъ и издана въ приложеніяхъ къ книгѣ: „M. Grecz. Rys historyczny literatury rossyyskiej, z ross. prz. *Lude* z dodatkiem z... Bestużewa, Korniłowicza..." Warszawa, 1823.

[2]) *S. P-y.* „L'Étoile polaire". „Revue Encyclopédique", Paris 1823, t. XX, p. 357—358.

[3]) „Рус. Старина" 1888 г., т. 60, стр. 320.

[4]) Сочиненія Пушкина. Переписка, т. I, Спб. 1906, стр. 168. (Письмо отъ 25 янв. 1824; см. выше стр. 310); см. еще письмо Пушкина къ Дельвигу отъ 16 ноября 1823 г. (Переписка, т. I, Спб. 1906, стр. 87).

Главныя заботы по составленію „Полярной Звѣзды на 1824 г.“ лежали, кажется, на А. А. Бестужевѣ: по крайней мѣрѣ, М. И. Семевскій, видѣвшій въ библіотекѣ одного любителя корректурные листы этого альманаха, указываетъ, что они были выправлены и подписаны къ печати А. Бестужевымъ [1]). Впрочемъ, совсѣмъ отрицать сотрудничество Рылѣева врядъ ли возможно, такъ какъ самъ Бестужевъ говоритъ о немъ въ письмѣ къ Я. Н. Толстому (отъ 3 марта 1824 г.): „Ноябрь присѣлъ за „Звѣзду“ и въ декабрѣ ее *съ Рылѣевымъ* спекли. При этомъ ее прилагаю: не осудите: чѣмъ были богаты, тѣмъ и рады“ [2]).

„Полярная Звѣзда“ 1824 г. издана была по тому же плану, какъ и предыдущая: въ началѣ находилась критическая статья А. Бестужева, далѣе — неизданныя еще стихотворенія и статьи другихъ современныхъ писателей [3]). Первый заглавный листъ попрежнему укра-

[1]) *М. И. Семевскій.* А. А. Бестужевъ. „Отечественныя Записки“ 1860 г., т. CXXX, стр. 136.—Корректурные листы альманаха просматривалъ еще и О. М. Сомовъ, къ которому издатели „Пол. Зв.“ нерѣдко обращались, довѣряя его „грамматическимъ свѣдѣніямъ“ (см. *Балацкій*, т. II, стр. 151).

[2]) „Рус. Старина“ 1889 г., т. LXIV, стр. 375. См. еще: „Пушкинъ и его современники“, вып. II, Спб. 1904, стр. 68—69.

[3]) „Полярная Звѣзда на 1824 г.“ заключала въ себѣ сл. произведенія:

Проза:—*А. Бестужевъ.* Взглядъ на русскую словесность въ теченіе (1823 г.; Замокъ Нейгаузенъ (повѣсть), Романъ въ семи письмахъ.—*И. Бестужевъ.* Объ удовольствіяхъ на морѣ.—*О. Булгаринъ.* Модная лавка.—*О. Глинка.* Двѣ аллегоріи.—*В. Жуковскій.* Путешествіе по Саксонской Швейцаріи. Рафаэлева Мадонна.—*А. Корниловичъ.* Объ увеселеніяхъ Россійскаго Двора при Петрѣ I.—*Дм. Княжевичъ.* Два синонима.—*Сеньковскій.* Витязь буланаго коня (съ арабскаго).

Стихотворенія:—*Абадовскій.* Паденіе Іерусалима.—*Е. А. Баратынскій.* Истина (ода), Аглаѣ, Римъ, Признаніе.—*В...* Къ **.—*К. Батюшковъ.* Къ Карамзину.—*Вердеревскій.* Къ Хлоѣ (XIII-я ода Горація), Къ Лигурину (X-я ода Горація).—*А. Воейковъ.* Четыре возраста человѣческихъ.—*Кн. П. А. Вяземскій.* Гвоздь и Молотъ, Воли не давай рукамъ, Въ шляпѣ дѣло, Петербургъ, Давнымъ давно.—*О. Глинка.*—Горе и Благодать (псаломъ 89-й), Минута въ лучшемъ мірѣ.—*В. И. Григорьевъ.* Лилея, Замерзшій виноградъ.—*Бар. А. А. Дельвигъ.* Русскія пѣсни, Романсы, Сонетъ.—*М. Дмитріевъ.* Лѣсъ, Пѣсня.—*** Басни: Богачъ и Поэтъ, Орелъ и Филинъ, Собака и Перепелъ, Подпѣвѣшникъ, Два Аполога.—*В. А. Жуковскій.* Сцена изъ „Орлеанской Дѣвы“, Приступъ къ замку Пріама (изъ Виргиліевой Энеиды).—*Загорскій.* Элегія, Слава (изъ Ламартина).—*А. Измайловъ.* Лгунъ (басня).—*В. А. Измайловъ.* Авторъ и Мыши (басня).—*И. Козловъ.* Къ радости.—*В. Кюхельбекеръ.* Святополкъ.—*И. Крыловъ.* Василёкъ (басня).—*Л-въ.* Эпиграмма.—*Нечаевъ.* Сирота.—

шенъ былъ виньеткой (лира и звѣзда)[1]); кромѣ того, къ альманаху приложены были рисунки съ изъяснительными къ нимъ листками[2]) и ноты[3]). Цензурное разрѣшеніе подписалъ А. Бируковъ 20 дек. 1823 г. Альманахъ печатался въ военной типографіи главнаго Штаба, а не у Н. И. Греча, какъ въ прошломъ году.

По выходѣ въ свѣтъ „Полярной Звѣзды" издатели поднесли по экземпляру этой книжки государынямъ и удостоились за это Высочайшаго вниманія: Рылѣевъ награжденъ былъ двумя брильянтовыми перстнями, А. Бестужевъ—перстнемъ и золотой табакеркой[4]).

Успѣхъ „Полярной Звѣзды на 1823 г." обезпечилъ широкое распространеніе и для слѣдующей книжки альманаха: въ первыя три недѣли распродано было все изданіе въ количествѣ 1500 экземпляровъ[5]). „Намъ весьма пріятно объявить, писалъ по этому по-

---

Норовъ. Прощаніе Нееры.—*Олинъ.* Къ плачущей Юліи.—*Плетневъ.* Цвѣты, Умершая красавица, Родина. Невинность.—*А. Пушкинъ.* Къ друзьямъ. Нереида Въ альбомъ малюткѣ, Къ Морвею. Элегія, Отрывокъ изъ посланія къ В. Л. П., Домовому.—* — — Элегія, Надпись къ портрету.—*В. Пушкинъ.* Малиновка (басня).—*Родзянка.* Отвѣтъ С. Т. П., Къ милой.—*Рылѣевъ.* Юность Войнаровскаго, Бѣгство Мазепы.—*В. И. Туманскій.* Къ ней. На память Маріи, Одесса, Зенеадѣ. Воспоминаніе, Эпиграмма.—** — — 13 августа.—*Филимоновъ.* Къ Деллію (ода Горація).—*Хомяковъ.* Безсмертіе вождя.—*Кн. Шаховской.* Двѣ сцены изъ комедіи „Аристофанъ".

[1]) Воспроизведеніе ея см. въ журналѣ Н. В. Соловьева: „Русскій Библіофилъ" 1911 г., № 5, стр. 97.

[2]) Рисунки служили иллюстраціями къ слѣдующимъ произведеніямъ: „Водопадъ" Державина (рис. И. Ивановъ, грав. Ческій). „Душенька" Богдановича (рис. гр. Ѳ. Толстой, грав. А. О-ій), „Ермакъ" Н. И. Дмитріева (рис. И. Ивановъ, грав. М. Ивановъ). „Вадимъ" Жуковскаго (рис. И. Ивановъ. грав. Галактіоновъ). „Кавказскій Плѣнникъ" А. Пушкина (рис. И. Ивановъ, грав. Галактіоновъ и Ческій).

[3]) Къ стихотворенію кн. П. А. Вяземскаго: „Давнымъ давно" (музыка гр. Віельгорскаго).

[4]) „Литературные Листки", изд. Ѳ. Булгаринымъ. Спб. 1824, ч. I, № 2 стр. 64—65. М. А. Бестужевъ въ своихъ запискахъ упоминаетъ еще о рескриптахъ имп. Александра I. данныхъ на имя издателей „Полярной Звѣзды"; содержанія ихъ М. А. Бестужевъ не передаетъ. „Рескрипты эти, отвѣчалъ онъ на запросъ редакціи „Русской Старины", находились въ бумагахъ брата Александра и Рылѣева и, вѣроятно, захвачены съ ними при опечатываніи. Копій мы съ нихъ не снимали, не находя ихъ сколько нибудь стоющими этого труда". („Рус. Старина" 1881 г., т. XXXII, стр. 630).

[5]) См. письмо А. А. Бестужева къ Я. Н. Толстому въ Парижъ отъ 3 марта 1824 г. („Рус. Старина" 1889 г., ноябрь, стр. 376, перепеч. въ журналѣ: „Пушкинъ и его современники", вып. II, Спб. 1904, стр. 69).

воду Булгаринъ, что Полярная Звѣзда столь же лестно принята публикою: въ три недѣли раскуплено оной 1500 экземпляровъ—единственный примѣръ въ русской литературѣ, ибо, исключая Исторію Госуд. Россійскаго г. Карамзина, ни одна книга и ни одинъ журналъ не имѣли подобнаго успѣха" [1]).

Періодическая печать 1824 г. не одинаково отозвалась о „Полярной Звѣздѣ": съ одной стороны хвалили это изданіе и находили его интереснѣе предыдущаго; съ другой—высказывались о немъ рѣзкія сужденія. Такъ, напр., „Соревнователь Просвѣщенія" и „Литературные Листки" привѣтствовали альманахъ [2]); зато „Вѣстникъ Европы" встрѣтилъ его далеко не такъ дружелюбно, какъ въ прошломъ году. „Есть безъ сомнѣнія сходство, писалъ Каченовскій, между Звѣздою Полярною неба и Полярною же Звѣздою кармановъ; но и разность между ними очень значительна... Полярная Звѣзда неба никогда не оставляетъ нашего горизонта: Полярная Звѣзда кармановъ, внезапно среди зимы появляясь при оглушительныхъ звукахъ трубъ, барабановъ, роговъ, сковородъ и волынокъ, скоро слабѣетъ въ своемъ теченіи и познаетъ закатъ свой въ бездонной пучинѣ старыхъ, новыхъ, новѣйшихъ и самыхъ новѣйшихъ „образцовыхъ сочиненій", которыя безъ ошибки можно назвать также карманными" [3]).

[1]) „Литературные листки" 1824 г., ч. 1., № 2, стр. 64—65. См. еще „Отеч. Записки" 1860 г., т. CXXX, стр. 140.

[2]) „Сіе небольшое, но пріятное свѣтило, писалъ О. Сомовъ], показалось и второй разъ на литературномъ нашемъ горизонтѣ вмѣстѣ съ новымъ годомъ и, кажется, въ 1824 г. блеститъ оно ярче прошлогодняго. Форматъ нынѣшней „Полярной Звѣзды" ближе къ формату альманаховъ иностранныхъ, шрифтъ хотя мелкой, но четкій и красивой; при томъ же къ ней приложены пять прекрасныхъ картинокъ, рисованныхъ и гравированныхъ отличными русскими художниками. Вообще типографская часть ея тщательнѣе, нежели прошлогодней ея предшественницы..." Разсматривая внутреннія достоинства этой книжки, критикъ находилъ, что она заслуживаетъ „во всѣхъ отношеніяхъ вниманія"; въ критической статьѣ А. Бестужева онъ отмѣчалъ много справедливыхъ сужденій, „больше основательности и единства и меньше прыгающихъ фразъ нежели въ прошлогоднемъ его „Взглядѣ на старую и новую словесность въ Россіи". („Соврем. Просвѣщенія", 1824 г., ч. XXV, № 1, стр. 20, 21 и сл.). Такого же мнѣнія объ этой статьѣ держался и авторъ рецензіи, изданной въ „Литературныхъ Листкахъ": и онъ видѣлъ здѣсь „много справедливыхъ, хотя и далеко неутѣшительныхъ мыслей на счетъ русской словесности". („Лит. Листки", 1824 г., ч. 1, № 1, стр. 27—29).

[3]) „Вѣст. Европы" 1824 г., янв.—февр., стр. 56—57.

Этотъ отзывъ возмутилъ кн. П. А. Вяземскаго. „Тутъ видна вся желчь, писалъ онъ А. Бестужеву, вся ярость скопца. Онъ въ нашей литературѣ точно собака, которая лежитъ на сѣнѣ, сама не ѣстъ и лается на ѣдущихъ. Можно забавно истолковать бы ему, что альманахъ не есть родъ литературы, а онъ о немъ судитъ точно, какъ другой судилъ бы о драмѣ, вредной трагедіи и комедіи или другой отрасли словесности, подлежащей спору. Но подождемъ конца! Пѣсня долга, онъ будетъ васъ ратовать въ нѣсколько пріемовъ“ [1]).

Частная переписка этого времени въ большинствѣ случаевъ склонялась къ мнѣнію Каченовскаго, находя составъ второй книжки альманаха мало удовлетворительнымъ. „Очень радуюсь, извѣщалъ Вл. А. Мухановъ своего брата, что мнѣніе твое о Полярной сходно съ моимъ; тамъ много прекраснаго, больше посредственнаго и «веліе» множество худого и плохого; но за то вѣнецъ стихотворной части хомячишкина пьеса, а прозаической—ясная проза Бестужева Н. и письма Жуковскаго“ [2]). „Звѣзда—дрянная компиляція“ писалъ П. А. Катенинъ Н. И. Бахтину [3]). А. И. Тургеневъ въ письмѣ къ кн. Вяземскому выражалъ неудовольствіе по поводу критической статьи А. Бестужева: „Теперь уже, вѣрно, ты получилъ Полярную Звѣзду?“ писалъ онъ 28 мая 1824 г. „Каковъ Бестужевъ? Смѣшнѣе прошлогодняго. Строки о Грибоѣдовѣ прелестны. И описавъ наше ничтожество, увѣряетъ, что врядъ ли журналы наши уступаютъ иностраннымъ... Изъ французскихъ журналовъ назвалъ только одинъ, и именно несносный своею мелочною литературой, своими бездушными исчисленіями всѣхъ мелкотравчатыхъ авторовъ во всѣхъ языцѣхъ. Но наши звѣздочеты литераторы-журналисты знаютъ кому покадить. Здѣсь скажетъ словцо, другое Булгаринъ, тамъ Revue впишетъ въ число свѣтилъ сѣверныхъ [4])... Номенклатура участниковъ блистательная:... (Они) украсили бы и европейскій журналъ... Я

[1]) „Рус. Старина“ 1888 г., ноябрь, стр. 330.

[2]) Щукинскій Сборникъ. Вып. V. Москва 1906, стр. 271 (Письмо къ Ник. А. Муханову отъ 22 апр. 1824 г.).

[3]) „Рус. Старина“ 1911 г., т. CXLVI, кн. 4 (апрѣль), стр. 170 (Письмо отъ 13 іюля 1824 г. изъ Шаево).

[4]) Здѣсь, несомнѣнно, имѣлась въ виду рецензія на „Пол. Зв.“, изданная въ „Revue Encycl.“ 1823 г. (см. выше, стр. 335); отзывъ о второй книжкѣ альманаха напечатанъ былъ въ XXIII т. того же журнала. „Ces deux jeunes littérateurs, писалъ анонимный рецензентъ объ издателяхъ „Полярной Звѣзды“, dont les talens se sont fait connaître par plusieurs productions d'un mérite

очень доволенъ стихами Нечаева. Сколько изъ благодарности за письмо издателей, столько и за экземпляры подаренные, я отвѣчалъ имъ похвалою вообще за изданіе, сказавъ, что „Звѣзда“ ихъ становится съ каждымъ годомъ блистательнѣе; что надобно желать, чтобы она долго еще разливала пріятный свѣтъ свой на горизонтѣ нашей словесности и что немерцающая слава „трехъ звѣздочекъ“ (И. И. Дмитріева) и нѣкоторыхъ другихъ свѣтилъ вѣрною порукою въ успѣхѣ и пр. Личныхъ комплиментовъ не могъ послать: хотя уважаю Рылѣева, какъ автора и человѣка, но пьеса Бестужева сковала мнѣ руки, взорвавъ досадою за нѣмцевъ и даже за французскихъ журналистовъ [1]).

Въ свою очередь и кн. П. А. Вяземскій былъ невысокаго мнѣнія объ альманахѣ. „Звѣзда не имѣетъ блеска прошлогодней“, писалъ онъ А. А. Бестужеву изъ Москвы 20 янв. 1824 г., „много дѣтскаго лепетанья, милаго, сладкозвучнаго, но мало мыслей, мало зрѣлости, мужества“ [2]).

П. А. Мухановъ писалъ Рылѣеву 24 янв. 1824 г.: „Полярную Звѣзду“ получили въ Кіевѣ—прошлогодняя была лучше; стихи очень плохи; образчики твоей поэмы мнѣ очень понравились“ [3]).

---

distingue, ont donne un almanach semblable pour l'annee 1823. L'accueil favorable que le public a fait a leur travail les a encourages a continuer cette entreprise. Les principaux poëtes et prosateurs ont participe a la composition de cet almanach“. Касаясь затѣмъ произведеній, вошедшихъ въ „Полярную Звѣзду“ 1824 г., рецензентъ выдѣляетъ среди нихъ посланіе К. Н. Батюшкова „Къ Карамзину“ и въ очень лестныхъ словахъ отзывается объ авторѣ этого посланія: „Mais ce qui a causé le plus de plaisir aux amateurs de beaux vers, c'est une piéce de m. Batuchkof. Cet excellent poëte, qu'on peut surnomme le Tibulle de la Russie, semblait avoir entièrement renoncé a la poésie depuis la publication de ses essais poétiques, il ne faisait plus retentir les doux accens de sa lyre; ce n'est donc pas sans plaisir que l'on trouve dans ce recueil une piece de vers ou le talent de cet aimable poëte se montre dans tous son charme. Ces vers lui ont été inspirés par la lecture de l'Histoire de Russie de Karamsin“. Въ заключеніе критикъ отмѣчаетъ, что составъ „Пол. Зв.“ 1824 г. значительно уступаетъ содержанію первой книжки альманаха, въ чемъ, по его мнѣнію, нельзя винить издателей. „Mais cette circonstance est entièrement independant du zele des redacteurs et ne doit pas leur être imputee“. („Revue Encycl.“ 1824, sept., p. 643—644).

[1]) Остафьевскій архивъ кн. Вяземскихъ. Т. III, Спб. 1899, стр. 129—130.

[2]) „Рус. Стар.“ 1888 г., т. LX (ноябрь), стр. 322.

[3]) Ibid., стр. 327. Посланные Муханову для продажи въ Кіевъ экземпляры альманаха запоздали ко времени контрактовой ярмарки и въ продажѣ

Повидимому и А. С. Пушкинъ не вполнѣ былъ доволенъ составомъ „Полярной Звѣзды“ 1824 г.: въ эпиграммѣ „Наводненіе“ онъ указываетъ, что этотъ альманахъ уцѣлѣлъ отъ Петербургскаго потопа, но въ немъ, какъ въ „благодѣтельномъ ковчегѣ, спаслись и люди и *скоты*“ [1]).

А. Е. Измайловъ такимъ оригинальнымъ способомъ высмѣивалъ „Полярную Звѣзду“. „На Святкахъ, писалъ онъ 1 февр. 1824 г. П. П. Дмитріеву, въ домѣ однихъ искреннихъ моихъ пріятелей давали маскарадъ. Мнѣ присовѣтовали одѣться „Полярною Звѣздою“. Я надѣлъ на себя арлекинское платье. Спереди и сзади прицѣпилъ двѣ большія изъ серебряной бумаги звѣзды, по крайней мѣрѣ, по аршину. На шапкѣ торчала еще маленькая серебряная звѣздочка. Къ поясу прицѣпленъ былъ «фонарь критики» - дѣтскій барабанъ съ надписью: „Ахъ, лучше барабанъ поэта, чѣмъ грязный критика свистокъ“. Это стихи Туманскаго изъ „Полярной Звѣзды“. Вошедши въ залу, забилъ я въ барабанъ и потомъ сказалъ экспромтомъ краткую рѣчь, въ которой всѣ выраженія заимствованы были изъ обозрѣнія Бестужева русской словесности. Ко мнѣ присталъ какой то геній съ букетомъ цвѣтовъ и давай говорить со мною языкомъ модныхъ нашихъ романтиковъ. Всѣ думали, что мы сговорились напередъ; такъ разговоръ нашъ шелъ удачно; но я черезъ недѣлю уже узналъ, кто дѣйствительно былъ этотъ геній“ [2]).

Такимъ образомъ, въ большинствѣ отзывовъ „Полярная Звѣзда“ 1824 г. признана была значительно уступающей первой книжкѣ альманаха; несмотря на то, интересъ къ изданію Бестужева и Рылѣева

медленно расходились. Получивши посылку, Мухановъ извѣщалъ Рылѣева: „Ты мнѣ прислалъ столько экземпляровъ „Звѣзды“, сколько нѣтъ и на нашемъ небѣ. Но весьма жалко, что путешествіе твоей „Звѣзды“ было столь же медленно, какъ движеніе Юпитера. Контракты наши кончились, народы разъѣхались, и въ Кіевѣ, кромѣ солдатъ и жидовъ, нѣтъ никого. Книгопродавецъ предлагаетъ мнѣ по 7 р. за все, говоря, что Четминей и Кіевскіе святцы лучше твоей книги. Я же озлобился за такое обидное для издателей мнѣніе, отобралъ у него и положилъ во всѣ наши модныя лавки, положа цѣну по 9 р. (а одинъ рубль, сверхъ того, за комиссію). Я надѣюсь, что будетъ толкъ ибо книга новаго фасона. Спасибо за экземпляръ „Звѣзды“, мнѣ назначенный“. („Рус. Старина“ 1888 г., т. LX, стр. 325—326).

[1]) *Пушкинъ*. Изд. Бр.-Ефр., т. II, Спб. 1908, стр. 259.

[2]) То былъ Ѳ. В. Булгаринъ. „Рус. Архивъ“ 1871 г., кн. 7 и 8, стр. 980—981.

не ослабѣвалъ, и оно продолжало вызывать къ себѣ чувства живой симпатіи, доказательствомъ чего можетъ служить стихотвореніе К...на „Знакомая Звѣзда“ (съ датой: Спб., 10 сентября 1824 г.), появившееся въ печати передъ выходомъ въ свѣтъ третьей книжки альманаха. Здѣсь въ слѣдующихъ словахъ передано впечатлѣніе, какое производила „Полярная Звѣзда“ на современниковъ:

Скажи мнѣ, звѣздочка златая,
Съ какой счастливой стороны—
Полярныхъ льдовъ отъ пасмурнаго края,
Иль съ неба вѣчныя весны,
Ты вѣрной гостьей къ намъ приходишь!
Прійдешь, прельстишь, опять уходишь,
Чтобъ въ пору срочную опять
По нашимъ небесамъ гулять!
Придешь, и нѣтъ во всемъ народѣ
Иныхъ, какъ о тебѣ рѣчей,
И даже, говорятъ, самъ Боде,
При дряхлой старости своей,
Въ душѣ тобою восхищался
И логариѳмами поклялся
Красотку въ телескопъ зазвать
И въ пыльный каталогъ насильно записать.
...Знать, добрымъ геніямъ ты ввѣрена судьбами:
При нихъ въ кругахъ свѣтилъ межъ солнцами, звѣздами
Ты можешь странствіе безпечно совершить.
...Но если путь свершивши,
Ты подойдешь къ какой вертящейся планетѣ,
Безъ сердца будь, моя душа:
Она въ чужомъ блистаетъ свѣтѣ,
А ты сама собой свѣтла и хороша [1]).

Изданіе третьей книжки „Полярной Звѣзды“ замедлилось, и она вмѣсто 1-го января появилась къ святой недѣлѣ—въ послѣднихъ числахъ марта 1825 г. [2]). Причиной запозданія была, по всей вѣ-

[1]) „Сынъ Отечества“ 1825 г., ч. XCIX, № 2, стр. 223—225.

[2]) Въ „Сынѣ Отечества“ 1825 г. (ч. XCIX, № 1, стр. 111) напечатано было за подписью А. Бестужева и К. Рылѣева извѣщеніе о времени выхода въ

роятности, отлучка изъ Петербурга Рылѣева, который во второй половинѣ 1824 г. уѣзжалъ къ роднымъ жены въ Малороссію. Возвратившись въ декабрѣ этого года въ столицу, поэтъ энергично взялся за подготовку къ печати альманаха и въ письмахъ къ женѣ сообщалъ о ходѣ своихъ работъ. „Я по большей части сижу дома", писалъ онъ Натальѣ Михайловнѣ въ началѣ 1825 г.: „принялся за Полярную Звѣзду: надѣюсь выдать къ Святой". 10 февраля онъ извѣщалъ, что уже „начато печатаніе Полярной Звѣзды". „Я по прежнему сижу все дома вмѣстѣ съ Бестужевымъ и работаемъ для Полярной Звѣзды. Напечатано больше половины" (письмо отъ 20 февр. 1825 г.). „...Не писалъ недѣли три: былъ въ хлопотахъ, какъ по службѣ, такъ и по изданію Полярной Звѣзды" (письмо отъ 26 февр.)[1]).

Литераторы, доставлявшіе свои произведенія для первыхъ книжекъ альманаха, приняли участіе и въ „Полярной Звѣздѣ на 1825 г." Планъ изданія остался безъ перемѣнъ: за критической статьей А. Бестужева слѣдовали неизданныя еще произведенія другихъ авторовъ[2]): изящная виньетка украшала первый заглавный

свѣтъ „Полярной Звѣзды". „Если она, отмѣчалось здѣсь, была благосклонно принята публикою, какъ книга, а не какъ игрушка, то издатели надѣются, что перемѣна срока выхода ея въ свѣтъ не перемѣнитъ о ней общаго мнѣнія. Въ этомъ случаѣ успѣхъ Полярной Звѣзды будетъ гораздо лестнѣе прежнихъ, по совмѣстничеству ея съ новыми альманахами, ибо ея примѣръ возбудилъ на семъ поприщѣ не только соревнованіе литераторовъ, но и дѣятельность книгопродавцевъ".

[1]) *Балицкій*, т. II, стр. 118—119.

[2]) Въ „Полярной Звѣздѣ на 1825 г." изданы были сл. произведенія.

Проза:—*А. Бестужевъ*. Взглядъ на русскую словесность въ теченіе 1824 и нач. 1825 г.; Ревельскій турниръ (повѣсть), Измѣнникъ (повѣсть).—*Н. Бестужевъ*. Гибралтаръ (письма).—*Ѳ. Булгаринъ*. Еще военная шутка.—*Ѳ. Глинка*. Внутреннее наслажденіе и свѣтская суета, Свиданіе въ лунѣ. Картины залива.—*В. Жуковскій*. Отрывки изъ письма о Швейцаріи.—*А. Корниловичъ*. За Богомъ молитва, за царемъ служба не пропадаютъ (истор. анекдотъ)—*І. Сенковскій*. Восточныя повѣсти: Деревянная красавица (съ татарскаго), Истинное великодушіе (съ арабскаго), Урокъ неблагодарнымъ (съ персидскаго).

Стихотворенія:—*Е. Б(аратынскій)*. Елисейскія поля, Дѣвушка, которой имя было: Аврора; Д—у. Л—ой, Стансы, Зима (отрывокъ изъ повѣсти: Эда).—*Кн. П. А. Вяземскій*. Графинямъ Чернышевымъ, Того-сего.—*Ѳ. Глинка*. Минутное посѣщеніе, Къ Глицеріи, Темное воспоминаніе.—*Н. Гнѣдичъ*. Отрывокъ изъ XII-ой пѣсни Иліады.—*А. Грибоѣдовъ*. Отрывокъ изъ Гете.—*В. Н. Гра-*

листъ сборника[1]); къ повѣсти А. Бестужева „Ревельскій турниръ“, и къ отрывку поэмы Пушкина „Разбойники“ (къ стр. 93 и 359) приложены были двѣ иллюстраціи. Альманахъ печатался въ военной типографіи главнаго Штаба, имѣя цензурное разрѣшеніе за подписью А. Бирукова отъ 20 марта 1825 г.

Составъ третьей книжки „Полярной Звѣзды“ Рылѣеву нравился болѣе предыдущихъ; это видно изъ его письма къ Пушкину отъ 20 марта 1825 г., гдѣ, онъ, между прочимъ, сообщалъ: „Полярная Звѣзда выйдетъ на будущей недѣлѣ. Кажется, она будетъ лучше двухъ первыхъ“. „Спѣшимъ доставить тебѣ Звѣзду“, писалъ ему же Рылѣевъ спустя 5 дней, „увѣрены, что она понравится Пушкину и заранѣе радуемся этому. Она здѣсь всѣмъ пришлась по сердцу. Это хоть не совсѣмъ хорошій знакъ, но увѣрены, что въ ней есть довольно и такихъ пьесъ, которыя похвалить не откажутся и истинные цѣнители произведеній нашего Парнасса. Мы много одолжены нашимъ добрымъ поэтамъ и прозаикамъ за доставленныя пьесы, но какъ благодарить тебя, милый поэтъ, за твои безцѣнные подарки нашей Звѣздѣ? Отъ „Цыганъ“ всѣ безъ ума. „Разбойникамъ“, хотя и давнишнимъ знакомцамъ, также чрезвычайно обрадовались“[2]).

Дѣйствительно, въ періодическихъ изданіяхъ 1825 года мы видимъ цѣлый рядъ лестныхъ отзывовъ о „Полярной Звѣздѣ“. „Соревнователь Просвѣщенія“, не давая подробной характеристики альманаха, указывалъ, что онъ „особенное обращаетъ на себя вниманіе читателей. Въ немъ стихотворная часть представляетъ много совер-

горьевъ. Нашествіе Мамая.—*З—ій*. Весна, Абазія. *Иванчинъ-Писаревъ*. Славяне.— *И. Козловъ*. Венеціанская ночь.— *И. Крыловъ*. Мельникъ (басня), Ворона (басня).— *Мисальскій*. Мелеагръ (идиллія, съ греческаго).— *Нечаевъ*. Воспоминанія.— *Ободовскій*. Пѣснь альпійца —*Остолоповъ*. Наказанная лисица (басня). *Плетневъ*. Красавицѣ, Юность, Три звѣзды, Товарищамъ.—*А. Пушкинъ*. Цыгане (отрывокъ изъ поэмы), Посланіе къ А., Разбойники (отрывокъ изъ поэмы).— *В. Пушкинъ*. Экспромтъ, Къ ней. *Ранчъ*. Армидинъ садъ (изъ Тасса).—*Рылѣевъ*. Смерть Чигиринскаго старосты, Стансы, Кіевъ, Исповѣдь Наливайки. *Гуманскій*. Элегія, Постоянство.—*Филимоновъ*. XVIII-ая ода Горація —*Хомяковъ*. Желаніе покоя.—*И. Языковъ*. Къ ***. Отрывокъ изъ повѣсти Разбойники.— *Родина.— ***[Н. Н. Дмитріевъ] Слѣпецъ, собака его и школьникъ (басня), Надгробіе.—***Цвѣты изъ греческой антологіи.

[1]) Она воспроизведена при II т. сочиненій А. С. Пушкина (изд. Бр.-Ефр., Спб. 1908, стр. 259) и въ журналѣ Н. В. Соловьева: „Русскій Библіофилъ“ 1911 г., № 5, стр. 35.

[2]) *Базанцовъ*, т. II, стр. 148—149.

шенѣйшихъ произведеній. Собственныя сочиненія гг. издателей и вкусъ ихъ въ выборѣ сочиненій другихъ давно уже извѣстны публикѣ по прежнимъ изданіямъ „Полярной Звѣзды“ [1]). „Сѣверная Пчела“ рѣшительно предпочитала третью книжку альманаха предыдущимъ: „Никогда еще стихотворная часть „Полярной Звѣзды“ не была такъ богата не числомъ, а достоинствомъ... Проза и количествомъ и (по нашему мнѣнію) качествомъ также беретъ преимущество надъ прозою Полярной Звѣзды предыдущихъ годовъ“ [2]). Тѣ же мысли высказывалъ и Д. Р. К. на страницахъ „Сына Отечества“. „Нынѣшняя „Полярная Звѣзда“, писалъ онъ, безспорно лучше прежнихъ годовъ: стихотворная ея часть никогда не была такъ богата по достоинству пьесъ“: въ прозаическихъ статьяхъ Д. Р. К. видѣлъ явное стремленіе къ народности, вѣрное воспроизведеніе прошлаго, точное описаніе природы, нравовъ и обычаевъ [3]).

Критикъ А. въ „Московскомъ Телеграфѣ“ писалъ: „Сказавъ читателю, что нынѣшній годъ «Полярная Звѣзда» не отстала отъ прежней своей привычки *быть изящною*, мы выразили въ немногихъ словахъ главную сущность дѣла, ибо за два прошедшіе года «Полярная Звѣзда» уже оцѣнена сужденіемъ знатоковъ и общимъ приговоромъ публики“. Коснувшись стихотвореній, изданныхъ въ альманахѣ, критикъ указывалъ, что среди нихъ „не найдемъ мы грубаго, тяжелаго стихосложенія и погрѣшностей противъ вкуса: вообще, кажется, ни одна пьеса не состоитъ изъ одного риѳмованнаго набора: есть въ большей или меньшей степени чувство, мысли, особенно въ нѣкоторыхъ пьесахъ“. Стихи А. С. Пушкина вызвали такой восторженный отзывъ: „Какъ силенъ, увлекателенъ примѣръ таланта великаго! Пушкинъ, чарующій насъ своими поэмами, какъ будто вызвалъ на трудъ другихъ, дремавшихъ надъ элегіями и пѣсенками“. По поводу прозаическихъ статей А. замѣчалъ: „Хорошая проза у насъ рѣдкая гостья. Порадуемся, что въ «Полярной Звѣздѣ» и самый строгій критикъ отдастъ полную справедливость прозаическому отдѣленію“. „Взглядъ“ А. Бестужева вызвалъ много возраженій со стороны А., при чемъ послѣдній сумѣлъ отмѣтить и положительную сторону этой статьи и всѣхъ

---

[1]) „Соревн. Просвѣщенія“ 1825 г., ч. XXX, стр. 107.

[2]) „Сѣверная Пчела“ 1825 г., № 40 (см. рецензію *С.* въ отдѣлѣ: „Новыя книги“).

[3]) *Д. Р. К.* Четвертое письмо на Кавказъ. „Сынъ Отеч.“ 1825 г., ч. CI, стр. 67, 74.

вообще критическихъ обзоровъ Бестужева, изданныхъ въ предыдущихъ книжкахъ „Полярной Звѣзды". „Почти всегда, писалъ онъ, видишь въ нихъ какую то искренность, которая доказываетъ, что онъ говоритъ то, что въ самомъ дѣлѣ чувствуетъ, а потому и софизмы и парадоксы, которые у него не рѣдки, и ошибки, которыя ему, какъ человѣку, свойственны, никогда не мѣшаютъ читать его сужденія съ пользою" [1]).

Отрицательныя мнѣнія о „Полярной Звѣздѣ" 1825 г. мы встрѣчаемъ въ частныхъ отзывахъ—въ письмахъ Н. А. Катенина и А. Е. Измайлова; первый писалъ Н. И. Бахтину 26 апрѣля 1825 г.: „Звѣзда еще хуже прежнихъ: изъ прозы можно съ удовольствіемъ прочесть только письма Жуковскаго о Швейцаріи; изъ стиховъ — Гнѣдича отрывки Иліады, двѣ басни Крылова, одно мелкое посланіе Пушкина и нѣсколько Баратынскаго; все вмѣстѣ составитъ страницъ 12, не болѣе. Пушкина же отрывокъ изъ будущей поэмы „Цыгане" не по моему вкусу. Еще нѣкто Языковъ затѣялъ поэму „Разбойники"; еще Рылѣевъ—поэму „Наливайко", и во всѣхъ трехъ все какіе то сорванцы, головорѣзы, забіяки, словомъ преразвратный народъ. Прибавьте, что къ нимъ то стараются привлечь сильное участіе, любовь и почтеніе. Отъ этого ложнаго понятія выходитъ только, что всѣ они холодны до смерти, слабы, не страшны и ничтожны, а всему виноватъ Бейронъ: суди его Богъ" [2]).

А. Е. Измайловъ, находя мало удовлетворительнымъ весь составъ третьей книжки „Полярной Звѣзды", особенно возмущался критической статьей А. Бестужева. „Взглядъ завирашки, писалъ онъ Дмитріеву, поднялъ всю мою желчь .. Какой варварскій языкъ! Какой рѣшительной, дерзкій тонъ! Ахъ! какъ досадно, что я имѣю очень мало свободнаго времени" [3]). Совершенно противоположнаго мнѣнія объ этой статьѣ былъ Рылѣевъ, который въ письмѣ къ Пушкину отзывался о ней въ такихъ словахъ: „Увѣренъ заранѣе, что тебѣ понравится первая половина взгляда Бестужева на словесность

[1]) А. „Полярная Звѣзда на 1825 г." („Московск. Телеграфъ" 1825 г., ч. II, стр. 320, 328, 333, 321). См. еще одобрительный отзывъ о „Пол. Зв." Я. Н. Толстого въ „Revue Encyclopédique" (1825 г., т. XXVI, стр. 455) и замѣчанія по поводу этого отзыва въ „Моск. Телеграфѣ" 1825 г., ч. IV, стр. 358, 360.

[2]) „Рус. Старина" 1911 г., т. CXL, кн. 6 (іюнь), стр. 591.

[3]) „Рус. Архивъ" 1871 г., № 7 и 8, стр. 988 (Письмо отъ 23 марта 1825 г.).

нашу. Онъ въ первый разъ судитъ такъ основательно и такъ глубокомысленно“ [1]).

Къ концу 1825 г. А. Бестужевъ и Рылѣевъ принялись за подготовку къ печати слѣдующей, четвертой книжки альманаха. „Мы опять собираемся съ Полярною“, извѣщалъ Рылѣевъ Пушкина въ ноябрѣ 1825 г.; она будетъ послѣдняя; такъ, по крайней мѣрѣ, мы рѣшились. Желаемъ распроститься съ публикою хорошо, и потому просимъ тебя подарить насъ чѣмъ нибудь подобнымъ твоему послѣднему подарку“ [2]).

Первоначально издатели предполагали выпустить альманахъ въ объемѣ предыдущихъ лѣтъ, но усложнившіяся дѣла Сѣвернаго общества отвлекли ихъ вниманіе отъ литературныхъ занятій, вслѣдствіе чего рѣшено было издать собранный матеріалъ въ небольшомъ сборникѣ подъ названіемъ „Звѣздочка“ [3]).

Подготовленная къ печати рукопись сдана была въ военную типографію главнаго Штаба, гдѣ къ 14-му декабря успѣли уже набрать 80 страницъ. Послѣ ареста издателей дальнѣйшее печатаніе альманаха прекратилось; оттиснутые листы были конфискованы и на долгіе годы погребены въ кладовыхъ типографіи главнаго Штаба. Спустя 35 лѣтъ, въ 1861 г., ихъ извлекли оттуда и сожгли, какъ ненужный и никуда негодный хламъ. Благодаря счастливой случайности уцѣлѣло, однако, два экземпляра „Звѣздочки“: одинъ изъ нихъ (въ 80 печатн. стр.) достался извѣстному любителю библіографическихъ разысканій П. А. Ефремову († 1907 г.), другой (64 печатн. стр.)—А. Н. Крепицыну († 1865 г.). Экземпляръ Ефремова переданъ былъ въ 1866 г. въ Имп. Публичную Библіотеку [4]); Крепицынъ въ 1860 г. подарилъ свой экземпляръ редактору „Русской Старины“ М. И. Семевскому [5]). Въ 1882 г. М. И. Семевскій получилъ отъ

[1]) *Балицкій*, т. II, стр. 149 (Письмо отъ 20 марта 1825 г.).

[2]) Ibid., стр. 155.

[3]) Записки М. А. Бестужева. „Русская Старина“ 1881 г., т. XXXII, стр. 630. Извѣщеніе о подготовлявшемся къ изданію альманахѣ напечатано было въ „Библіографическихъ Листахъ“ П. Кеппена (1825 г., № 13, стр. 183); см. также „Отечественныя Записки“ 1825 г., ч. XXII, стр. 294.

[4]) Отчетъ Имп. Публ. Библіотеки за 1866. Спб. 1867, стр. 14—15.

[5]) Подробное описаніе подаренной М. И. Семевскому книжки см. въ его замѣткѣ: „Альманахъ Звѣздочка 1826 г.“ („Рус. Архивъ“ 1869 г., стр. 053—060).

Н. Ѳ. Дубровина весь сохранившійся въ рукописи текстъ „Звѣздочки", который затѣмъ и изданъ былъ въ „Русской Старинѣ" [1]).

На этомъ не вышедшемъ въ свое время въ свѣтъ четвертомъ томѣ альманаха прекратилась издательская дѣятельность А. Бестужева и Рылѣева. Однако главная цѣль, къ которой они стремились, была достигнута: „Полярная Звѣзда" собрала вокругъ себя наиболѣе талантливыхъ писателей и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ являлась лучшимъ сборникомъ поэтической и прозаической литературы Александровской эпохи; вмѣстѣ съ тѣмъ она внесла большое оживленіе въ литературную жизнь, вызвавъ цѣлый рядъ разнообразныхъ о себѣ сужденій. Когда послѣ декабрьскихъ событій изданіе альманаха прекратилось, о немъ искренно жалѣли. „Полярная Звѣзда" вспоминалъ А. П. Бочковъ, „скоро закатилась. Бестужевы, Рылѣевъ, Корниловичъ, Кюхельбекеръ—сколько надеждъ погибло! Безразсудные! зачѣмъ вы поставили свой жертвенникъ подъ древо вольности!" [2]).

Успѣхъ „Полярной Звѣзды" побудилъ и другихъ писателей составлять подобныя изданія. Ближайшими подражателями явились главнымъ образомъ лица, принимавшія участіе въ изданіи А. Бестужева и Рылѣева. Такъ въ 1824—25 гг. В. К. Кюхельбекеръ.

---

[1]) 1883 г., т. XXXIX (іюль), стр. 43—100. Помѣщенная здѣсь рукопись имѣетъ сл. заглавный листъ: „Звѣздочка 1826 г. Изданіе А. А. Бестужева и К. Ѳ. Рылѣева. Содержаніе:—I. Кровь за кровь. Разсказъ *А. А. Бестужева.* II. Отрывокъ изъ III-ей главы «Евгенія Онѣгина» *А. С. Пушкина.*— III. Княгинѣ Зинаидѣ Александровнѣ Волконской. *И. И. Козлова.* IV. Отрывокъ изъ восточной повѣсти «Пустынникъ Канду». *Ознобишина.*—V. Эпилогъ къ стихотворной повѣсти „Эда". *Е. А. Баратынскаго.*—VI. Тоска души. *Якова И. Ростовцева.*—VII. Эпиграмма. *А. С. Хомякова.*—VIII. Къ заръ. *А. С. Хомякова.*— IX. Описаніе Шахова кладбища, отрывокъ изъ персидской повѣсти „Орсанъ и Лепла" *Ил. Ободовскаго.*—X. Графинѣ*** *Кн. П. А. Вяземскаго.* XI. Пѣсня *В. И. Туманскаго.*—XII. Счастливый младенецъ. Элегія *В. Л. Пушкина.*—XIII. Зависть генія. *Н. М. Языкова.*—XIV. Элегія *В. И. Туманскаго.*—XV. Къ сестрѣ. *Нечаева.*—XVI. Катай-Валяй!—XVII. Пѣсня *В. Л. Пушкина.*—XVIII. Къ С*** *В. И. Туманскаго.*—XIX. Греческая ода. *В. И. Туманскаго.*—XX. Къ Ліодору *Нечаева.*—XXI. Двѣ картины. Отрывокъ.—XXII. Битва. Отрывокъ изъ поэмы „Жизнь" Маркевича.—XXIII. Какая это сторона?—XXIV. Балъ. *Е. А. Баратынскаго.*—XXV. Отрывокъ изъ персидской повѣсти „Орсанъ и Лепла". *Ил. Ободовскаго.*—XXVI. Гайдамакъ. Малороссійская быль. *Ореста Мих. Сомова.* С.-Петербургъ „Декабрь 1825". Въ оттиснутыхъ при жизни Рылѣева листахъ напечатаны были произведенія, отмѣченныя выше подъ №№ I, IV, VIII, XI, XIII, XXVI.

[2]) „Рус. Старина", 1889 г., іюнь, стр. 113.

вмѣстѣ съ кн. В. Ѳ. Одоевскимъ издавалъ въ Москвѣ альманахъ „Мнемозину“ [1]); къ 1825 г. А. О. Корниловичъ выпустилъ въ свѣтъ „Русскую Старину“ [2]), а Ѳ. В. Булгаринъ—„Русскую Талію“ [3]); первая посвящена была вопросамъ русской исторіи, вторая заключала въ себѣ отрывки драматическихъ произведеній, а также статьи по исторіи русскаго театра и теоріи драмы; здѣсь, между прочимъ, напечатанъ былъ и отрывокъ изъ комедіи „Горе отъ ума“ А. С. Грибоѣдова.

Кромѣ того, въ 1825 году извѣстны были еще сл. альманахи:— 1) „Вечера Калужскіе, или отрывки сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ военныхъ литераторовъ. Собралъ А. Писаревъ“, чч. I—II, Москва 1825 г.—2) „Невскій Альманахъ на 1825 г., изд. Е. Аладьинымъ“. Спб.—3) „Сѣверные Цвѣты на 1825 г., собранные бар. Дельвигомъ“ [4]). Послѣдній альманахъ являлся наиболѣе опаснымъ соперникомъ „Полярной Звѣзды“: по составу и достоинству изданныхъ въ немъ произведеній онъ ближе другихъ подходилъ къ альманаху А. Бестужева и Рылѣева и часто служилъ для него предметомъ сравненія. По этому поводу въ „Московскомъ Телеграфѣ“ появилась даже замѣтка такого содержанія: „Намъ казался весьма страннымъ вопросъ, который слышали

---

[1]) „Мнемозина. Собраніе сочиненій въ стихахъ и прозѣ“. 4 чч., Москва 1824—1825.

[2]) „Русская Старина, карманная книжка для любителей отечественнаго, на 1825 г., изданная А. Корниловичемъ“. Спб. 1824. VIII+350 стр. См. о ней: „Сынъ Отеч.“ 1824 г., ч. XCVIII, стр. 231, 1825 г., ч. XCIX, стр. 192 и сл.; „Благонамѣренный“ 1825 г., ч. XXIX, стр. 38; „Сѣв. Архивъ“ 1824 г., № 83; стр. 283—286; „Библіограф. Листы“ П. Кеппена. 1825 г., № 13, стр. 183.

[3]) „Русская Талія, подарокъ любителямъ и любительницамъ отечественнаго театра на 1825 г. Издалъ Ѳ. Булгаринъ“. Спб. 1824, X+445 стр. Альманахъ снабженъ портретами кн. А. А. Шаховского, К. С. Семеновой, В. А. Каратыгина, А. И. Истоминой и К. А. Телеповой; на заглавномъ, гравированномъ листѣ изображенъ Спб. большой театръ. О „Рус. Талии“ см.: „Сынъ Отеч.“ 1824 г., ч. XCVII, стр. 234—237, ч. XCVIII, стр. 179; „Моск. Телегр.“ 1825 г., № 2, стр. 162—171, № 3, стр. 1—13; „Благонамѣренный“ 1825 г., ч. XXIX, стр. 40 и сл.; „Сѣверная Пчела“ 1825 г., № 25; „Вѣстн. Европы“ 1825 г., № 6 стр. 109 и сл.; „Библіограф. Листы“ П. Кеппена 1825 г., № 13, стр. 183.

[4]) „Сѣверные Цвѣты на 1825 г., собранные бар. Дельвигомъ“. Изданы Ив. Слѣпнымъ (1825) IV+359 стр., съ гравир. заглавнымъ листомъ и иллюстраціей къ отрывкамъ писемъ изъ Италіи. См. о нихъ въ періодич. изданіяхъ 1825 г.: „Сѣверная Пчела“, № 3; „Сынъ Отеч.“ ч. XCIX, стр. 199—214, 302—321; „Моск. Телеграфъ, № 4, стр. 329—337; „Рус. Инвалидъ“, № 3, стр. 12; „Библіограф. Листы“ П. Кеппена 1825 г., № 13, стр. 183; „Соревн. Просв.“, ч. XXIX, стр. 85-111.—„Сѣверные Цвѣты“ издавались съ 1825 по 1832 гг.

мы отъ многихъ: „Лучше или хуже «Сѣверные Цвѣты» «Полярной Звѣзды»? Какъ будто необходимо каждый литературный альманахъ примѣрять на «Полярную Звѣзду» и потомъ произнести голосомъ присяжныхъ судей: „хуже! лучше!" Дѣло въ томъ:—хорошо ли? Намъ кажется, что «Полярная Звѣзда» и «Сѣверные цвѣты» имѣютъ свои особенныя достоинства, и читатели могутъ покупать ихъ безъ дальнѣйшихъ разспросовъ...«Полярная Звѣзда» (была, вѣроятно и будетъ) хороша, и«Сѣверные Цвѣты»—хороши. Какъ рѣшить преимущество?... Изъ хорошенькихъ страхъ трудно браковать!"[1])

За этими альманахами потянулся цѣлый рядъ другихъ, и съ легкой руки А. Бестужева и Рылѣева у насъ надолго установился такой родъ изданій[2]). „Судя по количеству альманаховъ нынѣшняго года и по усердію покупателей", замѣчалъ по этому поводу „Московскій Телеграфъ", „нельзя не сказать, что альманахи нынѣ въ ходу. Вотъ, что значитъ начать хорошимъ! „Полярная Звѣзда", родоначальница новѣйшихъ альманаховъ русскихъ, три года постоянно была хороша и составила общее мнѣніе объ изяществѣ русскихъ альманаховъ. „Сѣверные Цвѣты", начатые съ прошлаго года, поддержали это мнѣніе"[3]).

По примѣру русскихъ альманаховъ съ 1830-хъ гг. стали издаваться и украинскіе, посвященные вопросамъ малорусской исторіи и литературы[4]).

Хотя „Полярная Звѣзда" А. Бестужева и Рылѣева не являлась проводникомъ исключительно либеральныхъ идей, однако въ силу трагической судьбы ея издателей съ именемъ этого альманаха ассоціировалось въ сознаніи либеральныхъ круговъ русскаго общества представленіе о гражданской борьбѣ съ существующимъ государственнымъ строемъ. Поэтому А. И. Герценъ, раздѣляя вполнѣ политическія стремленія Рылѣева и Бестужева, назвалъ свой заграничный журналъ „Полярной Звѣздой", желая этимъ выразить свою солидарность съ идеями декабристовъ и показать, какъ онъ самъ

[1]) „Моск. Телеграфъ" 1825 г., ч. 1, стр. 330.

[2]) См. перечень этихъ альманаховъ въ брошюрѣ *гр. Е. Путяты*: „Перекличка Альманахамъ". Новая Ушица, 1893.

[3]) „Московскій Телеграфъ" 1826 г., № 8, стр. 357—358.

[4]) См., напр. „Денница" М. Максимовича (Москва 1830—34 гг., въ 3-хъ кн.), „Украинскій альманахъ" О. С. Евецкаго (Харьковъ 1831), „Ластовка" Е. Гребенки (1841 г., на малор. яз.), „Молодикъ" Бецкаго (чч. I—IV, Харьковъ 1843—44), „Зеленый барвинокъ Украины" С. Карпенка (Кіевъ 1845) и др.

признавался. „непрерывность преданія, преемственность труда, внутреннюю связь и кровное родство“ [1]). „Для русскихъ, писалъ Герценъ, мы присвоили это дорогое имя нашему журналу, издаваемому въ Лондонѣ“ [2]) Заглавный листъ изданія Герцена украшала виньетка, на которой изображены были головы пяти казненныхъ декабристовъ, подъ ними — сѣкира, а вверху Полярная Звѣзда и Большая Медвѣдица. Въ предисловіи къ первой книжкѣ журнала Герценъ писалъ: „Полярная Звѣзда скрылась за тучами Николаевскаго царствованія. Николай прошелъ, и Полярная Звѣзда является снова, въ день нашей Великой Пятницы, въ тотъ день, въ который пять висѣлицъ сдѣлались пятью распятіями“ [3]).

Въ послѣднее время подъ именемъ „Полярной Звѣзды“ издавался и еженедѣльный журналъ подъ редакціей П. Струве [4]). „Свое названіе, заявлялъ П. Струве, нашъ журналъ заимствовалъ у Рылѣева и Герцена. Это значитъ, что мы желаемъ стать подъ знамя тѣхъ великихъ революціонныхъ и культурныхъ традицій, которыя связаны именно съ этими славными именами. Традиціи Рылѣева и Герцена для насъ не просто историческія воспоминанія, а живая правда, которую мы желаемъ, по мѣрѣ нашихъ силъ, внѣдрять въ умы и воплощать въ дѣла“ [5]).

Въ журналѣ П. Струве издана была статья Н. А. Котляревскаго о Рылѣевѣ; въ „Полярной Звѣздѣ“ Герцена печатались многія произведенія, письма и другія матеріалы, касающіеся Рылѣева [6]).

---

[1]) См. выше, стр. 10.

[2]) *Герценъ*. Заговоръ 1825 г. (*Балицкій*, т. I. стр. 12).

[3]) „Полярная Звѣзда на 1855 г., издаваемая Искандеромъ“. Изд. 2-ое, кн. I, London 1858, стр. III.

[4]) Этотъ журналъ выходилъ съ декабря 1905 по мартъ 1906 г.; всего издано было 14 №№.

[5]) „Полярная Звѣзда“ 1905 г. № 1. Отъ редакціи.

[6]) См. выше, стр. 42, 11, 13, 14. Съ именемъ „Полярной Звѣзды“ извѣстны у насъ еще два изданія, которыя, однако не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ альманаху А. Бестужева и Рылѣева: 1) Полярная Звѣзда. Карманная книжка для любителей и любительницъ чтенія на 1832 г. Москва. Въ университ. типографіи 1832.—2) Полярная Звѣзда, ежемѣсячный, литерат.-истор. журналъ, изд. подъ ред. гр. Саліаса-Турнемира. Спб. 1881.—Въ 1843 г. Ишимова издавала для дѣтей журналъ Звѣздочку; см. также изданіе М. О. Вольфа: Полярная Звѣздочка. Альманахъ для дѣтей, съ иллюстраціями. Спб.-Москва. Sine anno (цензурное разрѣшеніе 17 дек. 1870 г.).

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Неизданныя стихотворенія и статьи Рылѣева; произведенія, приписываемыя ему. Письма и документы.

I.

СТИХОТВОРЕНІЯ[1].

1.

Путешествіе на Парнасъ[2].

И такъ, предпринятъ путь къ Парнасу;
Чего же медлить? Ну, смѣлѣй,
Начнемте бить челомъ Пегасу,
Чтобъ онъ домчалъ насъ поскорѣй!

---

[1]) См. Архивъ К. Ѳ. Рылѣева (въ библіотекѣ Имп. Академіи наукъ). Отдѣлъ автографовъ. А. Входящія сюда издаваемыя стихотворенія см. въ слл. рукописяхъ:

№ 1. Тетрадь въ 4-ку съ подшитыми листами различнаго формата въ 8-ю и 4-ю дд., 23 лл.; на л. 1 заглавіе съ эпиграфомъ и датой:

Смѣсь № 1.

Пріятна мнѣ съ трудомъ забава пополамъ
Пріятенъ слабый трудъ когда онъ милъ друзьямъ!
Дрезденъ 1814

№ 2. Тетрадь въ 4-ку. 12 лл.; бумага съ золотымъ обрѣзомъ, водяной знакъ 1815.

№ 3. Тетрадь въ 8-ю д., 19 лл.; бумага съ золотымъ обрѣзомъ, водяной знакъ 1817; на л. 1—заглавіе: Опыты въ стихахъ Кондратія Рылѣева. Книжка первая. Эпиграфъ тотъ же, что и въ предыдущей тетради (см. № 1).

№ 4. Тетрадь въ 4-ку, 6 лл.; бумага съ золотымъ обрѣзомъ, водяной знакъ 1818.

№№ 8—10, 17. Стихотворенія на отдѣльныхъ листахъ различнаго формата—въ листъ и въ 4-ку.

[2]) Подраженіе Крылову. *Примѣчаніе Рылѣева*

Боярскій! Сядь со мной въ карету!
Фроловъ! на козлы поскорѣй!
И докажи пожалуй свѣту,
Что ты мостакъ кричать: правѣй!—
Смотрижъ! Не вдругъ! Поудержися;
Четверка бойкихъ разнесетъ!
А пуще въ гору берѣгися:
Тамъ скалы есть, тамъ тернъ растетъ!
Тамъ многихъ авторовъ творенья,
Въ пыли валяяся гніютъ!
Тамъ Лета есть, рѣка забвенья,
Въ ней также много ужъ живутъ!
Я видѣлъ въ ней какъ Львовъ купался
И обмывалъ своихъ дѣтей;
Я зрѣлъ Шихматовъ въ ней остался,
А съ нимъ и тысяча дѣстей!
Я самъ свидѣтель былъ въ то время,
Какъ нѣсколько прочтя листовъ,
За нанесенное тѣмъ бремя.
Былъ столкнутъ съ берѣга Хвостовъ!
Я былъ притомъ, когда Гераковъ,
Пузатый, лысый, небольшой,
Потомокъ вздорливый Пракловъ
Былъ Леты поглощенъ волной!
Я зрѣлъ, какъ нашъ Піитъ слезливый,
Красу лужковъ, лазурь небѣсъ,
И сѣльску жизнь, и златы нивы,
Пѣлъ, пѣлъ, и наконецъ изчезъ!
Такая жъ участь можетъ статься,
И намъ, о други, суждена!
Такъ лучше въ даль намъ непускаться,
Чтобъ неизмѣрить Леты дна!
Иль ѣдимъ хоть, да непроворно,
Гдѣ можно рысью, гдѣ шажкомъ
И ужъ тогда, друзья, безспорно
Мы будемъ гдѣ Творцовъ содомъ!—
—Ну что же труситъ?!—вдругъ воскликнулъ,
Фроловъ тутъ перервавъ мой гласъ,

На удалыхъ лошадокъ крикнулъ
И правилъ прямо на Парнассъ!...
И вотъ мелькнули передъ нами,
Рифей и Волга! все прости!
И мчаты бодрыми конями,
На половинѣ ужъ пути! — —
Тамъ зрѣли мы какъ дѣвы красны,
Сбирали сочный виноградъ;
Тамъ разцвѣли дрѣва прекрасны;
А здѣсь пушистый снѣгъ и хладъ!
Но вотъ! поднялися и въ горы!..
Парнассъ! Парнассъ! Какая близь!...
Какъ вдругъ толчекъ! и гдѣ ресоры? —
Тю-тю — и мы катимся внизъ!
Съ симъ вмѣстѣ я какъ разъ проснулся
Отъ страху мразъ бродилъ по мнѣ!
Я окрѣстился, оглянулся —
И радъ что было то во снѣ! [1]).

(Дрезденъ, октября 15 дня, 1814 года)
Рукоп. № 1, лл. 2—3 об.

2.

Бой.

Краса съ умомъ соединившись,
Пошли войною на меня;
Сраженье дать я имъ рѣшившись,
Кругомъ въ броню облекъ себя
Въ такой я размышлялъ, одеждѣ,
Ихъ стрѣлы неопасны мнѣ,
И погруженный въ сей надеждѣ,
Побѣду представлялъ себѣ!
Какъ вдругъ Наташинька явилась!
Исчезла храбрость! задрожалъ!

---

[1]) Отрывокъ этого стихотворенія, отъ словъ „Тамъ многихъ авторовъ творенья...“ до — „Чтобъ не измѣрить Леты дна“, см. Ефр.[2], стр. 168—169.

Въ оковы броня превратилась,
И я—любовью запылалъ!

Альткирхъ. Маія 7-го дня, 1814 года.
Рукоп. № 1, л. 3 об.

3.

Луна.

Вольный переводъ съ франц.

Луна! любовниковъ чувствительнѣйшій другъ!
Пролѣй свой блѣдный свѣтъ, на сей зеленый лугъ!
Услыши голосъ мой, исполненный стенанья,
Узри потоки слезъ и томны воздыханья!
Пріемля Лиру я незвонкую, печальну,
Хочу воспѣти пѣснь унылу, погребальну!
Хочу, чтобы то все, что дышетъ и живетъ,
Познало бы о томъ, что духъ мой днѣсь гнететъ!
Что сердце бѣдное страдать столь заставляетъ,
Что слезы изъ очей ручьями извлекаетъ!
Близь берѣга сего, гдѣ видны Кипариссы,
Почіетъ съ миромъ прахъ, любезные Клариссы!
Здѣсь иволги поютъ, печальны пѣсни въ день,
А въ ночь сова кричитъ, на старый сѣдши пѣнь.
На камнѣ что сокрылъ любви моей предметъ,
Съ репейникомъ я зрю крапива ужъ ростетъ!
Дни кончила она въ лѣтахъ красы цвѣтущей;
Ликъ съ розой сходенъ былъ на полѣ вновь растущей
Улыбка нѣжная, всѣхъ сердце заражала:
Она счастливила словами и плѣняла!..
...И дружество ее творя меня блаженнымъ,
Любезнымъ стало мнѣ и самымъ драгоцѣннымъ.
Но ахъ! тебя ужъ нѣтъ! и хладная могила
Навѣки образъ твой дражайшій поглотила!..
Навѣки!... а я живъ!... я живъ! я существую!
И въ жизни мучусь я, и плачу и тоскую!
И только смерть одну отрадой вижу я!
Приди желанная! съ охотой жду тебя!...

. . . . . .
. . . . . .[1])

Мою любезную теперь я воспѣвая
И милую душу ее воспоминая,
Чувствительность изъ гладъ слезъ токи изсторгаетъ
И лира орошась, нескладный звукъ пускаетъ!

Дрезденъ, Сентября 29 дня, 1814.
Рукоп. № 1, л. 4–4 об.

4.

Въ сей долинѣ *вѣчныхъ слезъ*
Незабудочки лазурны
И кусточки вѣшнихъ розъ
Вкругъ печальной вьются урны.
И унылый кипарисъ
Какъ сиротка одинокой[2])
На сей памятникъ плачевной
Шумный вѣтвію повисъ...
Съ раннимъ[3]) утромъ ежедневно
Я сюда съ тоской хожу
И въ душѣ своей угрюмой
Щастье прошлое[4]) бужу
О прошедшихъ благахъ думой
Но оно ужъ не проснеться
Мертвый сонъ его сковалъ
И другъ сердца моего
На призывъ не отзовется.

Рукоп. № 1, л. 9.

---

[1]) Точки въ рукописи.
[2]) Въ подлинникѣ стихъ зачеркнутъ.
[3]) Вм. зачеркнутаго „каждымъ".
[4]) „Щастье прошлое" вм. зачеркнутыхъ „Чувства прежнія".

5.

Вѣсна.

Привѣтствую тебя, зеленый лугъ широкій!
И съ горъ резвящійся гремящій ручеёкъ,
И тень роскошная душистыхъ липъ высокихъ
И первенца вѣсны привѣтный голосокъ!
Холмы, покрытые муравкой молодою,
Юнѣютъ красотой цвѣточковъ голубыхъ;
И рѣзвы мотыльки собравшися толпою,
Порхаютъ въ воздухѣ на крыльяхъ золотыхъ.
Ужъ нежная свирѣль пріятно раздается
Въ кустахъ бродящаго со стадомъ пастушка;
Порою ароматъ, съ прохладою несется,
Отъ бѣлыхъ ландышей на крыльяхъ вѣтерка,
Всё дышетъ негою, все торжествомъ блистаетъ
Всё обновляется для жизни молодой
И сердце какъ бы вновь для счастья разцвѣтаетъ
Любуяся вѣсны улыбкой золотой!
Душа волнуема восторгомъ удивленья!
Природа пышная младой красѣ твоей
Спешитъ восторженна!... и ищетъ раздѣленья
Спешитъ излить восторгъ, въ сердца своихъ друзей!
Какъ сладко съ милыми отъ сердца подѣляться
Улыбкой тихою и томною слезой,
И съ ними вечеркомъ природой любоваться,
Гуляя по лугамъ роскошною вѣсной!!!

Рукоп. № 1, л. 10—10 об.

6.

Акростихъ.

Нѣтъ тебя милѣй на свѣтѣ,
Ангелъ несравненной мой!
Ты милѣе въ юномъ цвѣтѣ
Алой розы весненой.

Легче съ жизнью разлучиться
Все въ свѣтѣ позабыть
Клянусь въ томъ, чѣмъ рѣшиться
Тебя, другъ мой, не любить.
Есть на свѣтѣ милыхъ много
Вѣрь, что нѣтъ тебя милѣй;
Я давно прошу у Бога,
Пошлетки въ сторону, ей, ей!
Одного лишь въ утѣшенье:
Вѣчно, вѣчно быть съ тобой!
Ахъ свершиться ли моленье;
Скоро ли я буду твой?—

Кондратій Рылѣевъ.

Подгорное 17 окт. 1818.

Рукоп. № 1, л. 12.

7.

Людмила.

Баллада.

—„Нѣтъ, не мнѣ владѣть тобой,
Ангелъ сердца милый;
Ты должна вкушать покой,
А я вѣкъ унылый
Лія токи слезъ влачить
И страдая вѣчно,
Ядъ и горести испить,
Муки злой, сердечной.

*

Тебѣ милъ не я, иной;
Страсть да истребится;
И въ душѣ моей покой,
Впредь—да водворится;
Пусть изъ памяти моей,
Образъ твой прелестный,

Красота души твоей,
Сердцу гласъ извѣстный, —

*

Изстребится навсегда,
И изгладитъ время;—
Нѣтъ, не буду никогда
Я для милой бремя.
Тамъ далеко, за Днепромъ,
Въ Литвѣ, на чужбинѣ,
Кончу въ боѣ я съ врагомъ
Дни свои въ кручинѣ."

*

Такъ несчастный Миловидъ,
Молвилъ предъ Людмилой;
Дѣва робкая дрожитъ,
И свой взоръ унылой,
Въ землю потупивъ, речетъ,
Юношѣ съ слезами:
„Ахъ останься; все пройдетъ;
„Будешь счастливъ съ нами.

*

„Не могу тебя любить
„Чтобъ имѣть супругомъ;
„Но клянуся вѣчно быть
„Тебѣ вѣрнымъ другомъ." —
—„Ахъ! что въ дружбѣ—коль любовь
Въ сердцѣ ужъ пылаетъ,
И волнуя пылку кровь,
Страсти возмущаетъ?

*

Нѣтъ Людмила, нѣтъ, не мнѣ.
Счастьемъ наслаждаться;
Мой удѣлъ въ чужой странѣ.
Мучится, терзаться."
И еще унылый взглядъ
Бросивъ на Людмилу,

Онъ покинулъ[1]) Отчій градъ.
Чтобъ обресть могилу.

*

Рукоп. № 1, л. 13—13 об.

8.

Воспоминанія.

Элегія.

(Посвящается Н. М. Р—ой[2]).

Еще ли въ памяти рисуется твоей
Съ такою быстротой промчавшаяся младость,
Когда, Дорида, мы забывъ иныхъ людей,
Вкушали съ жаждою любви и жизни сладость?...
Еще ли милъ тебѣ излучистый ручей
И струй его невнятный лепетъ.
Зеленый лѣсъ и шумъ младыхъ вѣтвей,
И листьевъ говорящій трепетъ, —
Гдѣ мы одни съ любовію своей
Подъ ивою вѣтвистою сидѣли:
Разспростирала ночь туманный свой покровъ,
Терялся въ далекѣ чуть слышный звукъ свирѣли,
И рогъ луны глядѣлъ изъ облаковъ,
И струйки ручейка журчащіе блестѣли...
Луны сребристые лучи
На насъ, Дорида, упадали.
И что то прелестямъ твоимъ въ ночи
Небесное земному придавали:
Перерывался разговоръ
Сердца въ восторгахъ пылкихъ млѣли.
Къ устамъ уста, тонулъ во взорѣ взоръ.
И вздохи сладкіе за вздохами летѣли.

---

[1]) Вм. зачеркнутаго „оставилъ".

[2]) Слова „Элегія" и „Посвящается Н. М. Р[ылѣев]ой" —зачеркнуты въ подлинникѣ.

Незнаю милая, какъ ты:
Но я непозабуду про былое.
Мнѣ утѣшительны, мнѣ сладостны мечты.
Безумство юныхъ дней, тоска и суеты;
И наслажденіе сіе нѣмое
Такъ мило мнѣ какъ запахъ отъ левкоя,
Какъ первый поцѣлуй невинной красоты.

—въ[1]).

Рукоп. № 1, л. 14—14 об.

9.

Натальѣ Михайловнѣ Тевеновой.

(Въ день Ангела ея).

Въ день Ангела всегда чего нибудь желаютъ;
Чего-же мнѣ тебѣ желать?
Желать ли, чтобъ тебя всѣ стали обожать?
Но ужъ тебя и такъ давно всѣ обожаютъ.
Желать ли, чтобы ты богатствомъ обладала?
Но ахъ! богатство намъ не щитъ!
Повѣрь, тому и Крезовыхъ сокровищъ мало,
Тому ужъ не до нихъ кого Судьба тягчитъ!
Желать ли, чтобы ты умомъ своимъ затмила
И умницъ всѣхъ, и мудрецовъ?
Но имъ тебя и такъ Природа одарила;
И ты щадишь глупцовъ.
Желать ли, чтобы ты прельщала красотою,
И нѣжностью души своей,
И нрава кротостью, и сердца добротою,
И привлекательной невинностью твоей?
Но ужъ и такъ тебя, которые лишь знаютъ,
(А въ томъ числѣ — и я)
Плѣненные тобой, согласно утверждаютъ,
Что есть красивѣе, но нѣтъ милѣй тебя.
Чего, чего же мнѣ желать тебѣ? Не знаю;

---

[1]) Вм. зачеркнутаго „Рытѣевъ"

А старики вѣдь говорятъ,
Что по старинному въ Россіи обычаю,
Въ день Ангела, должно чего нибудь желать.
И такъ, и такъ чистосердечно,
Тебѣ желаю я,
Чтобъ Добродѣтель была вѣчно,
Повсюду вѣрная сопутница твоя.
Пусть, пусть Она,—какъ Ангелъ твой хранитель,
Какъ добрый Геній-утѣшитель,
Пребудетъ всюду твой
Вожатый неразлучной,
Къ утѣхамъ въ свѣтъ большой,
Стезей благополучной.

Рукоп. № 2, л. 1—1 об

10.

Въ Альбомъ дѣвицѣ N.

Когдабъ вы жили въ дрѣвни вѣки,
То вѣрно бъ Греки,
Курили фиміамъ,
Вмѣсто Венеры—вамъ.

Рукоп. № 2, л. 1 об.

11.

Наташа, Амуръ и Я.

Съ Наташей я остался,
Намнясь наединѣ;
Какъ вдругъ Амуръ къ намъ вкрался
И стрѣлилъ въ сердцѣ мнѣ.
Узрѣвъ сей язвы муку,
Пришла Наташа въ страхъ—
„Жестокій! Зевса внуку,
Промолвила въ слезахъ.

„Почто не осторожно
И злобно такъ шутить?
Почто, когда не можно
Сей язвы изцѣлить?“—
— Напрасно унываешь,
Сказалъ плутишко ей,
— Ты дѣйствія не знаешь
Еще красы своей.—

Рукоп. № 2, л. 2.

12.

Мотылекъ.

Что ты вкругъ огня порхаешь,
Мотылекъ мой дорогой?
Или, бѣдненькой, не знаешь,
Что огонь губитель твой?
Иль тебѣ то неизвѣстно,
Сколь обманчивъ блескъ огня,
И что свѣтъ его прелестной,
Можетъ погубить тебя?
Лѣти прочь! лѣти несчастной!
Вкругъ огня ты непорхай!
Бойся, бойся повсечасно,
Несгорѣть чтобъ невзначай!
Но невнемлетъ, безразсудный!
Ближѣ, ближѣ все лѣтитъ!—
Его блескъ прелестный, чудный,
Несчастливецъ! тебѣ льститъ.
Но напрасно: все порхаетъ!
И вотъ прямо въ огонекъ
Онъ влѣтѣлъ... и въ немъ сгараетъ!
Знать судилъ ему такъ рокъ!—
Такъ, увы! и я плѣненный,
Предаюсь любви своей,
И мѣчтаю дерзновенный,
Найти счастье свое въ ней!

Но, быть можетъ, заблуждаться,
Мнѣ судилъ жестокій рокъ,
И такъ точно, можетъ статься,
Я сгорю—какъ мотылекъ!—

Рукоп. № 2, л. 3.

13.

Къ Фралову.

Печали врачъ, забавъ любитель,
Острякъ, поэтъ и баснословъ,
Поборникъ правды и рѣвнитель,
Товарищъ юности, Фроловъ!
Прошу, прерви свое молчанье
И хоть одной своей строкой,
Утишь душевное страданье
И сердце друга успокой.
Увы! кто знаетъ, другъ мой милый,
Что ожидаетъ завтра насъ!
Быть можетъ, хладъ и мракъ могилы,—
Ничтожности ужасный часъ!
Быть можетъ ярою судьбою,
Ужъ надъ моей теперь главой,
Смерть хладною своей рукою,
Махаетъ острою косой!
Почто жъ, мой другъ, намъ тратить время
И чуждыми для дружбы жить,
Почто печалей вьючить бремя,
И чашу золъ въ дняхъ юныхъ пить!
Почто,—когда имѣемъ средства
Свое мы горе услаждать
И изъ печалей, и изъ бѣдства,
Съ урокомъ пользу извлекать?— —
Взглянуль, мой другъ, на міръ сей бѣдной;
И что жъ, коль стану примѣчать?
Межъ тысячью едва примѣтно
Счастливцевъ двухъ, а много—пять!

Кто жъ виненъ въ семъ?—Увы! мы сами:
О точно такъ; никто иной;
Съ закрытыми идя очами
Не трудно въ яму пасть ногой.
. . . . . [1])
И въ самомъ дѣлѣ, другъ безцѣнный,
Все въ нашей волѣ состоитъ;
Пусть лютый рокъ и разъяренный,
Мнѣ скорой гибелью грозитъ...
Но я коль твердъ, коль презираю,
Ударовъ тяжесть всю его,
Коль въ оборону поставляю
Терпѣніе противъ всего,
Тогда меня и рокъ устанетъ
Все съ прежней ненавистью гнать
И скоро часъ, и мой настанетъ
Мой другъ! отъ горя отдыхать.
Пойдемъ, Фроловъ, мы сей стезею;
Вожатый Дружба нашъ, пойдемъ!
Но вместѣ чуръ! рука съ рукою!
Авось до счастья добредемъ!
Авось, авось всѣ сьединимся—
Боярскій, Норовъ я и ты;
Авось отрадой насладимся,
Забывъ всѣ міра суеты.

Рукоп. № 2, лл. 3 об.—4.

14.

Къ портрету N.

Она невинностью блистаетъ
Какъ роза прелестью цвѣтетъ,
Любезнымъ нравомъ восхищаетъ
И всѣхъ сердца къ себѣ влечетъ.

Рукоп. № 2, л. 4 об.

---

[1]) Точки въ рукописи.

15.

Пѣсня.

Отвѣтъ на извѣстную арію изъ Русалки:

Вы къ нимъ вѣрность никогда и проч.

Нѣтъ, неправда, что мужчины
Вѣрность къ милымъ не хранятъ,
И давъ клятву безъ причины
Могутъ хладно забывать.

*

Развѣ только развращенный,
Или вѣтренникъ какой,
Недоволенъ—награжденный
Поцѣлуемъ дорогой.

*

Кто безъ чувствъ, съ душой холодной,
Тотъ притворнымъ можетъ быть,
И тому лишь только сродно,
Страстью нѣжною шутить.

*

Но въ чьемъ сердце добродѣтель
Съ любовью пламенной горитъ,
Можетъ ли тотъ бывъ свидѣтель
Слезамъ милой—слезъ не лить?—

Рукоп. № 2. л. 5.

16.

Друзьямъ.

(Въ Ротово).

Нельзяль на новосѣльѣ
О други, прикатить,
И въ пуншѣ, и въ весельѣ,
Все горе потопить?
Друзья! прошу, спѣшите:
Я ожидаю васъ!

Мракъ хаты освѣтите,
Весельемъ въ добрый часъ!
Въ сей хатѣ вы при входѣ
Узрите столъ стоитъ,
За коимъ, на свободѣ
Вашъ бѣдный другъ сидитъ
Въ своемъ свѣтло-кофейномъ,
Для смѣха сотворенномъ
И странномъ сертукѣ,
Въ мѣчтахъ съ перомъ въ рукѣ!
Тамъ кипа книжекъ рядомъ,
Любимѣйшихъ лежитъ;
Ихъ переплетъ не златомъ,
А внутрь добромъ блеститъ.
Заступа отъ неволи
Любезные пистоли;
Шинелишка, сертукъ,
Уздечка и муштукъ;
Ружье—подарокъ друга,
Двѣ сабли—какъ стекло,
Надежная подруга
И Косовско сѣдло:
Вотъ все, что прикрываетъ
Стѣнную черноту;
Вотъ все, что украшаетъ
Сей хаты простоту.
Друзья! коль посѣтите
Меня вы подъ часокъ,
Яствъ пышныхъ не просите:
Подъ вечеръ—пуншъ, чаіокъ;
На полдень—щи съ сметанкой,
Хлѣбъ чорный, да баранки,
И мяса фунта съ два,
А на дессертъ отъ брата,
Хозяина—солдата—
Привѣтные слова.
Когда такой потравы,
Друзья! хотя для славы

Желаетъ кто изъ васъ;
Тогда, тогда отъ службы
Ко мнѣ въ свободный часъ,
Въ Вежайцы, ради дружбы,
Прошу я завернуть,
И въ скромный кровъ поэта,
Подъ сѣнь Анахорета
Отъ скуки заглянуть.

Рукоп. № 2, лл. 5 об.—6.

17.

Посолъ.

Разъ въ холодной вечеръ, длинный,
Съ чашей пуншевой въ рукѣ,
Въ тулупъ скутавшись овчинный,
Я сидѣлъ при камелькѣ:—
И тогда, какъ раздраженный,
Я на счастіе пѣнялъ,
И всѣ блага жизни бренной,
Суетою называлъ,— —
Слышу кто-то отворяетъ
Двѣри въ комнатѣ моей,
И вдругъ Машинька вбегаетъ,
Какъ Посолъ отъ жизни сей!
Въ мигъ со мной въ переговоры....
И трактатъ ужъ заключенъ!
Все рѣшили нѣжны взоры,
И я въ счастьи убѣжденъ!—

Рукоп. № 2, л. 6 об.

18.

Сонъ.

(Изъ Анакреона).

Недавно Вакхомъ упоенный,
Заснулъ на Тирскихъ я коврахъ,

И зрѣлъ—что къ дѣвушкамъ плѣненный.
Я крался тихо на перстахъ.
Вдругъ слышу громкій смѣхъ за мною;
Я оглянулся—зрю соборъ,
Красавицъ юныхъ надо мною,
Смѣющихся на перекоръ.

Рукоп. № 2, лл. 6 об.—7.

19.

Пѣсня.

На голосъ: *Винятъ меня въ народѣ и проч.*

Кто сколько не хлопочетъ.
Чтобъ сердце защитить,
Хоть хочетъ, иль не хочетъ,
Но долженъ полюбить.
Таковъ законъ Природы,
Всегда и былъ, и есть,
И въ юношески годы,
Всякъ долженъ цѣпи несть
Всякъ долженъ силу страсти
Любовной испытать;
Утѣхи и напасти,
Въ свою чреду узнать.
Я самъ не вѣрилъ прежде
Могуществу любви,
И долго былъ въ надеждѣ
Утишить жаръ въ крови.
Я прежде надсмѣхался,
Любовь химерой звалъ.
И естли кто влюблялся,
Я слабымъ называлъ.
Мѣчталъ я—какъ возможно
Страстьми не обладать,
И красотой ничтожной
Разсудокъ ослѣплять!

Но ахъ! съ тѣхъ поръ ужъ много
Донъ въ морѣ струй умчалъ,
И о любви такъ строго
Я думать пересталъ.
Узналъ, что заблуждался,
Обманывалъ себя,
И слишкомъ полагался
На свой разсудокъ я.
Увы! за то жестоко
Мнѣ Купидонъ отмстилъ;
Онъ сердце мнѣ глубоко
Стрѣлой любви пронзилъ!
Съ тѣхъ поръ, съ тѣхъ поръ страдаю,
День цѣлый слезы лью,
Крушуся и вздыхаю,
Мученія терплю.
А та—кѣмъ сердце бьется,
Жестокая! съ другимъ,
И шутитъ, и смѣется.
Страданіямъ моимъ!
Ахъ! знать ужъ Небесами,
Мнѣ суждено страдать,
И горькими слезами,
Свою судьбу смягчать.

Рукоп. № 2, л. 8—8 об.

20.

Епиграмма.

Надутовъ для Прелесты
Недавно сочинилъ прекрасный мандригалъ,
Въ которомъ онъ сравнялъ
Свою красавицу *съ Невинной Жрицей Весты*;
Но, —какъ то на сравненьи,
Онъ заикнулся въ чтеньи

И сдѣлалъ черезъ то на даму,
Изъ *Мадригала—эпиграмму.*

Рукоп. № 2. л. 8 об.

21.

Къ Лачинову.

(Въ Москву(.

Изящнаго любитель,
Питомецъ музъ младой,
Прямой всего цѣнитель,
Пѣвецъ мой дорогой!
Къ тебѣ я обращаю,
Нестройной Лиры гласъ;
Съ тобой, съ тобой желаю,
Бѣсѣдовать въ сей часъ.
Съ тобой, о обитатель,
Столицы пышныхъ стѣнъ,
Дѣвъ красныхъ обожатель,
Не знающій бременъ
Епикурейцовъ чтитель!
Веселый посѣтитель,
Театровъ и садовъ,
Собраній, булеваровъ,
Кофейницъ, трутуаровъ,
И радостей домовъ;—
Гдѣ шумный рой лукавыхъ,
Прелестницъ молодыхъ,
Сулятъ изъ глазъ своихъ,
Утѣхи и забавы;
Гдѣ вѣтренность и младость,
Прелестныхъ Дѣвъ Любви,
И словъ коварныхъ сладость,
Льютъ нѣжный огнь въ крови;
Гдѣ ты подъ часъ плѣнившись
Одною изъ Цирцей,

Съ ней взоромъ согласившись.
Издалека за ней,
Идешь съ смиреннымъ видомъ,
Какъ скромникъ, иль Монахъ;
Пришолъ—и однимъ мигомъ,
Забылъ все на грудяхъ!
Въ объятьяхъ красоты,
Забылъ бѣды, напасти,
Забылъ въ восторгахъ страсти.
И друга можетъ ты!..
Межъ тѣмъ, какъ въ отдаленной,
Здѣсь Жмуди жизнь влачу;
И ахъ! душѣ стесненной,
Отрады не сыщу!— —
Здѣсь въ дымной, чадной хатѣ,
Въ пустынной сторонѣ,
Въ безмолвной тишинѣ
Я мыслю о утратѣ.
Прелестныхъ, милыхъ дней:
Дней юныхъ, драгоцѣнныхъ,
Безспечно проведенныхъ,
Въ кругу своихъ друзей.
Ахъ! гдѣ Боярскій милый,
Мѣчтатель нашъ драгой?
Увы! въ странѣ чужой
И съ Лирою унылой!
Ахъ! тамъ же и Фраловъ,
Нашъ другъ замысловатый,
Сатирикъ тароватый,
И острый баснословъ
Счастливцы! Они вмѣсте!
Завиденъ жребій ихъ!
А мнѣ, а мнѣ и вѣсти,
Давно ужъ нѣтъ отъ нихъ!
Нѣтъ сердцу утѣшенья,
Нѣтъ радостей *безъ васъ*!
Ахъ! скороль сьединенья,
Наступитъ сладкій часъ?

Ахъ! скоро ли въ объятія,
Другъ друга заключимъ?
Прижмемъ, вздохнемъ, о братья!
И—души сьединимъ!

Рукоп. № 2, лл. 10—11.

22.

Въ альбомъ.

Ея Превосходительству К. Н. М-ной [1])

Ты желаешь непременно,
Написалъ чтобы я стихъ?
Какъ могу я дерзновенной,
Быть пѣвцомъ добротъ твоихъ!
Мнѣ ль представить то достойно,
Что въ себѣ вмѣщаешь ты?
Мнѣ ль изобразить пристойно,
Милой образъ красоты?
Кудри волнами, небрежно,
Изъ глазъ черныхъ, быстрый взоръ
Колебанье груди снѣжной,
И всѣхъ прелестей соборъ?
Самъ Державинъ, дивный, чудный,
Врядъ бы то изобразилъ;
Мнѣ же съ лишкомъ, съ лишкомъ трудно
И,—превыше моихъ силъ!—

Рукоп. № 2, л. 11.

23.

Епиграмма.

Пегасъ Надутова, весьма, весьма упрямъ,
И часто съ Барниомъ несчастнымъ своеволитъ:

[1]) Въ рукописи рукой П. А. Ефремова сверху приписано „Малютиной“.

Сѣдлать никакъ не дастъ, коль не захочетъ самъ,
И сверхъ того въ ѣздѣ всегда спибать изволитъ!—

Рукоп. № 2, л. 11.

24.

Извиненіе передъ Н. М. Т-вой [1].

Прости, что воинъ дерзновенный,
Желая чувствія свои къ тебѣ излить,
Вожатаго не взявъ, на Геликонъ священный,
Безъ дарованія осмѣлился ступить.
. . . . . [2]
Ахъ! сколько надобно имѣть тому искуства,
Оттѣнки нѣжные страстей изображать,
Когда желаетъ кто свои сердечны чувства,
Другому въ сердцѣ изліять!
Но ахъ! сей даръ мнѣ не данъ Аполлономъ;
Я выражаться не могу:
Не Лира мнѣ дана въ удѣлъ угрюмымъ Крономъ,
А острый мечь, чтобы ужаснымъ быть врагу!—

Рукоп. № 2, лл. 11 об.—12.

25.

Пѣсня.

Прости за славою лѣтящій,
Прости, съ тобой душа моя;
Стремись въ безсмертья храмъ блѣстящій;
Но ахъ! не позабудь меня!
Любовь и долгъ имѣвъ въ предмѣтѣ,
Стремись, но бѣреги себя,
И въ семъ за честію полетѣ,
Мой другъ! непозабудь меня.

[1] Наталіей Михайловной Тевяшовой.
[2] Точки въ рукописи.

Что дѣлать въ мукахъ мнѣ ужасныхъ?
Страшусь войны и мира я;
Узришь ты множество прекрасныхъ,
Но ахъ! не позабудь меня.
Ты ихъ узришь; онѣ плѣняться,
Плѣниться и душа твоя;
Успѣхомъ будешь наслаждаться,
Но ахъ! не позабудь меня.

Рукоп. № 2, л. 12.

26.

Къ ней.

Ахъ! Когда то совершиться,
То,—чѣмъ льститъ надежды гласъ?
Долголь сердце будетъ биться,
Въ ожиданьи каждый часъ?
Скороль, скороль перестанетъ
Оно рваться изъ меня?
Скороль время то настанетъ,
Когда будешь ты моя?

Рукоп. № 2, л. 12 об.

27.

Пѣсня.

Тишѣ, тишѣ вѣтерочикъ,
Въ сей зѣленой рощѣ вѣй;
Маша, милый мой дружечекъ,
Сладкій сонъ вкушаетъ въ ней.
Тишѣ рѣзвый, своевольный,
Кудри такъ нераздувай;
Тишѣ дерзкій, недовольный,
Нѣжну грудь необнажай!
Спи,—и всюду благодатной,
Вкругъ пусть льется ароматъ.

Птички пѣснями пріятно,
Пусть всѣ чувства усладятъ.
Спи о Ангелъ мой прелестной,
На узорчатыхъ коврахъ,
Спи подъ сѣнію дрѣвесной,
Въ милыхъ, сладостныхъ мечтахъ.
Спи о Маша, другъ сердечной,
Спи съ невинностью своей;
Но страшись быть столь безпечной—
Бойся хитрости людей!—

Рукоп. № 2, л. 12 об.

28.

Экспромтъ.

Н. М. Р—ой [1].

Какъ капли свѣжія росы,
Вѣсною, въ утренни часы.
Животворительны бываютъ для левкоя,
Который блекнуть сталъ отъ солнечнаго зноя;
Такъ точно взглядъ твоихъ очей,
Отраденъ для души моей.
Въ мучительныя тѣ и тягостны минуты,
Когда страданія претерпѣваю люты.

Рукоп. № 3, л. 2.

29.

Тоска.

Къ намъ возвратился Май веселый;
Природа оживилась вновь;
Зазелѣнѣли холмы, долы,
И распестрились отъ цвѣтовъ.

---

[1]) Натальѣ Михайловнѣ Рылѣевой.

Все сладкой всюду нѣгой дышитъ;
Ручей съ пріятностью журчитъ;
Едва листы Зефиръ колышетъ -
И Филомелы гласъ звучитъ.
Въ поляхъ и рощахъ слышно пѣнье—
Всѣ радостью оживлены;
И все, какъ будто въ восхищеньи
Отъ возвращенія Вѣсны!
Одинъ лишь я брожу унылый;
Во мнѣ одномъ веселья нѣтъ!
И ахъ! не будетъ до могилы,
Пока сей непокину свѣтъ...
Увы! все то, въ чемъ я нещастный:
Свое блаженство находилъ—
Все то, все то, что я столь страстно
И съ восхищеніемъ любилъ
Уже не существуетъ болѣ!...
О Делія! тебя ужъ нѣтъ!
На вѣкъ увяла ты, какъ въ полѣ
Безвременно вдругъ вянетъ цвѣтъ!—
Въ лѣтахъ, когда лишь начинаютъ
Всю цѣну жизни познавать;
Когда съ весельемъ засыпаютъ,
Съ весельемъ день встаютъ встрѣчать;
Когда безпечность отдаляетъ
Заботы мрачные съ тоской,
Когда все душу восхищаетъ
И сердце веселитъ мечтой—
Узналъ я Делію впервые!
О, незабвенныя лѣта!
О дни любовію святые,
И вы прелестныя мѣста,—
Гдѣ я любовью восхищенный,
Промолвилъ впервый разъ—*люблю*;
И гдѣ она взаимно тоже
Сказала очи потупивъ!
О какъ, о какъ тогда, о Боже!
Ничтожный смертный былъ щастливъ!

Какое въ сердцѣ восхищенье,
Какой восторгъ я ощущалъ!
Клянусь! въ то самое мгновенье
И въ рай бы я не пожелалъ!—

„Вѣсной мой другъ, когда раздасться—
Здѣсь Филомелы первой гласъ,
Предъ Олтаремъ тебѣ отдасться
Моя рука въ тотъ самый часъ.“ —
Уже мнѣ Делія сказала.
Вѣсны я съ нетерпѣньемъ ждалъ,
Какъ вдругъ она примѣтно стала
Все вянуть, вянуть... часъ насталъ—
И наконецъ—„о другъ сердечной!
Прости, сказала мнѣ она;
Прости, но вѣрь, что ненавѣчно;
Другая есть еще страна,—
Гдѣ ни страданья нѣтъ, ни муки,
Гдѣ мы соединимся вновь,
И гдѣ небудетъ ужъ разлуки,
Гдѣ вѣчно царствуетъ любовь“.
. . . . . [1])

Ужъ возвратился Май веселый
И въ рощѣ раздается гласъ
Весну поющей Филомелы—
Увы! Насталъ урочный часъ,
Въ который Делія мечтала
Меня блаженствомъ подарить,
Тотъ часъ, въ которой завѣщала
Себя со мной соединить!
О Боги! милой прорицанье
Спѣшите совершить скорѣй!
Мнѣ безъ нее сей міръ—изгнанье;
Мнѣ только жизнь мила при ней.
— — — — — — — — — — [2]).

---

[1]) Точки въ рукописи.
[2]) Такъ въ рукописи.

Все восхищается Вѣсною;
Природа все животворитъ!
Одинъ одинъ лишь я съ тоскою!
Одинъ лишь я отъ всѣхъ забытъ!. .
Увы! когдажъ я перестану
Крушиться такъ, какъ я крушусь?
Ахъ! скороль, скороль я увяну
И съ Деліей соединюсь?
Когда въ тотъ край, о Боги хладны!
Меня переселите къ ней,
Гдѣ обрететъ пріютъ отрадный
Усталый странникъ жизни сей?!—

Рукоп. № 3. лл. 2 об.—4.

30.

Вольный переводъ изъ Сафо.

—

Блаженъ, какъ Богъ, кто слухъ вперяетъ
Въ пріятный, нѣжный голосъ твой.
Улыбку нѣжну замечаетъ
И восхищается тобой.

*

По жиламъ смертный хладъ струиться
Когда увижу я сіе.
Уста немѣютъ, взоръ мрачиться
И бьется сердце вдругъ мое.

*

То мразъ во мнѣ, то пламѣнѣю,
Не помню вовсе самъ себя,
Въ смятеніи горю, блѣднѣю...
Дрожу... и замираю я.—

Рукоп. № 3. л. 4 об.

31.

К. Н. А—ву.

(въ отвѣтъ на письмо).

Напрасно думаешь, что тамъ
Свѣтильникъ Дружбы угасаетъ,
Гдѣ жертвенникъ Любви пылаетъ;
Напротивъ, другъ мой! оиміамъ,
Тѣмъ сердцемъ Дружбѣ приносимый,
Въ которомъ огнь неугасимый
Любви горитъ ужъ на всегда,—
Не перестанетъ никогда
Съ сугубой рѣвностью куриться;
Любовью все животвориться.
И изъ чего скажи ты взялъ,
Что твой сопутникъ съ колыбели
Любить друзей ужъ пересталъ?
Иль въ немъ всѣ чувства онѣмѣли
И онъ какъ ледъ холоденъ сталъ?
Мой другъ! такъ думаешь напрасно:
Все тотъ же я, какъ прежде былъ
И ничему неизмѣнилъ;
Люблю невольно, что прекрасно;
И естли разъ ужъ заключилъ
Съ кѣмъ Дружества союзъ я вѣчной,
Кого люблю чистосердечно,
Къ тому, къ тому ужъ сохраню
Любовь и Дружество конечно
И никогда неизмѣню
А, потому, и будь покоенъ.
Коль дорожишь ты мною такъ;
Тебя, мой другъ, полюбитъ всякъ,
Ты Дружбы каждаго достоинъ.
Что жъ я молчалъ—тому виной
Не Дружбы нѣжной охлажденье.
Какъ уличаемъ я тобой;
Но такъ сказать, себя забвенье

Любви въ щастливомъ упоенье.

. . . . . [1]).

Такъ, другъ мой, такъ, и я сталъ жрецъ
У Олтаря Киприды милой:
И что бы ни было... щастливой,
Или нещастной мнѣ конецъ,
Я непрестану, неизмѣнно,
Отъ нынѣ жертву приносить
Своей богинѣ повседневно,—
Ахъ! можно ль, другъ, и не любить?
Любовь есть цѣль всего созданья!
Но пусть по твоему—мечтанье,
Мгновенный призракъ, легкій сонъ;
Пусть сонъ... я буду имъ доволенъ,
Я буду щастливъ, хоть неволенъ,
Лишь только бъ продолжился онъ!

— — — — — — — — — — [2]).

Да и когда же предаваться
Мечтамъ, мой другъ, какъ не теперь,
Лишь только въ юности, повѣрь,
Мы ими можемъ наслаждаться;—
А Юность, другъ, стрелы быстрѣй
За каждымъ въ слѣдъ лѣтитъ мгновеньемъ!
Летитъ—и мчатся вмѣстѣ съ ней
Мечты, утѣхи съ наслажденьемъ.
За ними старость прибредетъ,
А вмѣстѣ съ нею и кручины,
Чело покроютъ все морщины
Уныньe дряхлость наведетъ,
Настанутъ, другъ мой, дни угрюмы,
Встревожатъ сердце мрачны думы,
Любовь и мѣста не найдетъ.

И такъ, доколь еще есть время,
Живи въ весельи и люби;

[1]) Точки въ рукописи.
[2]) Такъ въ рукописи.

Не почитай любви за бремя,
И даромъ время не губи.—

Рукоп. № 3, лл. 5—6 об.

32.

Утесъ.

Свидѣтель мукъ моихъ безгласный,
Поросшій мхомъ сѣдымъ—утесъ!
Услышь еще мой голосъ страстный,
Узри потоки горькихъ слезъ!
— — — — — — — — — [1])
— — Давноль съ Емиліей прелестной,
Предавшись сладостнымъ мечтамъ,
Съ любовью пламенной, небесной,
Сидѣли здѣсь по вечерамъ?
Давноль въ пріятныхъ разговорахъ,
При нѣжныхъ, милыхъ птичьихъ хорахъ,
Забывши грозную напасть,
Благословляли нашу часть?
Давноль окрѣстности безмолвны,
Взиравъ на щастливу чету,
Любви обетовъ нашихъ полны,
Благословляли красоту?
— — — — — — — — [1])
Давно ли ты, утесъ мой мшистый,
Цвѣтами полнъ, благоухалъ?
Давноль ручей кристальный, чистый,
Въ низу съ пріятностью журчалъ?
Давноль, давноль? и нѣтъ недѣли,
Какъ я съ Емиліей своей,
На мягкой муравѣ твоей,
Блаженства полные, сидѣли?...
Давно ли соловей надъ нами.

[1]) Такъ въ рукописи.

То трелилъ звонко, то щелкалъ,
И насъ, сидящихъ межъ кустами,
Своей гармоніей плѣнялъ?
— — Давноль я щастливъ былъ?—
А нынѣ! —
Давноль утесъ меня ты зрѣлъ,
Какъ я блаженъ къ тебѣ летѣлъ,
А днесь иду къ тебѣ въ кручинѣ!
Иду къ тебѣ въ кручинѣ злой,
Иду сказать, что мой покой,
И щастье, коимъ наслаждался,
Надежда, коею питался.
На вѣкъ похищены судьбой!
Похищены—и не возвратно
Блаженство юныхъ, красныхъ дней,
Блаженство всѣй души моей!
И я, утесъ! и невозвратно
Иду на родину обратно!
Иль нѣтъ, иль нѣтъ, я возвращуся
И буду вновь блаженство пить
Въ объятья милой погружуся,
Чтобъ слезы радости пролить —
— — — — — — — — —
— —[1]) Но рокъ велитъ,—Утесъ зелѣный!..
Навѣки простимся скорѣй.
И я. разлукою сраженый,
Увяну въ цвѣтѣ юныхъ дней!

Рукоп. № 3, лл. 7 об.—8 об.

33.

Пѣсня.

Je vous assure, что вы мнѣ милы,
Что васъ люблю de tout mon coeur;

[1]) Такъ въ рукописи.

Pourquoi же вы теперь унылы;
Чрезъ то теряю mon bonheur.
Quand vous со мною—мнѣ пріятно;
Блаженствую quand je vous baise:
Mais quand цѣлуете обратно,
Какъ отъ того je suis bien aise!
Donez la main, мой другъ сердечной!
Приди въ мои embrassement!
Le tems въ семъ мірѣ быстротечно:
Лови, лови l'heureux instant!

Рукоп. № 3, л 9.

34.

Н. М. Т—вой.[1])

—

На предложеніе ее, дабы я написалъ стихи *на Надежду.*

Ты желаешь, другъ прелестной,
Чтобы я Надежду пѣлъ;
Можно ль пѣть, что неизвѣстно,
Что мнѣ не дано въ удѣлъ!
Можно ль пѣть, что я лишь знаю
По наслышкѣ отъ людей,
Чего въ мірѣ невстречаю,
Чего нѣтъ въ душѣ моей?
Естлижъ хочешь непремѣнно,
Чтобъ Надежду славилъ я;
Такъ почтожъ, о другъ безцѣнной!
Не вольешь ее въ меня?—

Рукоп. № 3, л. 10 об.

---

[1]) Нат. Мих. Тевяшовой.

35.

Звѣзда—Путеводитель.

—

Пылкой юности съ страстями,
И надежды сладкой полнъ,
Я направилъ за мечтами
Въ морѣ бурное свой челнъ.
Скоро тамъ... за синей далью
Скрылся берегъ, какъ туманъ,
И я съ трепетомъ, съ печалью,
Вкругъ увидѣлъ—океанъ!

*

И вдругъ сводъ небесный мглою
Вѣсь покрывшись засверкалъ,
Дождь полилъ съ Небесъ рѣкою,
Поднялся за валомъ валъ!
Каждый мигъ мой челнъ въ пучину
Погрузиться былъ готовъ....
— „Ахъ! пошлите мнѣ кончину!“
Умолялъ я такъ Боговъ.

*

Но напрасно! не внимали
Небеса мольбамъ моимъ;
Смерти мнѣ не посылали,
Ни конца страданьямъ злымъ!
Часто въ бурю, въ небѣ мрачномъ,
Зрѣлъ я нѣкій свѣтъ мерцалъ,
И съ надеждой, въ сердцѣ страстномъ,
Къ нему челнъ свой направлялъ.

*

Но ахъ! тучи вновь скрывали
Свѣтъ отрадный отъ меня;
Смерть и ужасъ вновь зіяли
Вновь былъ безъ отрады я!
Долго, долго такъ ужасно
Сводъ небесъ скрывала мгла!

Наконецъ Звѣзда прекрасна,
Я увидѣлъ, тамъ взошла!

*

Вотъ Звѣзда—путеводитель!
Гласъ мнѣ внутренній сказалъ,
Вотъ твой Геній утѣшитель!
Бѣдъ твоихъ конецъ насталъ!
Смѣло, смѣло въ слѣдъ за нею,
Направляй свой утлый челнъ;
Только сей одной стезею
Ты спасешъ себя отъ волнъ.

*

Я послушалъ, что такъ лестно,
Гласъ мнѣ внутренній твердилъ,
И во слѣдъ звѣздѣ прелестной
Я съ отважностью поплылъ!
Вотъ съ тѣхъ поръ исчезло горе,
И Надежда вновь со мной;
И хоть челнъ мой еще въ морѣ,
Но ужъ пристань предо мной!

*

О Звѣзда—путеводитель!
Въ пристань, пристань поскорѣй!
Къ милой, въ тихую обитель
И въ объятія друзей!
Тамъ, тамъ щастье ожидаетъ
Бѣдныхъ странниковъ подъ кровъ;
Тамъ съ Надеждой обитаетъ,
Вѣра, Дружба и Любовь!

Рукоп. № 3, лл. 11—12.

36.

Пріятелю.

На бракъ Н. М. Т—вой.[1])

Наконецъ мой другъ любезной!
Купидонова стрела

[1]) Анастасіи Михайловны Тевяшовой (свояченица Рылѣева).

Къ сердцу милой и прелестной
Къ сердцу Насти путь нашла!

*

Тщетно Настя щитомъ крѣпкимъ
Мнила къ сердцу путь закрыть;
Злой Божокъ всегда былъ мѣткимъ;
Онъ успѣлъ его сразить.

*

Гименей свой факелъ ясной
Возжетъ скоро для нее
И гирляндою прекрасной
Съ милымъ спутаетъ ее.

Рукоп. № 3, л. 12 об.

37

Богатство.

(*Изъ Анакреона*).

Естлибы [1]) возможно было
Намъ богатствомъ жизнь продлить,
Я бы сталъ тогда всей силой
Злато и сребро копить;
И по общему закону,
Когдабъ смерть ко мнѣ пришла,
Нежалѣя миліону,
Чтобъ еще пожить дала,
Я старался бъ откупиться;
Но когда сего нельзя,
Такъ почтожъ и суетиться
И тревожить такъ себя?
Къ чему злато за замками
Накопивши сохранять?

---

[1]) Вм. зачеркнутыхъ—„Ахъ! Когдабъ.“

Непріятнѣель съ друзьями
Въ пирахъ время провождать?
Иль прелестницы [1]) прекрасной,
Прильнувъ къ розовымъ устамъ,
Тая въ нѣгѣ сладострастной,
Въ щастьи равнымъ быть богамъ?—

Рукоп. № 3, л. 13—13 об.

38

Эпиграммы.

„Вчера Комедію мою играли:
Что какова она?“—
—„Должна быть страхъ дурна!“—
—„Того не можетъ быть; вѣдь вовсе не свистали!“—
—„Да потому, что всѣ дремали.“—

Рукоп. № 3, л. 14.

Узрѣвъ, что Слабоумъ, сынъ сельскаго попа,
Какъ будто дѣльный вдругъ столь важнымъ сталъ лицомъ,
Кто будетъ столько простъ, чтобы сказать потомъ,
Что своенравная Фортуна не слѣпа!—

Рукоп. № 3. л. 14 об.

39.

Рѣзвой Наташѣ.

Наташа, Наташа! полно рѣзвиться
И всюду бабочкой легкой порхать,
Съ роемъ любезныхъ подружекъ кружиться
И безперестанно прыгать, играть.

*

Всѣму есть, мой Ангелъ, часъ свой! кто хочетъ
Съ щастіемъ въ мирѣ и дружествѣ жить,

---

[1]) Вм. зачеркнутыхъ—„Или съ Нимфою“.

Тотъ во время шутитъ, пляшетъ, хохочетъ,
Вовремя трудиться, вовремя спитъ.

*

Естли ты *разнообразить* небудешъ
Вѣчное тоже наскучитъ тебѣ;
Ахъ! тогда прыгать, рѣзвиться забудешъ
И позавидуешъ многимъ въ судьбѣ!

*

Естлижъ желаешь имѣть ты веселье
Спутникомъ вѣчнымъ,—то вотъ мой совѣтъ:
Искусно мѣшай между дѣломъ бездѣлье,
Но непорхай лишь на полѣ суетъ!

Рукоп. № 3, л. 15—15 об.

40.

Мечта.

Ночною ужъ порою,
Какъ шумъ дневной умолкъ,
Амуровъ предо мною
Явился цѣлый полкъ.
—„Намъ до тебя есть дѣло,
Съ улыбкой мнѣ рекли,
Ступай за нами смѣло,
Куда бъ ни повѣли.“—
Съ Божками спорить сими
И вздорить я не смѣлъ,
И потому за ними
Немедля я пошелъ.
—„Постой! неторопися;
Одинъ изъ нихъ сказалъ,
Встань здѣсь и наклонися“.—
И очи завязалъ!
Потомъ всѣ потхвативши,
Куда то понесли,
И на земь опустивши,

Повязку съ глазъ сняли.
Смотрю... Вожатыхъ скрылся
Отважный, шумный рой!
Смотрю... я очутился,
Наташа! предъ тобой!

Рукоп. № 3, л. 16—16 об.

41.

Четире степени любви.

Любви Тирсиса въ угожденье
Ужъ сжалясь Лила наконецъ
За поцѣлуй *одинъ* съ бѣдняжки въ награжденье
Содрала *пять овецъ.*

*

На завтра, ставши понѣжнѣе,
Не такъ уже скупа была:
За поцѣлуй *одинъ* съ Тирсисомъ бывъ вольнѣе,
Одну овцу взяла.

*

На завтра же въ промѣнѣ съ Лилой
Тирсисъ еще щастливѣй былъ:
За поцѣлуй *одинъ* всѣ *шесть овецъ* онъ съ милой,
Обратно получилъ.

*

На завтра же была бы рада,
За поцѣлуй *одинъ* отдать,
Собачку, посошекъ, свирель, и даже стадо
Но тщетно! Тирсисъ сталъ другую цѣловать.

Рукоп. № 3, л. 17—17 об.

42.

Къ Надеждѣ.

О Надежда! ты мой Геній!
Ты вожатый въ жизни мой!

Отъ опасныхъ треволненій
Я избавленъ лишь тобой.

*

Ты одна непокидала
Меня въ бурномъ морѣ бѣдъ:
Ты, ты челнъ мой направляла,
Когда былъ потерянъ слѣдъ.

*

Будь же ты и впредь со мною
И нигдѣ непокидай;
И хоть призракомъ, мечтою,
Нещастливца утѣшай!

*

Помогай мнѣ заблуждаться,
Что любимъ Наташей я,
Что настанетъ наслаждаться
Скоро часъ и для меня!

Рукоп. № 3, л, 1.

43

Къ С.

Нашъ хлѣбосолъ—мудрецъ
Въ своемъ уединеньи,
Прими благодаренье,
Которое пѣвецъ
Тебѣ въ стихахъ слагаетъ
За ласковый пріемъ
И въ нихъ же предлагаетъ
Благой совѣтъ тишкомъ:
Въ своей укромной сѣни
Живи, какъ жилъ всегда,
Страшися вредной Лѣни
И другомъ будь Труда.
Люби, какъ любишъ нынѣ,

И угощай гостей
Въ нѣмой своей пустынѣ
Бердяевкой своей [1])
Она печали гонитъ
Любовь къ себѣ манитъ,
Къ чистосердечью клонитъ
И сердце веселитъ.
Чтобъ *нибыло* съ тобою,
Ее незабывай,
Разгорячись порою,
Но дома не сжигай!...[2])

Р.

Рукоп. № 4, л. 6 об.

44.

Минуты счастія промчались
И вѣчно, вѣчно непридутъ
Печали горести остались
И вѣчно вѣчно не пройдутъ.

Недолго сердце биться станетъ
Недолго буду я грустить
Въ весенній день цвѣтокъ увянетъ,
Его какъ съ вѣткой разлучить.

Я мнилъ счастливымъ быть тобою
Въ тебѣ зря душу красоты
Теперь прегорькою слезою,
Плачу за лишніе мечты.

Томлюсь, мученіе ужасно!
Своей я жизни не прерву;

---

[1]) Такъ прозвалъ онъ прекрасную свою наливку, сдѣланную имъ по наставленію Маіора Бердяева, славнаго Гастронома *Прим. Рылѣева.*

[2]) Одинъ великій и безпокойный сутяга, лишивъ многихъ наслѣдств. достояній, угрожалъ и С-ву отнять у него домъ... „Если онъ ето сдѣлаетъ, сказалъ мой гостепріимный сосѣдъ, то повѣрь мнѣ, что я сожгу домъ свой пусть и ему недостанеться“... *Прим. Рылѣева.*

Ты смерть! отрада для несчастныхъ
А я—для горести живу.

Рукоп. № 8, л. 1—1 об.

45.

Завѣса съ глазъ моихъ сорвалась,
И ты, о Лила, не моя!
Не умираютъ знать съ печали
Когда живу на свѣтѣ я.

*

Несносно жить всегда страдая
Съ утра до вечера всегда;
И съ просыпленьемъ ожидая,
Что вновь готовиться бѣда.

Рукоп. № 8, л. 1 об.

46.

Сердце въ выборѣ невольно;
Льзяль сердцу по вѣлѣть
Видѣть Машиньку довольно
Чтобъ любовью къ ней горѣть.

—

Какъ Душенька прелестна
Въ шестнадцать только лѣтъ,
Застенчива, любезна
Отраду въ сердцѣ льетъ.

—

Незнаетъ, что карета
Шаль, лино, кисея
Въ бѣломъ [1]) платьицѣ одѣта
Какъ прелесть майска дня.

—

Кадрилекъ не танцуетъ
И арій не поетъ.

[1]) Неразборчиво, м. б. „бальномъ"

Но взглянетъ— очаруетъ.
Сердце, душу, мысль влечетъ.

—

Пусть свѣтъ вѣсь обвиняетъ,
Что [1]) къ Машинькѣ горю
Но я прощаю, онъ не знаетъ
Милу Машиньку мою.

—

Кто любитъ тотъ и знаетъ,
Льзяль сердцу повѣлѣть
Машу съ Ангеломъ сравняетъ
Такъ можноль не любить!

Рукоп. № 8, л. 2—2 об. [2])

47.

Дарами щедрыя Природы оживленна.
Привѣтствую тебя страна благословенна,
Точащая изъ недръ млеко и (сладкій) чистый медъ!
Ты для оратая даешъ сторичный плодъ;
Луга цвѣтущія, дыша благоуханьемъ,
Всегда оглашены коней ретивыхъ ржаньемъ;

---

[1]) Далѣе слѣдуетъ зачеркнутое „я".

[2]) Возможно, что Рылѣевъ былъ только переписчикомъ, а не авторомъ этого стихотворенія: конецъ его съ нѣсколько иными варіантами, за подписью А. Ивановича, сохранился еще въ одномъ рукописномъ сборникѣ середины XIX в. (Библіотека Историч. Общества Нестора лѣтописца. Рукопись № 15, л. 3):

Хоть незнаетъ, что карета,
Шаль, лино и кисея;
Въ бѣломъ платьицѣ одѣта,
Но прелѣстнѣй майска дня.

Контротанцевъ не танцуетъ,
Аріетокъ не поетъ,
Но лишь взглянетъ—очаруетъ,
Сердце, душу, умъ влечетъ.

Пусть свѣтъ цѣлый обвиняетъ,
Что я къ бѣдненькой горю,—
Я прощаю: онъ незнаетъ
Милу Машеньку мою.

На тучныхъ пажитяхъ дебелый бродитъ волъ,
И овцы, прядая, пестрятъ зеленый долъ!
(Но кровью тучная земля твоя упилась,
Но плодородная земля Украйны милой,
Промокла кровію, могилой
Необозримыя, златящіеся нивы
Волнуетъ ветерокъ прохладный и игривый
Но плодородныя бразды земли прекрасной
Напоминаютъ намъ про жребій твой нещастной
О сколько разъ тебя свирѣпая волна
Но трупами . . . . . .
И кровью . . . . земля твоя упилась
Прелестный край! Къ тебѣ душа уже съ
. . . къ тебѣ душа летитъ
Земля прекрасная)
Досѣль (оратая) сохой (посѣлянина)
(Ея земля)
(. . . . .)
Земля свободныхъ козаковъ
Вдругъ выкажетъ . . . . .
Иль зубы бѣлые. . . . . .

Рукоп. № 9[1]).

48.

Надежда! Наконецъ
Съ тобой на вѣкъ разстаться
Опредѣлилъ творецъ!
Простижъ, простижъ на вѣчно,
И знай о[2]), другъ сердечной
Звѣнитъ ужъ колокольчикъ! прости! всему конецъ.

—

Коль предъ тобой стою
Въ восторгѣ утопаю[3])

---

[1]) Слова и стихи, взятые въ скобки зачеркнуты въ оригиналѣ; точками обозначены неразобранныя слова.

[2]) Вм. зачеркнутыхъ—„Другъ милый".

[3]) Первоначально было: „Восторгъ я ощущаю".

Твое дыханье пью;
Въ разлукѣ же вздыхаю
Томлюсь, грущу [то]скую
И въ скорби утѣшенья нигдѣ не нахожу.

Рукоп. № 10.

49.

Привѣтствую тебя отечество Вадима
Съ младенчества пѣвцу любезная страна [1]),
Привѣтствую тебя, о славная страна!
Свободы колыбель, отечество Вадима

Рукоп. № 17 [2]).

---

[1]) Первоначально было—„Отъ лѣтъ младенческихъ любезная страна".
[2]) Всѣ четыре стиха зачеркнуты.

II.

Прозаическія статьи[1].

1.

Шафхаузенъ. Марта 25 дня 1814.

Возвращаясь въ свое Отечество чрезъ Шафхаузенъ и оставляя за собой виноградные берѣга быстротекущаго Рейна, я спѣшилъ посѣтить мѣсто, въ которое толпами стекаются странствующіе,—

---

[1]) См. Архивъ К. Ѳ. Рылѣева (въ библіотекѣ Имп. Академіи наукъ). Отдѣлъ автографовъ. В (Проза). Издающіяся произведенія извлечены изъ слѣд. рукописей:

№ 1.—F°, 2 лл.; бумага, синяя со знакомъ 1816; листы перегнуты пополамъ; текстъ на лѣвыхъ половинахъ листа. Двѣ статьи (Шафхаузенъ и Нѣчто о среднихъ временахъ) и стихотвореніе (Нач.: „Прости, что воинъ дерзновенный...“).

№ 2. Тетрадь въ 4-ку, 12 лл; на бумагѣ водяные знаки—геральдическая лилія (лл. 1—10) и слова S Kool (лл. 11—12). Письма изъ Парижа; всѣхъ писемъ восемь; первое и начало второго утрачены. Отрывки изъ писемъ 3-го и 4-го см. Ефр.[2], стр. 191—193.

№ 3. Тетрадь въ 4-ку, 15 лл.; бумага синяя съ водяными знаками—Pro patria и [18]15. Комедія въ 1 дѣйствіи (безъ заглавія).

№ 4. Тетрадь въ листъ, 8 лл; на бумагѣ водяные знаки R F и геральдическая лилія на гербовомъ щитѣ подъ короной; лл. 5 об.—7: Провинціалъ въ Петербургѣ. *Женская игрушка.*

№ 6. F°, 2 лл. Религіозно-философскія замѣтки и выдержки изъ Псалтыри, писанныя Рылѣевымъ въ крѣпости.

№ 7. Замѣтка о гр. А. П. Шуваловѣ на лоскутѣ бумаги.

— Печатаемое ниже „Сентиментальное письмо...“ сохранилось въ тетради со стихотвореніями Рылѣева (см. Отдѣлъ автографовъ, А. Рукоп. № [1], лл. 5—6 об.).

дабы удивиться чудесному низверженію славной рѣки. — — Солнце свѣтило во всемъ своемъ величествѣ; — — силу паденія воды, невозможно ни съ чѣмъ сравнить!...

Пѣнящіяся волны съ порывомъ рвутся между скалъ, и, низвергаясь съ крутизны утеса—дробяться, образуя надъ поверхностію воды густое и блѣстящее облако пыли, сьединяются, дѣляться вновь, вновь совокупляются и воспринимаютъ дальнѣйшее свое теченіе. Шумъ и рѣвъ волнъ, съ необычайною силою ударяющихся о кремнистыя скалы, оглушаетъ и изумляетъ зрителя; — —

Два вѣковые утеса, гордо, при подножіи паденія, поднявшіе чело свое увенчанное мхомъ и съ презреніемъ отражающіе всѣ усилія порывистаго стремленія, еще болѣе усугубляютъ удивленіе странника, посѣляя въ душѣ его величественные мысли; — —сердце трепещетъ, душа млѣетъ въ восторгахъ, слабый Умъ стремится понять Творца природы и—утопаетъ въ Его величіи! — —

Рукоп. № 1, л. 1—1 об.

2.

[Письма изъ Парижа].

...же. Музыкантъ, приведутъ въ необычайное изумленіе каждаго, не знающаго силу Механизма.

Послѣ сего пошли мы въ самый Спектакль Робертсонъ сказавъ нѣсколько словъ о Магіи дрѣвнихъ, хлопнулъ въ ладоши; — свѣчка потухла вспыхнувши—и мы остались въ тѣмнотѣ; —Мертвая тишина воцарилась между нами, можно было заключать, что каждый съ нетерпеніемъ ожидалъ начала; — —черезъ нѣсколько минутъ, блеснула молнія, раздался громъ, огненные нетопыри полѣтели надъ нами; вдали видны были огненные тѣни, медленно приближающіеся къ намъ въ длинныхъ саванахъ.—Вотъ, они приблизились, но раздался громъ—и всѣ исчезли въ дымномъ облакѣ!...

Является гробъ, громъ прокатился снова — —гробъ вскрылся и мы увидѣли возстающаго Скелета,—сей также изчезъ, за нимъ послѣдовало явленіе Дьявола. ходъ Монахинь, Могильщикъ, и другіе не мѣнѣе мрачные сцѣны. Представленіе кончилось и я пошелъ въ Palais-Royale, въ Кондиторскую Foy', а отъ туда къ себѣ.—

Письмо третіе.

Г. Парижъ Стбя 1815 года.

Сегодня я осматривалъ Пале-Рояль; фасы онаго составляютъ паралелограмъ. Войдя во внутренность, ты увидишь садъ; онъ длиною 117, а ширина его 30 тоазовъ—служитъ довольно пріятнымъ гуляньемъ. Сто восемдѣсятъ портиковъ составляютъ нижнее его строеніе; оно занято лавками и кофейницами. Зрѣлище великолепное, особенно при освѣщеніи вечеромъ. Средній этажъ также полонъ магазинами, рестораціями или живущими въ немъ купцами и ремесленниками, а верхніе по большой части есть обиталище тѣхъ презренныхъ жертвъ распутства кои въ толикомъ множествѣ толпятся въ Пале Рояль! Безъ ужаса не могу вспомнить о нихъ! Красота нѣкоторыхъ чрезвычайна! Въ иномъ мѣстѣ несмѣлъ бы и подумать объ нихъ худо, когда бъ твари сіи своимъ нахальствомъ себя не изобличали. Нѣкоторые изъ нихъ до того дерзки, что не въ силахъ будучи убѣдить слѣдовать за собою словами своими и красотой, хотятъ принудить къ тому насильно, хватая за руки. Ты знаешь мою стоичес[кую][1]) твердость противъ искушеній сего род[а; и][1]) слѣдственно не можешъ сомневаться, что другъ твой и въ Пале-Рояль избѣгъ сѣтей соблазна.

Приди въ Пале-Рояль въ какой бы то нибыло часъ—и ты вѣрно едва продерешся чрезъ толпы посѣтителей! Что тебѣ угодно? Ступай въ Пале-Рояль, и несомнѣвайся, чтобы ты съ деньгами чего не нашелъ;—приди туда голый, но съ деньгами, тебя назовутъ Маркизомъ—и ты вмиуту одѣтъ по самой послѣдней модѣ. Смѣло можно сказать, что Пале-Рояль есть душа Парижа; здѣсь стекаются всѣ его сословія, здѣсь бываютъ всѣ ихъ зборища, здѣсь, въ какой нибудь изъ Кофейницъ рѣшалась судьба многихъ и можетъ быть производились и составлялись важнѣйшіе заговоры.

Письмо третіе. (продолженіе).

Г. Парижъ 18 Стбя 815 года.

Сегодня день моего рожденія;—прошлаго года провелъ я оный въ Дрезденѣ—и могъ ли воображать тогда черезъ годъ праздновать

[1]) Этихъ буквъ недостаетъ въ рукописи.

его въ Парижѣ! Вотъ, другъ мой, каковы нынѣшни обстоятельства! Сегодня здѣсь, а завтра—Богъ-вѣсть! Помнишь ли, какъ мы читали историческіе описанія славныхъ вѣковъ Рима и древней Греціи! Это Басни! восклицалъ ты часто. Сообрази же теперешніе случаи съ тогдашними и ты увидишь, что произшествія нашихъ временъ, болѣе достойны удивленія, болѣе невѣроятны, нежели всѣ до оныхъ въ мірѣ случившіеся—и ежели мы не вѣримъ чрезвычайнымъ событіямъ лѣтъ протекшихъ, то не знаю, какъ повѣрятъ потомки наши произшествіямъ, которые произсходили при глазахъ нашихъ. И какъ повѣрить, что въ продолженіи не болѣе какъ дѣсяти лѣтъ, возраждалось и упадало до дѣсяти Государствъ, востоновлялось и низвергалось нѣсколько Монарховъ—и все по прихотямъ одного человѣка! Какъ наконецъ повѣрить, что сей самый человѣкъ, неоднократно повѣлевавшій Судьбѣ, самъ подпалъ подъ острее косы сей владычицы Міра!...

Въ 9 часовъ, пришелъ ко мнѣ Знакомецъ нашъ Е***, дабы вмѣстѣ идти въ Панораму, представляющую гор. Кале (Pas de Calais). Нельзя довольно надивиться совершенству искуства!... Зрѣніе обманывается—Думаешь, что находишься надъ самымъ городомъ, котораго нѣтолько собственные, но даже и окрѣстные строенія въ дали на три часа представляются взорамъ въ томъ самомъ видѣ какъ они есть въ Натурѣ: городъ, валы, ровъ, пристань, море и всѣ вообще предмѣты, самые отдаленные изображены съ чрезвычайною точностію. Е***, протиралъ глаза, смотрѣлъ въ зрительную трубу, оборачивался туда, сюда и съ каждой минутой болѣе и болѣе удивлялся. Я также не мѣнѣе его былъ пораженъ. Наконецъ мы вышли.

Какъ уже было время завтрака, то я и пригласилъ на оный своего товарища въ Пале-Рояль. Мы достали тамъ аглицкій бифстексъ, форель, хорошихъ Устрицъ, двѣ бутылки портеру, одну Шато-Морго, а въ заключеніе роспили и Шампанскаго. Французы удивлялись доброму апетиту и здоровому Рускому желудку.

Прогулявшись по Булевару, мы пошли каждый къ себѣ, уговорившись вечеромъ сопитися въ театрѣ.

Въ Парижѣ ежедневно открыто по крайней мѣрѣ шесть театровъ; по сему можно судить и [о] многолюдствѣ и образѣ жизни

обитателей онаго. Въ это же самое время зайди въ Пале-Рояль, пройдись по любому изъ булеваровъ—и вѣздѣ съ трудомъ протѣснишся чрезъ толпы народа.

Во Французскомъ Театрѣ (Theatre Français) играли Кокетку, отъ великаго стеченія посѣтителей было даже душно; я немогъ дождаться окончанія третьяго дѣйствія; мнѣ здѣлалось дурно—и я принужденъ былъ оставить пьесу.

Письмо четвертое.

Г. Парижъ Сент. 19 дня 815.

Вчера просидѣлъ я за Журналомъ до двухъ часовъ, послѣ таковой усталости проспалъ до одинцати и вспомнивши что сегодни открытъ Музеумъ Наполеона въ Луврѣ, я спѣшилъ одѣться и поскакалъ въ оный. Здѣсь я удивлялся искуству дрѣвнихъ и новыхъ художниковъ, произведеніями коихъ наполнены Залы сего огромнаго строенія. Кому не извѣстны Аполонъ Пифійскій, славный подъ названіемъ Бельведерскаго?[1])—Онъ здѣсь. Трупа Лаокаонова (Laocaon) Венера Медицейская (Venus, dite la Vénus de Medicis), Боецъ (Héros combattant, dit le Gladiateur Borghéze) Юнона Капитолійская (Junon du Capitole) и другіе не мѣнѣе прекрасные статуи также украшаютъ сей Музеумъ.

Всѣ сіи великіе остатки отъ дрѣвнихъ служатъ полнымъ доказательствомъ, сколь мы еще далеко отстоимъ отъ нихъ въ искуствѣ сего рода.

Долго удивлялся я сыну Латоны побѣдителю Змія Пифійскаго! Видъ его полонъ Божественнаго величія, всюду сіяетъ вѣчная юность и красота, сила необоримая и мужество. Все показываетъ спасителя обитателей Дельфскихъ!—Всѣ сіи статуи изъ Ватикана, Виллы Боргезы, Виллы Албани и другихъ мѣстъ Италіи. Какихъ сокровищъ, какихъ высокихъ памятниковъ лишилась страна сія отъ алчности Наполеона.

Картинная галлерея также полна произведеніями Рафаеля, Мишель-Анжа и другихъ великихъ Артистовъ изъ школъ Итальянской, Фламанской и Голандской;—но лучшіе изъ оныхъ взяты Австрійцами

[1]) Apollon Pythien, dit l'Apollon du Belvédère. *Прим. Рылѣева.*

и Прусаками, говорятъ, что превосходнѣйшіе изъ статуй должны ожидать подобной же участи.

Самое строеніе Лувръ не мѣнѣе достойно примѣчанія какъ и находящіеся внутри его рѣдкости: Оно начато въ царствованіе Филиппа Августа; Емануель, Императоръ Греціи[,] Сигизмундъ, Императоръ Германскій[,] и другіе, въ разные времѣна жили въ ономъ. Фасада его безподобна; огромностію подобнаго строенія я нигдѣ ни видѣлъ; вотъ, уже нѣсколько вѣковъ какъ оно строится и, еще не кончено!—Оно примыкаетъ къ Тюльери, въ коемъ обыкновенно жительствуетъ король. Тріумфальные ворота, выстроенные по приказанію Наполеона, достойны служить памятникомъ всякихъ побѣдъ! На верху оныхъ стоитъ колѣсница, съ четерьмя коньми, а по бокамъ крайнихъ по Архангелу изъ свинца, работы чрезвычайной. Лошади сіи, вывезенные изъ Венеціи, какъ тріумфы побѣдъ Наполеона въ Италіи, при мнѣ сняты Австрійцами. Я ходилъ на высоту Арки, въ намѣреніи лучше разсмотрѣть сіи достойные памятники славы—и получилъ отъ одного солдата Цесарскаго кусокъ отъ вензеля Наполеонова. Неодобряю поступокъ нашего Союзника Франца II-го. Зачѣмъ раздражать народъ дѣйствительно славный: зачѣмъ затрогивать честолюбіе и гордость народную двадцатилѣтними побѣдами въ сердцахъ утвердившуюся. Не значитъ ли это врождать въ нихъ къ себѣ вѣчную ненависть? Мы Русскіе совсѣмъ иначе обходимся. Наши союзники надмѣнностію и жестокостію своею, скоро выведутъ изъ терпенія народъ, въ сердцахъ котораго, еще съ прежнею горячностію кипитъ любовь къ независимости и къ Славѣ. Я самъ былъ свидѣтелемъ одному произшествію:

Прусаки поставили въ саду Пале-Рояль караулъ. Солдаты стали обижать проходящихъ, обиженный закричалъ—и въ минуту сбѣжалось до 200 французовъ. Прускій офицеръ вѣлѣлъ примкнуть штыки и пошелъ разгонять стекшійся народъ; безоруженная толпа сія разбѣжалась, но черезъ минуту собралась еще въ большемъ количествѣ;—офицеръ не переставалъ храбриться, но надъ нимъ смѣялись, народъ скоплялся, лавки запирали. Пришелъ Патруль Парижской національной гвардіи—и немного спустя отрядъ Англичанъ: тогда уже ихъ выгнали изъ саду.

Въ ето время произошелъ у меня съ Французскимъ офицеромъ слѣдующій разговоръ: „Мы покойны, сколько можемъ, сказалъ онъ,

но Союзники ваши скоро насъ вывѣдутъ изъ терпѣнія.—Мы Французы, мы съ чувствами!“—

— Я Русской, и вы напрасно говорите мнѣ.—Затѣмъ-то я и говорю, что вы Русской. Я говорю другу, ибо ваши Офицеры, ваши солдаты, такъ обходятся съ нами. Вашъ Александръ покровитель намъ, онъ нашъ благодѣтель—но Союзники его, кровопійцы! Чего они хотятъ отъ насъ?! Развѣ они еще не довольны бѣдствіями Франціи, что ругаются, надъ священнѣйшимъ сокровищемъ нашимъ—честію!

Кто мы? Рабы что ли ваши?... По жребію оружія—мы побѣждены, но были нѣкогда и мы побѣдителями, и раздражали ли народъ подобными обидами?...“

— Полно, полно, прошу васъ; мы невиноваты;—мы Русскіе—друзья ваши.“ Я былъ совершенно разстроганъ; онъ хотѣлъ говорить, но слова замирали отъ сердечной боли, слезы блистали на глазахъ его. Я посмотрѣлъ на патріота—и увидѣлъ воина, лѣтъ тридцати, украшеннаго легіономъ чести и Орденомъ св. Лудовика и..... на деревяшкѣ! Я поцѣловался съ нимъ. Сей сцѣнѣ были свидѣтелями многіе Французы. Чувства ихъ были одинаковы. Они громко проклинали Прусаковъ. Я спѣшилъ удалиться.

Письмо пятое.

Г. Парижъ. Сентября 20-го дня 815 года.

Сегодня былъ я въ большой Оперѣ, гдѣ плѣнялся пріятностію пѣнія лучшихъ Театра сего актеровъ и актрисъ. Въ балетѣ шестидѣсятилѣтній Вестрисъ удивлялъ меня своею легкостію. Невозможно дать совершеннаго понятія о превосходствѣ игры, танцевъ и пѣнія; всякое описаніе; будетъ недостаточно, скажу только что я рѣдко былъ такъ очарованъ, хотя часто бывалъ на прекраснѣйшихъ балетахъ въ С.-Петербургѣ. Сосѣдъ мой, пожилой французъ поминутно спрашивалъ меня: Доволенъ ли я игрою?

—„О, чрезвычайно! отвѣчалъ я; мнѣ рѣдко удавалось видѣть подобную“.—

— Вы конечно были въ С. Петербургѣ?—

— „Я тамъ воспитывался“.—

— „Часто ли посѣщали Театръ; у васъ также много хорошихъ актеровъ—и я слышалъ, что балетная труппа изъ первѣйшихъ въ Европѣ“.—

— „Ето правда;—мы имѣемъ Дюпора, который не уступитъ вашему Вестрису; у насъ есть Колосова, которая на каждомъ театрѣ и въ балетѣ пантомимномъ заслужитъ первенство; но жаль, что нѣтъ у насъ теперь столь огромнаго театра, гдѣ бы удобно было разыгривать большіе піэсы.

— Да:—вѣдь вашъ каменной большой Театръ сгорѣлъ. Ето большая и чувствительная утрата для публики С. Петербурга: онъ былъ побольше нашего“.—

„Въ полтора раза“.—

Sacréstie! сказалъ онъ. Вдругъ музыка [заиграла] извѣстную національную пѣсню: Vive Henri IV! Въ ложахъ, въ партерѣ, вездѣ захлопали въ ладоши. Ентузіазмъ нѣкоторыхъ разительно разительно (sic!) отличался отъ принужденнаго веселія многихъ. Боже! избави Францію отъ третьяго посѣщенія! Но кажется оно неминуемо: Здѣшніе умы расположены къ мятежамъ, сердца къ мести.

Почти каждодневно обнаруживается враждебный духъ Парижанъ, склонный къ безспокойствамъ! Я боюсь за остающихся здѣсь Прусаковъ и Австрійцевъ! Это вѣрные жертвы, статься можетъ уже составленнаго заговора. Чего небыло въ наши времена? Надлежитъ всего ожидать—и смотри, естли Варфоломѣевская Ночь и ужасы варшавскаго кровопролитія неповторятся. Но время, время!... Быть можетъ я заблуждаюсь; быть можетъ кровожадность человѣчества уже пресыщена; желаніе покою заступило мѣсто оной!... О, когда бъ ето было такъ!—.....

Письмо шестое.

Г. Парижъ. Сентября 21 дня 815.

Сегодня прогуливался по берегу Сены, т. е. по ея набережной, которая вся изъ камня. Рѣка сія раздѣляетъ Парижъ на двѣ части; пятнадцать мостовъ соединяютъ оные; изъ коихъ примѣчательнѣйшіе: Мостъ Аустерлицкій (Pont d'Austerlitz) предъ самими воротами сада кабинета Натуральной исторіи. Оный сооруженъ изъ железа на каменныхъ аркахъ, въ 806 году по приказанію Наполеона. Мостъ

соединяющій гроб. св. Жерменя съ Лувромъ, также прекрасенъ [1]); а Нюльи (Pont de Neuilly) есть первѣйшій въ Парижѣ и, какъ говорятъ, лучшій во всѣй Франціи. Дѣйствительно нельзя не удивиться оному—ето одна изъ чрезвычайнѣйшихъ архитектуръ. Камни, образующіе его парапетъ величины необычайной, и при всемъ томъ, онъ весьма легокъ. Онъ начатъ въ 1768 а конченъ въ 1772 году.

Идя по набѣрежной предъ Тюльери, ты увидишь множество колясокъ, готовыхъ къ отъѣзду въ окрестные мѣста Парижа, въ Версаль, С. Клудъ, Жермень и т. далѣе. Мнѣ ето весьма понравилось; здѣсь путешествующему нѣтъ затрудненія. Жаль что мнѣ недостаточно времѣни побывать въ сихъ мѣстахъ,—ибо я намѣренъ, дни черезъ два оставить сію столицу веселостей.

За Тюльери, на самомъ берѣгу Сены, простираются необозримые алеи со множествомъ кофейницъ и Ресторацій;—это поля Элисейскія (Champs Elisées). Говорятъ, что они служатъ весьма пріятнымъ [2]) для публики Парижской;—но только не теперь. Бивуаки Англичанъ занимаютъ въ оныхъ великое пространство, почему, и не думаю, чтобы они были посѣщаемы при столь непріятной Картинѣ.

Съ однимъ изъ своихъ пріятелей былъ я при игрѣ въ Рулетку—мнѣ она нравиться. Въ ней все зависитъ отъ фортуны, и кажется никакого обмана быть не можетъ; вотъ краткое описаніе оной:

Въ срединѣ стола кругъ неподвижный, на который пускаютъ шарикъ; въ срединѣ же сего круга другой съ номерами, числомъ до 36-ти, раздѣляющимися на красные и черные; сей кругъ вертиться посредствомъ мѣдной рукоятки съ четырмя кончами—и въ ето-то самое время, Банкеръ пускаетъ шарикъ въ противную сторону. Играющіе ставятъ деньги. Шарикъ сбѣгаетъ съ неподвижнаго круга на вѣртящійся и попадаетъ, положимъ, на одинъ изъ красныхъ номеровъ, на 3-ій: кто ставилъ на оный, тотъ выигриваетъ—черная сторона проиграла, и т. далѣе.

---

[1]) Мостъ сей примѣчателенъ также по множеству сосѣдственныхъ оному Кофейницъ, въ коихъ можно найти всякаго роду прохладительное. *Примѣч. Рылѣева.*

[2]) Повидимому, пропущены слова въ родѣ: „мѣстомъ гулянья".

Здѣсь есть общество, которое содержитъ игры: Банкъ, Рулетку, Rouge et Noire и въ кости—оно покровительствуется правительствомъ, платя за то ежегодно важную сумму. Недавно одинъ молодой человѣкъ проигрался до послѣдняго Су, и тутъ же въ Пале-Рояль застрелился. Рѣдко случится кому здѣсь выиграть; изъ тысячи развѣ одному удасться—но при всемъ томъ охотниковъ пробовать счастіе всегда великое множество. Одинъ изъ нашихъ офицеровъ, воспитывавшійся вмѣстѣ со мною въ Корпусѣ выигралъ 30000 франкъ и, неболѣе какъ черезъ часъ опять спустилъ ихъ. Французы думали, что онъ застрелиться, однако ошиблись; онъ хладнокровно пошелъ въ Кофейницу, спросилъ нѣсколько бутылокъ Шампанскаго—и распилъ оное съ нами. Симъ кончилась вся его Панахида о 30000 франкахъ.

Письмо седьмое.

Г. Парижъ. Сент. 22 дня 815.

Можно утвердительно сказать, что ни одинъ Король изъ фамиліи Бурбоновъ не украсилъ столько Парижа, какъ Наполеонъ. Въ его царствованіе несмотря на безпрестанные войны, выстроены многіе прекрасные зданія, воздвигнуты великіе памятники и великолѣпные обелиски, долженствующіе предать въ поздное потомство славу двадцатилѣтняго правленія Наполеона и сохранить имѣна созидавшихъ оные.

На площади Вандома (Place Vandome) возвышается столпъ Аустерлицкій высота его — — окружность — — — [1]). Сей памятникъ сооруженъ изъ камня, во всю высоту свою обложенъ кругомъ мѣдными листами, въ полтора пальца толщины и украшенъ Барельефами. Подобно столпу Траянову, онъ составленъ изъ трофеевъ всякаго роду; приобретенныхъ въ компаніи 805 года.

Одинъ изъ Барельефовъ представляетъ французовъ на Батареи; офицеръ бросается на орудіе и съ отчаяніемъ упорствуетъ въ отдачѣ онаго.—Это нашъ Артилеристъ Д*** въ Аустерлицкомъ сраженіи;—враги пощадили храбраго и обезоруживъ, раненаго взяли въ плѣнъ.—Прошлаго года сей достойный офицеръ, вмѣстѣ съ хозяи-

---

[1]) Пропускъ въ рукописи.

номъ своимъ осматривали сей славный монументъ и между прочимъ видѣли и сіе изображеніе храбрости Русской! Какое чувствованіе было тогда въ душѣ Д***а! Какое изумленіе было написано на лицѣ хозяина-француза, узнавшаго въ постояльцѣ своемъ одного изъ Героевъ Сѣвера!

Сіе признаніе во врагѣ своемъ достоинствъ, сей памятникъ славному непріятелю, вѣрнѣе нежели всѣ прочіе сохранитъ имя Наполеона въ потомствѣ.

Вотъ слова, написанные на пьедесталѣ:
Napolio, Imp. Aug. Monumentum. belli.
germanici anno m. d. cccv (1815[1]) trismestri
spatio. ducto. suo protigati ex cere capto gloriae
exercitus. maximi. dicavit.

На высотѣ сего монумента стояла прежде статуя Наполеона— но оная снята еще въ прошломъ годѣ. Теперь, на мѣстѣ оной, развѣвается знамя Лудовика XVIII-го.

Сей памятникъ, здѣланный по плану Г-на Лепера (Lepere) [,] есть одно изъ образцовыхъ произведеній сего рода архитектуры.

Памятникъ Генералу Дезе (Dessaix) еще не поставленъ; оный назначенъ стоять на Place Victoire. Четерехсторонная пьедесталь онаго, давно на своемъ мѣстѣ; она здѣлана изъ бѣлаго мрамора, весьма хорошо выполированнаго.

Генералъ Дезе, родился въ Департаментѣ Пюй-де-Доме, августа 17 дня 1768 года а умеръ на полѣ чести въ сраженіи при Маренго, будучи причиною побѣды [:] послѣдніе слова его Лебрюню, сыну третьяго Консула были слѣдующіе: „Ступай, скажи первому Консулу, что я умираю съ соболезнованіемъ, здѣлавъ столь мало для потомства[2]).

Письмо восьмое.

Г. Парижъ. Сент, 23 дня 815.

Наконецъ я оставляю Парижъ, сію шумную столицу забавъ и веселостей, сіе обиталище разврата и пороковъ;—Я оставляю сей

[1]) Повидимому ошибка Рылѣева; слѣдуетъ 1805
[2]) „Потомства“ вм. зачеркнутыхъ—„своего отечества“.

Лавиринфъ въ коемъ тысячи Минотавровъ, облеченныхъ въ приманчивую одѣжду сладострастія и неизчерпаемыхъ наслажденій, ежеминутно ожидаютъ жертвъ, для утоленія жажды своей; но, ахъ! оная никогда не утолится!—Горѣ, неопытному Юношѣ, блуждающему въ ономъ безъ добраго наставника—гибель неизбѣжная ожидаетъ его на каждомъ шагу: Здѣсь цвѣтетъ Роза: прелесть ее ослѣпляетъ взоры твои, обоняніе прельщается—ты стремишся сорвать приманчивый цвѣтокъ — — Стой! это разставленные тебѣ сѣти; страшись запутаться въ оныхъ или ты погибнешъ!. . Ты удивляешся,—недовѣряешь, но посмотри на цвѣтокъ сей, не пылкимъ взоромъ разгоряченнаго Юноши, но взоромъ проницательности хладнокровнаго старца. коего зрѣніе на сей разъ превосходнѣе твоего; посмотри, говорю я—и ты увидишь что Роза сія ненатуральна. что благоуханіе оной не сходственно съ благоуханіемъ свѣжаго цвѣтка, разливающаго оное въ полѣ.

Парижанинъ встаетъ съ постели въ дѣсятъ часовъ, завтракаетъ въ двѣнадцать и обѣдаетъ въ пять. Ужина здѣсь незнаютъ.

Дороговизна въ Парижѣ, вообще не такъ ужасна какъ натолковали объ ней. Каждый Гражданинъ съ посредственнымъ достаткомъ кушаетъ весьма хорошо. Обѣдъ его всегда почти составляетъ пять, шесть и болѣе блюдъ. кромѣ десерта, который по большой части состоитъ изъ плодовъ разнаго рода, а послѣ онаго чашка добраго кофе.

Въ шесть часовъ спѣшать въ Театры, другіе въ Пале-Рояль, на Булевары, въ Тюльери и другіе публичные мѣста; такъ что куда ты незайдешь, всюду увидишъ посѣтителей праздныхъ. гуляющихъ.

Парижъ имѣетъ прекрасные сады: Тиволи, Ваксаль, Садъ Гебы, Турецкой и другіе часто посѣщаемы. Первый славится великолѣпными праздниками, которые онъ даетъ; каждый изъ прочихъ имѣетъ также свои игры и занятія.

Парижъ богатъ также и Богоугодными завѣденіями. гдѣ содержатся бѣдные и пользуются больные безъ всякой за то платы.—

Болѣе всего, что понравилось мнѣ въ Парижѣ—ето есть Домъ Инвалидовъ (Hotel des Invalides, ou Temple de Mars). Учрежденіе сіе приноситъ великую честь Лудовику XIV-му, основателю онаго. Сіе обширное и великолѣпное строеніе служитъ прибѣжищемъ изувеченнымъ на войнѣ воинамъ или за дряхлостію болѣе уже неспособныхъ къ продолженію долголѣтней службы своей. Правительство усердно печется объ нихъ: они имѣютъ хорошій столъ, на день бутылку добраго вина и двѣсти франковъ ежегодной пенсіи. Великолѣпная и чрезвычайной архитектуры церьковь сего славнаго завѣденія вмѣщаетъ въ себѣ Мовзолѣю Маршаловъ Тюреня, Вобана и Лана, Герцога Монтебельскаго. Какую пользу приноситъ сіе учрежденіе!—Воинъ, безтрепетнѣе идетъ на полѣ битвы; онъ надѣется, что въ случае смерти, незабвенъ будетъ отъ Бога,—а въ случае увѣчья, вѣрное имѣетъ прибѣжище, для успокоенія своего.

Судъ надъ Маршаломъ Неемъ продолжаютъ, говорятъ, что члѣны онаго третій разъ перемѣняются. Первыми двумя нарядами, оправдавшими Маршала Король весьма недоволенъ, но несмотря на то можно думать, что его и теперь оправдаютъ; ибо во всѣхъ частяхъ правленія, онъ имѣетъ великое множество друзей, которые сильно держатъ его сторону.

Никакая въ свѣтѣ полиція не можетъ сравнится съ французскою; говорятъ, что она современи паденія Наполеона стала приходить въ упадокъ; но привсемъ томъ и теперь ей нельзя неудивиться. Вѣрность ея къ Правительству чрезвычайна, старанія непомѣрны. О всякомъ намѣреніи какого нибудь скопища, она знаетъ уже при началѣ составленія онаго. Фуше, нынѣшній министръ Полиціи, бывшій онымъ и при Наполеонѣ, имѣетъ чрезвычайные способности для исполненія долга своего. —

По дорогѣ въ Версаль, находится машина Г-на Марли. Путешествующіе стѣкаются удивлятся чудѣсной ея архитектурѣ и Механизму. Машина сія доставляетъ воду въ Версаль и въ безводные ея окрестности[1]). Господ. Марли трудился надъ оной во время рево-

[1]) Послѣ этого слова въ рукописи зачеркнуто—„оной".

люціи и разогорченный Правительствомъ, которое неумѣло его за то наградить, сказалъ въ сердцахъ, что онъ поѣдитъ въ Лондонъ, и здѣлаетъ тамъ машину еще превосходнѣе. Революціонное правленіе приговорило, дабы недопустить его до исполненія словъ своихъ *выколоть глаза*! Какая ужасная награда за столь полезное дѣло!....

Рукоп. №. 2, лл. 1—12 об.

3.

Сентиментальное письмо къ другу моему, Филипу Васильевичу Голубеву.

Емилія! Флорина! Кумиры боготворимые нами! Гдѣ вы? Какое ужасное пространство раздѣляетъ пламѣнѣющіе сердца наши! и, какая искра надежды можетъ тлѣться еще въ душахъ нашихъ?— —Никакая! — —

Такъ, вы умерли для насъ божественные, любезные дѣвицы! Мы уже не услышимъ вашего восхищающаго душу голоса; мы уже не узримъ вашихъ прелестныхъ улыбокъ, которые разразили сердца наши; неузримъ той неоцѣненной красоты, которая блистаетъ на лицахъ вашихъ; тѣхъ прелестныхъ улыбокъ, которыми вы счастливили насъ!... Такъ, любезный другъ, мы разлучились съ любезнѣйшими и драгоцѣннѣйшими предметами любви нашей, и, разлучились!—навсегда!—Что осталось намъ теперь въ скучной жизни сей? Что? Единое токмо воспоминаніе о блаженнѣйшихъ минутахъ, пролѣтѣвшихъ съ быстротою молніи!— — —

Вспомни милую рѣзвость твоей Флорины; ее остроту, ее побѣждающіе всѣхъ взоры; вспомни звуки безподобнаго голоса ее, когда онъ смѣшавшись съ унылыми тонами оживотворенной ею арфы, достигалъ въ твою комнату! Твое вниманіе, все было обращено туда, откуда легкое вѣяніе Зефира несло къ тебѣ очаровательные отголоски любви! Вспомни..... Но къ чему изчислять тебѣ то, что ты и самъ каждый день изчисляешь! Довольно напомнить тебѣ послѣдній день отъѣзда нашего! Вспомни его, мой другъ, вспомни смущеніе твоей Флорины; ее невѣріе; вспомни все—и ты человѣкъ чувствительный, смѣшавши горькую слезу разлуки, съ слезою пріятнаго воспоминанія, воспомнишь и меня мой другъ, а вмѣстѣ и мою

Емилію..... Емилію въ присудствіи которой я блаженствовалъ, изстаевая любовію, изстлѣвая отъ пламени, возженнаго ею въ юномъ сердцѣ моемъ!

....Другъ мой! Неужели ты забылъ всю ее красоту, всѣ плѣнительные качества!? Вспомни, съ какою пріятностію добродѣтель начертана на лицѣ ее! вспомни ее милую застенчивость; вспомни превосходящій всякое описаніе голосъ ее, вспомни любовь ее ко мнѣ, которой ты самъ былъ свидѣтель; вспомни минуту разлуки, вспомни блѣснувшіе на глазахъ ее слезы!...

....Но почто вспоминать о протекшемъ? Почто приводить себѣ напамять сладостное но вмѣстѣ и горестное воспоминаніе, всегда оставляющее послѣ себя печаль и уныніе? Пре[да]димъ забвенію прошедшее, займемся настоящимъ и, приготовимъ себя къ будущему Но что ска.... [1]).

Арх. К. Ѳ. Рылѣева. Автографы. А (Стихотворенія). Рукоп. № 1, лл. 5 об.—6.

4.

Комедія въ 1-мъ дѣйствіи, безъ заглавія.

Явленіе 1-ое.

Шарлота одна.

Не понимаю отъ чего сердце мое, такъ трепещетъ, такъ сильно, такъ пріятно трепещетъ, когда я увижу Карла? И отъ чего опять оно такъ безспокойно, такъ пусто и, въ какомъ-то нетерпѣливомъ ожиданіи, естли его нѣтъ со мною?—Года за два предъ симъ, я была всегда весела,—сердце мое никогда не билось, и я иногда до того рѣзвилась, что покойница матушка, часто говаривала мнѣ: Шарлота, ты еще теперь дитя, но придетъ время,—ты перестанешъ рѣзвиться, начнешъ задумываться—и дай Богъ, чтобы пріятно, и, счастливо!—Ужъ не пришло ли ето время? Я въ самомъ дѣлѣ стала съ нѣкотораго времени задумываться—и довольно пріятно, но совершенно бываю весела только тогда, когда приходитъ къ намъ милый Карлъ!—Ахъ! матушка, когда бы ты была теперь жива?—Но кто-то стучиться....

[1]) На этой фразѣ рукопись обрывается.

(подходитъ къ ок[ну])[1]). Ахъ! ето онъ,—его онъ! а батюшки нѣтъ дома!... Что мнѣ дѣлать? Боже мой, что мнѣ дѣлать?. . Онъ вѣдь разсердится, естли его застанетъ здѣсь... Ахъ! да вѣдь и Карлъ разсердится, естли я неотопру ему; онъ будетъ печалиться!—Такъ и быть! (Бежитъ къ дверямъ и отпираетъ).

Явленіе 2-ое.

Та же и Карлъ.

К. Здравствуй, милая Шарлота. Какъ я тебя давно не видѣлъ! Ахъ! естли бы ты знала, какъ я безспокоился, какъ я грустилъ!

Шарлота.

Ахъ! и я безспокоилась, и я грустила, любезный Карлъ!—Но долго ли ето продолжиться? Зачѣмъ не сказать намъ своимъ родителямъ, что мы любимъ другъ друга; что мы не можемъ жить, естли они насъ не благословятъ.

Карлъ.

Ахъ! милая Шарлота; возможно ль, что бы твой родитель согласился! Господинъ Маіоръ—богатъ, знатной фамиліи; а мой батюшка бѣденъ, и при томъ еще и долженъ ему.—Нѣтъ, нѣтъ Шарлота, твой родитель никогда не согласиться;—а естли бы и не было съ его стороны препятствія, то мой ни зачто въ свѣтѣ того незахочетъ. Онъ часто говоритъ мнѣ: Карлъ! берѣги сердце твое; страшись полюбить богатую; ибо я не хочу, чтобы сынъ мой, питался отъ жены своей. Полюби равную себѣ состояніемъ—и я съ радостію благословлю такой бракъ.

Шарлота.

И мнѣ батюшка недавно сказалъ: Шарлота! пора уже выбрать тебѣ жениха; потерпи только немножко; а я ужъ постараюсь!—Ахъ! естли бы онъ зналъ, что серце мое, давно, давно уже выбрало!

Карлъ.

О, милая, несравненная Шарлота! (становиться на колени). Клянусь, клянусь вѣчно любить тебя одну!—(стукъ въ дверяхъ).

---

[1]) Конецъ слова въ рукописи отрѣзанъ.

Шарлота

Ахъ! Боже мой! Кто-то стучиться (*бѣжитъ къ окну*).

— Ахъ, ето батюшка! Что мнѣ дѣлать? ужъ онъ на лѣстницѣ!— Спрячся, Карлъ, въ ету комнату.

(*Уходятъ*).

Явленіе 3-е.

Маіоръ.

Уфъ! Какъ я уморился! Ей! Шарлота! Шарлота! Пойди сюда!

(Шарлота *изъ другой комнаты*).

Сейчасъ, батюшка.

Маіоръ.

Ну, ужъ жара!—Фу!—Шарлота! Шарлота! Тфу! пропасть! да тебя не дождешся.

Шарлота.

Сейчасъ, батюшка. сію минуту.

Маіоръ.

Да кой чортъ тебя держитъ тамъ (идетъ къ дверямъ и хочетъ войти).

Шарлота (*непуская*).

Постойте, батюшка, неходите.

Маіоръ.

Да кто у тебя?

Шарлота.

Уборщица.

Маіоръ.

Уборщица! хо, хо, ха! Чтожъ такое, я люблю уборщицъ, а особливо молодыхъ.

Шарлота.

Да она стыдиться батюшка, неходите. Вотъ она сейчасъ идетъ.

Явленіе 4.

(*Выходитъ съ Карломъ, который въ салопѣ и чепчикѣ присѣдаетъ Маіору, и хочетъ идти*).

Маіоръ (*останавливая его*).

Куда жъ бежишь такъ; дай полюбоваться на тебя:—да какая жъ миленькая! да, какая жъ рослинькая! О, я люблю такихъ миловидныхъ Уборщицъ!... Позволь душенька взять себя, за подбородокъ (*беретъ ее за подбородокъ*)... Кой-чортъ!... Да ты бреншься!——Постой-ка, постой-ка! Что то ты, г-жа Уборщица, для меня очень подозрительна!—(*Срываетъ съ нее салопъ и узнавъ Карла*) Э, э! такъ ты-то попалъ въ Уборщицы?! Ахъ ты негодяй!——Какъ смѣлъ ты забраться сюда безъ моего вѣдома? Постой же, молодецъ, я проучу тебя!

Карлъ

Г-нъ Маіоръ! Простите, простите, его только несчастный случай: но, клянусь вамъ, что безъ всякаго худаго умысла.

Маіоръ.

О, о, о! забраться въ комнату молодой невинной дѣвушки, въ такое время, когда отца ея нѣтъ дома, безъ всякаго дурнаго умысла!—Но развѣ хорошій умыселъ навлечь безславіе доброму имени честнаго, стараго человѣка. Нѣтъ, нѣтъ Г-нъ Вертопрахъ, твои увертки никуды нигодятся.—Подика сюда (*беретъ его за руки и ведетъ въ комнату, въ которой и запираетъ*) А ты! ты, мерзкая! Какъ осмѣлилась пустить его въ домъ, въ такое время, когда меня не было?!—

Шарлота.

Батюшка! простите—....

Маіоръ.

Молчи.... пошла на Кухню—пеки пироги! я съ тобой послѣ раздѣлаюсь.—(беретъ за руку и ошибкою запираетъ въ одну комнату съ Карломъ).

Шарлота.

О, мнѣ не будетъ тамъ скучно!

———

Явленіе 5.

Маіоръ.

Безъ всякаго Умыслу!... Экой пострѣлъ! Счастливъ онъ, что его отецъ мнѣ искренній пріятель, а то—бѣда бы ему!—Безъ всякаго Умыслу! Да! я было и позабылъ! Сегодня кажется срокъ платежа денегъ, которые мнѣ долженъ Г-нъ Капитанъ Храбровъ. Но что ето значитъ, что онъ по сію пору нейдетъ. Онъ, кажется, сколько я его знаю, человѣкъ честный и акуратный! Вѣрно какіе-нибудь важные обстоятельства задерживаютъ его!—Пойду я самъ къ нему!—(Уходитъ).

Явленіе 6[1]).

Капитанъ.

Ну, ужъ жара!... Насилу дотащился до Дому.... (*скидаетъ съ себя мундиръ, и, надѣваетъ шлафорокъ маіорской*). А, вотъ и газеты! Куда же какъ проворенъ Карлъ! онъ всюду успѣлъ слѣтать (*надѣваетъ очки, и беретъ газеты*). Что сдѣлалось съ моими очками?—Я ни зги не вижу? (скидаетъ ихъ и разсматриваетъ). Э, е! да ето, какъ кажется очки Г-на Маіора! Видно въ разсѣяніи взялъ мои вмѣсто съ своихъ (*читаетъ газеты*): „Наполеонъ, съ армію въ числѣ 500000 переправился чрезъ Неманъ въ Олито, Ковнѣ и Меричѣ—и идетъ прямо къ Москвѣ!“—Фи. чертовщина! никакъ ему самъ Дьяволъ помогаетъ! Да какъ же такъ скоро, онъ успѣлъ убраться съ Острова св. Елены, свергнуть Бурбоновъ, набрать столь многочисленную армію—и, опять пожаловать къ намъ въ гости!—Эй, Карлъ, Карлъ! Сбирайся ка братъ съ отцомъ на службу!—Чортъ побери—какъ закипѣла во мнѣ старая кровь!... Но посмотримъ, что еще пишутъ въ газетахъ! (читаетъ). „Государь Императоръ въ письмѣ своемъ на имя Предсѣдателя Государственнаго Совѣта, графа Ник. Ив. Салтыкова, помѣстилъ слѣдущіе слова: Дотолѣ невложу въ ножны меча своего, доколѣ ни единаго врага, не останется въ предѣлахъ Моего Царства“.—Такъ, такъ, и я невложу меча своего дотолѣ, доколѣ ни единаго врага не останется въ любезномъ нашемъ Отечествѣ!—Постой ка, посмотрѣть, кого назначили Главнокомандующимъ (*ищетъ въ газетахъ*).

[1]) Въ рукописи описка: „Явленіе 7“.

Явленіе 7-ое.

Маіоръ (*невидя Капитана*).

Возможности нѣтъ ходить! Такая жара!—(*скидаетъ мундиръ ищетъ глазами шлафрока, и увидѣвъ капитана*).

Ба, ба! Г-нъ Капитанъ; каково вы поживаетѣ.

Капитанъ.

А, Г-нъ Маіоръ! Добро пожаловать! прошу садиться.

Маіоръ.

Но, господинъ Капитанъ. Вы кажется ошибкою зашли ко мнѣ въ домъ, принявъ его за свой? —

Капитанъ.

Помилуйте, г. Маіоръ! или вы непомните, сколько разъ бывали вы у меня на етой квартерѣ?

Маіоръ.

Виноватъ Г-нъ Капитанъ. Прошу прощенія (*надѣваетъ ошибкою мундиръ капитана*). Фу, какой же мерзкій случай! еще разъ прошу извиненія.

Капитанъ.

Ничего, ничего Г-нъ Маіоръ, это маленькое разсѣяніе. Прошу садиться. Г-нъ Маіоръ. Посмотрите пожалуста, что пишутъ въ газетахъ (*читаетъ выше приведенное*).

Маіоръ.

Кой чортъ!.. Вотъ те на! А ужъ мы думали, что этотъ проказникъ кончилъ свою политическую роль! То-то какъ невѣрны всѣ наши предположенія! Какъ ничтожны всѣ наши расчеты! Какъ обманчивы всѣ надежды!—И такъ опять война! —

Капитанъ.

Да, да, Г-нъ Маіоръ! опять Война!—но намъ ли тратить время въ безсполезныхъ восклицаніяхъ (*бежитъ надеваетъ мундиръ маіора и шпагу*) Г-нъ Маіоръ! я готовъ! Готовъ разить враговъ Бога, Отечества и Государя! Неугодноли вамъ послѣдовать моему примѣру?

Маіоръ (*обнажая шпагу*).

Такъ, такъ! разить враговъ Бога, Отечества и Государя!—О, я еще неотвыкъ работать симъ смертоноснымъ оружіемъ (*машетъ*

лапагой). Коли, руби, стрѣляй! Вотъ такъ! Вотъ етакъ! (*нападая на Капитана*). Умри злодѣй! Умри врагъ Бога, Отечества и Государя.

Капитанъ (*защищаясь*).

Господинъ Маіоръ! Г-нъ Маіоръ! Перестаньте, ради Бога перестаньте. Я не французъ! Я не врагъ Бога, Отечества и Государя! Я Русской! Я Капитанъ Храбровъ—вашъ истинный другъ.

Маіоръ.

Ахъ! извините Г-нъ Капитанъ![1]) Представьте себѣ; я принялъ васъ за Наполеона! и хотѣлъ—заколоть! Счастье ваше и мое, что вы меня вывѣли изъ сего заблужденія. Прошу извиненія Г-нъ Капитанъ.

Капитанъ.

Ничего, ничего Г-нъ Маіоръ; я знаю, что вы бываетѣ иногда съ лишкомъ разсѣянны! —

Маіоръ.

Да бишь; я и позабылъ было спросить васъ, кто назначенъ Главнокомандующимъ? —

Капитанъ.

Я и самъ то хотѣлъ узнать: но въ етомъ Номерѣ газетъ, сего не видно.

Маіоръ.

О, дай Боже! Чтобы Государь выбралъ Русскаго! —

Капитанъ.

Вотъ нѣтъ ли въ другомъ Номерѣ? (Пересматриваетъ и находитъ) Слава Богу! Слава Богу!—Русской. Русской!

Маіоръ.

Ктоже, ктоже такой? Бограціонъ! Милорадовичъ! Каменской? —

Капитанъ.

Нѣтъ, нѣтъ Г-нъ Маіоръ? Кутузовъ.

Маіоръ.

Слава и благодареніе Богу и Государю! Теперь мы побѣдимъ!—

Капитанъ.

Теперь ужъ напляшется Г-нъ Наполеонъ.

---

[1]) Слово „Капитанъ“ зачеркнуто въ рукописи.

Маіоръ.

Но... Г-нъ Капитанъ!... Кажется мнѣ, что Кутузовъ скончался!—

Капитанъ.

Точно скончался!—Что за чортъ! Какъ же его назначаютъ Главнокомандующимъ? Неужъ то онъ воскресъ! —

Маіоръ.

Нѣтъ г. Капитанъ! етакихъ чудесъ въ наши грѣшные времена не случается.

Капитанъ.

Такъ видно ето ошибка.

Маіоръ.

Да кажется, больше и быть нечему, какъ ошибка со стороны издателя Газеты! или можетъ быть, какая нибудь аллегорія, скрывающая въ себѣ какую ни есть тайну . . . . Позвольте ка (беретъ газеты).

Капитанъ.

И ето можетъ быть г. Маіоръ.

Маіоръ.

Ха! ха! ха! Г-нъ Капитанъ! да вѣдь ето газеты 1812 года!— Да и какъ они попались къ вамъ!

Капитанъ.

Фу, къ чорту!... Вѣрно сынъ мой ихъ какъ нибудь забросилъ сюда.

Маіоръ (осматриваясь).

Г. К. Да чуть ли ето не моя квартира. Или позабыли, что вы сошли съ ней за месяцъ до сего, и я нанялъ!

Капитанъ.

Тфу, Пропасть! Такъ, такъ Г-нъ Маіоръ. Виноватъ предъ вами кругомъ. Прошу извиненья.—Проклятое разсѣяніе!—

Маіоръ.

Ничего, ничего Г-нъ Капитанъ! Я знаю, что вы бываете иногда слишкомъ разсѣяны.

Капитанъ.

Виноватъ, виноватъ Г. Маіоръ: еще разъ прошу извиненія.

Маіоръ.

Ничего, ничего г. Капитанъ. Что за важное преступленіе ошибкою принять [1]) чужую квартиру за свою?! съ кѣмъ етаго неслучается, прошу садиться. Г-нъ Капитанъ. Ба! что я вижу?— Поздравляю васъ съ полученіемъ Монаршей [милости] съ орденомъ'

Капитанъ.

Что вы Г. Маіоръ? съ какимъ орденомъ? —

Маіоръ.

А съ тѣмъ, который на васъ.

Капитанъ (осмотрѣвши).

Въ самомъ дѣлѣ!!!—Да какъ онъ сюда попалъ!—Фу, Боже мой! (вынимаетъ изъ кармана чепецъ, при чемъ падаетъ ключь). Это ко мнѣ залезло?! —

Маіоръ.

Г. Капитанъ! Да мы кажется въ разсѣяніи помѣнялись мундирами! —

Капитанъ.

Точно! Никакъ сегодня съ нами самъ чортъ шутитъ! —

(Перемѣняются мундирами).

То-то я былъ въ немъ какъ въ тискахъ сжатъ! —

Маіоръ.

А я какъ въ мешкѣ!—(*поднимая ключь*). Этотъ проклятый ключь! Что бышь я имѣлъ вамъ сказать про вашего Карла?—

Капитанъ.

Про моего Карла!—Ужъ вѣрно какіе нибудь проказы!

Маіоръ.

Да, да проказы, и славные проказы!... Наконецъ я вспомнилъ! Знаете ли г-нъ Капитанъ, что вашъ сынъ, обезчестилъ домъ мой, обезславилъ меня. —

Капитанъ.

Какъ ето Г-нъ Маіоръ!?—

Маіоръ

Этотъ Ключь, этотъ проклятый Ключь важнѣе для меня, нежели ключи отъ Парижа.

---

[1]) Далѣе въ рукописи зачеркнуто—„свою."

Капитанъ.

А, а! Ключи отъ Парижа! Помните ли какъ Депутаты [1]) сѣната поднесли ихъ Государю Императору! О, они намъ довольно стоютъ крови! Французы дрались какъ бѣшенные а особливо Національная Гвардія. Но наши Гренадеры [2]) дали же имъ чосу!

Маіоръ.

А помните ли вы, какъ работала тамъ наша артилерія, то-то молодецки!

Капитанъ.

Какъ не помнить Г. Маіоръ. Вы за ето кажется получили Орденъ. Вѣдь ваша баттарея стояла у Мельницы, не правда ли? А наши Гренадеры вправо отъ нее.

Маіоръ.

Какъ Г. Капитанъ! моя баттарея была передъ Мельницей; а ваши Гренадеры лѣвѣе мѣня.

Капитанъ.

Нѣтъ, Г. Маіоръ; наши Гренадеры стояли на правой сторонѣ. Я какъ теперь ето помню. Вотъ естли бы былъ клочекъ бумаги; я бы сей[часъ] вамъ доказалъ.

Маіоръ (*вынимая и раздирая вексель*).

Неправдали? Мѣльница стояла такъ; моя баттарея здѣсь; вы, тутъ.

Капитанъ

Извините Г. Маіоръ; мы стояли здѣсь

Маіоръ.

Неправда; тутъ.

Капитанъ.

Ахъ, Г. Маіоръ; я только сейчасъ примѣтилъ, что вы для своихъ доказательствъ употребили мой вексель—и разодрали его.

Маіоръ.

Фу. Дьявольщина! Никакъ самъ чортъ шутитъ со мною сегодня.

---

[1]) Далѣе въ рукописи зачеркнуто—„временн.".

[2]) Далѣе зачеркнуто—„отдѣлили".

Капитанъ.

Ничего Г. Маіоръ; я неотпрусь; и сей часъ же бѣгу достать вамъ денегъ (*беретъ*[1]) *чепчикъ вмѣсто шляпы и хочетъ идти*).

Маіоръ.

Что я вижу? — — — Проклятый чепчикъ!... Г-нъ Капитанъ! Г. Капитанъ! воротитесь! Я имѣю нѣчто сказать вамъ.

Капитанъ.

Что прикажете Г. Маіоръ?

Маіоръ.

Вы вместо своей шляпы взяли чепчикъ, проклятой чепчикъ, который напоминаетъ мнѣ...

Капитанъ.

Какъ ето случилось?... Но что сей чепчикъ можетъ вамъ напоминать!—

Маіоръ.

Вашъ сынъ, милостивый Государь... подъ видомъ Уборщицы изволилъ забраться въ комнату моей дочери.

Капитанъ.

Ахъ онъ негодяй! Что же вы Г. Маіоръ сдѣлали съ нимъ?—

Маіоръ.

О, я его арестовалъ; онъ теперь сидитъ вотъ въ етой комнатѣ (*идетъ и отпираетъ и увидя Карла и Шарлоту вмѣстѣ*) Ба! да вы опять вместѣ! Какой чортъ помогъ вамъ?—

Явленіе 8[2]).

Шарлота.

Да вы сами батюшка насъ заключили сюда.

Маіоръ.

О, проклятое разсѣяніе!

[1]) Вм. зачеркнутаго—„вынимаетъ".
[2]) Въ рукописи описка: „явленіе 7".

Капитанъ.

Г-нъ Маіоръ! Не лучше ли будетъ заключить ихъ вместѣ на всю жизнь? Такой бѣды кажется иначе и не поправишъ?

Карлъ и Шарлота (*бросаются на колѣна*)

Батюшка! батюшка! благословите насъ. Осчасливте дѣтей своихъ.

Маіоръ.

Ну, такъ и быть! Благословляю васъ.

Встаньте и обоймите меня (*беретъ за руку Капитана*)

Поди сюда дочь моя.

Капитанъ (беретъ за руку Шарлоту).

Поди сюда сынъ мой! [1])

Маіоръ (*соединяя руки Капитана и Шарлоты*).

Будьте мужъ и жена и живите благополучно.

Капитанъ

Что вы Г. Маіоръ (*беретъ за руку Карла*). Поди сюда сынъ мой (*соединяя руки Карла и Маіора*). Будьте мужъ и жена!

Карлъ.

Что вы Батюшка! (*беретъ руку Шарлоты*). Развѣ такъ!

Маіоръ.

Ну, инъ пусть будетъ такъ. Живите дѣти мои благополучно. Любите другъ друга; а я на первый случай дарю васъ, етимъ изорваннымъ векселемъ (*Шарлотѣ*) Онъ пригодится тебѣ въ день Свадьбы на попильотки.

Капитанъ.

А я дарю васъ добрымъ совѣтомъ: болѣе всего остерегайтесь въ супружествѣ—разсѣянія.

Арх. К. Ѳ. Рылѣева. Автографы В (Проза). № 3, лл. 1 –15 [2]).

---

[1]) Послѣ этихъ словъ въ рукописи зачеркнуты слова: „соединяетъ руки Шарлоты и Маіора“.

[2]) На лл. 4 об.—5 повторено начало 8-го явленія (до словъ: „беретъ за руку Капитана“).

5.

Женская Игрушка.

(*Изъ Провинціала въ Петербургъ*).

„Неужели вы никогда невидѣли Калейдоскопа?“—съ удивленіемъ спросила жену мою двоюродная сестрица.

— Нѣтъ, никогда. — Отвѣчала она.

„Неужели и вы невидѣли его?“—

—Гдѣ же намъ матушка видѣть: живемъ въ степи; далеко отъ столицы. Рѣдкостей къ намъ никакихъ не привозятъ, и мы не только невидѣли кале . . . . . какъ вы изволили то?

„Калейдоскопъ“.

— Не только не видѣли, но даже и не слышали его названія.

„Жаль, очень жаль. Эта игрушка такъ мила, такъ занимательна, что я вамъ сказать не могу... Года съ полтора назадъ всѣ лучшіе женщины почти не выпускали ее изъ рукъ.“

— Что жъ бы ето такое? Скажи, пожалуста, сестрица.—

„Чудо, милая, чудо! . . . Но я теперь не скажу тебѣ ни слова. Пріѣзжай ко мнѣ: я покажу.“

Немного спустя двоюродная сестрица уѣхала и жена моя приступила ко мнѣ, чтобы я сей часъ же отправился искать Калейдоскопа. Желая удовлетворить прозьбѣ моей жены и подстрекаемый собственнымъ любопытствомъ, я вѣлѣлъ подать сани и поскакалъ въ магазинъ уже знакомой Мадамъ Б. Пріѣзжаю; услужливая Француженька принимаетъ меня такъ мило, такъ ласково, какъ будто мы знакомы уже лѣтъ двадцать. Чего не дѣлаютъ деньги!...

— Опять изволили пожаловать.

„Здравствуйте. Естли у васъ Ка . . . . Ка . . . . . Тфу пропасть! никакъ немогу вспомнить.“

— Что бы такой, Monsieur? Не матеріи ли какой для вашей супруги? —

„Нѣтъ, нѣтъ“ . . . .

— Эшаринъ? — „Нѣтъ! Ахъ, Боже мой!“...

— Новомодные платки тру-тру? —

„Нѣтъ, madame, не изъ нарядовъ. Мнѣ нужно игрушку.“

— Какую, сударь? —

„Которую любятъ женщины и которую, когда она появилась, они невыпускали изъ рукъ“... Проговоривъ сіе, я улыбнулся; мнѣ самому казалось странно и смѣшно, что я пріѣхалъ покупать вѣщь, которой хорошо и названія не знаю.

Француженька пристально посмотрѣла на меня, улыбнулась сама и сказала:

„Теперь я понимаю; вамъ, конечно, нуженъ Калейдоскопъ; для кого вамъ нужна сія игрушка?“

— Для жены. —

„Для вашей супруги! И вы позволяете ей имѣть такую игрушку?“—

— Почемужъ не такъ? Когда прочіе мужья покупаютъ ее женамъ своимъ, или знаютъ, что они сами покупаютъ, то я не хочу своей отказывать въ томъ.

„Такъ извольте, сударь. я принесу; только скажите какого сорта нужно вашей супругѣ: Русскаго, Французскаго или Аглицкаго?“

— А какой лучшій?—

„Теперь въ модѣ Аглицкій. И у меня я вамъ за тайну скажу, осталась одна только дюжина изъ дѣсяти, выписанныхъ мною месяца два назадъ прямо изъ Лондона. Это совершенство въ своемъ родѣ! Сей сортъ изобретенъ въ Англіи нарочно, какъ сказываютъ, для Королевы, когда она разлучилась съ Бергами. Устройство и механизмъ вѣщи сей точно какъ у натуральной!“

Любопытство мое съ каждымъ словомъ возрастало.—„Пожалуйста, покажите, madame.“—Madame вынула [1]) ящикъ, открыла его и подала мнѣ; а сама отошла къ окошку. Я взглянулъ и остолбенѣлъ отъ изумленія!... Я увидѣлъ такую игрушку, о существованіи которой никогда и не воображалъ!... Неужели, думалъ я, сестрица говорила объ етой игрушкѣ!...

O tempora! O mores!

„Что нравиться ли вамъ ета женская игрушка?“

— А что стоитъ она? спросилъ я вмѣсто отвѣта.

„Сто рублей.“

— Какъ не купить! но не для жены: сохрани Боже! *Сія искусственная вѣщь* ей вовсѣ ненужна; но она можетъ послужить

---

[1]) Вм. зачеркнутаго—„открыла“.

украшеніемъ Кабинета рѣдкостей, который достался мнѣ отъ одного Натуралиста.—

O tempora! o mores! . . . . . .

Z.

Рукоп. № 4.

6.

Шуваловъ.

(Графъ Андр. Петр.) III.

Сей знаменитый Вельможа, вовремя своего пребыванія во Франціи, свелъ тѣсную связь съ Лагарпомъ; занимательная переписка сего ученаго мужа съ Государемъ Павломъ I-мъ и графомъ, извѣстна свѣту. Французскія же сочиненія Графа Шувалова, особенно прекрасное посланіе его къ славной Нинонѣ де-Ланкло, достойно уважаемы самими Французами. (*Смотри: Послан. къ Шувал. соч. Лагарпа*).

Рукоп. № 7.

7.

Отрывки, писанные Рылѣевымъ въ крѣпости.

Слово Божіе: рече и бысть. Сила Слова: физическая жизнь Духовная: любовь. Явленіе слова: физическій міръ: Духъ: Христосъ: Духовный міръ. Сила физ. міра [:] жизнь [,] все связующая. Сила Христа любовь [,] все оживляющая: Знамѣнія: человѣкъ малый міръ.

Высочайшая степень жизни Христосъ по плоти. Высочайшая степень любви Христосъ по духу. Самоотверженіе: онъ распятъ. Тайна жизни: его рожденіе, возобновленіе сей тайны крѣщеніе; тайна любви его воскресеніе; возобновленіе сей тайны причащеніе. Тайна любви о м. д. [1]) свята и ненарушима. Печать жизни ложь грѣхъ; печать любви истинна. Явленіе истины по Слову Евангеліе; по духу свобода. Вотъ нашъ новый міръ. Сила истины по духу: Вѣра; по плоти побѣда. Нашъ новый міръ состоитъ изъ словъ, какъ идей творческихъ; вѣчное основаніе ихъ связь, сущность и источникъ:

---

[1]) Вѣроятно: „мой другъ."

нетлѣнный въ груди нашей; сила ихъ истинна; изъ сего единаго источника должны произстекать всѣ наши помышленія, мысли и дѣянія; въ твореніяхъ ума: идеи творческія, вѣчныя, ибо единый источникъ сей носитъ печать истинны. Грѣхъ духовнаго нашего міра есть переходъ изъ міра идей въ міръ словъ. Слово тогда только носитъ печать истинны, когда слово и идея суть едино. Но си суть: идея идей [.] Нетлѣнный въ груди нашей; отъ его присутствія и изъ него произстекаютъ идеи вѣчные [-] кротость смиреніе и проч.

Въ физ. нашемъ мірѣ идея идей: любовь къ [1]) самому себѣ: изъ нее идеи гордости, мщенія и проч. Идеи си временные; погруженіемъ нашего я въ Іисуса Христа они изчезаютъ. Посланіе наше есть являть идеи вѣчные въ физ. мірѣ дѣяніями; въ нравственномъ твореніями ума. Наша жизнь состоитъ изъ внутренней и внѣшней. Внутренняя есть Христосъ и потому единая истинная, вѣчная: настоящее внѣшняя есть ложная, времянная; она состоитъ изъ прошедшаго и будущаго; прошедшее состоитъ изъ ряда явленій времянныхъ, и потому неистинныхъ, и изъ добрыхъ нашихъ дѣлъ и злыхъ; первые произстекая изъ внутр. нашей жизни Христа, возвращаются къ сему, составляютъ настоящее и потому нетерпятъ воспоминаній; злыя наши дѣла раскаяніемъ извлекаются изъ прошедшаго, силою истины возводятся въ настоящее и тайною покаянія погребаются вмѣстѣ съ Христомъ въ физич. намъ міръ [;] плоть наша [2]), плоть скорбитъ и плачетъ: духъ покоенъ; тайна причащенія воскрѣшаетъ въ насъ вновь умершаго за грѣхи наши Христа и любовію вновь связуетъ прерванную грѣхами нашими нить жизни вѣчной, узы любви; будущее есть нить жизни связующее прошедшее съ настоящимъ; настоящее есть внутренняя жизнь наша: Христосъ. *Слово*: Явленія физическаго міра; *идеи*: сторона духовная.

Правило жизни: непозволять себѣ даже и мыслить о будущемъ часѣ жизни; ни единаго слова не представлять себѣ въ воображеніи картиного и симъ уничтожить сего врага истинны. Вотъ м. д. [3]) мое богатство оно твое да будемъ мы душа едина. Воспомни о д. д. м. [4]).

---

[1]) „Любовь къ“ вм. зачеркнутаго—„самолюбіе“.

[2]) Въ рукописи: „нашу.“

[3]) Вѣроятно: „мой другъ“ или „милый другъ“.

[4]) Вѣроятно: „дорогой другъ мой“.

тобою... [1]). Слово внутренней жизни нашей есть глубокое смиреніе души любящей Спасителя своего паче самого себя.

Любовь и жизнь въ нас[ъ] борются; первая долженствуетъ побѣдить.

Во внѣшней жизни отвлеченная жизнь отъ всякой сущности есть воображеніе всюду проникающее. Во внутренней жизни отвлеченный духъ отъ идей и словъ есть духъ все испытующій. Глубокое молчаніе духа при каждой мысли насъ поражающей: терпѣливое ожиданіе внушеній истинны святой. Вотъ единый способъ восторжествовать надъ своеволіемъ воображенія. и я покоенъ.

Окропиши мя иссопомъ. и очищуся: омыеши мя и паче снѣга убѣлюся. Пс. 50, ст. 9.

Отврати лице твое отъ грѣхъ моихъ, и вся беззаконія моя очисти. Сердце чисто созижди во мнѣ Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей. Не отвержи мене отъ лица твоего. и Духа твоего святаго не отыми отъ мене. П. 50, с. 11, 12, 13.

Жертва Богу духъ сокрушенъ: сердце сокрушенно и смиренно Богъ неуничижитъ. П. 50, с. 19.

Рукоп. № 6.

---

[1]) Въ этомъ мѣстѣ нѣсколько словъ въ рукописи зачеркнуто

III.

Произведенія, приписываемыя Рылѣеву [1]).

1.

Гусь и Змія.

Баснь.

Гусь, ходя съ важностью по берегу пруда
Сюда, туда,
Немогъ собой налюбоваться:

---

[1]) Издаются по слл. рукописямъ Имп. Академіи наукъ:

1. Тетрадь въ 4-ку, 10 лл.; бумага съ филигранью Pro patria; экземпляръ плохой сохранности, съ пятнами, верхніе правые углы всѣхъ листовъ истлѣли. Стихотворенія и статьи разныхъ авторовъ. Рукопись хранится въ „Архивѣ К. Ѳ. Рылѣева" (см. отдѣлъ IV, рукоп. № 1); изъ нея извлечены слл. произведенія: „Гусь и Змія. Баснь", „Посланіе къ Ф...", „Причина паденія власти папъ", „Побѣдная пѣснь Героямъ" и „На погибель враговъ".

2. Тетрадь въ 8-ю д., 22 лл.; на л. 1 заглавіе: „Альбомъ стихотвореній К. Рылѣева С.-Петербургъ 1825": хранится въ общемъ собраніи академическихъ рукописей подъ № 16. 6. 27. Кромѣ издаваемыхъ нами произведеній („Умирающій ратникъ", „Не девитесь друзья..."), въ рукописи находятся слл., извѣстныя уже въ печати, стихотворенія: Отрывки изъ поэмы „Наливайко" („Смерть Чигиринскаго старосты", „Кіевъ" и „Исповѣть Наливайки"), стих-ія: „Къ Женѣ" (Нач.: „Пускай идутъ цари земные..."), „Четыре великія народа" (Нач.: „Британецъ лордъ...") и стих-іе безъ загл. (Нач.: „Неслышно шуму городсково...").

3. Рукописный сборникъ подъ заглавіемъ: „Думы. Стихотвореніе К. Рылѣева С.-Петербргъ 1825". Въ 4-ку, 51 лл.; хранится въ общемъ собраніи рукописей подъ № 1. 1. 14. Кромѣ думъ, здѣсь находятся „Стансы" Рылѣева (Нач.: „Не сбылись, мой другъ, пророчества...)" и приписываемое ему „Претсмертное сочиненіе."

„Ну, кто изъ тварей всѣхъ дерзнетъ сомной сравняться?
Возвыся гласъ онъ говорилъ,
„И чѣмъ меня Творецъ не надѣлилъ?
„Плыву,—коль плавать пожелаю!
„Устану ль плавать,—я летаю.
„Летать не хочется,—иду.
„Коль вздумалъ ѣсть,—я все найду.“—
Услышавъ то змія,
Ползетъ; во кольцы хвостъ вія;
Подползши къ хвастуну она шипѣла:
„Эхъ! полно, полно кумъ! хотя и нѣтъ мнѣ дѣла:
„Но я скажу тебѣ; и, право не въ укоръ,
„Ты мелешъ вздоръ;
Коль быстроты въ ногахъ оленьей не имѣешъ,
По рыбьи плыть, летать по орли не умѣешъ.“—

*

Знать по немногу отъ всѣго,
Все тожъ, что мало знать, иль во все ничего.

Арх. К. Ѳ. Рылѣева. IV. Рукоп. № 1. л. 4[1]).

2.

Посланіе къ Ф.....

Скажи, любезный другъ, какъ думаешь отомъ.
Что нынѣ всѣ сидятъ, трудяся за столомъ!
Стараются писать стихи всѣ безъ разбору?!
Скажи причину мнѣ такаго ихъ задору.
Неужель въ мысль пришло вскочить всѣмъ на Парнасъ?
Но то не можетъ быть; худой у нихъ Пегасъ.“—
—„Худой Пегасъ! да имъ то кажется онъ годенъ.

[1]) Подъ басней другимъ почеркомъ приписано сл. двустишіе:
Когда стихи сіи Рылѣева читаю } и даже
то точно какъ Его... я будто лобызаю } внемлю.
Слова „и даже внемлю“ зачеркнуты.

Иной же думаетъ: вѣдь я собой дороденъ:
Изъ силъ не выбьюсь коль и по бреду туды:
При томъ же Аполлонъ заплатитъ за труды."—
—„Да чемъ?"—„Какъ чемъ? Что ты? своимъ благоволеньемъ:
Да взлѣзу на Парнасъ съ преумнымъ сочиненьемъ"—
—„Съ преумнымъ? вотъ тѣ на!"—„ а какъ же? я трудился,
Сидѣлъ, потѣлъ, корпѣлъ надъ нимъ недѣли бился:
Такъ вѣрно въ немъ есть умъ!"—„ахъ жалкой человѣкъ!
Но что же дѣлать съ нимъ? такой ужъ нынѣ вѣкъ:
Къ писателямъ имѣть надлежитъ снисхожденіе,
Творенья ихъ читать, зѣвать, имѣть терпѣнье.

Ib., л. 4—4 об.[1])

3.

Причина паденія власти Папъ.

Европа среди XVI столѣтія была дикое позорище безпрерывныхъ браней. Тысящи силъ до сего времени дремавшихъ, пробудились и сдѣлались чрезвычайно дѣятельными. Шлемы и мечи лежали на кровавомъ мѣстѣ битвъ. Человѣчество въ первый еще разъ почувствовало зыблемость священнаго скиптра Папъ, власть коихъ до селѣ была удивительна. Отъ Императора до крестьянина всѣ принадлежали имъ. Не рѣдко владѣтельные особы были лишаемы земель своихъ, а иногда и жизни.

Духовенство тѣсно соединенное съ Папою, также строгая Инквизиція, вмѣсто того чтобы просвѣщать народъ заводили оный еще въ глубочайшія суевѣрія, безумства и закоснѣлыя предразсудки, составивъ тѣмъ твердой оплотъ свободѣ и разуму, зная, что на семъ только основывалась ихъ власть.

Испанія и Италія, болѣе всѣхъ прочихъ государствъ были подвержены жестокому скипетру Папъ.—Тамъ просвѣщеніе скрывалось въ непроницаемомъ мракѣ; легковѣріе ужасно затмѣвало его. Мона-

---

[1]) Подъ стихотвореніемъ другой рукой приписано:
Сіи стихи писалъ Рылѣевъ мой пріятель
Теперь да защититъ Его въ войнѣ создатель.

шество въ странахъ сихъ производило невѣроятныя изувѣрства, дабы удержать народъ въ почтеніи и страхѣ къ себѣ; и для способнѣйшаго удовлетворенія ненавистнымъ страстямъ своимъ, угнѣтало его неимовѣрно. Сношенія съ другими народами было прервано Таковая ужасная сила Папъ, была причиною многихъ нещастій. Государи для поддержанія себя на тронѣ, или лучше сказать, страшась придти въ немилость у Намѣстника Христова, ежегодно отправляли къ нему великія суммы денегъ.

Не смотря на тогдашнее невѣжество и непросвѣщеніе, многіе, видя наглое и постыдное поведѣніе Римскаго престола возставали противъ него; но скоро были жертвою своей дерзости. Изъ множества таковыхъ знаменитѣйшіе были Виклефъ и Іоаннъ-Гуссъ. Первый хотя и умеръ не отъ меча Папы, но черезъ 40 лѣтъ не позабыли его, и по приказанію Мартыня V, прахъ его былъ сожженъ. Второй живой былъ преданъ огню, и хотя послѣдователи его подъ именемъ Гусситовъ подняли знамя бунта; однако, не могли еще потрясти твердаго основанія Папскаго престола. Наконецъ разумъ томившійся [до]селѣ подъ закономъ принужденія, мало по малу началъ откры[ва]ться и проясняться. Намѣстники Петровы страшились его просвѣщенія. Левъ X съ ужасомъ смотрѣлъ на то съ трона своего. Духовенство усугубляло свои старанія вводить народъ въ глубочайшія суевѣрія и невѣжества; чему противное дѣлалъ Мартинъ Лютеръ и его послѣдователи, которые ученіемъ своимъ весьма много подѣйствовали на умы тогдашняго времени. Папа и его Вассалы старались цѣпи ими наложенныя украшать розами; не смотря на то, съ ужасомъ видѣли, что быстро приближалась та минута, которая должна открыть глаза заблужденнымъ и показать свѣту ихъ обманы. Они видѣли, что число поклонниковъ ихъ ежедневно уменьшалось.

Причина возстанія Лютерова противу Папской власти была слѣдующая: Папа недовольствуясь чрезвычайными поборами съ Католическихъ земель, сталъ продавать Индульгенціи [,] т: е: грамоты заключающія отпущеніе грѣховъ. Мартынъ Лютеръ вознегодовалъ на сіе публично въ проповѣдяхъ своихъ возгремѣлъ противу Папы. Сей, узнавъ то, отлучаетъ его отъ церькви, и вотъ Лютеръ съ отчаянія, пылая гнѣвомъ, вооружился противу Папской власти, Индульгенцій и даже Догматовъ вѣры!... Будучи позванъ на судъ, собранный Вормскимъ Сеймомъ онъ является туда имѣя охранительную грамоту, и совершенно себя защищаетъ. Съ сего то времени народы

Сѣверной Германіи мало по малу начали отпадать отъ Римской вѣры; чему конечно главнымъ поводомъ былъ посмѣянія достойный торгъ Индульгенціями [1]).

Ibid., лл. 5 об.—6 об.

4.

Побѣдная пѣснь Героямъ.

Низойдите тѣни Героевъ! низлитите къ намъ на крыліяхъ изъ Виталища доблести! низлитите раздѣлить радость нашу!... Мы прогнали сильнаго съ полей Отечественныхъ; истребили неизчетныя полчища его, пришедшія разхищать сокровища Храмовъ Божіихъ; лишать невинности женъ, сестръ и дщерей нашихъ; ругатся остатками святыхъ, угодившихъ Господу.—Низлитите тѣни Героевъ, тѣни Владиміра, Святослава, Пожарскаго!... Оставьте на время Райскія обители!—Зрите, и дивитесь славѣ нашей!... Сломленъ рогъ Гордаго; силы его ослаблены; могущество зыблется и слава изчезла, яко дымъ, яко мгла утренняя. Скоро, скоро съ шумомъ падетъ онъ съ той высоты, на которую рука слѣпого щастія вознесла его!—

* * *

Смерть летала надъ полями нашими; опустошенія и пожары свирѣпствовали въ градахъ и весяхъ нашихъ; ежедневно слышны были стоны и вопли дряхлыхъ старцевъ и пола нѣжнаго. Сердца наши обливались кровію; намъ зрѣлась близкая гибель; внезапу является Кутузовъ во станѣ воевъ нашихъ и явленіе сего дряхлаго старца оживляетъ мужей и юношей. Приходъ его былъ подобенъ восходу солнца послѣ страшной непогоды. Надѣжда, что враги будутъ низложены, одушевляетъ воиновъ Русскихъ, и они подобно бурнымъ потокамъ, разрушающимъ твердыя плотины, вторгаются въ ряды противныя и истребляютъ нечестивыхъ.

* * *

Кутузовъ, ты спаситель нашъ! ты истребитель враговъ Вселенныя! Какая хвала можетъ быть тебя достойна? Кроткій Монархъ,

[1]) Подъ статьей другимъ почеркомъ приписано:
Кто это старался сочинять
Пошолъ враговъ ужъ тотъ карать.

краса Владыкъ земныхъ! ты лучшій примѣръ имъ; ты покорилъ сердца людей не оружіемъ а Ангельской душою своею! ты другъ народа своего; [ты со]зиждешъ блаженство Вселенной; ты караешь враговъ всеобщихъ!—Всевышній Творецъ Чуднаго міра сего, давно уготовалъ тебѣ мѣсто среди Петра и Екатерины.—

* * *

Подобно робкимъ еленямъ. преследуемымъ отъ звѣролововъ утекали враги наши изъ Москвы златоглавой; подобно искуснѣйшимъ охотникамъ вои наши воспретили имъ уйти въ земли Отечественныя.—Мразъ и Гладъ съединившись съ храбростію сыновъ Сѣвера, ежедневно умалялъ число хищныхъ. И се!... силы тьмочисленныя истреблены, подобно легкому праху, развѣваемому сильнымъ вѣтромъ.—Было время, въ которое враги сіи славились своею храбростію; но время сіе пролетѣло и изчезло, подобно какъ пролетаетъ звѣзда по синему небу и изчезаетъ со мракомъ ночи.

* * *

Возвысьте гласы свои Барды. Воспойте неимовѣрную храбрость воевъ Русскихъ! Дѣвы красные, стройте сладко звучныя арфы свои; да живутъ герои въ пѣсняхъ вашихъ. Ликуйте въ виталищахъ своихъ, Герои временъ протекшихъ. Переходи изъ рукъ въ руки, чаша съ виномъ пѣнистымъ въ день освобожденія Москвы изъ когтей хищнаго. Да, воспоминая о доблестяхъ предковъ своихъ, потомки наши, возгорятъ жаромъ велінмъ любви къ Отечеству; и да всегда разятъ враговъ имени Россійскаго [1]).

Ibid., л. 7—7 об.

5.

На погибель враговъ.

Да вѣдаетъ отомъ вселенна,
Какъ Богъ преступниковъ казнитъ;
И какъ онъ Росса, сына вѣрна,

[1]) Далѣе другимъ почеркомъ:
Тебѣ достойнымъ быть сей пѣсни о Рылѣевѣ
ты будешъ тотъ „герой“.—Карай только злодѣевъ.

Отъ бѣдъ ужаснѣйшихъ хранитъ:
Да вѣдаютъ отнынѣ Царства.
Сколь мощь Россіи велика;
Да знаютъ люди, что каварства
Всевышній зритъ издалека
И гибель злобнымъ устрояетъ,
Его Десная за всегда.
Невинныхъ въ бѣдствѣ Богъ спасаетъ;
Злодѣевъ, лютыхъ, никогда.
Кто впалъ въ порокъ хотя однажды,
Того ужъ трудно поднимать;
Да зная то, срамится каждый,
Неправо съ ближнимъ поступать.
Наполеонъ до Царска сана,
Взнесенъ всевышняго рукой,
Забылъ Его; и се попранна
Души кичливость, гордой, злой!
Желая овладѣть Вселенной,
Онъ шелъ Россію покорить.—
О врагъ Кичливой, дерзновенной! —
Булатной мечь тебя смиритъ.
Пришелъ, и всюду раззоряя,
Опустошенія творя,
И грады, вѣси попаляя
Ты мнилъ тѣмъ устрашить Царя:
Но о изчадье злобно Ада,
Россійской Царь великъ душой;
А всѣ его полноцны чада
Какъ бы взлелѣяны войной.

* * *

Героевъ тѣни низлитите!
Оставьте райской свой чертогъ
И на потомковъ днесь воззрите
Ликуйте съ нами: „силенъ Богъ!“
Смотрите нѣтъ враговъ кичливыхъ,
Пришедшихъ Россовъ покорить
Подобно стаду зайцъ строптивыхъ;

Наполеоновъ полкъ бѣжитъ! —
Подобно бурному потоку
Страну онъ нашу наводнилъ
Подобно тигру онъ жестоку,
Невинну кровь Россіянъ пилъ.
Здѣсь слезы льетъ дѣвица красна,
Своей невинности лишась;
Тамъ рвется, стонетъ мать злощастна,
На вѣки съ сыномъ разлучась.—
А тамъ! —а тамъ Москва пылаетъ
Возженная рукой врага! —
Тамъ пламя древность пожираетъ;
Москва тамъ лѣпоты нага! —
Ужъ слава Росская мрачится
Ужъ гибель кажется близка!
Но се перунъ, Кутузовъ, мчится!
Блеститъ герой издалека
И мечь булатной изощряетъ!
Дрожитъ немѣетъ Галловъ вождь
И думы спасться напрягаетъ;
Но сей герой, какъ снѣгъ, какъ дождь,
Какъ вихрь, какъ молнія палящa
Враговъ Отечества казнитъ!
И вотъ ужасно цѣпь звѣнящa
Съ Москвы раздробленна летитъ!
Еще перунъ Героя грянулъ—
И врагъ бѣжитъ со срамомъ вспять
За Нимъ—и мразъ, и гладъ воспрянулъ
И уменьшаютъ его рать!
Россіянъ силы удвоились
Богъ съ правыми вступилъ въ союзъ;
Съ Лица земли враги истнились—
Европа спасена отъ узъ.

Хвала тебѣ Монархъ Россійскій!
Хвала, мужъ дивный, Михаилъ!
Днесь вамъ не нужны обелиски!
Васъ Богъ безсмертьемъ наградилъ.

Дѣла благія вѣкъ сіяютъ
А не благія — никогда;
Наполеона проклинаютъ.
Отнынь вамъ слава навсегда [1]).

Ibid., лл. 8—9.

6.

Умирающій Ратникъ.

Начистомъ полѣ оганекъ
Струею тонкой дымъ клубиться
На етомъ полѣ одинокъ
Покрытой язвами томится
Отчизны ратникъ молодой
Внѣмъ искры жизни угасали
И кровожадны враны лѣтали
Надутомлѣной головой
Окровавленными руками
Снимаетъ ратникъ грудной крестъ
Его изсохшими устами
Лобзаетъ онъ лѣжа[тъ] окрестъ
Его изсеченныя латы
Пустой колчанъ избитый щитъ
Булатной мечь и шлѣмъ косматый
И добрый конь у ногъ стоитъ
Повеся голову уныло.
И молвилъ ратникъ гдѣ друзья
Они оставили меня
Лишь ты другъ вѣрный до могилы
Неразлучаеся со мной —
Не измени ты славной честй
Снесижѣ къ матери родной
Одашъ отъ сына чорныя вести

---

[1]) Далѣе приписано:
Хвала тебѣ о мой любезный Другъ Рылѣевъ.
Поэтъ и сынъ ты истинно Ареевъ.

О' конь мой конь! радной
Лети стрелой опять въ путь дальній
И молодой жѣнѣ одай
Ты отъ меня поклонъ прощальной
И подоламъ и по горамъ,
Лети котцовскому селѣнью
Моимъ малюткамъ сиротамъ
Снеси мое благословенье
Скажи женѣ товарищъ мой!
Что я женился надругой
Моя нивеста молодая
Лиха угрюма и страшна
Моя постеля пуховая
На чистомъ полѣ послана
Виномъ кровавымъ угощали
На свадбѣ радостныхъ гостей
При блескѣ копій и мечей
Мы брачный пиръ расшировали
На местѣ брачнаго венца
Служила стрела калѣная
И уложила молотца
въ постѣлю пуля роковая

К. Рылѣевъ.

Рукоп. Имп. Ак. наукъ № 16. 6. 27, лл. 4 об.—6 об

7.

Недевитесь Друзья.

Недевитесь Друзья
Что нерасъ, между васъ
На пиру виселомъ я
Призадумывался
Вы во всѣй ещѣ веснѣ
Я жъ почти на путй
Къ дальней роковой странѣ
Сношей старческою

Вамъ у жизни пировать
Для меня свету дня
Скоро вовсѣ невидать
Жизни сладостныя
    Вамъ чрезъ горы чрезъ лесъ
    И светлей и мелей
    Светитъ солнце[1]) снѣбесъ
    Вутро радостное
Я къ брегамъ бросаю взоръ
что мнѣ всѣ каждой мигъ
Отъ меня какъ на позоръ
въ мель скрывается
    Къ вамъ чрезъ горы черезъ лѣсъ
    въ челнокѣ налѣхкѣ
    Одинокъ въ страну плывутъ
    Неизведоною
Я плыву и наплыву
Черезъ мглу наскалу
И скланю свою главу
Не оплаканную
    Коль въ младыхъ своихъ лѣтахъ.
    По брегамъ я негулялъ
    Не срывалъ венковъ невилъ
    Съ скучной молодости
Ахъ комушъ надъ сиротой
Слѣзы лить и грустить
Ктожъ на жаръ холодной
взглянетъ жалостливо.

К. Рылѣевъ.

Рукоп. Имп. Ак. наукъ № 16. 6. 27, лл. 15 об.—17 об.

8.

Претсмертное сочиненіе Рылѣева.

Я слышалъ смертной приговоръ
Моимъ злодѣйствамъ воздаянье
Съ зарѣю ждетъ меня позоръ

[1]) Въ рукописи: сонца.

И петля прервет дыханье
Умру и трупъ бездушной мой
На дно морское пучи скроютъ
Не плачь печальный! надомной
Но волны бурные завоютъ
Ни кто слѣзою сожеленья
Моей кончины не почтитъ
Я знаю смерть за преступленье
Одни проклятіе сулитъ
Но я жизни не жалѣю
Я слѣзы лью но не оней
Что смерть открытому злодѣю
Ахъ жаль жену мнѣ и дѣтей
Я имъ несчастіе подарилъ
Ихъ жизни сонце я затмилъ
Меня не грело ихъ лобзанье
Къ ихъ ласкамъ холоденъ я былъ
Отъ нихъ мечты и злодѣянье
Въ душе заблудшей я таилъ
Мечталъ въ бездушномъ ухищренье
Свою я алчность утолить
И во всѣобщемъ разрушенье
Лжесчастья соородилъ тронъ
Въ порывахъ гнустнаго мечтанья
Я созерцалъ себѣ трофей
— — — — — — — —
Изъ [о]безглавленныхъ царей.
Забылъ въ коварномъ изтупленье
Что нашъ ли долгъ Царей судить
Что ..казнь и наслажденье
Должны мы ихъ въ поступкахъ...
Имъ Богъ вручилъ бразды правленія
Судьбу народовъ отдаетъ,
Отъ нихъ отвѣтъ за угнѣтеніе
Самъ по суду своемъ возметъ
Увы!... Въ тюрьмѣ и очень поздно
Разсудка лучь мнѣ просвѣтилъ
Цепей заржавленыхъ шумъ грозной

Во мнѣ здѣсь совесть пробудилъ
Она грызетъ меня всѣчастно
Она кричитъ что я злодѣй
Уймись! О лютая ужасно
Въ раздорѣ быть иретъ смертію съ ней
Зачемъ она мѣня безпокоитъ
Обманы новы прошлыхъ днѣй
Зачемъ до смерти адъ являетъ
Душе растерзанной моей
Я вижу сводъ тюрьмы трясется
Мной погубленныхъ слышу стонъ
Проклятіе страшное несется
Ко мнѣ отцовъ дѣтей и женъ
Осиротилъ я ихъ семейства
Я ихъ родню обворажилъ
Мечтой искуснаго злодейства
И въ сѣть коварства уловилъ
О совесть дней успокоенье
Мнѣ часъ остался только жить
Ахъ не мешай мнѣ на моленье
Минутъ послѣднихъ посветить
Мнѣ здѣсь уделъ я это знаю
Передо мною жизни часъ на часъ
О дѣти милыя за васъ
Молить всевышняго дерзаю
Какъ жизни вашей злополучной
Я утолить собой не могъ
Да будетъ съ вами безъ отлучно
Со всѣю Благостью Богъ
Жена мои другъ мое всѣ счастье
Прости жестокости моей
Забуть забуть что сладострастіе
Въ твоихъ объятьяхъ пилъ злодѣй
Забуть что въ часъ счастливой ночи
Я у груди твоеи лежалъ
И зломъ мои сверкали очи
И въ мысляхъ я точилъ кинжалъ
Я не прошу ихъ сожалѣніе

Мнѣ отказалъ въ немъ веры Богъ
Но мнѣ одни твои прощеньи
Освѣтитъ мнѣ въ адѣ вечный стытъ
Пойди къ Царю проси награду
Онъ правосуденъ ко мнѣ былъ
Злодѣю смерть опредѣлилъ
Твоимъ несчастьямъ дастъ отраду.

Рукоп. Имп. Ак. наукъ № 1. 1. 14. лл. 48—50.

IV.

Письма и документы[1].

Письма К. Ѳ. Рылѣева.

1) Къ матери[2].

Милостивая Государыня!
Дражайшая родительница!
Настасья Матвѣевна!

Послѣ послѣдняго письма вашего при 800 р. по сіе время, я не получалъ отъ васъ ни строчки. Столь долговременное молчаніе заставляетъ меня безпокоится въ разсужденіи вашего здоровья. Не мѣнѣе меня тревожутся Родители Натальи Михайловны и она сама, что неполучаютъ отъ васъ отвѣта на письма свои; изъ коихъ одно послано съ Федоромъ Петровичемъ Миллеромъ; не знаю, получили ли вы оное. Здѣлайте милость напишите къ нимъ, дабы вывести ихъ изъ сомненія. Мы хотѣли выѣхать перваго числа сего мѣсяца, но удержаны до половины Іюня по причинѣ Свадьбы сестрицы Натальи Михайловны. Которая посватана довольно богатымъ здѣшнимъ помѣщикомъ Кореневымъ. Въ дорогѣ мы надѣемся пробыть не болѣе пяти недѣль; слѣдственно къ Сентябрю непремѣнно будемъ въ вашу деревню, гдѣ надѣемся застать и васъ. Покорнѣйше прошу засви-

[1]) Печатаются по подлинникамъ, хранящимся въ библіотекахъ: Имп. Публичной. Академіи наукъ, СПБ. Университета и въ архивѣ 1-го Кадетскаго Корпуса. Подробности см. ниже.

[2]) Архивъ К. Ѳ. Рылѣева. II (Переписка), № 11.

дѣтельствовать наше почтеніе всѣмъ роднымъ. Засимъ свидѣтельствуюя вамъ мое сыновнее почтеніе честь имѣю быть

вашъ покорный сынъ

Кондратій Рылѣевъ

Сл. Подгорная
Іюня 2 дня
1819.

Р. S. Здѣлайте милость вдругъ по полученіи сего письма,—отвѣчайте.

2) Къ женѣ[1]).

С. Петербургъ. Декабря 2 дня 1820.

Что съ вами сдѣлалось въ Подгорномъ? никто ни строчки!

— Ужъ не заболѣлъ ли кто, милая Натанинька?... Я право теряюсь въ размышленіяхъ и весьма безпокоюсь. Ты прежде не была такъ лѣнива. Сестрица также. Чему же приписать столь долгое ваше молчаніе, какъ не болѣзни чьей нибудь. Хотя Шарлота Васильевна и увѣряетъ по картамъ, что всѣ вы здоровы, но что боленъ въ вашей окружности *какой-то толстый и злой человѣкъ*, который смертію своею не опечалитъ насъ, но напротивъ обрадуетъ. Ужъ не Александръ ли Даниловичъ это?... Богъ съ нимъ! Но только я не думаю, что бы кончинѣ его обрадовалась наша добренькая сестрица. Она такъ жалостлива, такъ чувствительна, что и объ чужихъ плачетъ, а объ своемъ миломъ, прелестномъ, страстномъ пастушкѣ навѣрно ужъ съ тоски и горя сляжетъ въ постѣль ...

Я объ закладъ бьюсь, что сестрица прочтя сіи строки ужъ разсердилась на меня; но это грѣшно ей. Она знаетъ мою къ себѣ дружескую привязанность, и слѣдственно должна быть увѣрена, что я не пожелаю ей зла... Ты знаешъ, что матушка страшная непріятельница всѣмъ злымъ свекровьямъ, и можешъ себѣ представить какъ она расположена къ Е. Г....

Прощай, другъ мой! Засвидѣтельствуй мое глубочайшее почтеніе матушкѣ и поцѣлуй ручку. Сестрицу поцѣлуй въ самыя

[1]) Ibid., № 17.

губки: и пожелай ей веселія. Ивану Михайловичу кланяйся въ поясъ и попѣняй за лѣность. Нашу крошечку поцѣлуй и скажи, что бы росла.—У насъ скоро начнутся выборы; мнѣ предлагали быть въ Софійскомъ Уѣздѣ Исправникомъ, и даже настаивали, но я на отрѣзъ отказался отъ етой подлой должности, которою у васъ такъ дорожатъ и тщеславяться.—Будь здорова, мой Ангелъ. Твой другъ

К. Рылѣевъ.

P. S. Я и позабылъ было увѣдомить тебя, что съ новаго года я буду издавать журналъ въ Петербургѣ, подъ названіемъ *Невскій зритель.* Цѣна въ годъ 35 р. Скажи объ етомъ Николаю Ѳедоровичу; также В. А. Труфанову. Естли захотятъ выписать, то пусть пишутъ и присылаютъ деньги въ С. Петерб. Почтамтъ

К. Р—въ.

Катинька и Любуша также пѣняютъ тебѣ, что ты ихъ позабыла. Это и правда: особливо виновата ты предъ Катинькой; она писала къ тебѣ, а ты неотвѣчала.—Твой вѣрный другъ

К. Рылѣевъ[1]).

3) Къ матери[2]).

Любезнѣйшая матушка!

Спѣшу увѣдомить васъ, что я нанялъ тотъ самый домъ, гдѣ стоялъ прежде Петръ Петровичь за 750 р. въ годъ. Квартира выгодная 4 комнаты довольно большія изъ коихъ одна перегороженная. Людская съ кухней особенная; конюшни на два стойла, можетъ стоять и третья лошадь. Сарай и лѣдникъ, въ который можно будетъ

---

[1]) Въ письмѣ (л. 2 об.) другой рукой сдѣлана сл. приписка: „вы меня любезнеишая моя Наталия Михаиловна совсемъ позабыли. изъ ленились не пишите, а мне очинь бы приятно было получать отъ васъ почаще писмы. Я теперь одна—тетушка уехала и съ анною федоровной въ деревню и такая тоска дети мой все здаровы и вамъ кланіютця итакъ прощаите милинька не забываите верно васъ любящаю

Катерину Малютину“.

[2]) Ib., № 13. На об. л. 2-го адресъ: „Ея высокоблагородію

Милостивой Государынѣ

Настасьѣ Матвѣевнѣ *Рылѣевой*

въ Петродарѣ“.

складывать дрова. Печей и съ тою, которая на кухнѣ четыре и какъ Петръ Петръ (sic!) Петровичь говоритъ—то очень хорошо. Только та бѣда, что деньги за каждую треть въ передъ; но я какъ нибудь изворочусь, на ету треть будетъ. Здѣлайте милость, любезная матушка, отправляя Наташиньку пришлите на первый случай посуды какой-нибудь, хлѣба и что вы сами придумаете нужное для дома; дабы не за все платить деньги. Пусть Наташинька скорѣй ѣдитъ, а то, чтобы послѣ Нева незадержала.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ сыномъ К. Рылѣевъ.

15 Октября 1821.
С. П. Бургъ.

4) Къ матери[1]).

Почтеннѣйшая и любезнѣйшая
маминька!

Вашъ Александръ слава Богу здоровъ и кажется пополнѣлъ. Сестра его прислала ему 5 рублей и хочетъ быть у него нянькой. Проказница. Ревижскую сказку посылаю. Все хорошо пошло. Посылаю вамъ свою оду. Будьте здоровы и веселы. Спѣшу отправить Федьку. Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью остаюсь вашъ

Покорнѣйшій сынъ
К. Рылѣевъ.

5) Къ П. П. Свиньину[2]).

Милостивый Государь
Павелъ Петровичь!

Зная любовь вашу *ко всему Русскому*, посылаемъ вамъ при семъ *Русской Альманахъ* и просимъ замолвить за него доброе словечко на Русскомъ Парнассѣ. Съ истинною преданностію имѣю честь быть

Вашъ покорнѣйшій слуга
К. Рылѣевъ.

[1]) Пь., № 14.

[2]) Имп. Публичная Библіотека. Среди бумагъ Свиньина въ коллекціи А. А. Майкова.

P. S. Мы желали было украсить нашу Звѣзду виньетками; но къ сожаленію не успѣли.

Декабря 24.
1822.

6) Въ С.-Петербургское Вольное Общество Любителей Россійской Словесности[1]).

Имѣю честь предложить въ члены сего Общества предложить (sic!) служащаго въ Департаментѣ Государственнаго Казначейства Губернскаго секретаря василія Василія (sic!) Никифоровича Григорьева, котораго стихотворенія помѣщены были въ послѣднихъ 3-хъ книжкахъ Соревнователя 1823 года.

Дѣйствительный членъ
Рылѣевъ
Сомовъ

7) Въ Общество Любителей Словесности Наукъ и Художествъ[2]).

Отъ Дѣйствительнато Члена
Рылѣева.

Имѣю честь предложить сему Обществу къ принятію въ Дѣйствительные члены онаго Г-на Штабсъ-Капитана Александра Осиповича Корниловича, извѣстнаго своими познаніями въ отечественной исторіи и древностяхъ

Кондратій Рылѣевъ.

Ноября 1 дня
1824.

---

[1]) См. архивъ Общества (въ библіотекѣ Имп. Академіи наукъ). „Входящія бумаги...“ 1823 г., № 216. Заявленіе писано рукой Рылѣева; вверху, надъ текстомъ, другимъ почеркомъ сдѣлана помѣта: „10 дек. 1823“.

[1]) См. архивъ Общества (въ библіотекѣ С.-Петербургскаго университета). Рукоп. № 395; надъ текстомъ другой рукой приписано: „Сл[ушали] 1 ноября“.

Письма къ К. Ѳ. Рылѣеву.

1) Н. А. Муханова[1])

Любезный другъ Рылѣусъ

Письмо твое ожидало меня въ Кіевѣ: а я весьма радъ былъ получить отъ тебя известія, но жаль что ты ихъ пишешь изъ кровати. Ты былъ миролюбивъ будучи воиномъ и сдѣлавшись поэтомъ сталъ воевать. Но по дѣломъ, я всегда ожидалъ отъ тебя рѣшимости въ важныхъ дѣлахъ—выздорови къ празникамъ или занемоги такъ чтобы тебѣ посовѣтывали Теплый климатъ и тогда кіевскія ескулапы и дядя Мухановъ тебя помогутъ. Весьма сожалѣю, что Архипычь сталъ такимъ ізуитомъ. Съ нетерпѣніемъ желаю прочесть Войнаровскаго, но писаннаго. старайся сдѣлать описанія оригинальнѣе, все то, что было напечатано хорошо особливо бѣгство Мазепы и Якутскъ.—Тебѣ разсказалъ вѣрно мненіе Пушкина о тебѣ Корней, которому я сообщилъ его.

Касательно твоего дѣла скажу тебѣ что оно въ[2]) шлянѣ. Вексель мнѣ выданъ и я порядочно надулъ суды оставя вмѣсто половины запрещенія только 1 т. рублей—въ обозначенія же 10 лѣтней давности я завтра получу изъ опеки свидетельство, что вексель былъ признанъ действительнымъ, что квитанціоный листъ представленъ былъ еще 1823 года, и прч.

Но теперь предстоитъ другое затрудненіе. Могилянскій потерялъ у Оболенскаго 90 т. руб. и поетому можетъ быть откажеться скоро платить те деньги, то мой совѣтъ съ уступкою даже до 1/тысячи продать его аферистамъ ибо лучше получить менѣе но сейчасъ—такъ же онъ не согласиться заплатить проценты на проценты я полагаю такъ—то пришли мнѣ безъ замедленія доверенности передать вексель другому, ибо сего непрописано въ моей—а я буду

[1]) Архивъ К. Ѳ. Рылѣева II (Переписка), № 73. На об. л. 2-го адресъ:
„Его Высокоблагородію
Кондрату Ѳеодоровичу Рылѣеву
Въ С. Петербургѣ, въ книжной лавкѣ Слѣпина
у Казанскаго *Моста*
письмо сіе нужное".

[2]) Далѣе зачеркнуто: шанки.

дѣлать все возможное чтобы болѣе получить денегъ.—Кланеися любезный другъ всемъ знакомымъ нашимъ—будь здоровъ. Пиши иногда

П. Мухановъ.

Кіевъ, Марта 30.

Я по сіе время незнаю твоего адреса. Я боюсь одной вещи былъ указъ, что естьли кто въ теченіи 1 года не обменитъ вексель на старой бумаги то оный щитать не действительнымъ.

2) А. Ѳ. де-Бригена[1]).

Исполнивъ желаніе ваше почтеннѣйшій Кондратій Ѳеодоровичь препровождаю вамъ при семъ выписку изъ Исторіи Конискаго для вѣрности же въ доставкѣ выставилъ въ оную на адрессѣ документомъ. Требованіе ваше доставило мнѣ случай оказать вамъ сію маловажнѣйшую услугу мнѣ темъ болѣе пріятно что даетъ мнѣ поводъ напомнить вамъ и почтенному сотруднику вашему Бестужеву, о себѣ, какъ о человекѣ душевно васъ любящаго и вамъ преданнаго готоваго всегда доказать сіе дѣломъ а не чуждымъ мнѣ суесловіемъ. Изъ письма мною вамъ писаннаго на другой день моего пріѣзда изъ Кіева въ Пануровку вамъ должно быть извѣстно что путешествіе мое въ Дрезденъ запоздавши посѣщеніемъ Государя и Императрицы которые у насъ здѣсь были въ половинѣ Сентября, по причинѣ послѣдовавшей болезни жены моей отложено до будущей весны. Сей непредвиденной случай заставившій насъ перезимовать въ Мал. Россіи вознаградитъ меня можетъ быть удовольствіемъ увидѣть васъ нынешнею зимою въ Петербургѣ гдѣ я по дѣламъ своимъ долженъ буду побывать, въ будущемъ же мѣсяцѣ я надѣюсь увидѣть Кн. Трубецкаго который обѣщалъ изъ Кіева ко мнѣ на несколько дней пріѣхать, во ожиданіи сего времяни я буду прилагать старанія доставить вамъ колико возможно матеріалы изъ Мал: Рос: Исторіи я имѣю въ виду получить таковую исторію писанную современникомъ Конискаго Худорбою, она неизвѣстна ибо одинъ токмо экземпляръ оной существуетъ въ домѣ въ коемъ жилъ Худорба. Сія Исторія цѣнится здѣсь на равне съ Исторіею Конискаго ставятъ ей только въ порокъ что она очень вольно и противъ на-

[1]) Ib., № 74.

шего правительства писана, получивъ оную я вѣлю здѣлать съ нее два списка одинъ для васъ а другой для себя. Несчастная кончина Новосильцова [1]) погрузило (sic!) семейство тестя моего въ большую печаль, ибо онъ былъ въ дружбѣ съ братомъ жены моей, которой служитъ адютантомъ у Сакена, по долгу человечества скорбя душевно о семъ произшествіи, которое хотя по обстоятельствамъ своимъ мнѣ чуждо но по связямъ родственнымъ очень близко и зная притомъ что весь ходъ сего дѣла вамъ извѣстенъ, прошу васъ почтеннѣйшій другъ сообщить мнѣ ваше мнѣніе объ ономъ. Будучи извѣщенъ о семъ произшествіи чрезъ Пражевскаго который участвуя въ ономъ со стороны Новосильцова не можетъ быть не пристрастенъ, да притомъ зная изъ другихъ случаевъ что Пражевскій не однословъ а даже часто и пустословъ я ему не довѣряю а буду ждать вашего заключенія. Новосильцовъ былъ человекъ весьма ограниченной, но доброй, онъ умеръ съ большою твердостію духа, мать его въ отчаяніи, аристократической же дѣдъ его кажется равнодушно перенесетъ сей ударъ ибо онымъ его доходы не умаляться, о времена, о люди!

Прошу васъ при случае сказать Ѳедору Ник. Глинкѣ что я его письмо здѣсь получилъ на которое и буду ему отвечать и что я никогда въ дружбѣ и пріязни его ко мнѣ не сумневался,—кн: Евгенію [2]) и Никитѣ М [3]): свидѣтельствую мой усердный поклонъ.

весь вашъ

А. de-Бригенъ.

Село Пануровка
21-го Октября [1825]

Не забудьте выслать мнѣ одинъ экземпляръ сочиненій Баратынскаго, естьли это правда что они вами издаються, я теперь въ моемъ уединеніи наиболѣе занимаюсь латынскими классиками и Мал: Рос: Исторіею, и естьли бы не былъ *вредонъ Сѣверъ* то я бы непременно приступилъ къ критическому изданію Конискаго, въ коемъ много неизвѣстно хорошаго даже и самому Карамзину.

[1]) Вскорѣ послѣ дуэли съ Черновымъ (10 сент. 1825 г.).

[2]) Вѣроятно: кн. Е. П. Оболенскому.

[3]) Вѣроятно: Никитѣ Муравьеву.

3) А. О. Рылѣевой[1]).

Іюня 24-го дня 1826 года.

Почтеннѣйшій Братъ и Благодѣтель мой
Кондратій Федоровичь!

Простите что осмѣлилась писать къ вамъ.

Само провидѣніе утѣшающее нещастныхъ сиротъ открыло путь къ сему предпріятію; чрезъ посредничество добродѣтельныхъ и благороднѣйшихъ людей.

Мое положеніе ужасно. Я это чувствую. Я знаю. Остаюсь сирота безъ пріютная въ мирѣ, неимѣющая даже права называть своими тѣхъ, которые истинно родные по природѣ. Одинъ вы Любезнѣйшій Кондратій Федоровичь для меня на свѣтѣ по слѣдамъ Ангеловъ нашихъ Родителей не лишили сего права, и удостоили по долгу природы названіемъ Сестры, въ письмѣ къ добродушнѣйшей Супругѣ вашей Натальѣ Михайловнѣ. Вы оживотворили бытіе мое.

Благодарю васъ что вспомнили обо мнѣ. Сердце стиснутое тяжелымъ съ вами произшествіемъ, непомѣстило въ себѣ признательности, и я рѣшилась излить на бумагѣ, и поклястись предъ вами Небомъ, и землею, что одна могила отыметъ мою благодарность къ вамъ, къ вашей супругѣ, и къ невинной Настиньки. Какъ была бы я щастлива естьли бы могла передать мое образованіе ей по долгу признательности принадлежащее. Болѣе ничего не могу, ничего не имѣю, безъ брата Благодѣтеля, для меня всякая вещественность чужда, готова быть вѣчно въ таковой бѣдности, въ какой нахожусь, готова трудами своими, какъ и нынѣ въ домѣ Генерала Перреа, снискивать дневное пропитаніе, и послѣднее отдавать все милой Настиньки.

Конечно она не будетъ имѣть нужды въ пособіи, подобно мнѣ: ибо ея состояніе обезпечено, она при матери, а я бѣдная съ искренной душою невсегда могу видѣть Наталью Михайловну и Настиньку. И что всего ужаснѣе слышу Н: М. по добродушію своему руководствуемая посторонними, ко мнѣ не доброжелательными людьми; кои подъ маскою пріязни, для удобнѣйшаго извлеченія своихъ выгодъ, успѣли ее отдалить отъ меня: и увѣрили, что я думаю требовать, что мщу, или желаю какой либо доли изъ имѣнія. Богъ свидѣтель какъ чисты были и всегда будутъ мои намѣренія. Послѣ

[1]) Ib., № 70. Анна Ѳедоровна Рылѣева—сестра поэта, побочная дочь Ѳ. А. Рылѣева († 3 дек. 1858 г.); см. о ней замѣтку Декабриста въ „Полярной Звѣздѣ на 1861 г.“, изд. Искандера и Н. Огарева, кн. 6, Лондонъ 1861, стр. 31—32.

произшествія съ вами. Вы одинъ, ваше семейство, и при обязанностяхъ моихъ—молитва къ Богу заняли мои мысли, и мою душу; повѣрьте Великодушной Благодѣтель мой Кондратій Федоровичь, я убита произшествіемъ съ вами до такой степени, что и назначенные вами притензіи съ Княземъ Александромъ Сергеевичемъ Голицынымъ въ пользу мою, на которые Наталья Михайловна прислала мнѣ довѣренность рѣшилась оставить на произволъ времяни: мнѣ ли дѣвицѣ бѣдной, не имѣющей ничего на расходы, не знающей ни нравственности вѣка, ни порядковъ Судопроизводства, живя въ Столицѣ, тягаться въ Кіевѣ за 3 тысячи рублей, и о такомъ домѣ, на которой и планъ и крѣпость потеряны, одна поѣздка туда дороже будетъ стоить; однако же я не для того говорю, чтобы васъ безпокоить, или чего нибудь просить, ничтожность правъ моихъ знаю, и потому какъ предъ братомъ и Благодѣтелемъ сознаюсь имѣла намѣреніе пасть къ ногамъ Супруги вашей, и убѣждать, чтобы она осталась жить въ Батовѣ, и по милосердію своему хотя простую хижину, и нѣсколько шаговъ земли отдѣлила для меня, и я бы утѣшилась что имѣю уголокъ на земли моихъ благодѣтелей, и могу кончить остатокъ дней моихъ: Вы знаете Любезнѣйшій Кондратій Федоровичь кто я въ мирѣ, и чего ожидать могу? все мое погибло, въ васъ все мое благополучіе, и я нещастная не могу пасть къ ногамъ вашимъ; но со слезами умоляю простить бѣдствующей Сестрѣ вашей, все чемъ только васъ по неопытной молодости оскорбила, простите, что безпокою васъ—и вѣрьте совѣсти, всю цѣну вашихъ благодѣяній чувствую: и нынѣ уже оставила намѣреніе просить о чемъ либо Наталью Михайловну; (ибо) я положилась во всемъ на Бога, и молю его да сохранитъ спокойствіе ваше, и устроитъ благополучіе вашей супруги, и милой моему сердцу Настиньки.

Я еще доселѣ въ почтенномъ семѣйствѣ Г. Перрена; но уже недолго, дѣти на возрастѣ, и отданы будутъ въ приличное завѣденіе, тогда какъ останусь и гдѣ—не знаю. Великое будетъ для меня утѣшеніе, если удостоите хоть одною строчкою.

Письмо ваше какъ благодѣтеля моего понесу съ собою въ могилу, а до тѣхъ поръ остаются мнѣ одни слезы, и кажется болѣе ничего въ мирѣ.

Васъ душевно искренно любящая сестра ваша
Анна Федорова.

Дипломъ СПБ. Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности, выданный К. Ѳ. Рылѣеву на званіе Члена-Сотрудника [1]).

Подъ Высочайшимъ покровительствомъ

Всепресвѣтлѣйшаго, Державнѣйшаго, Великаго Государя

АЛЕКСАНДРА ПЕРВАГО

ИМПЕРАТОРА и САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО

и прочая и прочая и прочая.

Санктпетербургское Вольное Общество любителей Россійской Словесности, уважая любовь къ просвѣщенію и содѣйствіе въ благотвореніи Господина Отставнаго Артиллеріи Подпоручика Кондратья Федоровича Рылеева и отдавая должную справедливость трудамъ его, подъятымъ для пользы Наукъ и Отечественной Словесности, на основаніи § 35 Высочайше утвержденнаго Устава своего, признаетъ его Членомъ-Сотрудникомъ со всѣми правами и преимуществами, званію сему присвоенными. Данъ въ Санктпетербургѣ Апрѣля 25 дня 1821 года.

Предсѣдатель общества Ѳедоръ Глинка.
Помощникъ Предсѣдается Графъ Салтыковъ.
Цензоръ Прозы А. Боровковъ. (М. П.)
Цензоръ Поэзіи Баронъ А. Дельвигъ.
Секретарь Общества А. Никитинъ.

---

[1]) Архивъ К. Ѳ. Рылѣева. VI (Матеріалы для біографіи)., № 3.

Должностные члены С.-Петербургскаго Вольнаго Общества

	1-ая половина 1821 г.	2-ая половина 1821 г.	1-ая половина 1822 г.
Предсѣдатель Общества	Ѳ. Н. Глинка	Ѳ. Н. Глинка	Ѳ. Н. Глинка
Помощникъ Предсѣдателя	Гр С. П. Салтыковъ	Н. И. Гнѣдичъ	Н. И. Гнѣдичъ
Кандидатъ	—	—	—
Цензоръ прозы	А. Д. Боровковъ	А. Д. Боровковъ	А. Д. Боровковъ
Кандидатъ	—	—	Н. А. Бестужевъ
Цензоръ поэзіи	П. А. Плетневъ	Бар. А. А. Дельвигъ	В. И. Панаевъ
Кандидатъ	М. Е. Лобановъ	—	М. Е. Лобановъ
Цензоръ библіографіи	А. А. Бестужевъ	Д. М. Княжевичъ	Д. М. Княжевичъ
Кандидатъ	В. Г. Анастасевичъ	—	—
Секретарь Общества	А. А. Никитинъ	А. А. Никитинъ	А. А. Никитинъ
Кандидатъ	—	—	—
Секретарь Цензуры и Комитета	И. А. Гарижскій	П. А. Плетневъ	П. А. Плетневъ
Кандидатъ	—	—	В. М. Княжевичъ
Библіотекарь	Д. С. Меньшенинъ	И. К. Аничковъ	И. К. Аничковъ
Кандидатъ	М. М. Сонинъ	—	—
Казначей	И. Д. Боровковъ	И. Д. Боровковъ	И. Д. Боровковъ
Кандидатъ	М. М. Сонинъ	—	—
Исполнитель	Ал. Х. Дуронъ	Ал. Х. Дуронъ	О. М. Сомовъ
Члены Цензурнаго Комитета	М. Е. Лобановъ Д. С. Меньшенинъ Б. М. Федоровъ	М. Е. Лобановъ Ѳ. В. Булгаринъ И. О. Кошанскій	П. А. Бестужевъ М. Е. Лобановъ Ѳ. В. Булгаринъ
Кандидаты	—	—	—

[1]) Таблица составлена на основаніи протоколовъ засѣданій Общества отъ 27 дек. и 29 дек. 1824 г. См. „Журналъ Распоряженій...“ за 1820—24 гг. (Архивъ Общества на полугодіе; но съ конца 1822 г. выборы производились на весь годъ.

Любителей Россійской Словесности въ 1821—1825 гг. [1]).

2-ая половина 1822 г.	1823 г.	1824 г.	1825 г.
Ѳ. Н. Глинка	Ѳ. Н. Глинка	Ѳ. Н. Глинка	Ѳ. Н. Глинка
Н. И. Гнѣдичъ	Н. И. Гречъ	Гр. С. Н. Салтыковъ	Д. М. Княжевичъ
А. Е. Измайловъ	Н. И. Гнѣдичъ	Н. И. Гречъ	Н. А. Бестужевъ
Д. М. Княжевичъ	Д. М. Княжевичъ	Д. М. Княжевичъ	Н. А. Бестужевъ
Н. А. Бестужевъ	Кн. Н. А. Цертелевъ	А. А. Бестужевъ	Бар. А. А. Дельвигъ
В. Н. Панаевъ	В. Н. Панаевъ	К. Ѳ. Рылѣевъ	К. Ѳ. Рылѣевъ
Бар. А. А. Дельвигъ	П. А. Плетневъ	В. Н. Панаевъ	А. А. Бестужевъ
А. А. Бестужевъ	А. А. Бестужевъ	А. О. Корниловичъ	А. О. Корниловичъ
А. М. Княжевичъ	Н. Н. Кутузовъ	А. А. Бестужевъ	П. Н. Кеппенъ
А. А. Никитинъ	А. А. Никитинъ	А. А. Никитинъ	А. А. Никитинъ
Гр. Д. И. Хвостовъ	А. Х. Дуровъ	А. М. Княжевичъ	А. Д. Боровковъ
П. А. Плетневъ	О. М. Сомовъ	П. А. Плетневъ	П. А. Плетневъ
Кн. Н. А. Цертелевъ	П. А. Плетневъ	Н. А. Бестужевъ	И. Б. Чеславскій
И. К. Аничковъ	И. К. Аничковъ	И. К. Аничковъ	И. К. Аничковъ
В. Г. Анастасевичъ	В. Г. Анастасевичъ	В. Г. Анастасевичъ	Г. И. Спасскій
И. Д. Боровковъ	И. Д. Боровковъ	И. Д. Боровковъ	И. Д. Боровковъ
М. М. Сонинъ	Я. М. Лыкошинъ	А. М. Княжевичъ	Б. М. Федоровъ
Е. П. Люценко	А. Ѳ. Рихтеръ	—	—
Н. А. Бестужевъ	В. М. Княжевичъ	Н. А. Бестужевъ	А. А. Бестужевъ
А. М Княжевичъ	К. Ѳ. Рылѣевъ	Н. Н. Кутузовъ	В. М. Княжевичъ
В. М. Княжевичъ	А. О. Корниловичъ	И. Б. Чеславскій	И. Б. Чеславскій
—	—	Бар. А. А. Дельвигъ В. М. Княжевичъ А. А. Бестужевъ	Б. М. Федоровъ П. Н. Колошинъ Бар. А. А. Дельвигъ

820 г., 13 іюня 1821 г., 30 дек. 1821 г., 19 іюня 1822 г., 30 дек. 1822 г., 29 дек. 1823 г.
ъ библіотекѣ Имп. Академіи наукъ). Первоначально должностные члены избирались

Дипломъ СПБ. Вольнаго Общества Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ, выданный К. Ѳ. Рылѣеву на званіе Дѣйствительнаго Члена[1].

Съ Высочайшаго дозволенія

Всепресвѣтлѣйшаго, Державнѣйшаго, Великаго Государя

АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА,

ИМПЕРАТОРА и САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО,

и проч. и проч. и проч.

Санктпетербургское Вольное Общество Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ, выбравъ единогласно своимъ Дѣйствительнымъ членомъ, по части Наукъ и Словесности, Господина Подпорутчика Кондратія Ѳедоровича Рылѣева, признаетъ его чрезъ сіе участникомъ въ своихъ трудахъ и правахъ, оному принадлежащихъ.

Дано въ С. Петербургѣ, Апрѣля 5 дня 1823 года.

Предсѣдатель А. Измайловъ. Членъ Ив. Чеславскій.
Членъ Н. Остолоповъ. Членъ А. Княжевичъ.
Членъ А. Востоковъ.
Членъ Б. Федоровъ. (М. П.)
Членъ В. Панаевъ.
Членъ Дм. Княжевичъ.
Членъ и Секретарь А. Никольской.

---

[1]) Ib. № 4.

Матеріалы имущественнаго характера.

1) Увѣдомленіе Инспекторскаго Департамента о претензіи кн. Голицыной къ имуществу Ѳ. А. Рылѣева[1]).

Министерство
военное
Департаментъ Инспекторскій
Отдѣленіе 2-ое
Столъ 4-й
4 [2]) Октября 1814
№ 7162

О объявленіи кадету
Кондрату Рылѣеву
о смерти отца его
и об[ъ] оставшемся имѣніи.

Въ канцелярію 1-го Кадетскаго корпуса

Кіевское Губернское правленіе сообщеніемъ за № 3818 просило Инспекторскій департаментъ увѣдомить находящагося въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ кадетомъ Кондрата Рылѣева „что оставшіяся по смерти отца его отставнаго подполковника Федора Рылѣева имущество состоящіе въ лошадяхъ, екипаже, мебели, одѣяніи, разномъ серебрѣ, равно обязательства и наличныя деньги по требованію Кіевскаго повѣтоваго Суда съ претензіи къ нему Рылѣеву княгини Голицыной въ имѣніяхъ коей онъ былъ несколько лѣтъ Главноуправляющимъ и будто никакого отчету не отдалъ при бытности члена повѣтоваго суда описано“.

О чемъ Инспекторскій департаментъ для объявленія о вышепрописанномъ помянутому кадету Кондрату Рылѣеву увѣдомляетъ симъ означенную канцелярію.

Начальникъ отдѣленія (подпись не разборчива).
Столоначальникъ (подпись не разборчива).

Сообщено Ноября 14 за № 960.

---

[1]) Архивъ 1-го Кадетскаго Корпуса, № 5413 (по Описи — № 14).
[2]) Въ подлинникѣ не ясно, м. б. „31“.

2) Списки долговъ и уплатъ, составленные К. Ѳ. Рылѣевымъ во время заключенія въ Петропавловской крѣпости.[1])

Долгу К. Ив. Ник. Гр. Бедрагѣ	500
Кат. Ив. на расходъ	500
Катеринѣ Петровнѣ	200
Любовь Петровнѣ	200
Петру Петровичу	100
Кириличу	350
Плотнику Василію Ѳокину	100
Михаилу Петровичу	500
Для маленькихъ дѣтей дано К. И.	150
За билеты ломбардные	45
Секретарю Морковину въ опекѣ	60
Писарямъ	25
Пошлинъ въ надворномъ судѣ	8
За краску Филипову	100
Льстинову первый разъ	250
Катер. Ивановнѣ	250
Дано Ринодели [?] (261 50)	130
Еще дано Льстинову	250
Ему же	421
Дано К. Иван.	100
Кавецкой за пансіонъ	250
Въ Аптеку	50
Въ деревню	25
Мишѣ	25
Долгъ Израелю	1060
	4619

[1]) Сохранились въ письмахъ Нат. Мих. Рылѣевой къ мужу въ крѣпость (отъ 22 апр. и 8 мая 1826 г.). Архивъ К. Ѳ. Рылѣева II (Переписка), №№ 64 и 65.

Расходъ въ 1824.

Долгъ К. Иванов. Н. Г. Бедрагѣ	500
Катер. Иван. на расходъ	500
Катеринѣ Петровнѣ	200
Любовь Петровнѣ	200
Для Петра Петровича	100
Михаилу Петровичу	500
Для маленькихъ	150
За ломбардный билетъ	45
Секретарю	60
Писарямъ	25
Пошлинъ въ Н. судъ	8
Плотнику Ѳокину	100
Кирилычу	350
За краску Филипову	100
Льстинову	250
Кат. Ив.	250
Ринодели	130
Еще Льстинову	250
Еще ему же	121
Катеринѣ Иван.	100
Кавецкой за пансіонъ	250
Въ Аптеку	250
Въ Деревнѣ	25
Мих. Петр.	25
Израелю	1060
За мостовую.	32
Нѣмцу.	200
	6081

Израелю		1060
Кавецкой		1050
Фокину		100
Купцу Дюкло		599
Въ Аптеку.		144
Кирилычу		344
Живописцу		100
Солуникову		100
Летиховъ [?]		2821
По щету разн. вѣщей		400
За мостовую		32
По нем. щету		200
По щету Риподели		261
		7111
	0	2720
		9830

Бумаги родныхъ поэта.

1) Письмо Нат. Мих. Рылѣевой къ Государю[1]).

Всемилостивѣйшій Государь!

Я женщина, и не могу ни знать, ни судить: въ чемъ именно, и въ какой степени виновенъ мужъ мой; знаю только то и убѣждена въ сердцѣ, что возпріемлющимъ образъ Божій на земли, паче всего, свойственно Милосердіе.

Государь! убитая горестію, съ единственною малолѣтною дочерью припадаю къ Августѣйшимъ стопамъ Твоимъ; но не дерзая просить о помилованіи, молю объ одномъ только: повелите начальству обьявить мнѣ: гдѣ онъ, и допускать меня къ нему, если онъ здѣсь.

О, Государь! коль теплыя моленія вознесу я тогда ко Всемогущему о долголѣтнемъ и благополучномъ Твоемъ царствованіи.

Всемилостивѣйшій Государь!

Вашего императорскаго Величества,

Вѣрноподданная

Наталья Михайлова дочь Рылѣева жена отставнаго Артиллеріи подпоручика, жительство имѣющая въ домѣ росіиско-Американской Компаніи.

С. Петербургъ.
декабря, 19-е дня
1825 года.

---

[1]) Архивъ К. Ѳ. Рылѣева. Приложенія. Бумаги Нат. Мих. Рылѣевой. № 2.

2) Увѣдомленіе объ отказѣ въ прошеніи Н. М. Рылѣевой, поданномъ на Высочайшее имя[1]).

Женѣ отставнаго Артиллеріи Подпоручика Рылѣевой, утруждавшей Государя Императора всеподданнѣйшимъ прошеніемъ о повеленіи начальству объявить ей гдѣ находится мужъ ее, впавшій въ преступленіе, и дозволеніи допускать ее къ нему—симъ объявляемъ, что Высочайшаго соизволенія на сіе прошеніе не послѣдовало.

Статсъ-Секретарь (Подпись не разборчива).

№ 2215
„23“ Декабря 1825.

---

3) Записка о препровожденіи 2,000 руб.[2]).

Просимъ покорнѣйше принять прилагаемыя 2000 р. и не подосадовать на усердіе людей принимавшихъ душевное участіе въ вашемъ положеніи. Надѣются ежегодно доставлять подобную же сумму.

4) Письмо М. Донауровой къ Нат. Мих. Рылѣевой[3]).

Милостивая Государыня
Наталья Михайловна

Письмо ваше я имѣла удовольствіе получить равно какъ и два плана, двѣ купчія и ревизскую зкаску; съ сей послѣдней бумагой управитель мой ѣздилъ въ Батово и Староста вашъ представилъ ему всѣхъ крестьянъ, коихъ по ревизской зкаскѣ оказалось настоящихъ крестьянъ 42 души, а съ малолѣтними 46, не щитая приписныхъ, коихъ находится 4 души, о которыхъ непремѣнно до совершенія купчей надо объявить тѣмъ Господамъ, которымъ онѣ принадлежатъ и что деревня продается, а по сему сіи люди не могутъ быть болѣе приписаны къ Батову: да при томъ позвольте мнѣ вамъ сказать, что я покупала деревню, полагая въ ней найти 48-мъ душъ, но послѣд-

[1]) Ib., № 3.

[2]) Ib., № 7. Записка (на лоскутѣ бумаги, безъ даты и подписи) получена была Нат. Мих. Рылѣевой, вѣроятно, вскорѣ послѣ событій 14 дек. 1825 г.

[3]) Ib., № 5.

ней ревизіи, а малолѣтнихъ не полагала въ щетъ, такъ какъ они не есть работники и за нихъ долженъ міръ платить подати до тѣхъ поръ пока въ тягло не вступятъ, слѣдственно теперь съ вами намъ должно другой ращетъ здѣлать, по сему я бы крайнѣ желала съ вами видѣться и положительно о покупкѣ все узнать, во ожиданіи чего честь имѣю быть съ истиннымъ почтеніемъ готовая къ услугамъ вашимъ

Марья Донаурова.

Іюля 11 дня
1826 года.

---

5) Увѣдомленіе кн. А. Голицына о Высочайшемъ пожалованіи 2,000 р. [1]).

Милостивая Государыня
Наталья Михайловна.

Государь Императоръ во вниманіе къ недостаточному состоянію Вашему Всемилостивѣйше пожаловать Вамъ соизволилъ единовременно Двѣ тысячи рублей ассигнац: Препровождая сумму сію къ Вамъ, Милостивая Государыня, я покорнѣйше прошу, увѣдомить меня о полученіи оной.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть
Вашимъ Милостивая Государыня покорнѣйшимъ слугою
Князь Александръ Голицынъ.

25 Марта
1838
Ея Благ. Н. М. Кукалевской [2]).

---

[1]) Ib., № 9.

[2]) Фамилія Натальи Михайловны Рылѣевой послѣ второго брака (съ Гр. Ив. Куколевскимъ, 22 окт. 1833 г.).

6) Письмо Дм. А. Кропотова къ Нат. Мих. Куколевской[1].

Милостивая Государыня
Наталья Михайловна!

Послѣ посланнаго мною къ Вамъ письма, я отправилъ другое, одинаковаго содержанія къ Настасьѣ Кондратьевнѣ, на случай если мое къ Вамъ не дойдетъ по невѣрности адреса.

Между тѣмъ, чтобы задержать изданіе сочиненій Кондратія Ѳедоровича человѣкомъ, неиспросившимъ Вашего разрѣшенія, я ѣздилъ къ Предсѣдателю Цензурнаго Комитета и просилъ его вступиться за Ваши и Вашего семейства права. Подалъ ему по этому предмету записку и онъ совершенно согласился со мною въ основательности Вашего права. За дальнѣйшимъ ходомъ этого дѣла я буду слѣдить и Вамъ сообщу все, что будетъ касаться Вашихъ интересовъ. Въ настоящее же время, главное дѣло заключается, кромѣ защиты правъ Вашихъ на изданіе, въ исходатайствованіи дозволенія печатать сочиненія.

По собраннымъ мною на дняхъ свѣдѣніямъ оказывается весьма сомнительнымъ, чтобъ было разрѣшено это. Исходатайствованіе разрѣшенія, безъ сомнѣнія, потребуетъ много хлопотъ и заботъ, но живя въ столицѣ и имѣя знакомства, я надѣюсь однако испросить дозволеніе. По крайней мѣрѣ, употреблю всевозможныя усилія, чтобъ привести это дѣло къ благопріятному для Васъ окончанію.

При этомъ долгомъ считаю сдѣлать нѣкоторыя соображенія, буде Вы пожелаете предпринять печатаніе сочиненій Кондратія Ѳедоровича. Вамъ вѣроятно уже извѣстно, что въ прошломъ году Думы, Войнаровскій и Наливайко напечатаны уже за границею и изданіе весьма хорошо въ Типографскомъ отношеніи. Разумѣется, за границею напечатано все безъ выпусковъ; у насъ же, по нашимъ цензурнымъ постановленіямъ это невозможно, слѣдовательно нѣкоторая часть публики пріобрѣла уже изданіе заграничное и не станетъ пріобрѣтать книги, изданной здѣсь съ пропусками, — всякому желательно имѣть возможно полное твореніе. Съ другой стороны должно

[1]) Ib. № 16.

принять во вниманіе, что книга должна быть напечатана такъ, чтобы соперничество изданной за границею, не повредило бы здѣшнему изданію. Короче оно должно быть очень хорошо и достойно автора. Вамъ извѣстно, какъ дорого здѣсь печатаніе и такъ какъ всѣ сочиненія Кондратія Ѳедоровича составятъ одинъ небольшой томикъ, то цѣну ему положить можно 1 рубль и ни въ какомъ случаѣ она не должна превышать 1 р. 50 коп. сер.; за тѣмъ при продажѣ сочиненій должно скинуть 20 процентовъ, платимыхъ книгопродавцамъ за комиссію. Не многіе изъ нихъ берутся продавать книги за меньшій процентъ. Вотъ обстоятельства, которыя необходимо имѣть въ виду при напечатаніи. Двѣ тысячи экземпляровъ, даже двѣ съ половиною, полагаю, разойдутся скоро; можно отвѣчать, что въ теченіе года будетъ продано до трехъ тысячъ и даже болѣе экземпляровъ, но свыше этого количества распродажа уже будетъ медленна. Все это я расчитываю, по количеству разошедшихся изданій другихъ любимыхъ публикою авторовъ.

Я бы желалъ, чтобы Вы предоставили мнѣ честь быть первымъ издателемъ сочиненій Кондратія Ѳедоровича. Я его зналъ лично, хотя и былъ тогда ребенкомъ; сидя на его колѣняхъ, игралъ съ нимъ и наконецъ видѣлъ его въ послѣдній разъ вмѣстѣ съ Вами, когда мы ѣздили въ Петропавловскую крѣпость. Я живо помню его воздѣтыя къ небу руки и печальный долгій взглядъ, которымъ онъ провожалъ насъ передъ вѣчною разлукой съ нами. И теперь, когда я прохожу мимо окна его бывшей темницы, то творю молитву за упокой его души. Давнишнія, почти родственныя отношенія моихъ родителей съ матушкою Кондратія Ѳедоровича и съ Вами даютъ мнѣ право просить Васъ предоставить мнѣ эту почетную довѣренность. Я бы полагалъ необходимымъ приложить въ началѣ книги біографическій очеркъ его жизни. Для этого давно уже сдѣлано мною начало и собрано много интересныхъ свѣдѣній. Имѣю даже его автографъ подъ заглавіемъ *„Къ Наташѣ“*. Приложеніе портрета въ настоящее время невозможно, по причинамъ, которыя мнѣ, какъ цензору, извѣстны. И такъ, въ случаѣ если Вы предоставите мнѣ *одно первое изданіе,* то я предлагаю Вамъ за него тысячу двѣсти рублей серебромъ съ тѣмъ, что 800 руб. высылаю тотчасъ какъ послѣдуетъ разрѣшеніе печатать и 400 по выходѣ книжки.

Въ случаѣ же, если первое изданіе пойдетъ хорошо, такъ что всѣ расходы по напечатанію окупятся, то я принимаю на свой счетъ

всѣ типографскіе расходы при напечатаніи 2-го изданія, если бы даже расходы эти простирались до двойной суммы, употребленной на 1-е изданіе. Послѣ хлопотъ по 1-му изданію, второе уже значительно облегчится, потому что будетъ составлять собственно одну перепечатку. Буде предложенія мои Вы найдете для себя выгодными или встрѣтите въ нихъ какое либо для себя неудобство, то прошу Васъ откровенно написать мнѣ, что и какъ Вы желаете, чтобъ я сдѣлалъ. При Вашемъ же согласіи, я бы желалъ имѣть также и согласіе Настасьи Кондратьевны. Надѣюсь, Вы не упрекнете меня въ этомъ случаѣ за подобную аккуратность. Дѣло идетъ о предметѣ, столь близкомъ для ее сердца, что я почту священною обязанностью согласоваться не только съ ея волею, но и съ малѣйшимъ изъ ея желаній. Во всякомъ случаѣ прошу Васъ поспѣшить Своимъ отвѣтомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ прошу сообщить мнѣ свѣдѣнія и матеріалы, какіе имѣются въ Вашемъ семействѣ, для составленія по возможности полной біографіи его. Его замѣтки, письма—все это имѣетъ большую важность. Его формулярный списокъ или указъ объ отставкѣ также необходимы. Все будетъ мною сбережено и возвращено Вамъ въ цѣлости.

Прошу засвидѣтельствовать мой усердный поклонъ Григорію Ивановичу. Когда то онъ меня очень любилъ. Съ чувствомъ глубочайшаго уваженія и неизмѣнной преданности, имѣю честь быть, Вашъ покорный слуга

Дмитрій Кропотовъ.

12 Іюня 1860 г.

P. S. Гдѣ родился Кондр. Ѳедоровичъ, въ какомъ мѣсяцѣ и котораго числа. Когда пріѣхалъ въ Петербургъ.

7) Письмо Анастасіи Матвѣевны Рылѣевой (мать поэта) къ мужу Ѳедору Андреевичу[1]).

Маия 7 дня 1807 года

Милои Федоръ Андреевичь посылаю сундукъ съ твоимъ платіемъ и судокъ серебренной цепочку золотую книги потому не посылаю желаю чтобъ они остались сыну нашему отъ тебя когда онъ будит их читать то скажитъ вот радитель мои оставилъ мне а ты права несправедливъ не сыну и не дочери не оставилъ не малчика не девки а все продалъ [с]пустя руки бумаги . . . . поси[ла]ю прощаи будь здоровъ и благопо[луч]енъ чево отъ искренного серца [жела] ить верная твоя жена

Настасія Рылѣева[2]).

---

8) Письмо Ѳедора Андреевича Рылѣева (отецъ поэта) къ женѣ Анастасіи Матвѣевнѣ[3]).

Кіевъ: 25 іюня 1813.

Съ несказаннымъ обрадованіемъ получилъ я письмо твое милая моя Настасья Матвѣевна! Писано было мною къ сыну нашему соотвѣтственно его двумъ ко мнѣ письмамъ; да на нынѣшнѣе не могъ я удержатся, чтобъ не написать къ нему того же, что сердце его будучи молодо и необразовано, чувствуетъ внушенное либо оговоренное круга его людьми, а отнюдь не свое собственное. А потому ты любезнѣйшая моя! не только за то не должна огорчаться не мало, но обязана преподавать ему согласно со мною наставленія: дабы онъ выходя на поприще свѣта, главнымъ поставлялъ себѣ правиломъ, въ пылкихъ его пожеланіяхъ имѣть воздержность, а въ снабдѣніи и содержаніи себя умѣренность—полезные какъ для него самого, такъ и для насъ его родителей. Изъ всѣхъ трехъ писемъ

---

[1]) Архивъ К. Ѳ. Рылѣева. Приложенія (Бумаги Ан. Матв. Рылѣевой). Нижній лѣвый уголъ въ письмѣ оторванъ, на об. л. 2-го адресъ:

„Его Высокоблагородію
Милостивому Государю
Федору Андреевичу Рылѣеву“.

[2]) Въ прямыя скобки заключены мѣста, утраченныя въ подлинникѣ и восполненныя по контексту; точками обозначены слова не разобранныя.

[3]) Архивъ К. Ѳ. Рылѣева. Приложенія. Бумаги Ѳ. А. Рылѣева, № 2.

его ко мнѣ о выпускѣ изъ корпуса, назначая въ каждомъ изъ нихъ разное къ тому время, не вижу я и малѣйшія его наклонности, а тѣмъ меньше собственнаго побужденія, заехать къ отцу! въ сообразность сего и отвѣтъ мой на послѣднее его письмо я написалъ, а потому убѣдительнѣйше прошу тебя милая моя Настасья Матвѣевна! внушить ему, что главнѣйшею его обязанностью есть и довлѣетъ быть, не предполагая никакихъ препятствій, ниже самыхъ военныхъ дѣйствій, заехать къ отцу! и тѣмъ засвидѣтельствовать къ нему сыновнюю любовь. – Разумѣется, что при томъ не только издержки его на почтовыхъ возвратятся, но и снабдится онъ такъ, что и тебѣ милой другъ! къ намѣреваемой ему помоще большихъ усиленій дѣлать не нужно будетъ.

Благодаря милосердаго Бога! радуюсь душевно, что ты милая моя другиня здорова! молю всевышняго Спасителя! да продлитъ дни твои и здравіе, не для меня единаго, но и для бѣдной Аннушки.— Ты великодушно ее усыновила... она и я за нее несказанно тебѣ обязаны! и, ежели по благости Божіей! суждено ей при жизни нашей быть пристроенной; то я теряюсь, даже воображая: какіе небесные награды отъ Создателя уготованы будутъ тебѣ!... О всевидящій Боже! Тебѣ отверзта вся внутренность сердца и души, сколько исполнены они чувствованіями благодарности, къ другу и женѣ:

Федора Рылѣева.

Дай мнѣ знать милая моя Настенька: могу ли я письмо къ тебѣ съ дѣньгами надписать прямо въ петербургъ? или ты живешъ въ деревнѣ? Нынѣ лѣто, солнечные лучи вредны для глазъ. и для того прошу тебя Другъ мой! не пожалѣй призвать глазнова Доктора и вылѣчить глаза у Аннушки. Что въ ней будетъ въ слѣпой' да благословитъ и просвѣтитъ ее Господь!

9) Указъ имп. Екатерины II Ѳ. А. Рылѣеву[1]).

Нашему Подполковнику Рылѣеву.

Усердная ваша служба, труды въ приведеніи въ исправность втораго Естляндскаго Егерскаго Баталіона, добрая воля и мужество

[1]) Ib., № 1.

оказанныя вами при атакѣ войсками Нашими подъ начальствомъ Генерала-маіора Денисова корпуса непріятельскаго королемъ шведскимъ предводимаго, обращаютъ на себя Наше вниманіе и милость. Въ изъявленіе оныхъ Мы всемилостивѣйше пожаловали васъ кавалеромъ Ордена Нашего Святаго Равноапостольнаго князя Владиміра четвертой степени, котораго знаки при семъ доставляя, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить установленнымъ порядкомъ. Удостовѣрены Мы совершенно, что вы получа сіе со стороны Нашей ободреніе потщитеся продолженіемъ службы вашей вящше удостоиться монаршаго Нашего Благоволенія. Въ Царскомъ селѣ Апрѣля 29-го дня 1790-го года.

Екатерина.

Графъ Александръ Безбородко.

Указатель произведеній К. Ѳ. Рылѣева.[1]

А.

А. А. Бестужеву (посвященіе къ поэмѣ „Войнаровскій"), 4.
А. А. Бестужеву (Стансы), 3. 12, 13, 34, 85, 278, 331, *77*.
Ай, и скучно мнѣ...(Ахъ, тошно мнѣ...), 11, 13, 16, 19, 157, 331, 333, 334.
Акростихъ, 124, *6*.
Александру I, 15, 16, 18, 161, 325.
А. П. Ермолову, 19, 23, 161.
Артемонъ Матвѣевъ, 2, 13, 23, 80, 220.
*Ахъ, гдѣ тѣ острова..., 11, 13, 16, 19, 334, 335.
Ахъ, тошно мнѣ... (см.: Ай, и скучно мнѣ...).
*Ахъ, ты, *с. с.*, проклятый становой, 16, 19.

Б.

Богатство, 121, 132, 134, 135, *36*.
Богданъ Хмѣльницкій, 2, 24, 80, 105, 218, 220, 245, 249, 266, 291.
Бой, 66, *3*.
Борисъ Годуновъ, 3, 12, 13, 18, 24, 206; 249, 291, 351.
Боянъ, 2, 13, 80, 202, 203, 245, 249.
Бѣгство Мазепы (изъ „Войнаровскаго"), 3, 311, 357.

В.

Вадимъ, 23, 50, 196, 291.
*Вдоль Фонтанки рѣки... 335.
Весна („Вѣсна"), *6*.
Видѣніе, 3, 11, 12, 13, 16, 18, 24, 38, 46, 169, 325, 326.
Видѣніе имп. Анны (= Голова Волынскаго), 13, 25, 80, 225, 230, 291.
Владиміръ Святой, 23, 202, 203, 291.
В. Н. Столыпиной, 3, 24, 330.
*Возмущеніе стараго л.-гв. Семеновскаго полка, 24, 32, 44.
Войнаровскій, 3—5, 7, 8, 10, 12, 13, 15, 17, 23, 28, 30, 31, 33—36, 40, 42, 53, 80, 86, 87, 122, 251, 259, 264, 268, 269, 279, 284—286, 291—294, 304, 305, 307, 310—320, *96*, *112*.
Волынскій, 2, 8, 12, 13, 23, 80, 224, 225, 245, 250.
Вольный переводъ изъ Сафо, 135, 136—137, *28*.
Воспоминанія, 80, 124, *9*.
Въ альбомъ, *22*.
Въ альбомъ дѣвицѣ N., *11*.
Въ альбомъ Т. С. К., 5.
Въ сей долинѣ вѣчныхъ слезъ.... *5*.

[1]) Въ отличіе отъ подлинныхъ звѣздочкой обозначены только приписываемыя Рылѣеву произведенія; прямымъ шрифтомъ набраны страницы изслѣдованія, курсивомъ—страницы приложеній.

Г.

Гайдамакъ, 3. 23, 30, 80, 269, 270, 292, 307.
Глинскій, 2, 12, 13, 16, 24, 80, 177, 178, 242, 245.
Голова Волынскаго (= Видѣніе имп. Анны), 22, 23, 230.
Гражданинъ, 4, 11—13, 16, 31, 32, 331, 336.
Гражданское мужество, 4, 11 — 13, 16, 23, 224, 327, 330.
Гусь и Змія, 62, 109, 112, *77*.

Д.

Дарами щедрыя природы оживленна..., *13*.
Дворъ Екатерины, 168.
Державинъ, 2, 4, 12, 18, 23, 80, 91, 236, 247.
Димитрій Донской, 2, 13, 24, 80, 164, 190, 191, 246, 249.
Димитрій Самозванецъ, 2, 6, 7, 12, 13, 24, 209, 291.
*„Для меня“ (нач.: „Тюрьма мнѣ въ честь—не въ укоризну“), 17, 18.
Древніе и новые (изъ „Провинціала въ Петербургѣ“), 2, 140.
Друзьямъ, 125, *15*.

Е.

Епиграмма, см. Эпиграмма.
Е. П. Оболенскому (нач.:„Мнѣ тошно здѣсь, какъ на чужбинѣ...“), 14, 21, 44, 103.
Е. П. Оболенскому (нач.: „О, милый другъ, какъ внятенъ голосъ твой...“), 14, 21, 34, 44, 103.
Е. П. Оболенскому (нач.: „Прими, прими, святой Евгеній...“), 21.
Еще о храбромъ М. Г. Бедрагѣ, 1.

Ж.

Жена отъ страху поблѣднѣла... (изъ А. Мицкевича), 25.
Женская игрушка (изъ „Провинціала въ Петербургѣ“), 140, *72*.
Жестокой, 2, 121, 137.

З.

Заблужденіе, 2, 121.
Завѣса съ глазъ моихъ упала, *12*.
Завѣтъ боговъ, 1.
Звѣзда—Путеводитель, *34*.

И.

Иванъ Сусанинъ, 3, 7, 216, 217, 239, 245, 249, 351.
Извиненіе предъ П. М. Т-вой (нач.: „Прости, что воинъ дерзновенный...“), 124, *23*, *16*.
Исповѣдь Наливайки, 3, 8, 12, 23, 30, 31, 265, 267, 306, 308, 309, 364, *77*.
Исполнились мои желанья, 21, 331.

К.

Кіевъ (изъ поэмы „Наливайко“), 3, 12, 24, 30, 289, 306, 309, 364, *77*.
К. И. А-ву, 120, *29*.
Когда душа изнемогала, 21.
Комедія, 66, 118, *60*.
*Краса природы! Совершенство... („Она“), 15, 17, 18.
*Кузнецъ (нач.: „Ужъ какъ шелъ кузнецъ, да изъ кузницы...“), 15, 16, 19, 335.
Кулакіада, 24, 26, 33, 60, 62, 111, 112, 141.
Курбскій, 2, 13, 16, 22, 181, 191, 192.
Къ А. А. Бестужеву, 85, 142, 162.
Къ Временщику, 1, 13, 16, 24, 46, 74, 84, 108, 145, 152, 153, 155, 157, 159.
Къ Деліи, 1, 23, 137.
Къ другу, 1.
*Къ женѣ, *77*.
Къ Каховскому (Къ К-му), 23, 31.
Къ Лачинову 125, *20*.
Къ молодому русскому поколѣнію (Гражданинъ), 4, 11—13, 16, 31, 32, 331, 336.
Къ Надеждѣ, 124, *39*.
Къ Натанѣ, 20, *113*.
Къ ней, *24*.
Къ NN., 5, 14, 23, 26, 331.
Къ портрету N., *11*.
Къ С., *10*.
Къ Фралову, *13*.
Къ Цинтіи, 79, 138.
Къ О. И. Глинкѣ, 91, 142.

Л.

Лагери поляковъ и казаковъ (изъ поэмы „Наливайко"), 307.
Лупа, 66, 121, *1*.
Любовь къ отчизнѣ, 62, 94, 110, 111, 113, 117, 323.
Людмила, 72, 139, *7*.

М.

Мазепа, 26, 251.
Мароа посадница, 23, 202.
Мечта, 124, *38*.
Минихъ, 23, 29.
Минуты счастія промчались, *41*.
Михаилъ Тверской, 2—4, 13, 24, 87, 188, 190,
Младенцу, 80.
Мнѣ тошно здѣсь, какъ на чужбинѣ (Е. П. Оболенскому), 14, 21, 44, 103.
*Море воетъ, море стонетъ, 34.
Мотылекъ, *12*.
Мстиславъ Удалый, 3, 4, 13, 24, 80, 87, 187.

Н.

Надгробная надпись, 2, 80.
Надгробная Рыжку, 331.
Надежда! наконецъ..., *44*.
Надпись къ портрету стараго воина, 1.
Наливайко, 3, 11—13, 24, 26, 29, 30, 34, 251, 264, 267, 270, 284, 285, 289, 292, 302, 307, 308, 310, 317, 366, *77*, *112*.
На погибель враговъ, 62, 109, 110, 113, 117, *77*, *82*.
На рожденіе Я. П. Бедраги, 24.
На смерть Байрона, 5, 24, 26, 47, 276, 331.
На смерть сына, 23, 331.
На смерть Чернова, 4, 11, 227, 331, 332.
Наталія Долгорукова, 2, 6, 7, 13, 23, 34, 80, 181, 231.
Нат. Мих. Тевяшевой, 124, *10*.
Наташа, амуръ и я, 124, *11*.
Н. М. Т., 124.
Н. М. Т-вой, *33*.
*Не дивитесь, друзья..., *77*, *86*.
*Не слышно шуму городского (Узникъ, Пѣснь узника), 15—17, 346, *77*.
Нечаянное счастье, 23.
Нѣсколько мыслей о поэзіи, 3, 323, 337.
Нѣчто о среднихъ временахъ, 66, 110, 112, 113, *46*.

О.

Олегъ Вѣщій, 2, 7, 13, 182, 247, 250.
Ольга при могилѣ Игоря, 2, 7, 13, 169, 184.
О, милый другъ, какъ внятенъ голосъ твой... (Е. П. Оболенскому), 14, 21, 34, 44, 103.
*Она (Краса природы! совершенство...), 15, 17, 18.
Отрывки, писанные въ крѣпости, *74*.

П.

Палѣй, 3, 5, 23, 30, 269, 270, 305.
Партизаны, 5, 24.
Первое свиданіе Петра Великаго съ Мазепой, 80.
Первый выѣздъ. Магазины (Изъ „Провинціала въ Петербургѣ"), 2, 140.
Переводчику Андромахи, 2, 142.
Петръ Великій въ Острогожскѣ, 3, 7, 13, 23, 80, 88, 222, 239, 266, 305.
Письма изъ Парижа, 118, *46*, *47*.
Побѣдная пѣснь героямъ, 62, 109, 110, 113—115, *77*, *81*.
Повѣрь, я знаю ужъ, Дорида..., 14, 21, 132.
*Подгуляла я; нужды нѣтъ, друзья..., 335.
Покинь меня, мой юный другъ!..., 21, 331.
Посолъ, *17*.
Посланіе къ А. А. Бестужеву (Къ А. А. Бестужеву), 23, 24, 85, 142, 162.
*Посланіе къ друзьямъ, 15, 17, 346.
*Посланіе къ женѣ (Къ женѣ), 15, 16, 18, 105, 346, *77*.
Посланіе къ К-му (Къ Каховскому), 14, 23, 31.

Посланіе къ Н. И. Гнѣдичу. 2, 91. 142.
Посланіе къ Ф..., 62. 109, 112, 141, *77. 78.*
*По улицѣ мостовой, 335.
Походъ казаковъ, 270.
Предсмертное стихотвореніе Рылѣева (Е. П. Оболенскому, нач.: „О, милый другъ...“), 14, 21, 23. 34, 44, 103.
*Предсмертное сочиненіе Рылѣева, 346, *77. 87.*
Привѣтствую тебя, отечество Вадима..., *15.*
Прими, прими, св. Евгеній... (Е. П. Оболенскому), 21.
Причина паденія власти папъ, 62, 109, 112. *77, 79.*
Провинціалъ въ Петербургѣ, 2, 140, *46.*
Прости, что воинъ дерзновенный... (Извиненіе передъ Н. М. Т-вой), 124, *23. 16.*
Пріятелю (на бракъ Н. М. Т-вой), *35.*
Пустыня, 2, 14, 80, 125, 128, 160. 327.
Путешествіе на Парнасъ, 14, 66, 110, 141, *1.*
Путь къ счастію (переводъ польской сатиры О. В. Булгарина), 26, 78, 79, 142.
*Пѣснь узника (Узникъ, нач.: „Не слышно шуму городского) 15—17. 346, *77.*
Пѣсня (нач.: „Je vous assure“), *32.*
Пѣсня (нач.: „Кто сколько ни хлопочетъ“), 120, *18.*
Пѣсня (нач.: „Нѣтъ, неправда, что мужчины...“), *15.*
Пѣсня (нач.: „Прости, за славою лѣтящій...“), *23.*
Пѣсня (нач.: „Тише, тише, вѣтерочикъ...“), *24.*
Пѣсня партизанская, 24.
Пѣсня сторонниковъ Мазепы, 305.

Р.

Романсъ, 1, 31.
Рогнѣда, 3, 4, 13, 92, 202—204, 240, 241, 351.
*Россія (нач.: „Свободы гордой вдохновенье...“), 14, 15, 17, 18.
Рѣзвой Наташѣ, 124. *37.*

С.

*Свободы гордой вдохновенье („Россія“), 14, 15, 17, 18.
Святополкъ, 2, 186.
Святославъ, 2, 7, 12, 44, 80, 184.
Сентиментальное письмо къ другу моему Ф. В. Голубеву, 66, *46. 59.*
Сердце въ выборѣ не вольно, *12.*
Смерть Войнаровскаго (изъ поэмы „Войнаровскій“), 3, 80.
Смерть Ермака 2—4, 6, 16, 24, 78, 80, 105, 181, 193—195, 245, 249, 259.
Смерть Чигиринскаго старосты (изъ поэмы „Наливайко“), 3, 12, 24, 30, 306—309, 364, *77.*
Сонъ, 132—134, 17.
Ссыльный, 80.
Стансы (Къ А. Б-ву, А. А. Бестужеву), 3, 12, 13, 34, 85, 278, 331, 364, *77.*
Судьба Россіи, 168.
Счастливая перемѣна, 23.

Т.

Тріолетъ Наташѣ, 1, 124.
Тоска, 121—123, 137, *25.*
*Тюрьма мнѣ въ честь, не въ укоризну („Для меня“), 15, 17, 18, 346.

У.

*Ужъ какъ шелъ кузнецъ (Кузнецъ), 15, 16, 19, 335.
*Узникъ (Пѣснь узника, нач.: „Не слышно шуму городского), 15—17, 346, *77.*
*Умирающій ратникъ, *77. 85.*
Утесъ, *31.*

Х.

Хмѣльницкій, поэма, 251, 269, 307.

Ц.

Царевичъ Алексѣй въ Рожественѣ. 25, 181, 225.
Царь нашъ, ... 11, 13, 16, 19.

Ч.

Четире степени любви, *39*.
Четыре великіе народа, *77*.
Чудакъ, 2, 140.

Ш.

Шарада, 1, 24, 31.
Шафхаузенъ, *46*.
Шуваловъ, *74*.

Э.

Экспромптъ, 124, *25*.
Эпиграмма на австр. имп. Франца I, 23, 142.
Эпиграмма (нач.: „Бездѣлокъ нѣсколько нашъ Бавій накропавъ...), 1.
Епиграмма (нач.: „Надутовъ для Прелесты...“), *19*.
Эпиграмма (нач.: „Не диво, что Вралевъ...), 1.
Епиграмма (нач.: „Пегасъ Надутова...“), *22*.
Эпиграмма (нач.: „Ты знаешь Оирса чудака...“), 1.
Эпиграммы (нач.: „Вчера комедію мою играли...“ и „Узрѣвъ, что Слабоумъ...“), *37*.

Ю.

Юность Войнаровскаго (изъ поэмы „Войнаровскій“), 3, 357.

Я.

Яковъ Долгорукій, 23, 223.
Якутскъ (изъ поэмы „Войнаровскій“), 3, 293, 311.

Указатель личныхъ именъ.

А.

А., 364—366.
Абадовскій, 350, 356.
Августъ, король, 295.
Авессаломъ, 299.
А-въ, К. И., 120, *29*.
Аглая, 121, 356.
Агланмъ, 150.
Айхенвальдъ, Ю., 41.
Аксаковъ, 6, 195, 245.
Аладьинъ, Е., 369.
Албани, *50*.
Albin, De Saint—, 249.
Александренко, В. П. 295, 296.
Александръ Даниловичъ, *92*.
Александръ I, имп., 15, 16, 18, 31, 38, 44, 49, 152, 161, 173, 216, 241, 271, 324—326, 328, 357, *52*, *101*, *104*.
Александръ Николаевичъ, вел. кн. (имп. Александръ III), 3, 169, 325, 326.
Алексѣевъ, 6.
Алексѣй Михайловичъ, царь, 67.
Алексѣй Петровичъ, царевичъ, 25, 167, 180, 181, 225.
Али-Гассанъ, 151.
Анакреонъ, 72, 119, 121, 132—135, 350, *17*, *36*.
Анастасевичъ, В. Г., 75, 77, 79, 136, 167, 172, *102*, *103*.
Ангальтъ, 111.
Андреевичъ (Евг. Соловьевъ), 38.
Андреевъ, В., 44.
Андреевъ, К. 349.
Андрей, 200.
Андромаха, 2, 142—144.
Анчковъ, П. К., 82, *102*, *103*.
Анна Іоанновна, имп. 13, 25, 58, 80, 225, 227, 230, 291.
Анпушка (А. Ѳ. Рылѣева) *116*.
Ancelot, M., 309.
Антонинъ, имп. 169, 327.
Аполлонъ, Apollon, *23*, *50*, *79*.
Апостолъ, П. 252, 255.
Аракчеевъ, А. А., 49, 145, 152, 153, 156—159, 271.
Архамаковъ, А., 116.
Ардалъ, 150.
Арей 109, *85*.
Аристотель, 338.
Аристофанъ, 357.
Аристъ, 141.
Аріостъ, 338.
Арто (Artaud), 337, 342.
Архангельскій, А. С., 325.
Архипычъ, *96*.
Арцыбашевъ, П. 204.
Аттила, 329.
Ἀφροδίτη, 134.
Ахиллъ, 276.
Ашевскій, С., 43.
Аѳанасьевъ, А. Н., 21.

Б. В.

Б., 136, 154, 356.
Б., А., 337.
В., А., 247.
Бавій, I. 141.
Багалѣй, Д. И., 67.
Б—въ, 165, 190, 245.

Байронъ (Byron), 5, 24, 26, 39, 47, 50, 77, 82, 84, 90, 97, 144, 149, 150, 193, 219, 251, 271—286, 288—290, 292, 309, 317, 331, 366.
Bacchus, 134.
Балашевъ, Н., 31, 32.
Балицкій, Г., 32, 33, 42, 137.
Балмашевъ, 30.
Балянскій, Я., 30.
Bacchus, 134.
Бандке, 172.
Бантышъ-Каменскій, Д. Н., 168, 223, 254—255, 261, 294—297, 300, 305, 307.
Баратынскій, Е. А., 21, 83, 88, 89, 91, 126, 129, 173, 195, 261, 350, 356, 363, 366, 368, *98*.
Барсуковъ, Н., 45, 47, 92, 259, 303.
Бартеневъ, Н., 22, 24, 25, 89, 107, 200, 225, 230, 328, 335, 336.
Басмановъ, 215.
Батеньковъ, Г. С., 49, 99, 200, 294.
Батый 246, 290.
Батюшковъ, К. Н., 83, 91, 126—131, 137, 138, 141, 143, 350, 356, 360.
Бахтинъ, П. Н. 317, 359, 366.
Бедрага, А. Н., 69.
Бедрага, М. А., 261.
Бедрага, М. Г., 1, 2, 80, 92, 125, 260.
Бедрага, Н. Г., *106*, *107*.
Бедрага, Я. Н., 24, 260, 261.
Безбородко, А. гр., *117*.
Безсоновъ, П., 253.
Беккаріа, 67, 76.
Бекетовъ Н. 4.
Бекетовъ, Н., 194.
Бенжаменъ-Констанъ, 95.
Бенкендорфъ, А. Х., 26, 45, 105.
Бентамъ, Іерем., 95.
Берги, *73*.
Бердяевъ, *41*.
Беркопфъ, 45.
Берлинскій, 255.
Бестужевъ, А. А. (Марлинскій), А. Б—въ, 3—5, 11—14, 23, 24, 26, 27, 30—32, 34, 40, 46, 49, 52, 54, 75, 76, 79, 81, 83—86, 88, 89, 91, 92, 96, 98, 131, 132, 142, 146, 151, 161, 162, 165, 168, 172, 175, 203, 207, 238, 241—243, 257, 260, 268, 273, 278, 292, 295, 310, 314, 318, 319, 331, 332, 335, 342, 343, 347—371, *97*, *102*, *103*.
Бестужевъ, М. А., 7, 15, 16, 24, 43, 45, 84—86, 98, 99, 267, 273, 334, 336, 357, 367.
Бестужевъ, Н. А., 6, 8, 14—16, 19, 25, 33, 35, 52, 72, 73, 75, 76, 82—84, 86, 96, 97, 99, 102, 151, 153, 174, 200, 239, 248, 249, 267, 268, 272, 274, 284, 307, 317, 331, 335, 336, 356, 359, 363, *102*, *103*.
Бестужевы, 43, 85, 86, 274, 368.
Бестужевъ-Рюминъ, М. Н., 106, 276.
Бецкій, 370.
Биньонъ, 95.
Bion, 133.
Биронъ, 226—231.
Бируковъ, А., 350, 357, 364.
Бистромъ, А., 272.
Б., К. Н., 272.
Б. Н., 245.
Боборыкинъ, П., 109.
Бобровъ, А. Н., 60, 61.
Богдановичъ, М., 44.
Богдановичъ, Н., 128, 357.
Бограціонъ, *66*.
Богумилъ, А. Г., 54.
Богучарскій, В. Я., 52, 260, 294.
Богушевскій, Н. К., 132.
Боде, 362.
Боккабадати, 210.
Болховитиновъ, Е., 81.
Бонапарте (Наполеонъ), 50, 335.
Бончъ-Бруевичъ, 31.
Боргеза, *50*.
Боровковъ, А. Д., 49, *101—103*.
Боровковъ, Н. Д., *102*, *103*.
Бороздинъ, А. К., 19, 33, 39, 334.
Бочковъ, А. Н., 368.
Боярскій, *2*, *14*, *21*.
Бранловскій, С. Н., 48, 55, 74, 168, 354.
Бриггенъ, фонъ-деръ-, А. О., 260, 264, 306, *97*, *98*.
Бриммеръ, 342, 343.
Бродзинскій, 170, 171, 242.
Brockhaus, F. A., 14, 15, 25, 161, 174, 346.
Брокгаузъ - Ефронъ (Бр. - Ефр.), 37, 94, 132, 144, 150, 157, 182, 199, 209—211, 224, 259, 275, 285, 286, 321, 328, 340, 361, 364.
Brunone Da Sassimagnoli, 309.
Брутъ, 183, 201, 337.
Брюсъ, 167.

Брюсъ, В., 234.
Буало, 111, 126, 136.
Булатовъ, 96.
Булгаринъ, Б. О., 22.
Булгаринъ, В. О., 22.
Булгаринъ, О. В., 4, 5, 11, 22—26, 28, 55, 72, 75, 77—79, 83—85, 87, 89, 91, 102, 119, 142, 159, 165, 166, 168, 172—176, 191, 196, 203, 215, 220, 225, 230, 238, 239, 243, 312—316, 328, 336, 338, 350, 353, 356—359, 361, 363, 369, *102*.
Бунинъ, С. В., 55.
Бурбоны, 65, *64*.
Бурцевъ, А., 197.
Бурцевъ, В. Л., 54.
Буткевичъ, Т., 37.
Бутковъ, П., 255.
Бутурлинъ, Ф. П., 17.
Бутурлинъ, гр. М. Д., 273.
Бычковъ, И. А., 131.
Бѣлозерская, Н., 165.
Бѣлозерскій, Н. М., 92.
Бѣляевъ, А. П., 45, 337.
Бэрратонъ, 203.
Бюргеръ, 139.

B. W. V.

Вадимъ Новгородскій, 23, 26, 50, 164, 196—202, 291, 357, *45*.
Вакхъ, Bacchus, 133, 134, *17*.
Вальтеръ-Скоттъ, 166, 272.
Василичъ, Г., 54.
Вахрамѣевъ, И. А., 105.
Waclaw, 171.
Вашингтонъ, Washington, 50, 177.
Вейнбергъ, П. И., 34.
Величко, 27, 33, 254, 260, 297.
Венгеровъ, С. А., 43, 237, 324, 326.
Wendts, A., 319.
Веневитиновъ, Д. В., 46, 97, 239, 276.
Веневитиновъ, М. А., 24, 46, 67, 68.
Веневитиновы, 68.
Венера Медицейская, Vénus de Medicis, *50*.
Вердеревскій, 203—204, 356.
Вернетъ, И., 255.
Веселовскій Ал-дръ Н., 165, 187, 199.
Веселовскій, Алексѣй Н., 53.
Веселовскій, В. Н., 173.
Вестрисъ, 52, 53.
Вигель, Ф. Ф., 48.
Виклефъ, 112, *80*
Виноградовъ, 45.
Виргилій, 338, 350.
Висковатовъ, А., 59.
Віельгорскій гр., 357.
В—ій, 256.
Владиміръ св., 23, 163, 164, 167, 190, 202—205, 242, 291, *81*.
Владисанъ, 162.
Władisław, 176.
Вобанъ, *58*.
Воейкова, А. А., 4, 92.
Воейковъ, А. Ѳ., 2, 87, 91, 92, 117, 126, 143, 191, 238, 350, 356.
Войнаровскій, А., 3—5, 7, 8, 10, 12, 13, 15, 17, 23, 28, 30, 31, 33—36, 40—42, 53, 80, 86, 87, 122, 251, 259, 264, 265, 268, 269, 279—286, 291—297, 304, 305, 307, 310—321, 357, *96*, *112*.
Войнеровскій, Д., 321.
Войцеховичъ, П., 252.
Волконская кн., 289.
Волконская кн., З. А., 368.
Волконскій кн., С., 199.
Волынскій, А. П., 2, 8, 12, 13, 22, 23, 46, 80, 224—231, 245, 250.
Вольтеръ, 67, 111, 126, 132, 338.
Вольфъ, М. О., 32, 43, 230, 371.
Вороничъ, 172.
Востоковъ, А. Х., 83, *104*.
Вралевъ, 1, 141.
Всемилла, 194.
Второвъ, Н. И., 68.
Вяземскій, 59.
Вяземскій кн. П. А., 5, 19, 32, 40, 46, 52, 76, 91, 92, 127, 128, 141, 143, 144, 147, 168, 173, 175, 187, 195, 236, 238, 239, 243, 272—274, 276, 313-314, 334, 350, 356, 357, 359, 360, 363, 368.
Вяземскій кн., П. И., 46, 91.

Г. G. H.

Гаймъ, Р., 341.
Галаганъ, Е. В., 260.
Галаганъ, П., 260.
Галактіоновъ, 357.
Галилей, 143.
Гангебловъ, 337.
Ганнибалъ, 41.
Гарижскій, Я. А., *102*.

Гаркуша. 257.
Гедиминъ. 290.
Gail. I. B., 133, 134.
Геннади Г., Ghennadi. 54. 319.
Henri IV. имп., *53.*
Георгіевскій Н., 349.
Георгій св., 183.
Георгій кн., 246.
Георгій (Даниловичъ), кн. 189. 190.
Гераковъ. 141. 165. *2.*
Гербель, Н. В., 35.
Гергардъ, В., (Gergard W.). 12, 15.
Герміона. 143.
Герценъ, А. И. (Iscander), 10, 11, 13, 31—33, 42, 99, 230, 249, 328, 347. 370. 371.
Геростратъ, 157.
Гете, 338, 363.
Гильевъ, 338.
Глинка, Г. Н., 260.
Глинка, С. Н., 6, 117, 164, 166. 220.
Глинка, Ѳ. Н., 35, 75—77, 79. 83. 85, 91, 142, 148, 150, 165, 191. 218. 238, 256, 260. 272. 329, 346, 350, 356, 363. *98, 101—103.*
Глинскій. М., Glinski, M., 2, 3, 12, 13. 16. 24. 80. 171. 177. 178. 242. 245.
Глицерія, 363.
G., N. A., 172.
Гнѣдичъ, Н. И., 2, 4, 84. 91. 126. 142, 150, 167, 191, 195, 203, 244. 245. 260. 350. 363. *102. 103.*
Гоголь. Н. В., 257.
Годеніусъ. 217.
Годуновъ, Борисъ. 3. 12, 13, 18, 24. 40, 206—210, 214—216. 249. 291. 351.
Голенищевъ-Кутузовъ, И., 136.
Голиковъ, 224. 225. 297.
Голицына, кн. В. В., 57, *105.*
Голицынъ, кн. А. Н., 51, *111.*
Голицынъ, кн. А. С., *100.*
Голицынъ, кн. И. Н., 35.
Головачевъ. Н. И., 42.
Головинъ, И. 309.
Голубевъ, Ф. В., 66, *59.*
Гомеръ, 126, 338.
Горацій 126. 128, 129. 356. 357, 364.
Горленко. В. 254.
Gorecki, A., 171.
Городецкій, Д. М., 42.
Городчаниновъ, Г., 116, 117.
Горчаковъ, кн. А. М., 46.
Горчаковъ. Н. Д. 116.
Грабянка, 297.
Графовъ, 144.
Граматинъ, Н., 236.
Гребенка, Е., 370.
Гревенбрухъ, 210.
Грекуръ, 130.
Грепъ, А., 21.
Гречъ, Н. И., 15, 19, 21. 22, 26, 35, 60, 75, 79. 83. 84. 87, 91, 102. 143, 157, 172, 175. 191, 207, 238. 336, 350, 352, 355. 357. *103.*
Грибовскій. 255.
Грибоѣдовъ, А. С., 47. 55. 76, 92. 161. 162. 167, 359, 363, 369.
Григорьевъ, В. Н., 82. 149. 272. 356. 363-364, *95.*
Гротъ, Я., 46.
Грузинцевъ. А., 299.
Грушевскій, А. С., 262.
Грушевскій, М. 262.
Гусъ. И., 112. *80.*
Гюго, В., 337.
Гюльнара. 219.
Гяуръ. 279. 280. 282. 283. 289. 291.

Д. D.

Д***, *55, 56.*
Давыдовъ, В. Д., 44.
Давыдовъ, И., 3.
Давыдовъ, Д., 350.
Даниловскій, 7.
Даниловъ, В. В., 255.
Данковъ, И., 222.
Dante, Данте, 4, 338.
Dacier, 132—136.
Дашкевичъ, Н. П., 47, 247, 301, 302.
Дашковъ. 349.
Дашковъ, Д. В., 127, 130.
Дашковъ, П. Я., 50.
Дезе (Dessaix), *56.*
De la Fosse, 133.
Делиль. 136, 350.
Делія. 1. 23. 120—123. 132. 137. *26—28.*
Деллій, 357.
Де-Лольмъ 67.
Дельвигъ, бар., А. А., 3. 26, 75, 77. 84, 88, 89, 129, 191. 218, 238. 261. 308, 350. 355. 356, 369. *101—103.*

Де-ля-Рошель, 210.
Денисовъ, 57, *117*.
Депрео, 2.
Де-Пуле, М., 68, 253, 254.
Державинъ, Г. Р., 2, 4, 12, 18, 23, 26, 80, 91, 116, 117, 128, 134—136, 172, 198, 223, 236, 237, 247, 324, 357, *22*.
De Saint-Albin, E., 249.
Дивовъ, П. В., 49, 104.
Димитрій Донской, кн., 2, 13, 24, 80, 164, 167, 190, 191, 246, 247, 249.
Димитрій Самозванецъ, 2, 6, 7, 12, 13, 24, 164, 209—216, 291.
Димитрій Тверской, кн., 245.
Димитрій, царевичъ, сынъ Ивана Грознаго, 208, 213.
Дмитревскій, М., 218.
Дмитріевъ, И. И., (Dymitriew) 44, 76, 91, 126, 128—131, 139, 140, 142, 144, 172, 194, 195, 230, 350, 353, 357, 360, 361, 364, 366.
Дмитріевъ, М. А., 82, 230, 356.
Д., П., см. Дубровинъ, Н. О.
Добрыня (Никитичъ), 242.
Довнаръ-Запольскій, М. В., 53, 56, 99, 145, 146, 159.
Долгорукій, кн., И. А., 231, 233.
Долгорукій, кн., Я. О., 23, 223—225, 328.
Долгоруковъ, кн. И. Д., 53.
Долгорукова, кн. И. Б., 2, 6, 7, 13, 23, 34, 80, 231—236.
Допаурова, М. *110*, *111*.
Донъ Жуанъ, 278.
Дорида, 14, 21, 120, 121, 130, 132, 350, *9*.
Дорошенко, гетманъ, 175.
Дорошенко, И. Я., 49.
Дубровинъ, Н. О., (сокращено Н. Д.), 49, 50, 103, 329, 368.
Дуронъ, А. Х., *102*, *103*.
D...ck, H., 171.
Д—ъ, 363.
Дюкло, *108*.
Дюпоръ, *53*.

Е.

Е***, *19*.
Евгеній (кн. Е. И. Оболенскій), 21.
Евдокимовъ, Е., 29.
Ewelina, 171.
Евецкій, О. С., 370.
Е. Г., *92*.
Егоровъ, П., 109.
Ежовскій, 92, 174.
Екатерина II, имп., 38, 57, 108, 165, 168, 196, 201, 228, 229, 251, 328, *82*, *116*, *117*.
Е., Л., 150.
Елагинъ, 173.
Elfryd, 171.
Ельцюконъ (Е. Люценко), 136.
Емануель, имп. *51*,
Емилія, *59*, *60*.
Ермакъ 2—4, 6, 16, 24, 78, 80, 105, 167, 181, 193—196, 245, 247, 249, 259, 357.
Ермоловъ, А. П., 19, 23, 161, 162.
Еропкинъ, 226, 229, 230.
Ефремовъ, П. А., 4, 18, 22—24, 27, 32, 34, 35, 56, 108, 133, 203, 230, 312, 318, 328, 346, 347, 367, *22*.

Ж. Gi. Ż.

Жандръ, 202, 351, 353.
Ждановъ, П. Н., 54.
Желѣзниковъ, П., 21, 22, 207.
Жермень, св. *53*.
Girondin 10.
Żolkiewski, Жолкевскій, 171, 268, 306, 307.
Жукова, А., 31.
Жуковскій, В. А., 38, 50, 84, 91, 106, 116, 117, 126, 127, 131, 136, 139, 140, 143, 165, 173, 187, 198, 199, 217, 272—274, 279, 325, 349, 350, 356, 359, 363, 366.
Жуковскій, П. В., 50, 51.

З. Z.

Z., *74*.
З., В., 165.
Z., Hr. W. C. K., 172.
Забѣлла, 321.
Завалишинъ, Д. И., 22, 45, 46, 52, 98, 153.
Завитневичъ, В. З., 51, 92, 196.
Загорскій, 272, 356.
Загоскинъ, 165.
Залдкинъ, П., 19.
Zaleski, J. B., Залескій, Б., 171, 301.
Залускій, 300.

Замотинъ, И. И., 50, 51, 166, 197, 198, 201, 273, 340, 343, 344.
Zbichon, 171.
Zdziechowski, M., 53, 309.
Зезюлинскій, Н., 231.
Зейдлицъ, К., 349.
Зендергорстъ, К., 60.
Зенеада, 357.
Зензиновъ, М. М., 42.
Зиминъ, И. Г., 61.
З—ій, 364.
Зотовъ, З., 150.
Зубковскій, П. С., 27.
Зулейка, 273.

И.

И., 236.
И., А. см. Ивановскій, А. А.
И—, —е, 352.
Ивановичъ, А., *43*.
Ивановскій, А. А. (сокращенно А. И.), 5, 26, 36, 178, 306, 320.
Ивановъ, И. 49, 357.
Ивановъ, М., 357.
Ивановъ, Ѳ. 116, 117, 202, 204.
Иванчинъ-Писаревъ, 364.
Иванъ Грозный, 166, 168, 210, 213, 215.
Иванъ Михайловичъ, *93*.
И—въ, бар., 77.
Игнатовъ, И., 51.
Игорь, кн., 184—186.
Измайловъ, А. Е., 44, 83, 84, 154, 351, 353, 356, 361, 366, *103*, *104*.
Измайловъ, В., 256, 356.
Изяславъ, кн., 167, 205.
Иконниковъ, В. С., 44, 260, 262.
Ипполитъ, 351.
Iscander (A. Herzen), 10, 11, 13, 99, 371.
Искра, полковникъ, 298.
Истомина, А. И., 369.
Ишимова, 371.
Ионгъ (Юнгъ), 154.

І.

Іоаннъ, евангелистъ, 345.
Іоаннъ Грозный, см. Иванъ Грозный.
Іоаннъ III, царь, 183.
Іогансонъ, Ф. А. 30.
Іорданъ, Ѳ. И., 48.
Іуда, 302.

К.

К., 241—243, 272, 286, 353.
К., А., 272.
К..., А..., 172.
Кавгадый, 188, 189.
Канду, пустынникъ 368.
Кавецкая, *106—108*.
Кадлубокъ, 77.
Kazemierz Wielki, 176.
Казотти, П., 165.
Кайдановъ, 31.
Калайдовичъ, 167.
Калашниковъ, И. И., 40.
Кальдеронъ, 338.
Каменская, М., 48.
Каменскій 59, *66*.
Камиллъ, 183.
Кантеміръ, кн. А. Д., 133, 135.
Кантъ, 340.
Капнистъ, В., 236.
Карамзинъ, Н. М., 38, 84, 91, 126, 128, 139, 165, 166, 168, 172, 182, 184—188, 190—194, 201, 202, 206, 213, 324, 326, 348, 349, 356, 358, 360, *98*.
Карасикъ, Г., 42.
Каратыгинъ, В. А., 369.
Каратыгинъ, П., 45.
Каріонъ Истоминъ, 168.
Карлъ, 118, *60—64*, *70*, *71*.
Карлъ XII, кор. швед., 245, 263, 296—298.
Карпенко, С., 321, 370.
Каспари, А. А., 54.
Каспровичъ, Ѳ. Л., 16, 17, 335, 346.
Катенинъ, П. А., 317, 342, 359, 365.
Катерина, 316.
Кат(ерина) Ив(ановна), *106*, *107*.
Катерина Петровна, *106*, *107*.
Катинька (Екатерина Малютина) *93*.
Катонъ, 201, 317.
Катуллъ, 135, 136.
Каховскій, К—ій, 23, 27, 31, 33, 53, 96, 98, 106.
Каченовскій, М. Т., 166, 173, 254, 272, 351, 358, 359.
Кашинъ, Т., 116.
К., Д. Р., 268, 307, 308, 365.
Кенигсмаркъ, гр., 295.
Кеппенъ, П. И., 5, 75, 296, 367, 369, *103*.
К., Ж., 353.

К., Н., *106*.
К. Иван(ов.), *106*, *107*.
К., Н. П., 158.
Кипренскій, О. А., 43.
Киприда (Cypria), 119, 129, 138, *30*.
Кириллычъ, *106—108*.
Кирпичниковъ, А. Н., 51, 341.
Кирѣевскій, 97, 173, 239, 298.
Кларисса, 121, *4*.
Климена, 351.
Клингеръ, О. Н., 59, 63.
Ключаревъ, О., 204, 205.
К...нъ, 362.
Княжевичъ, А. М., *103*, *104*.
Княжевичъ, В. М., 81, *102*, *103*.
Княжевичъ, Д. М., 356, *102—104*.
Княжнинъ, Я., 126, 128, 162, 164, 197, 201, 202, 204.
Козицкій, 136.
Козловъ, Н. П., 34, 173, 234—236, 272, 276, 279, 292, 313, 356, 364, 368.
Козловъ, Н., 109.
Козьминъ, Н. К., 51.
Колонтай, 179.
Колосова, *53*.
Колошинъ, П. Н., 76, *103*.
Кондратовичъ, Вл. (Syrokomla) 319.
Кони, Н. О., 32.
Конисскій, Г., 260, 262, 263, 303, *97*, *98*.
Коновченко, Нв., 269, 270.
Конрадъ, (герой поэмы „Корсаръ" Байрона), 219, 279—282.
Коншинъ, Н., 15, 131.
Кореневъ, *91*.
Корней, *96*.
Корниловичъ, А. О., 4, 26, 33, 75, 76, 81—83, 85, 92, 167, 172, 225, 259, 260, 295, 350, 355, 356, 363, 369, *95*, *103*.
Коршъ, 341.
Костровъ, Е., 115, 126.
Костюшко, Т., 77, 176, 179.
Котляревскій, А. А., (Чупрына), 7, 321.
Котляревскій, Н. Н., 256.
Котляревскій, Н. А., 39, 42, 43, 54, 56, 86, 96, 97, 121, 176, 252, 331, 334, 340, 371.
Kochanowski, 177.
Коханскій, 176.
Коцебу, 157, 213.
Кочубей, 285, 298, 320.
Кошанскій, Н. О., *102*.
Кошелевъ, А. И., 46, 97, 239, 295.
К., П., 46.
Красицкій, (Krasicki), 176, 177.
Kraushar, A., 37, 177.
Крепицынъ, А. Н., 367.
Кропоткинъ, Н., 53.
Кропотовъ, Д. А., 19, 22, 35, 44, 62, 79, 95, 174, *112*, *114*.
Круглаго, А., 164.
Кругликовъ, 347.
Крыловъ, А. А., 131.
Крыловъ, Н. А., 126, 128, 141, 142, 351, 356, 364, *1*.
Ксенія, кн. Галицкая, 165.
Ксенія, царевна, 216.
К., Т. С., 5.
Кубасовъ, Н. А., 49, 83.
Кудринъ-паша, 161.
Кудрявцевъ, М. П., 24.
Кудряшевъ, 272.
Куколевская, Н. М. (Рылѣева, Н. М.), *111*, *112*.
Куколевскій, Г. Н., *111*, *114*.
Кулаковъ, 60, 112.
Кулишъ, П., 216, 288.
Купидонъ, 120.
Курбскій, кн. А., 2, 13, 16, 22, 191—193.
Кутузовъ, М., 94, 113, 114, 116, 323, *66*, *67*, *81*, *84*.
Кутузовъ, Н. И., 82, *103*.
Кутузовъ, П. Г., 116, 117.
Кюхельбекеръ, В. К., 8, 9, 11, 48, 76, 83, 85, 88, 90, 91, 96, 148, 168, 187, 198, 199, 245, 275, 276, 347, 356, 368.

Л. L.

Л—а, 363.
Лагаринъ, *74*,
Лажечниковъ, И., 165, 229, 230.
Ламартинъ, 356.
Ланъ, маршалъ, *58*.
Лаокаонъ, (Laokaon), *50*.
Лаша, 337.
Латона, *50*.
Lafferrière, 100.
Лафонтенъ, 129.
Лачиновъ, 125, *20*.
Л—въ, 356.
Лебрюнъ, *56*.

.Левекъ, 210.
.Левинъ, К., 31, 346.
.Левшинъ, А., 252, 255, 262, 302.
.Левъ X, папа, *80*.
.Лепла, 368.
.Лелевель, Іоах., 76, 77, 173.
.Лемке, М., 47, 55.
Lenormand, 46, 65.
.Леонъ, имп. визант. 183.
.Леперъ, (Lepere), *56*.
.Лермонтовъ, М. Ю., 12, 288, 291.
.Лернеръ, Н., 54, 182, 334.
.Летиховъ, *108*.
.Ленцинскій, Станиславъ, польск. король, 77.
.Іжедимитрій, 213.
.Ливій, Т., 41.
.Лигуринусъ, 356.
.Лида, 121.
.Лила, 121, *39*, *42*.
.Линде, С. Б., (Linde), 76, 77, 170 173, 355.
.Липпертъ, Р. (Lippert, R.), 319.
.Ліодоръ, 368.
.Л., Л. Л., 14.
.Лобановъ, М. Е., 351, *102*.
.Лобода, 306.
.Лобысевичъ, А. К., 256.
.Ломоносовъ, 61, 111, 126, 128, 135, 164.
.Лонгиновъ, М. Н., 230.
.Лонгинъ, 136.
.Лопе-де-Вега, 210.
.Лоеръ, Н. Н., 166, 261.
.Л., С., 38.
.Луидгардъ, 244.
.Луказій, 142.
.Лукашевичъ, В. Л., 265.
.Лукьяненко, А., 216.
.Лунинъ, М. С., 213.
.Лыкошинъ, Я. М. *103*.
.Львовъ, 141, *2*.
.Львовъ, Н., 221.
.Льстиновъ, *106*, *107*.
.Лѣсковъ, Н. С., 51, 59—61, 64, 141.
.Любовь Петровна, *106*, *107*.
.Любуша, *93*.
.Людмила, 72, 126, 139, 140, 171, *7*, *8*.
.Людовикъ XIV, *58*.
.Людовикъ XVIII, *56*.
.Лютеръ, М., 112, 113, *80*.
.Люценко, Е. (Ельцюконъ), 136, *103*.

М.

Малютина, К. Н., М—на, *22*, *93*.
Мавроди, Н. К., 92.
Магницкій, 271.
Мазаевъ, М. Н., 29, 32, 37.
Мазепа, И., (Mazeppa), 3, 4, 10, 26, 30, 32, 33, 40, 41, 80, 168, 175, 222, 223, 242, 251, 255, 257, 259, 263, 265, 268, 270, 272, 279, 281, 282, 285, 286, 291, 295—306, 311—313, 315, 317, 320, 357, *96*.
Майковъ, А. А., 245, *94*.
Майковъ, Л. Н., 83.
Максимовичъ, М. А., 6, 370.
Макферсонъ (Оссіанъ-)115, 203.
Малаховскій, 179.
Malwina, 171.
Małgorzata, 171, 181.
Малевскій, 92, 174.
Малининъ, Н. А., 52.
Maltitz, Fr., 211.
Мамай, 247, 364.
Манштейнъ, 166—167, 226.
Маржеретъ, 210.
Марія, 357.
Маркевичъ, А. Н., 304.
Маркевичъ, Н. А., 7, 27, 33, 47, 91, 92, 247, 260, 264, 266, 272, 284, 304, 309, 314, 321, 368.
Марковъ, М., 255.
Марксъ, 51.
Марли, *58*.
Марлинскій (Бестужевъ, А. А.), 85.
Мартынъ V, *80*.
Мартосъ, 255.
Марченко-Запорожченко, В. Н., 195.
Мароа, посадница, 23, 165, 199, 201, 202.
Масальскій, 364.
Масловъ, В., 43.
Матвѣевъ, А. С., 2, 13, 23, 80, 220—222.
Матфельдъ, 46.
Матоей, евангелистъ, 345.
Мацѣевскій, 173.
Маша, *24*, *25*.
Машенька, 121, *17*, *42*, *43*.
М—въ, 165.
Мегера, 138.
Медора, 272.
Мей, П. Д., 61.
Meisnar, H. J., 249, 309, 320.

Мелешко, Н., 77.
Meliton, 171.
Меншиковъ, 26, 165.
Меньшениновъ, Д. С., *102*.
Мерзляковъ, 139, 141, 195, 245.
Миллеръ, Г. Ф., 194, 201, 279, 283, 292, 295.
Миллеръ, О. Н., 58, *91*.
Миловидъ, 139, *8*.
Милоновъ, М. В., 117, 122, 123, 126, 131, 137, 138, 141, 142, 154, 155, 236.
Милонъ, 194.
Милорадовичъ, гр. 72, 73, 332, *60*.
Мильвуа, 131.
Мильтонъ, 207.
Минерва, 128.
Минихъ, 23, 29, 245.
Мира, 272.
Михаилъ Петровичъ, *106, 107*.
Михаилъ Тверской, кн., 2—4, 13, 24, 87, 188—190, 245.
Михаилъ Черниговскій, кн., 164.
Михаилъ Оедоровичъ, царь, 216, 217.
Михайловскій-Днепевскій, А. Н., 48.
Мицкевичъ, А., 13, 15, 33, 49, 92, 173, 174, 336.
Мина, *106*.
Мишель-Анжъ, (Микель-Анжело) 50.
Могила, А., 322.
Могилянскій, *96*.
Модзалевскій, Б. Л., 55, 317.
Молчановъ, 6.
Мольеръ, 128.
Монтескье, 67, 94.
Мордвинова, гр. Н. Н., 44, 46.
Мордвиновъ, гр., Н. С., 4, 14, 44, 73, 223, 327—330, 351.
Морицъ Саксонскій, 295.
Морковинъ, *106*.
Морозовъ, Н. О., 48, 143.
Moschus, 133.
М—скій, 46.
Мстиславъ, 3, 4, 13, 24, 80, 87, 164, 167, 187.
Муравьевъ, А., 196.
Муравьевъ, гр., М. Н. 44, 46, 85, 198.
Муравьевъ, Н., 100, 101, 333, *98*.
Муравьевъ-Апостолъ, М., 100.
Муравьевъ-Апостолъ, С., 106, 333.
Муръ, Т., 77, 97, 151.
M[ontonnet]-C[rairtons], M_{***} C_{***}, 133, 134, 136.
Мухановъ, Вл. А., 359.
Мухановъ, Н. А., 359.
Мухановъ, Пав. А., 167, 259.
Мухановъ, Петръ А., 4, 7, 33, 89, 92, 199, 258, 259, 311, 312, 360, 361, *96, 97*.
Мч., Вл., 37.
Mykołay, 171, 181.

Н. N.

Н., 272.
N., *11, 14*.
Надежда, 124, *33, 39, 14*.
Надеждинъ, 343, 344.
Надутовъ, 141, *19, 22*.
Назимовъ, 337.
Наливайко, 3, 8, 11—13, 23, 24, 26, 29—31, 34, 251, 264, 265, 267, 268, 270, 284, 285, 289, 292, 302, 306—309, 317, 320, 321, 364, 365, *77, 112*.
Наполеонъ I, Napolio, 65, 113, 114, 116, 118, 145, 216, 329, *50, 51, 55, 56, 58, 61, 66*.
Нарушевичъ, 176.
Нарышкинъ, М. М., 46, 97, 239.
Нарѣжный, В. Т., 165, 187, 213, 257.
Настасья Кондратьевна, (А. К. Нущина), *112, 114*.
Настенька, (А. К. Рылѣева), 102, 104, *99, 100*.
Настасья Матвѣевна, Настенька (А. М. Рылѣева), *115, 116*.
Настя (А. М. Тевяшева), *36*.
Наталія, бояр. дочь, 164, 165.
Наташа, 119.
Наташа, Наташинька (Н. М. Рылѣева), 1, 20, 121, 123, 124, *3, 11, 37, 39, 40, 92, 94, 113*.
Неера, 138, 357.
Ней, маршалъ, 58.
Necker, 76.
Некрасовъ, Н. А., 289.
Нектарія (кн. Н. Б. Долгорукова), 231.
Нелединскій, 126.
Нерецда, 357.
Неслуховскій, Ф., 173.
Нестеровъ, А., 236.
Несторъ, Nestor, лѣтописецъ, 177, 183, 201.
Нечаевъ, 356, 360, 361, 368.
Нечай, 175.

Никитенко. А. В.. 47, 67, 94.
Никитинъ, Г. К., 42.
Никитинъ. А. А.. 76—79, 81, *101—103.*
Николай Павловичъ, имп. 6, 9, 45, 48—51, 102, 103, 106, 107, 146, 161.
Николай Ѳеодоровичъ, *93.*
Никольскій, А., *104.*
Никольскій, П., 349.
Нинона-де-Ланкло, *74.*
NN.. 5, 14, 23, 26, 331.
Новиковъ, Н. И. 220, 221, 324.
Новиковъ, Н. М.. 265.
Новосильцовъ, 25, 33, 51, 331—333, *98.*
Новосильцовъ, В. Д., 45.
Норовъ, 357, *14.*
Норовъ, А. С.. 131.
Н.. Ф., 132, 272.
Н—ы—нъ, 165.
Нѣмцевичъ, Ю. У., Niemcewicz J. U., 3, 26, 36, 37, 47, 48, 163, 171, 174—181, 242, 244, 245.

О.

Ободовскій, 364, 368.
Оболенскій, кн. Е. П, 8, 14—16, 19, 25, 32, 33—35, 37, 44, 52, 84, 85, 96, 98, 100, 103, 106, 332, 345, 347, 348, 351, *96, 98.*
Aubry des Carrières, I. B., 210.
Овидій, Назонъ, 75, 243, 351, 355.
Овсянико-Куликовскій, Д. Н., 42.
Огарева-Тучкова, Н. А.. 48.
Огаревъ, Н. П., 10, 11, 13, 15, 16, 33, 147, 163, 230, 249, 250, 347, *99.*
Оди—нъ, Дм., 131.
Одоевскій, кн. А. И., 54, 85, 167.
Одоевскій, кн. В. Ѳ., 369.
Озеровъ, 38, 59, 126, 128, 164, 217.
Ознобишинъ, 368.
О—ій, А., 357.
Олеарій, 210.
Олегъ, кн., 2, 7, 13, 164, 165, 182, 183, 247, 250.
Олейниковъ, К., 252.
Олешинъ, А. Н., 194.
Олинъ, 338, 357.
Ольга, св., 2, 7, 13, 169, 184, 186.
Ольдекопъ, 355.
Омиръ (Гомеръ), 276.
Онѣгинъ, Евгеній, 338, 368.
Оночкинъ, Ѳ. К., 23.
Органова, С. Н., 43.
Orgelbrand, S., 176.
Оржицкій, 92.
Орестъ, 143.
Орлай, Н. М., 61.
Орлова, гр., 332.
Орловъ, М., 311.
Орля-Онменецъ, 173.
Орсанъ, 368.
Оскаръ д'Альва, 272.
Оскольдъ, 198.
Оссіанъ (Макферсонъ), 82, 84, 115, 203, 204.
Остолоповъ, Н. Ѳ. 83, 364, *104.*
Островскій, А. Н.. 215, 216.

П. Р.

П.. 352.
Павелъ I, имп. 59, *74.*
Павловскій, А., 252.
Павловъ-Сильванскій, Н. П., 53.
Падурра, Т., (Padurra, T.), 47, 300—302.
Палѣй, 3, 5, 23, 30, 175, 269, 270, 298, 305, 320, 321.
Панаевъ, В. Н.. 75, 126, 236, 351, *102—104.*
Парамоновъ, Н. Е., 31.
Парни, 77, 84, 119, 130—132.
Пассекъ, Т. Н., 44.
П., В. А.. 357.
Педани, В. А., 42.
Пенская, 119.
Перевощиковъ, В., 225.
Перренъ, *99, 100.*
Персій, 1, 154, 155.
Перской, 63.
Пестель, Н. И., 30, 31, 50, 53, 106.
Петрей, 207.
Петрей де Ерлезунда, 210.
Петровъ, В. Н., 328.
Петровъ, Д. К., 55.
Петровъ, Н. Н.. 47, 247, 256, 301.
Петръ, апостолъ, 112.
Петръ I, имп., 3, 7, 13, 23, 80, 88, 163, 167, 180, 207, 222—224, 231, 239, 263, 266, 296—299, 305, 313, 356, *82.*
Петръ Петровичъ, *93, 94, 106, 107.*
Пецъ, Г., 12, 13, 15—17.
Р—у, S., 355.
Пивницкій, 173.

Пиндаръ, 338.
Пирожковъ. М. В., 52, 146.
Пирръ, 143.
Писаревъ, А., 369.
П., К., 230.
Плавильщиковъ, П., 194, 195.
П...л...н...ій, А., 257.
Плетневъ, П. А., 46, 75, 89, 90, 154, 238, 245, 272, 279, 328, 338, 351, 357, *102*, *103*.
Плисовъ, 94.
П., П. П., 131.
Пнинъ, 38.
Побѣдоносцевъ, 349.
Погодинъ, М. П., 47, 165, 173, 202, 215, 303.
Поджіо, 146.
Подлигайловъ, П. П., 29.
Подолинскій, А., 320.
Пожарскій, 167, *81*.
Полевой П., 165, 173, 196.
Полевой, П. П., 50.
Полежаевъ, А., 17, 346.
Полетика, В. Г., 254.
Полетики, 262.
Поливановъ, Л., 279.
Политковскій, 107.
Полозовъ, Н., 216.
Полуботко, П., 263, 264, 266, 304.
Поль, 318.
Понятовскій, 179.
Поповъ, 77.
Попъ, 151.
Потоцкій, 179.
Почобутъ, 173.
Пражевскій, *98*.
Прелеста, *19*.
Пржецлавскій, О. А., 45.
Пріамъ, 350, 356.
Прозоровскій, 59.
Прокоповичъ, О., 163, 297, 299.
Проперцій, 79, 132, 137, 138.
Пругавинъ, А. С., 31, 55.
Прудіусъ 257.
П., С., 150.
П., С. Д., 13, 14, 351.
П., С. Т., 357.
Poinsinet de Sivry, 133, 136.
Пупаревъ, А. Г., 35.
Путята, 45, 158, 159.
Путята, гр. Е., 349, 370.
Пушкинъ, А. С., 8, 12—14, 16, 17, 19, 24—26, 38, 40, 41, 45—50, 52, 54, 72, 83—85, 88—94, 126 128, 130—132, 143, 144, 147, 150 157, 165, 167, 170, 172, 173, 182, 187, 195, 199, 209, 215—218, 223, 224, 234, 239, 240, 245, 250, 257, 261, 268, 273—275, 279, 284—286, 288, 291, 292, 307, 308, 310, 311, 313, 314, 317, 320, 321, 328, 334, 335, 347, 351, 354—357, 361, 364—367, *96*.
Пушкинъ, Алексѣй, 117.
Пушкинъ, В. Л., 40, 127, 129—131, 140, 141, 357, 364, 368.
Пушкинъ, Левъ С. 90, 310, 334, 354.
Пущина, А. К. (дочь К. О. Рылѣева), 23, 27, 48, 108, 109, *112*, *114*.
Пущинъ, П. П., 51, 54, 92, 93, 96, 102, 147, 239, 240, 336.
Пущинъ, Н. И., 23.
Пыпинъ, А. Н., 48, 50, 173, 196, 271.
Пѣтуховъ, Е., 83.
Пятковскій, А. П., 173, 221.

P. R.

Радищевъ, А., 42, 195, 324.
Раевскіе, 317.
Раевскій, 292, 317.
Раевскій, В. О., 15, 17, 199, 346.
Раевскій, Н. М., 55, 317.
Разумовскій, К., 304.
Раиса, 194.
Раичъ, 349, 364.
Ракитинъ, П., 1—2.
Раковецкій, П., 172, 173.
Расинъ, 128, 132, 142, 144, 312.
Ратмиръ, 197.
Рафаэль, *50*.
Р—гъ, М., 342.
Репнинъ, кн., 66.
Риподели, *106*—*108*.
Рихтеръ, А. О. *103*.
Ріего, Рига, 150, 337.
Р., П., 272.
Робертсонъ, *16*.
Ровинскій, Д. А., 47.
Родзянка, 236, 325, 357.
Rogalski, L., 219, 220.
Рогволодъ, кн., 205.
Рогнѣда, 3, 4, 13, 92, 202—206, 240, 241, 351.
Родичевъ, О., 52.
Рожалинъ, 97, 239.

Рожновъ, 347.
Розальонъ-Сошальскій. 246.
Розенгеймъ, М. П., 61.
Розенъ, бар. А., 8, 43, 46.
Романецъ, 189, 190.
Романовъ. 99.
Романовы, 208.
Россети, 55.
Ростовцевъ, Я., 11, 44, 98—100, 368.
Рубанъ, 254, 307.
Рубеллій. 1, 154, 155.
Румянцевъ, Н. А. гр. 59.
Русланъ. 126.
Русова, С., 42.
Руссо, Ж. Ж.. 126, 128. 327.
Рутенбергъ. О. Н., 31.
Рылѣева, А. М.. 36, 58. 63, 66, 331, *91. 93, 115. 116.*
Рылѣева, А. О., 14, 16, *93, 99, 100, 116,*
Рылѣева (Р—ва), Н. М., 20, 21, 58, 102, 124, 331, 363, *9, 25. 91. 93, 99. 100. 106, 109 111.*
Рылѣевъ, А., 331.
Рылѣевъ. К. О.. passim.
Рылѣевъ. М. Н., 65.
Рылѣевъ. О. А., 57. 58. *99. 105. 115. 116.*
Рылѣевъ, Ѳома, 57.
Рылѣевы, 57.
Рындовскій. О.. 173.
Рѣзановъ, В. Н., 139, 325.
Рюрикъ, 165, 196, 197, 201, 202.
Р.. О., 173.

С. S. Σ.

С.. 351, 365, *40.*
С.,*** 368.
Саблинъ, М. В., 54.
Савицкая, В., 36, 66.
Савичъ, В. В., 36, 318.
Сагайдачный, П., 163, 175, 242.
Садовскій, 334.
Сазоновъ. 30.
Сантовъ, В. Н., 127, 130, 141, 310.
Сакенъ. *98.*
Сакулинъ, П., 43.
Саларевъ, 221.
Саліасъ-Турнемиръ. гр., 371.
Салтыковъ. гр. Н. П., *64.*
Салтыковъ, гр. С. П., *101—103.*
Самойловичъ, П., 252.
Сампсоній. Страннопріимецъ 228, 230.
Сарницкій. 170, 175.
Сафо, 72. 132—137, *28.*
Сафоновы, 68.
Сватиковъ, С., 31.
Свентославскій, 13.
Свиньинъ, П. П., 1, 92. 166, 196, 350. *94.*
Свистовъ, 144.
С—въ, *41.*
Свѣчинскій, П., 256.
Святополкъ, кн., 2, 186, 187, 245, 356.
Святополкъ Игоревичъ, кн., 2, 7, 12, 14, 44. 80. 167, 169, 184. *81.*
Σ. Δ.. 150.
Siewiński. L., 248, 249.
Селивановскій. С.. 3, 4.
Селимъ, 164.
Семевскій, В. Н., 19, 47. 52, 53, 55, 56, 64, 92, 95, 96, 100, 147, 200, 213, 294, 329, 335, 337.
Семевскій, М. Н., 43, 318, 356, 367
Семенова, К. С., 369.
Семеновъ, 337.
Sienkiewicz, K., 171.
Сенковскій, 175, 350, 356, 363.
Saint-Albin, De—, E. 249, 319.
Saintines, X. B., 309.
Сергѣевичъ, А. 54.
Сибиряковъ, 194.
Сигизмундъ, имп., *51.*
Сильтманъ, 296.
Сильчевскій, Д. Н., 34, 38.
Синовскій, В. В.. 40, 56, 91, 130, 165, 166.
Сиротининъ. А. Н., 36, 37, 39, 56, 175, 181.
Скирмунтъ. С., 51.
Скоропадскій, Н., 255.
Слабоумъ, 141, *37.*
Сладковскій, Р., 299, 300.
Слёпинъ, 89, 369, *96.*
Sliwiński. A., 174.
Смитъ, А., 76.
Смирнова, А. О., 48, 107.
Снегиревъ, И. М.. 191.
Сниткинъ, 347.
Снядецкій. 173, 337.
Соболевскій, 173.
Собѣскій, Янъ, 173.
Соколовъ, Я., 29.
Соловьевъ, Е. (Андреевичъ), 38.
Соловьевъ, Н. В., 357, 364.

Соломко 98.
Солопій, 255.
Солунниковъ, *108*.
Сомовъ. О. М., 32, 75, 79, 82—85, 92, 131, 132, 150, 165, 168, 219, 242, 256—258, 272, 337, 341, 350, 356, 358, 368, *102*, *103*.
Сопиковъ. 172.
Сосновскій, Т. А., 22.
Спасскій, Г. Н., 166, 167, 194, *103*.
Сперанскій, М. М., 49, 73, 255, 328, 344.
Срезневскій, Вс. И., 74, 83.
Срезневскій, И. И., 261, 271.
С., С. И., 338.
Сталь, 77.
Станиславъ-Августъ, король, 171.
Станкевичи, 68
Старовѣровъ, 119.
Сташицъ, С., 172.
Степановъ, 45.
Степановъ, А. Н., 182.
Столыпина, В. П., 3, 24, 330.
Стороженко, Н. И., 47.
Стрекаловъ, 59.
Строевъ, П. М., 45, 92, 167, 226, 247, 259.
Струве, Н., 347, 371.
Струсы, Братья—, 170, 175.
Суворинъ, А., 29, 34, 55, 216, 231.
Сумароковъ, 59, 111, 126, 136, 164, 211—215.
Сусанинъ, И., 3, 7, 216—218, 239, 245, 249, 351.
Суттофъ, 99.
Сухонинъ, С., 31, 37.
Сухоруковъ, В. Д., 167.
Сципіоны, 183.
Syrokomla, Wl., (Кондратовичъ), 319.

Т.

Т., 150.
Тамира, 164.
Тассъ, 143, 272, 338, 364.
Тацитъ, 126, 168.
Т—ва, Н. М., *33*, *35*.
Тверская, 31.
Тевяшева, А. М., *35*.
Тевяшева, М. М., 70.
Тевяшева, (Т-ва), Н. М., 69, 71, 72, 123, 124, *10*, *23*, *33*.
[Тевяшевъ] Александръ, *94*.
Тевяшевъ, М. А., 69, 70, 258.
Тевяшевы, 68, 70, 71.
Тейльсъ, А., 136.
Теленова, К. А. 369.
Тетеренко, 271.
Теплова, С., 6.
Тибуллъ, (Tibullus), 122, 123, 132, 137, 243, 360.
Тимирязевъ, О., 46, 65.
Тимковскій, 167.
Тирза, 272.
Тирсисъ, *39*.
Tyrthée, Тиртей 133, 150, 179, 180, 274—276.
Титовъ, А. А., 105.
Т., Н. М., 124.
Толстой, гр. Д. Н., 52.
Толстой, гр. С. Л., 53.
Толстой, гр. О., 76, 357.
Толстой, Я. Н., 132, 356, 357, 366.
Толь, гр. Е. Н. 55.
Толь, гр. К. Ф., 55.
Томилины, 68.
Торсонъ, К. Н., 76.
Трейеръ, 210.
Трембецкій, С., Trembecki, S., 171, 172, 177.
Tretiak, J. 173.
Тровичъ, 12.
Трофимовичъ, О., 163.
Троицкій, Д., 222.
Трубецкая, кн., 289.
Трубецкой, кн. С. Н., 42.
Трубецкой, кн. С. Н., (Troubeckoi, prince), 10, 85, 98, 100, 145, *97*.
Труфановъ, В. А., 347, *95*.
Т...р...ъ, Е., 223.
Т...тч...ва, Наталія, 165.
Туманская, С. Г. 354.
Туманскій, Вас. Ив., 48, 49, 80, 83, 92, 105, 131, 174, 261, 310, 311, 351, 354, 355, 357, 361, 364, 368.
Туманскій, Вл. Ив., 49.
Туманскій, О., 253, 254, 307.
Тургеневъ, А. И., 32, 76, 92, 273, 274, 295, 359.
Тургеневъ, Н. И., 50, 51, 76, 147, 337.
Тургеневъ, С. И., 199.
Тыртовъ, Е. (Т.р...ъ, Е.), 223—225.
Tudor Frere, 249.
Тюрень, маршалъ, 58.
Т., Я., 353.

У.

Уваровъ, гр., 47, 247, 301.
Угрюмовъ, 119.
Узбекъ, 188, 189.
Успенскій, М., 37.
Устиновъ, 79.
Ушманъ, Г., 17.

Ф. F.

Ф., 62, 109, 112, 141. *77. 78.*
Федоровъ, Б., 222.
Федоровъ, Б. М., *102—104.*
Федоровъ, Е. Я., 222.
Федька, *94.*
Фелица, 236.
Фелькнеръ, А. Н., 35, 66.
Фенелонъ, 61.
Фердусій, 296.
Филимоновъ, 236, 357, 364.
Филипповъ, *106, 107.*
Филиппъ Августъ, имп., *51.*
Фирсовъ, 24. 68.
Фирсъ. 141.
Фихте, 340.
Фишеръ, I., 194.
Фишеръ, К. А., 42.
Флоридовъ, А. А., 130, 142.
Флорина, 59.
Флюгель, 318.
Фокъ, М. М., 45, 105.
Фонвизинъ, Д. И., 128.
Фонвизинъ, М. А., 52, 146.
Фотій, архимандритъ, 271.
Францевъ, В. А., 172, 173.
Францъ, имп., 23, 142, *51.*
Фроловъ, *2, 13, 14. 21.*
Фроловъ, А., 3, 45.
Фроловъ, Н., 109.
Фуксъ, 15, 31.
Foulques, E. W., 320.
Фуше, *58.*

Х.

Х., Хр—ъ, 272.
Хвастонъ, 119.
Хвостовъ, гр. Д. И., 48, 75, 136, 141—144, 218, 330, 351, *2, 103*
Хемницеръ, 128.
Херасковъ, М. М., 59, 164, 197, 198, 201.
Хивря, 255.
Хлоя, 130, 356.
Хлыстовъ, 144.
Хмыровъ, М. Д., 44.
Хмѣльницкій, З. Б., 2, 24, 80, 105, 150, 163, 165, 218, 219, 220, 242, 245, 249, 251, 255, 257, 263, 265, 266, 269, 270, 291, 301, 306, 307, 320—322.
Хмѣльницкій, Ю., 255.
Ходаковскій, 172.
Хомяковъ, А. С., 51, 92, 173, 196, 199, 215, 216, 357, 364, 368.
Хр., А., 133.
Храбровъ, 119, *61. 66.*
Храповицкій, 59.
Христосъ, 344, *74, 75, 80.*
Хрущовъ, А. О., 226, 229, 230.
Худорба, 260, 264, *97.*

Ц.

Цебриковъ, Н. Р., 346.
Цертелевъ, кн. Н. А., 75, 84, 253, 255, 261, 269—271, *103.*
Цинтія, 79, 138.
Цицеронъ, 111, 329.

Ч.

Чаплинскій, 218, 219.
Чатамъ, лордъ, 151.
Чепа, А. Н., 254.
Чернова, Е. П., 331, 333.
Черновъ, К. П., 4, 11, 25, 33, 51, 227, 331—333. *98.*
Черновы, 332.
Чернышевы, графини, 273, 363.
Ческій, 357.
Чеславскій, Н. Б., *103. 104.*
Чужбинскій, 321.
Чуносовъ, А., 318.
Чупрына, (Котляревскій, А. А.), 7, 321.
Ciámpoli, D., 320.

Ш. Ch. Sch.

Шаликовъ, кн. П., 117, 131, 140, 256.
Шерлотта, 118, *61—63. 70—71.*
Шарлотта Васильевна, 92.
Шамиссо, А. (Adelbert von Chamisso), 318, 319.
Шафонскій, 254.

Шахматова, Е. А., 26.
Шахматовъ, А. А., 26.
Шаховской. кн. А., 44. 216, 256. 257, 357, 369.
Шаховской, кн., Я. П., 226, 227.
Шевченко, Т. Г., 262, 316.
Шевыревъ, 173.
Шекспиръ. 196, 338.
Шеллингъ, 340, 341.
Шенигъ, П. П., 45, 260, 332.
Шенрокъ, В. П., 257.
Шенье, А., 45.
Шереметевъ. Б. П., 231, 234.
Шидловскіе, 68.
Шидловскій, А. 245, 246.
Шиллеръ, (Schiller), 10, 77, 210, 211, 216, 312, 338, 340, 341, 350.
Шильдеръ, Н. К., 49—51, 56, 334, 336.
Ширай, 303.
Шихматовъ, кн., 141, 299, 300, *2.*
Шишковъ, А. С., 195, 240, 241, 245.
Шкляревскій, 245.
Шкляревскій, П., 187.
Шлегель. А., 341.
Шлегель, Фр., 340.
Шлецеръ, А. Л., 77, 201.
Шляпкинъ, И. А., 47, 49, 92, 167.
Шмидтъ, 30.
Шмурло, Е., 210.
Ш. П., 49.
Schneider, 12, 13.
Шницлеръ, 45.
Шолье, 130.
Штейнгель. бар. В. И., 50, 52, 102, 294.
Шубинскій, С., 51.
Шуваловъ, гр. А. П., *46, 74.*
Шуйскій, В., царь, 211, 212, 214, 215.
Шультцъ. 12.
Шумскій. 119.

Щ.

Щеголевъ, П. Е., 43, 52, 53, 55, 56, 98, 162, 294.
Щепкинъ-Ростовскій. 99.
Щукинъ. П. И., 49.

Э.

Эзопъ 144.
Эмилія. *31.*
Эминъ. 136.
Энгельгардтъ. Н., 38, 147.
Эминъ, 136.
Энгельгардтъ, Н. 38, 147.
Эрманъ, А., 318, 319.
Эспронседа, 55.
Эссенъ, А. М., (Рылѣева, А. М.). 58.
Эсхилъ, 338.

Ю.

Юдинъ, 128.
Южаковъ, Н., 46.
Юлія, 357.
Юнгъ (Йонгъ), 154.
Юнона Капитолійская. (Junon de Capitole), *50.*
Юсти, 67.
Юшковъ, 116.

Я. Ja.

Я., 272.
Яворскій, С., 299.
Я., Е., 336.
Языковъ, Д., 67, 76, 201.
Языковъ, Н. М., 15, 18, 82, 143, 147, 200, 246, 364. 366, 368.
Яковлевъ, 320, 347.
Якубовичъ. 99.
Якушкинъ, В. Е., 22, 23, 26, 29, 30. 32, 36, 47, 56, 108, 109. 142. 176, 178, 306, 336.
Якушкинъ, Е., (Я., Е.). 25, 328. 334, 336.
Якушкинъ, Н. Д., 52.
Я., М., 293.
Januszkiewicz, A., 171.
Я., П., 31.
Ярополкъ, 164, 204.

Ѳ.

Ѳ., Б., 316.
Ѳедотовъ, Б., 275, 276.
Ѳеминъ, 61.
Ѳемистоклъ, 19, 161.
Ѳирсъ. 1.
Ѳокинъ. В., *106—108.*
Ѳоминскій, О., 245.
Ѳоминъ, А. А., 51.
Ѳоминъ. Н. И., 9, 32, 199.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТР.

Предисловіе. . . . . III—V

Глава I. Обзоръ источниковъ и литературы. Произведенія, изданныя при жизни Рылѣева. Судьба сочиненій Рылѣева послѣ его смерти. Интересъ къ Рылѣеву въ 1850 — 60-хъ гг.: заграничныя и русскія изданія его сочиненій. Статьи и замѣтки о Рылѣевѣ, появлявшіяся съ конца 1860-хъ гг. до настоящаго времени . . . . . 1—56

Глава II. Біографическій очеркъ. Родъ Рылѣевыхъ. Дѣтскіе годы К. Ѳ. Рылѣева. Воспитаніе въ кадетскомъ корпусѣ. Первые литературные опыты. Заграничные походы. Жизнь въ Острогожскомъ уѣздѣ Воронежской губ. Женитьба. Переѣздъ въ Петербургъ. Участіе въ литературныхъ обществахъ и кружкахъ. Литературныя знакомства. Политическая дѣятельность Рылѣева. Участіе въ заговорѣ 14 декабря 1825 г. Заключеніе въ Петропавловской крѣпости. Судъ. Казнь. 57—107

Глава III. Ранніе литературные опыты. Неизданныя юношескія произведенія Рылѣева. Стихотворенія и статьи, приписываемыя ему. Корпусныя произведенія Рылѣева. Любовная лирика. Сатирическій элементъ въ его произведеніяхъ. Обращеніе къ гражданскимъ мотивамъ подъ вліяніемъ приподнятаго настроенія въ обществѣ и оживленія въ литературѣ. Сатира „Къ Временщику“ и другія произведенія, проникнутыя гражданскими идеями. . . . . 108—162

СТР.

Глава IV. „Думы“ Рылѣева. Историческіе сюжеты въ литературѣ до Рылѣева—въ произведеніяхъ ложноклассиковъ, сентименталистовъ и романтиковъ. Пріемы Рылѣева въ обращеніи съ историческимъ прошлымъ. Польская дума, какъ образецъ для думъ Рылѣева. Польско-русскія отношенія въ началѣ XIX в. Польскія симпатіи Рылѣева; отношеніе его къ Нѣмцевичу; переписка ихъ. „Śpiewy Historyczne“ Нѣмцевича и „Думы“ Рылѣева. Историческіе и литературные источники думъ. Отношеніе современниковъ къ думамъ. Подражанія. Переводы на иностранные языки. Н. П. Огаревъ о думахъ Рылѣева . . . . . 163—250

Глава V. Поэмы. Состояніе Малороссіи въ началѣ XIX в.: живыя историческія воспоминанія, оживленіе украинскаго общества. Интересъ къ Малороссіи въ русской литературѣ. Условія личной жизни Рылѣева, содѣйствовавшія обращенію его къ малорусскимъ сюжетамъ. Политическое настроеніе украинской интеллигенціи; отраженія его въ произведеніяхъ Рылѣева. Образы изъ народной поэзіи въ его поэмахъ. Вліяніе Байрона на обработку малорусскихъ сюжетовъ: другіе (историческіе и литературные) источники поэмъ Рылѣева. Отзывы современниковъ о „Наливайкѣ“ и „Войнаровскомъ“; переводъ этихъ поэмъ на иностранные языки. Вліяніе Рылѣева на разработку историческихъ сюжетовъ въ украинской литературѣ начала XIX в. . . . . 251—322

Глава VI. Мелкія произведенія 1823 — 1826 гг. Гражданскія оды Рылѣева; другія его стихотворенія съ гражданскими мотивами. Статья „Нѣсколько мыслей о поэзіи“. Отрывки, писанные въ крѣпости. . . . 323—346

Глава VII. Изданіе альманаха „Полярная Звѣзда“. Выходъ въ свѣтъ первыхъ книжекъ „Полярной Звѣзды“: отношеніе къ нимъ современниковъ: рецензіи въ журналахъ, отзывы частныхъ лицъ. „Звѣздочка“ на 1826 г. Подражанія альманаху А. Бестужева и Рылѣева. „Полярная Звѣзда“ А. И. Герцена и Н. П. Огарева (1855 — 1861 гг.). „Полярная Звѣзда“ П. Струве (1905 — 1906 гг.). . . . . 347—371

ПРИЛОЖЕНІЯ.

стр.

I. Стихотворенія . . . . . 1— 45
II. Прозаическія статьи . . . . . 46— 76
III. Произведенія, приписываемыя Рылѣеву . . . . . 77— 90
IV. Письма и документы . . . . . 91—117

Указатель упоминаемыхъ въ книгѣ произведеній Рылѣева. 119—123
Указатель личныхъ именъ . . . . . 124—138
Оглавленіе . . . . . 139—141
Опечатки . . . . . 143—144

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

а) Въ текстѣ.

Стран.:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
1	4—5 сверху	заграничныя изданія	заграничныя и русскія изданія
26	20 и 31 снизу	А. И. Ивановскій	А. А. Ивановскій
37	6 „	Krauschar	Kraushar
40	7—8 сверху	В. Л. Пушкину	Л. С. Пушкину
46	8 снизу	Нарышкиной	Нарышкина
47	11 сверху	Падурѣ	Падуррѣ
48	5 снизу	VI т.	IV т.
49	3 сверху	П. В. Дивовъ	П. Г. Дивовъ
53	2 снизу	wie	wiek,
57	9 „	Денисьева	Денисова
72	11 сверху	интерисовало	интересовало
85	1 снизу	2) *Балшкій*	3) *Балшкій*
86	2 сверху	людей	дѣтей
87	10 снизу	искренне	искренно
100	3 „	событіяхъ	событіяхъ
109	7 „	объ его	о его
115	14 „	икуйте	ликуйте
118	1 „	2) Ibid., стр.	2) Приложенія, стр.
124	23 „	Тевашевой	Тевяшевой
„	22 „	на предложеніе ея	„Н. М. Т-вой, на предложеніе ея
„	19 „	25, 37—40; Ефр.[1]	25, 33, 37—40; Ефр.[2]
127	6 „	передъ	предъ
132	9 сверху	русскимъ	французскимъ
140	10 „	Увлеченія	Увлеченіе
144	11 снизу	впрямъ	впрямь
166	12 „	Синовскаго	Сиповскаго
167	9 сверху	воображеніемъ за: ними	воображеніемъ; за ними
„	„ „	всколзь	вскользь

Стран.:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
167	20 снизу	18 1	1811
170	19 „	spiewanie, spie-	śpiewanie, śpie-
171	2 сверху	*sumtne*	*smutne*
„	12 снизу	Mikolay	Mykołay
178	6 „	А. И. Ивановскаго	А. А. Ивановскаго
208	1 „	Библіотека	Библіотека
213	19 сверху	выдѣли	видѣли
225	15 „	колекціи	коллекціи
„	19 „	Ботова	Батово
234	19 „	sois	soit
250	13 „	сжившійся	сжившейся
„	15 „	добывался	добивался
„	19 „	хота	хотя
251	10 „	о „Войнаровскомъ“ и „Наливайкѣ“	о „Наливайкѣ“ и „Войнаровскомъ“
255	2 снизу	любочныхъ	лубочныхъ
260	20 „	Шеннигъ	Шенигъ
306	15 сверху	А. И. Ивановскаго	А. А. Ивановскаго
319	11 снизу	м.	см.
320	2 „	18 8	1828
335	11 сверху	они	онѣ

Послѣ 237 стр. слѣдуетъ неправильная нумерація страницъ 338, 339 вм. 238, 239.

b) Въ Приложеніяхъ.

5	5 сверху	гладъ	глазъ
101	5 снизу	Предсѣдается	Предсѣдателя
102	6 „	Булгаринъ	Булгаринъ.

PG 3360 R8Z77
Maslov, Vasilii Ivanovich
Literaturnaia dieiatel'nost'
K.F. Rylieeva

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY